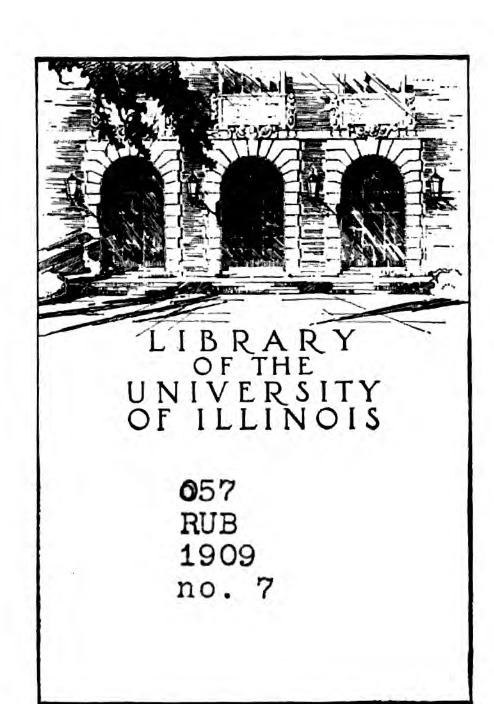

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

ІЮЛЬ. 1909.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 7.

СОДЕРЖАНІЕ:

IЮЛЬ. 1909.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

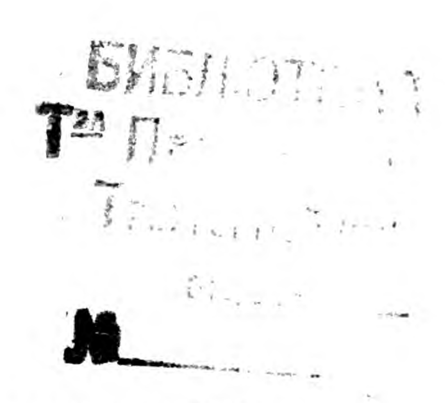
№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1909.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

У ТЕПЛАГО МОРЯ.

Непривѣтливо встрѣчалъ больныхъ Севастополь.

Было слякотно. Моросилъ холодный дождь, бѣловатая липкая грязь блестѣла на улицахъ. Море лежало некрасивое, сѣрое, съ бѣлыми гребнями на бушующихъ волнахъ. Все время въ пути до Севастополя,—болѣе двухъ сутокъ,—Михаила Павловича преслѣдовала непогода. На вагонное окно то брызгали косыя, мелкія капли, то,—ручьями стекая,—ложились крупныя. Но стекло неизмѣнно оставалось мокрымъ. Отъ сырости и утомленья не утихала ноющая боль гдѣ-то возлѣ лѣвой лопатки. Временами отраженно переходила на правую сторону, точно заболѣвало уже и правое легкое. Избытокъ влаги въ воздухѣ затруднялъ дыханіе. Неудобно было измѣрять температуру тѣла, но знобкій холодокъ повторно пробѣгалъ по спинѣ, какъ во время жара. О переѣздѣ въ Ялту по бурному морю нечего было и думать. Дождь и короткій октябрьскій день не позволяли выѣхать изъ Севастополя сегодня. Оставалось одно—ждать до завтра.

Третій годъ похварывалъ Михаилъ Павловичъ и еще не привыкъ къ положенію больного. До сихъ поръ смотрѣлъ на болѣзнь, какъ на случайность, которая должна такъ же незамѣтно миновать, какъ приключилась. Тогда это произошло случайно до нелѣпости. Погромъ еврейскій былъ въ городѣ послѣ 17-го октября. Михаилъ Павловичъ шелъ домой изъ гимназіи. Тѣснилась толпа, шумѣли, кто-то свисталъ и гикалъ впереди. Сразу нельзя было разобрать, въ чемъ дѣло. Лишь на главной, торговой улицѣ онъ понялъ, что громятъ магазины. При немъ начали грабить часовщика Бережинскаго. Дочь его, гимназистка, ученица Михаила Павловича, тоже возвращалась изъ гимназіи. Завидѣла учителя и бросилась къ нему:—„Михаилъ Павловичъ! Михаилъ Павловичъ! Скажите вы имъ“... Дальше онъ плохо помнилъ. Кажется, пытался остановить грабежъ. Кричалъ: „Православные!“ Или что-то въ этомъ родѣ. Потомъ стрѣляли... А

очнулся онъ дома на своей постели. Пуля прошла черезъ лѣвое легкое; послѣ того и началъ болѣть. Сперва, пока лежалъ раненый, звѣрски хотѣлось жить. Жить—во что бы ни обошлось! Какой бы то ни было жизнью! Даже съ уступками. Съ большими, большими... Пусть будетъ болѣзнь, терзанья, несправедливости, но не конецъ, не уничтоженье. Краски жизни рисовались такими яркими, такъ влекли къ себѣ. Страшно цѣнилась самая возможность дышать, думать, смѣяться, плакать, любить... Просыпаться съ утра, умывать себя, ѣсть, пить, двигаться. Видѣть солнце и зелень деревьевъ. Море, рѣчку, синее небо, хотя бы пески, камни, туманы... все, что ни встрѣтится на пути. И люди представлялись глубокими, интересными. Точно каждый былъ оригиналенъ на свой ладъ. Носилъ въ себѣ нѣчто, достойное вниманія, за что можно было полюбить, а по меньшей мѣрѣ—простить, снизойти, найти оправданіе...

Но все это рухнуло, едва началось выздоровленье. Вмѣсто радостей бытія надвинулось безпросвѣтное уныніе. Правда, время наступило нудное. Жизнь входила въ старые берега. Въ старыхъ же рамкахъ и раньше тѣсно жилось до ущемленья. Но тогда жили, какъ по инерціи. Тогда многіе сомнѣвались даже въ возможности близкаго возрожденья. А теперь оно,—это близкое возрожденье,—реально и ослѣпительно сверкнуло впереди. Сверкнуло, поманило и... исчезло, не оставивъ слѣда обновленности. Михаила Павловича совершенно вышибло изъ колеи. Онъ растерялся, притихъ въ недоумѣніи. Спрашивалъ у себя: опять, значитъ, уроки, циркуляры, педагогическіе совѣты, отмѣтки, экзамены... и только? И ничего иного? Отвѣта не было. Никакъ не хотѣла налаживаться жизнь. Ни по старому, ни по новому. Одолѣвало уныніе, преслѣдовало покаянное подозрѣніе, будто онъ, лично онъ, Михаилъ Павловичъ, виновенъ въ крушеніи, не умѣлъ разумно дѣйствовать, чего-то не предусмотрѣлъ, въ чемъ-то просчитался...

Минулъ годъ, другой. Жизнь проходила,—несуразная, колеблющаяся, нестройная,—а Михаилъ Павловичъ стоялъ на распутьи, кашлялъ, недомогалъ, не зналъ, чего ждать, что дѣлать. Часто казалось ему, будто вышвырнули его въ воду за бортъ, и онъ тонетъ, и не можетъ утонуть... Въ августѣ схватилъ плевритъ, появились кровохарканья, къ осени совсѣмъ стало скверно. Онъ испугался, возобновилъ лѣченье. И вотъ убѣгалъ отъ зимняго холода въ Ялту теперь и опасливо боялся сквозняковъ въ вагонѣ.

Скучно тянулся день въ нетопленномъ номерѣ. Протопить къ вечеру печку коридорный согласился не иначе, какъ за особую доплату. Сезонъ, пока, называли лѣтнимъ. Топить по зимнему начинали лишь въ ноябрѣ, послѣ перваго. Номеръ попался хмурый, съ чахлымъ садикомъ за окнами. Вѣрно, многіе изъ путешествующихъ больныхъ вспоминали здѣсь о своемъ одиночествѣ, о затерянности и заброшенности среди остальныхъ, болѣе здоровыхъ. Вспомнилъ и Михаилъ Павловичъ. Медленно, будто нехотя, нагрѣвался въ номерѣ воздухъ отъ разгорѣвшейся печки. На дворѣ сыпался густой, безшумный дождь, тоскливо было и неуютно. Обѣдъ принесли невкусный, салфетка отдавала запахомъ мыла, жиръ застывалъ на блюдѣ возлѣ жаренаго мяса. Послѣ обѣда пришелъ швейцаръ отеля, съ барственнымъ видомъ и осанкой, огромнаго роста, щеголеватый, съ польскимъ произношеніемъ русскихъ словъ, весь — съ головы до подошвъ, несмотря на свою барственность, олицетворенная предупредительность, живая готовность услужить. Явился узнать, не угодно ли отправиться въ Ялту завтра съ утра въ коляскѣ съ попутчиками: дама съ дочерью. Помѣщица, госпожа Зивертъ. Четвертыя сутки дождь пережидаютъ, завтра хотятъ ѣхать, хотя бы и подъ дождемъ. Но безъ мужчины—однѣ — боятся. Михаилъ Павловичъ согласился сейчасъ же.

Вечеромъ шумѣлъ на столѣ томпаковый самоваръ. Тускло освѣщали номеръ двѣ свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ. Дождь все не утихалъ, затяжной, густой, зловѣще-тихій... Опять давило докучное сознаніе затерянности и обиды. Не спалось и не думалось. Хотѣлось не то выплакаться, не то долго и обидчиво жаловаться кому-то близкому, понимающему на что-то слѣпое, жестокое, безразлично-неумолимое въ тупой жестокости...

Коляску подали рано, еще въ полусвѣтѣ ненастнаго дня. Дождь шелъ и сегодня, но болѣе рѣдкій и мелкій, какъ водяная пыль. Михаилу Павловичу сказали, что спутницы скоро будутъ готовы. Онъ поторопился и сошелъ внизъ первымъ. Позади закрытой коляски кучеръ съ носильщиками привязывали веревкой и укрывали брезентомъ гору всякаго багажа. Сундуки, чемоданы, плетеныя корзины, сакъ-вояжи, полированныя дорожныя коробки, квадратныя и круглыя. Михаилъ Павловичъ занялъ менѣе удобное мѣсто, спиной къ лошадямъ. Едва онъ сѣлъ, какъ величественный швейцаръ, безъ фуражки на головѣ, выскочилъ на улицу, настежь распахнувъ двери отеля. Топотъ ногъ и звуки сдерживаемыхъ голосовъ неслись съ лѣстницы. Сносили что-то или громоздкое, или цѣнное.

— Легче! легче!—негромко, заботливо и повелительно говорилъ швейцаръ у дверей. Онъ двигалъ приподнятыми руками, будто дирижируя невидимымъ оркестромъ.—Не наклоняй! Право, право... Держи право, безъ наклона. Еще, еще... легче. Готово.

Мелькнула группа людей подъ навѣсомъ подъѣзда, что-то опустили на землю. И къ коляскѣ подкатили дорогое раздвижное кресло, изъ тѣхъ, въ какихъ возятъ больныхъ ногами. Въ немъ сидѣла дѣвушка, почти дѣвочка на видъ. Швейцаръ легко и ловко, какъ былинку, приподнялъ ее съ кресла и такъ же ловко и легко въ одинъ мигъ усадилъ въ экипажъ, даже не задѣвъ Михаила Павловича. Подали теплый пледъ, пушистый, зеленый съ синею клѣткой. Швейцаръ плотно укрывалъ ноги дѣвушки, стараясь не оставить ни одной щели, куда могъ бы попасть холодный воздухъ.

— Благодарю,—сказала больная ласково. У нея былъ обыденно-спокойный видъ, точно она самымъ обычнымъ образомъ сошла съ лѣстницы.—Кресло мое, Августинъ, не забудьте.

— Увяжемъ... Эй! Развяжи брезентъ. Туда вонъ, сбоку. Чтобы не подмочило.

Дѣвушка оправила на себѣ рукава клѣтчатаго англійскаго пальто, переколола булавки въ зеленоватой тирольской шляпѣ и спросила у Михаила Павловича:

— Не сердитесь? Мы заставляемъ васъ ждать. У насъ такое множество клади. И мама пока расплатится со всѣми...

— Пожалуйста. Еще рано. Поспѣемъ.

У нея было ярко-розовое, вѣрнѣе—красноватое, веснущчатое лицо. Довольно густые, рыже-каштановые волосы она заплетала въ двѣ косы съ темнозелеными ленточками. Это дѣлало ее похожей на подростка. Но въ блестящихъ, сѣрыхъ глазахъ ровнымъ сіяніемъ свѣтилось что-то, присущее только взрослымъ, даже пожилымъ. Не то утомленность, не то разсудительность, уравновѣшенная, неспособная къ порыву. И много выносливости, терпѣливой и сдержанной, доходящей до пренебрежительности къ страданію.

Становилось какъ-то не по себѣ отъ остраго сверканія ея незлыхъ, но излишне-проницательныхъ глазъ. А тонъ голоса былъ негромкій, ласковый, корректно-участливый и будто снисходящій.

— Лѣчиться въ Ялту?—спросила она съ увѣренностью, что не ошибается.—На зиму, какъ и мы? Непріятно это, болѣть. Ну, да вы скоро поправитесь.

И, запримѣтивъ мгновенную полу-улыбку Михаила Павловича, подтвердила:

— Поправитесь, и скоро. У меня глазъ мѣткій. Сколько

больныхъ перевидѣла. Всю жизнь, какъ зима, такъ въ Ялту. Даже врачи знакомые моему нюху на этотъ счетъ вѣрятъ. Ни разу не ошиблась. И вамъ говорю: вы не опасный...

— Вашими бы устами...

— Что у васъ? Легкое? Одно только? Ну... полбѣды еще. Лихорадитъ? Кровью кашляли? А желудокъ ничего? Выкарабкаетесь. Зарубцуется. Лишь бы желудокъ и сердце не измѣняли. Важно захватить во время. Пройдетъ и быльемъ станетъ. У меня, вонъ, обѣ ноги туберкулезныя. Годъ на костыляхъ хожу, другой—въ креслѣ возятъ. Только и разнообразія. Тутъ труднѣе помочь. Ни операціи, ни лѣкарства, ничто не пособляетъ.

Не было ни тѣни жалобы въ ея тонѣ. Говорила она спокойно, какъ о чемъ то болѣе, чѣмъ привычномъ.

— Въ первый разъ въ Ялтѣ?—продолжала она тѣмъ же тономъ, но уже о другомъ.—Ни разу моря не видѣли? Это хорошо. Интересно будетъ для васъ, на первыхъ порахъ. А я не люблю ни моря, ни Ялты: надоѣло. Море—грусть нагоняетъ, когда поживешь надъ нимъ долго. И Ялта—грустная, фатально-грустная. Сколько скучено страданья въ одномъ мѣстѣ. Препротивный городъ. Насыщенъ флюидами горя, умиранія, тоски, одиночества. Знаете, иногда смотришь на Ялту вечеромъ... Когда на горахъ зажигаются огни, это красиво. Будто свѣтляки подымаются вверхъ вереницею. Группируются, разбѣгаются... А дачи стоятъ молчаливыя... и кажутся полными страданья, скрытаго, спрятаннаго. Глядишь и думаешь: сколько въ этой темнотѣ горечи, боли, невыплаканныхъ слезъ. О! Ялта—особенно грустный городъ. И особенно зимою. Вы приготовьтесь. Лѣтомъ тамъ развлекаются. Зимою—только грустятъ, или страдаютъ. Ничего другого не встрѣтите. Мы пробовали за границу ѣздить, еще хуже. Больше удобствъ, а народъ чужой, черствый... Сюда, по крайней мѣрѣ, какъ домой ѣдешь. Какъ къ себѣ въ деревню. А вотъ и мама. Наконецъ-то!

Высокая, стройная, полная въ бедрахъ женщина, тоже рыжеватая шатенка, въ черной лѣтней жакеткѣ и плиссированной черной юбкѣ,—расплачивалась у подъѣзда съ носильщиками. Тѣ низко кланялись. Черная шляпа,—вся въ круто-завитыхъ страусовыхъ перьяхъ, съ громадно-модными полями,—то наклонялась къ ридикюлю, то поднималась кверху, открывая лицо. Оно было еще красивое, неоплывшее, съ тонкими, черными бровями, съ густыми, темнѣющими издали, рѣсницами. Лицо—безъ румянца, но съ матовой бѣлизной, какая бываетъ у рыжеватыхъ.

Швейцаръ, по прежнему безъ фуражки, съ большимъ достоинствомъ получилъ свою мзду. Почтительно поклонился

и послѣ подсаживалъ даму въ коляску съ такимъ усердіемъ, словно готовъ былъ и ее поднять на рукахъ, какъ ея дочь.

— Позвольте, что же это?—спохватилась дама, уже сидя противъ Михаила Павловича.—Мы лучшія мѣста заняли?

— Ничего, ничего,—заспѣшилъ отвѣтить Михаилъ Павловичъ.—Не безпокойтесь, мнѣ отлично.

— А что спиной къ лошадямъ? Васъ не стѣсняетъ?

— Ничуть.

— Смотрите. Не то я могу сѣсть, для меня все равно. Я вѣдь здоровая. Лучше мнѣ тамъ сѣсть? А?

— Да что вы!..—Михаилъ Павловичъ смутился.—И для меня ровно ничего не значитъ. Мнѣ превосходно.

— Ну, какъ хотите,—благодушно, словно старому знакомому, сказала она.—До свиданья, Августинъ. До весны. Тогда телеграмму пришлемъ, приготовить наши комнаты.

— Слушаю, сударыня. Будетъ готово. Счастливой дороги.

Швейцаръ закрылъ дверцу.

— Трогай! Съ Богомъ.

Ландо покачнулось и мягко двинулось по свѣтлой уличной грязи.

— Фф-фу! — вздохнула старшая изъ спутницъ, будто покончивъ съ безпокойными обязанностями.—Тебѣ удобно, Марочка? Не дуетъ? Сидѣть хорошо?—Голосъ у нея былъ грудной, съ интонаціей не то добродушія, не то легкомыслія. Такъ говорятъ взрослые, когда ребячатся.—Ффу!—еще разъ вздохнула она и откинулась въ глубь экипажа, втягивая въ себя воздухъ, набираясь силъ. Потомъ, съ веселой, отчасти даже шаловливой миной, полувопросительно кинула Михаилу Павловичу:

— Ну-съ? Давайте знакомиться? Цѣлый день ѣхать вмѣстѣ. Темнѣетъ рано, въ Ялтѣ ночью будемъ. Я—Зивертъ, Александра Сергѣевна. Моя дочь, Марочка. Марья Николаевна иначе.

Михаилъ Павловичъ переконфузился.

— Простите, это я долженъ былъ представиться. Дробязгинъ, Михаилъ Павловичъ. Педагогъ, учитель исторіи.

— Педагогъ?—изумилась Александра Сергѣвна.—А я думала, писатель.

Удивился и Дробязгинъ.

— Писатель? Почему?

— Такъ. Вы на Чехова похожи. Правда, Марочка?

Марочка промолчала.

— А вы видѣли Чехова?—спросилъ Дробязгинъ.

— Сколько разъ. Въ Ялтѣ. На васъ былъ похожъ.

— То-есть, я на него?

— Ну, все равно.

Зивертъ разсмѣялась, показывая блестящіе, словно сдѣланные изъ фарфора, мелкіе зубы. При смѣхѣ ея казалось, будто зубовъ у нея больше, чѣмъ полагалось имѣть во рту. И будто открываетъ ихъ она всѣ, до зубовъ мудрости включительно. Вблизи она была лучше, чѣмъ издали. Скрашивала измѣнчивая игра лица. Вьющіеся волосы надъ лбомъ и вокругъ ушей блестѣли, какъ рыжеватое золото. Недурны были и черты лица. Вздернутый носъ, задорный, но не вульгарный, черные, близорукіе, немного выпуклые глаза, удивляющіеся изъ-подъ черныхъ рѣсницъ, какъ у цѣнной куклы, полныя, нѣсколько блѣдноватыя губы. Выхоленныя руки съ тонкими, красивой формы пальцами и миндалевидные, розовые ногти показывали, что она внимательно занята своею внѣшностью.

Посмѣявшись, она повторила:

— Очень похожи. Только вы моложе. Вамъ сколько? Вѣдь нѣтъ тридцати?

— Почти тридцать. Двадцать девять.

— Ну, вотъ. А ему за сорокъ было.

— Говорятъ,—сказалъ Дробязгинъ,—больные одной и той же болѣзнью имѣютъ сходство въ выраженіи лица. Такъ что хорошіе діагносты, опытные, по лицу опредѣляютъ иногда, кто чѣмъ боленъ.

— Видите?—усмѣхнулась Марочка.—А моему опыту не не повѣрили? Когда я говорила, что поправитесь скоро. Оттого, что я не врачъ?

— Да нѣтъ же. Я повѣрилъ.

— Если Марочка сказала, такъ и будетъ. Она прозорливая. И физіономистка. Людей—насквозь угадываетъ. Каждаго. Помнишь, Мара, какъ съ Нумизматикомъ? Мнѣ онъ показался смѣшны-ымъ! Какъ его фамилія! Нумизматикъ? Развѣ не смѣшно. Только у евреевъ и встрѣтишь такую фамилію. И самъ смѣшной съ виду. Этотъ его сюртукъ... какъ въ лапсердакѣ. А ты сказала: славный,—и оказалось, вѣрно. Подвижникъ какой то... Небожитель, а не человѣкъ. Теперь и я его оцѣнила.

— И то извиняешь, что не ухаживалъ за тобою?

Вопросъ былъ предложенъ съ безмѣрной снисходительностью. Будто Марочка во много разъ была старше матери.

Александра Сергѣевна засмѣялась звонкимъ дурашливымъ смѣхомъ, опять показывая маленькіе зубы, чуть не всѣ до единаго.

— Э, дитя мое... Этотъ грѣхъ не всегда внѣ прощенія.

Онъ не прощается, если я хочу, чтобы поухаживали. А Нумизматикъ? Мм... Нумизматикъ очень милый, но... безъ оборота на этотъ вопросъ. „Не до тего интересу, проше пани"... Помнишь, какъ говорилъ панъ Валицкій. Бардзо пшіемный чловѣкъ, але не до тего интересу, проше пани. Такъ и онъ... Ха-ха... Но серьезно, я рада, что мы опять съ Нумизматиками. Уже, вѣрно, пріѣхали. Или скоро будутъ.

— Они въ Ялтѣ. Съ конца сентября.

— Кто сказалъ?

— Маркъ Григорьевичъ писалъ мнѣ.

— Да?! А мнѣ ничего не сказала?

— Забыла. Не пришлось.

— Что же Вова? Лучше ему?

— Немного. На Рижскомъ побережьи были лѣтомъ.

— Идеальный отецъ,—сказала Дробязгину Александра Сергѣевна.—Прошлую зиму въ пансіонѣ нашемъ мы съ нимъ встрѣтились. Мальчикъ у него, лѣтъ восьми. Полуразслабленный... На почвѣ туберкулеза. Матери нѣтъ, но отецъ жизнь кладетъ на ребенка. Врачъ онъ, человѣкъ небогатый, безъ практики. Бѣднякъ, говоря по просту. Себѣ во всемъ отказываетъ. Не знаю, есть ли у него другое платье, кромѣ его сюртука знаменитаго. А сына, какъ принца какого нибудь, развозитъ по курортамъ. Чего Вовѣ ни захочется, все есть. И какъ онъ умудряется, понять не могу. Удивительный человѣкъ. Весь пансіонъ имъ интересовался. Теперь опять вмѣстѣ жить будемъ.

— А вы въ какомъ пансіонѣ въ Ялтѣ живете?—спросилъ Михаилъ Павловичъ.

— „Долина розъ"—называется. У Маргариты Осиповны. Надъ моремъ, садъ недурной. Розы безъ конца цвѣтутъ. Всю зиму. Дача отлично защищена отъ вѣтра. Мы уже сколько лѣтъ. Все въ одной и той же квартирѣ.

— А... дорого тамъ?

— Нельзя сказать. Мы платимъ...

Марочка быстро прервала мать.

— Тамъ на всѣ цѣны есть помѣщенія. Отъ большихъ до малыхъ. Докторъ Нумизматикъ тридцать за двѣ комнаты платилъ. Одна, положимъ, маленькая. Но другая—хорошая! А что! И вы хотѣли бы?

— Очень хотѣлъ бы. Но не могу платить дорого. Я столько наслушался о ялтинской дороговизнѣ...

Марочка отрицательно качнула головой.

— Нѣтъ. Теперь нѣтъ дороговизны. Зимой дешевѣетъ Ялта. Недорого можно устроиться. Мы съ мамой плохіе руководители. Сами живемъ въ ненужно-широкомъ масштабѣ. Но, если хотите, я васъ Марку Григорьевичу поручу, Ну-

мизматику. Тотъ умѣетъ. Онъ всякому готовъ услужить. А если я попрошу, тѣмъ болѣе.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ...

— Да за что? Вотъ еще. Заѣзжайте прямо къ Маргаритѣ. Посмотрите. У нея и посуточно можно. И кормитъ она не плохо. Вамъ вѣдь, вѣрно, усиленное питаніе нужно?

— Да.

— То-то... Теперь въ Ялтѣ тишина полная. Спи и ѣшь, никто не разбудитъ. Въ дни свободы тревожнѣе было. Тогда все кипѣло...

Александра Сергѣевна покусала полныя, блѣдноватыя губы и проговорила мечтательно:

— Ахъ, то было занятное время. Я сама такъ увлекалась движеніемъ...

Ласково - насмѣшливыя искорки замелькали въ блестящихъ глазахъ дочери.

— О, мама свирѣпо прониклась. Въ Алупку на митингъ пятнадцать верстъ скакала галопомъ. Едва татаринъ поспѣвалъ за нею. Безъ красной сальвіи бывало ни шагу на улицу. Я ужъ боялась... какъ бы не схватили. Да къ счастью, управляющій прислалъ письмо изъ деревни, что домъ грозятъ сжечь крестьяне, забастовку устроили, паркъ рубятъ... Что лимонныя деревья уничтожили въ теплицѣ... Ну, мама и поостыла. Вспылило помѣщичье сердце.

— Помѣщица не я, а ты, Мара,—не сердясь, поправила Александра Сергѣевна.—Твое, а не мое имѣніе.

— Но я же и не говорю, что ты за свои интересы обидѣлась? За мои—тоже. Помѣщичье сердце можетъ быть и въ беземельной груди. Но ты обидѣлась. И увлеченіе соскочило. Вотъ въ чемъ суть.

— Ну, что жъ? Увлекаюсь, легко увлекаюсь. Поддаюсь мунутѣ. Не буду и отпираться. Не умѣю, какъ ты, раздумывать—что, да какъ... Сколько я разныхъ увлеченій пережила. То одна полоса, то другая... и не жалѣю. Все-таки хоть подобіе жизни. Потомъ охладѣешь. Но пока-то еще... Пока поймешь, что не то. Не то, чего тебѣ надо. За то, вотъ, теперь обрѣла свое. Отъ этого ужъ не отступлю!

— Не отступишь? Отъ твоего индивидуализма, Муся? А когда мода пройдетъ?

— Ни во вѣкъ не отступлю. Пусть проходитъ.

— Да ты его, индивидуализмъ этотъ самый,—и толкуешь-то превратно.

— Превратно? Чѣмъ? Толкую, какъ всѣ. Какъ торжество личности надъ толпою. Полное, свободное проявленіе свободной личности. Во всемъ, во всемъ...

Александра Сергѣевна глянула мелькомъ на Дробязгина, будто хотѣла провѣрить впечатлѣніе отъ ея словъ.

— И не признавать ничего, кромѣ своего „я"?—съ легкой ироніей подсказала ей дочь.

— Всенепремѣнно. Бери, что хочешь, сколько хочешь и когда хочешь. Все твое, чѣмъ ты въ силахъ воспользоваться. Живи, какъ хочется, и все тутъ. Какое мнѣ дѣло, какъ на мои поступки смотрятъ другіе? Что мнѣ ихъ мораль? У меня—своя. Свои правила для поведенія. Для себя—я центръ міра. Остальное—второстепенное.

— Ого, Муся.

Марочка усмѣхалась, но чуть-чуть, какъ улыбаются, разговаривая съ дѣтьми, которые умничаютъ.

— Не вѣришь? Думаешь, временное? Какъ бывало раньше? Нѣтъ... Прежде ошибалась. Что-жъ изъ того? Въ дни свободы увлекалась движеніемъ? Правда. Митинги и все... занимательно было. Потомъ поняла, не то это. Государство и индивидуальная свобода—враги.

Она опять глянула на Дробязгина, и выпуклые глаза ея, затѣненные загнутыми рѣсницами, самолюбиво разгорѣлись.

— Чѣмъ свободнѣе народъ, тѣмъ меньше свободы у отдѣльныхъ единицъ. Благодарю покорно. Не лучше ли мнѣ самой быть посвободнѣе, чѣмъ завоевывать свободу другимъ? Да еще такимъ, которые и понять-то не въ состояніи, что значитъ свобода?

— А свобода, Муся, прежде всего въ области пола?

— Въ области пола тоже, конечно, и даже прежде всего. Аскетизмъ, отреченіе... есть ли что нелѣпѣй? Неограниченный расцвѣтъ избытка силъ — вотъ счастье! Ни въ чемъ иномъ. Ну, скажите вы, только откровенно,—обратилась она къ Михаилу Павловичу,—есть ли человѣкъ, который не пожелалъ бы такой свободы? Это въ природѣ людей... здоровыхъ, конечно. Вѣдь такъ?

Дробязгинъ, въ смущеніи, пожалъ плечами.

— Не согласны?

— Не знаю, право.

— А, не знаете? Не хотите признаться... Кто отнѣкивается или умалчиваетъ,—лицемѣритъ!

— Муся!

— Понятно, лицемѣритъ. Изъ приличія. А что такое приличіе, какъ не лицемѣріе? Привитое воспитаніемъ, обязательное... Соблюденіе декорума, принадлежность хорошихъ манеръ... а на повѣрку—лицемѣріе. Оно вмѣсто узды выдумано. Но кто посильнѣе, преспокойно перешагнетъ черезъ узду... и будетъ жить по своему. Я хоть поздно, да поняла. Теперь мнѣ страшно жаль прошедшей молодости.

Отчего тогда не понимала? Сколько хорошаго, веселаго потеряно безъ возврата... Ужасно жалко!

Чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ выше и синѣе становилось небо. Поднимались и горы.

Изъ Севастополя выѣхали подъ мокрымъ туманомъ. Вскорѣ за плоскимъ городомъ пошли холмы. На нихъ засинѣли, расходясь и проясняясь, то струйки, то облака дымнаго тумана. Издали—будто дымились, пробуждаясь, горы. Темнѣли по скатамъ тощіе лѣса, шли извилистыя дороги. Дѣлалось яснѣе, но дождь еще висѣлъ въ воздухѣ и дали прятались въ густой мглѣ. Постепенно повышалось небо, все выше и выше были холмы. Дождя уже не было. Кучеръ открылъ верхъ коляски. Дышалось легко и пріятно, влажно-теплымъ, мягкимъ воздухомъ. Долго колесили горными дорогами среди наполовину безлистнаго, осенняго лѣса. Зеленѣли колоннами, увитые плющемъ, стволы деревьевъ, зеленѣлъ плющъ на облетѣвшихъ кустарникахъ. Миновали глинистую, размякшую отъ дождя татарскую деревушку съ распластанными бараньими тушами на крылечкахъ у домовъ. За Байдарскими воротами открылось море, серебристо-голубое, безкрайное. Свѣтило, почти жгло солнце. Не было и признака ни дождя, ни вѣтра.

— Господи, какъ хорошо! — едва не выкрикнулъ Дробязгинъ.

Спутницы его оставались равнодушными. Сдѣлали большую остановку въ гостиницѣ у Байдаръ. Марочка позвала Михаила Павловича пить чай у нихъ въ номерѣ. Изъ багажа достали ея кресло, и когда Дробязгинъ вошелъ къ спутницамъ, Марочка лежала въ креслѣ, удобно вытянувъ на плетеной подставкѣ ноги въ щегольскихъ мягкихъ ботинкахъ. Безъ шляпы и пальто, въ темно зеленомъ платьѣ на худощавомъ тѣлѣ, она казалась серьезнѣе и старше, чѣмъ въ экипажѣ. А Александра Сергѣевна, сбросивъ экстравагантную шляпу, приняла болѣе молодой обликъ. Она много говорила веселымъ, ребячливымъ тономъ, старалась походить на дѣвочку, въ своей бѣлой рубашкѣ съ голубыми мушками, щеголяла тонкой таліей, гибкостью движеній.

Безконечное количество печеній, хлѣбовъ, соленыхъ закусокъ и сластей доставала она къ чаю изъ дорожнаго вмѣстилища, обтянутаго кожей. Проворно разворачивала умѣлыми руками восковую оберточную бумагу, открывала откупоренныя раньше жестянки съ консервами, заполняла столъ

систематически-привычными движеніями. И тарелочки, и вилки, и салфетки—все было у нея въ запасѣ.

— Теперь не сезонъ, — щебетала она между дѣломъ, — нельзя здѣсь обѣдать. Нѣтъ свѣжихъ продуктовъ, Богъ знаетъ чѣмъ накормятъ. Въ сухомятку, съ однимъ чайкомъ обойтись придется. Вотъ—семга,—она аппетитно причмокнула языкомъ.—Ай, какая вкусная! Сардины, первый сортъ... Ливерная телячья... Свѣженькая, сама покупала. Ветчина малосольная. Цыплятушки, огурчики свѣженькіе... Телятина молочная. „Тпруська ты тпруська, бычекъ молодой, молодая ты говядинка!“ Страсбургскій пирожокъ... Жирный. Котлетки отбивныя, холодныя... Ухъ, какъ ѣсть хочется! Умру съ голода.

И втягивала въ себя воздухъ сквозь сжатые зубы, будто отъ избытка аппетита. Или дѣлала видъ, что глотаетъ слюнки, прищелкивала языкомъ, покачивала головою. Михаилъ Павловичъ, глядя на нее, чувствовалъ, что и ему дико ѣсть хочется.

За самоваромъ насыщались долго, съ разстановками. Марочка ѣла вяло, Александра Сергѣевна много и красиво, по гурмански смакуя, выбирая, что повкуснѣе. И все обильно запивала ароматнымъ, густо-золотистымъ виномъ. Говорила почти она одна, дурачилась все свободнѣй и больше, а на Михаила Павловича откровенно посматривала такими глазами, что онъ уже начиналъ смущаться. Марочка, видимо, привыкла къ этому тону матери, не придавала ему значенія, точно иначе и быть не могло.

Снова переносили Марочку въ креслѣ, потомъ поѣхали дальше.

Дорога шла теперь морскимъ берегомъ; Дробязгинъ залюбовался и весь ушелъ въ созерцаніе. Сталъ невпопадъ отвѣчать дамамъ, и тѣ замолчали. Справо сверкало море. Слѣва, на стражѣ съ сѣвера, стояли розовыя скалы, высокія, отвѣсныя. Тихо было въ воздухѣ, а море кипѣло, не утихая. Горы открывались то розовыя, то лиловыя съ дымящимися облаками. Изъ расщелинъ выступали корявыя, изуродованныя деревья, низкорослые кустарники. Плющъ разстилалъ на скалахъ зелено-матовыя пятна. Ближе къ югу зашумѣли горные ручьи, спадая съ высоты къ морю. Вечеръ спустился теплый, становилось пыльно. Мимо Алупки проѣхали въ полутьмѣ, когда зажигались въ домахъ вечерніе огни. Гдѣ-то, съ лѣвой стороны шоссе, звучала на пригоркѣ татарская пѣсня. Своеобразная, тягучая, заунывная... Всплыла луна и зазолотила мелкой рябью море. Марочка, откинувшись къ спинкѣ коляски, сидѣла молча. Молчала и Александра Сергѣевна. Но выходило какъ-то такъ, что колѣни ея то и дѣло

соприкасались съ ногами Дробязгина. Сперва онъ говорилъ себѣ—случайно; наконецъ, убѣдился, что умышленно. И сконфуженно отодвигался, подбирая свои ноги. При золотомъ, невѣрномъ свѣтѣ мѣсяца Дробязгину чудилось, будто Марочка улыбается въ глубинѣ коляски. Утомленно и иронически, однимъ уголкомъ рта. Это смущало его до злобности, заставляло отодвигать ноги въ сторону почти демонстративно. Понималъ онъ, что и Александра Сергѣевна можетъ надъ нимъ посмѣяться... Положеніе было глупое и смѣшное, несомнѣнно. Однако, боязнь пренебрежительной улыбки Марочки брала верхъ надъ другою боязнью Онъ уже пересталъ глядѣть на море и лишь думалъ: какъ глупо... И не зналъ, какъ держать себя. Пытался вглядѣться въ лицо Александры Сергѣевны. Но громадныя поля шляпы при наклоненной головѣ прятали лицо въ тѣни. Точно лица у нея не было...

Сдѣлали нѣсколько поворотовъ, и далеко, внизу подъ горами, заблестѣли, повиснувъ въ темномъ воздухѣ, ялтинскіе огни. Яркіе—бѣлые, и менѣе яркіе—желтоватые. Какъ лѣтомъ, шумѣли неосыпавшіяся деревья у дороги. Зелень ихъ представлялась при лунѣ густой, безъ желтизны, тоже лѣтней. Михаилу Павловичу стало тепло, даже жарко въ зимнемъ пальто на ватѣ. Иллюзія лѣта была полная. Хотя у самой Ялты посырѣло. Мягко застучали колеса по городскимъ улицамъ. Мелькнуло большое, бѣлое сооруженіе съ куполами, похожими на церковь. Еще немного, и въѣхали въ ворота. Здѣсь было совершенное лѣто, и лѣто тропическое. При свѣтѣ электрическихъ фонарей довольно долго ѣхали садомъ по мягкой, усыпанной гравіемъ дорогѣ. Блестѣли ярко-темной зеленью магноліи и лавры, свѣшивали свои длинныя иглы австралійскія сосны. Среди клумбъ съ цвѣтами росли пальмы и много цвѣтущихъ розъ. Тихо журчали фонтаны съ пеларгоніями вокругъ бассейновъ. Крупныя, какъ подсолнечники, хризантемы сторожили дорогу, склонивъ разноцвѣтныя головки.

Коляска остановилась возлѣ увитаго бѣлыми розами дома. Окна были освѣщены. Зивертовъ ждали.

Толпа прислуги съ радостными привѣтствіями окружила экипажъ. Невысокая, полная женщина въ темной накидкѣ и крошечномъ кэпи на головѣ шла съ веранды навстрѣчу.

— Добро пожаловать. Наконецъ-то. Что такъ долго?

— Маргарита Осиповна! Голубушка! Въ Севастополѣ дождь задержалъ...

Александра Сергѣевна бросилась въ объятья хозяйки. Слышались поцѣлуи, переговоры, восклицанія. Нѣсколько

рукъ развязывали брезентъ сзади экипажа. Черезъ минуту Марочку катили въ креслѣ по гравію къ ступенямъ дома.

— Маргарита Осиповна, — крикнула она съ веранды. — Нашему спутнику помѣщеніе, пожалуйста. На сутки, пока онъ устроится. Я у васъ обѣщала. Если есть, рядомъ съ Маркомъ Григорьевичемъ. Можно?

— О, да... Василій! Отвезите ландо и мосье въ третій корпусъ. Двадцатый номеръ, возлѣ доктора Нумизматика.

— Покойной ночи, Михаилъ Павловичъ,—громко добавила Марочка. — Завтра утромъ къ намъ на кофе. Сразу, какъ встанете. Слышите?

По привѣтливому тону Дробязгинъ понялъ, что она не смѣется надъ нимъ, не считаетъ виновнымъ въ поползновеніи затѣять флиртъ съ Александрой Сергѣевной. Облегченно, съ благодарностью, онъ отвѣтилъ, отъѣзжая:

— Спасибо, Марья Николаевна. До свиданья!

Утромъ сіяло ослѣпительное солнце. Вдали, за окномъ Михаила Павловича, переливалось зелеными волнами море. Передъ окномъ цвѣли яркія розы. Узкой дорожкой, обсаженной круглыми лаврами, лакей проводилъ Дробязгина къ дачѣ Зивертъ. Было до того тепло, что не хотѣлось вѣрить: неужели два дня назадъ гдѣ-то стояла слякотная осень, плакало вагонное окно, и острый, сырой холодъ врывался въ двери, когда проходилъ контролеръ?

На верандѣ у Зивертъ уже пили чай. У самовара, лицомъ къ садику, гомерически смѣялась Александра Сергѣевна. На ней былъ капотъ цвѣта бирюзы съ желтоватыми кружевами. Онъ оставлялъ обнаженной красивую бѣлую шею и открывалъ выше локтей руки. Зивертъ изнемогала отъ хохота. Перегнувшись впередъ, едва не падала съ кресла. Спиной къ дорожкѣ сидѣла на стулѣ хозяйка пансіона въ картузикѣ и въ темной накидкѣ, коротенькая, полная, съ сѣдиной въ волосахъ. Смѣялась и она, но не раскатисто, а точно давилась или кашляла.

Дробязгинъ поздоровался, пріостановившись у веранды.

Александра Сергѣевна едва перевела духъ отъ смѣха. Лицо ея побагровѣло, въ углахъ глазъ выступили морщинки, незамѣтныя въ спокойномъ состояніи.

— А, схимникъ? Здравствуйте!—выговорила, наконецъ, она и протянула голую руку.—Какой интересный. Вамъ къ лицу свѣтлое. Теперь вы лучше Чехова. Садитесь. Марочка сейчасъ. Она съ Нумизматикомъ. Свидѣтельствуютъ другъ другу уваженіе и преданность. Ахъ, да... Маргарита Осиповна, monsieur Дробязгинъ, нашъ спутникъ. Педагогъ, пуританинъ и... педантъ, должно быть. Вы—педантъ, Михаилъ Павловичъ? Нѣтъ? Не вѣрю. Очень васъ гимназистки боятся?

А обожаютъ? О, навѣрное. Ну, садитесь. Вамъ чего? Чаю? Какао? Кофе?

— Какао позвольте.

— Что же вамъ снилось? Море? Скалы? Или чайки? а? Гранитная скала? Неприступная, и вся закрытая плющемъ? Изъ скромности, или изъ лицемѣрія... Ну, что же? Скала? Или нѣтъ?

— Не помню. Кажется, я помѣшалъ вамъ? Вы такъ... смѣялись.

— Охъ!

Зивертъ махнула рукой и разсмѣялась снова.

— Маргарита Осиповна уморила! Все утро смѣшитъ. Анекдотами... да какими. Неистощимый запасъ. Каждый сезонъ новые. Такъ кàкъ? Ну, какъ, Маргарита Осиповна! Какъ это онъ? Нигдѣ... ха-ха... На такой подшивкѣ нигдѣ не снимешь въ приличномъ мѣстѣ? Въ прилич...? Ха-ха-ха... Ахъ, ха-ха-ха...

Стертое, какъ старая монета, лицо Маргариты стало сердитымъ. Она неодобрительно закачала головой. Но Зивертъ не остановили ея мины.

— Ха-ха-ха...

Александра Сергѣевна краснѣла отъ натуги.

Не скоро она утихла, и лишь тогда налила Михаилу Павловичу какао. Послѣ сложила вокругъ рта рупоромъ руки и кликнула:

— Марочка, ау! Иди скорѣ-ѣй! Михаилъ Павловичъ пришелъ! Жде-отъ!

— Идемъ,—отозвался изъ глубины дома голосъ Марочки.

— Такъ, говорите, новая массажистка лучше прошлогодней?—спросила Зивертъ у Маргариты, возвращаясь къ какому-то предшествовавшему разговору.

— Куда. Ничего подобнаго.

— Хотя я и тою была довольна.

— Та неучъ противъ этой. Та—русской школы, и руки у нея русскія. Грубыя руки. Ей не лицо, а спины, съ позволенія сказать, массировать. А mademaiselle Маршадъ—парижанка. Всѣ послѣдніе пріемы у нея въ ходу. Щипки, напримѣръ. Вотъ этакъ... Лѣтомъ у меня Спесивцева изъ Москвы въ розовой дачѣ была. Пріѣхала развалина-развалиной, руина. А Маршадъ ее въ два мѣсяца какъ подтянула. Узнать нельзя. Не та женщина. Изящная стала. Чудеса!

— Пришлите ко мнѣ ее, Маршадъ вашу. Посмотримъ. Двойного подбородка у меня нѣтъ, положимъ. Но въ сорокъ два года уже пора чудотворцевъ искать.

— Зачѣмъ говорить, сколько вамъ лѣтъ?—всполошилась

Маргарита.—Клянусь честью, нельзя дать и тридцати. Правда, monsieur? Ну, сколько бы вы дали madame Зиверть лѣтъ? По лицу, по фигурѣ?

— Лѣтъ?...—Михаилъ Павловичъ запнулся.—Лѣтъ тридцать, тридцать два,—отвѣтилъ онъ, подумавъ.

— Уу... поздно. Опоздали, схимникъ. Надо было не ждать вызова и самому это сказать. И не сегодня, а вчера. Теперь поздно. Моментъ упущенъ. Не воротишь.

Кресло Марочки беззвучно выдвинулось изъ комнаты. Его катилъ Нумизматикъ, поддерживая сзади. Въ пестрой блузѣ изъ кремоваго кретона въ красныхъ цвѣточкахъ, Марочка казалась сегодня лучше вчерашняго.

— Вотъ,—указала она на Нумизматика Михаилу Павловичу,—познакомьтесь. Я говорила Марку Григорьевичу. Онъ васъ устроитъ какъ можно дешевле.

Черный и подвижной, Нумизматикъ крѣпко пожималъ руку Дробязгина.

У Нумизматика былъ ярко-семитическій типъ, быстрыя и нервныя движенія. Выпяченныя губы на сухомъ лицѣ, курчавая черная бородка, короткіе, чуть тронутые сѣдиной, волосы, вьющіеся отъ самыхъ корней, точно крепированные. Слегка на выкатѣ, изжелта-каріе глаза, припухшія, тяжеловатыя вѣки, взъерошенныя брови... Нумизматикъ не былъ толстымъ, но уже полнѣлъ и начиналъ полнѣть съ живота, это дѣлало его фигуру нѣсколько забавной. Небольшого роста, съ узкими плечами, съ закругленно-сутулой спиной, весь онъ оставался въ памяти чернымъ. Темные волосы и борода, черная съ длиннымъ сюртукомъ сюртучная пара, поношенная, но еще приличная, черный галстухъ надъ высокимъ жилетомъ, даже запонки на рукавахъ рубахи—и тѣ черныя.

— Ну, я пошла, — поднялась со стула Маргарита. — Столько хлопотъ, столько работы. Съ утра до ночи. Какъ волъ. Клянусь честью. Эта прислуга—мое мученье. Жильцы требуютъ хорошихъ. А гдѣ ихъ наберешь, хорошихъ? Да еще зимою? Шантрапа подзаборная, рвань полосатая... а ты за нихъ въ отвѣтѣ. Пока его выдрессируешь, сколько намаешься. А онъ подучился и ушелъ. Въ отель куда-нибудь на лучшіе корма. Наказанье. Хотя бы сынъ съ невѣсткой или дочь со мною. Всѣ разбрелись. Одна душой, смѣнить некому. Сама и на базаръ съ поваромъ. И въ прачешной, и въ саду. Всюду. Сама у себя—министръ внутреннихъ дѣлъ. Съ утра до ночи, ни минуты покоя. Оревуаръ.

Маргарита скрылась за лаврами.

— Жохъ-дама, — произнесъ ей вслѣдъ Нумизматикъ и

обернулся къ Михаилу Павловичу.—Такъ вамъ нравится ваша комната? Хотите въ ней остаться?

— Нравится. Комнатка маленькая, но видно море. И эта особенная, подкупающая чистота. Нѣмецкая. Я остался бы...

— Bene. Такъ вы мнѣ поговорить съ Маргаритой поручите? Я знаю, какъ съ нею. За пятнадцать въ мѣсяцъ комнату вамъ сторгую. Теперь зима, не лѣто.

Нумизматикъ обладалъ крикливымъ, гортанно-взвизгивающимъ голосомъ. При разговорѣ усиленно жестикулировалъ, нервно суетился. Букву „р“ произносилъ не совсѣмъ чисто, но построеніе рѣчи было правильное

— Я вамъ оборудую. Итого весь пансіонъ рублей пятьдесятъ пять выйдетъ. Не дорого? Съ завтракомъ, съ молокомъ.

— Чудесно. Я разсчитывалъ дороже. Большое спасибо.

— Не за что.

— Вотъ и устроились,—улыбнулась Марочка.—Сосѣдями будемъ. Маркъ Григорьевичъ обстоятельный, ничего не забудетъ. Но гдѣ же Вова? Во-ва! Вовочка! Моими открытками увлекся. Во-ва? Иди сардинки кушать..

Легкими, какими-то особенно легкими шажками, не спѣша, вышелъ на веранду ребенокъ выдающейся красоты. Что-то обостренно-одухотворенное свѣтилось въ его лицѣ. Одинъ изъ тѣхъ дѣтей, при взглядѣ на которыхъ думаютъ: непрочный, не выживетъ долго. Приковывали къ себѣ глаза его, синіе, печально-вопросительные, вдумчивые, немножко какъ бы укоризненные. Темные локоны спускались на спину, окаймляли лицо. Матроскій костюмъ суроваго цвѣта съ темно-синимъ воротникомъ открывалъ шею, тонкую, нездоровую, съ просвѣчивающими жилками на изнѣженной кожѣ. Вдавленная грудь, слабыя ножки, бѣлыя съ синевой губы... И все же, онъ былъ очень красивъ, хотя и явноболѣзненной красотою.

— Марія Николаевна!—увлекаясь и съ придыханіемъ, заговорилъ онъ, но увидѣлъ Дробязгина и остановился.

Марочка познакомила ихъ, какъ равныхъ. И послѣ спросила.

— Хочешь, Вова, закусить?

— Благодарю. Я завтракалъ.

— А сардинку? Ты же любишь?

— Сардинку можно.

— И икра есть. Намазать икры?

Мальчикъ дружелюбно кивнулъ головой.

Марочка выбрала кусокъ булки побольше.

— Вотъ, кушай. А ты думалъ, яицъ предложу? Или какао? Я знаю, что тебѣ надоѣло.

— А къ морю пойдемъ?—кинулъ въ видѣ вопроса Вова. Въ скверъ? Хорошо? Тамъ дѣтей много, поиграть можно. Пойдете? Папа повезетъ кресло?

— А если папа не хочетъ везти?

— Хочетъ. Обѣщалъ утромъ. Сказалъ: если Марія Николаевна не устала.

— Ну, хорошо. И Михаилъ Павловичъ пойдетъ съ нами. Мы ему Ялту покажемъ.

Вова поглядѣлъ на Дробязгина вдумчиво, серьезно, чуть удивленно, приподнявъ кверху тоненькія, будто выведенныя кисточкой съ тушью, брови. Хотѣлъ спросить о чемъ-то, но не спросилъ.

Александра Сергѣевна отставила отъ себя блѣднорозовый букетъ французскихъ розъ и сказала Нумизматику:

— Но какъ Вова у васъ поправился. Не надивлюсь. На пользу Рижское побережье пошло.

Нумизматикъ попросилъ суевѣрно:

— Не сглазьте.

А Михаилъ Павловичъ въ недоумѣньи подумалъ: каковъ же онъ былъ до поправки?

— Боюсь накликать, — говорилъ Нумизматикъ. — Мальчишка окрѣпъ малость. Настолько, что этой зимой мы съ нимъ учиться будемъ. Систематически. По программѣ гимназіи. Онъ знаетъ гораздо больше, да безъ системы. Приведемъ въ порядокъ его познанія. По закону Божьему много пройти надо.

— По за-ко-ну?—откровенно изумилась Александра Сергѣевна.—Развѣ Вова... православный?

— Да,—коротко отвѣтилъ Нумизматикъ.

— Но вы же?..

— Я принялъ христіанство, когда женился. Мать Вовы была православная.

— Скажите... Я и не знала. Кстати... Она давно скончалась?

Нумизматикъ рѣзко всталъ съ мѣста.

— Ну-съ... я къ Маргаритѣ. Водворить Михаила Павловича попрочнѣе.

Онъ ушелъ спѣшной, нервной походкой.

Марочка выразительно глянула на мать. Та пожала лѣвымъ плечомъ, будто говоря: „я же не хотѣла сказать лишнее. Да и что плохого въ моемъ вопросѣ“?

Нумизматикъ поставилъ кресло Марочки въ концѣ чахлаго Александровскаго сквера, противъ ступеней, ведущихъ внизъ, къ морю. Михаилъ Павловичъ и Вова сѣли на скамейкѣ рядомъ.

Сезонъ догоралъ въ Ялтѣ. Еще игралъ днемъ и вечеромъ лѣтній оркестръ въ городскомъ саду. Еще сновали нарядныя дамы и на музыкѣ, и въ скверѣ надъ моремъ. Но ряды праздной публики рѣдѣли, день ото дня. На смѣну имъ прибывали тощія фигуры больныхъ, „зимовики"... Въ драповыхъ, а то и въ ватныхъ пальто сидѣли они у моря. Кутаясь въ кашнэ, выходили на воздухъ лишь когда не было вѣтра. И чѣмъ больше появлялось вторыхъ, и становилось меньше первыхъ, тѣмъ болѣе будничный видъ принималъ городъ. Исчезали разукрашенныя коляски съ извозчичьихъ стоянокъ, переставали наряжаться проводники въ обтянутые синіе костюмы офицерскаго покроя. Меньше шныряло газетчиковъ, продавцовъ фруктъ, персовъ и татаръ съ чадрами. Уличные мальчики съ испитыми, запечатлѣнными большимъ жизненнымъ опытомъ лицами не такъ назойливо навязывали виды Крыма. Пустѣли кондитерскія, менѣе старательно убирались витрины въ магазинахъ. Ухудшалось все, вплоть до гостиничныхъ обѣдовъ...

Дробязгинъ глядѣлъ на море. День стоялъ солнечный, безъ намека на вѣтеръ. Солнце жгло, поблескивало море. Горы возвышались ясныя, чуть лиловыя. Чайки ныряли, сушились на солнцѣ. Колесомъ ходили, купаясь, два дельфина недалеко отъ берега. Пролетѣла черной лентой надъ моремъ стая баклановъ, вытянутыхъ въ рядъ. Внезапно изогнули они свою ровную линію, составили треугольникъ и наново начали выстраиваться одинъ за другимъ, какъ нанизанные на нитку.

— Хорошо какъ!—вздохнулъ Михаилъ Павловичъ.

— Вамъ нравится?—спросила Марочка и тоже вздохнула.

— Погодите, надоѣстъ еще Ялта, будетъ казаться тѣсной, какъ мышеловка. Точно на днѣ чашки сидишь въ ней. И чашка то небольшая.

Нумизматикъ взглянулъ на часы.

— О, пора. Теперь покину васъ, господа. Часика на два съ половиною.

— На практику?—поинтересовался Михаилъ Павловичъ.

— Практика? Вы, конечно, подразумѣваете практику врача подъ этимъ словомъ? Наивный вы человѣкъ. Какая практика въ Ялтѣ у врача, который живетъ въ двухъ комнаткахъ? Кто бы здѣсь пошелъ къ нему лѣчиться? Не знаете вы еще, что такое Ялта. Хотите знать? Я вамъ скажу. Городъ богачей. Все разсчитано на богатыхъ и шалыхъ. На шалые вкусы, капризы. Ищущій труда здѣсь на положеніи нищаго. Возьму себя. Учился въ Кіевѣ, усердно учился. Подавалъ надежды, при университетѣ оставить хотѣли. Но обзавелся семьей, уѣхалъ на земскую службу. Шесть, почти

семь лѣтъ отзвонилъ земскимъ врачемъ. Въ деревнѣ. По восьми часовъ въ сутки работалъ! По всѣмъ отраслямъ... Имѣю я опытность, какъ вы думаете? Понимаю что-нибудь въ лѣченьи? Дуракъ—и тотъ научился бы при такой практикѣ. А между тѣмъ... знаете, чѣмъ существую въ Ялтѣ? Черной работой. Увѣряю васъ, черной медицинской работой. Впрыскиваньями промышляю, массажемъ... трудъ фельдшера, даже массажиста. Послѣ обѣда уроки даю. Ходятъ два юнца ко мнѣ, на аттестатъ зрѣлости готовятся. И тому весьма радъ, что удалось раздобыть. Хотѣлъ въ кабинетѣ изслѣдованій получить работу, не выгорѣло. Стѣсняются взять врача, немолодого. Зазорно. А мнѣ не зазорно. Я бы и въ дворники поступилъ... да не возьмутъ. Помилуйте. Какой же дворникъ съ университетскимъ дипломомъ? Однако, пора. Заболтался... До свиданья.

Вова пошелъ проводить отца изъ скверика.

Марочка тихо сказала о Нумизматикѣ:

— Всѣмъ онъ славный. Чуткій, добрый, но самолюбіе... болѣзненное. Весной чуть не разссорились мы. И изъ-за чего? Я осмѣлилась мѣсто ему предложить. Годичнаго врача у насъ съ мамой. Жалованье предлагала, хотѣла и его, и Вову увезти въ деревню. Такъ куда тебѣ! Обида. Благотворительность, говоритъ. Я еще могу прокормить и себя, и сына. У Александры Сергѣевны, говоритъ, здоровье—дай Богъ всякому. А вамъ, говоритъ, никакого врача постояннаго не надобно. Извѣстный режимъ между операціями—вотъ и все лѣченье. И какъ развелъ, какъ развелъ... до слезъ меня заговорилъ. А я очень рѣдко плачу, почти никогда. Или еще... Я Вовѣ очень симпатизирую. Удовольствіе хотѣла доставить. Подарила кодакъ. Мальчикъ въ восторгѣ былъ. Маркъ Григорьевичъ взбѣленился и вернулъ обратно. Дорогой слишкомъ подарокъ, нельзя принять. А для чего и деньги... если съ ними нельзя быть полезной, кому хочется?

Приближался Вова. Мѣняя разговоръ, Марочка указала на сѣверъ.

— Поглядите, какъ красиво спустились облака.

Было красиво и въ самомъ дѣлѣ. При ясномъ солнцѣ верхушки горъ стояли незакрытыя, а ниже ихъ, по горамъ, бѣлой цѣпью съ большими звеньями легли облака. Они съ особой рельефностью оттѣняли вершины, но затушевывали ту часть горъ, которую закрывали собою. И вершины, казалось, повисли въ воздухѣ, подбирались къ небу, уже не имѣя опоры на землѣ.

— Хочешь внизъ, Вовочка? На камни, къ берегу? Михаилъ Павловичъ сведетъ тебя?

— Нѣтъ, я возлѣ васъ посижу. Здѣсь хорошо тоже. Ма-

рія Николаевна... почему сегодня дѣтей нѣтъ? Никто не вышелъ...

— Разъѣзжаются уже, зима скоро. А вонъ двѣ дѣвочки, видишь? Идутъ съ матерью. Пойди къ нимъ.

— Эти не станутъ играть. Наряженныя, капризухи.

— Ты думаешь?

— Посмотрите сами.

— А правда. Не дѣвочки, а ломаки. Ты наблюдательный, Вова. И я маленькой также все подмѣчала. Болѣла долго. Лѣтъ до двѣнадцати нельзя было учиться. Много оставалось времени для наблюденій. Подмѣчу все, все—бывало.

— Болѣзнь не испортила вамъ характера,—сказалъ Дробязгинъ,—не озлобила васъ.

— Вы находите? Пожалуй. Хотя и уродъ, но не злобный. Не завистлива. О, не возражайте, прошу васъ. Конечно, уродъ, калѣка. Они, говорятъ, злы, завистливы. Дни скорби порождаютъ мысли злыя. Во мнѣ, благодареніе судьбѣ, не развилось это. Къ людямъ у меня не злобное, скорѣе теплое чувство. Какъ то никогда даже не сравниваю себя съ другими. Какое сравненіе? Они—норма, я—аномалія. Несоизмѣримыя величины.

Набѣжали тучи и заслонили солнце. Море измѣнило цвѣтъ, стало сине-зелено-темное. Горы заволокло туманомъ, нависла пасмурность. Но далеко въ морѣ, въ сторонѣ Алупки, виднѣлся золотисто-блестящій горизонтъ, тамъ свѣтило солнце. Оно засверкало ближе, опять подбираясь къ Ялтѣ. Освѣтило на горѣ кусокъ сосноваго лѣса, точно вырвало его изъ общей пасмурной картины, позолотило часть безлѣсной, зеленѣющей горы, заиграло пятнами на зеленыхъ газонахъ, на молодыхъ кипарисахъ Нижней Массандры, пробралось къ ущелью между горами. И все отдѣльными свѣтовыми пятнами, золотистыми, неравномѣрными бликами, перемѣшивая, какъ для забавы, свѣтъ и тѣни. Потомъ прорвалось сквозь облака, ярко и побѣдно залило свѣтомъ вдругъ поголубѣвшее море. Заблестѣло надъ городомъ, надъ золотыми куполами, надъ бѣлыми дачами и недвижимо-темными кипарисами, загорѣлось по скатамъ горъ, надъ лѣсами...

Маркъ Григорьевичъ возвратился не одинъ. Съ нимъ шелъ высокій, чуть не вдвое выше его, худой, тонконогій и тонкорукій человѣкъ, лѣтъ подъ сорокъ, съ впалой грудью и темно-русой бородкой подъ Наполеона третьяго. Вьющіеся волосы, густые и длинноватые, и большая, темная шляпа съ мягкими, капризно изогнутыми полями, напоминали не то художника, не то артиста. Онъ былъ въ легкомъ пальто черно-сѣраго цвѣта, широкомъ и мѣшковатомъ, на подобіе

халата. Ступалъ самоувѣренно, развязно. Глядя по сторонамъ на гуляющихъ, суживалъ и безъ того узкіе глаза, что придавало ему самонадѣянно-надменный видъ. Блѣдный цвѣтъ лица и худоба фигуры говорили о болѣзненности, но увѣренность походки и движеній на половину разрушали предположеніе о болѣзни.

— Батыга, Андрей Павловичъ,—назвалъ его Нумизматикъ.—Нежданно встрѣтилъ. Лѣтъ двѣнадцать не видались. Еле узнали другъ друга.

Пришедшій поздоровался съ Марочкой, послѣ—съ Дробязгинымъ и съ Вовой. Беззаботно и весело усмѣхались его бойкіе каріе глаза.

— Съ самаго университета не видались,—зарокоталъ онъ баритонно-басовымъ, глуховатымъ голосомъ съ акающимъ произношеніемъ.—Со второго, поди, курса? На третьемъ вѣдь я уже въ Москву перекочевалъ изъ Кіева. Онъ бы и не опозналъ меня, Маркуша... Моя память на лица выручила. Я—глядь, знакомое что-то. Будто Нумизматикъ, Маркуша, и не онъ будто? Сѣдина, борода, корпусъ не тотъ... Постарѣли мы, друже! И зѣло. А все кажется, будто старѣемъ не мы, а все остальное. Мы, будто, стоимъ, пока время проходитъ. Онъ былъ—какъ куликъ. Морскимъ коникомъ звали студенты. Теперь благоутробіе откуда-то взялося. Одна походка осталась прежняя, въ припрыжку. По ней и узналъ.

Батыга присѣлъ на скамьѣ, возлѣ Михаила Павловича.

— Твой дофинъ?—спросилъ онъ о Вовѣ.

— Мой.

— Не похожъ на родителя. Въ мамашу надо полагать, удался.

— А у тебя нѣтъ? Не обзавелся?

— У меня? Ффью!—издалъ ироническій полусвистъ Батыга.—Я бы сталъ обзаводиться эдакимъ грузомъ? Куда мнѣ съ нимъ? Какіе у перекати-поля побѣги? Не имамъ корене въ себѣ, друже. Никого у меня нѣтъ, на лицо весь, какъ видишь. Omnia mea... Этакъ лучше. Что, малецъ, лѣчишься?

— Лѣчусь,—отвѣтилъ Вова неохотно и пасмурно.

— И я, братъ, такожде. Швахъ наше дѣло, коли дошло до лѣченья.

Нумизматикъ съ укоризной сказалъ:

— Ты-то какъ дошелъ до болѣзни? Силища была на рѣдкость, мускулы стальные. Голіафомъ числился...

— Какъ дошелъ? Постепенно, друже. Natura non fecit saltum. Выпивахомъ изрядно... Хмѣль, золотая травка, не горюй голова. Была, говоришь, силища. Мало что было. Все

минуетъ, все вывѣтривается. Небо и земля мимо идетъ. Не то, что мы грѣшные. Кровью умывальники заливаю теперь. Собственной... Большой звѣрь, большая и рана.

— Гдѣ же живешь? Что дѣлаешь?

— Нынче изъ Питера прикатилъ. Слякотина тамъ, не приведи Богъ. Гниль, непогода. Тиснулъ въ журналѣ повѣстушку и удралъ на зимовку.

— Въ литераторахъ состоишь?—удивился Нумизматикъ.

— Собственно, безъ опредѣленной профессіи. Могу и по литературѣ. Еже писахъ, писахъ. Не отрекаюсь. На сценѣ бывалъ. Пѣлъ въ оперѣ. Звонко-голосый былъ пѣвунъ, баритонистый. За „Руслана“ во-какъ хлопали: „И струны вѣщія Баяна не бу-удутъ, не бу-удутъ га-а-ва-а-ри-и-ить о не-омъ!“ Оо-ой!—Батыга закашлялся и махнулъ рукою.—Не проходитъ. Что-что, но пѣніе никакъ. Былъ еще адвокатомъ. При московской палатѣ. Да чѣмъ не былъ. Медицины вѣдь не кончилъ, въ юристы перешелъ. И никогда не усердствовалъ. Нигдѣ, ни въ какой работѣ. Все—такъ себѣ, съ прохладцей. Лишь бы окупить существованіе бреннаго тѣла. Къ чему обременять эту благородную голову? Лучше лишними потребностями поступиться.

— Славянская неработоспособность сказалась?

— Почему неработоспособность? Если пожелаю, изъ меня во-какой работникъ. Не нахвалишься.

— Тѣмъ хуже.

— Хотѣть-то мнѣ не къ чему. Эта, достойная лучшей участи, голова всегда прокормитъ сіе длинное тѣло. Безъ особаго напряженія. Предпочитаю поберечь ее, какъ элементъ болѣе аристократическій. Ты, друже, впрочемъ, не поймешь этого. Ты—іудей. То есть, настойчивое стремленіе къ цѣли. Трудолюбіе неустанное, неусыпное, неисчерпаемое. Ты—муравей, я—стрекоза. Въ разныхъ плоскостяхъ мы съ тобою.

— Не пойму, это ты вѣрно. Привычка къ лѣни. Какая привычка хуже ея? Съ нею идетъ деградація личности, нищета... ничтожество. Человѣкъ не выполняетъ призванія своего...

— А кто тебѣ внушилъ, друже, что у человѣка есть призваніе? Гдѣ оно? Какое? Въ потѣ чела ѣсть хлѣбъ свой? Но, signore. Меня нѣтъ на это. Человѣкъ—какъ растеніе. Какое призваніе у растенія или у животнаго? Такъ и мы. Живемъ за тѣмъ, чтобы подъ конецъ распрощаться другъ съ другомъ. Рожденное отъ плоти—плоть есть. И все тутъ, дальше некуда. Но жизнь сама по себѣ преотличная штука. Ее стоитъ прожить, а не затратить попусту. Primum vivere, deinde philosophare. Это я признаю, это дѣло. Но трудъ, какъ

призваніе,—абсурдъ. Трудъ — скорѣе страданье, печальная неизбѣжность. Какъ смерть, какъ старость или болѣзни. По моему, если ты лѣнивъ, будь лѣнивъ. Дѣятеленъ? Дѣйствуй. Эгоистъ? Оставайся эгоистомъ. Склоненъ къ альтруизму? На здоровье! Все равно, прирожденныя свойства возьмутъ свое. Онѣ неискоренимы. Отъ плода бо древо познано будетъ. Попробуй раскинуться тѣнистымъ шатромъ, коли ты выросъ изъ тыквеннаго сѣмечка? А дубъ раскинется, и нехотя...

Нумизматикъ пожалъ плечами, вмѣсто возраженій.

Батыга поговорилъ съ Вовой, съ Марочкой, съ Дробязгинымъ. Такъ же самонадѣянно, беззаботно, развязно-весело.

Подходила пора обѣдать, и всѣ вмѣстѣ двинулись къ „Долинѣ розъ".

Дорогой Батыга говорилъ Нумизматику:

— Погляжу, погляжу. Если у васъ мало-мальски сносно въ пансіонѣ, и я къ вамъ перекочую. Не повезло на этотъ разъ мнѣ въ Ялтѣ. Къ такой дурындѣ на квартиру попалъ, не приведи Боже. Недотёпа, неряха... Лопнули всѣ пуговицы у моего терпѣнія. Все у нея не во время, все изъ рукъ валится. И характерецъ, я вамъ доложу. Съ истерикой. Ужъ я-то, можно сказать, человѣкъ бывалый. Изъ семи печей хлѣбы ѣдалъ, отъ семи собакъ отгрызуся. А съ нею нѣтъ сладу. Стой, погоди, у меня... Ай же ты, змѣя подземельная, се оставляется тебѣ домъ твой пустъ!

Черезъ двѣ недѣли Михаилъ Павловичъ каталъ кресло Марочки въ саду Маргариты. Теплота стояла лѣтняя, даже по ночамъ было душно.

Марочка разсказывала:

— Мамѣ нравится Батыга. И Маргариту, и другихъ дамъ плѣнилъ въ пансіонѣ. Общественный, говорятъ, человѣкъ. Оживленіе за собою вноситъ. А мнѣ не по душѣ онъ. Вы не замѣтили? Какъ-то во всемъ, прежде всего, ищетъ смѣшную сторону. Значитъ, самъ мелко плаваетъ, поверхностный. Даже странно, что онъ пріятель Марка Григорьевича. Что общаго между ними? Давность знакомства... Но этого мало. Мама говоритъ: старые друзья, какъ старое вино, всегда хорошей марки. Я не согласна. Не все хорошо, что давно извѣстно. Должно быть, Маркъ Григорьевичъ жалѣетъ Батыгу. Говоритъ, здоровье его плохо.

— Весьма. Каверны, и какія!.. Сердце тоже неавантажное. И непосѣда, не хочетъ лѣчиться, двухъ часовъ не улежитъ въ постели.

— А какъ вы себя чувствуете? Вѣдь недурно?

— День ото дня лучше. Сплю, какъ убитый, прибываю въ вѣсѣ. Аппетитъ — волчій. Просто совѣстно передъ домашними: будто ради каприза уѣхалъ. Онѣ обо мнѣ въ большой тревогѣ. Каждый день пишу, что совсѣмъ здоровъ. Хоть возвращаться впору.

— Рано возвращаться. Обождать надо. А что выздоровѣете, я вамъ съ перваго взгляда предсказала. Вонъ и Маркъ Григорьевичъ съ Вовой. Неразлучная пара. Здравствуйте, Маркъ Григорьевичъ. Кончили науку?

— Кончили. Наша наука недолгая. Мы васъ, Михаилъ Павловичъ, ищемъ. Александра Сергѣевна зоветъ въ городской садъ. На музыку. Уже одѣта.

— Сейчасъ.

Дробязгинъ искоса глянулъ на Марочку, не усмѣхается ли? Нѣтъ, лицо оставалось разсѣяннымъ и серьезнымъ. Онъ заторопился уйти.

Эти двѣ недѣли Александра Сергѣевна постоянно звала его за собою. Въ магазины, къ морю или на музыку. Михаилъ Павловичъ не могъ взять съ нею подходящій тонъ. Съ Марочкой, напримѣръ, ему было легко, нестѣснительно, о чемъ бы ни заходила рѣчь. Наединѣ или при другихъ— одинаково. Не то съ Александрой Сергѣевной. Ея недвусмысленныя заигрыванья, откровенные комплименты, и волновали, и сердили Дробязгина. Въ то же время онъ былъ польщенъ, и имѣлъ достаточно самосознанія, чтобы замѣтить въ себѣ это чувство. Онъ нѣсколько разъ приходилъ къ рѣшенію—держаться отъ Александры Сергѣевны дальше. Но ея вкрадчиво-заискивающій голосъ растоплялъ своею теплотою чувство отчужденности. И Михаилъ Павловичъ покорно шелъ на ея зовъ.

Продолговатый городской садъ наполнялся дневной публикой въ лѣтнихъ костюмахъ.

Увѣренно и стройно игралъ на эстрадѣ оркестръ. Что-то мелодическое, печальное, съ горькой жалобой, похожее на попури изъ пѣсенъ о разлукѣ. Еще издавали на солнцѣ сладкій запахъ геліотропы, бутоны розъ разворачивались въ яркіе цвѣты. Гроздья высокой, сургучно-красной сальвіи бордюромъ шли вдоль рѣзко-зеленыхъ газоновъ. Но зима надвигалась. Желтѣли на деревьяхъ и осыпались листья, временами, невѣдомо откуда, срывался студеный вѣтеръ.

Александра Сергѣевна прошлась съ Дробязгинымъ по главной аллеѣ. На нее обращали вниманіе, оглядывались. И на нее, и на дорогой туалетъ изъ блѣдно-палевыхъ прошивокъ на голубоватомъ чехлѣ. Женщины присматривались къ ея замысловато сшитому платью съ мягкими голубыми воланами снизу, подъ приподнятой юбкой, къ желтой газо-

вой шляпѣ, накрытой цвѣтами бѣлой акаціи, къ кружевному зонтику съ рѣдкостной ручкой изъ слоновой кости.

Когда сѣли на скамейкѣ подъ деревьями, справа отъ эстрады, Зивертъ элегически сказала:

— Жизнь бѣжитъ, бѣжитъ... Чѣмъ дальше, тѣмъ скорѣе. Не оглянешься, какъ и пролетѣло все. Пользуйтесь, пока не ушло ваше время. Батыга правильно говоритъ. Плясать учись съ молоду, не тогда плясать, когда гробъ тесать. Тогда и ходить нѣтъ мочи. Какой онъ умный. Что ни скажетъ, не въ бровь, а въ глазъ. Пожилъ, вѣрно. Ой, какъ... въ свое удовольствіе. Не проморгалъ ничего. А вы проморгаете, и много. Жалѣть послѣ будете, да поздно, я по себѣ знаю...

— Развѣ проморгали что нибудь?—волнуясь и отрывисто спросилъ Михаилъ Павловичъ, и спохватился. Вышло фамильярно, почти дерзко.

— И сколько,—просто отвѣтила Зивертъ, не обративъ вниманія на тонъ вопроса, а можетъ, и не замѣтивъ его.— Много утеряно, много. Тусклая была моя жизнь. Вся... Мужъ больной, ревнивый. Туберкулезный. Марочка хвораетъ отъ рожденія. Все время была къ нимъ прикована. Шла за богача, радовалась. Какъ же, удостоилъ, осчастливилъ безприданницу, офицерскую дочку. Знала, что больной, на средства польстилась. А средства по губамъ текли, въ ротъ не попадали. Мужъ держалъ, какъ на цѣпи. Ни на шагъ отъ себя. Умеръ, и то не забылъ закрѣпостить. По духовному все—Марочкѣ. И имѣніе, и деньги. Брилліанты даже, мои золотыя вещи... которыя дарилъ мнѣ, и тѣ упомянулъ... чтобы дочери отдала. Случится, не дай Богъ. что́ съ Марочкой, племянники мужа все наслѣдуютъ. Мнѣ только пенсія. Шестьсотъ въ годъ. Чтобы не раскошелилась. Предусмотрѣно все, подробно. За эти семь лѣтъ, что живу вдовой, вздохнула свободнѣй. Когда онъ умеръ, мнѣ уже тридцать пять было. Но я, какъ дѣвочка, жить начинала. То на одно наброшусь, то на другое. Будто народилась недавно, все увлекаетъ. Стало легче. Марочка—милая, сама деликатность. Некорыстная... а все же... и она властная. „Быть по сему“ и у нея отцовское. Какъ онъ, любитъ однообразіе. Ялта, деревня, деревня, Ялта... Ничего другого ей не нужно, и я должна терпѣть. Она-то хоть не стѣсняетъ меня, я и средствами распоряжаюсь. Но не мои они... Опять подъ чужую дудку пляши. Только и твоего, что сорвешь случайно.

Она пристально поглядѣла на Дробязгина, будто вызывая, чтобы тотъ сказалъ что-то.

Михаилъ Павловичъ молчалъ.

Зивертъ подавила вздохъ и продолжала:

— Опостылѣла Ялта. Но никуда въ другое мѣсто не вытащишь Марочку. Вездѣ, говоритъ, плохо. Неправда. Не потому не хочетъ. Любитъ однообразіе, какъ и онъ. Какъ отецъ. И лицомъ на него похожа. За то онъ и обожалъ ее. А годы летятъ... Жить такъ хочется, Господи, Господи. Знаешь, что послѣднее твое время... Еще немножко—и старость. А вѣдь я и не видѣла ее, жизни интересной, смолоду. Не знала, какая она и быть должна. Съ мужемъ тоже зимовала по курортамъ, и у него болѣли ноги. Передъ концомъ легкія захватило, напослѣдокъ кишечникъ. Ахъ, Господи... Какъ начну вспоминать... Операціи, рецепты, мушки, сигнатурки, мази... креозоты всякіе, гваяколы, дигиталисы, туберкулины... Только и маячитъ въ памяти. Задергана была, запугана. На гуляньѣ на людей смотрѣть не смѣла. Нельзя было.

Михаилъ Павловичъ повернулъ къ ней голову. Глаза его сочувственно отразили растроганность, сожалѣніе. И еще что-то, болѣе интимное, запрятанно-сдержанное.

Зивертъ опять помолчала. Но того, что ей хотѣлось услышать, опять не сказалъ Дробязгинъ.

Было ли ему жаль Александру Сергѣевну съ ея безтолково-убѣжавшей молодостью, или она заражала его своей жаждой пожить, жаждой непосредственныхъ наслажденій жизни, которыя, по ея понятіямъ, составляли главную сущность житейской интересности,—онъ и самъ не могъ разобраться. Да и не желалъ раздумывать надъ своими ощущеніями. Хотѣлось безъ размышленій сидѣть здѣсь долго, не возвращаясь домой, слушать музыку съ грустно-нѣжными мелодіями разлуки. И чтобы долго продолжала жаловаться пониженно-вкрадчивымъ голосомъ эта красивая женщина съ бѣлымъ, точно эмалевымъ, лицомъ, жаждущая радостей жизни, пока не ушло ея послѣднее время...

— Вотъ такимъ вы мнѣ ужасно нравитесь,—неожиданно сказала Александра Сергѣевна уже инымъ, не прежнимъ тономъ.

Оркестръ тоже перемѣнилъ номеръ, заигралъ вальсъ, чувственно-пасторальный, сантиментальный и наивный, будто оплакивающій давно-минувшее. И даже не то, что было, а что могло бы быть.

— Очень, очень нравитесь. Когда такъ смотрите. Мягко, не строго, безъ притворства. Хорошее-хорошее у васъ тогда лицо. И красивое. А когда злитесь... или остерегаетесь не нарушить бы приличія... тогда не люблю. Тогда педантъ, скучный, трусливый и... и лицемѣрный. Да, да... вы лице-

мѣръ изрядный. Развѣ неправда? Не лицемѣрите, когда вотъ такъ... „молча, вы глядите строго"? Нѣтъ?

Михаилъ Павловичъ растерялся отъ вопроса. По прежнему молчаливо онъ отвелъ глаза въ сторону, къ чему-то присматриваясь на эстрадѣ.

— Ну, что? Что вы отвернулись? Тамъ все тѣ же музыканты, ничего больше. Что? Опять мною нарушено приличіе? Эхъ вы... бла-го-вос-пи-итанный. Вѣдь я же нравлюсь вамъ? Не меньше, чѣмъ вы мнѣ. Пусть меньше. Но все же— да? Такъ почему вы такой?

— Какой, Александра Сергѣевна?—едва выговорилъ погаснимъ голосомъ Дробязгинъ.

— Раздвоенный, трусливый, замкнутый? О, я знаю, отчего вы боитесь.

— Боюсь? Кого?

— Всѣхъ. Нумизматика, Батыги, Маргариты, прислуги, Марочки. Марочки—особенно. У нея строгіе глаза, она все примѣчаетъ. Вамъ страшно, что будутъ смѣяться, что Мара перемѣнитъ о васъ мнѣніе. А тѣ—другіе скажутъ: спутался съ пожилой бабой. Ея дочери девятнадцать лѣтъ, а онъ съ нею... Для васъ такъ важно, что скажутъ. А что я и не старуха, и нравлюсь вамъ—то не въ счетъ. Для васъ главное, какой видъ со стороны. Какъ другимъ покажется. Если бы вамъ увѣренность, что никто, рѣшительно никто, рѣшительно никто не догадается, не узнаетъ, не заподозритъ... Вы бы смѣлѣе были. Ну, что же молчите? Отчего не скажете, зачѣмъ это?

— Нечего сказать,—въ волненіи, теряя мысли, сказалъ Дробязгинъ.

— Нечего?—Зивертъ смутилась и смотрѣла удивленными, непонимающими глазами.—Нечего? Такъ я ошиблась? Вы... равнодушны? Я не нравлюсь вамъ?

— Я не говорилъ этого. Но... это не то.

— Не то?—повторила она растерянно.

— Не то. Поймите... Я слишкомъ высоко ставлю васъ и Марью Николаевну...

— Ахъ, опять Марья Николаевна! Вотъ, вотъ. Я же говорю...

— Я раньше назвалъ васъ, а не ее. Слишкомъ высоко ставлю, чтобы отнестить къ вамъ, какъ...

— Не стѣсняйтесь, договаривайте. Какъ къ особѣ, съ которой затѣваютъ мимолетную связь? Такъ вѣдь?

— Такъ. А ничего большаго...

— О-о? Вы тоже умѣете быть откровеннымъ. Урокъ хорошій. Ну, что-жъ? Я заслужила. Но не считайте меня хуже, чѣмъ есть. Вы полагаете, я въ васъ любовника искала?

Только любовника? Ошибаетесь. Безъ васъ найду, сколько вздумаю. Десятки найдутся. Лишь бы моя охота. Но... мнѣ хотѣлось иллюзіи. Хоть маленькой. Вотъ чего я не испытала. Вы — такой мягкій, деликатный, застѣнчивый. Я думала: этотъ, если полюбитъ, пожалѣетъ, отнесется душевно, тепло. Этого я искала, а вовсе не...

— Я такъ и понялъ, Александра Сергѣевна. Потому-то..

— Потому-то и отказались? Нѣтъ, не потому. Или не только потому. Больше изъ боязни. Вы же благовоспитанный, благонравный? Для васъ одно изъ двухъ. Или проза, или поэзія. Проза — продажная женщина, горничная, модистка. Поэзія? Не знаю. Во всякомъ случаѣ, не я. Другое что-то. А что? Не все ли равно? Для меня не важно. Ну пойдемте. Марочкѣ еще рыбьяго жира купить надо. Не забыть бы.

— Не проститъ она мнѣ, никогда не проститъ, — повторялъ себѣ Дробязгинъ, подходя къ „Долинѣ розъ" съ Александрой Сергѣевной.—А,—рѣшилъ, наконецъ, онъ, — тѣмъ лучше. Не будетъ соблазна.

— А погода испортится — безмятежно, будто ровно ничего не случилось, щебетала между тѣмъ Александра Сергѣевна.—Вѣрнѣе вѣрнаго. Вонъ та горка на сѣверѣ, Магоби называется. Лучше всякаго барометра. По ней угадываютъ погоду: если она ясная, и сосны на ней видны, ясно будетъ, сухо. Затуманилась,—ненастье.

О. Н. Ольнемъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Эволюція французскаго синдикализма.

(*Окончаніе*).

III.

Фазисъ французскаго синдикализма, характеризуемый теоріями революціонной гимнастики и революціоннаго меньшинства, совпадаетъ съ періодомъ сведенія синдикалистскихъ воззрѣній въ цѣльную и стройную теоретическую систему, получившую названіе «революціоннаго синдикализма». Эта работа была выполнена преимущественно, если не исключительно, теоретиками-интеллигентами, не участвовавшими въ практикѣ синдикальнаго движенія. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, самъ «chef de la doctrine», Сорель, отставной чиновникъ, и Эдуардъ Бертъ, вообще стоятъ далеко отъ соціально-политической борьбы, ограничиваясь только литературными упражненіями. Ихъ труды имѣли цѣлью обосновать и развить теоретически и исторически значеніе синдиката для современнаго движенія и для организаціи будущаго, а также принципы прямого воздѣйствія (action directe), всеобщей стачки, антимилитаризма и антипатріотизма и дать критику господствующихъ мнѣній о роли соціалистической партіи и ея революціонной цѣнности.

Переходъ синдикализма отъ проповѣди немедленной всеобщей стачки къ проповѣди революціонной гимнастики имѣлъ слѣдствіемъ нѣкоторое измѣненіе въ отношеніи синдикалистовъ къ политическимъ организаціямъ соціализма. Синдикалисты, конечно, по прежнему были убѣждены, что партія не является орудіемъ революціи. Но разъ всеобщая стачка не есть дѣло завтрашняго дня, то партійную дѣятельность по отношенію къ синдикальному движенію можно считать вредной, требующей упорнаго противодѣйствія только въ томъ случаѣ, если партія ведетъ активную борьбу противъ синдикалистскихъ теорій и стремится подчинить своей гегемоніи профессіональныя организаціи трудящихся. Въ противномъ случаѣ можно вѣдь ограничиться нейтралитетомъ по отношенію ко всѣмъ партіямъ и просто на просто ихъ игнорировать.

Къ такому взгляду большинство синдикалистовъ пришло не сразу. И необходимо отмѣтить, что на эту эволюцію оказало сильное вліяніе вступленіе многихъ соціалистовъ, членовъ партіи, въ ряды Генеральной Конфедераціи Труда. Въ началѣ соціалисты, за небольшимъ исключеніемъ, чуждались было этой организаціи и удерживали находившіеся подъ ихъ вліяніемъ синдикаты отъ присоединенія къ ней. Но, когда Генеральная Конфедерація Труда превратилась въ значительный факторъ соціально-политической жизни страны, и когда сторонники революціонныхъ синдикалистскихъ идей получили въ ней полное преобладаніе, соціалисты поняли свою ошибку и измѣнили тактику. Это вступленіе соціалистовъ въ конфедеральные ряды дало сильный аргументъ сторонникамъ нейтралитета, указывавшимъ съ полной основательностью, что Конфедерація, представляя собой коллективное цѣлое, объединяющее людей разныхъ убѣжденій, не можетъ и не должна бороться активно съ направленіями, партизаны которыхъ имѣются въ ея собственныхъ рядахъ. Это значило бы снова ввести политику въ синдикальное движеніе, только съ другого конца, и задержать процессъ объединенія на почвѣ общихъ экономическихъ требованій трудящихся, исповѣдующихъ различные философскіе или политическіе принципы. Въ свою очередь эволюція французской соціалистической партіи въ сторону революціонности, ея энергичная борьба противъ буржуазныхъ правительствъ и не менѣе энергичная поддержка дѣятельности Конфедераціи Труда отняли важный и вѣсскій доводъ у сторонниковъ крайняго антипартійнаго направленія въ синдикализмѣ. Тезисъ нейтралитета въ концѣ концовъ одержалъ побѣду, ибо слишкомъ уже была очевидна основательность аргументаціи его защитниковъ, и получилъ оффиціальную санкцію на Амьенскомъ конгрессѣ синдикатовъ въ 1906 году.

Но теоретики синдикализма—интеллигенты—въ своихъ работахъ удѣляли тѣмъ не менѣе очень много мѣста выясненію антиреволюціонной природы и антиклассовой сущности партіи. Они дѣлали это главнымъ образомъ съ той цѣлью, чтобы предотвратить всякую возможность подчиненія профессіональнаго движенія политическому и чтобы путемъ развѣнчиванія партіи укрѣпить позиціи своей синдикальной теоріи, гласящей, что «базой и субстанціей соціализма», субъектомъ грядущей революціи можетъ быть синдикатъ и только синдикатъ. Отсюда же ведетъ свое происхожденіе знаменитая формула: «Le syndicalisme se suffit à lui même».

Въ виду того, что въ послѣднее время взгляды на политическую организацію подверглись нѣкоторому измѣненію, какъ у практиковъ, такъ и у многихъ теоретиковъ синдикализма, я приведу нѣсколько цитатъ изъ синдикалистской литературы 1905 — 1906 года, гдѣ рѣчь идетъ объ оцѣнкѣ соціалистической партіи, чтобы ярче и рельефнѣе оттѣнить характеръ этихъ измѣненій. Я огра-

ничусь цитатами изъ одного Лагарделя, такъ какъ онъ является наиболѣе виднымъ представителемъ той группы синдикалистскихъ писателей, которая совершила указанную мною эволюцію:

«Соціалистическія партіи,—писалъ Лагардель—ставящія себѣ цѣлью завоеваніе государства и являющіяся колесами государственнаго механизма... необходимо должны принимать участіе въ государственномъ блокѣ. Онѣ дѣйствуютъ на почвѣ, гдѣ смѣшиваются классы. Далеко не содѣйствуя разграниченію классовъ, избирательная борьба только смѣшиваетъ ихъ. Соціалистическіе кандидаты обращаются одновременно и къ рабочимъ, и къ мелкимъ буржуа, и къ мелкимъ крестьянамъ, и къ чиновникамъ, и къ интеллигентамъ и т. д. А парламентская дѣятельность? Не есть ли это по преимуществу осуществленіе сотрудничества классовъ? Смѣшеніе бюллетеней, уговоры съ сосѣдними группами, компромиссы при выработкѣ законовъ, защита демократическихъ правительствъ постоянное участіе въ управленіи государствомъ и т. д.,—все это акты, предполагающіе соглашенія дѣйствующихъ вмѣстѣ группъ. Основное противорѣчіе лежитъ въ самомъ базисѣ соціалистическихъ партій. Онѣ говорятъ о классовой борьбѣ и практикуютъ сотрудничество классовъ; онѣ обладаютъ революціонной теоріей и вынуждены прибѣгать къ демократическому дѣйствію; онѣ считаютъ себя интернаціоналистичными и заявляютъ о своемъ патріотизмѣ» *).

Не менѣе характерное по своей рѣзкости мѣсто мы находимъ въ другой статьѣ Лагарделя, написанной имъ четыре мѣсяца спустя: «Партія есть органъ государства и демократіи. Участіе, прямое или косвенное, въ буржуазномъ правительствѣ является ея естественнымъ назначеніемъ. Долго соціалистическія партіи претендовали на то, что онѣ составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Онѣ выдавали себя за орудіе соціальной революціи и вѣрили въ это, и ихъ вѣра раздѣлялась многими. Это время уже прошло. Соціалистическая партія есть органъ не классовой борьбы, а сотрудничества классовъ» **).

Ограниченность мѣста не позволяетъ мнѣ сдѣлать еще нѣсколько цитатъ изъ статей Лагарделя, въ которыхъ съ различными варіаціями повторяется въ общемъ одна и та же мысль: демократія не есть соціализмъ, а партійная борьба не есть борьба классовая; партія, являясь органомъ современнаго строя, не можетъ служить орудіемъ для борьбы противъ этого строя. Но и приведенныхъ цитатъ, мнѣ думается, достаточно. Партія, какъ мы видѣли, осуждена и осуждена категорически и безповоротно. Синдикалистамъ остается лишь, въ лучшемъ случаѣ, игнорировать ее, ибо le syndicalisme se suffit á lui-même. И если даже партія и мо-

*) H. Lagardelle. «Antimilitarisme et syndicalisme». Mouvement socialiste. 15 января 1906.

**) H. Lagardelle, „La logique des partis socialistes". Mouvement Socialiste. 15 Avril, 1906.

жетъ оказывать нѣкоторое вліяніе на демократизацію общественной среды, то вѣдь это для синдикализма въ концѣ концовъ маловажно и не существенно. И интереснѣе всего, что синдикалистскіе теоретики свою позицію по отношенію къ соціалистической партіи всегда пытались обосновать теоретически положеніями Маркса. Они, между прочимъ, называли и называютъ себя единственными настоящими марксистами, дѣйствительно понявшими истинную сущность Марксова ученія и сдѣлавшими изъ него ясные и логическіе выводы. Наши русскіе синдикалисты также пытаются присосѣдиться къ Марксу и доказать свое родство съ нимъ. Марксъ, утверждаютъ они, правда, признавалъ необходимость политической борьбы, но политическую борьбу онъ понималъ, лишь какъ борьбу класса противъ класса, а отнюдь не такъ, какъ понимается она современными соціалистами. Я, конечно, не призванъ защищать Маркса отъ злоупотребленія его именемъ и авторитетомъ. Но въ интересахъ истины и въ назиданіе нашимъ отечественнымъ синдикалистамъ считаю нужнымъ процитировать статью, внесенную въ уставъ стараго Интернаціонала по постановленію Гаагскаго конгресса 1873 года послѣ долгихъ и страстныхъ дебатовъ между Марксомъ и его сторонниками, предложившими ее, и послѣдователями Бакунина. Въ этой статьѣ, принадлежавшей перу Маркса, дается ясная и категорическая оцѣнка политической и экономической организаціи рабочаго класса. Вотъ ея содержаніе:

«Въ своей борьбѣ противъ коллективной власти имущихъ классовъ пролетаріатъ можетъ дѣйствовать, какъ классъ, лишь конституировавшись въ самостоятельную политическую партію, противоположную всѣмъ старымъ партіямъ буржуазіи. Конституированіе пролетаріата въ политическую партію необходимо для обезпеченія торжества соціальной революціи и ея конечной цѣли, уничтоженія классовъ. Коалиціи рабочихъ силъ, уже образовавшіяся *въ процессѣ экономической борьбы* пролетаріата, также должны служить рычагомъ въ рукахъ рабочаго класса для его политическаго дѣйствія, направленнаго противъ эксплуататоровъ. Представители земли и капитала пользуются все больше и больше своими политическими привилегіями для защиты и увѣковѣченія своей экономической монополіи и порабощенія труда. *Завоеваніе политической власти* является поэтому основной задачей пролетаріата (le grand devoir du proletariat)» *).

Итакъ, какъ показываетъ приведенная цитата, Марксъ вовсе не мыслилъ политическую борьбу трудящихся, какъ борьбу исключительно экономическую, носящую лишь классовой характеръ. Онъ категорически заявляетъ, что, такъ какъ классъ эксплуатато-

*) Цитирую по книгѣ Гильома, James Guillaume. «l'Internationale». Томъ II, стр. 334.

ровъ пользуется политической властью въ своихъ интересахъ, то работники должны организовываться въ свою очередь *на почвѣ политики* для завоеванія этой власти. Больше того, Марксъ отводитъ спеціально экономическимъ организаціямъ опредѣленное мѣсто въ обще-соціалистической борьбѣ рабочаго класса. Отмѣтимъ, однако, мимоходомъ, что, если синдикалисты злоупотребляютъ именемъ Маркса, то не менѣе повинны въ такомъ же грѣхѣ и тѣ марксисты, какъ русскіе, такъ и иностранные, которые, исходя изъ марксистскихъ взглядовъ, доказываютъ необходимость для синдиката ограничить свою дѣятельность исключительно непосредственными экономическими интересами и ни въ какомъ случаѣ не вмѣшиваться въ политическое движеніе. То мѣсто изъ цитированной статьи, которое гласитъ, что «коалиціи рабочихъ силъ, уже образовавшіяся въ процессѣ экономической борьбы пролетаріата должны служить рычагами для его политическаго дѣйствія противъ эксплуататоровъ», показываетъ, какъ расходятся названные марксисты со своимъ учителемъ.

Но вернемся къ французскимъ синдикалистамъ. Мы видѣли, какъ категорически и рѣзко они отрицали за соціалистической партіей всякое серьезное значеніе въ дѣйствительной борьбѣ за соціализмъ, въ революціонной работѣ, направленной на перевоспитаніе рабочаго класса въ духѣ идеаловъ труда, рѣзко противоположныхъ буржуазной идеологіи.

Такова была теорія. Но синдикалистская теорія, какъ утверждаютъ всегда ея авторы, не есть догма, не есть нѣчто, разъ навсегда данное и неизмѣнное. Синдикалисты-теоретики, по ихъ собственнымъ словамъ, строятъ свои схемы и свою критику на основаніи фактовъ синдикалистской практики и уроковъ, изъ нея вытекающихъ. Ихъ теорія не создаетъ движенія, а лишь пытается обобщать, удачно или неудачно, это другой вопросъ, то, что *уже совершается* въ области практической борьбы пролетаріата. А такъ какъ въ послѣднее время тактика профессіональнаго движенія подъ вліяніемъ новыхъ, не учтенныхъ ранѣе факторовъ, начала замѣтно измѣняться, что отразилось и въ отношеніяхъ синдикатовъ къ соціалистической партіи, то и синдикалистская теорія, чтобы не отстать отъ жизни, по крайней мѣрѣ у значительнаго числа ея выразителей, поспѣшила внести очень серьезные коррективы въ формулированную выше оцѣнку политической организаціи соціализма и ея роли въ борьбѣ противъ современныхъ общественныхъ формъ. И вотъ мы наблюдаемъ, между прочимъ, слѣдующее курьезное явленіе: въ то время, какъ русскіе революціонные синдикалисты *), на основаніи писаній Лагар-

*) Русскіе синдикалисты, пытающіеся насадить въ Россіи революціонный синдикализмъ и не задумывающіеся, очевидно, надъ тѣмъ, насколько ихъ дѣятельность является реакціонной въ переживаемый нами моментъ, въ особенности меня удивляютъ. Вѣдь всѣ ихъ западно-европейскіе

дали доказывають въ своихъ произведеніяхъ съ «ученымъ видомъ знатока», что партія не имѣетъ никакого значенія для соціализма, что она есть орудіе борьбы, присущее уже пережитому историческому періоду, и обречена на исчезновеніе съ развитіемъ общественной жизни; самъ Лагардель и его сторонники поютъ уже совершенно иную пѣсню.

Но прежде, чѣмъ перейти къ измѣненіямъ, совершившимся въ области синдикалистской теоріи, посмотримъ, какъ измѣняются постепенно подъ вліяніемъ жизни тактическіе взгляды и пріемы синдикалистовъ, вліяющіе, въ свою очередь, на теоретическую эволюцію синдикализма.

IV.

1906 годъ знаменуетъ собою начало новаго періода въ области экономической борьбы труда съ капиталомъ во Франціи. До 1906 года французскій патронатъ совсѣмъ почти не былъ организованъ для противодѣйствія экономическому движенію рабочихъ массъ. Но майская забастовочная волна, хотя она и не была особенно грозной, заставила патроновъ пробудиться отъ ихъ безпечности и серьезно

учителя постоянно повторяютъ, что революціонное синдикалистское движеніе полезно, необходимо и возможно лишь тамъ, гдѣ уже существуетъ демократія и гдѣ, какъ думаютъ они, рабочій классъ уже успѣлъ разочароваться въ своихъ демократическихъ иллюзіяхъ. Вотъ, напримѣръ, мнѣніе именно о задачахъ рабочей борьбы въ Россіи одного изъ самыхъ крайнихъ теоретиковъ революціоннаго синдикализма Эд. Берта: „Какъ бы плохо ни выказывалъ себя всюду парламентаризмъ", писалъ онъ, „народъ не можетъ избѣгнуть необходимости пройти черезъ конституціонную фазу, черезъ парламентскій опытъ. Этотъ опытъ необходимъ для того, чтобы народное сознаніе очистилось отъ предразсудковъ авторитарныхъ, государственныхъ и демократическихъ, потому что невозможно перейти сразу отъ режима, основаннаго на божественномъ правѣ, къ режиму, основанному на договорѣ и свободѣ. Необходимо пройти черезъ чистилище демократіи, и демократія является необходимой посредницей между старымъ строемъ и соціализмомъ. Демократія обладаетъ цѣнностью критической, анархической и разрушительной, а необходимо пройти черезъ критику, прежде чѣмъ придти къ утвержденію; нужно, чтобы отрицаніе авторитета государства было радикальнымъ, и, чтобы это отрицаніе получило такой характеръ, необходимо, чтобы государство облеклось въ демократическія формы. Вотъ почему, не впадая въ противорѣчіе, мы можемъ сказать русскимъ пролетаріямъ: совершайте вашу политическую революцію, она не будетъ для васъ настоящей революціей, но прежде, чѣмъ попасть въ соціалистическій рай, необходимо пройти при выходѣ изъ автократическаго ада черезъ чистилище демократіи" (E. Berth. Notes bibliographiques. Mouvement socialiste. Mars, 1905).

Поэтому, между прочимъ, нѣмецкій революціонный синдикалистъ Михельсъ говоритъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ демократическій режимъ еще составляетъ предметъ мечтаній и надеждъ, задача синдикалистовъ не бороться съ соціалистической партіей, а лишь толкать ее на путь болѣе рѣшительной борьбы за такой режимъ.

взглянуть на дѣло. По правдѣ сказать, представителей капитала напугали не столько широта и серьезность стачекъ, сколько крайняя революціонная пропаганда Генеральной Конфедераціи Труда и кампанія реакціонной прессы, ловко воспользовавшейся этой пропагандой, чтобы путемъ раздуванія ея значенія нагнать страхъ на буржуазію, провозгласивъ, что «c'est la révolution qui vient», и свалить отвѣтственность за такой «безпорядокъ» на республиканскій режимъ. Французскіе патроны рѣшили, однако, что режимъ режимомъ, а сопротивленіе статочному движенію нужно организовать раньше всего собственными силами. Они принялись съ лихорадочною поспѣшностью создавать спеціальныя учрежденія для борьбы съ гидрой синдикализма. И вотъ мы видимъ, какъ во французской индустріи зарождается практика черныхъ книгъ, появляются союзы хозяевъ, ставящіе себѣ цѣлью сломить синдикальныя организаціи путемъ провоцированія стачекъ въ неудобные для рабочихъ моменты, путемъ локаутовъ, невиданныхъ раньше во Франціи, путемъ умноженія и субсидированія «желтыхъ» синдикатовъ и т. п.

Хозяева, кромѣ этого, начинаютъ организовываться для взаимной матеріальной поддержки на случай забастовокъ, и лозунгомъ французскаго патроната все болѣе и болѣе становится «безпощадная война съ синдикализмомъ и никакихъ уступокъ рабочимъ». Французскій патронатъ позаимствовалъ также у своихъ германскихъ сосѣдей еще одну сравнительно новую въ западной Европѣ форму борьбы: кассу страхованія промышленниковъ отъ стачекъ. Такія кассы уже образовались въ цѣломъ рядѣ отраслей производства: въ металлургіи, текстильномъ и угольномъ производствѣ, строительномъ дѣлѣ и т. д., сразу же собирая сотни тысячъ франковъ и группируя самыя крупныя капиталистическія предпріятія Франціи. Страхованіе отъ стачекъ въ общемъ сводится къ страхованію издержекъ производства путемъ ежегодныхъ взносовъ опредѣленныхъ процентныхъ отчисленій отъ общей суммы страхуемыхъ издержекъ. Въ томъ случаѣ, если у какого-либо застраховавшагося промышленника вспыхиваетъ забастовка, онъ до полнаго возобновленія работъ получаетъ изъ кассы возмѣщеніе всѣхъ совершаемыхъ имъ расходовъ по своему предпріятію. Ибо, какъ извѣстно, промышленникамъ приходится дѣлать большіе расходы даже тогда, когда производство у нихъ пріостановлено стачкой. Земельная рента, жалованіе служащимъ, уплата налоговъ, платежи по контрактамъ за доставку электрической или иной энергіи, за аренду машинъ и т. д., всѣ эти расходы забастовкой не уничтожаются. Кассы страхованія въ случаѣ крайней надобности могутъ оказывать также помощь промышленнику, втянутому въ борьбу съ рабочими, путемъ субсидированія крупныхъ суммъ для продолженія борьбы. Кромѣ кассъ страхованія по отдѣльнымъ спеціальностямъ, создаются также центральныя кассы по отраслямъ производства, которыя перестраховываютъ спеціальныя кассы и которыя, если онѣ найдутъ это

нужнымъ «въ интересахъ промышленности», могутъ субсидировать эти кассы или отдѣльныхъ промышленниковъ, борющихся со своими рабочими. Такая организація безусловно вкладываетъ въ руки хозяевъ опасное и больно бьющее оружіе. Слабо проявляющейся пока солидарности пролетаріата противопоставляется грозная солидарность золотого мѣшка. Въ одной, капримѣръ, металлургіи, гдѣ на 585.000 рабочихъ рабочіе синдикаты насчитываютъ не болѣе 30.000 членовъ, центральная касса страхованія хозяевъ уже застраховала болѣе чѣмъ на 20 милліоновъ франковъ издержекъ производства. Создающіяся довольно быстро боевыя организаціи французскихъ капиталистовъ и ихъ боевая антисиндикальная тактика не преминули уже оказать замѣтное вліяніе на условія экономической борьбы труда съ капиталомъ въ смыслѣ крайне неблагопріятномъ для рабочихъ. Французскимъ синдикатамъ, группирующимъ въ каждой отрасли производства незначительныя силы *) и не обладающими вдобавокъ серьезными денежными рессурсами, все труднѣе и труднѣе приходится въ столкновеніяхъ съ вооружающимися капиталистами. Успѣшныя забастовки начинаютъ становиться все болѣе и болѣе рѣдкими, локауты, за небольшими исключеніями, заканчиваются почти всегда пораженіями рабочихъ. Всѣ эти обстоятельства не могли не нанести серьезнаго удара пресловутой теоріи революціоннаго меньшинства, уже значительно поколебленной неудачей майскаго движенія. Всѣмъ, даже наиболѣе ослѣпленнымъ, становится яснымъ, что французское профессіональное движеніе находится теперь на опасномъ поворотѣ, что для того, чтобы получить возможность одолѣть возникающія на его пути препятствія, необходимо создать

---

*) Насколько еще слабы французскіе синдикаты, показываютъ слѣдующія цифры: въ текстильномъ производствѣ, въ которомъ занято 850.000 работниковъ, федерація рабочихъ синдикатовъ группируетъ около 30.000 человѣкъ; въ кожевенномъ производствѣ при 482.437 рабочихъ, федерація синдикатовъ насчитываетъ 9.200 членовъ; 189.795 горнорабочихъ даютъ 35.000 членовъ рабочей федераціи; транспортъ со своимъ 1.169.339 рабочихъ даетъ лишь синдикатъ желѣзнодорожныхъ служащихъ съ 52.400 членовъ и федерацію транспорта съ 6.000 членовъ; изъ 426.373 строительныхъ рабочихъ лишь 40.000 входятъ въ федерацію Bâtiment и т. д. Вообще Конфедерація Труда на 10 милліоновъ французскаго пролетаріата объединяетъ пока лишь около 300.000 человѣкъ, т. е. всего на всего 3%. Эти цифры показываютъ, какъ много истины въ утвержденіяхъ русскихъ рев.-синдикалистовъ объ „идейной зрѣлости" всего французскаго рабочаго класса. Одинъ, напримѣръ, изъ нашихъ отечественныхъ синдикалистовъ, г. Козловскій, (см. его книжку „Новыя вѣянія въ соціализмѣ передъ судомъ русской критики") доходитъ до того въ своемъ увлеченіи французскимъ синдикальнымъ движеніемъ, что заявляетъ, не смущаясь: „Если бы Франція стояла на такой же ступени промышленнаго развитія, какъ Германія, то при революціонности французскаго пролетаріата соціальная революція была бы, надо думать, уже совершившимся фактомъ". Увлекайтесь французскимъ синдикализмомъ, можемъ мы сказать г-ну Козловскому, но всетаки не уподобляйтесь крыловскому „дворянину, а можетъ быть и князю" и не превращайте огурца въ гору. Est modus in rebus.

дѣйствительно сильные, способные къ сопротивленію синдикаты, что необходимо привлечь въ синдикальные ряды широкіе слои трудящихся. И это тѣмъ болѣе, что и правительство энергично выступило на помощь капиталистамъ. За послѣдніе два года на синдикалистскихъ дѣятелей кары и репрессіи сыпятся, какъ изъ рога изобилія. Каждая почти стачка ознаменовывается арестомъ одного или нѣсколькихъ «вожаковъ» подъ самыми пустыми предлогами, а суды присяжныхъ щедро раздаютъ имъ штрафы и годы тюрьмы. И всѣ попытки создать массовое движеніе протеста противъ реакціонной политики правительства, до сихъ поръ оказывались совершенно безуспѣшными и разбивались объ индиферентность. Въ этомъ для всякаго, знающаго Францію, нѣтъ ничего удивительнаго. Къ счастью, наиболѣе серьезные и проницательные синдикалисты начинаютъ уже понимать всю несостоятельность теоріи меньшинства, которой опредѣлялась до сихъ поръ ихъ тактика. Изъ представителей лѣваго, революціоннаго крыла французскаго синдикализма раньше всѣхъ объ этомъ заговорилъ въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ синдикалистской газетѣ «Action Directe», одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ и авторитетныхъ синдикалистовъ-практиковъ, Грифюэль, секретарь Конфедераціи Труда, тотъ самый Грифюэль, который, по словамъ непримиримѣйшаго изъ синдикалистскихъ теоретиковъ Э. Берта, «лучше кого бы то ни было воплощаетъ французскій синдикализмъ». Грифюэль не критикуетъ открыто теорію меньшинства и вообще говоритъ только о практикѣ. Но тѣ выводы, къ которымъ онъ приходитъ при разборѣ наиболѣе цѣлесообразныхъ принциповъ практической борьбы, являются самымъ краснорѣчивымъ осужденіемъ этой теоріи. Съ необычайной настойчивостью и очень послѣдовательно секретарь Конфедераціи Труда доказываетъ въ своихъ статьяхъ необходимость созданія сильныхъ профессіональныхъ организацій, въ чемъ онъ видитъ основное условіе успѣха рабочаго движенія. «Необходимо», пишетъ онъ, «составить себѣ такую концепцію, которая разсматривала бы организацію, какъ основную опорную точку въ нашей борьбѣ, которая исходила бы изъ того, что только группировка, сплоченіе, соглашеніе даютъ рожденіе дѣйствію. Такую концепцію можно составить себѣ, изучая факты такъ, какъ они есть, приписывая имъ значеніе, которымъ они въ дѣйствительности обладаютъ, отдавая себѣ отчетъ въ вліяніи, которое они производятъ, умѣя оцѣнивать степень боевой способности рабочаго класса и *ставить нашимъ усиліямъ цѣли, пропорціональныя нашей оцѣнкѣ степени боевой способности рабочаго класса и степени вліянія, которое мы приписываемъ фактамъ»* *).

«Только начертивъ себѣ линію поведенія и проводя ее послѣдовательно, мы получимъ возможность производить впечатлѣніе

*) «Action Directe» № отъ 5-го мая 1908 г.

силы на нашихъ враговъ и на общественное мнѣніе. Показать себя сильными—значитъ обезоружить противника и завоевать общественное мнѣніе, значитъ—создать атмосферу если не полнаго сочувствія, то хотя бы благопріятную для нашей дѣятельности, т. е. всѣ элементы, могущіе обезпечить преобладающее значеніе синдикальнаго движенія. Все должно быть сдѣлано для достиженія этой цѣли. Мы достигнемъ ея, если будемъ стремиться къ тому, чтобы всѣ проявленія человѣческой дѣятельности принимали коллективную форму, если мы оснуемъ базисъ нашей борьбы между синдикатомъ и синдикированными, и *если будемъ направлять усилія каждаго въ сторону организаціи.* Только такимъ образомъ изъ массы выдѣлится сила, съ которой вынужденъ будетъ считаться противникъ, и создастся дѣйствіе, привлекающее и притягивающее» *).

Въ созданіи сильныхъ организацій, въ постоянной ежедневной работѣ, направленной на укрѣпленіе и усиленіе синдикатовъ, Грифюэль видитъ и основное условіе осуществимости всеобщей стачки. «Частичныя забастовки», пишетъ онъ, «происходятъ постоянно и способы ихъ подготовленія все болѣе и болѣе прогрессируютъ, а всеобщая стачка не вспыхнула, какъ надѣялись 10 лѣтъ назадъ. Это значитъ, что всеобщая стачка можетъ быть лишь результатомъ расширенія повседневной борьбы, получающей все болѣе пламенный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлесообразный характеръ по мѣрѣ того, какъ *духъ организаціи* будетъ проникать въ рабочіе круги».

Таковы, по словамъ Грифюэля, уроки, вынесенные имъ изъ семилѣтняго непосредственнаго участія въ синдикальномъ движеніи. И поэтому онъ, высмѣивая революціонный романтизмъ своихъ предшественниковъ, выражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ надежду, что «недалекъ уже тотъ день, когда всѣ борцы поймутъ, что истинно революціонной является именно повседневная дѣятельность, увеличивающая революціонную цѣнность пролетаріата. Забастовка, къ которой прибѣгаетъ рабочій классъ, усиленный предыдущей борьбой, можетъ дать, опираясь на *могущественные и дѣятельные синдикаты*, гораздо больше, чѣмъ все содержимое библіотекъ» **).

Въ этихъ выдержкахъ характерно признаніе не только необходимости сильныхъ и многочисленныхъ синдикальныхъ организацій, но и важности благопріятнаго отношенія общественнаго мнѣнія. Еще сравнительно недавно синдикалисты не придавали большого значенія этому фактору, и, когда въ 1901 году Жоресъ въ своихъ статьяхъ въ «Petite République» указывалъ, что всеобщая стачка во имя какого-либо опредѣленнаго требованія можетъ закончиться успѣшно лишь при сочувствіи, хотя бы пассивномъ, со стороны большинства членовъ общества, то синдикалисты обрушились на него за это съ самой суровой критикой.

*) «Action Directe» № отъ 5-го мая 1908 г.

**) См. «Action Directe» №№ отъ 23-го и 30-го апрѣля 1908 года.

Но разъ центръ тяжести синдикальной дѣятельности перенесенъ въ плоскость организаціи, разъ созданіе могущественныхъ и дѣятельныхъ синдикатовъ и завоеваніе симпатіи общественнаго мнѣнія являются необходимымъ условіемъ успѣха рабочаго движенія, какъ въ настоящемъ, такъ и для будущаго, то не ясно ли, что синдикалистамъ необходимо, чтобы осуществить эти условія, измѣнить форму своей пропаганды, не отпугивать рѣзкостью формулъ широкихъ слоевъ трудящихся? Таковъ неизбѣжный логическій выводъ изъ цитированныхъ выше статей Грифюэля. И Грифюэль, надо отдать ему справедливость, имѣлъ мужество быть послѣдовательнымъ до конца. Еще прежде, чѣмъ имъ были написаны въ «Action Directe» статьи о синдикалистской тактикѣ, онъ формулировалъ этотъ выводъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ l'Humanité послѣ оправданія Сенскимъ судомъ присяжныхъ двѣнадцати членовъ Комитета Конфедераціи (въ томъ числѣ самого Грифюэля), которыхъ правительство обвиняло въ призывѣ къ насиліямъ и оскорбленіи арміи. Оправдательный вердиктъ, вынесенный Сенскимъ судомъ, имѣлъ большое значеніе для Конфедераціи Труда. Этотъ вердиктъ реабилитировалъ ее въ глазахъ массы отъ тѣхъ клеветъ, которыя распространялись на ея счетъ правительствомъ и буржуазной прессой, клеветъ, для которыхъ пропаганда наиболѣе крайнихъ синдикалистскихъ дѣятелей давала богатый матеріалъ. Констатировавъ въ своей бесѣдѣ, что фактъ оправданія членовъ Конфедеральнаго Комитета послужитъ къ облегченію рекрутированія рабочихъ въ синдикаты, сдѣлавшагося очень затруднительнымъ, Грифюэль добавилъ: «Но и для насъ самихъ процессъ будетъ, быть можетъ, также полезенъ. Въ нашихъ рядахъ имѣются еще товарищи, которые очень охотно прибѣгаютъ въ своей пропагандѣ къ поверхностнымъ рѣзкостямъ и для которыхъ творческая энергія заключается въ громкой фразеологіи. Этихъ товарищей нашъ процессъ заставитъ, быть можетъ, призадуматься, и наша дѣятельность постольку выиграетъ въ интенсивности, поскольку они сдѣлаются болѣе осторожными. Такія слова въ моихъ устахъ васъ, можетъ быть, удивляютъ, и я прекрасно знаю, что, произнося ихъ, я рискую сдѣлаться объектомъ суровой критики со стороны нѣсколькихъ крикуновъ. Нѣкоторымъ очень нравится въ послѣднее время говорить о растущемъ оппортунизмѣ Конфедераціи Труда. Но это не важно. У меня достаточно мужества, чтобы бравировать эту демогогію» *).

Таково мнѣніе не только одного Грифюэля, но большинства революціонныхъ синдикалистовъ, за исключеніемъ крайняго лѣваго крыла. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что никто изъ видныхъ синдикалистскихъ дѣятелей не выступилъ съ критикой заявленій Грифюэля. Органы Конфедераціи Труда «La Voix du Peuple» и газета «Action Directe», въ

*) Цитирую по «Revue Syndicaliste» Fevrier 1908.

которой сотрудничаютъ всѣ извѣстные практики синдикалисты, хранили одобряющее молчаніе. Эволюція, совершаемая революціонными синдикалистами, наблюдается не только въ синдикалистской литературѣ, но и въ ихъ практической дѣятельности. Такъ содержаніе манифестовъ, выпускаемыхъ время отъ времени Конфедераціей Труда, и лозунги движенія, выставляемые ею, стали гораздо болѣе умѣренными въ сравненіи съ прошлымъ, а во время Дравейскихъ событій прошлаго года Конфедеральный Комитетъ почти единогласно высказался противъ организаціи революціонной демонстраціи на театрѣ забастовочной борьбы. Демонстрація, правда, была организована, но уже не отъ имени Конфедераціи Труда, а федераціей Bâtiment и за ея отвѣтственностью, и закончилась, какъ извѣстно, очень трагически разстрѣломъ рабочихъ.

Такова эволюція, которую начали совершать подъ вліяніемъ жизни революціонные синдикалисты. Спѣшу оговориться. Синдикалисты вовсе не отказались отъ своей теоріи революціонной гимнастики; они начинаютъ лишь приходить къ убѣжденію, что эту гимнастику должны продѣлывать не одни только избранные,—наиболѣе чуткіе и передовые элементы рабочаго класса, но и широкія массы, и что это можетъ быть достигнуто лишь путемъ выдвиганія непосредственныхъ цѣлей борьбы, *соотвѣтствующихъ уровню сознательности и степени организованности* рабочаго класса и при помощи крупныхъ синдикальныхъ организацій. Измѣненіе тактики синдикалистовъ обусловливается, какъ мы видѣли, именно ихъ стремленіемъ добиться осуществленія этихъ задачъ. Такъ понимаемая «революціонная гимнастика» пріемлема для всякаго искренняго и вдумчиваго соціалиста, ибо недостаткамъ синдикализма являлось не провозглашеніе этого тактическаго принципа, а лишь неправильное его примѣненіе. Нѣкоторые синдикалисты пошли въ своей эволюціи еще гораздо дальше въ сторону умѣренности и образовали новое направленіе въ Конфедераціи Труда, нѣчто въ родѣ центра между революціонерами и реформистами. Признавая, какъ «чистые» революціонные синдикалисты, преобладающее значеніе синдиката въ соціальной борьбѣ и необходимость и существенную важность «прямого воздѣйствія», какъ единственно вѣрной тактики, они вмѣстѣ съ этимъ настаиваютъ, однако, на томъ, чтобы синдикальное движеніе носило политически нейтральный характеръ и чтобы всѣ вопросы, выходящіе за предѣлы чисто экономической борьбы, были выдѣлены изъ сферы компетенціи и дѣятельности синдикатовъ. Направленіе, представленное этими синдикалистами, можно назвать «среднимъ» направленіемъ во французскомъ синдикализмѣ.

Перейдемъ теперь къ описанію того измѣненія въ отношеніяхъ синдикалистовъ къ политической партіи, которое явилось слѣдствіемъ указанной выше эволюціи.

V.

Читатель знаетъ изъ предыдущихъ главъ, каково было практическое отношеніе синдикалистовъ къ соціалистической партіи въ періодъ «революціонной гимнастики» и какъ это практическое отношеніе обосновывалось теоретически. Вѣря во всемогущество синдиката, который se suffit à lui même, который, въ силу своей природы, является единственнымъ боевымъ органомъ, при помощи какого рабочій классъ можетъ защитить всѣ свои наиболѣе важные и существенные интересы, не прибѣгая ни къ какимъ другимъ организаціямъ, синдикалисты въ своемъ стремленіи игнорировать партію оставались вполнѣ послѣдовательными. Но все дѣло въ томъ, что ихъ оцѣнка синдиката, дававшая имъ вѣру въ его всемогущество, была чисто метафизической. Они оцѣнивали синдикаты внѣ всякой связи съ дѣйствительностью, внѣ всякой связи съ сложнымъ комплексомъ экономическихъ, политическихъ и соціальныхъ условій, среди которыхъ протекаетъ синдикальная дѣятельность.

Помимо этого теоретики и практики синдикализма именно въ виду метафизичности своей точки зрѣнія упускали всегда изъ виду, что синдикаты бываютъ разные, что задачи и цѣли, являющіяся выполнимыми и возможными для крѣпкаго, могущественнаго синдиката, совершенно недоступны для синдиката слабаго, группирующаго незначительное число членовъ. На самомъ дѣлѣ, если бы мы представили себѣ гипотетически существованіе во Франціи Конфедераціи Труда, объединяющей болѣе половины французскаго рабочаго класса, исповѣдующей самые строгіе принципы классовой борьбы и ставящей себѣ революціонныя цѣли, то мы, можетъ быть, могли бы согласиться съ революціонными синдикалистами, что *такая* Конфедерація Труда не нуждалась бы въ помощи партіи. Синдикальная Конфедерація, милліоны членовъ которой, главнымъ образомъ, стремились бы не завоевывать непосредственныя улучшенія, а совершить полный революціонный переворотъ во имя соціализма, *сама являлась* бы могущественной и сильнѣйшей партіей, ибо она отличалась бы основнымъ признакомъ, характеризующимъ партію— единствомъ убѣжденій среди своихъ членовъ. Сами же революціонные синдикалисты всегда говорятъ, что политическая организація тѣмъ именно и отличается отъ синдикатовъ, что представляетъ собою лишь группировку мнѣній, въ то время, какъ синдикатъ объединяетъ людей съ одинаковыми интересами, не заботясь объ ихъ философскихъ или политическихъ симпатіяхъ. Но это вѣдь гипотеза. Дѣйствительность же ставитъ вопросъ иначе. Могутъ-ли *современные*, не гипотетическіе, не отвлеченные, а реально въ настоящемъ существующіе синдикаты отстаивать съ успѣхомъ всѣ интересы рабочаго

класса и давать отпоръ на два фронта: капиталистамъ и правительству? Могутъ-ли они собственными силами обезпечить условія для свободнаго развитія синдикальнаго движенія? Практика послѣднихъ двухъ лѣтъ дала синдикалистамъ отрицательный отвѣтъ. А такъ какъ синдикалисты, какъ мы видѣли, именно поэтому все болѣе и болѣе приходятъ къ признанію необходимости сильныхъ синдикальныхъ организацій, для развитія которыхъ требуется среда, создать которую современный синдикализмъ не можетъ, то многіе изъ нихъ начинаютъ уже давать новое толкованіе формулѣ: «le syndicalisme se suffit à lui même». Да, говорятъ они, «le syndicalisme se suffit à lui même, mais pas à tout». И вотъ мы наблюдаемъ теперь во Франціи слѣдующее интересное явленіе: синдикаты, даже наиболѣе революціонные, все болѣе и болѣе начинаютъ сближаться съ партіей. Осторожная и выдержанная тактика партіи (по крайней мѣрѣ большинства ея, руководимаго Вальяномъ и Жоресомъ) и ея рѣзко оппозиціонная политика безусловно сыграла въ этомъ сближеніи не малую роль. Понемногу изъ синдикатовъ исчезаетъ прежнее недовѣріе къ соціалистамъ. Многіе синдикалисты вступили въ партію и цѣлый рядъ важныхъ синдикальныхъ постовъ заняты уже соціалистами — членами партійной организаціи. Даже Конфедеральный Комитетъ составленъ чуть-ли не на треть изъ членовъ соціалистической партіи, изъ которыхъ двое являются, въ то же время, членами партійнаго Центральнаго комитета (Commission administrative permanente). Но это, конечно, не все. Синдикаты сближаются постепенно съ партіей путемъ непосредственныхъ сношеній. Многіе изъ нихъ посылаютъ все чаще въ соціалистическую парламентскую группу делегатовъ для изложенія своихъ взглядовъ по поводу тѣхъ или иныхъ проектовъ рабочаго законодательства или же для доставки матеріаловъ, необходимыхъ соціалистическимъ депутатамъ для ихъ парламентскихъ вмѣшательствъ и интерпелляцій по поводу репрессивной, по отношенію къ рабочимъ, политики правительства. Посылаются теперь нерѣдко такія делегаціи и въ группу соціалистическихъ муниципальныхъ совѣтниковъ Парижа и другихъ крупныхъ центровъ. Часто синдикальныя организаціи приглашаютъ на свои собранія ораторовъ изъ рядовъ соціалистической партіи и даже, horribile dictu, соціалистическихъ депутатовъ. Болѣе того: во время кампаніи въ пользу освобожденія арестованныхъ членовъ Конфедеральнаго Комитета, послѣ событій въ Villeneuve-Saint-Georges, нѣкоторые синдикаты, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи, оффиціально вступали въ сношенія съ партійными секціями для совмѣстнаго устройства митинговъ протеста и т. д. Наиболѣе рельефно измѣненіе отношенія синдикалистовъ къ партіи проявилось во время послѣднихъ муниципальныхъ выборовъ. Не говоря уже о томъ, что большинство соціалистическихъ кандидатовъ являлось въ то же время членами синдикатовъ, многіе изъ видныхъ синдикалистовъ *оффиціально* выступали на предвы-

борныхъ собраніяхъ и вели агитацію въ пользу партійныхъ кандидатуръ. Въ числѣ такихъ синдикалистовъ укажу, хотя бы, на Бускэ, секретаря федераціи рабочихъ по изготовленію съѣстныхъ припасовъ, и Пато, секретаря парижскаго синдиката электротехническихъ рабочихъ; оба эти лица пользуются большой популярностью и извѣстны своей непримиримостью. Измѣнившееся отношеніе синдикатовъ къ партіи успокоило даже гэдистовъ, настаивавшихъ все время на необходимости организаціонной связи между партіей и Конфедераціей Труда. Такъ, на предпослѣднемъ партійномъ совѣтѣ вопросъ о синдикатахъ и партіи, внесенный въ порядокъ дня гэдистами, по ихъ же требованію, былъ снятъ съ очереди, при чемъ они мотивировали свой образъ дѣйствія замѣчающимся фактическимъ сближеніемъ между синдикатами и политической организаціей соціализма. Конечно, было бы слишкомъ рискованно утверждать, что всякое недовѣріе со стороны синдикатовъ къ партіи окончательно исчезло, что между ними уже состоялось полное и тѣсное сближеніе. Но процессъ этого сближенія безусловно совершается въ настоящее время все ускоряющимся темпомъ, и отъ политики и такта партіи въ большой степени будетъ зависѣть осуществленіе полнаго моральнаго единства между нею и Конфедераціей Труда въ близкомъ будущемъ.

Синдикалистская теорія, какъ я уже говорилъ, поспѣшила отразить въ своихъ построеніяхъ тактическую эволюцію, совершаемую синдикализмомъ въ его практическихъ отношеніяхъ къ партіи. Спеціальная декларація, напечатанная въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Action Directe», за подписью сотрудниковъ этого органа, въ томъ числѣ Лагарделя, Лафона, Моризэ, Брукера, служитъ наиболѣе яркимъ тому доказательствомъ. Эта декларація является капитальнымъ документомъ для исторіи эволюціи современнаго революціоннаго синдикализма во Франціи. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ, къ сожалѣнію, привести ее полностью. Однако декларація эта по своему содержанію настолько важна, что я затрудняюсь передать ее своими словами. Я ограничусь той ея частью, гдѣ рѣчь идетъ о политической партіи. Давъ въ первой половинѣ оцѣнку синдиката въ обычномъ революціонно-синдикалистскомъ духѣ, авторы «деклараціи», переходя къ партіи, говорятъ слѣдующее:

«Въ отличіе отъ синдикатовъ, являющихся группировкой класса и интересовъ, соціалистическая партія есть группировка мнѣній. Партія объединяетъ, безъ различія классовъ, всѣхъ вѣрящихъ въ необходимость организаціи пролетаріевъ, не заботясь о національныхъ границахъ, и преобразованія индивидуальной собственности въ коллективную. Въ то время, какъ синдикаты, возникающіе въ области производства, измѣняютъ непосредственно отношенія классовъ, соціалистическая партія можетъ *вліять на эти отношенія* (курсивъ всюду мой) лишь косвеннымъ образомъ, *путемъ поль-*

зованія парламентомъ, путемъ пропаганды и широкой агитаціи въ странѣ. Въ противоположность политическимъ партіямъ буржуазіи, выдающимъ себя за партіи единенія классовъ, соціалистическая партія, исходя изъ яснаго сознанія экономическихъ антагонизмовъ, *является представительной партіей рабочаго класса,* что обусловливается самой цѣлью, которую партія преслѣдуетъ. Руководясь исключительно нуждами пролетарской борьбы, партія отражаетъ въ своей дѣятельности непосредственныя требованія работниковъ и *пропагандируетъ конечную цѣль соціализма.* Не преувеличивая той части, которая выпадаетъ на долю партіи въ общей рабочей борьбѣ, существованіе партіи *можно признать въ настоящее время необходимымъ.* Наличность ея даетъ возможность работникамъ принимать участіе въ общей политической жизни и вмѣшиваться въ междупартійную борьбу *безъ риска затемнить свои классовыя требованія и свое особенное классовое дѣйствіе.* Рабочій классъ не можетъ относиться индифферентно къ проблемамъ, встающимъ предъ выборными учрежденіями, проблемамъ, часто непосредственно затрагивающимъ его интересы. Вмѣстѣ съ этимъ нельзя предоставить безъ контроля вліянію буржуазныхъ политикановъ крестьянство, на которое не распространяется дѣятельность Конфедераціи Труда, точно такъ же, какъ и массу работниковъ, вѣрящихъ еще въ цѣлесообразность вотумовъ и законовъ. Синдикатъ не можетъ выступать въ этой области борьбы, не рискуя разбить единеніе своихъ членовъ. Здѣсь должна выступать поэтому партія. Утилизируя средства, которыя ей предоставляетъ буржуазія, соціалистическая партія видитъ свою основную роль въ борьбѣ противъ партій соціальнаго консерватизма и политической реакціи. Соціалистическая партія старается поддерживать и расширять политическія свободы и обезпечить существованіе демократической среды, болѣе благопріятной для автономнаго развитія рабочаго движенія. Законы являются необходимыми отношеніями, вытекающими изъ природы вещей, а не результатами доброй воли законодателя. Законодательный текстъ есть не болѣе, какъ освященіе этихъ отношеній. *Законъ обобщаетъ, однако, или прогрессъ, или регрессъ.* Соціализмъ стремится къ измѣненію въ пользу пролетаріата соотношенія силъ, борящихся въ современномъ обществѣ. Улучшенія, завоеванныя благодаря непосредственному давленію рабочаго класса, и реформы, зарегистрированныя подъ его контролемъ, отмѣчаютъ этапы *революціонной эволюціи* (курсивъ текста), несовмѣстимой съ легалитарными предразсудками, которые познѣе будутъ оказывать противодѣйствіе развитію рабочаго дѣйствія. Соціалистическая партія при условіи, если она вдохновляется въ своей борьбѣ тенденціями синдикальнаго движенія, *помогаетъ этой эволюціи* своими парламентскими дѣйствіями. Въ своемъ отношеніи къ такъ называемымъ рабочимъ реформамъ, разсматриваемымъ буржуазіей, какъ страховыя преміи противъ

революціи, соціалистическая партія руководится рѣшеніями, принятыми экономическими организаціями на конгрессахъ Генеральной Конфедераціи Труда... Что касается реформъ общаго характера, то партія по отношенію къ каждой изъ нихъ сама опредѣляетъ линію своего поведенія. Соціалистическая партія не является, собственно говоря, партіей реформъ въ томъ смыслѣ, что она ждетъ революціи не отъ серіи реформъ, прибавляющихся одна къ другой и проводимыхъ внѣ области рабочаго движенія, а отъ самаго этого движенія.

«Соціалистическая партія хотя и борется главнымъ образомъ въ избирательской и парламентской средѣ, не можетъ поставить себѣ утопическую цѣль завоеванія государственной власти. Партія не должна подчинять своего дѣйствія соображеніямъ объ избирательныхъ успѣхахъ. Сила партіи внѣ парламента; эту силу создаютъ движенія общественнаго мнѣнія, организаціи, вызываемыя ею къ жизни, и методическія кампаніи, которыя она ведетъ въ странѣ; эта сила создается заранѣе провозглашеннымъ намѣреніемъ партіи употреблять свое вліяніе и свою энергію при всякихъ обстоятельствахъ, вплоть до всеобщей стачки и возстанія, въ интересахъ пролетаріата. Соціализмъ не можетъ заключаться въ завоеваніи политической власти взамѣнъ буржуазнаго персонала современнаго государства новымъ персоналомъ, но въ развитіи присущихъ рабочему классу учрежденій и въ замѣщеніи ими учрежденій, при помощи которыхъ буржуазія поддерживала свое господство. *Политическое могущество партіи увеличивается по мѣрѣ роста политической способности пролетаріата*, т. е. съ усиленіемъ рабочихъ учрежденій, которыхъ партія является лишь выразителемъ и отраженіемъ. Партія не будетъ стремиться подчинить себѣ эти учрежденія. Установленіе отношеній органическихъ или временныхъ между Конфедераціей и партіей могло бы только мѣшать росту обѣихъ организацій, развивая духъ сектанства и соперничества. Автономія организмовъ есть условіе ихъ жизненности. Общность тѣла является достаточной гарантіей для сохраненія *единства рабочей борьбы*» *).

Итакъ, тотъ самый Лагардель, который всего два года тому назадъ утверждалъ, что соціалистическая партія есть органъ сотрудничества классовъ, что участіе, прямое или косвенное, въ буржуазномъ правительствѣ, является ея назначеніемъ, что всякія утвержденія о революціонной роли партіи рѣшительно ни на чемъ не основаны, и что синдикализмъ самъ по себѣ является исчерпывающимъ, теперь вмѣстѣ со своими единомышленниками, какъ мы видимъ, говоритъ совершенно противоположное. Теперь партія для него является органомъ, вліяющимъ на отношенія классовъ, партія есть представительная организація рабочаго класса, содѣй-

*) Action Directe, № отъ 30 Сентября. 1908.

ствующая своимъ *парламентскимъ дѣйствіемъ* революціонной эволюціи общества, партія охраняетъ рабочій классъ отъ затемнѣнія его классоваго сознанія и классового дѣйствія и не является вовсе партіей реформъ. Политическое могущество партіи растетъ съ усиленіемъ рабочихъ учрежденій *), параллельное дѣйствіе партіи и синдикатовъ реализуетъ единство рабочей борьбы и, наконецъ, существованіе партіи признается необходимымъ въ настоящее время.

Въ общемъ всякій вдумчивый «политическій» соціалистъ (я разумѣю западно-европейскихъ соціалистовъ), прислушивающійся къ голосу жизни и не смотрящій на дѣйствительность сквозь призму догматизма, могъ бы съ нѣкоторыми оговорками подписаться подъ этой декларацiей, если бы въ ней не было формулировано отрицательное отношеніе къ завоеванію политической власти. Все дѣло въ томъ, что сторонники этого средства для осуществленія соціализма вовсе не представляютъ его себѣ такъ упрощенно и вульгарно, какъ изображаютъ это авторы декларацiи. Но, такъ или иначе, декларація революціонно-синдикалистскихъ писателей ясно показываетъ, что жизнь научила многому даже и самыхъ непримиримыхъ проповѣдниковъ синдикалистской теоріи; и этого констатированія для насъ достаточно. Жизнь—великая учительница.

VI.

Марсельскій конгрессъ, состоявшійся въ октябрѣ прошлаго года, также отразилъ въ извѣстной степени, въ нѣсколько прикровенной только формѣ, идейную и практическую эволюцію, наблюдающуюся въ настоящее время во французскомъ синдикализмѣ. Отразилась эта эволюція, главнымъ образомъ, въ рѣшеніи вопроса объ антимилитаризмѣ, являвшагося «гвоздемъ» конгресса.

Конгрессу предстояло раньше всего рѣшить: должна ли Конфедерація Труда и входящіе въ нее синдикаты вообще заниматься антимилитаризмомъ или антипатріотической пропагандой; а въ случаѣ положительнаго рѣшенія опредѣлить характеръ этой пропаганды. Мнѣнія синдикалистовъ по настоящему вопросу рѣзко раздѣлились. При этомъ разногласія мнѣній опредѣлялись, главнымъ образомъ, общимъ характеромъ различныхъ тенденцій въ синдикальномъ движеніи.

Синдикальные реформисты и сторонники «средней» тенденціи пришли въ вопросѣ объ антимилитаризмѣ къ одинаковому рѣшенію. Какъ для первыхъ, такъ и для вторыхъ борьба съ антимилитаризмомъ въ широкомъ смыслѣ слова выходитъ за предѣлы синди-

*) Увы, что скажутъ русскіе синдикалисты, утверждающіе, опираясь на авторитетъ того же Лагарделя, что по мѣрѣ роста рабочихъ учрежденій значеніе партіи падаетъ (См. цитированную уже книжку Козловскаго, стр. 54).

кализма, и является проблемой чисто политическаго характера. Синдикаты, утверждали они, могутъ лишь въ крайнемъ случаѣ вести пропаганду среди подлежащихъ призыву на военную службу молодыхъ людей, съ цѣлью убѣдить ихъ не стрѣлять въ рабочихъ во время стачекъ. Синдикаты могутъ также и даже должны вести кампанію протеста противъ посылки арміи на театръ забастовочной борьбы и противъ практикующейся иногда замѣны стачечниковъ солдатами. Но это и все. Бороться съ милитаризмомъ вообще, какъ съ общественно-политическимъ явленіемъ, опредѣлять способы дѣйствія трудящихся на случай войны—это значитъ перейти изъ области профессіональнаго экономическаго движенія въ область чистой политики, гдѣ неизбѣжны разногласія мнѣній, раздоры и, какъ результатъ всего этого, ослабленіе синдикализма, не говоря уже о томъ, что антимилитаристская пропаганда синдикатовъ будетъ отталкивать отъ синдикальной организаціи тѣ элементы рабочаго класса, составляющіе пока большинство, у которыхъ еще живо національное чувство и не вытравлены окончательно патріотическіе предразсудки. Что проблема антимилитаризма очень важна и глубоко существенна, этого не отрицали реформисты и средніе, но они утверждали, что это—проблема, подлежащая компетенціи соціалистической партіи, какъ политической организаціи, а отнюдь не компетенціи синдикатовъ.

Такова была позиція праваго крыла синдикализма.

Представители же крайней синдикальной тенденціи, синдикалисты-анархисты, какъ и слѣдовало ожидать, доказывали съ необычайнымъ рвеніемъ необходимость провозглашенія не только антимилитаристской, но и антипатріотической пропаганды, важнѣйшей и основной задачей синдикализма. По ихъ убѣжденію, синдикалисты главнымъ образомъ должны преслѣдовать разрушеніе патріотическихъ предразсудковъ, должны стремиться показать, что отечества для рабочихъ не существуетъ, что для рабочаго класса совершенно безразлично, подъ какимъ національнымъ флагомъ его будутъ эксплуатировать. Такая пропаганда, доказывали анархисты-синдикалисты, является необходимымъ условіемъ для реализаціи соціальной революціи, ибо она подкапываетъ одинъ изъ важнѣйшихъ столбовъ, на которыхъ держится государство: патріотизмъ. Въ этомъ отношеніи синдикалисты-анархисты нашли вѣрныхъ союзниковъ въ лицѣ синдикалистовъ, сторонниковъ Эрвэ. Между анархистами и эрвэистами, съ одной стороны, реформистами и «средними»—съ другой, никакого соглашенія, конечно, произойти не могло. Но «чистые» революціонные синдикалисты? Положеніе этихъ послѣднихъ было довольно затруднительнымъ. Оставаясь вѣрными своимъ основнымъ революціонно-синдикалистскимъ взглядамъ, они не могли, конечно, согласиться съ теоріей полнаго изгнанія политическихъ проблемъ изъ синдикатовъ, въ томъ числѣ и проблемы антимилитаризма. Но въ отличіе отъ анархистовъ и эр-

вэистовъ они, наученные опытомъ, не хотѣли выдвигать антимилитаризмъ на первый планъ и, кромѣ того, находили, что пропаганда антипатріотизма совершенно не входитъ въ область синдикалистской дѣятельности, и что резолюція конгресса должна лишь указывать средства борьбы съ опасностью войны. Осуществить свои намѣренія имъ было, однако, не совсѣмъ легко. При томъ политическомъ положеніи, которое создалось для Конфедераціи Труда послѣ ареста ея главныхъ дѣятелей, и обрушившихся на нее правительственныхъ гоненій, слишкомъ рѣзкая эволюція въ сторону умѣренности могла бы быть истолкована, какъ результатъ трусости. Это значило бы показать всей Франціи, что правительство не напрасно пустило въ ходъ противъ рабочихъ организацій свой тяжелый репрессивный аппаратъ, что ему уже удалось запугать синдикалистовъ. Вмѣстѣ съ этимъ въ виду неуступчивости представителей всѣхъ прочихъ тенденцій, резолюція въ духѣ чистыхъ революціонныхъ синдикалистовъ могла бы, быть можетъ, провалиться. Послѣдніе рѣшили поэтому прибѣгнуть къ дипломатическому ходу. Они составили резолюцію, которая въ значительной степени давала удовлетвореніе анархистамъ и эрвэистамъ, но за то путемъ комментаріевъ этой резолюціи передъ голосованіемъ смягчили нѣсколько ея содержаніе. Резолюція, предложенная революціонными синдикалистами и принятая конгрессомъ, рекомендовала въ первой своей части пропаганду среди новобранцевъ, чтобы напомнить имъ, что въ конфликтахъ труда съ капиталомъ они не должны употреблять своего оружія противъ рабочихъ. Далѣе же резолюція гласила слѣдующее: «Принимая во вниманіе, что географическія границы могутъ измѣняться по капризу правящихъ группъ, работники признаютъ лишь экономическія границы, раздѣляющія два враждебныхъ класса: классъ рабочихъ и классъ капиталистовъ. Конгрессъ напоминаетъ формулу Интернаціонала: „работники не имѣютъ отечества“. И, принимая во ниманіе, что всякая война является покушеніемъ противъ рабочаго класса, кровавымъ и страшнымъ средствомъ для созданія диверсіи въ сторону отъ рабочихъ требованій, конгрессъ постановляетъ, что необходимо съ *интернаціональной точки зрѣнія* (курсивъ мой. Е. С.) выяснять работникамъ необходимость, въ случаѣ военнаго столкновенія между державами, отвѣтить на объявленіе войны объявленіемъ всеобщей забастовки» *).

Между приведенной резолюціей и резолюціей по антимилитаризму, принятой на предпослѣднемъ конгрессѣ Конфедераціи въ Амьенѣ два года назадъ, существуетъ очень характерное для эволюціи революціонныхъ синдикалистовъ различіе. Въ послѣдней резолюціи мы читаемъ слѣдующее: «Конгрессъ подтверждаетъ, что антимилитаристская и *антипатріотическая* пропаганда должна

*) Цитирую по l'Humanité, № отъ 10 октября 1908.

принимать все болѣе интенсивный и крайній характеръ. Конгрессъ одобряетъ и рекомендуетъ всякую антипатріотическую и антимилитаристскую пропаганду, которая можетъ лишь скомпрометтировать положеніе выскочекъ всѣхъ классовъ и всѣхъ политическихъ направленій *).

Въ Марсельской же резолюціи ничего не говорится *о необходимости антипатріотической пропаганды* и ея обостренія и усиленія; рекомендуются лишь извѣстные способы дѣйствія *на случай* войны. Кромѣ этого, въ ней говорится, что пропаганда этихъ способовъ дѣйствія должна вестись съ интернаціональной точки зрѣнія. Заявленія, сдѣланныя однимъ изъ авторовъ марсельской резолюціи, членомъ Конфедеральнаго бюро, Мергеймомъ, на конгрессѣ представителю L'Humanité, оттѣняютъ эту разницу гораздо болѣе явственно. Нужно замѣтить, что Мергеймъ, лидеръ «чистыхъ» революціонныхъ синдикалистовъ, въ своихъ заявленіяхъ отразилъ мнѣніе Комитета Конфедераціи. На конгрессѣ Мергеймъ заявилъ: Вопросъ, стоящій въ порядкѣ дня, вовсе не касается антипатріотизма или антимилитаризма, но *исключительно* образа дѣйствія рабочаго класса на случай войны. Между тѣмъ, вчера пренія были посвящены главнымъ образомъ антипатріотизму. Я и мои друзья будемъ вотировать резолюцію, принимая ту часть ея, въ которой ничего не говорится объ антипатріотизмѣ **).

Тотъ же Мергеймъ *уполномочилъ сотрудника l'«Humanité» сообщить печатно*, что лишь по забывчивости, вызванной утомленіемъ составителей резолюціи, къ словамъ «всеобщая революціонная стачка» не было прибавлено слова «интернаціональная». Читатель понимаетъ все глубокое значеніе этой маленькой поправки. Она измѣняетъ весь характеръ резолюціи, ибо средство борьбы, «всеобщая революціонная забастовка», рекомендуется уже не категорически, а условно, лишь тогда, когда можно будетъ провести ее интернаціонально. Вмѣстѣ съ этимъ поправка окончательно вытравляетъ изъ резолюціи ея антипатріотическую окраску. Въ дѣйствительности, разъ къ всеобщей революціонной забастовкѣ въ случаѣ войны можно прибѣгнуть при условіи, если и въ другой воющей странѣ будетъ происходить такая же забастовка, то значитъ рабочему классу не безразлично, подъ какимъ національнымъ флагомъ его будутъ эксплуатировать, т. е. мы получаемъ обратное тому, что проповѣдуютъ анархисты и Эрвэ. Такимъ образомъ, если мы сравнимъ амьенскую резолюцію по антимилитаризму съ резолюціей по тому же вопросу, принятою въ Марселѣ, вмѣстѣ съ сопровождавшими ее комментаріями и заявленіями, то увидимъ, что дѣйствительно марсельскій конгрессъ отразилъ общую эволюцію революціоннаго синдикализма. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что, если бы

*) Цитирую по l'Humanité, № отъ 14 октября 1906 года.
**) Цитирую по l'Humanité № отъ 10 октября 1908 года.

конгрессъ засѣдалъ въ другое время, эта эволюція отразилась бы въ его рѣшеніяхъ гораздо явственнѣе. Впрочемъ, и самъ секретарь Конфедераціи Труда Люкэ заявилъ приватнымъ образомъ въ «кулуарахъ» конгресса, что лишь исключительность момента заставила его пойти на уступки эрвэистамъ. Если бы нужно было начинать сначала, то онъ, по его словамъ, больше такой уступки не сдѣлалъ бы.

Въ предыдущемъ изложеніи я старался показать, какъ эволюціонировалъ французскій синдикализмъ, и какъ сторонники этого направленія подъ вліяніемъ уроковъ практики постепенно пришли къ болѣе вѣрной оцѣнкѣ условій и задачъ борьбы. Я старался показать также, какъ непосредственнымъ результатомъ этой эволюціи явилось измѣненіе въ благопріятную сторону отношеній синдикалистовъ къ соціалистической партіи и постепенное уничтоженіе того глубокаго антагонизма, который въ продолженіи долгаго времени существовалъ между профессіональной и политической организаціей французскаго рабочаго класса, являясь огромнымъ препятствіемъ на пути развитія общесоціалистическаго движенія во Франціи. Описанная мною эволюція, конечно, еще далеко не закончена, но все говоритъ за то,—и это явствуетъ изъ предыдущаго изложенія,—что съ теченіемъ времени французскій синдикализмъ окончательно очистится отъ мѣшающихъ его нормальному росту элементовъ, завѣщанныхъ ему предшествующими періодами его развитія. То же обстоятельство, что Конфедерація Труда не ограничивается одной повседневной борьбой, одними интересами текущаго дня, а ставитъ себѣ кромѣ цѣлей «близкихъ и ограниченныхъ» еще цѣли болѣе «широкія и далекія» и стремится оцѣнивать первыя съ точки зрѣнія послѣднихъ, можетъ только явиться факторомъ, ускоряющимъ процессъ, ведущій къ полному моральному единенію синдикальной организаціи съ политической организаціей соціализма. Это прекрасно понимаетъ большинство французскихъ соціалистовъ, и поэтому они и заявили въ своей лиможской резолюціи: «принимая во вниманіе, что амьенскій конгрессъ указываетъ синдикализму цѣль, которую въ качествѣ политической партіи преслѣдуетъ только соціализмъ, мы полагаемъ, что это основное совпаденіе въ политической и экономической борьбѣ пролетаріата необходимо приведетъ безъ всякаго смѣшенія къ свободному сотрудничеству обоихъ *) организмовъ».

Е. Сталинскій.

*) Выборы секретаря Генеральной Конфедераціи Труда, имѣвшіе

ЗАБЫТЫЕ.

XII.

Молодые стали жить... За получкой денегъ, которыя пали по билету на „бѣдную невѣсту“, Хима отправилась въ управу вмѣстѣ съ Иваномъ Захарычемъ, который, помня слова своего благодѣтеля Соплюна и будучи ему кругомъ долженъ,—разсчитывалъ положить ихъ себѣ въ карманъ; но случилось совсѣмъ по другому.

Деньги староста отсчиталъ (все золотомъ) и отдалъ Химѣ. Та быстро схватила ихъ и съ ловкостью, достойною удивленія, въ одинъ моментъ, завязала въ платокъ и спрятала куда то подъ „жакетку“...

Выйдя за дверь на лѣстницу (гдѣ ихъ поджидалъ какой-то корявый посланникъ отъ писарей, поздравившій счастливыхъ супруговъ съ получкой и которому Хима, скрѣпя сердце, дала гривенникъ),—Иванъ Захарычъ сказалъ женѣ:

— Какъ же насчетъ деньжонокъ-то? Соплюну я долженъ... отдать надо... Да и самому одѣться... а?

— Подождетъ твой Соплюнъ... не великъ баринъ,—отвѣтила Хима, — и не отдадимъ, такъ наплевать. Что у тебя

мѣсто послѣ того, какъ настоящая статья была написана, являются яркой иллюстраціей описанной выше эволюціи французскаго синдикализма.

На должность секретаря избранъ былъ членъ соціалистической партіи Ніель, упоминавшійся мною лидеръ „средней“ тенденціи. За Ніеля голосовали всѣ реформисты и „средніе“, а также нѣкоторые изъ „чистыхъ“ революціонныхъ синдикалистовъ.

Другой лидеръ „среднихъ“ Латапи былъ выбранъ въ редакцію конфедеральнаго органа „La Voix du Peuple“ вмѣсто Пужэ,—крайняго синдикалиста.

Правда, черезъ два мѣсяца послѣ своего избранія новый секретарь Конференціи Труда заявилъ о своемъ выходѣ въ отставку, въ виду систематической и ожесточенной оппозиціи, которую онъ встрѣтилъ въ конфедеральномъ комитетѣ со стороны сторонниковъ бывшаго секретаря Грифюэля. Въ этомъ обстоятельствѣ нельзя видѣть однако, проявленія борьбы идей, а главнымъ образомъ борьбы самолюбій и личностей..

расписка, что-ли, дана?.. Денежки, Ванечка, беречь надо... Можетъ, у насъ съ тобой дѣти будутъ... мало-ли...

— Дыкъ какъ же такъ?.. Долженъ вѣдь я... неловко... не по совѣсти... Человѣкъ хлопоталъ для меня, старался... обулъ, одѣлъ, а я свиньей передъ нимъ останусь... Нѣтъ, какъ хошь, а денегъ давай,—отдамъ я... мои вѣдь деньги то... приданое... чай, выговорено было...

Хима засмѣялась, скаля большіе желтые зубы.

— А я-то чья? — сказала она, — чужая, что-ли?.. Небось, жена... Пропью, что-ли, боишься, твои деньги украду?.. Небось, цѣлы будутъ... Соплюна боишься? Не бойся... говори прямо на меня: жена, молъ, не даетъ, а тутъ ужъ я знаю, какъ съ ихнимъ братомъ обращаться... У меня много не наговоришь... Нѣтъ, не наговоришь! — повторила она, скаля зубы, очень похожая въ этомъ видѣ на суку, у которой хотятъ отнять щенятъ. Иванъ Захарычъ глядѣлъ на нее и мысленно, въ первый разъ, произнесъ про себя:

— Вотъ стерва-то!..

— Кто его просилъ одѣвать-то тебя? — продолжала Хима:— я бы и сама тебя одѣла... Тебѣ и покупать-то незачѣмъ одежду-то... у насъ дома есть, послѣ братца Иванушки осталась... носи на здоровье! Куда тебѣ ходить-то? Щеголять-то не передъ кѣмъ... Сиди дома, работай, пей, ѣшь... Выпить захотѣлъ — выпей дома, тихо, смирно, никто не видитъ... на что лучше...

— Что-жъ мнѣ, стало быть, такъ около твоей юбки и сидѣть на привязи?—сказалъ Иванъ Захарычъ: — небось, мнѣ работу надо искать... То, се, съ людьми поговорить... Соплюнъ вонъ говорилъ: „у меня для тебя завсегда работа будетъ... работай только"... Мнѣ безъ него нельзя... Чѣмъ я буду работать-то... пальцемъ, что-ли? Гдѣ струментъ? У меня своего нѣту...

— Эка штука... купимъ!— сказала Хима.

— А верстакъ?

— А на что тебѣ верстакъ? И безъ верстака обойдемся... Положилъ двѣ доски, вбилъ гвоздь—вотъ тебѣ и верстакъ... строгай, работай!..

— Чего?

— Найдемъ чего! Я, да не найду! Я твоему Соплюну впередъ пять очковъ дамъ... Много онъ тебѣ заплатилъ за работу, а? Не ты ему долженъ, а онъ тебѣ... Пусть онъ, сопливый чортъ, лучше и не спрашиваетъ... глаза выдеру, осрамлю на весь городъ... Мнѣ наплевать! Мнѣ теперь, благо я замужъ вышла, все равно... Я и въ дѣвкахъ-то ихняго брата помахивала, а теперь я ему рта разинуть, слова выговорить не дамъ... заплюю...

Она опять засмѣялась, а Иванъ Захарычъ опять мысленно и со страхомъ произнесъ, глядя на богоданную жену:

— Вотъ стерва то!..

XIII.

Нечего говорить, что Хима забрала Ивана Захарыча въ руки. Она очень скоро увидала и поняла, что мужъ слабъ, безхарактеренъ и мягокъ, какъ воскъ.

— Чистый ребенокъ,—говорила она иногда Лукерьѣ Минишнѣ:—облапошить его всякій мальчишка сумѣетъ... Ты ему дѣло говоришь, а онъ вытаращитъ глазищи, смотритъ, а самъ объ другомъ думаетъ... Вотъ, говорить объ чемъ не надо—мастеръ... Въ вѣдомостяхъ услышитъ что читаютъ,—это ему надо... Какъ турецкій салтанъ живетъ, — ему дѣло, а коснись мѣру луку продать — отдастъ за гривенникъ...

— А ты учи его, дѣвонька!.. Долби ему въ голову-то, какъ дятелъ носомъ по дереву долбитъ... небось, вникнетъ...

— Да ужъ и то долблю съ утра до ночи, языку иногда больно... Молчитъ, а спрошу: что я сейчасъ говорила?... Разинетъ ротъ, хлопаетъ глазами... не слушалъ, значитъ, объ другомъ думалъ...

— Ну, а уствовъ-то своихъ противу тебя не отверзаетъ, не грубіянитъ?.. Рукъ не протягиваетъ?..

— Что ты, Лукерья Минишна, матушка! Да я, коли что коснется, бѣльмы выцарапаю... У меня не забалуешь!

Мѣсяца три-четыре послѣ свадьбы, пока Хима не „затяжелѣла“, жилось Ивану Захарычу вообще не дурно; онъ даже сталъ было входить во вкусъ и нагонять на себя тѣло. Все у него было готовое. Утромъ—чай; немного погодя, когда затопится печка,—завтракъ, потомъ, еще немного погодя, обѣдъ, а тамъ опять—чай... вечеромъ ужинъ... послѣ ужина, глядь, Хима торопливо готовитъ постель... И вотъ, помолившись Богу, Иванъ Захарычъ лежитъ, „укрывшись“ ватнымъ собраннымъ изъ лоскутковъ одѣяломъ, и, поджидая Химу, которая моетъ въ лоханкѣ мочалкой грязную посуду, думаетъ:

— А вѣдь я—хозяинъ... Чудно́, истинный Господь! Что было и что стало?.. Кабы такъ завсегда,—помирать не надо!..

Но вскорѣ наступило жестокое разочарованіе... Какъ только Хима убѣдилась, что она „затяжелѣла“,—то какъ-то сразу превратилась въ злую кошку, готовую всякую минуту взъерошиться и зафыркать.

Все пошло по другому. Хима перестала заниматься дѣ-

лами и взвалила все на Ивана Захарыча, то и дѣло покрикивая на мужа:

— Поставь чугунъ-то въ печку!.. Аль забылъ, оболтусъ?.. Небось, я тижелая, какъ бы, спаси Богъ, чего не случилось...

Иванъ Захарычъ покорялся, какъ голубь. Химѣ это, повидимому, пришлось по нраву, и она дѣлалась все капризнѣе и злѣе...

Ивану Захарычу пришлось уже самому топить печку, варить похлебку, мѣсить тѣсто, печь хлѣбы и—ужаснѣе всего—доить корову. Корова была, правда, смирная, но всетаки съ непривычки ему было и страшно, да и совѣстно подступиться къ ней. Однако дѣлать было нечего—доить надо.

— Ты, Иванъ Захарычъ,—посовѣтовала Хима, лежавшая въ постели,надѣнь мою юбку. Она тебя обнюхаетъ, подумаетъ—я... а то, чего добраго, молока не сдастъ.

— Позвать бы кого,—сказалъ Иванъ Захарычъ.—Неловко... ей-Богу, въ рукахъ это дѣло не бывало... боюсь!..

— Ну, вотъ, по людямъ бѣгать, платить за все! Подоить дѣло не хитрое... Помажь ей соски-то саломъ, да и чиркай съ молитвой... Чего стыдиться-то?..

Надѣлъ Иванъ Захарычъ юбку, голову повязалъ платкомъ и, нарядившись такимъ образомъ, захвативъ ведерко, отправился на дворъ...

— Ты смотри, не вздумай съ лѣваго боку подъ нее садиться,—крикнула ему вслѣдъ Хима,—не любитъ!..

А пока происходилъ разговоръ, Ѳедулъ Митричъ, молча заливавшійся смѣхомъ, соскочилъ съ лежанки и, ковыляя, скрылся за дверь. Притаившись за угломъ, весь согнувшись отъ душившаго его смѣха, онъ нѣкоторое время наблюдалъ за Иваномъ Захарычемъ, а потомъ побѣжалъ къ Платонычу.

— Ты, Платонычъ, сидишь тутъ, ничего знаешь, а?

— А что?

— Доитъ, корову доитъ... хы, хы, хы! Заставила... хы, хы, хы! ей-Богу!.. хы, хы, хы! въ юбку въ свою нарядила, въ платокъ, сидитъ дуракъ подъ коровой, чиркаетъ... Пойдемъ, покажу... умрешь — не увидишь! Погоди, — завопилъ онъ, переставъ смѣяться и грозясь кулакомъ въ окно, — погоди, сукинъ ты сынъ, узнаешь!.. Она тебя выдоитъ самого неплошь коровы!..

— Скоро, видно, на крестинахъ загуляешь...—сказалъ, смѣясь, Платонычъ.—Все, чай, поднесутъ банку... Будешь, Богъ дастъ, на старости лѣтъ няньчить внучка, либо внучку... Вотъ и тебѣ дѣло найдется...

XV.

Приспѣлъ, наконецъ, „часъ"!.. Химу „схватило". Въ домишкѣ по этому случаю начался адъ. Хима вопила безъ умолку:

— Ой, батюшки, смерть моя! Ай, батюшки, умираю!..

— Не умрешь, врешь,—злобствовалъ Ѳедулъ Митричъ, сидя вмѣстѣ съ Иваномъ Захарычемъ въ огородѣ, куда ихъ прогнали изъ дому,—не умрешь!..

— Ой, батюшки, смерть моя! Ой, батюшки, умираю!—несся изъ хаты вопль, слушая который, Иванъ Захарычъ радъ былъ провалиться куда-нибудь въ преисподнюю.

— А-а-а!—ехидничалъ Ѳедулъ Митричъ.—Что, братъ, это, видно, не мутовку облизать... Такъ и надо... Ну-ка еще, ну-ка еще... Эва завыла!

Около Химы работали двѣ женщины: сваха Лукерья Минишна и старушонка повитуха, маленькаго роста, съ горбомъ на спинѣ, худая и сморщенная, какъ старый высохшій грибъ... Обѣ, собственно говоря, ничего не дѣлали. Сваха толкалась зря, какъ ступа, всплескивала, глядя на Химу, руками съ выраженіемъ испуга и сожалѣнія, а повитуха то и дѣло говорила Химѣ:

— Потерпи, матушка, потерпи, дѣвонька... Богъ терпѣлъ и намъ велѣлъ... Крута горка да забывчиста.

— Ой, батюшки, смерть моя! Ой, батюшки, умираю!.. Подайте ножикъ, за-а-рѣжусь!..

— Поди, дай ей ножикъ-то, — язвилъ Ѳедулъ Митричъ, обращаясь къ Ивану Захарычу.—Хорошее бы дѣло... тебѣ бы, по крайности, отдышка, а то, помяни ты мое слово, съѣстъ она тебя живьемъ, проглотитъ, какъ щука пискаря...

Роды задались трудные... Химу „не отпускало" двое сутокъ, и эти двое сутокъ она вопила безъ передышки.

На вторыя сутки къ вечеру, наконецъ-то, „Богъ простилъ"... Хима „растряслась": родился мальчикъ.

— Наслѣдничка тебѣ, батюшка, Господь послалъ,—сообщила Ивану Захарычу старушка.—Эдакой-то кряжистый, чисто рѣпина... весь въ тебя, все обличье твое... надо же такое сходство...

— Хы!—засмѣялся бывшій при этомъ Ѳедулъ Митричъ,—корми, дуракъ... Погоди, взвоешь еще!

— Да что вы, тятенька, каркаете... Грѣхъ вамъ отъ Господа,—возмутился Иванъ Захарычъ. — Дочь свою кровную не щадите... срамите на всю подселенную...

— Хы, хы, хы, погоди... взвоешь!..

XV.

Въ домишкѣ стало шумно. Новорожденный оралъ день и ночь почти безъ перерыву. Животъ ли у него „схватывало" отъ сосокъ, которыми Хима старалась заткнуть ему глотку, или отъ чего другого, — неизвѣстно, но только онъ оралъ, оралъ и оралъ. Хима сердилась и со злости плакала. Иванъ Захарычъ бралъ его иногда на руки и неловко „тюлюлюкалъ", приговаривая: „ахъ, дуду, дуду, дуду! потерялъ мужикъ дугу, на поповомъ на лугу, шарилъ, шарилъ — не нашелъ, взялъ заплакалъ, да пошелъ"...

Ѳедулъ Митричъ, глядя на нихъ, фыркалъ носомъ или, отвернувшись на лежанкѣ къ стѣнкѣ, заливалсл про себя ехиднымъ смѣхомъ...

Къ году Хима опять „затяжелѣла" и сдѣлалась, по выраженію Ѳедулъ Митрича, „злѣе чорта"... Кромѣ того, ее вдругъ „обуяла" какая-то непомѣрная жадность, скаредность. Чай, сахаръ, хлѣбъ, все это она заперла въ шкафъ, ключъ отъ котораго носила постоянно у себя въ карманѣ. Чай стали пить только одинъ разъ по утру, да и то не чай, а какую-то мутную водицу...

— Мы не господа,—говорила Хима,—сожрать-то что хошь можно... Вонъ люди-то какъ живутъ, на одной на сухой коркѣ и то живы... Другому бы давно помирать пора,—продолжала она, выразительно глядя на Ѳедулъ Митрича, — а онъ, неизвѣстно зачѣмъ, живетъ... мѣсто занимаетъ...

— Тьфу ты, окаянная сила!—плевался, вскакивая изъ-за стола, Ѳедулъ Митричъ.—А я тебя, чорта, кормилъ?.. Забыла?..

— Погоди,—обращался онъ къ Ивану Захарычу,—дойдетъ дѣло, будешь ты у ней ноги мыть да эту самую воду пить... Погоди!.. Можетъ, доживу—увижу...

Но дожить и увидать ему не пришлось, и онъ вскорѣ померъ отъ „распаленія въ легкомъ", лежа на своей лежанкѣ...

А Хима благополучно родила другого мальчишку...

Жизнь потянулась въ домишкѣ тусклая, съ ребячьимъ пискомъ, съ грязью, недоѣданіемъ, попреками, руганью...

Хима совсѣмъ опустилась. Ходила съ мокрымъ подоломъ, грязная, съ худымъ желтымъ лицомъ, постоянно ругаясь, пронзителъно визжа и трясясь надъ всякой монеткой...

Ивана Захарыча она считала своей неотъемлемой собственностью, съ которой можно дѣлать, что угодно...

Жилось этой „собственности" плохо. Работы было совсѣмъ мало,—кое-какая грошовая починка, деньги за которую при-

ходилось получать съ трудомъ... Дѣла по огороду не ладились: либо морозъ хватитъ чуть не въ іюлѣ, либо червь навалится, либо еще что... На рынкѣ торговля тоже шла не важно, да и Химѣ бывало некогда торговать: заболѣлъ второй мальчишка и не шелъ съ рукъ. Хима злилась, орала и на него: „чтобъ ты издохъ!“ и на мужа.

— Кабы знала, что ты такой, лучше бы въ дѣвкахъ десятерыхъ родила, чѣмъ тебя дожидаться. Заѣлъ ты мою жизнь... Куда ты годенъ: ни въ пиръ, ни въ міръ, ни въ добрые люди..

Иванъ Захарычъ, молча, слушалъ. и въ его душу заползала тупая, мучительная тоска—злость.

— О, Господи, владыко живота моего,—шепталъ онъ, уходя отъ грѣха куда-нибудь въ огородъ.—И догадало меня... жилъ бы теперича одинъ... А все Соплюнъ проклятый... Н-да, правду говорилъ старикъ „погоди, узнаешь“... вотъ и узналъ... Господи, владыко живота моего...

Иногда, очень, впрочемъ, рѣдко, удавалось Ивану Захарычу „отлучаться“ изъ дому въ городъ, отнести работишку, получить за нее, если отдадутъ, деньжонки, купить лаку, клею, политуры или что еще, нужное по его дѣлу, въ чемъ Хима ничего не понимала. Эти рѣдкія отлучки были для Ивана Захарыча все равно, что для жаждущаго въ пустынѣ вода.

Онъ шелъ въ трактиръ попить за пятачекъ чаю. Ему нуженъ былъ, конечно, не чай, а то, что онъ любилъ чуть не съ пеленокъ: вся эта шумная трактирная жизнь, спертый воздухъ, хлопанье дверью, бѣганье половыхъ, пронзительная трескотня канареекъ, галдѣнье мужиковъ, чтеніе газеты... Онъ садился гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, спрашивалъ пару чаю и сидѣлъ, съ наслажденіемъ поглядывая по сторонамъ, слушая разговоры, забывая на время, что дома ждетъ его Хима съ своими ругательствами, дѣти, попреки... тоска. Въ особенности, сидя въ трактирѣ, онъ любилъ слушать чтеніе „вѣдомостей“. Самъ онъ читалъ плохо, почти что ничего не понималъ. Другое дѣло въ трактирѣ, когда эти же самыя „вѣдомости“ читалъ кто-нибудь другой. Тутъ Иванъ Захарычъ, подсѣвъ къ чтецу, превращался весь во вниманіе, изображая изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ знакъ вопроса.

Его интересовало все — и передовая статья, толкующая про какой-нибудь восточный вопросъ, прославляющая могущество Россіи, и фельетонъ, въ которомъ описывалось, какъ „Лизу погубилъ русокудрый Иванъ“. Пуще же всего интересовали Ивана Захарыча разныя „происшествія“: убійства, грабежи, землетрясенія, рожденіе необыкновеннаго урода, драки... Любилъ онъ также слушать „объявленія“: „Ищу

уроковъ. Согласенъ за столъ. Разстояніемъ не стѣсняюсь. Зацѣпа. Домъ Кудинова, квар. № 5“.

— Ишь ты, — говорилъ, выслушавъ это, Иванъ Захарычъ,—стало быть, дошелъ до дѣла... перекусить нечего. А небось, благородный какой...

— „Послѣдняя новость! — начинаетъ чтецъ другое объявленіе. — Прелестные и прочные стѣнные часы „ре-ре-гуляторъ“ новѣйшаго фасона, съ отличною самоиграющею каждый часъ громкою и весьма пріятною для слуха музыкой. Цѣна вмѣсто 30 руб. только 15“... Вотъ купи!—говоритъ онъ Ивану Захарычу.

— Гм! гдѣ ужъ намъ... до часовъ-ли! Наши часы на небѣ,—мы по солнышку...

Ходилъ Иванъ Захарычъ постоянно въ одинъ и тотъ же трактиръ, „къ Конычу“.

Трактиръ былъ плохой, до казенки торговавшій водкой открыто, а теперь торгующій ею же „закрыто“, т. е. подающій на столъ водку въ чайникахъ, подъ видомъ чая. Въ послѣднее время содержатель его—Конычъ, длинный человѣкъ, похожій на отесанную шестерину, съ глазами голоднаго пса, купилъ въ Москвѣ граммофонъ для привлеченія публики и заводилъ его, ставя около двери или окна для того, чтобы крикъ граммофона слышенъ былъ „за версту“...

Изъ Москвы-же выписывалъ онъ для трактира двѣ газеты. Какъ граммофонъ, такъ и газеты пришлись къ мѣсту. Граммофонъ слушали сначала, въ особенности деревенскія бабы, съ какимъ-то священнымъ ужасомъ, крестясь и говоря, что „не иначе, какъ въ немъ нечистый сидитъ“, а газеты зачитывались, переходя изъ рукъ въ руки, до того, что подъ конецъ превращались въ какія-то сѣрыя, скомканныя портянки, хотя, собственно говоря, по своему „духу“ онѣ были тоже не лучше портянокъ...

Посѣщая этотъ трактирчикъ, Иванъ Захарычъ познакомился въ немъ съ нѣкоторыми, по его мнѣнію, „порядочными“ людьми... Эти „порядочные“ люди были извѣстные всему городу забулдыги: писарь изъ мѣщанской управы Сысой Петровъ, регентъ соборный Вуколычъ, да еще служащій изъ казначейства, котораго звали довольно-таки странно: „Чортикъ“. Собственно говоря, этотъ Чортикъ и точно напоминалъ видомъ своего знаменитаго тезку... не хватало только роговъ да хвоста...

У этихъ людей въ трактирѣ было свое любимое мѣсто, гдѣ они постоянно и садились. Здѣсь они спрашивали себѣ три пары чаю, газету и почти каждый день „добраго здоровьица“ въ чайникѣ. Самый старшій изъ нихъ по годамъ, писарь изъ управы, Сысой Петровъ, человѣкъ съ круглымъ,

какъ лепешка, лицомъ, плѣшивый, съ огромными красными пальцами на рукахъ, бралъ газету и принимался читать вслухъ замогильнымъ, какъ въ пустую бочку, голосомъ, какъ-то странно ухая, точно огромный филинъ, сидящій гдѣ-нибудь весной, ночью, въ дремучемъ лѣсу и рѣдко и монотонно, какъ маятникъ у большихъ часовъ, выговаривающій: ухъ, ухъ, ухъ, ухъ!

Вуколычъ, соборный регентъ, толстый, небольшого роста человѣкъ, засунувъ въ ротъ огромную папироску „пушку", слушалъ, глядя не на чтеца, а куда-то въ сторону, на улицу, гдѣ ходили люди и проѣзжали подводы, либо на половаго, стоявшаго заложивъ руки за спину и прислонясь къ печкѣ; на бритомъ и постоянно изрѣзанномъ тупой бритвой лицѣ Вуколыча ничего нельзя было прочесть... Застыло это лицо, точно какой-нибудь студень, да такъ и осталось...

Другое дѣло Чортикъ... Этотъ господинъ, казалось, состоялъ весь изъ пружинокъ, винтиковъ, колесиковъ, которые бѣгали и кружились безъ перерыва... Все въ немъ такъ и ходило! Ни рукамъ, ни глазамъ, ни бороденкѣ—ни чему не давалъ онъ покоя. По всему вѣроятію, его и назвали по этой причинѣ не чортомъ, кличкой въ нѣкоторомъ родѣ солидной, внушающей мысль о чемъ-то большомъ, страшномъ и важномъ, а просто чортикомъ, т. е. чѣмъ-то маленькимъ, безпокойнымъ, юркимъ, какъ мышенокъ...

Къ этимъ-то „порядочнымъ" людямъ, приходя въ трактиръ, и подсаживался Иванъ Захарычъ. Онъ съ наслажденіемъ слушалъ чтеніе газеты, разговоры по поводу прочитаннаго, съ затаенной завистью, глотая слюни, глядѣлъ, какъ они пили „по махонькой" водку, курили и вообще вели себя какъ-то такъ ловко, вольно и смѣло, что, глядя на нихъ, Иванъ Захарычъ дивился и думалъ:

— Вотъ это публика... а мы что?... О, Господи, владыко живота моего!.. Только и есть одна Хима да Хима... Выпить и то не могу,—не на что...

Наконецъ, онъ свелъ съ ними знакомство. Они, вѣроятно, замѣтили, что онъ постоянно, чуть не разиня ротъ, слушаетъ ихъ, и вотъ однажды, въ какой то праздникъ, когда Иванъ Захарычъ, „урвавшись" изъ дому въ трактиръ, по обыкновенію сѣлъ на свое мѣсто и сталъ внимательно слѣдить и слушать,—соборный регентъ Вуколычъ, казалось, ничего не замѣчавшій, вдругъ поманилъ его къ себѣ пальцемъ.

— Подика-сь сюда!—сказалъ онъ.

Иванъ Захарычъ подбѣжалъ къ нему на цыпочкахъ.

— Вы меня-съ?—спросилъ онъ.

— Тебя,—сказалъ Вуколычъ, — ты что, Химкинъ мужъ, что-ли, а?..

— Такъ точно-съ.

— Ахъ ты, горе луковое!.. Бьетъ?

Иванъ Захарычъ промолчалъ.

— Я ее, твою Химу-то, хорошо знаю,—продолжалъ Вуколычъ.—Я весь городъ знаю. Бабенка она у тебя шустрая... я у ней лукъ беру... ты спроси у нея про меня, она тебѣ скажетъ... Она мнѣ и про тебя говорила: столяръ ты, ишь, хорошій... Зашелъ бы ты, братецъ, ко мнѣ какъ-нибудь... Есть у меня, понимаешь, стулъ, кресло эдакое старинное... ножка сломалась, не починишь ли? Я-бъ тебѣ заплатилъ, чего стоитъ. Водку-то ты пьешь, аль жены боишься?..

— Пью-съ.

— Пью-съ!—передразнилъ его Вуколычъ.—Бери стулъ, садись къ нашему столу... Давай сюда свой приборъ-то...

Иванъ Захарычъ перенесъ со своего стола „приборъ" и сѣлъ, какъ-то бокомъ, на стулъ, рядомъ съ Вуколычемъ, необыкновенно радуясь въ душѣ эдакому, какъ онъ думалъ, превосходному случаю.

— Налить, что-ли?—сказалъ Вуколычъ и посмотрѣлъ на Сысоя Петрова.

— Какъ знаешь,—сказалъ тотъ.—Дѣло твое. Тебѣ человѣкъ нуженъ, стало-быть, потчуй...

Вуколычъ налилъ изъ чайника въ чайную чашку водки и, мигнувъ лѣвымъ глазомъ, сказалъ:

— Лакай, столяръ!.. За кресло зачту...

Иванъ Захарычъ, съ жадностью давно не пившаго пьяницы, „глотнулъ" водку.

— А ты, братъ, должно быть, по этой то штукѣ профессоръ кислыхъ щей?—сказалъ Вуколычъ и, наливъ еще, прибавилъ:—Помни! двѣ чашки по гривеннику за чашку, двадцать монетъ... Это тебѣ зачтется...

— Помилуйте-съ... я... да я даромъ за всякое время,—прижимая лѣвую руку къ сердцу, сказалъ Иванъ Захарычъ и „глотнулъ" еще...

„Глотнувъ", онъ необыкновенно быстро, размякъ и сдѣлался пьянъ. Все какъ-то сразу въ его головѣ перепуталось и перемѣшалось. Онъ вдругъ почувствовалъ себя необыкновенно смѣлымъ, развязнымъ, разговорчивымъ...

— Мнѣ наплевать на жену! — кричалъ онъ минутъ черезъ 15—20, стуча кулакомъ по краю стола.—Мнѣ, главная причина, люди нужны, правда, законъ божій... Я человѣкъ вотъ какой: я рубашку сыму. Истинный Господь!.. Вы, господа, вотъ ученые... а я, — кричалъ онъ и, согнувъ четыре пальца къ ладони, а большой, съ огромнымъ вымазаннымъ лакомъ ногтемъ, какъ-то чудно оттопыривъ и наставя его себѣ въ лобъ, восклицалъ:

— А я столяръ Иванъ Захарычъ Даёнкинъ!.. Да-а-ёнкинъ... Я—хозяинъ, и больше никакихъ...

Поздно вечеромъ, совершенно пьяный, кувыркаясь по улицамъ, считая углы, добрался онъ до дому и здѣсь былъ встрѣченъ Химой...

XVI

Увидя его въ такомъ состоянiи, Хима залилась слезами... Иванъ Захарычъ стоялъ передъ ней, шатаясь и тыкаясь, уставя большой палецъ въ лобъ и повторялъ, еле ворочая языкомъ.

— Я... к-к-то?.. Я—Даёнкинъ!

Хима обозлилась, завизжала, начала прибирать „всѣхъ чертей" и, схвативъ Ивана Захарыча за волоса, поволокла по полу и принялась колотить...

— Разбойникъ ты!.. Окаянная сила!—вопила она, не обращая вниманiя на перепуганныхъ дѣтей:—это ты что же затѣялъ, а? Да нешто я тебя затѣмъ въ домъ-то приняла? Чортъ ты голоштанный, му-у-учитель! Заѣлъ ты мой вѣкъ, заѣлъ... чтобъ тебя розорвало, дьяволъ проклятый... вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, на, на, на!..

— М-м-мы!—мычалъ Иванъ Захарычъ, принимая сыпавшiеся удары.—Я... Да-да-а-ёнкинъ.

Утромъ, когда еще онъ спалъ, лежа на полу, и тяжело храпѣлъ, Хима схватила его за руку и, ударивъ носкомъ ботинка въ бокъ, закричала:

— Отвяжи поводъ-то!.. Ванькъ, а Ванькъ, отвяжи поводъ, хрипитъ жеребецъ-то!

Иванъ Захарычъ открылъ глаза и, увидя Химу, вспомнилъ и понялъ, въ чемъ дѣло. Ему сразу сдѣлалось не обыкновенно гадко и обидно.

— О, Господи,—произнесъ онъ про себя,—опять, значитъ, то же...

— Ты что-жъ это,—завопила Хима,—а? Ты пьянствовать... по мiру меня пустить хочешь, суму на меня надѣть, а? Кто щенятъ-то кормить станетъ, а? На вотъ, возьми ихъ себѣ... На вотъ, на, на...

Она схватила спавшаго мальчишку и начала имъ тыкать Ивану Захарычу „въ рыло"...

— Пусти младенца-то,—съ тоской сказалъ Иванъ Захарычъ.—Дура... испугала...

— Самъ ты дуракъ! — завопила еще шибче Хима:—самъ ты дуракъ, а не я...

Ребенокъ съ испугу вопилъ во всю глотку. Хима бро-

сила его на то мѣсто, откуда схватила, и принялась плакать, ругаясь при этомъ самыми отборными, словами базарнаго лексикона...

XVII.

— Эхъ кабы не дѣти!—иногда ночью, лежа на лежанкѣ, гдѣ обыкновенно пребывалъ покойный Ѳедулъ Митричъ, съ тоскою думалъ Иванъ Захарычъ: — плюнулъ бы я, да и ушелъ, куда глаза глядятъ... Чортъ бы съ ней, не жалко... О, Господи, кабы не дѣти!..

Дѣтей своихъ (а число ихъ все прибавлялось) онъ любилъ сильно и сильно болѣлъ за нихъ душою, когда обозлившаяся Хима била ихъ и ругала, не стѣсняясь въ выраженіяхъ.

— Что ты,—говорилъ онъ ей,—побойся Бога... кого ругаешь? Ругай ты меня, сколько влѣзетъ, ударь, коли хошь, сорви на мнѣ свою злобу... А ихъ-то за что? Что они понимаютъ?.. Эхъ ты, дикая!..

— У-у-у, чортъ бы васъ заломалъ всѣхъ!—вопила Хима,— передохли бы вы отъ меня, собаки... Му-у-у-чители, черти! Зачѣмъ вы мой вѣкъ заѣли, окаянные!

— Да что ты все объ себѣ-то,—говорилъ Иванъ Захарычъ,—чего ужъ теперь объ себѣ думать, объ нихъ надо думать...

— Ну, и думай, плѣшивый чортъ!.. Сорока лѣтъ нѣту, а ужъ плѣшь вонъ какая... Думай!.. Ты ковалъ, ты и поѣзжай...

И Иванъ Захарычъ думалъ. Онъ думалъ о томъ, куда ихъ „пристроить“, какъ вывести въ люди... Что изъ нихъ будетъ, когда выростутъ, въ какое ученье отдать?.. Вспоминалось ему, глядя на нихъ, собственное дѣтство и ученье...

— О, Господи, Владыко живота моего,—съ мучительной тоской на сердцѣ шепталъ онъ,—все одно и то же, все одно и то же... мука! Куда ни кинь, все клинъ!..

Онъ мечталъ видѣть ихъ хорошо одѣтыми, богатыми, веселыми... Мечталъ видѣть такими же румяными, полными, красиво и тепло одѣтыми, въ красивые мундирчики со свѣтлыми пуговицами, съ ранцами за плечами, какъ тѣ „господскія“ дѣти, которыя по утрамъ идутъ учиться...

— Счастье имъ,—думалъ онъ.—Деньги всему дѣлу голова... Нашему брату гдѣ же... Нашихъ въ мастеровые куда-нибудь, въ сапожники, въ портные, столяры, коробочники... А то, вотъ, по торговому дѣлу, въ лавку... Н-да, имъ хорошо... благородные... О, Господи, Владыко живота моего!..

И ему никогда не приходило въ голову задуматься надъ тѣмъ, почему *имъ* счастье...

— Стало быть, такъ ужъ отъ Бога положено, — отвѣтилъ бы, навѣрно, Иванъ Захарычъ.—Не нами заведено, не нами кончится... Всѣхъ не уравняешь... Господа—такъ господа, чернядь,—такъ чернядь... Мысленное ли дѣло намъ да съ ними!..

. . . .

Дѣти его тоже любили. Въ особенности старшій, черноволосый, курчавый, пузатый мальчуганъ Гришка... Онъ съ какою-то особенной жалостью ухаживалъ за Иваномъ Захарычемъ въ то время, когда тотъ бывалъ „выпимши"... а это, увы! стало повторяться все чаще и чаще...

Озлившаяся Хима стала морить его голодомъ, стала даже запирать отъ него хлѣбъ... Случалось, что съ похмелья, онъ по цѣлымъ суткамъ не бралъ такимъ образомъ въ ротъ ни единой крошки... Хима дѣлала видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ Ивана Захарыча.

За то съ дѣтьми въ это время она дѣлалась необыкновенно добра и ласкова...

— Ребятушки!..Дѣ-ѣ-тки!—кричала она отъ печки „ангельскимъ голоскомъ", въ которомъ слышалась несосвѣтимая злоба и ехидство.—Нате-ка я вамъ по яичку испекла... Нате-ка... кушайте, да меня слушайте!

И, немного помолчавъ, снова кричала тѣмъ же голоскомъ:

— Ребятушки!.. Дѣ-ѣ-тушки!.. Гдѣ вы тамъ?.. Нате-ка вамъ по лепешкѣ... Не взыщите ужъ, пшенишныхъ нѣту, ржаныя... и за эти-то благодарите Бога... Луку вотъ продала двѣ мѣры, муки взяла... Кушайте, дѣтушки, кушайте! Милые вы мои, что мнѣ съ вами дѣлать-то будетъ, кушайте!..

— А тятькѣ-то забыла?..—говорилъ иной разъ Гришка.

— А-а-а, тебѣ тятьку жалко!—набрасывалась она вдругъ, вся переполненная злобой, на мальчишку.—Тебѣ тятьку, пьяницу, мошенника жалко, а мать не жалко, не жалко?.. Вонъ какъ она для васъ, разбойниковъ, на всѣ части рвется... не жалко? Вотъ тебѣ тятька! вотъ тебѣ другой! вотъ тебѣ тятька! вотъ тебѣ другой!..

Лежавшій гдѣ-нибудь, уткнувшись въ стѣнку или въ полъ, Иванъ Захарычъ вскакивалъ и начиналъ отнимать малаго, совершенно не обращая вниманія на сыпавшіеся на него со всѣхъ сторонъ и куда попало удары...

Отбивъ мальчишку, Иванъ Захарычъ, съ мучительной тоской на сердцѣ, трясясь всѣмъ тѣломъ, готовый плакать, шелъ куда-нибудь на сушило и ложился, закрываясь съ головой...

А спасенный отъ побоевъ Гришка, улучивъ удобный моментъ, приходилъ къ отцу и, наклонившись, говорилъ ему шепотомъ:

— Тять, а тять!

— Что?

— На тебѣ хлѣбца... унесъ я... небось, поѣсть хочешь?..

Иванъ Захарычъ бралъ хлѣбъ и, чувствуя, какъ у него на душѣ закипаютъ и подступаютъ къ горлу радостныя и вмѣстѣ мучительныя слезы, молча обнималъ сына, прижималъ къ груди и шепталъ ему сквозь слезы:

— Умница ты мой, умница... Гришутка ты мой!.. Пожалѣлъ отца... Любишь меня, а?.. любишь?..

XVIII.

Посѣщеніе трактира, выпивка при всякомъ мало-мальски удобномъ случаѣ стали повторяться все чаще и чаще. Дружба съ Сысой Петровымъ, Вуколычемъ, Чортикомъ росла, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ.

Иванъ Захарычъ подошелъ къ этой компаніи такъ хорошо, какъ ключъ къ замку. Его полюбили. Полюбили за то, что онъ въ пьяномъ видѣ дѣлался вдругъ какимъ-то другимъ человѣкомъ, „чудакомъ“, и смѣшилъ ихъ своимъ задоромъ, своимъ крикомъ, словами, которыхъ въ трезвомъ видѣ никогда не сказалъ-бы...

— А ну-ка, Даёнкинъ... ну-ка, что ты скажешь, а? Ну!.. Да ну, братъ, валяй!—подзадаривали его, и преобразившійся Иванъ Захарычъ начиналъ „валять“...

— Го, го, го! го, го, го!—„ржали“ глядя на него пріятели.—Ай да, Даёнкинъ... вотъ онъ Златоустъ-то гдѣ... вотъ онъ, го, го, го!..

— Я за правду!—оралъ Иванъ Захарычъ, тыча себя большимъ пальцемъ въ лобъ.—За правду я глотку перерву!.. Я—Даёнкинъ, и больше никакихъ!..

Видя все это, Хима просто лѣзла на стѣну. Ругалась, кричала, плакала, дралась... Иванъ Захарычъ большею частью терпѣливо и безмолвно выслушивалъ оранье жены, стоически твердо переносилъ ея побои и если возражалъ иногда и говорилъ что-нибудь, то единственно въ защиту дѣтей...

Надвинулась, между тѣмъ, какъ туча въ ведро, японская война, и „всколыхнулось болото стоячее“... По соборамъ, по монастырямъ, по церквамъ начались молебствія. Дьякона гремѣли „во всю пасть“: „И всероссійскому христолюбивому побѣдоносному воинству мно-о-о-о-гая лѣта!..“ Въ газетахъ, особенно въ газетахъ-портянкахъ, которыя слушалъ Иванъ

Захарычъ, завопили о россійскомъ могуществѣ... Патріотизмъ вдругъ обуялъ всѣхъ, точно кто неожиданно взялъ да и завязалъ каждому глаза платкомъ. Появились карточки „героевъ"... Замелькали и запестрѣли всюду ихъ имена. Замелькали и запестрѣли мудреныя названія мѣстъ и мѣстечекъ, гдѣ происходили ихъ „геройскіе" подвиги...

По церквамъ начались сборы на раненыхъ, сборы солдатамъ на махорку, сборы на флотъ, Куропаткину на икону и т. д., и т. д. Раздавались громоносныя рѣчи... Бывшіе до войны просто патріотами, во время войны стали сверхъпатріотами... Появились въ продажѣ картинки съ надлежащими подписями въ прозѣ и стихахъ... Стали появляться на улицахъ, должно быть, еще николаевскіе „калѣки": бритые, старые, страшные... Этимъ бывшимъ когда-то воинамъ охотно подавали... Женскій полъ вдругъ сталъ выказывать военному сословію необыкновенную симпатію... Даже городовые, именовавшіеся до того въ просторѣчіи „селедками", и тѣ вдругъ почувствовали себя не селедками, а можно сказать — осетрами... Слово „мы" стояло всюду, какъ туманъ надъ болотомъ...

Можно себѣ представить, какъ все это подѣйствовало на Ивана Захарыча. Онъ положительно не находилъ себѣ мѣста. Не зналъ, какъ дождаться поѣзда, приходившаго въ часъ дня и привозившаго новыя газеты.

Какъ только подходило время къ часу, онъ бросалъ все, какая бы ни была у него спѣшная работа, и, не обращая никакого вниманія на Химу, бѣжалъ къ Конычу...

Всѣ эти мудреныя названія, разныя тамъ Фу-заны, Ляояны, Тюренчены и пр., онъ въ скоромъ времени вытвердилъ, какъ „вѣрую во единаго Бога", и сыпалъ ими такъ же свободно, какъ какими-нибудь Карповками, Ивановками и Ключевками...

Всѣхъ командующихъ зналъ наизусть... Особенной его любовью и уваженіемъ пользовался почему-то генералъ Каульбарсъ...

— Вотъ у этого, — говорилъ онъ, показывая на карточку „героя",—шарикъ работаетъ... Н-да-съ! помяните мое слово, начудитъ онъ чудесъ... Эхъ, да ужъ и раскатаемъ мы япошекъ проклятыхъ!—восклицалъ онъ, потирая руки.— Всѣхъ въ море попихаемъ... Истинный Господь, передавимъ, какъ клоповъ! У насъ, слава тебѣ Господи, есть гдѣ взять.. Мало?—еще пошлемъ... Нешто мысленно... мы... мы... Эва они, герои-то: Куропаткинъ, Мищенко... А ужъ этотъ, — тыкалъ онъ снова пальцемъ въ Каульбарса,—этотъ всѣмъ героямъ герой!

Сысой Петровъ и Вуколычъ относились къ его словамъ

сочувственно, и только одинъ Чортикъ, протестовалъ, чѣмъ и доводилъ Ивана Захарыча чуть не до слезъ.

— Погоди, — говорилъ этотъ юркій человѣчекъ, ехидно улыбаясь и щуря лѣвый глазъ.— Погоди, столяръ, не торопись... успѣешь нарядиться-то, было бы во что...

— Да помилуйте-съ,—восклицалъ Иванъ Захарычъ,—да неужели же мы-ы?.. Да нешто мысленно?.. На-а-съ?.. Да мы, слава тебѣ Господи... сколько насъ-то, а?.. Да вы учтите?..

— Велика Ѳедора, да дура,—говорилъ Чортикъ,—мы, мы!.. Гдѣ ужъ намъ! Ты, Елисей плѣшивый, съ себя примѣръ возьми: съ Химой вонъ со своей не сладишь... Такъ и всѣ мы: характеру у насъ нѣтъ, вотъ чего... „Мы, да мы"... а что такое мы... Эхъ, молчи ужъ лучше.

Но Иванъ Захарычъ не молчалъ. Напротивъ, онъ гордо носилъ голову и, въ особенности выпивши, неистово оралъ „мы", тыкая себя пальцемъ въ грудь.

Горько и прискорбно пришлось ему разочароваться... Сначала онъ все какъ-то не вѣрилъ роковымъ неудачамъ.

— Обождите, — говорилъ онъ въ тонъ Куропаткину: — потерпите сколько-нибудь, сдѣлайте одолженіе... нельзя же вдругъ... Это вамъ не облупленное яичко... Дайте, пожалуйста, взяться хорошенечко.

Но вскорѣ онъ замолчалъ и сталъ, какъ будто, съ опаской произносить самое слово „мы", которое, очевидно, теряло свое гордое обаяніе.

Да и всѣ какъ-то вдругъ притихли и чего-то поджидали. Прекратились пожертвованія, затихли изступленные вопли патріотовъ, исчезли изъ продажи картинки, изображающія пораженія японскихъ войскъ, имена „героевъ" стали произноситься съ оттѣнкомъ горечи...

— Ну, что?—смѣялся иногда торжествующій Чортикъ:— говорилъ вѣдь я тебѣ, Елисей-пророкъ, погоди орать... Моя правда!.. Вотъ тебѣ и япошка косоглазый... Ну, что же твой Каульбарсъ? Работаетъ шарикъ у него? А?

Иванъ Захарычъ махалъ рукой.

XIX.

Война кончилась. Пронеслась, какъ буря, перебудивъ спавшихъ, одурѣвшихъ и оглохшихъ отъ спанья... Какая-то огромная, могучая волна поднялась съ востока, оттуда, гдѣ пролились рѣки крови, и грозила затопить Россію...

Все старое пошло на смарку... Всѣмъ какъ-то стало вдругъ понятно, что „мы" отстали, что все у насъ нуждается въ починкѣ, что „такъ жить нельзя".

Начались забастовки... Закурились „дворянскія гнѣзда“, полетѣли въ окна со звономъ и трескомъ старинныя вазы, статуи, картины... Коверкалась и ломалась безъ пощады старинная дѣдовская мебель... Съ хохотомъ опрокидывались и ломались шкафы съ посудой, корчились и погибали въ огнѣ дорогія и рѣдкія книги...

Жестоко раненый звѣрь заметался по сторонамъ, не зная, кто его ранилъ, кому мстить за рану... Въ слѣпой злобѣ онъ бѣшено грызъ около себя землю...

Иванъ Захарычъ „ошалѣлъ“ тоже и никакъ не могъ постигнуть, что это такое творится... Все раньше было тихо, смирно... все было по хорошему... „мы ваши, вы наши“... начальство уважали и боялись, служили молебствія, говорили только про свои обычныя житейскія дѣла... И вдругъ, вмѣсто привычныхъ словъ и рѣчей, послышались какія-то незнакомыя, чудныя, непонятныя слова: „революція, конституція, партіи“... Всѣ вдругъ перестали бояться, „точно съ цѣпи сорвались“, какъ думалъ Иванъ Захарычъ... Мальчишки — и тѣ вмѣсто „сударыни“ стали пѣть „вставай, подымайся, рабочій народъ, иди на врага, людъ голодный!“

А на другой день послѣ 17-го октября Иванъ Захарычъ былъ на площади, гдѣ служили молебенъ, и слушалъ, какъ кричали „ура“... Молодыя дѣвицы и кавалеры „изъ благородныхъ“ пошли по городу, неся красный флагъ и распѣвая какую-то незнакомую пѣсню. Потомъ Иванъ Захарычъ видѣлъ, какъ толпа „злой роты“, на половину пьяная, подъ командой купца Соткина, торгующаго иконами, и его „приказчика“ Сашки-Собаки, тоже съ крикомъ „ура“, бросилась на этихъ молодыхъ дѣвицъ и кавалеровъ и принялась ихъ бить, крича что-то про „вѣру, царя и отечество“...

Ничего не понималъ Иванъ Захарычъ и только дивился и ахалъ...

Тѣмъ временемъ настала „первая Дума“... Газеты пошли въ ходъ опять такъ же бойко, какъ и во время войны, и опять такъ же, какъ во время войны, Иванъ Захарычъ совсѣмъ отбился отъ дому...

Дума, суть которой объяснилъ ему Чортикъ, заинтересовала его гораздо больше, чѣмъ война. Онъ живо заучилъ думскія клички: „кадеты“, „соціалъ-демократы“, „трудовики“, „октябристы“, „умѣренные“, „лѣвая“, „правая“ и т. д., и т. д...

Самъ Иванъ Захарычъ тотчасъ же пристроилъ свои симпатіи къ „крайней лѣвой“...

Дума эта, какъ извѣстно, была „горячая“... Говорились отъ всего сердца такія рѣчи, какихъ больше, по всему вѣроятію, мы долго не услышимъ... Чувствовалась въ этихъ

рѣчахъ глубокая любовь къ народу, желаніе помочь ему, открыть глаза, вывести на новую дорогу...

Слушая чтеніе этихъ рѣчей по газетамъ, Иванъ Захарычъ чувствовалъ, какъ что-то закипаетъ у него въ груди, и подступаютъ къ горлу слезы...

— Дѣтямъ-то нашимъ, можетъ, Богъ дастъ другая жизнь будетъ,—говорилъ онъ.—Авось, Богъ дастъ...

— Дожидайся, Елисей-пророкъ! — съ ехидствомъ говорилъ Чортикъ,—ничего не будетъ... Такъ они и допустятъ...

— Да нешто мысленно, помилуйте... самъ государь ..

— Вотъ погоди, увидишь... Ничего намъ, братъ Елисей, съ тобой не будетъ... Какъ мы есть съ тобой мѣщане голые, такъ и останемся... Вонъ объ мужичьѣ какъ орутъ: земли имъ, учить ихъ... А объ насъ что ты слышалъ? А? То-то, Елисей плѣшивый!.. Про насъ, братъ, забыли...

— Вспомнятъ... мы такіе же люди, всѣ равны у царя...

— Вспомнятъ, какъ къ тебѣ въ карманъ влѣзть... Это вотъ вѣрно... За то подай, за другое подай! Рвутъ изо рта, бьютъ и плакать не велятъ... Ну ихъ къ чорту и съ Думой-то! Пей вотъ лучше.

Но Иванъ Захарычъ Чортику не вѣрилъ. Приходя домой, онъ сажалъ къ себѣ на колѣнки Гришутку и съ умиленіемъ говорилъ, гладя его по головѣ:

— Ну, Гришъ, говори: слава Богу! Дождались!.. Даетъ вамъ Господь счастье... совсѣмъ другая жизнь ваша противу нашей будетъ... Помирать мнѣ будетъ легче: буду знать, что вамъ жить придется не по нашему...

— А по-каковски же?—спрашивала Хима, — по-каковски же, пьяный ты чортъ, а?

— Ну, ты, Хима, ничего не понимаешь...

— Гдѣ же мнѣ... Прафесаръ какой!.. Чего ты ребенку-то внушаешь, а?..

— Ничего я не внушаю... говорю только: хорошо, молъ, вамъ будетъ... вольные будете, не какъ мы...

XX.

— А объ насъ все нѣту? — каждый разъ, выслушавъ чтеніе газеты, спрашивалъ Иванъ Захарычъ.

— А объ насъ, Елисей, нѣту,—смѣялся Чортикъ,—„и не жди, не будетъ“...

— Ну, какъ не будетъ, — будетъ! Я, собственно, не объ себѣ... Мнѣ что, мнѣ все равно, я привыкъ... Я объ дѣтяхъ... Имъ бы... ученье вотъ, пято-десято... какъ бы это все по-

складнѣй... облегчить бы... Дивное дѣло: про всѣхъ говорятъ, пишутъ, а про насъ нѣтъ ничего... чудеса!

— Да, братъ, чудеса, сосновыя колеса, и катятся, и колются... Ничего не будетъ никому... поболтаютъ только... Кому надо объ насъ, мѣщанахъ, думать. Насъ, братъ Елисей, за людей не считаютъ... Кто мы такіе, а? Знаешь? Мы, братъ, „самый низшій разрядъ городского населенія“, самая, т. е. голь, самая шваль... „Смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній“... Кого только нѣтъ у насъ! Тутъ и дворовые, бывшіе халуи, и изъ жидовъ, и изъ цыганъ, и изъ церковныхъ причетниковъ, выгнанныхъ за негодностью изъ духовнаго званія... Кто никуда не годится—вали въ мѣщане... Незаконнорожденные, подкидыши, непомнящіе родства, иновѣрцы, принявшіе крещеніе... вали валомъ, опосля разберемъ!

— Плохо, Елисей, наше дѣло... мы забытые... Ужасное, братъ, это слово... Поставили надъ нами херъ и кончено. Словно и нѣтъ на свѣтѣ... Мы и голоса не имѣемъ, потому что мы дики, несчастны, жалки, задавлены нуждой, всякаго боимся... передохни мы всѣ,—никто и не замѣтитъ...

— Эхъ, другъ ты мой милый, Елисеюшка,—продолжалъ Чортикъ съ необычнымъ чувствомъ: — что мы такое, мѣщане? Живемъ мы на краю города, на самыхъ подлѣйшихъ, свиныхъ, непролазныхъ отъ грязи улицахъ... Темно, братъ, и дико живемъ... А чѣмъ живемъ? Возьми хоть торговца мелкаго... Да это, братъ, тотъ же нищій, только прикрытый своей убогой торговлишкой отъ стыда, какъ голый рогожкой... Каждый день и въ непогоду, и въ холодъ, и въ жаръ торчитъ на площади, добываетъ себѣ на хлѣбъ... А мѣщанинъ-ремесленникъ? Объ этомъ тебѣ и говорить нечего,— вотъ ты самъ на лицо... Хорошъ? Ну, куда ты годенъ?.. какой ты ремесленникъ? Тебя, братъ, еще въ ученьи искалѣчили и всю душу изъ тебя вышибли... Ты вонъ давеча говорилъ: „не объ себѣ, молъ, хлопочу, а объ дѣтяхъ“... Вѣрно, братъ, жалко дѣтей... Вонъ они бѣгаютъ,—рваные, босые, съ волосищами копной, въ которой вши копошатся, какъ бисеръ... блѣдные, малосильные... Вонъ они волокутъ изъ починки какой-нибудь диванъ, комодъ, кровать... Живутъ хуже собаченокъ, не доѣдая, не досыпая, въ грязи, холодѣ, жарѣ, вони... Получаютъ то и дѣло подзатыльники, затрещины, матюги, бѣгаютъ за водкой, жадно курятъ гдѣнибудь за угломъ отвратительные окурки, ругаются, портятся... Н-да, братъ, штука! Пройдетъ онъ эту школу, выходитъ въ жизнь не человѣкъ, а калѣка убогій душой и тѣломъ... Все въ немъ есть, кромѣ добра да правды, т. е. кромѣ самаго важнаго, чѣмъ только и живъ человѣкъ... Станетъ онъ работать на хозяина гдѣ нибудь въ подвалѣ, на вонючемъ

дворѣ, въ грязи, какъ свинья, безъ свѣта и воздуха, за ничтожное вознагражденіе... Получитъ заработанныя деньги,—куда ихъ дѣть? Ну, куда жъ?.. Конечно, сюда же, въ трактиръ... Напьется пьяный, блюетъ, сквернословитъ... Эхъ-ма!

— Возьми теперь приказчиковъ по лавкамъ... Сладка ихъ жизнь!.. Ни кола, ни двора, въ праздникъ еще больше работы... Самъ по большей части чортъ, ни присѣсть ни вздохнуть... торчи въ лавкѣ съ утра до ночи въ холодъ, и въ жаръ... Ни радости, ни просвѣта.. Мытарствуютъ надъ нимъ, какъ хотятъ, платятъ ему, какъ хотятъ... Захотятъ прогнать,—ступай къ чорту безъ разговоровъ.

— То-то вотъ и есть,—уныло закончилъ Чортикъ,—а ты толкуешь: Дума! Дума! Живемъ мы, другъ, какъ мухи, и умираемъ, какъ мухи, безъ слѣда, забытыми... И никакая намъ, Елисей, Дума не поможетъ, пока сами не подумаемъ себѣ правъ добывать, нечего на людей надѣяться...

— Какъ добывать-то?

— Какъ? А вотъ какъ,—сказалъ, сверкнувъ глазами, Чортикъ и взялъ себя правой рукой за глотку.—„Отдай, а то потеряешь"... вотъ какъ!..

— А ты, Чортикъ, потише,—басомъ, словно въ пустую бочку, говорилъ ему Сысой Петровъ.—Что орешь?.. Знай край, да не падай!..

XXI.

Вскорѣ Думу эту разогнали... Иванъ Захарычъ недоумѣвалъ.

— За что?—спрашивалъ онъ у Чортика,—кажись, все честно, благородно, по хорошему... старались люди... За что-жъ это, а?..

Вмѣсто отвѣта Чортикъ высовывалъ языкъ и нѣсколько разъ стукалъ по немъ мизинцемъ правой руки...

— Стало быть, другую теперь соберутъ?—спрашивалъ Иванъ Захарычъ.

— Соберутъ, погоди, и другую...

— Можетъ, другая-то и объ насъ вспомнитъ, а?..

— Непремѣнно! Первымъ долгомъ объ насъ... Пожалуйте, господа мѣщане, ваша очередь! Извините, поопоздали съ вами... Вамъ что будетъ угодно? Живете бѣдно? Не безпокойтесь, пожалуйста! Мы сдѣлаемъ: разбогатѣете въ мигъ! Дѣтей своихъ учить желаете? Сколько угодно-съ! Пожалуйте въ любую гимназію безплатно... Эхъ, братъ Елисей, жди, вѣрь и надѣйся...

И, посмотрѣвъ на Ивана Захарыча, Чортикъ заговорилъ уже совсѣмъ другимъ тономъ:

— Чудакъ... да брось ты думать объ этомъ! Смотри, похудѣлъ, пьешь здорово, отъ работы отбиваешься.. Чего тебѣ эта Дума принесетъ?.. Небось, дома-то тебя съѣли...

Иванъ Захарычъ, молча, махалъ рукой, съеживался и дѣлался, какъ будто бы, меньше.

Дома его, дѣйствительно, „съѣли". Осатанѣвшая Хима била дѣтей, проклинала свою жизнь, кляла на чемъ свѣтъ стоитъ Ивана Захарыча, Думу, газеты, водку, Сысой Петрова, Вуколыча, Чортика, рвала на себѣ волосы и, ошалѣвъ совершенно, въ безсильной злобѣ, падала, гдѣ попало, и принималась выть во всю глотку...

— Истинный Господь,—вопила она,—жаловаться пойду къ исправнику, къ самому... Что-жъ это, скажу, ваше благородіе: мужа отъ дому отбили, объ дѣлѣ забылъ думать, въ забастовщики записался... Такъ и скажу, ей-Богу. Онъ изъ тебя душу-то вышибетъ... сво-о-лочь... работалъ бы, какъ люди... Кабы ты былъ мужъ-то настоящій, да съ такой-то женой... мы бы съ двухъ то бы рукъ денежки лопатой бы загребали... Давно бы ужъ каменныя палаты поставили. Су-у-кинъ ты сынъ! Забастовщикъ, боготступникъ!.. Ни въ Бога, ни въ царя не сталъ вѣрить!.. Въ храмъ Господень на арканѣ не затащить, а въ трактиръ газеты читать бѣжитъ, какъ кобелекъ... Сво-о-о-лочь! Дѣ-ѣ-ѣ-тушки вы мои милыя, что намъ дѣлать-то? Надѣнемъ мы суму, пойдемъ подъ окошками... а-а-а! А-а-а!

— Эхъ-ма!—съ тоской, какъ то безнадежно махнувъ рукой, произносилъ Иванъ Захарычъ.—Не миновать мнѣ поискать бачага, который поглыбше... Не миновать!..

И уходилъ куда-нибудь „съ глазъ долой"...

XXII.

Собралась и приступила къ дѣйствію вторая Дума. Иванъ Захарычъ снова ожилъ. Снова началъ внимательно слушать чтеніе газетъ и задавать вопросы.

— Объ насъ все нѣту?..

— „И не жди, не будетъ",—говорилъ Чортикъ.

Вторая Дума повела дѣло немного иначе, чѣмъ первая. Какъ-то само собой стало чувствоваться, что вѣтеръ подувалъ съ другой стороны, и, благодаря этому, паруса, на которыхъ бѣжало судно, все исхитрялись ставить и такъ, и сякъ. Да и интересъ къ Думѣ какъ-то сразу сошелъ на половину.

— И дивное дѣло!—восклицалъ Иванъ Захарычъ:—не пойму я никакъ, чего они спорятъ, разговоры разговарива-

ютъ?.. Дѣлали бы, какъ лучше... Объ чемъ спорить то? Дѣли все поровну, тебѣ хорошо, и мнѣ хорошо, тебѣ это надо, а мнѣ это надо... У тебя палецъ отруби—больно, и у меня отруби—больно... ровняй всѣхъ... дѣли поровну...

— Эхъ ты чего захотѣлъ!—смѣялся Чортикъ:—жирно, братъ, крошишь—дьячка подавишь... Сравняютъ они тебя, держи карманъ... Нѣтъ, братъ Елисей, они за свое держатся и зубами, и ногами... Не вѣрь имъ, чертямъ, ни въ чемъ... Ты мнѣ вѣрь, я не обману... я свой... а они, братъ, на тебя глядятъ, какъ барыня на овечку... „Ахъ, глядите, какая овечка"... А попробуй-ка передъ ними высморкаться двумя пальцами, да брось объ полъ, что они скажутъ? „Мужикъ, свинья, невѣжа"... А вѣдь не поймутъ того, что я, можно сказать, со дня своего рожденія объ употребленіи носоваго платка и понятія не имѣлъ. Помню я разъ,—давно ужъ это было... жили мы тогда съ отцомъ въ сторожкѣ... Лѣсъ онъ караулилъ у одного дьявола богатаго .. Сторожка около дороги стояла. Вотъ, какъ то разъ ночью стучатъ въ окно... Самъ становой, да еще и съ дочкой, перезябли, заѣхали погрѣться... Ну, понятное дѣло, отецъ колесомъ передъ ними: „пожалуйста! Яичекъ не угодно ли?.." то, сё... Легъ это онъ, становой-то, на лавкѣ, растянулся... „Хорошо!" говоритъ... А дочка его, барышня эдакая, въ родѣ спички, соплей перешибить, прищурила глазки и говоритъ отцу: „папа, какъ это *они* умѣютъ такъ топить тепло?" Вопросъ самъ по себѣ пустой, а вотъ поди ты: остался онъ у меня въ памяти на всю жизнь... Мальчишка я тогда былъ, а понялъ изъ этого слова *они*, что мы съ отцомъ для нихъ люди особые, на нихъ самихъ непохожіе... Эхъ, Елисей, не надѣйся на князи и сыны человѣческіе... Чѣмъ больше тьмы у насъ, тѣмъ для нихъ жить лучше!

— Такъ какъ же быть то?—съ тоской спрашивалъ Иванъ Захарычъ.

— Не знаю.

— Отстранить надо!

— Какъ ты ихъ отстранишь?

— Силкомъ-съ!—выкрикивалъ Иванъ Захарычъ, и глаза его загорались.

— Ну вы, философы! — вступался въ разговоръ Сысой Петровъ,—потише... Смотрите, какъ бы васъ самихъ не отстранили... Ну васъ! Наживешь еще бѣды съ вами... Пейте вотъ,—это ваше дѣло.

XXIII.

Подъ вліяніемъ разговоровъ съ Чортикомъ, слыша постоянно „они не допустятъ“, Иванъ Захарычъ совсѣмъ перемѣнился и весь переполнился ненавистью къ этимъ „они“, которые „не допустятъ“...

Съ нимъ стало невозможно и, въ нѣкоторомъ родѣ, даже опасно говорить. Онъ оралъ въ пьяномъ видѣ, бія себя въ перси, никого не стѣсняясь, такую „крамолу“, что даже самъ Чортикъ уходилъ куда-нибудь, а трактирщикъ Конычъ не одинъ уже разъ дѣлалъ ему замѣчанія и грозился выставить въ одинъ моментъ!

— Имъ что,—оралъ Иванъ Захарычъ,—имъ, знамо дѣло, одно и нужно: принизить нашего брата, въ грязь втоптать, придавить... Лежи, молъ, такой-сякой... жри свиной кормъ.. работай, ворочай, работа дураковъ любитъ... У-у, чортъ васъ задави!

А послѣ того, какъ „разогнали“ и вторую Думу и собрали „господскую“ третью, Иванъ Захарычъ окончательно, по его мнѣнію, уразумѣлъ, въ чемъ дѣло, окончательно потерялъ всякую вѣру въ Думы и ругалъ ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

. . . .

XXIV.

Выскочивъ подъ вой и ругань Химы на дворъ, Иванъ Захарычъ, постоялъ нѣсколько времени, прислушиваясь къ неумолкающему крику, несшемуся изъ хаты, и съ тоской и круженіемъ въ головѣ началъ набирать вторую охапку дровъ „для подкидки“..

Его тошнило, и онъ чувствовалъ, какъ все и у него внутри, и снаружи дрожитъ и трясется.. Онъ силился возстановить въ памяти, что было вчера, но не могъ припомнить, такъ какъ былъ сильно пьянъ и все „заспалъ“... Какая-то смутная тоска вмѣстѣ со злостью на самого себя ныла въ его душѣ. Что именно онъ оралъ спьяну,—онъ не зналъ, но чувствовалъ, что, навѣрно, оралъ нѣчто такое, чего орать вовсе бы не слѣдовало.

— Э-эхъ,—вздыхалъ онъ, набравъ охапку дровъ и неся ее къ двери,—натворилъ я, небось, чудесъ. —И чортъ меня догадалъ языкъ распускать. О, Господи, владыко живота моего... тоска-то, а?..

Онъ вошелъ въ избу и, стараясь не шумѣть, положилъ

потихоньку новую охапку на полъ. На шесткѣ у Химы стояла лампочка, освѣщавшая шестокъ, чело, печурку сбоку и бросавшая свѣтъ внутрь самой печки, куда Хима, страшная, неумытая, простоволосая, влѣзая чуть не на половину, укладывала въ клѣтку дрова...

— Чего-жъ ты сталъ то, — набросилась она на Ивана Захарыча,—какъ пень горѣлый... дѣлалъ бы что-нибудь...

— Да что дѣлать то?.. Дѣлать-то нечего...

— На вотъ, коли лучину... лѣшманъ... мучитель!..

Иванъ Захарычъ накалываетъ лучину и, сдѣлавъ это, опять не знаетъ, куда себя пристроить.

Въ оконцахъ, между тѣмъ, начинаетъ бѣлѣть...

— Свѣтъ,—говоритъ онъ,—разбудряетъ...

Хима молчитъ и, уложивъ дрова, подсовываетъ подъ нихъ лучину и затопляетъ... Иванъ Захарычъ стоитъ и тупо, мутными глазами глядитъ, какъ огонь охватываетъ сперва лучину, какъ она коробится, трещитъ, какъ начинаютъ потомъ „заниматься“ дрова, какъ стелется по печкѣ и выходитъ сквозь чело въ трубу темно-сѣрый густой дымъ...

— Тоска!..

Начинаютъ просыпаться дѣти... Одна дѣвочка плачетъ... Хима подходитъ къ кровати, ощупываетъ плачущую, перепуганную дѣвочку, перезябшую, трясущуюся худенькимъ тѣльцемъ, и вдругъ кричитъ во всю глотку:

— Ты, стерва, опять, а?.. Ты, сволочь проклятая, опять!.. Гдѣ я на васъ бѣлья-то напасусь, а?.. Двадцать у меня рукъ, что ли, стирать на васъ, сволочей... разорваться мнѣ... Ахъ ты, стерва... вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, вотъ тебѣ. У-у-у, дьяволы проклятые... му-у-чители!..

Дѣвочка плачетъ сильнѣе и еще больше трясется... Хима сдергиваетъ съ нея мокрую рубаху, похожую на грязную тряпку, и нѣсколько разъ бьетъ дѣвочку, крича при этомъ такъ, что звенятъ стекла:

— Молчи!.. Молчи, я тебѣ говорю, стерва, запорю, молчи!.. А-а-а, ты не слушаться!.. Ты не слушаться!.. Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! вотъ!

— Да будетъ тебѣ,—говоритъ Иванъ Захарычъ.—Ну что ты ее... нешто она нарочно... она сама не рада...

И, отстранивъ Химу, онъ беретъ трясущуюся дѣвочку на руки, укутываетъ одѣяломъ, садится на табуретку и начинаетъ ласкать, приговаривая:

— Не плачь, доченька, не плачь, матушка... Эна гляди, какая борода-то у меня... эна, гляди! Не плачь, матушка, не плачь, доченька... Я тебѣ ужо конфетку принесу... вотъ эдакую... ей-Богу... не плачь, нишкни!..

Между тѣмъ, дрова въ печкѣ разгораются все шибче...

Нагораютъ уголья... Хима разводитъ ими самоваръ и ставитъ въ печку чугунъ съ картошкой...

— Мука вся на исходѣ, — кричитъ она, — еще на одни хлѣбы и вся... Пьянствуй больше! Скоро доведешь до сумы съ Думой со своей... Хошь бы тебя, чорта, поучилъ кто хорошенько, ей-Богу... бока бы помяли... Можетъ, пересталъ бы тявкать-то.. нажрется виница, вылупитъ бѣльмы-то свои поганыя-совиныя и оретъ, не знамо что... Это не хорошо, да это не такъ... Глупѣй его, ишь, начальство то... Ахъ ты, звѣрь живодамскій... молчалъ бы ужъ, какъ тараканъ въ щели... Погоди, дождешься, погоди... будь я сукина дочь, коли тебѣ бока не намнутъ... И хорошее бы дѣло, ей-Богу, рада бы я радешенька была...

Иванъ Захарычъ молчитъ, лаская припавшую къ его груди дѣвочку, слушая, какъ бьется у ней сердчишко—тукъ, тукъ! тукъ, тукъ! точно кто-то стучитъ у ней тамъ въ груди маленькимъ молоточкомъ... Она всхлипываетъ все рѣже и рѣже, рѣже вздрагиваетъ худенькимъ тѣльцемъ...

Ему вдругъ дѣлается нестерпимо жалко эту дѣвочку, другихъ дѣтей, себя самого, всѣхъ... Онъ чувствуетъ, какъ къ горлу лѣзутъ слезы и душатъ...

— О, Господи, владыко живота моего,—мысленно восклицаетъ онъ:—что-жъ это за жизнь такая!.. Тоска-то, Господи, тоска-то, тоска-то!..

XXV.

Выпивъ двѣ чашки жидкаго, пахнущаго мыломъ чая, Иванъ Захарычъ принимается за дѣло... Начинаетъ „чинить" какую-то старую, развалившуюся, облупленную этажерку... Дѣло у него не спорится: трясутся руки, кружится голова, и то замираетъ, то начинаетъ необыкновенно громко и часто съ перебоями, стучать сердце... Хима возится около печки, стуча ухватами, кочергой, ругается и то и дѣло харкаетъ со злостью куда ни попало...

Работая, Иванъ Захарычъ, безпрестанно поглядываетъ на часы... Еще рано, только десятый въ началѣ... До прихода поѣзда еще далеко, а раньше двѣнадцати уйти нельзя... неловко... Иванъ Захарычъ сознаетъ, что онъ виноватъ, и что уйти ему раньше никакъ нельзя.

— Загрызетъ,—думаетъ онъ,—съѣстъ, какъ узнаетъ, что я всѣ денежки ахнулъ... О, Господи, а вѣдь узнаетъ! И дернулъ меня чортъ!.. Неужели же не похмелятъ?.. Кажись, я вечоръ, слава Богу, не жалѣлъ, всѣмъ подносилъ?—задаетъ онъ себѣ вопросъ и сейчасъ же отвѣчаетъ на него.—Подне-

сутъ... не такіе люди... Охъ, да и начудилъ я, небось,—на возу не увезешь...

Медленно, аккуратно, какъ-то даже осторожно, точно охотникъ подъ сторожкую птицу, двигаются, ползутъ на часахъ стрѣлки... Десять... одиннадцать...

— Слава Богу, двѣнадцатый скоро!—думаетъ Иванъ Захарычъ.—Пущай оретъ, а я уйду... Издыхать мнѣ теперича до вечера-то...

Хима начинаетъ собирать на столъ обѣдать... Кидаетъ деревянныя ложки, рѣжетъ во весь хлѣбъ большой ломоть, раздѣляетъ его на нѣсколько равныхъ частей по монастырски, порціями или, какъ тамъ говорятъ, „укрухами" и, наливъ изъ чугунчика въ глиняную, облупившуюся большую чашку похлебки, ставитъ ее на столъ и кричитъ:

— Обѣдать!.. Кто жрать хочетъ, садитесь...

Иванъ Захарычъ не хочетъ. Бросивъ работу, онъ свертываетъ курить, идетъ къ двери, пріотворяетъ ее немного, въ образовавшуюся щель пускаетъ дымъ и безпрестанно плюетъ.

— А ты что же?—спрашиваетъ у него Хима.

— Не хочется что-то... аппититу нѣтъ.

— Съ осени закормленъ!.. Нажрался вчерась... Что ты надъ собой дѣлаешь-то? Кому ты на зло дѣлаешь-то? Удивишь кого, что ли?.. Кому нужда-то... Смѣются надъ дуракомъ... Вонъ Платонычъ проходу не даетъ, смѣется... За какимъ чортомъ тебя къ нему намедни занесло-то, а? „Присталъ, гытъ, съ разговорами про Думу, про господъ... Никакъ, гытъ, не отвяжусь... Кричитъ, гытъ, ругается... Такія слова произноситъ, индо, гытъ, страшно слушать, волосъ дыбомъ встаетъ"...

— Чо-о-о-ртъ!—переставъ хлебать и положивъ ложку на столъ, говоритъ она,—чего она тебѣ, эта Дума-то, далась, а?.. Взялъ бы ты въ голову свою дурацкую: на что, молъ, она мнѣ?.. Ду-у-ракъ ты, наше ли это дѣло, намъ ли за господами гоняться?.. Мало ли они чего тамъ съ жиру-то придумаютъ, и намъ, значитъ, надо?.. На смѣхъ себя поднимаешь... Надоѣлъ всѣмъ... Допрежь, бывало, выпьешь—и все ничего, а теперь точно чортъ на тебя сѣлъ, чисто сатана какая... вылупитъ бѣльмы... оретъ... тьфу!

— Ну, я пойду, схожу тутъ въ одно мѣстечко,—какъ-то особенно торопливо, не глядя на Химу, говоритъ Иванъ Захарычъ, поспѣшно снимая съ гвоздя грязный картузъ.—Вы обѣдайте, а я сейчасъ...

— Куда?—вопитъ Хима:—опять! Истинный Господь, не пущу! Что-жъ это за мученье за такое, а?.. Не пущу!.. Сиди дома, не пущу!..

Она схватываетъ Ивана Захарыча за рукавъ и старается

оттащить отъ двери, за скобку которой онъ крѣпко-на-крѣпко уцѣпился лѣвой рукой, а въ правой зажалъ скомканный картузъ, зная по опыту, что Хима, первымъ дѣломъ, постарается отнять его... А безъ картуза идти неловко.

— Пусти... я сейчасъ...

— Не пущу!.. Опять нажрешься...

— На вши, что ли?..

— На-а-а-йдешь!.. Найдешь, сволочь ты этакая, на-а-а-йдешь!.. Ну, иди! Ну, иди!—съ визгомъ и со слезами въ голосѣ еще шибче начинаетъ вопить она и сама толкаетъ Ивана Захарыча за дверь.—Иди, чортъ съ тобой, иди!.. Издыхай тамъ гдѣ-нибудь!.. Вотъ тебѣ, кха! тьфу! въ рожу въ твою поганую... утрися... вотъ тебѣ еще... на!

Она ударяетъ его кулакомъ въ подбородокъ и выталкиваетъ за дверь...

— Издыхай,—не пущу, сволочь, му-у-читель!..

XXVI.

— Ори теперича, лайся сколько влѣзетъ, — говоритъ Иванъ Захарычъ, очутившись за калиткой на улицѣ,—а я вотъ онъ!.. Возьми меня теперича!.. На-ка, вотъ, выкуси!

На улицѣ пустынно, сѣро, необыкновенно тоскливо. Косой холодный дождикъ пополамъ съ крупой, какими-то нервными порывами, точно изъ частой лейки, поливаетъ улицу, превращая ее въ едва проходимую топь...

Подтянувъ повыше къ колѣнкамъ заскорузлыя, грязныя, опустившіяся голенища и нахлобучивъ по самыя уши выцвѣтшій сѣрый картузъ, Иванъ Захарычъ, не обращая вниманія на грязь, идетъ привычной дорогой, держась около заборовъ, предвкушая наслажденіе „опохмелиться"...

Пройдя улицу, онъ свертываетъ въ переулокъ и идетъ мимо казармъ, низкаго, желтаго, вонючаго зданія... Въ одномъ изъ оконъ этого зданія, съ какими-то фіолетовыми, мокрыми стеклами, открыта форточка. Черезъ нее вырывается наружу паръ, и слышно басистое пѣніе многихъ голосовъ съ удареніями по-владимірски на о:

„Ой, сердце мое, чого сердишься,
Чого ко мнѣ передомъ не повернешься".

У Коныча, какъ и всегда, несмотря даже на такую погоду, многолюдно и шумно. Самъ онъ стоитъ за буфетомъ, длинный, съ суровымъ, застывшимъ лицомъ и, кажется, ничего не видитъ и ни на что не обращаетъ вниманія. Но это только такъ кажется. На самомъ дѣлѣ отъ его злоб-

ныхъ прищуренныхъ глазъ „никая тварь не убѣгаетъ"... Половые, бѣгая мимо буфета, чувствуютъ на себѣ хозяйскій взглядъ, отъ котораго имъ дѣлается жутко и даже какъ-будто больно, точно кто стегнулъ неожиданно кнутомъ по тѣлу.

Войдя въ трактиръ, Иванъ Захарычъ стряхнулъ у порога мокрый картузъ и, проговоривъ, собственно ни къ кому не обращаясь: „Ну, и погодку Богъ послалъ!"—пошелъ было мимо буфета на обычное мѣсто къ окну, гдѣ за столомъ виднѣлись уже Сысой Петровъ и Чортикъ, какъ вдругъ Конычъ остановилъ его и сказалъ:

— Обожди-кась чутокъ..

И, наклонившись къ остановившемуся Ивану Захарычу, заговорилъ, щуря глаза, гнусавя и противно брызгая слюной:

— Ты, братецъ мой... скольки разовъ я тебѣ говорилъ, чтобы тоись насчетъ политики ни-ни, а ты все свое?.. Вечòръ оралъ, оралъ... Смотри, братецъ ты мой, коли что ежели коснется опять,—не потерплю!.. Что ты кричишь-то?.. Что ты бормочешь-то?.. Нешто мысленно эдакъ-то?.. Объ *комъ* кричишь, — вникнулъ бы... особы, вельможи... и вдругъ, можно сказать, какая-нибудь вша портошная критику наводитъ... Нешто мысленно! Вникни самъ! Кто ты, кто они?.. На-а-мъ ли судить!. Намъ ли ротъ-то свой поганый открывать!.. Наше дѣло повиноваться,—вотъ наше дѣло... Чу-у-дакъ! Ужли они менѣ нашего смыслятъ?.. Ну, ступай съ Богомъ.

— Объ чемъ это онъ съ тобой?—кивнувъ по направленію къ буфету, спросилъ Чортикъ у подошедшаго къ столу Ивана Захарыча.

— Про вчерашнее... ишь, будто я говорилъ тутъ что-то...

Чортикъ засмѣялся.

— Было, братъ Елисей... поговорилъ-таки!.. Н-да! Ты, братъ, настоящій „сацывалъ-емократъ" сталъ, ей-Богу! Ну что, небось, голова болитъ, а? Какъ съ Химой-то своей раздѣлался?.. Вотъ, небось, было-то, а?

Иванъ Захарычъ молча махнулъ рукой и, сѣвъ къ столу, опустилъ голову, принявъ какую-то жалкую, пришибленную позу.

— А гдѣ-жъ Вуколычъ?—помолчавъ, спросилъ онъ.— Не приходилъ, знать?

— Онъ не придетъ,—отвѣтилъ Сысой Петровъ,—нельзя ему... дѣла какія-то... А что?

— Да такъ я...

— Денегъ-то, небось, ни одного су?—разглядывая Ивана

Захарыча своими выпуклыми стеклянцыми глазами, спросилъ Сысой Петровичъ.

— Какія деньги... Гдѣ-же... помилуйте-съ!

— Гм! т-а-а-къ... Ну, ладно... ты насъ вчера угощалъ, надо тебя починить... А?

— Сдѣлайте божескую милость!—встрепенулся Иванъ Захарычъ и приложилъ лѣвую руку къ сердцу...—Не повѣрите—душа съ тѣломъ разстается...

— Да ужъ что тутъ толковать, знаемъ!—И, поманивъ полового, Сысой сказалъ ему:—Принеси-ка-сь товарцу аршинчикъ да пожевать... селедку тамъ, что ли, сгоноши... рабствуй!..

— Я все гляжу на тебя, Елисей, да думаю: какъ ты отъ Химы своей отбодался, а?—спросилъ, опять ухмыляясь, Чортикъ.—Была, небось, трагедія!.. Потѣха, ей-Богу! Здѣсь пьяный оретъ: „ра-а-а-зражу!"—а съ женой пикъ, мигъ, да и въ кусты... ахъ ты, сацывалъ-емократъ! „Суждены тебѣ, братъ Елисей, благіе порывы, а свершить ничего не дано". Погоди, вотъ скоро газеты подадутъ... почитаемъ... можетъ, объ насъ чего нѣтъ ли, а? Хы, хы, хы! Можетъ вспомнили?..

— Гдѣ же-съ!.. Имъ впору объ себѣ! Злая рота, ей-Богу-съ. Потерялъ всеё надежду... отшибли у меня всеё-съ... уразумѣлъ-съ!

— Уразумѣлъ?

— Такъ точно, уразумѣлъ-съ!

Половой принесъ въ чайникѣ „товару" и на тарелкѣ селедку, заправленную уксусомъ и обложенную лукомъ.

— Сейчасъ газеты принесутъ,—сказалъ онъ, ставя все это на столъ,—второй въ началѣ-съ.

Сысой Петровъ взялъ чайникъ, открылъ крышку, понюхалъ и, наливъ чайный стаканъ до половины, сказалъ, мигнувъ, Ивану Захарычу:

— Дерзай, столяръ, поправляйся!..

Иванъ Захарычъ взялъ трясущейся рукой стаканъ, оглянулся по сторонамъ и торопливо, залпомъ, выпилъ.

— Покорничи благодаримъ!—сказалъ онъ, обтирая лѣвой рукой ротъ, усы и бороду.—Покорничи благодаримъ... таперича отляжетъ-съ...

— А ты закуси... Ты вотъ пьешь, а ничего не ѣшь. Не хорошо это...

— Нація такая у меня... замычка...

— Плохая, братъ, замычка!

Сысой Петровъ съ Чортикомъ тоже выпили и стали закусывать селедкой.

Въ это время половой подалъ газету.

— Ну-ка-сь,—сказалъ Сысой Петровъ, принимая ее,—что тутъ такое накорёжено?.. Какъ они тамъ исхитряются?..

Между тѣмъ, въ трактиръ ввалилась толпа грязныхъ и мокрыхъ рабочихъ-торфяниковъ и, шумно разговаривая, громко здороваясь съ Конычемъ, очевидно, хорошо имъ знакомымъ, стала разсаживаться за столы...

— Чайку бы намъ, молодчикъ, восемь парочекъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ, вѣроятно, старшій, обращаясь къ половому и сильно упирая на букву *о*. Это былъ сухой и длинный мужикъ, раскольничьяго типа и суроваго вида.

Сказавъ это, онъ оглядѣлся кругомъ, ища мѣста, и сѣлъ рядомъ съ Иваномъ Захарычемъ.

— Вѣдомости изволите проглядывать, господа купцы?—спросилъ онъ, усѣвшись и пристально, маленькими, бойкими глазками, изъ-подъ нависшихъ и уже начавшихъ сѣдѣть бровей поглядывая то на Сысой Петрова, то на Чортика, то на Ивана Захарыча.

— Точно такъ-съ!—съ иронiей въ голосѣ сказалъ, усмѣхаясь, Чортикъ.—А что?

— Да ничего, такъ... мы все: какъ насчетъ Думы.

— А тебѣ чего отъ нея надо-то?

— Да чего, — въ свою очередь, усмѣхаясь, отвѣтилъ мужикъ.—Намъ, знамо, одно нужно: землю.

— Ну, это погодишь!

— О-о-о! неужто не дадутъ?

— Похоже—нѣтъ..

— А говорили то, се... отобрать у господъ... у монастырей... пытали кричать... поговаривали шибко.

— Мало ли что поговаривали,—съ той же иронiей въ голосѣ, улыбаясь, отвѣтилъ Чортикъ и, доставъ изъ бокового кармана довольно толстую, въ кожаномъ переплетѣ съ резиновой застежкой поперекъ, записную книжку, открылъ ее и сказалъ.—Вотъ слушай... можетъ, и поймешь, что требовали и что отвѣтили.

— Требовали...—началъ онъ читать, сдѣлавшись какъ-то сразу совсѣмъ другимъ человѣкомъ, серьезнымъ и какъ будто выросшимъ. — Требовали, — повторилъ онъ,—полной политической амнистiи, т. е. освобожденiя изъ тюремъ,—пояснилъ онъ и продолжалъ подчеркивая слова:—Отвѣтили: несвоевременно. Требовали всеобщаго избирательнаго права. Отвѣтили: Не считаемъ этотъ вопросъ подлежащимъ обсужденiю. Требовали: Отвѣтственности министровъ передъ Думою. Отвѣтили: Не ваше дѣло. Требовали закона о неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, печати, свободы союзовъ, собранiй и стачекъ. Отвѣтили: Необходимо вооружить административныя власти

дѣйствительными способами для предотвращенія злоупотребленія свободами. Требовали полнаго уравненія въ правахъ всѣхъ гражданъ, изданія законовъ, ограждающихъ равноправіе крестьянъ и снимающихъ съ нихъ гнетъ произвола и опеки. Отвѣтили: Требуется особливая осторожность въ изысканіи способовъ разрѣшенія этого вопроса. Требовали отмѣны смертной казни и немедленнаго пріостановленія оной. Отвѣтили: Смертную казнь нельзя отмѣнить. Требовали надѣленія крестьянъ землею путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ. Отвѣтили: Разрѣшеніе сего вопроса на предложенныхъ Думою основаніяхъ безусловно недопустимо. Требовали...

— А, да впрочемъ, — махнулъ онъ рукой и закрылъ книжку.—И я дуракъ! все равно не поймешь... Не отберутъ, другъ, и не дадутъ, нечего и думать...

— Вонъ не желаешь ли, другъ, въ Сибирь? — съ ехидствомъ вступился замѣтно уже сдѣлавшійся пьянымъ Иванъ Захарычъ,—сколько угодно тамъ земли... Придумали же, а?. Ловко!..

— На кой она мнѣ шутъ, Сибирь-то?—сказалъ торфяникъ,—кому жисть не мила, съ Богомъ!

— Ихъ бы, чертей, самихъ въ Сибирь-то выслать!—закричалъ Иванъ Захарычъ и стукнулъ рукой по краю стола.— Истинный Господь, самое имъ тамъ мѣсто... Забрали, братецъ ты мой, всю власть себѣ въ руки, какъ хотятъ, такъ и воротятъ... А объ нашемъ братѣ ни фига не понимаютъ...

— И, мигнувъ Сысой Петрову на чайникъ, онъ сказалъ:— Сдѣлайте милость, налейте... душа горитъ...

Сысой Петровъ еще наполнилъ стаканъ и замѣтилъ:

— Не ори ты только, столяръ... поаккуратнѣй будь... попадетъ вѣдь, ей-Богу...

— Э-э-э,—махнулъ Иванъ Захарычъ рукой,—наплевать! Все одно ужъ... доколачиваютъ пущай... сбили меня съ панталыку, пущай доканчиваютъ!..

— Господа, ишь, теперича все, сказываютъ, въ Думѣ-то?— сказалъ торфяникъ.

— Они, все они!—закричалъ Иванъ Захарычъ, глотнувъ водки,—вся власть теперича ихняя... Черносотенцы, злая рота!..

— Та-а-акъ,—протянулъ торфяникъ и, помолчавъ, улыбнулся.—Ты говоришь, вонъ, черносотенцы... значитъ, это тѣ, которые противъ, чтобы нашему брату хорошо было... та-а-акъ! А вѣдь я, братецъ ты мой, допрежъ не зналъ этого... Я такъ полагалъ: черносотенцы — мы, православные хрясь-

яне... чернядь тоись... Спасибо, одинъ вотъ, неплошь тебя, человѣчекъ вразумилъ...

Чортикъ засмѣялся и, обернувшись къ Сысой Петрову, сказалъ:

— Ну что тамъ, читай...

— Да что читать то?.. Все, небось, одно... „Произошелъ крупный инцидентъ, почти скандалъ, еще болѣе обостривщій и безъ того натянутыя отношенія думскихъ партій".

— Полаялись, значитъ, опять!—сказалъ Чортикъ.

— А больше-то имъ и дѣлать нечего!—обрадовавшись случаю, подхватилъ Иванъ Захарычъ.

Теперь онъ уже окончательно отошелъ, беретъ „своей рукой" чайникъ и пьетъ не изъ стакана, а прямо изъ носка...

Сысой Петровъ хмурится, но молчитъ... Чортикъ смѣется и говоритъ:

— Пошла душа въ рай!.. „Шире дорогу, Любимъ Торцовъ идетъ!" Опять, значитъ, по вчерашнему.. Смотри, Елисей, Хима изукраситъ... Какъ домой-то пойдешь?..

— Какъ, какъ?—сердится вдругъ Иванъ Захарычъ и таращитъ на него пьяные глаза.—Какъ?.. Ногами!..—вотъ какъ!..

— Будешь орать, и здѣсь еще попадетъ...

— Этто отъ кого-жа?!

— А вотъ отъ Коныча.

— А эттого не желаетъ, а-а-а?.. Нѣтъ, погоди! Не имѣешь права коснуться... Кто я, а?.. Гражданинъ!.. Что въ милостивомъ манифестѣ сказано было... забылъ?.. Неприкосновеніе къ личности, вотъ что... Дыкъ какую же онъ имѣетъ возможность коснуться меня, а?..

— Я-жъ тебѣ, чудакъ-баранъ, сейчасъ только читалъ насчетъ неприкосновенія-то... Наставятъ банокъ, вотъ тебѣ и неприкосновеніе къ личности.

— Не имѣетъ пра-а-ва!

— Ну-да!..

— Брось... не дразни его,—говоритъ Сысой Петровъ.

— Меня дразнить нечего-съ!—вскочивъ вдругъ съ мѣста и начиная лѣвой рукой колотить себя въ грудь, кричитъ, привлекая на себя общее вниманіе, Иванъ Захарычъ.—Я не собака-съ... будетъ... полаяли-съ... Можно сказать, съ самаго съ того момента, какъ изъ материнской, царство небесное, утробы-съ свѣтъ узрѣлъ, только и помню: лаяли да били, били да лаяли... Тятька покойникъ, бывало, билъ... Братецъ Никаноръ Захарычъ въ ученье отдали—били... Когда же конецъ-то, Господи, Владыко живота моего!.. Доколѣ-же? Женили вотъ, въ домъ взошелъ... Соплюнъ, Богъ съ нимъ, не тѣмъ будь помянутъ, устроилъ... дѣти пошли... Дума

вотъ... Думалъ, авось, молъ, отдышка, просвѣтъ... анъ вотъ тебѣ, замѣсто отдышки-то, крышка!..

— Что-же это такоича значитъ?—завопилъ онъ еще пуще, таращa помутившіеся глаза на торфяника и не переставая бить себя въ грудь.—Про тебя вотъ, про сукина сына, про сѣраго чорта, въ каждомъ номерѣ печатаютъ, а про меня ничего, позабыли!.. Хуже я тебя, что-ли, а?.. Хуже?.. Ты оброкъ платишь, а я нѣтъ, а?.. А я нѣтъ?..

— А это ты ужъ у нихъ спроси,—сказалъ торфяникъ.—У нихъ... Имъ, стало быть, виднѣе!..

Слова эти, сказанныя съ убійственнымъ равнодушіемъ, переполнили чашу. Иванъ Захарычъ побагровѣлъ и заоралъ, ударяя кулакомъ по столу, на весь трактиръ:

— Они... Га-а-а... они!.. Да ихъ вмѣстѣ съ тѣми, кто имъ потачку-то даетъ, ихъ надо...

Но договорить ему не пришлось. Подбѣжалъ Конычъ и, съ перекосившимся отъ злобы лицомъ, своей длинной, какъ у гориллы, рукой, твердымъ, какъ чугунная гирька, кулакомъ, ударилъ, ни слова не говоря, Ивана Захарыча „въ рыло".

— Ло-о-вко!—воскликнулъ торфяникъ и крякнулъ отъ удовольствія...

Иванъ Захарычъ какъ то чудно, точно поросенокъ, хрюкнулъ и упалъ на полъ, ударившись затылкомъ объ скамейку.

Конычъ, ругаясь, схватилъ его за воротникъ, поднялъ, встряхнулъ, какъ какой-нибудь пустой куль, ударилъ еще разъ сзади по уху и, подтащивъ къ порогу, ткнулъ въ дверь, отчего послѣдняя, завизжавъ блокомъ, распахнулась настежь. Тутъ Конычъ ударилъ Ивана Захарыча еще разъ на прощанье по шеѣ и, со словами: „вотъ тебѣ, сво-о-о-лота!" спихнулъ съ крыльца...

Иванъ Захарычъ, растопыря руки, какъ птица крылья, слетѣлъ со ступенекъ внизъ и, уткнувшись лицомъ въ грязь, распростерся на мостовой, похожій на бабу, лежащую на родной могилѣ и громко голосящую..

Неподалеку, шаговъ за тридцать отъ мѣста происшествія, по ту сторону улицы, подъ навѣсомъ, спасался отъ непогоды городовой Псуновъ.

Конычъ крикнулъ его и, когда городовой торопливо, не разбирая грязи, подбѣжалъ,—сказалъ, указывая на Ивана Захарыча:

— Распорядись, Климычъ... сдѣлай милость, убери эту падаль, утиши... Надоѣлъ, сукинъ сынъ, пуще чорта!.. Ужо зайдешь ..

Иванъ Захарычъ, мыча что-то, всталъ сначала, какъ медвѣдь, на четвереньки, постоялъ немного въ такой позѣ,

съ трудомъ поднялся на ноги и, тыкаясь то впередъ, то назадъ, прохрипѣлъ, размазывая ладонью на лицѣ кровь, смѣшанную съ грязью:

— Не-е-имѣешь права! Не-е-не-прикосновенія къ личности... Я... я...

— Иди, иди къ чорту!—крикнулъ Псуновъ, поддерживая одной рукой Ивана Захарыча за рукавъ, а другой ударяя его по шеѣ.—Не разговаривай, а то... Иди домой, паршивый чортъ, пока цѣлъ...

— Ннн-е-имѣешь права.

— Иди, говорятъ, а то всю голову до мозговъ прошибу!..

— Не-е-е-прикосновеніе къ личности.. Не-е-имѣешь..

— А-а-а, сволочь! Вотъ тебѣ неприкосновеніе! Вотъ тебѣ другое!.. Всякій чортъ разговариваетъ тоже!..

Было совсѣмъ уже темно, когда избитый, весь въ грязи, безъ картуза, доплелся какимъ-то непостижимымъ образомъ Иванъ Захарычъ до дому. Увидя его, Хима всплеснула руками и ахнула:

— Господи Іусе!.. Кто это тебя разукрасилъ-то?..

— Ос-ла-а-а-банили,—бормоталъ Иванъ Захарычъ, стоя передъ ней.—Ду-у-у-май...

Хима заплакала.

— Сколько разъ говорила я,—закричала она,—сколько твердила: брось ты Думу эту... наживешь бѣды... вышло вотъ по моему... казнись! Такъ и надо, такъ тебѣ, чорту, и надо... А картузъ-то гдѣ-жъ у тебя? Потерялъ?.. Батюшки, неужели потерялъ? Ахъ ты, сволочь ты эдакая, бродяга! Вѣдь онъ, на худой конецъ, два четвертака стоитъ...

— Ос-с-ла-а-банили,—бормоталъ передъ ней Иванъ Захарычъ.—Ду-у-у-ма... Н-н-е-прикосновеніе... къ... къ...

— А, чо-о-о-ртъ!.. вотъ тебѣ! Вотъ! вотъ! вотъ! На... кха... тьфу!

Проснулся на другой день по утру Иванъ Захарычъ поздно. Химы въ комнатѣ не было. Гришутка возился около печки, раздувая сапогомъ самоваръ...

Страшная боль въ головѣ, въ лицѣ, по всему тѣлу сразу напомнила Ивану Захарычу то, что было. Лѣвый глазъ у него затекъ и не открывался. По всему лицу запеклась кровь. Два переднихъ зуба были выбиты, и во рту тоже всё запеклось и засохло..

— Гришъ, а Гришъ!—тихонько произнесъ онъ, подзывая сына.—Дай попить... Мать гдѣ?..

— Вышла... должно корову доить..

Гришутка присѣлъ на корточки и глядѣлъ, какъ Иванъ Захарычъ, немного приподнявшись на локоть, съ опухшимъ и страшнымъ лицомъ, жадно и долго глоталъ изъ ковшика воду.

— Что глядишь?—спросилъ Иванъ Захарычъ кончивъ пить.—А?.. Гришъ...

Онъ потянулъ мальчика за рукавъ рубашки къ себѣ.

— Что глядишь!. Хорошъ тятя-то, а?..

Гришутка обхватилъ его за шею руками и припалъ къ нему.

— Тятя... тятя... милый тятя... не пей ты больше вина... не пей ты больше вина...

Иванъ Захарычъ, молча, обнялъ его и вдругъ какъ-то странно, точно щенокъ, затявкалъ, громко и жалобно заплакавъ.

С. Подъячевъ.

Страница изъ „скорбнаго листа" Г. И. Успенскаго.

(По личнымъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ).

„При малѣйшей вѣсти съ родины меня всегда точно обжигало, я чувствовалъ самую настоящую физическую боль, какъ бы меня царапали раскаленнымъ желѣзомъ по тѣлу. Не всякому подъ силу перенести такую боль, и я боялся думать о прошломъ, чтобы не изболѣть безплодно, старался всегда гнать эти тѣни прошлаго, чтобы не пробудить въ себѣ того мучительнаго негоднаго для меня хлама, который съ такой любовью былъ нанесенъ въ мою совѣсть этой изстрадавшеюся, въ одномъ мнѣ сосредоточившею всю силу любви, родиною. За эти ласки я расплатился основательными страданіями и не хотѣлъ вспоминать, такъ какъ у меня была уже другая родина, именно,—вотъ эти самыя страданія". *Г. И. Успенскій* („На старомъ пепелищѣ").

„Года черезъ четыре я опять былъ въ Парижѣ и опять жаждалъ ощутить „радость" существованія, посѣтить Лувръ, но, увы, не могъ этого сдѣлать: я уже опять былъ скомканъ, скомканъ крѣпкой, сильной, неумолимой рукой дѣйствительности и чувствовалъ уже, что теперь меня не выпрямишь... Попробовалъ было я пойти въ Лувръ, подошелъ даже къ самымъ воротамъ, но просто совѣстно стало идти: „что-жъ я пойду *понапрасну* безпокоить ее? Все равно ничего не выйдетъ, а ее только сконфузишь!.."

Его-же („Выпрямила", стр. 1139—40).

I.

Есть переживанія, которыя съ особенною силою закрѣпляются сознаніемъ, осѣдая въ немъ въ формѣ прочныхъ и стойкихъ образованій. Это переживанія по преимуществу высшаго порядка, переживанія, связанныя съ глубокозахватывающими эмоціями и представленіями.

Долго остаются они сохранными, словно кладъ, въ туманныхъ глубинахъ сознанія, на «заднемъ фонѣ» его, и лишь порою неожиданно выплываютъ на поверхность со всей почти яркостью непосредственнаго чувственнаго воспріятія. Таковы и мои воспомина-

нія о Глѣбѣ Ивановичѣ Успенскомъ. Полтора десятка безъ малаго лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я, въ качествѣ врача-психіатра, наблюдалъ Глѣба Ивановича, а неотразимо-обаятельный образъ его, искаженный и истерзанный злымъ недугомъ, такъ и сейчасъ стоитъ передо мною: я его точно вижу, ощущаю, слышу—и сердце мое наполняется скорбью!..

Помню хорошо тотъ день, когда я впервые встрѣтился съ Глѣбомъ Ивановичемъ. То было раннею весной 1895 года, въ Колмовской психіатрической колоніи новгородскаго земства, куда я поступилъ ординаторомъ. Здѣсь, въ этой колоніи, около двухъ лѣтъ уже находился безвыходно Глѣбъ Ивановичъ – постепенно угасая духовно. Наступилъ первый день моей визитаціи. Читатель легко можетъ себѣ представить, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ я готовился къ ней. Помимо совершенно понятнаго и естественнаго чувства робости, неувѣренности и тревоги, испытываемаго всякимъ новичкомъ въ психіатріи, переступающимъ въ первый разъ черезъ порогъ больницы для душевно-больныхъ, я еще испытывалъ и переживалъ въ то время нѣчто большее—острую душевную боль семидесятника, готовящагося увидѣть духовную смерть самаго дорогого, самаго любимаго «писателя-друга»!.. Я зналъ давно, что Успенскій тяжко боленъ. Тревожныя вѣсти о его болѣзни дошли до близкихъ къ Гл. Ив. круговъ еще въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Я былъ, слѣдовательно, уже достаточно подготовленъ и, тѣмъ не менѣе, камень лежалъ на моей душѣ. Я боялся увидѣть дорогого покойника... хуже, чѣмъ покойника: храмъ опустѣвшій... Съ духовной смертью Успенскаго отъ насъ, семидесятниковъ, отлетѣла навсегда великая, скорбящая «народническая» душа!..

Часъ визитаціи настал. Директоръ колоніи, Б. Н. Синани, а съ нимъ и мы, ординаторы, пошли въ обходъ. Зашли въ «слабое» отдѣленіе и, не задерживаясь въ немъ, прямо направились въ комнату Гл. Ив. Успенскаго. Не успѣли мы перешагнуть порогъ, не успѣлъ д-ръ Синани назвать мою фамилію, какъ навстрѣчу мнѣ порывисто бросился Гл. Ив. и, судорожно сжавъ своими руками мою руку, взволнованно воскликнулъ: «вы принесли съ собою свѣтъ и тепло юга!» Я застылъ на мѣстѣ. А Гл. Ив., между тѣмъ, почти насильно потащилъ д-ра Синани къ столу и, взявъ со стола длинный лоскутокъ печатной бумаги, весь испещренный столбцами какихъ то цифръ,—какъ потомъ оказалось, отрѣзокъ изъ календаря Гатцука,—сталъ ему, «упорствуя, волнуясь и спѣша», что-то объяснять... Бесѣда продолжалась минутъ 15—20. О чемъ говорилъ Гл. Ив. такъ горячо и такъ горько? Какъ я ни напрягалъ своего вниманія, какъ я ни впивался въ каждое его слово,—я ровно ничего не понялъ. Что-то тяжелое, спутанное въ клубокъ, и большое, и малое, и важное, и мелкое, высокіе порывы и почти наивно-дѣтскія желанія, свѣтъ и мракъ... Волнуется, бьется и трепещетъ больной, изнемогая отъ собственнаго безсилія. Отдѣльныя слова.

даже цѣлыя фразы были понятны, но въ цѣломъ—сплошная загадка... Хорошо запомнилъ такія фразы: «Кто далъ право Борису Наумовичу (это д-ръ Синани. О. А.) держать св. Глѣба въ безконечномъ гробу? Какъ смѣлъ Б. Н. задержать милліоны св. Глѣба, предназначенные для безконечныхъ народныхъ банковъ». Помню еще, какъ Гл. Ив. съ неистовствомъ теребилъ бумажку въ рукахъ и какъ тыкалъ пальцемъ въ цифры, поднося ихъ почти подъ самый носъ д-ра Синани.

Бесѣда кончилась. Гл. Ив. остановился посреди комнаты, словно въ ожиданіи чего-то... Стоитъ гордый, вызывающій, и одновременно робкій, жалкій и просящій.

Мы оставили Гл. Ив. и пошли въ другія отдѣленія. На пути я остановился и почти съ отчаяніемъ воскликнулъ: «Борисъ Наумовичъ! я ровно ничего не понялъ!» Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ добродушно милый, отрывистый смѣшокъ.—«Потерпите, О. В.! Придетъ время и вы все поймете!»—утѣшилъ меня д-ръ Синани.

И это время пришло и пришло скорѣй, чѣмъ я самъ ожидалъ. Я съ большимъ увлеченіемъ набросился на психіатрію. Наука эта интересовала меня еще на студенческой скамейкѣ. Еще съ 3-го курса, будучи въ медико-хирургической академіи, я сталъ ревностно посѣщать замѣчательныя въ свое время клиническія лекціи по психіатріи проф. Балинскаго. Психическій міръ душевно-больныхъ захватывалъ меня. Онъ казался мнѣ какимъ то особеннымъ міромъ—неразгаданнымъ и таинственнымъ. Но за этой таинственностью, мнѣ казалось, скрыто много поучительнаго и важнаго—для науки и жизни. Страстно хотѣлось проникнуть въ этотъ міръ, узнать его тайны. Но жизнь моя тогда вскорѣ такъ сложилась, что интересъ къ психіатріи вытѣснили—и надолго вытѣснили—другіе интересы.

Теперь мнѣ снова представилась возможность ужъ самостоятельно, а не по чужой указкѣ, заглянуть въ этотъ міръ. И я весь отдался моей новой работѣ, и работа эта поглотила меня всего. Не легкая эта работа. Помимо спеціальныхъ знаній, требуется много выдержки и не мало сердечности, чтобы развернуть больную душу и овладѣть ею,—овладѣть затѣмъ, чтобы внести въ нее лучъ сознанія, согрѣть и освѣтить ее тепломъ и свѣтомъ здоровой мысли и воли. Многіе душевно-больные поразительно чутки и наблюдательны. Формализмъ, сухость, а тѣмъ паче фальшь со стороны врачебнаго персонала безповоротно отталкиваютъ больныхъ. И наоборотъ: прямыя, сердечныя отношенія сразу устанавливаютъ тотъ внутренній «раппортъ» между больнымъ и врачемъ, безъ котораго необходимая власть врача надъ больнымъ душевнымъ міромъ невозможна. Среди душевно больныхъ,—по крайней мѣрѣ, въ *спокойныхъ* отдѣленіяхъ,—обыкновенно существуетъ свое *общественное* мнѣніе. Это, пожалуй, покажется съ перваго взгляда парадоксальнымъ, но это такъ, доподлинно такъ. Психіатрамъ это хорошо

извѣстно, они не игнорируютъ общественнаго мнѣнія душевно-больныхъ и охотно даже прислушиваются къ нему. Помню, какъ вскорѣ послѣ моего поступленія въ Колмово д-ръ Синани обратилъ мое вниманіе именно на это оригинальное явленіе. Случилось вотъ что. Одинъ изъ палатныхъ служителей подлежалъ за какой-то важный проступокъ увольненію со службы. Слухъ объ этомъ быстро распространился въ отдѣленіи, среди больныхъ. Собирается импровизированный «митингъ», появляются «ораторы», составляется «петиція» на имя директора и черезъ уполномоченнаго передается ему во время обхода. Въ этой петиціи больные обращаютъ вниманіе директора на крупныя достоинства служителя—его доброту, мягкость, справедливость къ больнымъ—и убѣдительно просятъ простить служителю его поступокъ и не лишить ихъ добраго друга.

Мы всѣ, и въ томъ числѣ даже д-ръ Синани, столь многоопытный, были прямо поражены. Конечно, просьба больныхъ была уважена и—что важно—характеристика служителя, по дополнительнымъ справкамъ, оказалась вполнѣ вѣрной.

Но я забѣгаю впередъ. Все это выяснилось для меня лишь впослѣдствіи, много времени спустя и постепенно, по мѣрѣ того, какъ я входилъ въ курсъ дѣла и вырабатывался, какъ психіатръ. А пока предо мною на очереди стояла неотложная работа—психіатрическая практика. И взялся я за эту работу энергично, работалъ запоемъ. Многіе часы проводилъ я въ отдѣленіи, изучая и наблюдая не только порученныхъ мнѣ для этого больныхъ, но и все отдѣленіе въ цѣломъ. Все меня, какъ новичка, интересовало, трогало, волновало, а порою страшно утомляло. Я еще не зналъ тогда секрета опытнаго психіатра: смотрѣть и не видѣть, слышать и не слушать, производить работу почти безъ затраты силъ—легко, походя, между прочимъ. Эта способность дается психіатру лишь годами вдумчивой и упорной работы. Понятно, что въ первое время я страшно уставалъ и возвращался нерѣдко домой совершенно развинченный. Но съ теченіемъ времени и это прошло: я закалился, полюбилъ психіатрію, и работа въ общемъ у меня спорилась. А это удовлетворяетъ, успокаиваетъ и... усыпляетъ также. Когда, случалось, въ душѣ снова подымались мятежныя мысли, снова забиралась безысходно нѣмая тоска, которая, «какъ мышь средь тишины грызла меня нить за нитью»,—тогда я убѣгалъ въ *отдѣленіе* *), гдѣ чужое горе, чужое безнадежное страданіе, чужой мракъ души, дробилъ, распылялъ и разсѣивалъ въ конецъ мою собственную скорбь. Особенно Гл. Ив. дѣйствовалъ на меня неотразимо. Въ его помраченіи я видѣлъ мракъ, окутавшій тогда мою

*) „Отдѣленіе"—корпусъ или часть корпуса, въ которомъ помѣщаются опредѣленной категоріи душевно-больные. Таковы: *наблюдательное*, *слабое*, *спокойное*, *рабочее* и т. д. отдѣленія.

родину, погубившій его, а съ нимъ многихъ сильныхъ, честныхъ и благородныхъ. Въ его бредѣ, порою полномъ красоты и благородства, мнѣ слышались отзвуки былого—высокія думы, гордая рѣчь, смѣлые поступки людей, легшихъ костьми за родину...

Два года я изо-дня въ день наблюдалъ угасаніе великой духовной жизни, закатъ солнца, оставшагося и на закатѣ солнцемъ...

Какъ угасало это солнце—объ этомъ ниже.

Въ первое время Гл. Ив. Успенскій жилъ въ семьѣ д-ра Синани, стариннаго друга и большого почитателя его таланта. Но по мѣрѣ того, какъ болѣзнь стала ухудшаться, дальнѣйшее пребываніе Гл. Ив. въ семейной обстановкѣ становилось невозможнымъ. Въ какое же отдѣленіе помѣстить его? Гл. Ив. временами былъ очень безпокоенъ: подъ вліяніемъ бреда и живыхъ, яркихъ галлюцинацій онъ бывалъ даже аггрессивенъ—какъ по отношенію къ себѣ, такъ и къ окружающимъ. За нимъ, стало быть, нуженъ былъ неукоснительный надзоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ важно было избавить его отъ «бедлама» безпокойнаго отдѣленія, гдѣ его собственное безпокойство и бредъ нашли бы еще большую пищу. Задача была не изъ легкихъ, но опытный психіатръ, Б. Н. Синани, разрѣшилъ ее какъ нельзя лучше. Въ Колмовской лѣчебницѣ было одно отдѣленіе, весьма симпатичное по своему назначенію: «слабое» отдѣленіе. Оно было предназначено преимущественно для психически-выздоравливающихъ больныхъ. Порою туда попадали больные съ психо-неврозами, порою и съ острыми душевными формами, но протекавшими мягко, безшумно, тихо. Въ это-то отдѣленіе и былъ помѣщенъ Успенскій. Чтобы еще больше обособить его отъ больныхъ, ему отвели особо двѣ комнаты, отдѣленныя отъ общаго коридора полусвѣтлой передней. Получилось нѣчто вродѣ отдѣльнаго аппартамента. Комната, въ которой помѣщался Гл. Ив., была достаточно просторная, свѣтлая, съ окномъ на р. Волховъ.

Лѣтомъ изъ окна открывался мягкій, ласкающій видъ на рѣку. На противоположномъ берегу Волхова красовался Деревеницкій монастырь, сверкали на солнцѣ золоченые купола его. Лѣтомъ по Волхову то и дѣло ходили пароходы, плавали баржи, сновали туда и сюда лодки. А передъ самымъ окномъ—чудная зеленая лужайка и клумбы цвѣтовъ. Тутъ же, за окномъ, журча протекалъ ручеекъ, омывавшій «слабое» отдѣленіе, домъ директора и далеко за домомъ, пробираясь черезъ садъ, образовавшій озерко, прозванное «соленымъ» *). Лѣтомъ,—скажу попутно,—Успенскій по цѣлымъ часамъ выстаивалъ у окна, прильнувъ къ нему лицомъ и впиваясь вдаль своими грустными, грустными глазами. Волховъ медленно катилъ

*) Ручеекъ и озерко образовались изъ избытка воды артезіанскаго колодца, обслуживавшаго колонію. Вода въ колодцѣ, по химическому ея составу, была почти что морская—*соленая*. Inde—и названіе озерка.

свои волны, вдали мелькали силуеты движущихся пароходовъ, слышны были свистки, шумъ вертящихся пароходныхъ колесъ. И Гл. Ив. нерѣдко судорожно цѣплялся за желѣзныя рамы, кричалъ, звалъ кого-то, порывался куда-то...

Комната была убрана просто, но уютно. Кровать у стѣны справа, мягкій диванъ, столикъ и нѣсколько стульевъ. На столѣ двѣ фотографическія карточки: Александра Глѣбовича Успенскаго, старшаго сына Гл. Ив., въ формѣ института гражданскихъ инженеровъ, и одной изъ дочерей,—кажется, Вѣры Глѣбовны. Карточки эти доставляли огромную радость больному. Особенно карточка Александра Глѣбовича. Бывало, въ сравнительно свѣтлые промежутки, Глѣбъ Ивановичъ подолгу любовно смотрѣлъ на своего «Сашу», «Великаго Князя, св. Александра Борисоглѣбскаго»; смотритъ—и не насмотрится, шепчетъ ему какія-то лишь Гл. Ив. вѣдомыя слова... А то, случалось, позоветъ своего «дядьку» Андрея и начинаетъ ему трогательно разсказывать, какой хорошій, красивый, умный и талантливый его «великій князь, св. Александръ». Будущее его блестяще, ему суждено осчастливить родину... Изъ предметовъ роскоши надо еще назвать серебряный (или мельхіоровый) портсигаръ, на внутренней сторонѣ котораго были автографы ближайшихъ друзей и сотрудниковъ Гл. Ив.: Н. К. Михайловскаго, С. Н. Кривенко, А. И. Иванчина-Писарева и проч. Для ухода и присмотра за Гл. Ив. къ нему была приставлена особая прислуга,—крестьянинъ той деревни, гдѣ жилъ Успенскій, по имени Андрей. Лучшаго выбора не могъ сдѣлать д-ръ Синани. Это былъ идеальный служитель. Спокойный, ровный, выдержанный и сердечно привязанный къ Гл. Ив., Андрей глазъ не спускалъ съ него, буквально нянчился съ нимъ, спокойно выносилъ его капризы, нерѣдко бурные вспышки его гнѣва. Однимъ словомъ, Андрей былъ «дядькой» Гл. Ив. въ полномъ смыслѣ этого слова. И доставалось же порою этому «дядькѣ»! Какъ-то разъ Гл. Ив. ужъ черезчуръ напалъ на своего Андрея, обругалъ его и полѣзъ было въ драку. Вмѣшался д-ръ Синани. «Какъ это вы, Гл. Ив., такъ обижаете Андрея? Вѣдь онъ такъ сердечно къ вамъ привязанъ!» Гл. Ив. въ первый моментъ совершенно растерялся, сконфузился, съежился, но вдругъ выпрямился, добродушно-лукавая улыбка заиграла на его лицѣ, и онъ воскликнулъ: «Обижаю! обижаю! такъ зачѣмъ же св. Андрей живетъ здѣсь? Зачѣмъ? Ему надо, непремѣнно надо, быть въ деревнѣ, пахать безконечныя пашни, а онъ (пренебрежительно-брезгливый жестъ по направленію къ кровати) чѣмъ занимается? Выноситъ... у—къ!» Выходило, что Андрей же виноватъ!

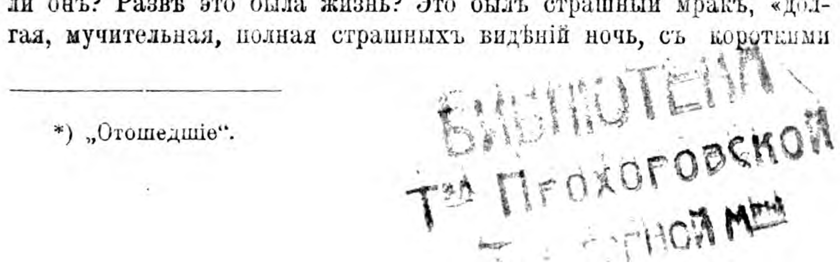
Режимъ, установленный для Гл. Ив., отличался строгой выдержанностью и гуманностью.— «Все, что могла сдѣлать наука, согрѣтая личной привязанностью и любовью, — говоритъ В. Г. Коро-

ленко,—все, кажется, было сдѣлано» *). Да, было сдѣлано. Все, что могло раздражать, возбуждать Успенскаго, питать его бредъ,— все это, по мѣрѣ возможности, было устранено. Все же, что, наоборотъ, могло служить *нормальнымъ* для него возбудителемъ, пускалось въ достаточной мѣрѣ въ ходъ. Душа и тѣло одновременно укрѣплялись. Пищевой режимъ былъ вполнѣ питательный и достаточный. Для Гл. Ив. готовили особо. Дѣло въ томъ, что Гл. Ив. не принималъ совсѣмъ мясной пищи. Причина этого рѣшительнаго отказа, какъ увидимъ ниже, лежала, съ одной стороны, въ болѣзненныхъ ощущеніяхъ органовъ вкуса и обонянія, а съ другой—въ бредѣ его, очень стойкомъ и систематичномъ. Вмѣсто мясной пищи Успенскій получалъ въ изобиліи молоко, яйца и растительные продукты (овощи, фрукты) въ разнообразной формѣ. Такой пищевой режимъ, съ преобладаніемъ растительныхъ веществъ, дѣйствовалъ прекрасно, и за тѣ годы, которые я пробылъ къ Колмовѣ, не могу припомнить ни одного серьезнаго заболѣванія, не считая временныхъ обостреній его застарѣлаго геморроя. Въ хорошую погоду Успенскій совершалъ продолжительныя прогулки на вольномъ воздухѣ въ окрестностяхъ колоніи. По пути нерѣдко заворачивалъ ко мнѣ, на мою квартиру,—«въ флигелечекъ св. Іосифа», какъ выражался Гл. Ив.,—и оставался у меня подолгу. Въ мое время Гл. Ив. пересталъ читать, не интересовался уже ничѣмъ литературнымъ. И если съ нимъ по этому поводу заговаривали, онъ весь уходилъ въ свой бредъ, въ свой міръ, который сулилъ ему иныя радости, иныя наслажденія, непреходящія, вѣчныя... Но объ этомъ послѣ.

Свиданія Успенскій имѣлъ только со своимъ сыномъ, Александромъ Глѣбовичемъ. Помню, что за время пребыванія моего въ Колмовѣ, Александръ Глѣбовичъ посѣтилъ больного отца только два раза—въ день его, Глѣба Ивановича, именинъ. Да и эти два свиданія не обходились безъ сильнаго возбужденія и бурныхъ со стороны Гл. Ив. вспышекъ и настойчивыхъ требованій взять его домой. Свиданія эти были крайне мучительны для обѣихъ сторонъ— и для отца, и для сына, а потому, понятно, что они были сведены до необходимаго минимума. Изъ постороннихъ, посѣтившихъ Успенскаго, могу назвать женщину-врача, Д. И. Аптекманъ, давнишнюю пріятельницу Гл. Ив. Свиданіе было трогательное, но опять-таки крайне тягостное—для обоихъ, а потому и совершенно безрезультатное.

Такова обстановка, при которой жилъ Успенскій въ Колмовѣ, въ бытность мою тамъ ординаторомъ. Я сказалъ «жилъ». Да жилъ ли онъ? Развѣ это была жизнь? Это былъ страшный мракъ, «долгая, мучительная, полная страшныхъ видѣній ночь, съ короткими

*) „Отошедшіе“.

промежутками просвѣтленія, въ своемъ родѣ не менѣе мучительными» *).

Хотя Успенскій, какъ *исключительный* паціентъ, числился, такъ сказать, исключительно за директоромъ колоніи, д-ромъ Б. Н. Синани, но, благодаря любезности послѣдняго, мнѣ была предоставлена свобода входа къ Гл. Ив. во всякое время. И я, конечно, воспользовался этой льготой въ полной мѣрѣ. Вскорѣ между мною и Гл. Ив. установились простыя, хорошія, сердечныя отношенія, словно мы были давно знакомы и насъ связывало что-то прочное и глубокое. Какъ я относился къ Гл. Ив.,—говорить считаю лишнимъ. Но что Гл. Ив. прилипъ ко мнѣ — объ этомъ я вспоминаю съ чувствомъ глубокой радости. Можетъ быть, онъ слышалъ обо мнѣ раньше отъ общихъ друзей и товарищей-семидесятниковъ, или поводомъ для нашего сближенія послужило то обстоятельство, что семья Успенскаго была близка съ моей двоюродной сестрой, женщиной-врачемъ Д. И. Аптекманъ (о которой я упомянулъ выше),—какъ бы то ни было, мы сблизились съ Гл. Ив. Я говорю *сблизились* потому, что Успенскій, думается мнѣ, именно такъ смотрѣлъ на меня—какъ на *близкаго*, родного человѣка, а не какъ на врача. Онъ отлично зналъ, что я въ Колмовѣ не авторитетное, власть имущее лицо, что существенной пользы, какъ *врачъ*, я ему принести не могу и, тѣмъ не менѣе, онъ меня буквально забралъ въ плѣнъ **). Онъ не только съ поразительною чуткостью и ловкостью перехватывалъ меня, такъ сказать, въ отдѣленіи,—когда я буквально прятался отъ него, чтобы вести свою текущую работу,—но нерѣдко бывалъ у меня на дому. Кромѣ того, онъ завелъ со мною по истинѣ колоссальную переписку. Успенскій и раньше много писалъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Это скорѣй сказалась въ немъ его любимая профессія—потребность писать, творить,—чѣмъ, какъ иные думаютъ, болѣзнь его, специфическія-де свойства которой графоманія. За 1895 годъ у меня накопилось около сотни его писемъ, изъ которыхъ преобладающее число адресовано мнѣ («св. Іосифу» просто и «св. Іосифу Аримафейскому»). Письма эти помѣчены мною тѣми датами, когда были написаны Успенскимъ. Каждое письмо въ отдѣльности, если и имѣетъ значеніе, то только для спеціалиста-психіатра. Но всѣ письма, вмѣстѣ взятыя, пред-

---

*) Н. К. Михайловскій. „Р. Б." № 4, 1902 г.

**) Что я въ этомъ отношеніи не субъективенъ, могутъ подтвердить слѣдующіе факты. Когда я оставилъ Колмово, Гл. Ив. все продолжалъ разспрашивать обо мнѣ (о „св. Іосифѣ"), все искалъ меня, утверждалъ, что у него былъ „братъ св. Іосифъ". Объ этомъ разсказалъ въ какой-то столичной газетѣ одинъ посѣтитель, навѣщавшій Успенскаго во время завѣдыванія колоніей уже д-ромъ Краинскимъ. Объ этомъ упоминалось также въ нѣкоторыхъ газетахъ уже послѣ смерти Успенскаго: и въ Новознаменской больницѣ, гдѣ Гл. Ив. скончался, онъ частенько говорилъ и вспоминалъ о „св. Іосифѣ".

ставляютъ громадный интересъ и для непосвященныхъ, при томъ не только спеціальный, но и общественный: не только бредъ Успенскаго выступаетъ въ этихъ письмахъ ярко, выразительно и довольно послѣдовательно, но и *генезисъ*, историческій генезисъ, этого бреда, составные его *элементы*, строительный матеріалъ его, какъ *рудименты бывшаго здороваго міросозерцанія* Гл. Ив., такъ прямо и бросаются въ глаза. И въ общемъ и цѣломъ получается не «грандіозный бредъ» въ специфически психіатрическомъ смыслѣ, а стройное, красивое міросозерцаніе, уцѣлѣвшее отъ разрушительнаго дѣйствія болѣзни, но вставленное, такъ сказать, въ рамки бреда. Къ этому вопросу, впрочемъ, вернусь еще ниже, а пока скажу, что въ сотнѣ писемъ Гл. Ив. имѣется одно, въ видѣ исключенія, дѣйствительно, замѣчательное. Очевидно, написано оно было въ исключительно «свѣтлый промежутокъ» (если память не обманываетъ меня, относится оно приблизительно ко 2-й половинѣ сентября 1895 года). Написано оно четко, каллиграфически и грамматически весьма удовлетворительно (многія письма Гл. Ив. въ этомъ именно отношеніи страшно грѣшатъ), логически весьма выдержанно, а идейно составлено изъ обломковъ народничества и именно народничества *послѣднихъ*, конца 80-хъ годовъ, писаній Гл. Ив.

Письмо написано на четвертушкѣ сѣрой писчей бумаги.

Я читалъ и перечитывалъ его много разъ, давалъ его также на прочтеніе близкимъ моимъ знакомымъ, почитателямъ Гл. Ив. Для меня это письмо—дорогое завѣщаніе незабвеннаго и безконечно дорогого Гл. Ив. И важный, серьезный тонъ письма, и проникающая его тихая печаль, и существо этого письма—его содержаніе,—все это даетъ мнѣ право назвать его завѣщаніемъ.

Къ сожалѣнію, я не имѣю сейчасъ этого письма подъ руками, а потому лишенъ возможности передать его дословно. Но, повторяю, я такъ много разъ его читалъ, оно такъ прочно залегло въ моей памяти, что за передачу точнаго смысла этого письма я вполнѣ ручаюсь. Ниже я это сдѣлаю, когда мнѣ придется говорить о *соціологической* сторонѣ бреда Успенскаго. А теперь вернемся къ прерванной нити моихъ воспоминаній.

Я сказалъ, что Гл. Ив. забралъ меня въ руки. И долженъ еще сказать: забралъ, такъ сказать, съ слѣпымъ эгоизмомъ маленькихъ дѣтей: только мнѣ, дескать, принадлежи, мнѣ, а, не другимъ!

Можетъ быть, у Гл. Ив. это и не было эгоизмомъ, а, наоборотъ, разговоры со мною, его бесѣды представлялись ему большимъ, не личнаго характера, дѣломъ («у св. Глѣба царство огромное», «силы Глѣба несокрушимыя» и т. д.), а это, само собою, оправдывало его претензіи на меня. И, дѣйствительно, Гл. Ив. не только о себѣ говорилъ,—нѣтъ! онъ былъ постояннымъ ходатаемъ, заступникомъ за другихъ больныхъ («Кто далъ право Борису Наумовичу держать всѣхъ угодниковъ божіихъ здѣсь, въ этомъ без-

конечномъ гробу?» и т. д.). Да и въ письмахъ онъ другихъ не забываетъ. И это очень характерно: вездѣ и всегда и даже въ своемъ безуміи Гл. Ив. оставался вѣренъ самому себѣ. Semper in motu: всегда въ исканіяхъ, тревогахъ, мятущійся и скорбящій о другихъ... О чемъ мы говорили? о чемъ порою такъ горячо и долго спорили? Если бы посторонній человѣкъ находился за стѣной и слышалъ нашъ разговоръ, то—я увѣренъ—онъ принялъ бы насъ за двухъ ревностныхъ спорщиковъ, ведущихъ теоретическій споръ о вопросахъ философіи, морали, соціологіи и политики. Гдѣ «паціентъ», «душевно-больной», гдѣ врачъ—онъ не разобрался бы. Гл. Ив., душевно-больной, съ распадающимся уже интеллектомъ, съ опустошенной уже въ значительной степени душой, — этотъ Г. И. Успенскій прямо поражалъ меня порою тѣми остатками своего мощнаго ума, той еще не поблекшей душевной красотой, которыя, словно яркія молніи, прорѣзывали его помраченное сознаніе! Какой мощный умъ погасъ! И я уходилъ отъ него съ поникшей головой...

Передать содержаніе нашихъ многочисленныхъ бесѣдъ, конечно, нѣтъ возможности, и я ограничусь лишь тѣми немногими, которыя особенно сильно врѣзались въ моей памяти и запечатлѣлись въ моемъ сознаніи. Онѣ послужатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и иллюстраціей того «бреда» Успенскаго, о которомъ ниже я намѣренъ говорить болѣе подробно.

Я тихо вошелъ въ комнату Гл. Ив. Онъ стоялъ у открытаго окна, прильнувъ къ переплету оконной рамы, и, видимо, съ жадностью глоталъ свѣжій, ароматный воздухъ майскаго утра. Почуявъ мое присутствіе, Гл. Ив. быстро повернулся ко мнѣ и, сжавъ до боли мою руку, взволнованно проговорилъ: «Св. Іосифъ, ѣдемъ! сейчасъ, сію минуту ѣдемъ! возьмите изъ банка 200 р.!»—Я взглянулъ на Гл. Ив. Перекошенное лицо, усиленныя жевательныя движенія (это «насильственное» движеніе челюстями наблюдалось мною все время, пока я былъ въ Колмовѣ), тревога, тоска въ напряженныхъ глазахъ.

— Куда ѣхать, Гл. Ив?—спросилъ я.

— Въ Чудово, св. Іосифъ! а оттуда въ Бологое. Тамъ насъ компанія путешественниковъ встрѣтитъ, мы поздороваемся, обнимемся и разъѣдемся въ разныя стороны: мы на югъ, а тѣ на сѣверъ. Отлично!

Я снова взглянулъ на Гл. Ив. — и острая жалость обожгла меня. Все тотъ же! подумалъ я. И вспомнился мнѣ почему-то прелестный очеркъ Успенскаго «На травкѣ», гдѣ разсказъ ведется отъ имени Лиссабонскаго, котораго тоже неудержимо потянуло въ деревню, затѣмъ, чтобы лечь на зеленую траву и забыться. И мнѣ самому страстно захотѣлось «лечь и закрыть глаза». Я вдругъ почувствовалъ страшную усталость и безсильно опустился на стулъ. А изъ окна, ликуя, глядѣло на насъ чудное

майское утро. Природа пѣла побѣдную пѣсню жизни. Отъ чуткой, трепетной души Гл. Ив. не ускользнула эта пѣсня природы, эта полнота жизни, это богатство звуковъ и красокъ. Возбужденный, онъ стоялъ передъ мною, теребя меня. Надо, непремѣнно надо, отсюда... изъ этого гроба безконечнаго, куда загнали его враги его таланта. Гдѣ его силы могучія? Гдѣ его талантъ? «Пропалъ талантъ! погубили, зарѣзали меня!»—стоналъ Гл. Ив. Я не вытерпѣлъ и горячо сказалъ:—Что вы, Гл. Ивановичъ! Развѣ вы не сотворили себѣ памятника нерукотворнаго?—Горячій, убѣжденный тонъ моихъ словъ произвелъ впечатлѣніе. Гл. Ив. встрепенулся и спросилъ: «Какой памятникъ, св. Іосифъ?»—Я указалъ на его сочиненія, какъ на громадную цѣнность, идейную и художественную, которою гордится мыслящая Россія, которою жила лучшая, боевая часть русской интеллигенціи, осуществляя на дѣлѣ тѣ высокіе, благородные идеалы, которыми пропитаны эти сочиненія. Гл. Ив. заглянулъ мнѣ прямо въ глаза, точно онъ хотѣлъ проникнуть въ мою душу. Лицо его на мгновенье озарилось, просвѣтлѣло, словно лучъ свѣта проникъ въ помраченное сознаніе, что то неотразимо милое, хорошее, обаятельное засвѣтилось въ его глазахъ... Казалось, онъ что-то припоминаетъ, припомнилъ и... понялъ.—«Не то, не то, св. Іосифъ, — спотыкаясь и съ трудомъ произнося слова, заговорилъ Гл. Ив.—не то! не такая книга нужна,—другая, другая есть... должна быть, она при каждомъ новорожденномъ есть...»—Я насторожился и, совершенно забывъ, что передо мною душевно-больной, сталъ слушать его съ захватывающимъ интересомъ. Онъ говорилъ много, туманно, крайне запутанно, то и дѣло соскакивая съ рельсовъ и прибѣгая къ совершенно неожиданнымъ ассоціаціямъ,—порою образнымъ и яркимъ, часто почти стереотипнымъ. И, тѣмъ не менѣе, этотъ лабиринтъ сужденій прорѣзывала какая-то свѣтлая нить, по которой можно было изъ него выбраться. Онъ говорилъ, что гдѣ-то есть, гдѣ-то скрыта «такая» книга—«великая», «святая» книга. Онъ знаетъ, доподлинно знаетъ это: ему это «дано». Онъ найдетъ эту книгу, непремѣнно найдетъ, когда великія силы, мощь его безконечная, будутъ развязаны... Въ «гробу» онъ теперь, «въ безконечномъ гробу»!.. Іуда-предатель держитъ его въ этомъ гробу... А книгу эту онъ добудетъ, непремѣнно добудетъ, и «будетъ свѣтъ и правда въ людяхъ»... И будетъ она, эта книга, при каждомъ младенцѣ новорожденномъ, «указывая ему жизнь безконечную и правду безконечную»...

Я слушалъ, а Гл. Ив. говорилъ, говорилъ и говорилъ. И чудилось мнѣ, что передо мною не безумный, а «вѣщій» сѣдой старины, извлекающій изъ туманныхъ глубинъ невѣдомаго, непознаваемаго, «мерцаніе небесной правды» *)... Эта бесѣда произвела на меня глу-

*) Слова въ кавычкахъ принадлежатъ В. Г. Короленко, „Отошедшіе".

бокое впечатлѣніе. Уходя отъ Гл. Ив , я все думалъ о его «книгѣ». Что онъ этимъ хотѣлъ сказать? Повидимому, онъ говорилъ о философскомъ синтезѣ, который долженъ былъ разрѣшить всѣ противорѣчія, терзающія людей, и внести гармонію въ жизнь и мысль, въ практику и теорію. Повидимому, исканіе правды не перестало тревожить Гл. Ив. и въ бреду, и въ состояніи безумія, и въ душевныхъ сумеркахъ. Все тотъ же.

Болѣзненный процессъ развивался у Успенскаго очень медленно. Психическое оскудѣніе подвигалось, такъ сказать, шагъ за шагомъ. Высоко даровитая психическая индивидуальность развернула большую силу сопротивляемости разрушительному процессу. Борьба здоровыхъ элементовъ съ пришельцами-завоевателями шла на жизнь и на смерть. Не мудрено поэтому, что въ 1895 году, въ разгарѣ болѣзни Гл. Ив., меня поражало не только обиліе здоровыхъ элементовъ, сохранившихся въ его душѣ, но и высота ихъ развитія, не только количество ихъ, но и качество. Кто только знакомъ съ Успенскимъ, какъ съ писателемъ, ничуть не удивится этому. Глѣбъ Ивановичъ былъ не только писатель-художникъ, но и писатель-мыслитель. Его глубокій умъ прямо поразителенъ. Его «Власть земли» это—шедевръ наблюдательнаго, точнаго и глубокаго ума. Многіе очерки Гл. Ив. имѣютъ, по глубокому нашему убѣжденію, помимо художественной ихъ цѣнности, еще и высоко научный интересъ. И мы увѣрены, что если бы Гл. Ив. случайно попалъ не на литературное поприще, а на научное, то онъ бы и въ эту область внесъ много цѣннаго, какъ ученый.

Удивительная наблюдательность, благодаря которой ничто, даже самомалѣйшее, не ускользаетъ изъ сферы его наблюденій,—во-первыхъ; глубокій умъ, не останавливающійся на поверхности явленій,—во-вторыхъ; удивительная правдивость, объективность наблюденія, видящая, живописующая и констатирующая то, что есть,—въ-третьихъ; и, наконецъ, живое, поэтическое воображеніе, улавливающее связь между, повидимому, далекими и различающимися явленіями, объединяющее и обобщающее такимъ образомъ разрозненныя явленія въ нѣкоторое прочное единство,—въ-четвертыхъ; развѣ всѣ эти свойства ума не служили лучшей гарантіей строго научнаго познаванія? Понятно, повторяю еще разъ, что такая крупная индивидуальность долго, десятками лѣтъ, можетъ быть, не поддавалась психическому разрушенію, борясь и на волѣ еще, какъ ниже увидимъ, и въ лѣчебницѣ.

Разскажу объ одномъ нашемъ продолжительномъ разговорѣ, въ которомъ это обиліе старыхъ переживаній выступаетъ особенно выпукло. Въ саду поспѣли яблоки. Жена моя сорвала нѣсколько штукъ и послала ихъ при запискѣ Успенскому. Спустя нѣкоторое время, на квартиру ко мнѣ является Андрей съ запиской отъ Гл.

Ив.—«Не хотятъ кушать,—добродушно смѣясь, заявилъ Андрей,—и записочку вамъ, барыня, обратно прислали Глѣбъ Ивановичъ!» Что за оказія? Посмотрѣлъ на записку—записка жены, но съ двумя характерными для Гл. Ив. поправками: приставлена неотъемлемая частица «св» (святой — ая) къ словамъ «Гл. Ив.» и къ подписи жены—«Евгенія». Во время обхода я освѣдомился у Гл. Ив., почему онъ не ѣстъ яблокъ, присланныхъ моей женой, на что получилъ спокойный отвѣтъ:—«не ѣмъ, св. Іосифъ, фруктовъ, *сорванныхъ* или *срѣзанныхъ* съ деревьевъ, ѣмъ только *палые*, которые *сами* пали». Меня заинтересовали мотивы этого поведенія, и я обратился къ Гл. Ив. за объясненіями. И опять долго и много говорилъ Гл. Ив., безсвязно, скачками и извивами. Но я уже научился расшифровывать его запутанные іероглифы. И предо мною неожиданно раскрылось своеобразное, не лишенное глубины и красоты, міросозерцаніе.

Я иначе не могу это назвать,—не могу сказать, что это *сплошной* бредъ: бредъ входилъ, какъ интегральная часть, въ его міросозерцаніе, служилъ какъ бы рамкой, онъ сказывался въ аксессуарахъ мышленія, въ формѣ его, но не въ существѣ, не въ ядрѣ его. Это ядро было вполнѣ здоровое. Можно было спорить противъ научной его цѣнности, можно было его считать заблужденіемъ, ошибкою ума, но не «бредомъ» во всякомъ случаѣ. Въ чемъ же заключалось міровоззрѣніе нашего больного? Я передаю его такъ, какъ оно постепенно выяснилось изъ моихъ бесѣдъ съ Гл. Ив. и изъ сопоставленія ихъ съ фактами «поведенія» Гл. Ив. въ лѣчебницѣ.

По мнѣнію Успенскаго, во всей природѣ, особенно организованной, разлита вѣчная, никогда не умирающая сущность, обусловливающая жизнь природы.

Эта сущность — душа *). Все живое имѣетъ душу. И былинка въ степи, и «царь природы»—едины суть: *одна* въ нихъ сущность и сущность эта уравниваетъ ихъ, объединяетъ. Пока данная форма живетъ и развивается,—сущность ея, душа, пребываетъ въ ней ненарушимо. Отлетѣла душа—и форма умираетъ, распадается. Благодаря душѣ, каждая форма совершаетъ присущій ей циклъ развитія, развертываетъ гармонично всю полноту жизни, исчерпываетъ въ полной мѣрѣ всѣ рессурсы бытія, однимъ словомъ, живетъ на радость и счастіе не только себѣ, но и всему живому. Источникъ жизни безконеченъ, и изъ него «полнымъ ртомъ» пьетъ все живое. Всѣмъ хватаетъ «по горло». Умираетъ одна форма и изъ ея праха, какъ фениксъ изъ пепла, возстановляется другая: жизнь не прекращается, жизнь безконечна. Прекратить насильственно форму жизни,—значитъ совершить «душегубство», злодѣйство. *Насильственной* смерти, душегубства въ природѣ нѣтъ, иначе

*) Прошу читателя вспомнить ученіе Аристотеля объ *энтелехіи*, реставрированное въ настоящее время *нео-виталистами*.

природа превратилась бы скоро въ пустыню—«кладбище», «безконечное кладбище». Есть смерть—*естественный* конецъ жизни, законченный циклъ развитія, но нѣтъ «душегубства», насилія, рѣзни и кровопролитія. Любовь, «безконечная любовь» разлита въ природѣ, во вселенной. Все живое, пока имѣетъ душу, неприкосновенно, свято, какъ свято божество. Свята былинка, несущаяся свободно въ степи, свята зеленая трава на зеленомъ лугу, святъ темный боръ, святъ всякій звѣрь въ лѣсу и всякая птица въ небесахъ, свята рыба въ водѣ, святъ и безконечно святъ человѣкъ во всей вселенной, вездѣ и повсюду, нынѣ и во вѣки вѣковъ.

А потому «преступникъ», «разбойникъ», «іуда-предатель» тотъ, кто срѣзалъ плодъ на деревѣ, кто занесъ косу на зеленую траву, серпъ—на стоящій на корню хлѣбъ! И тѣмъ паче «душегубъ» тотъ, кто пролилъ кровь звѣря, животнаго, птицы, а особенно человѣка!..

Какъ видитъ читатель, предъ нами міровоззрѣніе, которое мы безъ натяжки можемъ назвать *панпсихизмомъ* *). Какъ и когда Гл. Ив. пришелъ къ этому міровоззрѣнію, трудно съ опредѣленностью сказать, но есть у насъ несомнѣнныя данныя въ его сочиненіяхъ, указывающія на то, что еще въ нормальномъ состояніи Гл. Ив. склоненъ былъ къ нему, по крайней мѣрѣ, задумывался надъ панпсихизмомъ. Ниже мы къ этому вернемся, а теперь посмотримъ, какъ его міровоззрѣніе («бредъ») отразилось на формѣ его рѣчи, сужденій и на поведеніи («волѣ») въ лѣчебницѣ.

Душа придаетъ каждой живой формѣ, каждому организму, *святость*, какъ аттрибутъ вѣчнаго, непреходящаго, нетлѣннаго. Но каждая живая форма имѣетъ, можетъ имѣть, еще другіе аттрибуты: родовые, видовые и проч., различной степени постоянства и измѣнчивости. Человѣкъ, напримѣръ, представляетъ собою совокупность и тѣхъ, и другихъ,—и *субстанціональныхъ*, и *акциденціональныхъ* (существенныхъ и случайныхъ) свойствъ. Такъ, когда я говорю: «Глѣбъ Ивановичъ Успенскій», я этимъ выражаю опредѣленную *конкретно* данную реальность. А когда я говорю: «св. Глѣбъ», я этимъ выражаю реальность въ аттрибутахъ *существенныхъ, неизмѣнныхъ, общихъ*, которые придаются этой реальности наличностью души.

«Отчество», а особенно «фамилія»—совершенно случайные признаки—*акциденція*. «Имя» же съ приставкой «святой» («св.»)—неотъемлемое свойство всякаго человѣка—его *субстанція*. Теперь понятно, почему Гл. Ив. всѣхъ людей называетъ «святыми»—по ихъ существенному признаку, дѣлающему ихъ всѣхъ *равноцѣнными*: «всѣ люди святые» (по ассоціаціи онъ нерѣдко присоединяетъ къ эпитету «св.» еще названіе опредѣленнаго святого: меня нерѣдко называлъ еще «св. Іосифомъ Аримафейскимъ»).

---

*) Обращаю вниманіе читателя на *панпсихизмъ* современныхъ *нео-ламаркистовъ*.

Всѣ они также «Великіе князья» и «князья», въ смыслѣ высшаго ранга земного, общественнаго, значитъ, менѣе постояннаго аттрибута. «Святые» — и мужчины, и женщины. Но женщины, кромѣ того, еще и «богородицы», а потому, обращаясь къ женщинамъ, Гл. Ив. нерѣдко употребляетъ еще и этотъ терминъ. Такъ, въ письмахъ къ своей женѣ обращается къ ней съ слѣдующими словами:

— «Св. богородица, Александра Васильевна!»

Еще болѣе отразилось міровоззрѣніе Гл. Ив. на его поведеніи. Прежде всего онъ категорически и рѣшительно отказался разъ на всегда отъ мясной пищи, такъ какъ это обязательно связано съ пролитіемъ крови, съ насильственной смертью, съ «скотобоемъ» и «душегубствомъ» вообще. Не принималъ онъ также, какъ мы уже знаемъ, и фруктовъ, сорванныхъ или срѣзанныхъ съ дерева. Это тоже «душегубство». Протестовалъ всѣми силами своей души противъ сѣнокоса и жатвы. Какъ-то разъ Гл. Ив. увидѣлъ въ окно, что косятъ траву. Боже! что съ нимъ сдѣлалось! Онъ кричалъ, ругался, плакалъ, проклиналъ и довелъ себя до такого состоянія возбужденія, что д-ръ Синани приказалъ немедленно пріостановить косьбу, и она была окончена раннимъ утромъ, пока Гл. Ив. еще спалъ. Гл. Ив., далѣе, не могъ видѣть грубаго, жестокаго обращенія съ животными. Стоило только посмотрѣть на него въ это время, чтобы убѣдиться, какую душевную боль онъ испытываетъ при этомъ. Онъ не позволялъ (себѣ и другимъ) ѣздить на лошадяхъ, подымалъ по этому поводу прямо скандалъ. Ѣздить на лошадяхъ это, значитъ, насиловать живое существо *).

Мнѣ приходилось не разъ возвращаться по тому или другому поводу къ этому удивительному «бреду» Гл. Ив.

Какъ-то разъ я спросилъ: «если «грѣхъ», «великій грѣхъ» косить траву, то какъ же быть мужикамъ безъ сѣна? вѣдь безъ сѣна околѣетъ скотина и мужикъ по міру пойдетъ»?

Гл. Ив. посмотрѣлъ на меня серьезно и просто возразилъ:

«Нѣтъ, св. Іосифъ! ничего этого не будетъ. Когда трава подгніетъ подъ корень, тогда и можно ее руками брать, въ охапки—сколько влѣзетъ. Отлично. Трава ужъ не живая, мертвая — вотъ вамъ и кормъ для скота, - чего лучше?»

Припоминаю еще одну бесѣду на эту тему — на тему любви и гармоніи, царствующей въ природѣ. Я какъ-то былъ въ пессимистическомъ настроеніи и, совершенно упустивъ изъ вида, что имѣю дѣло съ душевно-больнымъ, особенно горячо и желчно сталъ спорить съ Гл. Ив. Я сталъ доказывать, что не любовь правитъ міромъ, а жестокая борьба, что безъ борьбы ничего добыть нельзя, ни самаго элементарнаго права на сносное существованіе. Борьба,

*) Прошу читателя вспомнить въ этомъ отношеніи нашихъ духоборовъ въ Канадѣ.

сила,—говорилъ я,—являются верховнымъ принципомъ не только біологическаго, но и соціологическаго существованія.—«Наконецъ, что вы сдѣлаете, Гл. Ив.,—закончилъ я въ азартѣ,—когда въ лѣсу или на полянѣ встрѣтите волка съ разинутой пастью и съ горящими, какъ уголь, глазами? Волкъ голоденъ, свирѣпъ,—что же вы добровольно въ пасть къ нему полѣзете?»—Гл. Ив. на меня посмотрѣлъ. Не могу я забыть этого кроткаго, глубоко жалостливаго взгляда, брошеннаго на меня. Пауза. Я ждалъ, что возразитъ Гл. Ив. Наконецъ, онъ проговорилъ серьезно (даже «сурьезно», какъ самъ Гл. Ив. выражается въ одномъ изъ своихъ очерковъ):

— «Св. Іосифъ, а кто же, кто именно сдѣлалъ волка волкомъ? Вы же это сдѣлали»!..—И замолчалъ. Вотъ какъ Гл. Ив. отпарировалъ мои аргументы. Значитъ: тотъ *первый*—кто бы онъ ни былъ, который пролилъ *первую* каплю крови,—чьей бы то ни было,—тотъ и является первопричиной всяческой вражды, насилія, угнетенія, смерти какъ физической, такъ и духовной!.. Признаюсь, что на этотъ разъ Гл. Ив., душевно больной, превзошелъ самого себя.

Жара несносная. Іюльское солнце печетъ немилосердно. Въ воздухѣ какая-то мгла. Душно. Истома кругомъ. Что-то накопляется, что-то наростаетъ,—тяжелое, свинцовое. Этотъ свинецъ давитъ на голову, на душу. Душно, тѣсно, словно въ каменномъ мѣшкѣ. Окружающіе осоловѣли, нервны, раздражительны. Всѣмъ не по себѣ. А больные? Какъ имъ тяжело! На нихъ раскаленная и напряженная атмосфера особенно сильно дѣйствуетъ. Больные лишаются сна, безпокойны, въ безуміи мечутся во всѣ стороны. Физіономія лѣчебницы рѣзко мѣняется: благоустроенная лѣчебница превращается въ настоящій «бедламъ», въ «желтый домъ»; шумъ, крикъ, вой, плачъ; грохотъ и трескотня царятъ въ отдѣленіи. Сплошное безуміе повсюду. Служебный персоналъ буквально разрывается, выбиваясь изъ силъ. Стоитъ только на нихъ посмотрѣть, чтобы въ этомъ убѣдиться. Лица напряженныя, усталыя, недовольныя, сумрачныя и злыя. Это самая тяжелая, можно сказать—«страдная пора» для нихъ. Врачамъ и ихъ помощникамъ особенно приходится быть на стражѣ въ это время. Все можетъ случиться: и самоубійство, и тяжелыя самоистязанія, и взаимныя драки, и, наконецъ, насилія и побои со стороны палатной прислуги, потерявшей голову.

Мнѣ, какъ психіатру, пришлось лѣтомъ 1895 года впервые пережить эту «страду». Какъ на зло, д-ръ Синани въ это время уѣхалъ въ отпускъ,—если не ошибаюсь, на Пироговскій съѣздъ въ Кіевъ. Онъ передалъ мнѣ непосредственное наблюденіе за Успенскимъ, а также—еженедѣльную переписку, за его отсутствіемъ, съ женою Гл. Ив., Александрой Васильевной Успенской. Я, конечно, несказанно былъ польщенъ этимъ исключительнымъ довѣ-

ріемъ директора колоніи ко мнѣ, новичку еще въ психіатріи, но въ душѣ—признаюсь—трусилъ. Шутка-ли взять на себя такую отвѣтственную обязанность! Какъ я справлюсь? Хватитъ-ли меня?

Но другого выбора не было—и я взялся. Мучительное время!.. Кромѣ Гл. Ив., были еще другіе больные, тяжелые, запущенные, «испорченные», какъ мы, психіатры, выражаемся о больныхъ, пробывшихъ долгое время внѣ больничнаго наблюденія гдѣ нибудь въ заброшенной деревушкѣ, въ клѣтушкахъ, связанными и скованными по рукамъ и ногамъ. О нихъ тоже надо подумать, позаботиться, распорядиться.

А зной тѣмъ временемъ не спадалъ. Всеобщее томленіе наростало. Наростало и безпокойство во всѣхъ отдѣленіяхъ. Раннее утро. Я вскакиваю съ постели, быстро одѣваюсь, пью чай и спѣшу въ отдѣленіе. А со двора черезъ открытое окно моего флигеля уже доносятся гулъ, шумъ, крики и стоны безумныхъ, борящихся со своими видѣніями, крики дерущихся между собою больныхъ, а также окрики, раздражительные, рѣзкіе, порою грубые, прислуги, потерявшей выдержку въ этомъ общемъ переполохѣ. Откуда-то издалека до меня доходитъ раздирающій душу вопль юноши-крестьянина (кажется, Андрея, по имени), тяжелаго меланхолика. День и ночь безостановочно онъ выкрикиваетъ въ «истошный» голосъ: «зарѣжьте меня! убейте меня! я грѣшникъ! грѣшникъ!» Его неумолкающій крикъ доводитъ до бѣлаго каленія больныхъ, а потому его выводятъ изъ отдѣленія подальше за черту лѣчебницы. А въ садикѣ, примыкающемъ къ флигелю, гдѣ я живу, и куда выходятъ окна моей квартиры, сегодня тоже что-то совершенно невозможное. Обыкновенно здѣсь довольно тихо. Спокойные больные, гуляющіе въ этомъ садикѣ, ничѣмъ обыкновенно не проявляютъ себя. А сегодня и тутъ бедламъ. Вотъ Егоръ, талантливый юноша-крестьянинъ, самородокъ, религіозный мистикъ и реформаторъ. Охваченный религіознымъ экстазомъ, онъ простираетъ руки въ высь, точно готовится взлетѣть на небо. На лицѣ выраженіе восторга, глаза обращены вверхъ, не стоитъ, а все подпрыгиваетъ вверхъ, вверхъ... И видится ему, что «твердь небесная отверзлась», что «ангелы божіи, бѣлокрылые, славятъ имя Господа», «самъ пророкъ Илія спускается къ нему на огненной колесницѣ»...

Небольшая кучка сознательныхъ больныхъ—человѣкъ 5—6,— окружила его и слушаетъ въ нѣмомъ благоговѣніи...

А въ другомъ концѣ садика раздается дикій вопль. Это нещадно бьютъ «Игнашку». Онъ кричитъ, барахтается на землѣ, отбивается, кусается, плюется. Злой звѣрекъ. Эпилептикъ, онъ предъ припадкомъ—совершенный волченокъ: «пакоститъ», дразнитъ больныхъ, «лается» и, главное, плюетъ—спокойно, хладнокровно, прямо въ лицо, точно дѣло дѣлаетъ. Подойдетъ къ больному, посмотритъ лукаво въ глаза—и плюнетъ въ лицо,—большимъ наглымъ плевкомъ. Больной приходитъ въ ярость, а Игнаш-

кинъ слѣдъ простылъ: онъ уже на противоположномъ концѣ и пытается продѣлать ту же гадость. И бьютъ же больные этого мальчика! И не доглядишь за нимъ: онъ, какъ ртуть, подвиженъ, неуловимъ, вѣчно битый, но неизмѣнно злой, оскаленный...

Я въ отдѣленіи и просматриваю дневные бюллетени. Не хорошо. Много безпокойныхъ, не спавшихъ на пролетъ всю ночь, порядочно побитыхъ стеколъ, порваннаго бѣлья, не мало дракъ и «изолированныхъ» за истекшую ночь. «Начинается!»—подумалъ я и направился прямо къ Гл. Ив. У порога встрѣтилъ Андрея, взглянулъ на него вопросительно и получилъ отвѣтъ: «Гл. Ив. худо почивали, не спали всю ночь, почитай, все ходили по комнатѣ, въ окно глядѣли, шептали все что-то, никакъ плакали даже, и сейчасъ сердитые!» Я вошелъ къ Гл. Ив. Не здоровается. Лицо желтое, глаза дикіе. Все жуетъ челюстями. Почти силою потащилъ меня къ лѣвому углу комнаты и невнятно спросилъ: «Слышите, св. Іосифъ, слышите?»—Я машинально повернулъ голову въ указанномъ Гл. Ив. направленіи и слушалъ.—«Слышите,—продолжалъ Гл. Ив.,—какъ стонетъ, рыдаетъ,—слышите?»—Это вода шумитъ въ водопроводѣ, это ручеекъ журчитъ за окномъ, Глѣбъ Ивановичъ!—«Вода въ водопроповодѣ,—совершенно неявственно, словно «каша у него во рту» была, передразнилъ меня Гл. Ив.,—а кто далъ право Борису Наумовичу замкнуть эти воды артезіанскія въ желѣзныхъ трубахъ? Эти воды должны течь подъ землею безконечными ручьями и потоками, течь въ океанъ подземный, въ океанъ безконечный»...

Я кое-какъ успокоилъ Гл. Ив., назначилъ ему ванну и отправился дальше въ обходъ. Вездѣ одно и то же. Напряженное настроеніе, натянутыя точно струны души... Дрогнетъ одна струна, другая—и стонъ, и вопль, и плачъ, и смѣхъ, и дикій ревъ огласятъ стѣны этого «желтаго дома»...

Обходъ мой продолжался дольше обыкновеннаго, и я вернулся къ себѣ усталый, разбитый. Послѣ обѣда немного прилегъ на кушетку, чуть-чуть вздремнулъ, какъ слышу кто-то, точно крадучись, входитъ въ мой кабинетъ. Раскрылъ глаза—Андрей! Я, какъ ужаленный, вскочилъ. Что случилось?

— «Гл. Ив. дюже безпокоятся, О. В.! не кушали, разбили тарелки, побили г. надзирателя, на меня набрасываются, доступа къ нимъ нѣту!»

— Сейчасъ иду, Андрей! идите!—Въ одинъ мигъ я уже былъ у Гл. Ив. Онъ сидитъ на стулѣ съ дико блуждающимъ взоромъ, сильно возбужденный. Увидя меня, сконфузился, смутился, словно будто даже испугался. Но какъ только увидѣлъ появившагося на порогѣ надзирателя, то въ неудержимомъ гнѣвѣ набросился на него. «Вонъ! вонъ! мерзавецъ! негодяй! ванну дѣлаешь мнѣ изъ мочи,—вонъ! вонъ!»—Я еще никогда не видѣлъ Гл. Ив. такимъ. Гл. Ив. такъ ругается: такъ оскорбительно, такъ грубо! Я подо-

шелъ къ нему молча, взялъ его подъ руку и тихо, но твердо, сказалъ:

— Идемъ, Гл. Ив., въ ванную! я самъ сдѣлаю вамъ ванну.

— Покорно, какъ дитя, онъ пошелъ со мною. Совсѣмъ притихъ. Вошли въ ванную. При мнѣ налили воду въ ванну, самъ измѣрилъ температуру, раздѣлъ Гл. Ив. и усадилъ его въ ванну.—Видите, Гл. Ив., вода ничѣмъ не воняетъ. Это вы напраслину возводите на Ефимова (надзирателя):—Гл. Ив. заморгалъ глазами и что-то шепталъ. Я воспользовался ванной и приказалъ принести ножницы, чтобы постричь громадные ногти на пальцахъ рукъ его.

— «Никому онъ не дается, а мнѣ, пожалуй, дастъ!»—подумалъ я.—Но не успѣлъ я приступить къ стрижкѣ, какъ Гл. Ив. встрепенулся и, раскрывъ глаза, прошепталъ:—«Тѣло св. Глѣба святое,— нельзя, нельзя!» Я, не обращая вниманія, продолжалъ свое дѣло. А Гл. Ив. все моргалъ, моргалъ глазами и что-то шепталъ. Я взглянулъ на него и—Боже мой!—что я увидѣлъ? Сердце у меня упало.

Гл. Ив. плакалъ, плакалъ тихо, безмолвно, слезы ручьями лились по его дряблому лицу, по щекамъ, по бородѣ, падали на грудь.

Потокъ слезъ. Я почувствовалъ, что что-то подкатывается у меня къ горлу, жметъ, давитъ... Еще одна минута—и я бы самъ разревѣлся. Я ниже нагнулся къ ваннѣ, ниже къ Гл. Ив., разъ— два провелъ рукою по мокрымъ волосамъ его—и чуть не разразился смѣхомъ... Гл. Ив. меня ругательски-ругалъ:—«Ахъ ты, каторжникъ! каторжникъ! бѣгло-каторжный!»—Это вы меня такъ, Гл. Ив.!? спасибо!

Ванна его успокоила. Я уложилъ его въ постель, а вечеромъ уже не заходилъ къ нему, чтобы не вызвать неожиданнаго возбужденія. У входа въ комнату Гл. Ив. меня встрѣтилъ Андрей, улыбающійся:—«Гл. Ив. успокоились, лежатъ тихо!» Ну и хорошо! отвѣтилъ я Андрею глазами. Ночь Гл. Ив. провелъ довольно спокойно. Спалъ, правда, немного, но крѣпкимъ, освѣжающимъ сномъ.

Нѣсколько дней прошло спокойно. Затѣмъ Гл. Ив. снова «испортился»: слуховыя и обонятельныя галлюцинаціи сильно обострились. Во время визитаціи жаловался, что слышенъ «смрадъ», «дохлятиной и трупомъ воняетъ». Это «сверху», гдѣ «св. Глѣба безконечная библіотека», это оттуда тянетъ. Онъ слышитъ плачъ и стоны дѣтей, ихъ рѣжутъ. «Кому, кому это нужно?» «О, Іуды-предатели! о, разбойники!» Вчера только онъ-де видѣлъ, какъ изъ города привезли «двѣ корзины съ дѣтскими трупами».—«Подъ рогожей тоже трупы, трупы, трупы взрослыхъ людей, ангеловъ господнихъ».—Это, Гл. Ив., поставщикъ доставляетъ нужные съѣстные припасы для лѣчебницы,—пытался я разубѣдить Гл. Ив.

Гл. Ив. скептически покачалъ головою. Необходимо было хоть на время успокоить его и отвлечь его вниманіе. И я ему сказалъ:

— Хотите, Гл. Ив., пойдемъ на верхъ! и вы сами убѣдитесь, что все это продуктъ вашего больного ума!

Гл. Ив. согласился. Мы поднялись на верхъ въ спокойное отдѣленіе. Обходимъ отдѣленіе. Тишина, порядокъ, чистота. Часть больныхъ этого отдѣленія на полевыхъ, огородныхъ и садовыхъ работахъ, часть—на прогулкѣ, часть—работаетъ въ сапожной мастерской. Входимъ въ сапожную, которая тутъ же, въ спокойномъ отдѣленіи. Группа въ 8—10 человѣкъ-больныхъ прилежно работаетъ. При входѣ насъ встрѣтили весьма привѣтливо.

— «На кого св. угодники работаютъ?»—освѣдомляется Гл. Ив.

— На лѣчебницу, Гл. Ив.! вѣдь надо обуть слишкомъ 600 человѣкъ-больныхъ!

— «На лѣчебницу?—возразилъ съ дрожью въ голосѣ Гл. Ив.—имъ всѣмъ надо, непремѣнно надо отсюда! здѣсь не лѣчебница, а гробъ безконечный! имъ всѣмъ надо въ деревню—пахать безконечныя пашни, сѣять безконечныя травы! Не здѣсь, не здѣсь, а тамъ имъ мѣсто—въ безконечныхъ деревняхъ!..»

Больные съ любопытствомъ глядѣли на «больного барина».

Одного изъ больныхъ Гл. Ив. совершенно смутилъ, когда прямо обратился къ нему съ вопросомъ:

— «Вы императоръ Максимиліанъ бразильскій? Что же вы тутъ дѣлаете? Вамъ безконечные банки крестьянскіе надо открывать въ деревняхъ?»

Прошло еще нѣсколько дней. Сижу въ своемъ кабинетѣ и занимаюсь. Вбѣгаетъ неожиданно Андрей, встревоженный и блѣдный.

— «Гл. Ив. испортились, бьютъ посуду, меня побили, никакъ не сладишь съ ними!» Вхожу въ комнату Гл. Ив. На полу осколки разбитой посуды. Самъ Гл. Ив.—всклокоченный, неряшливый, дикій и взбѣшенный. Руки сжаты, хриплое бормотаніе.

— Ванна была?

— «Была, О. В.! послѣ ванны и разошлись!

— Можетъ быть, очень горячая?

— «Нѣтъ! какъ всегда, О. В.!»—Я рѣшительно подошелъ къ Гл. Ив. и сказалъ: пойдемъ-же, Гл. Ив.! Онъ покорно послѣдовалъ за мною. Сзади, по знаку моему, шли Андрей и надзиратель. Вышли изъ комнаты Гл. Ив., прошли черезъ слабое отдѣленіе, вышли изъ него и прямо направились въ безпокойное отдѣленіе. Шли молча. Лица Андрея и надзирателя вытянулись, когда они увидѣли, что я открылъ двери безпокойнаго отдѣленія и повелъ туда Гл. Ив.—«Какъ? говорили ихъ глаза—Гл. Ив. въ безпокойное!?» Я приказалъ поставить стулъ посреди коридора безпокойнаго отдѣленія, посадилъ Гл. Ив. и обратился къ Андрею и надзирателю:—«Не отходить отъ Гл. Ив., пока я самъ не приду за нимъ!» Но не прошло и 15 минутъ, какъ прибѣжалъ Андрей ко мнѣ и заявилъ:

— «О. В.! Гл. Ив. совершенно притихли, жалко ихъ!» Добрый человѣкъ чуть не плакалъ. Я тутъ же пошелъ въ безпокойное то-

дѣленіе. Гл. Ив. сидѣлъ неподвижно. Видъ у него былъ растерянный, весь онъ какъ то вдругъ съежился и поникъ. Жалко стало его. Не говоря ни слова, мы вернулись на «старое пепелище», въ его комнату. Гл. Ив. послѣ этого успокоился на долго.

Срокъ отпуска д-ра Синани истекъ. Онъ вернулся, и я безконечно былъ радъ, что тяжелая ноша снята съ меня. Все кончилось благополучно, а «все хорошо, что хорошо кончается».

Пришла Пасха, ясная, свѣтлая, ликующая. Пришла весна, чудная съ тепломъ и лаской «играющаго солнца».

Все ожило, воскресло. Конецъ зимней спячкѣ. Ожили и несчастные обитатели «желтаго дома». Праздникъ въ больницѣ, большой праздникъ. Палаты вымыты, прибраны. Сознательные больные одѣты, обуты во все новое. На женщинахъ платья и платки яркихъ и «веселыхъ» цвѣтовъ. Улыбаются больные, свѣтятся ихъ глаза. Заискрились души въ тѣхъ, въ которыхъ еще не погасъ послѣдній лучъ душевной жизни. Служебный персоналъ—врачи, надзиратели, палатная прислуга—всѣ настроены добродушно, мягко, «по праздничному». Колокола весело гудятъ: «Христосъ воскресе!» Многіе больные подымаются на колокольню и оглашаютъ воздухъ веселымъ переливомъ колокольнаго звона. Издалека, изъ Юрьевскаго монастыря, съ его горящими на солнцѣ золотыми куполами, доносится мелодичный серебристый перезвонъ. Врачи, по праздничному одѣтые, обходятъ отдѣленія «на скорую руку». Всѣ необходимыя распоряженія сдѣланы еще наканунѣ. Сегодня—лишь исключительныя распоряженія и поздравленія больныхъ съ «свѣтлымъ праздникомъ». Многіе больные «христосуются» съ врачами. Гл. Ив. тоже поддался общему настроенію. Лицо его спокойное, мягкое, только въ глазахъ та же вѣчная, никогда неумирающая скорбь. Сегодня эта скорбь не такъ сильна—это, скорѣй, нѣжная грусть. Встрѣтилъ насъ всѣхъ привѣтливо. Не успѣли мы поздороваться, какъ обратился къ Б. Н. Синани съ просьбой:

— «Борисъ Наумовичъ! Позвольте мнѣ сегодня пойти въ флигелечекъ къ св. Іосифу, я давно уже не былъ тамъ!»

По обычно суровому лицу д-ра Синани пробѣжала тѣнь, мягкая, нѣжная, въ черныхъ сверкающихъ глазахъ его засвѣтилось что-то глубокое—смѣсь любви и жалости, горечи и состраданія...... Конечно, разрѣшеніе дано. Когда мы вышли изъ отдѣленія, Б. Н. Синани, обратившись ко мнѣ, воскликнулъ:

— «Глѣбъ Ивановичъ проситъ *позволенія*! Какъ это тяжело!»

Обходъ оконченъ. Не успѣлъ я придти домой, вижу Гл. Иван. бѣжитъ ко мнѣ. Открылъ дверь въ переднюю—и остановился, словно пораженный. Какъ разъ противъ входа виденъ былъ мой скромный кабинетъ, съ письменнымъ столомъ и книгами на полкахъ.—«У св. Іосифа библіотека, а у св. Глѣба нѣту!»—прошепталъ Гл. Ив.

Жена моя ждала его на порогѣ гостиной. Гл. Ив. подошелъ къ ней, обнялъ и много разъ поцѣловалъ. И опять сказалъ, обводя грустными глазами гостиную:

— «У св. Іосифа есть богородица, а у св. Глѣба нѣту!»

Спустя минуту:—«И рояль есть, и цвѣты, а у св. Глѣба ничего нѣтъ!» Я взглянулъ мелькомъ на жену—на глазахъ слезы. А Гл. Ив. по прежнему стоялъ грустный, примиренный. Онъ все сознавалъ, сознавалъ свою окончательную гибель, свою отчужденность отъ людей—и помирился!.. Это тяжелое, мертвое чувство резиньяціи я въ первый разъ увидѣлъ въ тотъ день у Гл. Ив. И мнѣ сдѣлалось несказанно больно. Я поспѣшилъ его усадить и предложилъ ему что нибудь поѣсть. Столъ былъ убранъ у насъ по-пасхальному. Быстро окинувъ все взоромъ, Гл. Ив. отказался отъ ѣды и выпилъ лишь рюмку вина и чашку кофе. На столѣ въ сторонѣ Гл. Ив. увидѣлъ «Русское Богатство»,—не помню, какую книжку. Онъ быстро схватилъ ее руками, пробѣжалъ оглавленіе, перелисталъ ее бѣгло—и вяло положилъ обратно на старое мѣсто. Лицо осталось равнодушное. —Не то, не то! подумалъ я—не *это* нужно Гл. Ив., а другая «книга», *его* «книга»! Надъ столомъ, на стѣнѣ, висѣла большая фотографическая карточка—группа врачей, земскихъ товарищей-сослуживцевъ въ Саратовскомъ уѣздѣ. На карточкѣ изображена была земская амбулаторія и эмблема врачебной науки: чаша съ обвивающейся вокругъ нея змѣей, съ высунутымъ жаломъ. Гл. Ив. и раньше, когда бывалъ у насъ, видѣлъ эту карточку, но она не привлекала прежде его вниманія, а въ этотъ день онъ особенно былъ какъ-то наблюдателенъ, и эмблема передернула его всего; онъ брезгливо, почти съ отвращеніемъ, быстро отвелъ отъ нея глаза и воскликнулъ: — «Змѣя! змѣя!» — Вѣдь это эмблема мудрости, Гл. Ив.!—«Эмблема мудрости, св. Іосифъ?! Змѣя! Змѣя! развѣ акушерской мудрости, св. Іосифъ!»—Мы разсмѣялись и снова дружно усѣлись за столъ. Жена сѣла рядомъ съ Гл. Ив. и между ними завязался живой разговоръ. Онъ долго оставался у насъ, и былъ онъ все такимъ же, какимъ пришелъ къ намъ: тихимъ, любовнымъ, грустнымъ, сознательнымъ и примиреннымъ... Никогда не забуду я этого пасхальнаго воскресенья! Въ этотъ день, если Гл. Ив. и «не воскресъ», то во всякомъ случаѣ душевно проснулся, тлѣвшія въ душѣ его здоровыя искорки замерцали мягкимъ сіяніемъ сознанія и самосознанія.

Я разсказалъ все,—по крайней мѣрѣ, наиболѣе существенное и важное, касающееся душевной болѣзни Гл. Ив. въ Колмовѣ за бытность мою тамъ въ 1895—1896 годахъ. Я долженъ здѣсь пополнить, какъ выше обѣщалъ, *философскій* «бредъ» Гл. Ив. его *соціологическимъ* «бредомъ». Философскій свой бредъ Гл. Ив. не такъ часто высказывалъ, какъ соціологическій. Въ его письмахъ ко мнѣ нѣтъ и помину о его философскомъ бредѣ, между тѣмъ

какъ соціологическій заполняетъ ихъ всецѣло. И оно понятно. Соціальные вопросы для Гл. Ив. продолжали еще оставаться вопросами жгучими, «проклятыми». Они и больному не давали ему покоя.

Они срослись съ его собственнымъ благополучіемъ, съ его счастіемъ, съ его воскресеніемъ... Гл. Ив. все порывался «большое дѣло» дѣлать, «большое слово» сказать, порывался къ подвигу... А онъ, царство котораго такъ велико («у Глѣба царство огромное!»), сидѣлъ здѣсь, въ «безконечномъ гробу!»... Соціологическій бредъ его былъ, стало быть, сплавленъ съ его личностью: не за себя только онъ болѣлъ больной своей душой,—за всѣхъ, за всю Россію! Вотъ почему онъ больше всего и чаще всего и высказывалъ свой соціологическій «бредъ». Въ письмахъ его ко мнѣ, какъ я уже сказалъ, *этотъ* бредъ составляетъ основное и главное содержаніе. Одно изъ этихъ писемъ, о которомъ я уже упомянулъ, представляетъ нѣчто вродѣ программы (или платформы) общественныхъ его предложеній (плановъ). Для меня оно—дорогая память о незабвенномъ Глѣбѣ Ивановичѣ. Начинается письмо съ того, что Гл. Ив. съ грустью констатируетъ, что и «св. Іосифъ» забылъ, измѣнилъ, предалъ народъ. Что дѣлаетъ «св. Іосифъ» и что долженъ былъ онъ дѣлать? Онъ держитъ всѣхъ «святыхъ угодниковъ» въ «безконечномъ гробу»—въ лѣчебницѣ. Онъ «зарѣзалъ», погубилъ ихъ огромныя силы. Онъ, «св. Іосифъ», поэтому—«Іуда-предатель и душегубъ». Что *долженъ* былъ дѣлать «св. Іосифъ?» Что «надо» было, «непремѣнно надо» было ему дѣлать? Во-первыхъ, «завести во всѣхъ безконечныхъ деревняхъ безконечные посѣвы пашенъ и безконечные посѣвы травъ». Во-вторыхъ, «устроить во всѣхъ деревняхъ безконечные крестьянскіе банки и безконечныя народныя школы». Въ-третьихъ, «завести по всѣмъ селамъ и деревнямъ безконечныя столовыя для дѣтей, малолѣтнихъ и престарѣлыхъ». И, наконецъ, въ четвертыхъ, «завести по всѣмъ деревнямъ безконечные посѣвы лѣкарственныхъ травъ». Къ этому послѣднему вопросу, скажу попутно, Гл. Ив. часто возвращался въ его разговорахъ со мною. Отрицая категорически и безусловно всякія лѣчебницы, какъ безусловно вредныя учрежденія («безконечный гробъ»), Гл. Ив. признавалъ, однако, полезнымъ «лѣчебныя травы», какъ средство исцѣленія отъ всѣхъ недуговъ. Онъ нерѣдко высказывалъ, не стѣсняясь, свое удивленіе по поводу того, что «св. Іосифъ» никакъ этого не можетъ понять: «лѣчебныя травы, непремѣнно лѣчебныя травы и ничего другого!»

Такова программа практическихъ реформъ, предложенныхъ Гл. Ив. въ пользу народа. Читатель, знакомый съ сочиненіями Г. И. Успенскаго, легко усмотритъ въ этой программѣ, въ этомъ, такъ называемомъ, бредѣ, всѣ «проклятые вопросы» тогдашней русской дѣйствительности, о которыхъ кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ писалъ здоровый Г. И. Успенскій. Здѣсь на лицо: и

аграрная реформа, и крестьянскій кредитъ, и народная школа, и продовольственное дѣло («Голодъ! голодъ!»), и народная медицина. Гл. Ив. и больной жилъ тѣми же заботами, что и здоровый. Онъ весь принадлежалъ народу.

Со второй половины 1896 года Гл. Ив. сталъ замѣтно опускаться. Онъ сдѣлался апатичнымъ, вялымъ и безразличнымъ. Все лежалъ въ постели и что-то бормоталъ безсвязно—то тихо, шепотомъ, то вполголоса. Отъ лежанія волосы на затылкѣ совсѣмъ свалялись. При входѣ онъ почти не вставалъ, не вступалъ въ разговоръ, не жаловался, не протестовалъ. Письма совершенно пересталъ писать, и мнѣ тоже ничего не писалъ. Болѣзненный процессъ совершилъ таки свое разрушительное дѣло. Ядъ постепеннаго душевнаго оскудѣнія разлился по его душѣ и разъѣлъ ее, опустошилъ, вытравилъ. Душевный мракъ насталъ, полный, безповоротный, страшный... Погасло солнце.

II.

Картина болѣзни, которую я набросалъ выше въ общихъ чертахъ, относится къ 1895—96 годамъ. Мною схвачена и обрисована одна опредѣленная стадія развитія болѣзни,—правда, весьма важная, но во всякомъ случаѣ уже послѣдующая, когда многое въ процессѣ ея развитія перетерпѣло значительныя перемѣны, видоизмѣнилось и даже преобразовалось. Чтобы возстановить полную картину болѣзни Гл. Ив., необходимо познакомиться съ матеріалами, которые рисуютъ намъ болѣзнь въ первыхъ стадіяхъ ея развитія. Въ этомъ отношеніи «Дневникъ» д-ра Б. Н. Синани, относящійся къ 1892 году, цѣлые отрывки изъ котораго приводятся въ статьѣ Н. К. Михайловскаго («Литература и жизнь» въ «Русскомъ Богатствѣ», № 4, 1902 г.), собственныя воспоминанія Н. К. Михайловскаго, В. Г. Короленко, С. Я. Елпатьевскаго («Русскія Вѣдомости», 1902 г., № 146) о болѣзни Гл. Ив., собственныя письма Гл. Ив. того времени («Минувшіе годы», № 4, 1908 г., а также много писемъ собрано Н. А. Рубакинымъ въ его «Матеріалахъ къ біографіи Гл. Ив. Успенскаго») къ своей женѣ и другимъ лицамъ,—все это представляетъ въ высокой степени цѣнный матеріалъ. Отсылая читателей къ указанному матеріалу, я, на основаніи его, намѣренъ здѣсь дать лишь общую характеристику *первоначальнаго* періода душевнаго заболѣванія Г. И. Успенскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ провести параллель между этой, первоначальной, стадіей и послѣдующей, которую я наблюдалъ спустя три года (1895—96 гг.).

Не останавливаясь пока на точномъ опредѣленіи первыхъ симптомовъ,—это мы попытаемся сдѣлать ниже,—скажемъ, что съ полной несомнѣнностью болѣзнь сказалась лѣтомъ 1892 года. Прояви-

лась она бурно, остро. Накопившійся годами матеріалъ вспыхнулъ сразу яркимъ пожаромъ. На первомъ планѣ стоятъ живыя, ярко-чувственныя галлюцинаціи почти всѣхъ органовъ чувствъ,—зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и общаго чувства. Галлюцинаціи то окрашены въ интенсивно положительный чувственный тонъ, то—въ отрицательный. Сообразно съ этимъ и настроеніе, и эмоціи, и бредовыя идеи колеблются, движутся въ двухъ полярно-противоположныхъ полюсахъ: то они экспансивны, приподняты, полны блаженства и счастія, широкаго полета, то,—наоборотъ,—подавлены, депрессивны до крайности, безысходно мрачны, безнадежны, полны отчаянія, тоски и неутѣшной скорби. Ничего устойчиваго нѣтъ: все быстро, какъ въ калейдоскопѣ, мѣняется, течетъ и движется.

Поистинѣ картинная галлерея яркихъ, колоритныхъ образовъ— то чудныхъ, то страшныхъ, то прекрасныхъ, то отвратительныхъ, чудовищныхъ. То онъ охваченъ «любовью ко всему бѣлому свѣту» *), онъ «весь глубокая любовь», то онъ, наоборотъ,—«разбойникъ», «злодѣй», «преступникъ», «свинья» и т. д. Бредъ его неустойчивый, многоформенный (полиморфный)—въ основѣ: «мистически-пантеистическій» **). Масса явленій психо-моторнаго характера: аггрессивность, наклонность къ самоизувѣченію, стереотипныя движенія, стереотипное повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ. Такова картина болѣзни въ первой стадіи. Если мы теперь сопоставимъ эту картину съ той, которую мы набросали выше на основаніи нашихъ собственныхъ наблюденій, то рѣзкое различіе въ формахъ проявленія болѣзни такъ и бросается въ глаза. Въ первомъ періодѣ, на первый планъ выступаютъ острыя, бурныя явленія—во всемъ, въ цѣломъ и частностяхъ. Во второмъ періодѣ острые симптомы притупляются: галлюцинаціи или совсѣмъ исчезаютъ, или блѣднѣютъ замѣтно. Такъ, зрительныхъ галлюцинацій, галлюцинацій общаго чувства мнѣ не удалось констатировать. Упорно держались только галлюцинаціи обонянія и отчасти слуха, и онѣ по преимуществу опредѣляли собою содержаніе и остроту нѣкоторыхъ бредовыхъ идей («трупный запахъ», бредъ избіенія въ лѣчебницахъ взрослыхъ и дѣтей). Со стороны слуха, однако, преобладали больше *иллюзіи*, чѣмъ дѣйствительныя галлюцинаціи. Настроеніе и эмоціи потеряли свою остроту, яркость и крайнюю подвижность. Въ общемъ, можно сказать, установилось нѣкоторое подвижное равновѣсіе, нѣкоторая психическая устойчивость,—по крайней мѣрѣ, въ центрахъ, воспринимающихъ впечатлѣнія внѣшняго міра, и въ центрахъ, перерабатывающихъ эти впечатлѣнія въ эмоціональныя и волевыя движенія. Сильно измѣнился также бредъ. Прежній бредъ, яркій, ко-

---

*) См. письма его къ Александрѣ Васильевнѣ Успенской въ „Минувшихъ годахъ“ № 4, 1908 года.

**) См. Дневникъ д-ра Синани въ статьѣ Н. К. Михайловскаго „Р. Б.“, № 4, 1902 г.

лоритный, полиморфный—то угнетающаго, то, наоборотъ, рѣзко приподнятаго характера,—замѣняется устойчивымъ, совершенно *опредѣленнаго* характера. Бредъ организуется, систематизируется, обобщается, захватывая опредѣленный кругъ идей и представленій. Таковъ, какъ мы знаемъ, философскій и соціологическій бредъ Гл. Ив.,—его *панпсихизмъ*, съ одной стороны, и, такъ сказать, *народнически*-реформаторскій—съ другой. Въ общей совокупности это одинъ бредъ—*реформаторски-философскаго* характера.

Какъ протекала болѣзнь Гл. Ив. въ послѣдующіе за тѣмъ годы, я, къ сожалѣнію, не имѣю никакихъ свѣдѣній. Но, принимая во вниманіе тотъ поворотъ болѣзни, который намѣтился уже со 2-ой половины 1896 года, я могу съ большой вѣроятностью сказать, что болѣзнь и дальше пошла въ направленіи постепеннаго, но рѣшительнаго, оскудѣнія психической жизни—до полнаго ея разгрома.

Мы познакомились съ болѣзнью Гл. Ив. за періодъ времени съ 1892 года по 1896 годъ (включительно). За это время жестокая болѣзнь съ неотразимой силой развернула свою разрушительную работу. Безпросвѣтная тьма грозно надвинулась и окутала этотъ нѣкогда глубокій, свѣтлый умъ, эту чистую, какъ хрусталь, душу. Порою, правда, сквозь этотъ густой мракъ прорѣзывались ослѣпительно-яркія полосы *здоровой* жизни сознанія, и намъ казалось, что тьма разсѣется, растаетъ, и снова загорится свѣтъ разума и сердца. Но намъ это только казалось... Несказанно тяжело было присутствовать при этой агоніи, духовной смерти, видѣть, какъ содрогалась больная душа въ тщетныхъ ея усиліяхъ вырваться на свободу—къ свѣту... За исключеніемъ тѣхъ моментовъ, когда на первый планъ выступали психо-моторныя болѣзненныя явленія, когда патологическій процессъ разыгрывался въ туманныхъ глубинахъ безсознательнаго, «за порогомъ сознанія», когда явленія эти поражали своей стихійностью, порою жестокой и безсмысленной,—за исключеніемъ этихъ моментовъ, говорю я,—Глѣбъ Ивановичъ, выражаясь словами Н. К. Михайловскаго,—«въ корнѣ оставался и больнымъ тѣмъ же, какимъ мы его знали здоровымъ,—все такъ же возвышенно-настроеннымъ, все такъ же занятымъ борьбою со зломъ и мракомъ, которая теперь только вся обратилась внутрь его собственной души, наконецъ, даже все такъ же талантливымъ, потому что нѣкоторыя изъ его безумныхъ фантазій поражаютъ своей оригинальной красотой...» Къ этимъ «нѣкоторымъ изъ его безумныхъ фантазій, поражающихъ своей оригинальной красотой», я, не колеблясь, отношу и панпсихическій «бредъ» Гл. Ив. Я ставлю *бредъ* въ кавычкахъ, такъ какъ я отнюдь не склоненъ,—какъ я выше уже объ этомъ заявилъ,—считать панпсихическое міровоззрѣніе Гл. Ив. сплошнымъ бредомъ. Это міровоззрѣніе по стольку бредъ, по скольку въ немъ сказывается глубокое разстройство ас-

соціаціоннаго механизма,—по скольку логическая послѣдовательность, связность рѣчи сильно отъ этого пострадали. Страшно запутана рѣчь Гл. Ив., причудливы ея скачки, неожиданны, порой, его аргументы и сопоставленія *). И, тѣмъ не менѣе, самъ больной въ большинствѣ случаевъ выводитъ насъ благополучно изъ лабиринта и даетъ намъ не только «нѣкоторую фантазію, поражающую насъ своей оригинальной красотой», но и цѣльное, гармоничное философское міросозерцаніе, которое, несомнѣнно, еще раньше, когда Гл. Ив. былъ здоровъ, привлекало его, жило въ его душѣ. Правда, Гл. Ив. нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не излагаетъ этого міросозерцанія, но до того ли было ему, когда «проклятые вопросы» русской дѣйствительности буквально не давали ему покоя? Когда съ все возроставшей скорбью ему приходилось звать, звать «изъ тоски, тьмы и смерти выбраться на бѣлый свѣтъ, къ живой работѣ о живомъ?» Не забудемъ, что Гл. Ив. былъ подлинный ригористъ: глубокій, чуткій художникъ, тонкій цѣнитель красоты, какъ выраженія гармоническаго сочетанія «правды—истины» въ жизни, онъ и эти свои «дары рая» то и дѣло приносилъ сознательно въ жертву жестокой прозѣ жизни, неотложной, кричащей, требовавшей императивно практическаго разрѣшенія. И, тѣмъ не менѣе, если поищемъ въ его сочиненіяхъ, то найдемъ прямыя указанія на то, что вопросъ о душѣ, какъ первоисточникѣ не только жизни вообще, но и полноты и гармоніи этой жизни, *разлитой во всей природѣ*, сильно его занималъ, что кое гдѣ онъ самымъ категорическимъ образомъ въ этомъ смыслѣ и высказывался. Мы прежде всего укажемъ на извѣстную теорію Гл. Ив. «Власть земли». Развивая и дополняя свою любимую теорію все новыми и новыми очерками, Гл. Ив. вкладываетъ въ уста Пигасова слѣдующія знаменательныя слова, какъ бы формулирующія это ученіе:—«Народъ это—тотъ человѣкъ, который, по изгнаніи изъ рая непокорнаго собрата, предпочелъ остаться тамъ... Сказавъ себѣ: «ладно и такъ!...» Выгнанный человѣкъ, человѣкъ, сказавшій: «сдѣлаю свой рай еще лучше», тотъ выдумалъ печатный станокъ и записалъ свои страданія и мученія, свою душевную муку, а этотъ, оставшись въ готовомъ раю, разсчиталъ, что лучше «повиноваться». Сказано: «не касайся древа знанія!»—онъ и не касается... И до сихъ поръ не касается... И ничего! живетъ». И далѣе... «И въ этомъ раю онъ только исполняетъ, что ему опредѣлено, довольствуясь готовымъ умомъ природы

---

*) Считаю нужнымъ здѣсь замѣтить, что рѣчь Гл. Ив., какъ въ разговорѣ, такъ и въ сочиненіяхъ его, еще въ нормальномъ состояніи отличалась поразительнымъ своеобразіемъ: неожиданныя, причудливыя его сравненія, ассоціаціи идей, сопоставленія и аргументація прямо таки поражали собою слушателя и читателя. Укажу на замѣчательный его разговоръ съ В. Г. Короленко, приведенный въ воспоминаніяхъ послѣдняго Гл. Ив. и на очеркъ „Волей-неволей", гдѣ такіе кажущіеся скачки встрѣчаются въ изобиліи.

и выходитъ въ его жизни такъ-же почти все стройно, хорошо, удивительно, какъ все удивительно хорошо въ природѣ: какъ цвѣтокъ, какъ галка, какъ пчела». И въ другомъ мѣстѣ тотъ же Пигасовъ оговаривается: «Я не говорю «нѣтъ», я говорю «своего» ума нѣтъ. Есть великолѣпный, удивительный умъ, но чужой, божій умъ природы...» Замѣчательныя слова: «готовый умъ природы», «великолѣпный, удивительный, божій умъ природы», «все удивительно хорошо въ природѣ». Это не метафоры, не поэтическія красоты, къ которымъ, къ слову сказать, не охотникъ былъ Гл. Ив., а глубокія, согрѣтыя убѣжденіемъ мысли,—правда, брошенныя какъ будто попутно, невзначай, но на самомъ дѣлѣ имѣющія, принимая во вниманіе всю, въ ея цѣломъ, теорію «Власти земли», весьма важный смыслъ. Если даже допустимъ, что въ этихъ словахъ заключается лишь намекъ, то въ слѣдующихъ трехъ очеркахъ Гл. Ив. «Простое слово», «На минутку» и «Паровой цыпленокъ» взгляды его на душу, какъ на носительницу возможной полноты и гармоніи существованія, получаютъ полное свое оправданіе.

«Простое слово»—чудный разсказъ, отъ котораго вѣетъ чарующей прелестью. Разсказъ начинается съ того, какой тяжелый денекъ выдался разсказчику въ деревнѣ, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда мелкихъ, сѣрыхъ, совершенно будничныхъ событій, перевернувшихъ буквально всю его душу и отравившихъ существованіе его на нѣсколько дней. Обыкновенный человѣкъ, вѣроятно, прошелъ бы мимо всѣхъ этихъ событій, не реагируя даже на нихъ, но Гл. Ив., со своей крайней впечатлительностью, со своей трепетной чуткой душой, почти что болѣзненно отозвался на все это. И мелкія явленія жизни преломляются въ его сознаніи, какъ важныя, жестокія и отчаянныя.—«Ни одного свѣтлаго, мягкаго впечатлѣнія,—жалуется Гл. Ив.,—все жестко, нескладно, грубо, злобно и пробуждаетъ только черныя мысли... Сколько столпилось самыхъ отчаянныхъ впечатлѣній, самыхъ черныхъ мыслей, самыхъ грубыхъ, жестокихъ, коробящихъ случайностей! Черныя, тяжкія мысли забрались въ сознаніе каждаго изъ насъ; черными, не живыми впечатлѣніями сверлили мозгъ во время тяжкаго нездороваго сна. Вотъ какой выдался безсердечный денекъ, завершившійся злыми мыслями злого вечера!.. Такъ я умеръ духовно подъ вліяніемъ злого дня и злыхъ мыслей навѣянныхъ имъ». И вотъ «вдругъ», нѣкоторое время спустя, случается одно событіе, которое совершенно «выпрямило» Гл. Ив., «разсѣяло безъ слѣда весь мракъ и тьму, навѣянные на душу злымъ вечеромъ». Что же такое случилось?—«Иду какъ то разъ черезъ тѣ самыя сѣни,—разсказываетъ Гл. Ив.,—гдѣ мы въ тотъ злой вечеръ присутствовали съ госпожей Пѣтуховой, при начинающемся убійствѣ *), глядь—а убійца лежитъ на полу на лѣвомъ

*) Кошка „Машка", героиня этого разсказа, таскала своихъ котятъ и тискала ихъ подъ сундукъ въ сѣняхъ, съ цѣлью спрятать ихъ отъ людей.

боку, и всѣ ея восемь ребятъ тычутся своими носами къ ея сосцамъ, тычутся безъ жалости, даже, кажется, понемногу двигаютъ ее съ середины сѣней къ стѣнѣ; а она не двигается, не бѣжитъ, не рычитъ, а только приподняла немного голову и смотритъ спокойно, самодовольно на меня и на кухарку Авдотью... которая сюда раньше меня пришла, и видимо съ большимъ удовольствіемъ смотрѣла на эту сцену». Далѣе слѣдуетъ глубоко трогательный по своей непосредственной простотѣ и искренности діалогъ между Гл. Ив. и кухаркой Авдотьей. И Авдотья своимъ «простымъ словомъ», «простымъ живымъ словомъ живой души», Авдотья, «настоящая крестьянская женщина, вся живущая только живымъ, живьемъ, вся находящаяся въ плѣну *живой* растущей травы, живого зеленѣющаго поля, живой квокчущей птицы, живыхъ мычащихъ телятъ, поросятъ...»—эта-то Авдотья и раскрываетъ впервые глаза Гл. Ив. на все поведеніе «Машки». «Машка» не «убійца», не «отвратительная, злая тварь», вознамѣрившаяся истребить своихъ дѣтей, а воплощеніе «самой пламенной любви», «самая добрая, самая неразсчетливая, самая любящая мать»: таскала она дѣтей своихъ подъ сундукъ, чтобы избавить отъ любопытства ребятишекъ, которые могли бы нанести вредъ ея дѣтямъ, играючи съ ними.—«А то, эво—ты! Своего ребенка погубить! Это нашей сестрѣ—заканчиваетъ съ искренностью Авдотья, — въ случаѣ чего, иной разъ стыдно, — ну-ко за-мужъ не возьмутъ? срамота! А ей чего?»

Гл. Ив. точно воскресъ—«и черныя злыя думы» словно рукою сняло! А двѣ недѣли спустя, эта «любящая мать» («Машка») совершила еще «великій материнскій подвигъ». За это время Машкины дѣти достаточно уже выросли, окрѣпли и готовились уже использовать всѣ заложенные въ нихъ рессурсы полнаго существованія. Вотъ одна изъ дочерей «Машки» идетъ съ первой пойманной ею мышью въ зубахъ. Она кокетливо проходитъ мимо матери, граціозно прищуриваясь на солнце. — «Мать посмотрѣла на нее. Задумалась. Нѣсколько секундъ посидѣла она неподвижно, не шевеля даже головой, а потомъ поднялась и пошла. Пошла медленно, тихо, трудно переставляя ноги. Пошла черезъ клумбу, по дорожкѣ ушла въ траву, ушла и... не возвратилась»!

Авдотья видѣла эту сцену и, когда Машка исчезла, объяснила это исчезновеніе «по живому»*, такимъ образомъ:

— «Видно ужо надо новаго мѣста искать, коли дѣти въ возрастъ пришли. Вѣдь она, покуда дѣтей-то не было, одна въ домѣ хозяйствовала,—всѣ мыши во всѣхъ мѣстахъ все у нея у одной въ распоряженіи были. Ну, а тутъ какъ восемь-то дѣтенковъ въ возрастъ пришли, да какъ увидѣла она, что дочка-то ужъ и сама принялась хозяйствовать, съ мышенкомъ идетъ—вотъ она и ду-

* Но „г-жа Пѣтухова“ объясняла это Гл. Ив., какъ желаніе „Машки“ убить слабыхъ своихъ котятъ, чтобы этимъ сохранить въ живыхъ сильныхъ. Это то и разстроило особенно Гл. Ивановича.

маетъ: «что мнѣ съ ними дѣлить? Не ссориться же съ родными дѣтьми? Пускай ужъ лучше они хозяйствуютъ! Оставлю имъ, молъ, полный домъ въ духовное завѣщаніе, пусть живутъ! Ну, а ужъ сама, какъ никакъ, гдѣ нибудь доживу вѣкъ-то...» Ну, и пошла искать новаго мѣста, а имъ все хозяйство предоставила... Теперь, поди, гдѣ нибудь у мужика пріютилась. А у него мышей-то во всемъ домѣ съ роду не было, самимъ ѣсть нечего... Ну, да ужъ не пойдешь противъ своего нарожденія,—сама не доѣшь, да имъ дашь! Вотъ оно Машка-то и ушла... *Сердце у нея совѣстливое*!» *). Таково то «простое слово» кухарки Авдотьи, «живого человѣка» и думающаго только о «живомъ». Оно-то и помогло Гл. Ив., бывшему не задолго предъ тѣмъ въ мрачномъ, безысходно тяжеломъ настроеніи, «выпрямиться» и весело посмотрѣть вокругъ себя. Какъ все чудесно! «Машка» не злодѣй, не «убійца», а гармонично развившее въ себѣ полноту жизни существо,—душевное, полное любви и самопожертвованія, разумное, «совѣстливое» существо. И все теперь измѣнилось: мелочи, газеты—и даже сама „госпожа Пѣтухова»,—выглядятъ теперь ужъ болѣе мягкими, симпатичными и живыми». И еще обращаю вниманіе читателя на слова: «*живой* растущей травы», «*живого* зеленѣющаго поля». Въ связи съ «живой квокчущей птицей», «съ живыми мычащими телятами, поросятами» и проч.,—вообще въ связи со всѣмъ «живымъ», съ «живьемъ»,—«живая растущая» трава и «живое зеленѣющее поле» составляютъ лишь интегральную часть всей «живой природы». Такъ надо понимать подчеркнутыя нами слова въ связи съ содержаніемъ и смысломъ этого прелестнаго разсказа.

Разсказъ Гл. Ив. «На минутку» касается этой же самой темы, т. е. гармоніи всего живого въ природѣ,—касается лишь вскользь. Описывая благотворное дѣйствіе на нервы «живой книги жизни природы», Глѣбъ Ивановичъ прибавляетъ: «Хорошо также дѣйствуетъ на нервы, а иной разъ прямо на *оздоровленіе* сознанія, всякая живая, безсловесная тварь, выросшая въ деревнѣ на всей своей волѣ и воспитавшаяся единственно подъ руководствомъ самобытныхъ, никѣмъ и ничѣмъ не реформированныхъ и не систематизированныхъ стремленій и цѣлей. Навстрѣчу вамъ, подъѣхавшему къ деревенскому дому, вылетаетъ съ лаемъ и со всѣми пріемами безстрашной обороны молодая собака, съ густою, курчавою шерстью, и вы съ истиннымъ удовольствіемъ замѣчаете, что вѣдь это тотъ самый щенокъ, который лѣтомъ вмѣстѣ съ другими пищалъ гдѣ-то подъ крыльцомъ, ничего не видя, и, въ то же время стараясь найти молоко матери. И вотъ онъ является въ полномъ развитіи всѣхъ своихъ способностей, талантовъ, дарованій, цѣлей и обязанностей. Никакая система воспитанія не наложила на него своей тенденціозной печати, что ему было дано, того и достигъ

*) Курсивъ мой. О. А.

безъ помѣхи, и одно уже это вамъ даетъ возможность ощутить такое впечатлѣніе, котораго не получишь отъ человѣка, которому всего-на-всего осталось дополучить до полнаго самоудовлетворенія— пять или шесть еще неполученныхъ «прибавокъ». Щенокъ, развившій все, что ему дано, не утаившій ни одного своего собачьяго таланта, не отказавшійся ни отъ одной собачьей обязанности и не измѣнившій ни одному собачьему убѣжденію, не утратившій ни одного изъ собачьихъ правъ, дарованныхъ ему, въ числѣ прочихъ тварей, Создателемъ вселенной, освѣжаетъ своимъ гармоническимъ существованіемъ воспоминаніе о правѣ личнаго благообразія».

Значеніе «души», какъ носительницы разума и «совѣсти», какъ выраженіе «гармоніи», особенно ярко выступаетъ въ разсказѣ Успенскаго «Паровой цыпленокъ». Мы передаемъ буквально слова одного изъ героевъ этого разсказа по этому поводу. Вопросъ идетъ о томъ, почему паровая курица не несется?—«Бездушный онъ паровой-то цыпленокъ! Души въ немъ нѣтъ—и не плодится»!.. «Температура тутъ существуетъ—потому что горячей водой, паромъ дѣйствуютъ. А души нѣтъ!» И въ другомъ мѣстѣ: «она (паровая курица) тварь температурная, машинная выдумка, а не тварь Божія... У паровой курицы одна температура, а у настоящей—совѣсть! Вотъ отъ этого она и несется... Потому что у нея существуетъ умственное размышленіе и забота... Въ температурѣ этого нѣтъ, а въ душѣ есть...» И далѣе «...Курица, братецъ ты мой, не очень любитъ на яйцахъ-то сидѣть... Ей бы только яйцо снести, а потомъ въ кафе-ресторанъ съ пѣтухами погулять, пѣсенъ попѣть, побормотать»... «...Такъ бабы вотъ какъ съ такими форсуньями поступаютъ: возьметъ, надѣлаетъ хлѣбныхъ шариковъ, намочитъ ихъ въ водкѣ и дастъ съѣсть... Форсунья-то съѣстъ и захмелѣетъ. Вотъ ее хмельную-то посадятъ на яйца, да лукошкомъ прикроютъ... Покуда она спитъ, да о маскарадахъ съ танцами не думаетъ—анъ ужъ у нея съ яйцомъ-то и началось знакомство... И въ яйцо идетъ тепло, и изъ яйца идетъ въ нее... Сними лукошко—ужъ она не можетъ встать! И сама знаетъ, что хорошо бы ей погулять, слышитъ, какъ пѣтухъ оретъ, на Острова собирается, а не можетъ—совѣсть взяла за живое! Жалость у нея уже есть! Душа заговорила!.. И просидитъ свой животъ до голаго мяса, ни одного пера на немъ не останется, просидитъ до боли, а изъ-за чего? Изъ совѣсти! Изъ совѣсти-то и пойдутъ у нея всякія мысли: и какъ она была въ дѣвушкахъ (долго вѣдь ей сидѣть, есть о чемъ подумать подъ лавкою-то!), и какъ гуляла, что видѣла, и каковъ пѣтухъ къ ней подскочилъ, и какія перья на немъ (каждое перо вспомнитъ, обдумаетъ сто разъ!), и какъ было дальше, и какъ она захворала, затяжелѣла, и какъ родила, и какъ кричала во время родовъ—все это она обдумаетъ подъ лавкой-то... И всѣ эти мысли-то ея изъ ейной души въ цыплячью

душу идутъ, и цыпленокъ тоже принимаетъ ейныя мысли и заботы... Онъ еще еле-еле на что нибудь похожъ, а ужъ по душевной части ему насѣдкой все дадено, всѣ мысли и заботы... онѣ, какъ зерна маленькія, точно булавкой уколоты: то тамъ—то сямъ, а потомъ выростутъ въ большія, въ настоящія куриныя... Это, братцы мои, не температура въ пятьдесятъ или сколько тамъ градусовъ, а душа съ душой разговариваетъ!» «...Думала курица и охала, какъ она въ дѣвицахъ состояла и какъ потомъ вышло —и въ цыпленкѣ бездушномъ то же самое въ душу входитъ»...

...«Вотъ такимъ-то родомъ и всякія заботы изъ куриной души въ цыплячью переходятъ: и о томъ, что въ дѣвицахъ надо быть, и о томъ, что пѣтухи явятся и родить надо... все это туда въ яйцо-то и идетъ своимъ порядкомъ... А въ горячей водѣ ничего этого нѣтъ—одна температура... А температура нешто думаетъ о куриной жизни? думаетъ она о пѣтухахъ? о томъ, что скучно сидѣть подъ лавкой, да нельзя, жаль ребенка? Ничего не думаетъ! Вотъ и выходитъ цыпленокъ бездушный, безсовѣстный, безъ заботы и ума... И отъ лектрическаго свѣта также травы не выростаетъ... Вотъ, что такое Богъ-то!.. Нѣтъ, братцы, не чепуха! Душа дѣло одно, а выдумка—дѣло другое... Нѣтъ, не чепуха это... Это надо оченно тонко сообразить!..»

Думаемъ, что въ этомъ разсказѣ имѣются всѣ зачатки для построенія панпсихической концепціи.

О. Аптекманъ.

ныхъ подковъ, скользитъ, снова выпрямляется. „Н-но! н-но“! вопитъ внѣ себя кучеръ, „н-но! н-но“! не умолкая кричитъ онъ во все горло; изъ сочувствія къ лошади онъ весь выгнулся и изо всѣхъ силъ напрягаетъ каждый свой мускулъ, каждый нервъ.

Медленно, шагъ за шагъ вползаетъ вверхъ фура, точно она везетъ на себѣ весь гнетъ міра. Она ѣдетъ наверхъ, ей необходимо наверхъ. Сзади уже раздаются испуганные, но грубые крики съ другихъ возовъ, которымъ тоже нужно черезъ мостъ, и которые не желаютъ потерять преимущество разбѣга. Наконецъ, первый возъ достигаетъ вершины подъема и катится дальше по мосту, пока не исчезаетъ изъ вида въ темнотѣ за желѣзными балками.

Ледяной вѣтеръ дуетъ сквозь желѣзный остовъ моста, рѣзкій и пронизывающій, какъ дымящіяся испаренія ледяныхъ пустынь озера Мичиганъ. Это происходитъ въ Чикаго, около шести часовъ зимняго вечера, во время раннихъ сумерекъ, до такой степени пропитанныхъ дымомъ и копотью, что фонари сквозь нихъ кажутся каплями крови, а электрическіе огни проблескиваютъ точно стальные ножи. Фонари на мосту льютъ слабый свѣтъ внизъ на рѣку, которая течетъ, словно на днѣ ущелья, между черными амбарами и фабриками на обоихъ берегахъ. Вода въ ней непріятнаго молочнаго оттѣнка, точно трупъ воды; по ней медленно плывутъ блѣдныя студенистыя груды снѣга и замерзшей пѣны, смутно бѣлѣющія на водѣ. Брошеные ящики и мятая бумага и всевозможный промокшій мусоръ отъ времени до времени мелькаютъ тоже на ея поверхности, а изъ домовъ на берегахъ въ нее вливаются потоки какой то сѣрой жидкости. И, вмѣстѣ со всей этой дрянью, безмолвная и холодная рѣка скользитъ между обледенѣвшими балками моста.

Ральфъ Винифредъ Ли переходилъ мостъ съ сѣвернаго берега. Онъ шелъ пѣшкомъ. Случилось это потому, что накануне вечеромъ онъ замѣтилъ человѣка, который, казалось, слѣдилъ за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи. У него была такимъ образомъ скорѣе причина избѣгать этотъ мостъ. Если Ли снова пришелъ сюда и выбралъ то же самое время, то именно изъ желанія испытать себя. Ему доставляло какое то непонятное удовольствіе быть тамъ, гдѣ его искали, онъ стремился подвергнуть себя этому. Его подмывало именно то, что здѣсь такъ немилосердно холодно и вѣтрено, точно на мосту въ преисподнюю, что идетъ онъ, преслѣдуемый кѣмъ-то, и это обнажаетъ глубочайшіе и сокровеннѣйшіе фибры его души и, наконецъ, то, что онъ не замѣчаетъ въ себѣ никакихъ признаковъ страха передъ тѣмъ человѣкомъ,

который шелъ за нимъ, кто бы онъ ни былъ и что бы онъ ни замышлялъ противъ него. Если этотъ человѣкъ намѣревается подойти къ нему сзади, схватить его за плечи и перебросить головою внизъ въ рѣку, тѣмъ лучше: онъ готовъ встрѣтиться съ нимъ грудь съ грудью. Если у того человѣка голова холодная, какъ ледяной вѣтеръ, дующій сквозь рѣшетку моста, если сердце у него полно яду, какъ тотъ зараженный потокъ внизу, онъ охотно помѣряется съ нимъ силами. Если это помѣшанный, жестокое и неотвѣтственное животное, онъ и то не станетъ избѣгать его.

Дойдя до конца моста, Ли, не ускоряя шага, обогнулъ маленькій шестиугольный кіоскъ, стоящій тамъ и, зайдя за него, оглядѣлся. Теперь незнакомецъ долженъ быть около середины моста...

Тамъ онъ и былъ. Онъ шелъ приблизительно въ ста шагахъ отъ него. По виду самый обыкновенный человѣкъ съ засунутыми въ карманы руками, въ мягкой шляпѣ, которую не трудно запомнить. Онъ выглядѣлъ точь въ точь, какъ и въ предыдущій вечеръ; въ его манерахъ и походкѣ было что то, внушавшее мысль, что онъ идетъ слѣдомъ за кѣмъ то. Ли казалось, что онъ видитъ свою собственную спину въ ритмѣ движеній этого человѣка.

Ого! Ли пошелъ дальше, стараясь нѣкоторое время держаться такъ, чтобы между нимъ и этимъ человѣкомъ былъ кіоскъ; тотъ не долженъ былъ замѣтить, что Ли наблюдаетъ за нимъ.

Ли шелъ по Клеркъ-стритъ, огибая по привычкѣ углы, и безсознательно направлялся къ центральной, наиболѣе оживленной части города. Нѣкоторое время онъ шелъ по Лакъ-стритъ подъ воздушной желѣзной дорогой, темной тучей нависшей надъ улицей, ежеминутно грохотавшей отъ проносящихся поѣздовъ. Подъ ними то и дѣло вспыхивали электрическія искры, освѣщавшія столбы и проволоки городскихъ трамваевъ. Ли стоялъ неподвижно и смотрѣлъ черезъ окно лавки на складъ пеньки и канатовъ. Бросивъ украдкой взглядъ въ бокъ, онъ замѣтилъ своего незнакомца, который въ толпѣ шелъ нѣсколько ближе къ нему. Теперь и тотъ остановился. Повертываясь, онъ сдѣлалъ плечами движеніе, не укрывшееся отъ Ли. Это былъ, несомнѣнно, человѣкъ большой физической силы.

Ли шелъ дальше внутрь города, навстрѣчу теченію. Былъ часъ, когда конторы закрываются, и вся дѣловая четверть населенія устремляется изъ центра города. Городскіе трамваи и омнибусы всѣхъ типовъ сплошными рядами устремлялись во всѣ стороны Чикаго и ближайшихъ окрестностей. Потокъ устремлялся отъ центра города къ его окруж-

ности. Здѣсь толкотня, вызванная этимъ всеобщимъ бѣгствомъ, была такъ велика, что почти напоминала панику или битву. Всѣ лифты выбрасывали, выплевывали людей изъ домовъ, и люди моментально заполняли тротуары, устремлялись во всѣ стороны и снова собирались толпами у мѣстъ остановокъ трамваевъ, накоплялись тамъ снова, пока вагонъ за вагономъ не забиралъ ихъ. По лѣстницамъ на воздушную желѣзную дорогу тоже устремлялись цѣлыя толпы, у всѣхъ была теперь одна единственная мысль добыть мѣсто, уѣхать отсюда. Каждый подходящій вагонъ былъ переполненъ; люди облѣпляли его со всѣхъ сторонъ, какъ пчелы улей. Вездѣ, гдѣ только было мѣстечко, чтобы поставить ногу или уцѣпиться рукой, висѣлъ человѣкъ. Всякій горѣлъ желаніемъ уѣхать. Вагонъ за вагономъ огибалъ уголъ Лассаль-стритъ и исчезалъ со своимъ грузомъ въ тунелѣ, чтобы перевезти его подъ рѣкой на ея сѣверный берегъ.

Городское движеніе вызывало теперь представленіе о потревоженномъ ульѣ во время бури, а желѣзныя дороги со своими безконечными поѣздами напоминали непрерывно чередующіяся морскія волны. Въ глубокой лощинѣ между Мичиганской долиной и рѣкой мчались поѣзда, сотни длинныхъ, тяжело нагруженныхъ поѣздовъ изъ всѣхъ частей Америки, отъ Атлантическаго до Тихаго океана, отъ полярныхъ странъ до садовъ Флориды, гремѣли тысячи колесъ, сливаясь въ одинъ глубокій, суровый и мрачный гулъ, такой же, какъ насыщенный сажею воздухъ, тяжело лежавшій надо всѣмъ. Поѣзда, безчисленные ряды вагоновъ и дымящихся локомотивовъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ, вносили жизнь въ черное ущелье, простиравшееся, точно вѣчно раскрытая могила, между желтымъ туманомъ озера Мичиганъ и мѣднокраснымъ заревомъ, окутывавшимъ городъ. А городъ возвышался точно костеръ изъ камней и металла со своими длинными, бѣлыми рядами домовъ-башенъ, и его красныя испаренія и ядовитый сѣрнистый дымъ смѣшивались съ густымъ туманомъ зимней ночи. Здѣсь, въ этомъ жестокомъ аду, грохотала та мельница, которая спаивала всю Америку и задавала ей тонъ.

Ли простоялъ нѣсколько минутъ, прислонившись къ холодному, какъ ледъ, гранитному парапету, окружавшему владѣнія желѣзной дороги. Уши его были наполнены чернымъ гуломъ, несущимся оттуда. Когда онъ поднялъ голову, онъ увидѣлъ своего преслѣдователя, стоявшаго, опершись ногой на каменную плиту, какъ дѣлаютъ люди, по той или другой причинѣ остановившіеся на нѣкоторое время на улицѣ. Ли пошелъ впередъ, прямо на того чело-

вѣка, и въ томъ сейчасъ же проявилась жизнь. Онъ поступилъ очень искусно: спокойной походкой онъ зашелъ за уголъ въ тѣнь, а когда Ли подошелъ туда, его уже не было, онъ исчезъ въ какомъ-то подъѣздѣ. Нѣсколько минутъ спустя Ли, воспользовавшись какимъ-то предлогомъ, обернулся,—тотъ уже шелъ за нимъ.

На углу Статъ-стритъ и Рандольфъ-стритъ Ли снова остановился. Если тому было что-нибудь нужно отъ него, здѣсь ему всего удобнѣе было бы подойти. Казалось, что весь міръ встрѣчался здѣсь, на этомъ мѣстѣ, ярко освѣщенномъ изъ оконъ магазиновъ. Здѣсь было очень уютно, такъ какъ здѣсь толпилось множество людей, не знавшихъ другъ друга. Здѣсь каждый чувствовалъ себя свободно, такъ какъ каждый былъ одинъ. Ну, подходи! Здѣсь много свидѣтелей. Свидѣтелями могли быть даже гигантскіе дома, обступившіе улицу, надъ которой нависли ихъ освѣщенные фасады, съ рядами оконъ одни надъ другими, все выше и выше къ небу. Послѣдніе ряды ихъ терялись въ дыму и туманѣ зимней ночи. Здѣсь на этомъ углу ледяной вѣтеръ и конкуренція дѣйствовали рука объ руку. Подходи же!

Но преслѣдователь Ли не подходилъ. Онъ затерялся въ толпѣ. Его нигдѣ не было видно. Ли забылъ о немъ. Онъ стоялъ тутъ, словно околдованный своимъ городомъ, невѣроятными противорѣчіями, выступавшими со всѣхъ сторонъ. Холодъ проникалъ ему черезъ подошвы и до костей замораживалъ ноги. Вѣтеръ, съ бѣшенной силой свистѣвшій по улицамъ, леденилъ ему кожу и выпивалъ жизнь изъ его рукъ. Даже въ карманахъ имъ было холодно, какъ въ погребѣ. Онѣ не находили и тамъ защиты. Вѣтеръ выдулъ изъ него всякое представленіе о теплѣ, окоченѣвшее лицо лишало его всякой подвижности. А между тѣмъ никогда онъ не чувствовалъ себя оживленнѣе. Стоять здѣсь казалось ему вершиной существованія. Вдыхаемое вмѣстѣ съ холоднымъ воздухомъ ощущенье смертельной опасности сливалось со всѣмъ, что онъ видѣлъ здѣсь передъ собой: безпечно высившійся городъ, выступавшій навстрѣчу морозу своими широкими стѣнами, отгонявшій отъ себя ночную тьму и сохранявшій среди окостенѣвшей природы быстрый, лѣтній темпъ жизни.

На большомъ протяженіи, около того мѣста, гдѣ стоялъ Ли, холодный воздухъ былъ пронизанъ заглушеннымъ свѣтомъ, проникавшимъ снизу, изъ подъ земли, сквозь толстыя стеклянныя призмы, этотъ свѣтъ игралъ и трепеталъ, точно солнечные лучи, проникающіе черезъ рѣшетку. А тамъ, внизу мелькала тѣнь махового колеса паровой машины, вызывавшая дрожаніе свѣта. Это бился жизненный пульсъ ма-

шинъ, питавшихся угольнымъ жаромъ, это трепетала жизнь въ сердцѣ свѣта, который на другой день разольется по мѣднымъ жиламъ, подъ ледяными плитами улицъ въ каменное тѣло города. Да, это колесо не знаетъ отдыха. Это колесо поддерживаетъ самую возможность жизни и свѣта въ этомъ каменномъ лагерѣ, въ самомъ центрѣ преріи, гдѣ всего три или четыре поколѣнія тому назадъ краснокожіе пробирались по слѣду буйвола среди снѣжной пустыни.

Ли весь содрогнулся отъ холода и прилива энергіи.

Толпа въ концѣ улицы начинала рѣдѣть. Мѣстами появлялись пустыя пространства, точно покинутое поле сраженія, густо заваленное обрывками бумаги, которые вѣтеръ крутилъ вмѣстѣ съ черной пылью, поднятой ногами людей. Въ одинъ изъ такихъ просвѣтовъ среди толпы Ли увидѣлъ снова того человѣка, стоявшаго на противоположномъ углу и, казалось, погруженнаго въ глубокія думы.

Ли могъ свободно наблюдать за нимъ, здѣсь въ толпѣ его наблюденія не могли обратить на себя вниманія. Стоя такъ и осматриваясь кругомъ, онъ вдругъ сдѣлалъ удивительное открытіе. Тутъ былъ еще одинъ человѣкъ. Немного далѣе, на томъ же тротуарѣ, гдѣ стоялъ его преслѣдователь, двигался приземистый человѣкъ, явно не спускавшій глазъ съ его незнакомца. Въ уличной толкотнѣ есть свои законы, и ихъ легко можетъ уловить всякій, кто изберетъ себѣ опредѣленное поле наблюденій. Не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что этотъ новый, вдругъ откуда-то явившійся незнакомецъ, выслѣживалъ преслѣдователя Ли. Луна, вращавшаяся вокругъ Ли, имѣла тоже спутника. Вотъ такъ исторія! Очевидно, тутъ что-то завязывается. Во всякомъ случаѣ, теперь Ли рѣшилъ предоставить ихъ обоихъ ихъ собственной участи со всѣмъ, что они затѣвали. Онъ совершенно окоченѣлъ и сильно проголодался.

Направо сіяла громадная свѣтящаяся вывѣска „Отель Бисмаркъ“, ярко выступавшая среди темнѣвшей улицы: окна въ конторахъ теперь быстро потухали. Ли представилъ себѣ, какъ тепло и уютно въ этомъ хорошо знакомомъ ему ресторанѣ, и быстро вошелъ туда. Онъ до такой степени закоченѣлъ, и руки его такъ замерзли, что онъ почувствовалъ жгучую боль, когда взялся за ручку двери и вдвинулся внутрь. По всѣмъ его жиламъ разлилось ощущеніе безопасности, когда онъ вступилъ въ ослѣпительно освѣщенную залу, теплый, почти банный воздухъ охватилъ его со всѣхъ сторонъ, вмѣстѣ со звономъ стакановъ и оживленнымъ говоромъ многихъ голосовъ.

II.

Публика, посѣщавшая ресторанъ „Бисмаркъ“, имѣла свой особый отпечатокъ. По большей части это были американскіе нѣмцы, дюжій народъ, съ громкими голосами и крѣпкими мускулами. Особымъ изяществомъ они не отличались, за то обладали здоровьемъ и хорошимъ аппетитомъ. Жадными глазами людей, только что закончившихъ свой трудовой день, они оглядывались по сторонамъ и стояли у прилавка въ своихъ удобныхъ фризовыхъ курткахъ и грубыхъ плащахъ. Они жевали буттерброды съ ливерной колбасой или тыкали вилкой въ маслину, а на ихъ курчавыхъ русыхъ бородахъ виднѣлась пивная пѣна. Этотъ ресторанъ сильно напоминалъ какую-нибудь харчевню на Сѣверномъ морѣ, куда заходятъ моряки и простые матросы, чтобы отдохнуть минутку, пока море злится. Тутъ были купцы, хлѣботорговцы, гуртовщики, горизонтъ которыхъ ограничивался американскимъ рынкомъ, и которые думали только о пшеницѣ и салѣ. Дневной торгъ былъ законченъ, и они стояли здѣсь, довольные, намѣреваясь подкрѣпиться кружкой пива и буттербродомъ, прежде чѣмъ отправиться домой. Передъ прилавкомъ стояли столики, накрытые пестрыми скатертями, и за ними сидѣли люди, у которыхъ было больше досуга. Около ихъ тарелокъ лежали газеты. Въ глубинѣ роскошно отдѣланнаго ресторана былъ входъ въ обѣденный залъ, со столами, накрытыми бѣлыми скатертями и съ неслышно двигавшимися кельнерами. Здѣсь сидѣли тѣ, которые пришли пообѣдать.

Это былъ ресторанъ строгаго стиля, учрежденіе для питанія. Прислуга, стоявшая за длиннымъ прилавкомъ, была въ бѣлой форменной одеждѣ и ничѣмъ не походила на людей, опустившихся до такого ремесла. Это все были люди съ разсчетливымъ умомъ, приспособленные спеціально для этой работы. Они поворачивали кранъ, точно стоя на локомотивѣ или въ машинномъ отдѣленіи фабрики, и изъ него струилось пиво. Они никогда не ошибались, кто въ этой толкотнѣ у прилавка получилъ свою кружку, и кто положилъ свою монету. Они говорили по-нѣмецки или по-англійски и никогда не торопились, но успѣвали сдѣлать все; лица ихъ не выражали ничего, кромѣ безличной твердости людей труда.

Ли вошелъ въ ресторанъ; онъ могъ отлично пообѣдать здѣсь. Въ самой глубинѣ въ передней залѣ сидѣлъ за столикомъ человѣкъ, выдѣлявшійся среди нѣмецкой публики

своей подстриженной бородкой и всей своей стройной фигурой. Онъ поднялъ глаза; это былъ Арчибальдъ Крэнъ.

— Алло, Ральфъ! Подсаживайся сюда. У меня еще три четверти часа времени.

Ли сѣлъ, его обрадовала эта встрѣча и видъ нервныхъ рѣшительныхъ чертъ друга. Было пріятно встрѣтить взглядъ его спокойныхъ глазъ, которые смотрѣли такъ умно и въ то же время не старались заглядывать въ душу собесѣдника. Онъ говорилъ быстро и спокойно и сохранялъ все время ровное настроеніе, какъ человѣкъ съ здоровыми и гармонично развитыми органами; пока онъ говорилъ, онъ слегка поворачивалъ голову то въ одну, то въ другую сторону, наблюдая за всѣмъ, что происходитъ вокругъ, но не отвлекаясь этимъ. Это былъ издатель газеты „День". Они нѣкоторое время поговорили о незначительныхъ вещахъ. Вдругъ Ли вскричалъ:

— Ну, ты долженъ знать, что я сдѣлалъ открытіе!

— Опять?

— Да,—сказалъ Ли съ улыбкой,—но на этотъ разъ это нѣчто значительное, полный переворотъ. Я выстрѣлю въ тебя имъ по твоему примѣру, Арчи. Ты можешь напечатать его крупнымъ шрифтомъ и красными буквами: *Христофоръ Колумбъ былъ американецъ*!

— Ну, конечно, онъ былъ американецъ!

— Нѣтъ, онъ не былъ американцемъ. Онъ былъ испанецъ, родившійся въ Италіи, и ты это прекрасно знаешь. Ты подразумѣваешь, что онъ былъ американцемъ потому, что открылъ эту страну и положилъ начало переселенію. Но я, видишь ли, могу теперь доказать, что онъ, на самомъ дѣлѣ, былъ однимъ изъ нашихъ. И я произвожу это съ такой же точностью, какъ Леверье, высчитавшій въ какомъ именно пунктѣ вселенной долженъ находиться Нептунъ, и, когда туда направили телескопъ, Нептунъ оказался тамъ, точно пуля передъ дуломъ ружья. Я тоже началъ съ разрушенія: нѣкоторые историческіе факты не укладывались у меня въ головѣ. Было немыслимо, чтобы Колумбъ былъ грязнымъ, чернымъ чистильщикомъ сапогъ, я все время чувствовалъ склонность или, точнѣе говоря, питалъ подозрѣніе, что въ этомъ великомъ мореплавателѣ текла англосаксонская кровь, или хотя бы просто сѣверная кровь.

— Ты вѣдь самъ скандинавецъ,—замѣтилъ Крэнъ, слушавшій въ общемъ внимательно.

Ли кивнулъ головой.

— Мой отецъ былъ сѣверянинъ. Теперь припомни, пожалуйста, что Леверье началъ съ Нептуна. Вѣдь такъ? Ну, что же? Неужели тебя не поразило, не потрясло то, что я

говорилъ? Ты долженъ въ мгновеніе ока вообразить себѣ переселеніе народовъ. Колумбъ родился въ Генуѣ, въ сѣверной Италіи, онъ долженъ вести свое происхожденіе отъ лонгобардовъ или готовъ.

Крэнъ прищурилъ глаза и о чемъ-то задумался.

— То есть, что ты подразумѣваешь подъ этимъ?

— Фантазія у него была чисто сѣверная. Смерть и адъ, неужели это никогда не поражало тебя! Развѣ ты никогда не любилъ его? Все его существо это — стремленіе вдаль, тоска по потерянной отчизнѣ, онъ—вѣчный странникъ. Открытіе Америки—прямое продолженіе переселенія народовъ. Развѣ ты этого не видишь? Развѣ ты не видишь, что все переселеніе шло съ сѣвера на югъ, пока оно не уперлось въ море, около Гибралтара—иногда даже оно шло дальше, до мыса Финистерре. Считаютъ, что на этомъ переселеніе закончилось. Но тутъ начался только его широкій конецъ. Вообрази себѣ только этихъ крупныхъ бѣлокурыхъ людей съ бычачьими рогами на головахъ, когда они доходятъ до моря. Ты думаешь, это конецъ? Какое! Они только немного постояли на берегу, вглядываясь вдаль, а потомъ пошли въ лѣсъ и вырубили тамъ киль корабля,—вотъ, что они сдѣлали! Когда вестготы „исчезли" изъ Испаніи, начались открытія. И одинъ изъ ломбардскихъ выходцевъ, изъ потомковъ прежнихъ сѣверныхъ воиновъ и сказателей сагъ, довершилъ великое дѣло и повелъ потокъ переселенія народовъ за собой на почву Соединенныхъ Штатовъ. Преданіе раздвоилось, и появились мы.

— Ты, вѣроятно, правъ, — сказалъ Крэнъ и посмотрѣлъ прямо въ глаза Ли, продолжая ѣсть.—Это интересно слушать.

— Я совершенно убѣжденъ, что такъ оно и было. До сихъ поръ въ исторіи считались только съ націями и съ династіями, вмѣсто того, чтобы считаться съ расами, и это переломило надвое картину переселенія народовъ. Итальянское королевство живетъ или, лучше сказать, умираетъ воспоминаніями о томъ великомъ времени, которое называютъ возрожденіемъ, т. е. о томъ времени, когда бѣлокурые люди появились на югѣ. Когда они исчезли оттуда, возрожденіе въ Италіи окончилось, какъ весь міръ кончается для того, кто умираетъ. Но то, что окончилось въ сѣверной Италіи, началось съ начала, въ нѣсколько болѣе крупномъ масштабѣ въ Америкѣ. О! мы оставили многое старое и перенесли нашъ масштабъ въ Америку; мы покинули тамъ ряды музеевъ, какъ вездѣ, гдѣ мы бывали, но здѣсь мы стали сами собой. Тщательно, съ благоговѣніемъ люди охраняютъ развалины домовъ, которые мы выстроили, а мы, между тѣмъ, въ пол-

номъ единствѣ съ нашимъ прошлымъ строимъ новые замки въ Америкѣ. Статуя Свободы держитъ факелъ надъ Атлантическимъ океаномъ, указывая путь старому свѣту — сюда перешло все, здѣсь теперь „Возрожденіе". Итальянское возрожденіе было, по счастью, больше, чѣмъ простой возвратъ къ древности: оно знаменуетъ разцвѣтъ новой расы. Это были переселенцы съ сѣвера, они созрѣли на югѣ и показали, чего они могли достичь въ тѣ времена и при той обстановкѣ. Видѣть въ томъ, что они дѣлали — воскресеніе латинской расы, это все равно, что смѣшать кошку со слономъ. Въ Микельанджело нельзя не видѣть мамонта... Неужели тебя никогда не поражалъ его сѣверный темпераментъ? Его Моисей вѣдь это какой-нибудь Одинъ или Снорре, его буйный духъ полонъ сѣверной глубины, это все борьба съ мракомъ, съ населяющими тьму чудовищами, во всемъ этомъ нѣтъ ничего общаго съ южной страстью. Микельанджело не похожъ на типичнаго южанина съ кинжаломъ на готовѣ, который закалываетъ свою возлюбленную, а потомъ въ тюрьмѣ проливаетъ слезы передъ священникомъ. Онъ—власть имѣющій, онъ кровожадный викингъ; нервы его напряжены до кончиковъ пальцевъ, онъ борется и какъ художникъ, и какъ строитель. Тиціанъ съ его бѣлокурыми венеціанками, всѣ флорентинцы, Леонардо... всѣ были сѣверяне. Весь Донъ-Кихотъ, развѣ это не игра сѣверной фантазіи въ романской странѣ? Неужели ты, правда, думаешь, что раса можетъ погибнуть отъ того, что она переселится въ другую страну и получитъ другое имя. Сервантесъ это—слѣдъ, который мы оставили въ прошломъ въ Испаніи.

Крэнъ вытеръ себѣ салфеткой бороду и привѣтливо взглянулъ на Ли. Легкая тѣнь насмѣшки скользнула по его лицу:

— Ты, точно смерчъ, проносишься надъ исторіей,—сказалъ онъ,—но то, что ты вносишь, дѣйствительно, принадлежитъ тебѣ. Да, я хорошо помню, что я училъ о вестготахъ въ Испаніи. А почему же не послали какого-нибудь изъ этихъ молодцовъ на Кубу, когда мы ихъ тамъ колотили?

Ли высоко поднялъ голову, точно собираясь отбросить мячъ:

— Ахъ, ты, дурачина! Ты, стало быть, совсѣмъ не понялъ меня, и я долженъ все начинать сначала. Эти молодцы вѣдь это же—мы сами, я все время объ этомъ и толковалъ. Неужели ты не можешь идти сокращеннымъ путемъ парадоксовъ, ты хочешь непремѣнно отбить себѣ всѣ ноги по библіотекамъ и архивамъ. Я именно и хочу, чтобы ты перепрыгнулъ черезъ исторію. Ты долженъ постичь, что духъ готовъ вслѣдъ за Колумбомъ перешелъ изъ Испаніи въ Америку. Тамъ готы были только на перепутьи. Они стремились

дальше, и они всѣ здѣсь. Это и были піонеры. Но Донъ-Кихотъ это—послѣдній готъ въ Испаніи. Развѣ ты никогда не чувствовалъ кровной симпатіи къ этому длинному рыцарю печальнаго образа? Развѣ у тебя не становилось никогда красно въ глазахъ, когда ты начиналъ чувствовать комизмъ, заключающійся въ этихъ даромъ затраченныхъ силахъ? Донъ-Кихотъ это—призракъ иной эпохи, это—сѣверный духъ въ странѣ, которую покинули сѣверные люди, это—одинъ изъ семи спящихъ отроковъ... Развѣ ты не чувствуешь, какъ онъ поднимается тамъ, въ Испаніи, и клянется всѣми святыми, что онъ долженъ уйти прочь оттуда? Онъ не смѣетъ оставаться тамъ долѣе, онъ долженъ уйти оттуда,—мавры сражаются во имя Іисуса,—но тѣ, другіе уже ушли оттуда, они далеко, они рубятъ деревья на берегахъ Гудзоновой рѣки, и время прошло, и онъ одинъ на Кастильской равнинѣ... Вотъ откуда твой Донъ-Кихотъ! Вотъ откуда этотъ странный рыцарь, который могъ бы быть твоимъ предкомъ въ десятомъ поколѣніи. Сними съ него только его воинское снаряженіе—Боже милостивый, вѣдь этому человѣку не доставало только враговъ!—и посади вмѣсто него Барбаруссу или Гольгера Данске, вѣтряныя мельницы остаются тѣ же самыя. Донъ-Кихотъ сѣверянинъ, онъ нѣмецъ, его нелѣпые подвиги это—запоздавшій крестовый походъ; мы смѣемся надъ нимъ, но онъ то вѣритъ твердо. Сарвантесъ—клоунъ въ той же пьесѣ, въ которой Шекспиръ—счастливый любовникъ. Но роли могли бы значительно перемѣниться, если-бы Испанія была тѣмъ, чѣмъ стала Англія. Понимаешь ли ты теперь, что я подразумѣваю подъ тѣмъ, что открытіе Америки есть просто продолженіе переселенія народовъ?

— Да,—сказалъ Крэнъ,—я долженъ сказать, что это оригинальная идея, настоящая находка.

Ли обрадовался и разсмѣялся.

— Да, знаешь ли, это, въ самомъ дѣлѣ, находка, и ты сейчасъ получишь доказательство этого. Я говорилъ тебѣ, что всѣ эти соображенія приводили меня къ убѣжденію, что Колумбъ сѣвернаго происхожденія. Ну, вотъ тогда я и направилъ свое вниманіе на источники. Ты знаешь, конечно, что съ него не сохранилось ни одного настоящаго портрета. Но знаешь ли ты, что говоритъ Гаррисъ? Онъ говоритъ, что у Колумба было длинное лицо съ орлинымъ носомъ, что онъ былъ краснощекій и что у него были *веснушки*, замѣть себѣ это. У него были рыжіе волоса и рыжая борода, своевременно посѣдѣвшая. Ну, что ты на это скажешь?

Крэнъ положилъ вилку и ножъ и теперь уже по настоящему улыбался. Онъ сидѣлъ прямо и улыбался такъ, какъ

улыбаются люди, когда съ ихъ друзьями случается что-нибудь пріятное.

— Это, право, интересно,—сказалъ онъ. Слышно было, какъ онъ нѣсколько разъ перевелъ дыханіе. Открытіе Ли произвело на него впечатлѣніе. Онъ начиналъ предвидѣть, что изъ этого можетъ послѣдовать. Но Ли не далъ ему времени на размышленія. Онъ стремился закрѣпить свою побѣду.

— Итакъ, Колумбъ былъ американцемъ раньше, чѣмъ открылъ Америку; такъ какъ онъ принадлежалъ къ нашей расѣ, онъ былъ сама раса. Понимаешь ли ты, куда это клонитъ, понимаешь ли ты, что изъ этого слѣдуетъ?

Крэнъ подождалъ, пока Ли оформитъ свое видѣніе, такъ какъ онъ, несомнѣнно, былъ охваченъ видѣніемъ. Лицо его горѣло величайшимъ возбужденіемъ, глаза расширились и стали безумными, онъ содрогнулся, онъ чувствовалъ, что какая-то сила овладѣваетъ всѣмъ его существомъ.

— Это значитъ, что вокругъ американскаго материка вдругъ пронесся электрическій токъ и намагнитизировалъ его, и въ одно мгновеніе ока онъ притянулъ къ себѣ всю Европу.

Крэнъ смотрѣлъ на него, не сводя глазъ.

— Да,—сказалъ онъ.

— Это значитъ, что наша исторія начинается не конквистадорами, а арійскими миѳами. Исторія Европы это—наша первоначальная исторія. Санта Марія была такимъ же точно кораблемъ викинговъ, какъ и корабль Эриксона, только путь шелъ черезъ Италію и Испанію и захватилъ съ собой тѣхъ, кто тамъ былъ. Такимъ образомъ, наша доисторическая эпоха приведена въ порядокъ.

Крэнъ кивнулъ головой и снова принялся ѣсть, не поднимая глазъ отъ тарелки.

— Англія и Австралія, Германія, Голландія и Америка, всѣ онѣ составляютъ одну страну... всѣ онѣ —Америка!—сказалъ Ли, все болѣе и болѣе вдохновляясь.—Вездѣ, гдѣ живутъ отростки стараго сѣвернаго корня переселенія народовъ, тамъ Америка. Страна, о которой грезятъ старики, это—Америка!

Ли въ порывѣ увлеченія сильно повысилъ голосъ, теперь онъ почти пѣлъ. Крэнъ смотрѣлъ на него, потягивая красное вино.

— Все это вѣрно,—сказалъ онъ.—Ты во второй разъ открываешь Америку, Ли. Долженъ сказать, я рѣдко слышалъ что-нибудь болѣе увлекательное. Ты сдѣлалъ смѣлый скачекъ, и выбрался на твердую землю. Что же ты думаешь предпринять со своей идеей?

— Моя идея? Что я думаю предпринять съ ней? Это не *моя* идея, это просто-на-просто правда, и больше ничего.

— Конечно, это твоя идея, Ральфъ. Ты довѣрился газетному человѣку, но даже, если-бъ ты не былъ моимъ другомъ, мнѣ бы и въ голову не пришло сообщить о твоемъ открытіи въ газетѣ...

— Нѣтъ, именно, сообщи о немъ въ газетѣ,—вскричалъ Ли съ волненіемъ, не понимая, что тотъ хочетъ сказать.— Это же ясно, я бы хотѣлъ, чтобы всѣ объ этомъ узнали.

Крэнъ помолчалъ, точно борясь съ искушеніемъ; онъ чертилъ пальцемъ по столу. Онъ уже видѣлъ передъ собой напечатаннымъ: „Колумбъ былъ американецъ и т. д.“. Но онъ прервалъ эти размышленія и прямо посмотрѣлъ на Ли:

— Если-бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, я не выпустилъ бы этого изъ своихъ рукъ. И ты не долженъ этого дѣлать. Это имѣетъ большую цѣнность, это ново. Это твоя собственность, Ральфъ. Я думаю, ты составишь изъ этого книгу или пьесу, или напишешь стихотвореніе. Что ты объ этомъ думаешь?

— Можетъ быть,—сказалъ Ли съ неудовольствіемъ.—Но какъ ты къ этому относишься, Крэнъ! Ты же вовсе не до такой степени лишенъ поэзіи. Неужели ты не понимаешь, что это больше, чѣмъ новость, чортъ тебя побери! Это—событіе, эпоха, вся Америка окрашивается въ новый цвѣтъ. Милліоны людей оказываются въ родствѣ другъ съ другомъ и бросаются въ объятія другъ къ другу. Другъ, вѣдь это міровая идея!

— Потому, что она не была до сихъ поръ распространена,—сухо замѣтилъ Крэнъ.

Ли запнулся, передохнулъ, но сейчасъ же устремился далѣе:

— Это вновь найденная *Атлантида*. Америка это—великая всеобщая страна арійцевъ, мѣсто новаго расцвѣта ихъ преданій. Никогда не могли опредѣлить, гдѣ ихъ прародина, была ли она въ Азіи или въ Сѣверной Европѣ, или на какомъ-нибудь исчезнувшемъ въ океанѣ материкѣ. Я думаю послѣднее. Я думаю, на Атлантическомъ океанѣ была еще часть свѣта, гдѣ эти бѣлокурые люди были дома, потомъ какой-нибудь „всемірный потопъ“ смылъ его, но не прежде, чѣмъ значительное количество этихъ арійцевъ перебрались въ Европу и въ Азію и могли укрѣпиться тамъ. Они были вѣчными странниками. У нихъ было врожденное представленіе о какомъ-то исчезнувшемъ мірѣ, и они сохранили это представленіе черезъ все протяженіе исторіи... эта мечта увлекала и Колумба, когда онъ плылъ на Западъ, чтобы найти эту землю, и приплылъ въ Америку. Америка это — новая Атлантида! Мы почти вынуждены признать, что пра-

родина арійцевъ исчезла съ поверхности земли, потому что у насъ не хватаетъ звена, связывающаго арійцевъ съ животнымъ царствомъ, мы не знаемъ бѣлокурой обезьяны. Я вижу арійцевъ въ началѣ ихъ исторіи, еще въ ледниковый періодъ, когда въ Европѣ жили мамонты. Я вижу дымъ вьющійся изъ ихъ пещеръ; въ сосновыхъ лѣсахъ я вижу ихъ красныя и бѣлыя тѣла, исхлестанныя дождемъ—вижу, какъ они вылѣзаютъ оттуда и вступаютъ въ борьбу съ тѣмъ животнымъ, отъ котораго они происходятъ, съ *ледниковой обезьяной*. Я вижу, какъ эта ледниковая обезьяна хватается всѣми своими четырьмя косматыми руками за обледенѣлыя скалы, какъ она ощетиниваетъ свою бѣлую шерсть, какъ ея огненно-рыжая грива горитъ пожаромъ, а голубые глаза холодны, какъ ледникъ или какъ туманъ. Она показываетъ своему культурному родичу и врагу страшный оскалъ зубовъ, когда онъ пытается напасть на нее съ каменнымъ молотомъ. Но весь этотъ міръ погибъ. Земля могла позволить себѣ это, а позднѣе въ Европѣ и въ Азіи арійцы такъ отошли другъ отъ друга, что только изученіе языка въ наши дни снова сблизило ихъ. Но таково или нѣтъ происхожденіе арійцевъ, одно несомнѣнно: переселеніе привело ихъ въ Америку, и они теперь здѣсь, здѣсь они вновь собираются, здѣсь новая Атлантида, новый сѣверъ.

— Ты придаешь большое значеніе переселенію,—сказалъ Крэнъ. — Неужели ты думаешь, что это такъ важно на нашей маленькой землѣ? Неужели ты думаешь, что для насъ, американцевъ, такъ существенно важно знать, что мы въ пліоценовый періодъ и позднѣе довольно много странствовали, а что теперь мы успокоились и породнились со всѣми?

Ли судорожно втянулъ въ себя воздухъ:

— Ты не хочешь понять меня. Неужели ты не видишь, какое значеніе имѣетъ для Америки установить связь со своимъ прошлымъ, связать свою исторію съ исторіей тѣхъ народовъ, которые насъ обогнали? Ты же знаешь, что наше больное мѣсто – отсутствіе традицій, здѣсь въ Соединенныхъ Штатахъ, что мы ради этого покупаемъ для дочерей нашихъ милліонеровъ европейскихъ герцоговъ? Ну, посмотри съ чисто практической точки зрѣнія, какое будетъ имѣть значеніе обогатить ея историческій горизонтъ сокровищами трехъ, четырехъ старыхъ націй.

У насъ слишкомъ короткіе корни, у насъ довольно вершинъ, но мы не достаточно глубоко сидимъ въ землѣ. Въ нашемъ національномъ самосознаніи нѣтъ единства, намъ не достаетъ выработаннаго міровоззрѣнія. Въ нашихъ воспоминаніяхъ есть провалъ, но я понялъ, отчего это, я увидѣлъ, что принадлежитъ намъ, и пусть я провалюсь въ преис-

поднюю, если я не положу начала духовной жизни Америки. Я хочу выстроить для американскагѣ духа башню, которая будетъ стоять на арійскомъ фундаментѣ и уходить вершиной въ облака нашего будущаго. Исландскія саги принадлежатъ нашему прошлому, Нибелунги—наше національное достояніе, исторія Англіи—наша исторія! Я хочу изобразить странствованія нашей расы съ тѣхъ поръ, какъ она вышла изъ тумана прошлаго и спустилась, какъ ледникъ къ югу. Всѣ кимвры и тевтоны, лонгобарды, готы и вандалы, норманы и англо-саксы,—я покажу, какъ они постепенно въ на протяженіи столѣтій стремились къ Америкѣ. Я опишу великую эпоху переселенія, которая и теперь еще не закончилась—я видѣлъ, какъ ея волны, цѣлые народы, ударяли на площадь Батери въ Нью-Іоркѣ. Я опишу піонеровъ, великій захватъ страны, я соединю всѣ вѣка, я придамъ новое направленіе всей исторіи Америки!

Крэнъ не прерывалъ его; онъ задумчиво намазывалъ масло на кусочекъ хлѣба. Когда Ли замолчалъ, онъ взглянулъ на него и замѣтилъ, что тотъ съ какимъ то страннымъ разсѣяннымъ и смущеннымъ видомъ устремилъ глаза въ одну точку ресторана. Крэнъ прослѣдилъ за его взглядомъ и увидѣлъ, что Ли, не отрываясь, смотритъ на вѣшалку съ пальто и шапками посѣтителей. Что онъ могъ тамъ замѣтить? Но Крэнъ не спросилъ объ этомъ.

Ли увидѣлъ шляпу, мягкую шляпу, такой формы, что ошибиться онъ не могъ. Она висѣла на вѣшалкѣ среди другихъ шляпъ. Она принадлежала тому человѣку съ моста, тому человѣку, который его преслѣдовалъ. Ли узналъ бы эту шляпу среди тысячи другихъ шляпъ, фасонъ ея былъ какой то особенный, и опредѣленная рука, это чувствовалось, снимала и надѣвала ее, такъ что ее невозможно было не запомнить. Тотъ человѣкъ долженъ быть здѣсь. Ли окинулъ взглядомъ всѣхъ посѣтителей, сидѣвшихъ неподалеку отъ него, но ни одинъ не произвелъ на него какого-нибудь особеннаго впечатлѣнія, а между тѣмъ одинъ изъ нихъ и есть онъ. Онъ—обыденный человѣкъ по виду,—подумалъ Ли и сразу остылъ, — его нельзя отличить отъ другихъ людей. Въ ту же минуту онъ принудилъ себя отвести глаза и не всматриваться больше ни въ кого испытующимъ взглядомъ; быть можетъ, за нимъ тоже наблюдаютъ, онъ не хотѣлъ выдать, что замѣтилъ что-нибудь.

— Извини,—сказалъ онъ Крэну, откинувшись на спинку стула и медленно переводя дыханіе,--я потерялъ нить.

Крэнъ дружелюбно посмотрѣлъ на пріятеля.

— Голова у тебя—чистый алмазъ, Ральфъ,—сказалъ онъ,—ты преломляешь свѣтъ богаче и тоньше, чѣмъ всѣ остальные

люди, но... ну, да, вѣдь, само собой, алмазъ не пищевой продуктъ. Я не буду расхолаживать тебя разными „но“, къ тому же это дѣло критики.

— Но... что же ты хотѣлъ сказать?

— Иди своимъ путемъ до конца, потомъ мы поговоримъ съ тобой объ этомъ. Лошади не даютъ лѣкарства, чтобы она не понесла...

— А! эта старая проповѣдь умѣренности,—вскричалъ Ли и побѣдоносно расхохотался.—Все тѣ же ползающія по землѣ разсужденія о томъ, что всякая эстетика—просто болѣзнь инстинкта собственности... Ахъ ты, оптовый торговецъ новостями! Какой нынче курсъ на переломленныя ноги?

— Ну, опять занесся,—сказалъ Крэнъ и позвалъ кельнера, чтобы расплатиться. Но эти существа въ передникахъ были такъ заняты, что игнорировали его. Тогда онъ, не производя шума, всталъ, и этимъ достигъ того, что кельнеръ въ ту же минуту явился.

— Ну, Ли, ты снова витаешь и носишься въ воздухѣ. А для меня не имѣетъ большого значенія видѣть Пегаса, запряженнаго въ телѣжку.

Крэнъ натянулъ шубу, которую подалъ ему лакей.

— Ты меня порадовалъ сегодня, Ли. Самое лучшее въ поэзіи,—если она вообще чего нибудь стоитъ — это самъ поэтъ. Ты показалъ мнѣ освѣжающее зрѣлище. Не сердись же на меня.

Крэнъ надѣлъ калоши.

— Если бы ты со своимъ даромъ интуиціи и съ изумительнымъ даже на первый взглядъ стилемъ сошелъ съ своихъ высотъ до газеты... Впрочемъ, я начинаю говорить глупости. Во всякомъ случаѣ, въ „Днѣ“ тебя всегда ждетъ конторка. Но ты, конечно, не придешь, пока не станешь инвалидомъ, пока не сломаешь ноги и не сообщишь самъ въ газетѣ объ этой новости. Тогда ты получишь построчную плату, и своя карьера начнется... Послушай, Ли, пришли мнѣ на этихъ дняхъ Рождественское стихотвореніе. Послѣдуй же моему совѣту, не расточай свое золото передъ публикой, ты ничѣмъ не обязанъ толпѣ. Ну, прощай!

Ли смѣялся ему вслѣдъ, когда тотъ выходилъ изъ ресторана. Право же, это все-таки чертовски славный малый. Но Ли немножко досадовалъ на него. Онъ чувствовалъ себя разочарованнымъ, непріятно задѣтымъ. Онъ раскаивался, что открылся ему. Въ этомъ стальномъ человѣкѣ не было никакой акустики, что передъ нимъ ни пой, получается вѣтеръ, свистящій въ горлѣ. Ухъ! какимъ придавленнымъ чувствуешь себя послѣ разговора съ нимъ. Но въ слѣдующій разъ

онъ его осмѣетъ, какъ слѣдуетъ. Кирпичъ этакій, попавшій въ органъ! сосулька въ самомъ сердцѣ весны!

Вставая, чтобы перейти въ обѣденную залу, Ли снова замѣтилъ шляпу, угрозой висѣвшую на вѣшалкѣ. Онъ не позволилъ себѣ еще разъ оглянуться на публику, задумчиво перешелъ въ большую залу и заказалъ себѣ обѣдъ. Онъ сѣлъ такъ, что могъ, не оглядываясь, видѣть первую залу. Незнакомецъ долженъ же когда нибудь встать и придти за шляпой, тогда онъ неминуемо замѣтитъ его.

Но въ то же мгновенье Ли вдругъ позабылъ и шляпу, и ея владѣльца: онъ увидѣлъ три знакомыя фигуры, пробиравшіяся по среднему проходу отъ входныхъ дверей, — семейство Гронау. Впереди свободной походкой, которая отличаетъ американокъ, шла миссъ Гронау. Она была одѣта, какъ принцесса: роскошная горностаевая жакетка до пояса, юбка, отдѣланная горностаемъ съ хвостиками, и на головѣ капоръ изъ того же мѣха. Но она не привлекала вниманія, такъ какъ наружность ея была совершенно обыкновенная. Можно было развѣ полюбоваться ея молодостью, но не ею самой. Дамы, быть можетъ, улыбнулись бы на ея слишкомъ высокіе каблуки и слишкомъ короткую юбку или на модный, но неудачно сшитый корсеть, неуклюже перегнувшій полную фигуру дѣвушки. Миссъ Гронау была, видимо, въ самомъ прекрасномъ настроеніи и не обращала ни малѣйшаго вниманія на то, какое она производитъ впечатлѣніе. Все ея молодое, сильное женское тѣло раскачивалось во время ходьбы. Она была свѣжа отъ холода, носъ ея покраснѣлъ, она оглядывалась кругомъ своими свѣтлыми глазами, ослѣпленными яркимъ свѣтомъ, и по привычкѣ шестнадцатилѣтнихъ подростковъ держала ротъ полуоткрытымъ. Когда она замѣтила Ли, она взмахнула горностаевой муфтой, сложила губы въ беззвучное „ура", хотѣла было побѣжать къ нему бѣгомъ, но во время опомнилась и прошла прилично оставшуюся часть пути. Ли всталъ, и у обоихъ лица засвѣтились широкой улыбкой.

— Какъ чудесно, что вы здѣсь! — вскричала миссъ Гронау пріятнымъ, оживленнымъ голосомъ. — Подумайте,— продолжала она,—у меня точно предчувствіе было, что я васъ встрѣчу сегодня. Папа захотѣлъ выйти, и вотъ я забрала ихъ, его и Уота съ собой, мы надумали идти въ театръ, только не знали куда, и зашли сначала сюда, я была увѣрена, что мы встрѣтимъ здѣсь кого нибудь. Можете вы пойти съ нами въ театръ? И куда, какъ вы думаете, намъ пойти?

— Могу, вполнѣ могу,—сказалъ Ли. Онъ продвинулся

впередъ, чтобы привѣтствовать мистера Гронау старшаго и Уота.

М-ръ А. Гронау остановился позади дочери, точно старая лошадь, выведенная изъ стойла и уже соскучившаяся.

Молодой мистеръ Гронау смотрѣлъ назадъ въ ресторанъ; на него обратили вниманіе, и онъ смущенно оцѣнивалъ результаты этого. Уотъ Гронау принадлежалъ къ злополучнымъ юношамъ, которыхъ вездѣ, гдѣ говорятъ по англійски, называютъ Fatty: онъ былъ жирный мальчикъ. Гдѣ бы ни появлялся несчастный, ему чудилось, что всѣ губы складываются, чтобы произнести это ненавистное слово. И въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ онъ былъ, дѣйствительно, исключительный экземпляръ, — огромный мѣшокъ жира, кривоногій мастодонтъ, гигантскій малый, трехъ локтей въ вышину и съ тюкъ ваты въ обхватѣ. Самое непріятное въ этомъ феноменѣ было то, что ему было двадцать лѣтъ, а на его заплывшемъ жиромъ лицѣ не было даже пушка. Онъ походилъ на десятилѣтняго ребенка, расплывшагося выше всякой мѣры, и въ дѣйствительности не былъ ничѣмъ инымъ. Голосъ, еще не ломавшійся, выходилъ изъ горла этого колосса точно пискъ школьника. Его ушныя мочки торчали, словно двѣ налитыя жиромъ виноградины, по сторонамъ его двойного подбородка. Маленькіе, тусклые глазки были еле видны изъ подъ жирныхъ складокъ на его лицѣ. И этотъ гигантскій ребенокъ былъ одѣтъ по послѣднему номеру моднаго журнала, съ соотвѣтствующимъ увеличеніемъ всякой части одежды; даже на его безформенныя лапки почти совсѣмъ безъ пальцевъ были натянуты лайковые футляры. Уотъ робко оглянулся на публику, среди которой онъ, проходя, оставилъ кильватеръ удивленія. Потомъ онъ сталъ пытаться поднять руки къ воротнику пальто, видимо, желая разстегнуть его и снять. Ли предложилъ ему руку помощи, успокоительно глядя на него и, въ то же время, опасаясь, какъ бы гигантъ не ударился въ слезы. Тотъ переминался на своихъ, точно изъ тѣста сдѣланныхъ, ногахъ въ лакированныхъ ботинкахъ съ самымъ несчастнымъ видомъ, и мечталъ объ одномъ: „пойти домой“, подальше отсюда, гдѣ всѣ на него смотрятъ и, очевидно, говорятъ про него.

— Что если бы мы перешли въ крестьянскую избу,—предложила миссъ Маргарита, подмигнувъ Ли.—Надо прежде всего укрыть Гиппо (Гиппо—уменьшительное отъ гиппопотамъ—была единственная кличка молодого Гронау, которая не оскорбляла его чувствъ). Одинъ уголокъ ресторана былъ превращенъ въ бесѣдку въ средневѣковомъ нѣмецкомъ стилѣ, съ

арбалетами и охотничьими рогами на стѣнахъ и оленьими рогами надъ окнами. Это и была „крестьянская изба".

Тутъ и м-ръ Гронау старшій кивнулъ головой, хотя его мнѣнія никто не спрашивалъ. Старый джентельмэнъ взглянулъ на разукрашенный уголокъ съ выраженіемъ предвкушаемаго удовольствія. Не даромъ онъ былъ въ молодости нѣмцемъ. Мечтой всей его жизни было сидѣть въ такомъ романтическомъ домикѣ.

-- Но вы же хотите ѣсть, мистеръ Ли,—вскричала миссъ Маргарита,—ну, ничего, вамъ перенесутъ вашъ обѣдъ въ крестьянскую избу. Папа пьетъ пиво, а Гиппо... ну, ему можно спросить пирожныхъ. А что я спрошу для себя, я ужъ знаю. Идемте же!

Они заняли одинъ уголокъ бесѣдки, декорированной и внутри въ старо нѣмецкомъ стилѣ, съ трактирными девизами на стѣнахъ, перемѣшанными съ изреченьями Лютера, съ картинами Рейнскихъ рыцарскихъ замковъ, старинными каменными кружками и столбами, покрытыми берестой и увитыми гирляндами. Здѣсь они отодвинули столъ отъ стѣны, втиснули Гиппо въ самый дальній уголъ, потомъ снова придвинули столъ, и только тогда Гиппопотамъ немного прояснился, снялъ перчатки, повернулъ наружу камень своего кольца и отъ всей души перевелъ духъ, такъ что даже голосовыя связки въ его горлѣ задрожали, и онъ издалъ звукъ крррр.

Когда они проболтали нѣсколько времени,—они, это значитъ, конечно, Маргарита и Ли, такъ какъ м-ръ Гронау молчалъ, углубившись въ свою кружку, а Гиппопотамъ былъ занятъ поглощеніемъ сливочныхъ пирожныхъ,—Маргарита замѣтила, что Ли не такъ безпечно веселъ, какъ бы ему слѣдовало быть.

— Что съ вами, Ли? Вамъ какъ будто не по себѣ.

— Мнѣ? нѣтъ...

Но въ эту самую минуту онъ, дѣйствительно, почувствовалъ, что упалъ духомъ, что Крэнъ унесъ съ собой его хорошее настроеніе. Онъ не совсѣмъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ, что онъ дѣлалъ и зачѣмъ, но въ какомъ то смутномъ тяготѣніи къ удовлетворенію, отодвинулъ въ сторону тарелку, не кончивъ обѣда, и схватился за боковой карманъ.

— Не хотите ли вы послушать стихотвореніе?

Въ ту же минуту, какъ онъ сказалъ это, онъ почувствовалъ, что это—дикая идея. Было окончательно глупо сидѣть—здѣсь и читать стихи. Но онъ уже сказалъ это. М-ръ Гронау отвѣтилъ на это предложеніе солиднымъ кивкомъ головы. Но его холодные глаза не стали безжизненнѣе, и его лицо не застыло, какъ маска мертвеца, что съ нимъ всегда бывало,

когда онъ присутствовалъ на богослуженіи или на похоронахъ.

Что касается молодого Гронау, то онъ и совсѣмъ не слышалъ, что сказалъ Ли: онъ сидѣлъ съ полнымъ ртомъ, пережевывалъ пирожное и подталкивалъ его въ ротъ большимъ пальцемъ. За то миссъ Маргарита привѣтствовала предложеніе громкимъ восклицаніемъ и задвигалась на мѣстѣ въ дѣтскомъ восторгѣ.

Ли испыталъ въ это мгновеніе какое то странное ощущеніе. Когда онъ, держа руку въ боковомъ карманѣ сюртука, смотрѣлъ на этихъ троихъ людей, которыхъ онъ въ порывѣ отчаянія избралъ своими слушателями, ему казалось, что вся его жизнь стоитъ на картѣ. Онъ не понималъ, почему положеніе близится къ разрѣшенію, но онъ чувствовалъ, что это такъ. Чувство самосохраненія вдругъ сильно повысилось въ немъ и способность соображенія удивительно обострилась, и въ его умѣ встала ясная картина этихъ троихъ людей, которые должны были стать его жертвами—въ томъ случаѣ, конечно, если самъ онъ не станетъ ихъ жертвой.

— О! тогда не пойдемъ совсѣмъ въ театръ!—радовалась Маргарита, хлопая въ ладоши.—Мистеръ Ли будетъ читать намъ стихи. Это великолѣпно! Мы здѣсь тоже точно въ маленькомъ театрѣ. Ну, начинайте же, начинайте!

Но въ послѣднюю минуту Ли отступилъ. Вмѣсто того, чтобы прочесть имъ свои собственныя стихотворенія, онъ вынулъ изъ кармана маленькій роскошно переплетенный томикъ и нерѣшительно положилъ его на столъ.

— Не прочесть ли мнѣ лучше какое нибудь стихотвореніе Уитмана?—Онъ почувствовалъ, что его голосъ вдругъ и не безъ основанія упалъ. Онъ кинулъ быстрый взглядъ на м-ра Гронау старшаго и убѣдился, что милліонеръ за всю свою жизнь не слышалъ даже имени этого поэта. О, нѣтъ! Тѣмъ не менѣе онъ вѣжливо и одобрительно кивнулъ головой и поискалъ свое пенснэ, которое онъ надѣвалъ на носъ при одномъ упоминаніи о чтеніи. Въ это мгновеніе Ли увидѣлъ его всего, увидѣлъ цѣлую жизнь слѣпой работы, лежавшую за этимъ старымъ человѣкомъ. Онъ не понималъ, откуда это чувство ужаса, которое вдругъ пронизало его всего, не понималъ, что такое онъ узналъ о м-рѣ Гронау, въ которомъ до сихъ поръ онъ видѣлъ просто богатаго человѣка и ничего больше. Въ этомъ самомъ м-рѣ Гронау, который въ незапамятныя времена молодымъ крестьянскимъ парнемъ переселился изъ Германіи, поступилъ на ферму въ Огіо, дослужился до чина полковника во время гражданской войны, потомъ открылъ пивной заводъ въ Мильуоки, скупалъ желѣзныя дороги, а теперь жилъ здѣсь въ Чикаго, 69 лѣтъ

отъ роду, имѣлъ столько денегъ, что не могъ истратить даже процентовъ на проценты и поддерживалъ производство, дававшее ежедневно работу тысячѣ человѣкъ; въ этомъ м-рѣ Гронау, который вышелъ сейчасъ повеселиться и скромно сидѣлъ въ кругу молодыхъ людей за кружкой пива съ десяти-центовой сигарой въ зубахъ; въ этомъ м-рѣ Гронау съ сильными узловатыми руками, съ которыхъ даже тридцатилѣтняя конторская работа не могла стереть слѣдовъ тяжелаго физическаго труда; въ этомъ м-рѣ Гронау, съ благодарнымъ грубымъ лицомъ, съ тупой головой, покрытой бѣлымъ парикомъ, съ холоднымъ, упрямо сжатымъ ртомъ, въ которомъ не было ни одного своего зуба, и который теперь былъ закрытъ, покорно ожидая того, что должно произойти.

Онъ отступилъ при мысли подчинить этого человѣка власти поэзіи, его и потомъ этотъ нескладный кусокъ мяса, сидѣвшій передъ нимъ съ видомъ идіота и пожиравшій пирожныя, Гронау младшаго, который существовалъ только потому, что нельзя же было закопать его въ землю живого, съ которымъ отецъ никогда не говорилъ и переносилъ его, какъ люди переносятъ дурной воздухъ. Эти двое и еще Маргарита.

Ли глубоко вздохнулъ; его сердцу и его легкимъ сегодня все время какъ будто не хватаетъ воздуха. Но вдругъ его точно озарило,—это именно настоящій случай, здѣсь то онъ и произведетъ опытъ. Вѣдь это и есть именно настоящая публика, эти три случайныхъ человѣка, наугадъ выхваченные изъ всей Америки. И если здѣсь нельзя одержать побѣду, тогда къ чорту со всѣми этими безсильными душами художниковъ и знатоковъ искусства, которые сами пишутъ книги. А если онъ сможетъ одержать побѣду хоть надъ этой аудиторіей, тогда...

Ли нервно перелистывалъ книгу.

— Намъ, конечно, было бы пріятнѣе прослушать ваши собственныя стихотворенія,—съ сожалѣніемъ протянула Маргарита. Она выпрямилась на стулѣ и приготовилась услышать что нибудь прекрасное.—Но Уотъ Уитманъ, кажется, такъ прекрасенъ и оригиналенъ.

Ли быстро оглянулся. Она знаетъ его. Но читать она, конечно, не читала.

Даже Гиппо поднялъ глаза; онъ услышалъ свое настоящее имя, и это его безконечно удивило.

— Мы услышимъ стихи человѣка, котораго звали такъ же, какъ тебя,—сказала Маргарита тономъ старшей сестры,—но ты ѣшь себѣ свои пирожныя, обжора.—Гиппо сейчасъ же отодвинулъ тарелку съ пирожными, оскорбленный ду-

шевною грубостью людей, завидующихъ его аппетиту. Маргаритѣ пришлось долго уговаривать и ласково поглаживать его, пока онъ согласился снова приняться за ѣду.

Между тѣмъ, Ли смотрѣлъ на строки одного изъ своихъ любимыхъ стихотвореній. То, что онъ затѣялъ, тяготило его теперь, какъ непосильная ноша. Раньше, чѣмъ онъ произнесъ хоть слово, строфы поблекли въ его глазахъ. Что-то сейчасъ умретъ. Но онъ былъ слишкомъ наивенъ, чтобы ударить отбой, да это и было теперь невозможно; онъ сдѣлалъ безумный, опасный для жизни шагъ, и теперь не оставалось ничего другого, какъ броситься впередъ, преодолѣть препятствіе или погибнуть; никакой пощады здѣсь ждать нельзя.

Тогда онъ началъ читать. Сердце его безпомощно сжалось, когда онъ услышалъ пустыя слова, слетавшія съ его губъ, эти слова, которыя за минуту до того лежали передъ нимъ сверкавшими и полновѣсными, какъ слитки золота. Онъ читалъ:

Муза, бѣги изъ Эллады, покинь Іонію!
Басни о Троѣ, о гнѣвѣ Ахилла забудь,
О путяхъ Одиссея, Энея.
Къ твоему снѣговому Парнасу прибита табличка:
„За отъѣздомъ сдается въ наемъ".
По моленіямъ нашимъ нисходитъ она.
Я слышу шуршанье ея одѣянья, вдыхаю дыханья еяароматъ:
О, царица царицъ! О, посмѣю ль мечтать!
О, всесильный Виргилій, о, Данте, о, изваянья боговъ, о,
преданья, о, храмы,
О, вѣковыя услады, о, миріады балладъ,—
Или безсильны и вы волхвованьемъ ее удержать?
О, царица царицъ, о, посмѣю-ль мечтать!
Жужжаніе нашихъ машинъ и рѣзь паровозныхъ свистковъ
Ее-ль устрашатъ?
Стоки дренажа, фертилизаторъ и циферблатъ газометра
Ее ли смутятъ?
Привѣтно смѣется, и рада остаться, ей любо сидѣть
окруженной
На кухнѣ посудой кухонной *).

Ли замолчалъ, потрясенный огненной мистикой этихъ дикихъ ритмовъ, изъ которыхъ каждый поглощалъ какъ разъ столько дыханія, сколько въ немъ заключалось жизни. Весь этотъ міръ красоты снова воскресъ передъ нимъ, пока онъ читалъ; отъ радости и благодарности, что это такъ слу-

*) Стихотворенія переведены К. Чуковскимъ.

чилось, ему даже стало жарко. Но, когда онъ отъ книги перевелъ глаза на своихъ слушателей, у него упало сердце...

Это прошло надъ ними безслѣдно. М-ръ Гронау старшій сидѣлъ съ потухшимъ взглядомъ и прикрылся выраженіемъ вѣжливости и готовности поучаться. Гиппо какъ разъ въ эту минуту съ громкимъ причмокиваньемъ вытащилъ большой палецъ изо рта, что привлекло на него укоризненный взглядъ Маргариты. Потомъ она съ ожиданіемъ взглянула на Ли.

Ли кивнулъ головой. Онъ испытующе заглянулъ впередъ. Слова. Слова. И онъ прочелъ божественныя слова:

О муза, не бойся!
Новые дни осѣнили тебя, и новыя ждутъ тебя нови
Новыхъ людей,—
Но сердца все тѣ же, и страсти тѣ же,
И тѣ же біенія красной крови,
Люди—внутри и снаружи—все тѣ же,
Ни лучше, ни хуже—все тѣ же, все тѣ же лица людей.
Прочь эти старыя басни!
Прочь эти вымыслы, эти романсы, драмы дворовъ чужестранныхъ,
Эти любовные стансы,
Сахаромъ риѳмы облитые.
Эти пороки и страсти бездѣльниковъ!
Годныя лишь для банкетовъ, трудящихся ночь,
Нездоровый досугъ, развлеченье, нужное для очень немогихъ,
Съ духами, виномъ и въ теплѣ при озареньи свѣчей.
Муза! тебѣ принесу наше *здѣсь* и наше *сегодня*,
Нѣжный кабель Атлантики,
И Суэцкій каналъ, и Готардскій тунель, и Бруклинскій мостъ,
Всю землю тебѣ принесу, какъ клубокъ, обмотанный рельсами,
Нашъ вертящійся шаръ принесу.

Ли остановился. Онъ не рѣшался поднять глазъ. Онъ чувствовалъ, что проигралъ битву. Чтобы придти въ равновѣсіе и самому оправиться, онъ прочелъ дальше кусочекъ про себя. Но молчаніе тяготило его, онъ не чувствовалъ больше жизни въ томъ, что онъ читалъ.

— И больше ничего?—спросила миссъ Маргарита, когда пауза затянулась.—Она любезно разсмѣялась.

— Это все такъ, Ли, но только тутъ вѣдь нѣтъ ни риѳмы, ни размѣра, въ этихъ... стихахъ. Что же это такое?

Ли посмотрѣлъ на нее; его глаза трепетали, какъ передъ ударомъ.

— Нѣтъ, этого здѣсь нѣтъ. Но этого и не должно быть! Это—новый родъ поэзіи, миссъ Гронау.

— Я не знала, что есть разные роды поэзіи,— сказала она безпечно,—я думала, что поэзія всегда одна.

— Въ этомъ вы, можетъ быть, правы. Говоря о поэзіи, вы подразумѣваете юность и природу. Но это зрѣлый возрастъ, вступившій въ общеніе съ культурой, и въ этомъ и заключается новое. Вещи, которыя мы считали скучными и низменными, теперь поютъ, холодная проза дѣйствительной жизни превратилась въ музыку. Разговаривая, люди не подбираютъ вѣдь риѳмъ,—это дѣлали дикіе пастушескіе народы древности и сумасшедшіе люди въ наши дни и, если кто хочетъ превратить въ музыку наше время, ему незачѣмъ пользоваться стихотворными размѣрами, которые соотвѣтствовали танцамъ въ древности, нужно разбить эту форму. Локомотивъ обладаетъ собственнымъ ритмомъ, и улица Чикаго звучитъ другимъ темпомъ, чѣмъ пастбища Аркадіи. Но намъ свѣтитъ то же самое солнце, и когда намъ становится достаточно тепло, мы ощущаемъ то, что насъ окружаетъ, какъ поэзію, и пытаемся слиться съ тѣмъ, что звучитъ въ этомъ. Въ этомъ задача Уитмана. Развѣ вы этого не понимаете? Развѣ вы не слышите, что онъ влюбленъ во все въ Америкѣ, и что онъ не можетъ не пѣть? Это современное сознаніе, его онъ не можетъ удержать въ себѣ, онъ захлебывается, все его существо начинаетъ кружиться... О! это только современный человѣкъ въ пиджакѣ и воротничкѣ, онъ стоитъ на городскомъ трамваѣ и испускаетъ радостные крики, потому что онъ тутъ. Но вы хотите, чтобы у него былъ козій мѣхъ на плечахъ и колчанъ со стрѣлами, иначе вы не можете повѣрить ему на слово!

Миссъ Маргарита смѣялась, она не поняла ни звука, но это нравилось ей. Она смотрѣла на эту длинную фигуру мужчины, сидѣвшаго передъ ней съ открытымъ сердцемъ, лѣзущаго изъ кожи отъ волненія и стремленія доказать что-то, и въ ея свѣтлыхъ дѣвичьихъ глазахъ что-то затрепетало. Она была готова перескочить черезъ все, что онъ говорилъ, и броситься прямо ему на шею. Онъ съ горечью отвернулся отъ нея, ища поддержки у мистера Гронау старшаго.

— Вы можете это понять, мистеръ Гронау, вы сами владѣете желѣзной дорогой, идущей отсюда до Атлантическаго океана, вы называете своими воздушныя дороги и трамваи здѣсь въ городѣ. Вамъ принадлежатъ пивные заводы и фабрики и даже горныя копи. Вы думаете постоянно о вполнѣ современныхъ вещахъ, все ли въ порядкѣ здѣсь и все ли какъ слѣдуетъ тамъ, вы сами творите все это, и развѣ вы не чувствуете въ какіе-нибудь моменты, когда

вамъ хотѣлось бы запѣть или сдѣлать скачекъ, что все, что васъ окружаетъ, это и есть поэзія.

М-ръ Гронау старшій уронилъ пенснэ съ носа и со страхомъ взглянулъ на Ли. Онъ не нашелся, что отвѣтить. На одно мгновеніе въ его старомъ, почтенномъ лицѣ промелькнула какъ будто тѣнь угрозы—ужъ не смѣется ли надъ нимъ молодежь? Потомъ взглядъ его остановился и сталъ непроницаемымъ, точно онъ собирался начать говорить о дѣлахъ, но и это прошло: м-ръ Ли вѣдь не думалъ торговать съ нимъ. Въ концѣ концовъ онъ совсѣмъ осовѣлъ и сдался на капитуляцію.

— Да, видите ли,—промямлилъ онъ,—взглядъ его растерянно блуждалъ кругомъ, какъ у школьника, прослышавшаго урокъ.—Поэзія... я, къ сожалѣнію, такъ долго былъ поглощенъ исключительно матеріальными интересами... Когда я былъ молодымъ малымъ, тогда...

Скользившій кругомъ взглядъ м-ра Гронау упалъ вдругъ на рыцарскіе замки на стѣнахъ, ихъ видъ сейчасъ же успокоилъ его; они могутъ говорить за него, если только молодой человѣкъ можетъ понять ихъ.

Но Ли испугался и загрустилъ: можетъ же что-нибудь лежать такъ близко и быть до такой степени недоступно.

— Матеріальные интересы!—вскричалъ онъ въ сильномъ волненіи.—Вѣдь именно объ этомъ я и говорю. Я подразумѣваю, что вы во время своихъ многолѣтнихъ трудовъ создавали то, что я называю поэзіей, вы съ утра до вечера дышали всѣмъ этимъ, жили въ этомъ, были всѣмъ этимъ. Неужели вы никогда не испытывали необузданную, дикую радость при мысли объ этихъ вещахъ, только изъ-за того, что они существуютъ... вы, лучше всѣхъ знавшій свое дѣло, неужели вы не чувствовали, что стремиться вмѣстѣ со всѣмъ этимъ это—наслажденіе, глубокій прекрасный восторгъ, что все поетъ вокругъ.

М-ръ Гронау молчалъ. Но въ лицѣ его появилось выраженіе упорства. Если онъ не понималъ чего-нибудь, то не понималъ—и конецъ, и въ такомъ случаѣ нечего и слушать. Ли нѣсколько времени смотрѣлъ прямо передъ собой широко открытыми глазами.

— Когда я первый разъ почувствовалъ это,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ,—я былъ тамъ наверху въ Колесѣ Ферриса. Знаете ли, это удивительное колесо должно закружить человѣка, чтобы онъ постигъ современную радость жизни. Были вы тамъ наверху? Развѣ вы не почувствовали, что тамъ хочется смѣяться, что всѣ современныя вещи, которыя до сихъ поръ казались бездушными, вдругъ дѣлаются милыми вамъ, и это въ первый же разъ, когда перевер-

нешься кругомъ вмѣстѣ съ колесомъ. Это такое чувство свободы, до смѣшного, такая исполинская шутка, вѣдь это первая игрушка нашихъ желѣзныхъ дней. Наконецъ-то, мы развеселились, наконецъ, увидѣли, какъ хорошо теперь. Но тутъ больше того. Это висящее колесо казалось мнѣ символомъ обращенія; оно напоминало безконечное желѣзнодорожное колесо; было что-то невѣсомое въ томъ, какъ оно качалось и вращалось кругомъ, освобожденное отъ разстоянія. Съ тѣхъ поръ я всегда думалъ объ этомъ колесѣ, какъ о символѣ законченности... какъ о чемъ-то неудержимомъ, радостномъ и въ концѣ концовъ безполезномъ... это точно самъ земной шаръ и всѣ небесныя тѣла... Понимаете вы, что я подразумѣваю?.. Если бы Уитманъ жилъ теперь и видѣлъ это колесо, онъ сотворилъ бы о немъ смѣющуюся пѣсню и выпустилъ ее въ міръ. Но должно же что нибудь и для насъ остаться. Ему доставляло удовольствіе просто стоять на одномъ мѣстѣ, чувствуя, какъ земля подъ нимъ вертится, и этому онъ научилъ насъ, мы должны стремиться вслѣдъ за нимъ. Послушайте, какъ онъ пѣлъ:

Ты море, тебѣ отдаюсь,—я понялъ, чего ты хочешь!
Съ берега вижу твои маняще-согнутые пальцы!
О, ты упрямо: назадъ не уйдешь, пока меня ты не обнимешь.
Ну, насладимся вдвоемъ, я раздѣлся, унеси же подальше меня,
чтобъ не видала земля,
Мягко стели мнѣ постель, закачай волнистой дремотой,
Любовною влагой обвей, я могу вѣдь тебѣ отплатить.
Море, какъ ты порывисто дышешь, и какъ широко дыханіе,
Море, ты жизни соль—и ты вѣчно отверстая наша могила!
Ты бурь завоеватель,—но какъ ты капризно, изящно!
Я, море, похожъ на тебя, я тоже одно и многое!
Я и приливъ, и отливъ, я пѣвецъ примиренья и злобы!
. . . .
Поступь моя не такая, какъ у того, кто находитъ изъяны иль
отвергаетъ хоть что-нибудь въ мірѣ.
Корни всего, что растетъ, я радъ, я готовъ поливать.
Эта минута, она добралась до меня послѣ миллъярда другихъ,
Нѣтъ лучше ея—ничего!
И это не чудо, что все среди насъ было и есть прекрасно.
Гораздо чудеснѣе чудо: какъ во вѣки вѣковъ могъ явиться
межъ насъ хоть одинъ человѣкъ невеликій.

Сначала, когда Ли сталъ читать, въ лицѣ м-ра Гронау все больше и больше проявлялось выраженіе досады, онъ походилъ на послѣдняго ученика, который сидитъ пришибленный и почти больной своимъ невѣжествомъ и не знаетъ, куда дѣвать подъ столомъ свои, привыкшія къ спорту, ноги.

Ему было страшно непріятно чувствовать себя глупымъ, и сознаніе, что въ другихъ вещахъ онъ все-таки что нибудь знаетъ, мало утѣшало его. Но вдругъ при чемъ то, что онъ услышалъ, въ немъ что то прояснилось, онъ хотѣлъ было даже прервать Ли. Но онъ не сдѣлалъ этого, а продолжалъ сидѣть съ совершенно успокоеннымъ и оживленнымъ лицомъ до тѣхъ поръ, пока Ли кончилъ, впрочемъ, больше не слушая. Окончивъ, Ли поймалъ темный, затуманенный взглядъ Маргариты, которая сидѣла, улыбаясь и полуоткрывъ ротъ.

— Я теперь отлично помню этого молодца,—вскричалъ м-ръ Гронау, ударивъ указательнымъ пальцемъ по краю стола, какъ только онъ убѣдился, что стихотвореніе кончено.—Я его встрѣчалъ. Удивительный человѣкъ. Я и имя вспомнилъ, когда вы его назвали, но я никогда не подозрѣвалъ, что это литераторъ. Да, я его встрѣчалъ въ Минесотѣ, пожалуй, лѣтъ тридцать, а можетъ быть, и сорокъ назадъ. Сейчасъ я точно слышу, какъ онъ самъ говоритъ. Это былъ могучій человѣкъ съ виду и самый краснорѣчивый, какого я зналъ. Очень интересно было поговорить съ нимъ, онъ понималъ толкъ въ практическихъ дѣлахъ, хотя самъ не былъ дѣльцомъ. Я такъ думалъ, что онъ долженъ былъ быть членомъ конгресса, а могъ и ученымъ быть,—бываютъ изъ нихъ такіе люди, которые бабочекъ собираютъ, а про зонтикъ тоже не забываютъ, вотъ онъ такой породы и былъ. Куда онъ ни приходилъ, онъ всюду былъ первымъ. Очень радъ, долженъ сказать, что онъ прославился, какъ поэтъ. Это было хорошее стихотвореніе. Мнѣ жаль, что я не понялъ его.

Ли почувствовалъ, что у него стало горячо въ глазахъ, когда м-ръ Гронау заговорилъ. Кровь бросилась ему въ голову. Старикъ совершенно уничтожилъ его своимъ смиреніемъ, тѣмъ, что онъ съ такой простотой отказался отъ своего собственнаго міра. Какъ серьезно онъ къ нему относился, какое почтеніе чувствовалъ къ знаніямъ и наукѣ, онъ, этотъ загрубѣвшій рабочій, этотъ денежный король, который не долженъ былъ ни передъ чѣмъ на свѣтѣ опускать глаза, онъ безъ всякой болтовни склонялся и какъ глубоко, когда рѣчь шла о такой области, въ которой онъ былъ чужой. Въ головѣ у Ли закружился какой-то вихрь. Потому что, съ другой стороны, какой безнадежный оборотъ все это приняло! Именно теперь, когда онъ, по видимости, побѣдилъ, именно теперь онъ безвозвратно потерялъ сраженіе. М-ръ Гронау перешагнулъ и черезъ него, и черезъ поэзію, и черезъ сорокъ долгихъ лѣтъ и по длинному пути въ Минесоту прямо перелетѣлъ къ самому Уоту Уитману.

Вотъ какъ стояло дѣло.

— Такъ вы знали Уота Уитмана?—пробормоталъ Ли, совершенно уничтоженный.

— Да, я провелъ съ нимъ день въ отелѣ въ Сенъ Полѣ. Я былъ тогда совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, у меня были земли въ Минесотѣ, и я продавалъ фермы своимъ землякамъ. Я бы съ удовольствіемъ принялъ участіе въ рыбной ловлѣ вмѣстѣ съ нимъ и еще съ нѣсколькими молодцами, которые тамъ были, но у меня не было времени. Меня хотѣли взять. Мнѣ жаль теперь, что я не устроилъ тогда себѣ праздника. Человѣкъ всегда думаетъ, что еще успѣетъ въ другой разъ. А теперь этому уже прошло около сорока лѣтъ...

— Да, и Уитманъ умеръ, – сказалъ Ли съ какимъ то жуткимъ чувствомъ.

М-ръ Гронау быстро повернулъ къ нему голову и спросилъ отрывисто:

— Онъ умеръ?

Потомъ онъ опустилъ глаза:

— Да, конечно, онъ уже долженъ былъ умереть. Онъ былъ приблизительно моего возраста, можетъ быть, лѣтъ на десять старше. Тогда нельзя было подумать, что въ немъ сидитъ смерть. Потомъ я много разъ думалъ о томъ, что мнѣ слѣдовало поѣхать тогда на рыбную ловлю съ нимъ. Они подняли стукъ у моихъ дверей утромъ, спрашивая у меня послѣдній разъ, не пойду ли я, но я никакъ не могъ выкроить времени. Въ молодости я былъ очень искусенъ въ рыбной ловлѣ на удочку; я часто удилъ рыбу въ Германіи. Здѣсь, въ Америкѣ у меня никогда не было случая заняться этимъ, кромѣ того раза, когда я могъ поѣхать съ мистеромъ Уитманомъ, но изъ этого ничего не вышло...

Голосъ м-ра Гронау постепенно замиралъ, точно онъ говорилъ съ самимъ собой. Когда онъ замолчалъ, Ли продолжалъ сидѣть неподвижно, почти не дыша; ему было неловко, что онъ оказался свидѣтелемъ угасающаго настроенія, которое овладѣло старикомъ.

Маргарита взглянула на отца и удержала то, что просилось ей на языкъ, смѣхъ или что нибудь другое. Но кончила она все-таки смѣхомъ.

— Ахъ, папа!—вскричала она,—ты можешь вознаградить себя и еще несмѣтное число разъ поудить. Мы можемъ лѣтомъ уѣхать въ Винипегъ, мнѣ хочется побывать тамъ. И ты, конечно, долженъ меня сопровождать. И я увѣрена, ты прекрасно поудишь!

М-ръ Гронау сбоку взглянулъ на дочь и улыбнулся первый разъ за весь вечеръ.

— Ты думаешь? Да, есть вещи, которыхъ никогда не забываешь. А что, если я выпью еще стаканчикъ пива?

— По моему, слѣдуетъ выпить,—сердечно сказала Маргарита.—Завтра ты будешь немножко похуже себя чувствовать, но все же сегодня ты его выпьешь. Намъ такъ уютно сидѣть тутъ.

Съ строгой заботливостью она взглянула на Уота и убѣдилась, что онъ кончилъ ѣсть, и ротъ его, лишенный занятія, вышелъ изъ равновѣсія и раскрылся. Маргарита заказала ему еще двѣ штучки пирожнаго, только двѣ: Гиппо ждалъ ихъ, опустившись, какъ мѣшокъ съ саломъ, и шумно переводя духъ.

Маргарита обернулась къ Ли.

— Ну, а теперь мы, можетъ быть, услышимъ что нибудь изъ того, что вы сами написали. Мнѣ Уитманъ не нравится. Онъ такъ властвуетъ надо всѣмъ, все подавляетъ собой, точно кромѣ него нѣтъ ничего. Онъ все-же хорошо звучитъ, когда вы его читаете. Но развѣ вы не хотите прочесть намъ одно изъ вашихъ собственныхъ стихотвореній?

— Я пишу, право, не лучше и не по иному, чѣмъ Уитманъ,—сказалъ Ли (ему стало неизвѣстно почему холодно, точно крабу, съ котораго сорвали вдругъ скорлупу).

— Но вы все-таки пишете красивѣе, — заявила Маргарита, однако въ ту же минуту потеряла увѣренность и посмотрѣла въ другую сторону. — По моему, у васъ выходитъ лучше,—прибавила она, погодя, и снова взглянула на Ли своими честными глазами. Ли улыбнулся, какъ улыбается человѣкъ, когда онъ только что упалъ и ушибся.

— Нѣтъ, это невѣрно. Мнѣ далеко до Уитмана. Я передъ нимъ ученикъ, и если вы не понимаете его поэзіи, тогда я думаю, что вы не...

Это уже значило бить людей, которые ему ничего не сдѣлали, и Ли въ ту же минуту почувствовалъ себя очень скверно. Гиппо прервалъ наступившее молчаніе замѣчаніемъ, которое, къ общему изумленію, доказывало, что онъ прислушивался къ тому, что говорилось:

— Я понялъ его о--очень хорошо. Но только тамъ ничего не говорится объ ѣдѣ. Онъ, вѣрно, былъ очень сытъ, когда писалъ.

Предметомъ постояннаго огорченія Гиппопотама было то, что онъ никогда не могъ наѣсться до сыта. Онъ долженъ былъ воздерживаться, такъ какъ онъ былъ слишкомъ толстъ, и слѣдствіемъ этого было то, что онъ вѣчно искалъ, что бы поѣсть, и ѣлъ вчетверо больше, чѣмъ если бы онъ совсѣмъ не воздерживался. Всѣ, конечно, разсмѣялись надъ тѣмъ, что онъ сказалъ, хотя это было совершенно правильно.

— Ты никогда не будешь писать стихи ни о чемъ, кромѣ сливочныхъ пирожныхъ и пироговъ съ ливеромъ! — вскричала Маргарита.—Лучше не вмѣшивайся въ разговоръ, Гиппо. Ты вѣдь читаешь только поваренную книгу, если вообще что нибудь читаешь. Я за сотни лѣтъ уже знала, что ты скажешь. Постыдись же немного!

Гиппо сдѣлалъ попытку подавить отрыжку, благодаря чему она только раздѣлилась надвое.

— Да, ѣда это—единственное, что мнѣ разрѣшается. Напичкай только мой ротъ.

— Ну, теперь пойдетъ важничать, когда получилъ, чего хотѣлъ, — сказала Маргарита съ негодованіемъ. — Сначала, когда отъ меня зависѣло, получишь ли ты что-нибудь, ты чуть не ревѣлъ, а теперь, когда ты сытъ... Фу, какая пошлость!

Увидѣвъ расплывчатую улыбку Гиппо, Маргарита отвернулась, и на этомъ кончилась эта стычка.

— Вы вѣдь читаете по-нѣмецки?—спросилъ вдругъ м-ръ Гронау, который сидѣлъ молча, погруженный въ свои мысли. Да, Ли читалъ по-нѣмецки.

— Читали вы когда-нибудь романъ, который называется „Холодное сердце"?

— „Холодное сердце"? А чей это романъ?

— Да, кто издатель, на это я не обратилъ вниманія. Я даже, по правдѣ сказать, и не думалъ, что книги пишетъ издатель. Это хорошая книга. Въ ней говорится про ледяного человѣчка и про колдуна изъ Шварцвальда, оттуда, откуда я самъ родомъ. Въ этой книгѣ есть и поэзія, и хорошее поученіе, право.

М-ръ Гронау умолкъ. Ясно было, что онъ израсходовалъ сразу весь свой запасъ, весь свой литературный багажъ и, вотъ, оказалось, что другіе даже не знаютъ той книги, которую онъ помнитъ и которую любитъ. Онъ закрылъ ротъ и съ полнымъ самообладаніемъ перенесъ свое окончательное пораженіе. Онъ сидѣлъ съ такимъ почтительнымъ и въ то же время упрямымъ выраженіемъ лица, до такой степени непонимающій, въ чемъ тутъ дѣло, что Ли почувствовалъ, что задохнется, если не дастъ волю безумному смѣху. М-ръ Гронау взглянулъ на него непріязненнымъ, почти угрожающимъ взглядомъ.

— Ахъ, мнѣ бы хотѣлось обнять весь міръ!—вскричалъ Ли съ увлеченіемъ.—Такъ жаль смотрѣть, что люди такъ одиноки, а, между тѣмъ, такъ до смѣшного легко понять другъ друга.

Онъ просидѣлъ нѣсколько времени, охваченный какими-то огненными мыслями, потомъ вскричалъ:

— Я хочу сдѣлать такъ, чтобы Америка была родиной

и для нѣмцевъ! Я хочу помочь имъ, когда они пріѣзжаютъ сюда, скинуть съ себя эмигрантское чувство, какъ они скидываютъ пальто. Пріѣхавъ сюда, они должны встрѣтить здѣсь шелестъ родныхъ сосенъ и дубовъ, они должны найти здѣсь свое прошлое. Они должны здѣсь, на улицахъ Чикаго услышать эхо роговъ Арминія—здѣсь Тевтобургскій лѣсъ. Я перекину мостъ черезъ пропасть между германскими и американскими преданьями, я создамъ въ Америкѣ арійскій центръ—здѣсь обрѣтенная страна. Здѣсь колесо свободы, которое придаетъ силу полета многимъ, которые хотятъ прицѣпиться къ нему! Здѣсь та мельница, гдѣ перемалываются освобожденные народы земли! Я хочу освободить душу первобытной и богатой Америки, я хочу подслушать новую пѣснь въ международномъ городскомъ шумѣ, я хочу уловить тотъ великій общій тонъ, который витаетъ надъ жалкимъ различіемъ языковъ. Я хочу построить духу Америки поющій замокъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Здѣсь, въ центрѣ Америки, въ Чикаго должна собраться клокочущая аудиторія, которая услышитъ поэму о переселеніи, собирающую всѣ народы въ Америку, чтобы составить хоръ вѣковъ, пѣснь прошедшихъ временъ. Америка—цѣль всѣхъ народовъ, хотя она и не сознаетъ этого, Америка—смыслъ всей исторіи, но она этого не подозрѣваетъ, я хочу пробудить въ Америкѣ самосознаніе...

Ли, похолодѣвшій отъ волненія, говорилъ, и глаза его, въ которыхъ сосредоточился нервный токъ, развившійся въ немъ, стали совсѣмъ черными, такъ что онъ пересталъ ими видѣть. Когда, наконецъ, зрачки его снова начали дѣйствовать и могли сосредоточиться на чемъ-нибудь, онъ замѣтилъ, что м-ръ Гронау смотритъ на него съ какой-то особенной проникновенной добротой, точно онъ читаетъ въ самой сокровенной его глубинѣ. Ли увидѣлъ блескъ зубовъ Маргариты, она сидѣла совершенно поглощенная чѣмъ-то, забывшая обо всемъ. Но когда Ли, смущенный тѣмъ, что онъ выдалъ себя, взглянулъ въ сторону, онъ встрѣтилъ взглядъ незнакомаго человѣка, сидѣвшаго совсѣмъ близко, за сосѣднимъ столомъ. Онъ все время сидѣлъ тутъ; по виду это былъ самый обыкновенный человѣкъ, какихъ всегда можно встрѣтить въ ресторанѣ, одѣтый, какъ всѣ, и съ самыми обыкновенными усами на лицѣ. Но глаза, глаза,—они сейчасъ же спрятались, какъ только Ли встрѣтился съ ними,—они были поразительны! Они подѣйствовали на Ли, какъ отдаленный волчій вой на лошадь,—всѣ его нервы напряглись. Онъ отвернулся; только одну секунду смотрѣлъ онъ на этого человѣка. Но и этого было довольно.

Это былъ незнакомецъ, который преслѣдовалъ его. Онъ

далъ поймать себя на подслушиваньи, это былъ онъ. Но Ли не зналъ его. Только въ смутной жути почудилось ему, что онъ уже когда-то видѣлъ эти глаза, и даже при какихъ-то важныхъ обстоятельствахъ. Гдѣ? Кто былъ этотъ человѣкъ, у котораго хватило дерзости сѣсть такъ близко отъ него и дать ему догадаться, что у него на умѣ?

— Ахъ, Ли,—попросила Маргарита,—прочтите намъ стихотвореніе, которое называется „Процессіи", оно напечатано въ вашей послѣдней книгѣ. Я его читала, но не поняла. Я знаю, что теперь я пойму его, когда вы сами будете читать.

— Я прочту его въ другой разъ,—сказалъ Ли нервно.— Его разбирала злоба, что онъ не могъ сохранить спокойствіе, чувствуя за своей спиной этого незнакомца, и онъ сталъ кончать обѣдъ, который все еще стоялъ передъ нимъ.

Немного спустя, когда они говорили о разныхъ пустякахъ, о дневныхъ происшествіяхъ, о театрѣ и знакомыхъ, онъ услышалъ, какъ незнакомецъ за его спиной всталъ и собирается уходить. Ли не обернулся. Но когда тотъ ушелъ, всѣ его мускулы сразу ослабѣли отъ облегченія, и это еще больше разозлило его. Настало время принять какія-нибудь мѣры. Если онъ еще разъ увидитъ неподалеку этого молодца, онъ скажетъ ему словечко. Рѣшивъ это, онъ выкинулъ его изъ головы.

Приблизительно черезъ часъ семейство Гронау отправилось домой. Передъ тѣмъ между Маргаритой и Гиппо произошла маленькая стычка. Опытнымъ взглядомъ она окинула столъ и замѣтила, что въ судкѣ не хватаетъ перечницы. Не теряя времени на предварительное слѣдствіе, она прямо приступила къ обыску Гиппо. Онъ протестовалъ, но Маргарита, не проронивъ ни слова, энергично хлопнула его по жирнымъ рукамъ, которыми онъ пытался застегнуть свой смокингъ, быстро распахнула смокингъ и сейчасъ же усмотрѣла блестящую головку перечницы, торчавшую изъ его внутренняго кармана. Однимъ движеніемъ вытащила она перечницу и вставила ее на мѣсто въ судокъ.

Гиппо подавилъ вздохъ и не сказалъ ни слова. Это была одна изъ его слабостей: уходя, онъ непремѣнно долженъ былъ захватить что-нибудь съ собой, ложку, тарелочку или подставку для зубочистокъ. Въ лавкахъ онъ хваталъ, что попадалось, отъ башмаковъ до угольныхъ ящиковъ. Онъ коллекціонировалъ. Но если съ нимъ была Маргарита, она всегда ловила его. Это было очень досадно.

Когда Ли проводилъ семейство Гронау до ихъ кареты и простился съ ними, онъ остановился на тротуарѣ передъ отелемъ и началъ думать. Что же теперь? Шляпа съ вѣшалки исчезла.

Куда же дѣвался этотъ человѣкъ? И что приключилось съ тѣмъ другимъ, который шелъ по слѣду его неизвѣстнаго преслѣдователя? Быть можетъ, теперь они гдѣ-нибудь вцѣпились другъ въ друга челюстями, какъ пара хищныхъ муравьевъ, и на это время другое насѣкомое можетъ оставаться въ покоѣ.

На улицѣ встрѣчались только рѣдкіе прохожіе. Былъ такой собачій холодъ, что можно было, только съежившись, перебѣжать отъ какихъ-нибудь дверей къ трамваю и обратно. Полицейскій одиноко и тяжело ходилъ взадъ и впередъ по тротуару, весь сжавшись, какъ будто даже воздерживался отъ дыханія въ этомъ жгуче холодномъ воздухѣ.

По рельсамъ на поворотѣ визжали, раздирая уши, колеса трамваевъ, и въ пустыхъ высокихъ коридорахъ улицъ этотъ визгъ раздавался точно свистъ какого-то отвратительнаго насѣкомаго...

Огромные колоссы домовъ выступали тысячами своихъ потухшихъ глазныхъ впадинъ и исчезали во тьмѣ. Мраморъ и гранитъ и черныя оконныя стекла безжизненно поблескивали среди безпощаднаго мороза, какъ ледяныя зеркала. Начиналъ падать легкій снѣжокъ, и вѣтеръ хлесталъ теперь тонкими снѣжными иглами.

По этой погодѣ, когда холодъ спустился на много градусовъ ниже того, что можетъ легко переносить все живое, среди этой безжалостной ночи, Ли шелъ домой по мосту Клеркъ-стритъ.

Посреди моста онъ остановился и оглядѣлся кругомъ. Не было видно ни одного живого существа. Ни одинъ человѣкъ не хотѣлъ переходить черезъ мостъ въ эту ночь. Онъ былъ совершенно одинъ.

Въ рѣкѣ съ тихимъ плескомъ, словно подавленными вздохами, поднималась черная пѣна. Вода остыла до точки замерзанія, но она была слишкомъ непокорна, чтобы замерзнуть. Она бурлила и, дрожа отъ стужи, разламывала тотъ ледъ, который образовался на ней.

Казалось, что рѣчные духи плакали отъ усталости и свистѣли, охваченные смертельной сонливостью, имъ такъ хотѣлось подремать немного, прилечь, отдохнуть, но имъ не суждено было найти покоя, они не могли даже лечь и умереть.

Пронизывающій холодъ поднимался отъ рѣки, жесткое колющее дыханье изъ чернаго зѣва рѣки.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Западный соціализмъ и „русскій соціализмъ“ Герцена.

I.

Есть писатели, и порою далеко не изъ заурядныхъ, которые производятъ на васъ очень сильное впечатлѣніе при первомъ знакомствѣ съ ихъ произведеніями и которые при дальнѣйшемъ изученіи все болѣе и болѣе теряютъ въ вашихъ глазахъ. Этому могутъ быть различныя причины. То извѣстная монотонность мысли, которая, несмотря на свою яркость, вращается въ кругѣ опредѣленныхъ, часто очень узкихъ и черезчуръ однородныхъ представленій, привлекающихъ ваше вниманіе сначала, утомляющихъ его затѣмъ безпрестанными возвращеніями къ излюбленной темѣ. То однообразіе внѣшней формы, которая въ состояніи самой широкой и разносторонней мысли придать мало-по-малу отпечатокъ чего-то застывшаго, почти неподвижнаго или же сверлящаго въ одномъ направленіи. Иной разъ ослабленіе первоначальнаго интереса къ писателю объясняется тѣмъ, что внѣшній блескъ его манеры изложенія, живость его литературнаго темперамента лишь на время можетъ скрыть отъ васъ всю бѣдность его идейнаго и аффективнаго міра. Да и мало ли можетъ быть еще другихъ основаній разочарованія въ авторахъ, которые обладаютъ способностью на первыхъ порахъ расшевелить умъ и воображеніе читателя.

Герценъ менѣе, чѣмъ кто-либо, принадлежитъ къ этой категоріи. Онъ и съ перомъ въ рукахъ, онъ и за письменнымъ столомъ остается для васъ съ начала и до конца, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, тою привлекательною, разнообразною, искрящеюся мыслями и переливами ощущеній индивидуальностью, какою онъ являлся въ разговорѣ, среди знакомыхъ и постороннихъ лицъ, въ качествѣ собесѣдника, буквально ослѣпляющаго своихъ слушателей свѣжестью ума, силою діалектики, неожиданностью сближеній, поэтической спонтанейностью выраженія, необыкновеннымъ остроуміемъ. Чѣмъ больше вы вчитываетесь въ него, тѣмъ силь-

нѣе онъ притягиваетъ васъ и содержаніемъ, и формой своихъ писаній. Вы начинаете понимать, почему такой великій художникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такой умный и европейски образованный человѣкъ, какимъ былъ И. С. Тургеневъ, признавалъ, что никто не могъ такъ писать по-русски, какъ писалъ Герценъ.

Богатство идей и обиліе образовъ для ихъ выраженія идутъ у Герцена рука объ руку. Вотъ ужъ къ кому нельзя было бы приложить, при оцѣнкѣ его литературной физіономіи, оселка обычнаго противопоставленія мыслителя художнику и обратно. Можно было бы, самое большее, сказать, что логическій и эстетическій элементы личности Герцена были въ такой степени развиты, что одинъ мѣшалъ другому, но мѣшалъ въ силу самой полноты своего проявленія, безпокойно «заступая», любимое выраженіе самого Герцена, въ правомѣрную сферу сосѣда. Вообще же Герценъ еще ждетъ и своего біографа, и своего анализатора.

Въ предлагаемой читателю статьѣ я вполнѣ сознательно останавливаюсь лишь на одной изъ сторонъ крайне сложной и яркой индивидуальности Герцена, а именно, на его соціально-политическомъ міровоззрѣніи. Но и эту задачу я умышленно суживаю, ставя своею цѣлью указать, какіе элементы западнаго соціализма вошли составною частью и преломились въ «русскомъ соціализмѣ» Герцена *). Такимъ образомъ я имѣю въ виду дать то, что въ наукѣ называется частной монографіей по извѣстному, большому и сложному вопросу. Прослѣдить вліяніе западной соціалистической мысли на русскую соціалистическую мысль въ человѣкѣ, котораго, вмѣстѣ съ Чернышевскимъ, и несмотря на нѣкоторыя отклоненія отъ взглядовъ послѣдняго, должно разсматривать, какъ истиннаго родоначальника міровоззрѣнія труда въ Россіи, эта тема представляетъ собою настолько интересную и вмѣстѣ глубоко жизненную задачу для изслѣдованія, что даже приблизительное рѣшеніе ея можетъ оказаться небезполезнымъ для тѣхъ, кто, подобно пишущему эти строки, ставитъ грядущую культурную роль Россіи въ тѣсную зависимость отъ торжества въ ней соціалистическихъ идеаловъ.

Выше, говоря о міровоззрѣніи Герцена, мы употребили выраженіе «русскій соціализмъ». Въ этомъ терминѣ нельзя видѣть какой-нибудь ироніи, клички, брошенной врагами. Его неоднократно употреблялъ самъ Герценъ, употреблялъ съ давнихъ поръ и до послѣднихъ дней своей жизни, объясняя его опредѣленное значе-

*) Въ данный моментъ у меня нѣтъ подъ рукою цѣлой книги на эту тему: Otto von Sperber. *Die socialpolitischen Ideen Alexander Herzens*; Лейпцигъ, 1894. Но въ свое время я ознакомился съ этой работой, и у меня осталось отъ нея впечатлѣніе гораздо болѣе проникнутаго симпатіями къ Герцену, чѣмъ исчерпывающаго предметъ этюда.

ніе. Такъ, въ передовой №№ 244—245 «Колокола» отъ 1 іюля 1867 г., заявляя о своемъ желаніи пріостановить, послѣ десятилѣтняго изданія, на полгода свой органъ, Герценъ (съ Огаревымъ) пишетъ: «Колоколъ» былъ и будетъ, прежде всего, органомъ *русскаго соціализма* и *его развитія* (курсивъ здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ мы не оговариваемся, принадлежитъ подлиннику. *Н. Р.*), соціализма аграрнаго, артельнаго, сельскаго и городского, государственнаго и областнаго. Соціальному развитію для насъ подчинено все, формы и лица, колебанія и ошибки, но такъ какъ оно невозможно безъ свободнаго слова и свободнаго схода, безъ общаго обсуживанія и совѣта, то мы звали и будемъ звать всѣми силами собраніе *Земскаго Собора*. Въ немъ мы видимъ не больше, какъ ворота, но ворота отворенныя, и это очень важно—до сихъ поръ русское развитіе пробирается тайкомъ черезъ заборъ, пока сторожа не смотрятъ или спятъ» *)...

Любопытно, что, характеризуя совокупность своихъ взглядовъ на Россію выраженіемъ «русскій соціализмъ», Герценъ какъ бы чувствуетъ здѣсь извѣстное, болѣе или менѣе ощутительное расхожденіе съ другимъ отцомъ русской соціалистической мысли, Чернышевскимъ, и однажды даже считаетъ возможнымъ такъ формулировать эту разницу:

«Мы предвидимъ улыбку многихъ при словѣ *русскій соціализмъ*. Чему люди не смѣялись прежде пониманія? Это одна изъ принадлежностей той міродержавной силы, которая нами не была взята въ разсчетъ.

«Мы *русскимъ соціализмомъ* называемъ тотъ соціализмъ, который идетъ отъ земли и крестьянскаго быта, отъ фактическаго надѣла и существующаго передѣла полей, отъ общиннаго владѣнія и общиннаго управленія и идетъ вмѣстѣ съ работничьей артелью навстрѣчу той экономической *справедливости*, къ которой стремится соціализмъ вообще и которую подтверждаетъ наука.

«Названіе это тѣмъ необходимѣе, что рядомъ съ нашимъ ученіемъ развивались, съ огромнымъ талантомъ и пониманіемъ, теоріи чисто западнаго соціализма и именно въ Петербургѣ. Это раздвоеніе, совершенно естественное, лежащее въ самомъ понятіи, вовсе не представляло антагонизма. Мы служили взаимнымъ дополненіемъ другъ друга.

«Первые представители соціальныхъ идей въ Петербургѣ были *Петрашевцы*. Ихъ даже судили, какъ «Фурьеристовъ» **). За ними является сильная личность *Чернышевскаго*. Онъ не принадлежалъ исключительно ни къ одной соціальной доктринѣ, но имѣлъ глубокій соціальный смыслъ и глубокую критику современно суще-

---

*) Цитирую по перепечаткѣ въ сборникѣ (вышедшемъ подъ редакціей и съ небольшимъ предисловіемъ г. Л. Тихомирова): „*Колоколъ*". *Избранныя статьи А. И. Герцена*. (1857—1869); Женева, 1887, стр. 694—695.

**) „Насъ въ 1834 году правительство обвиняло въ Сенъ-Симонизмѣ".

ствующихъ порядковъ. Стоя одинъ, выше всѣхъ головой, середь петербургскаго броженія вопросовъ и силъ, середь застарѣлыхъ пороковъ и начинающихся угрызеній совѣсти, середь молодого желанія иначе жить, вырваться изъ обычной грязи и неправды, Чернышевскій рѣшился схватиться за руль, пытаясь указать жаждавшимъ и стремившимся, *что имъ дѣлать.* Его среда была городская, университетская, среда развитой скорби, сознательнаго недовольства и негодованія; она состояла исключительно изъ работниковъ умственнаго движенія, изъ пролетаріата интеллигенціи *), изъ «способностей». Чернышевскій, Михайловъ и ихъ друзья, первые въ Россіи звали не только труженика, съѣдаемаго капиталомъ, но и труженицу, съѣдаемую семьей, къ иной жизни. Они звали женщину къ освобожденію работой отъ вѣчной опеки, отъ унизительнаго несовершеннолѣтія, отъ жизни на содержаніи — и въ этомъ одна изъ величайшихъ заслугъ ихъ.

«Пропаганда Чернышевскаго была отвѣтомъ на *настоящія* страданія, слово утѣшенія и надежды гибнувшимъ въ суровыхъ тискахъ жизни. Она имъ указывала выходъ. Она дала тонъ литературѣ, провела черту между въ *самомъ дѣлѣ* юной Россіей и прикидывавшеюся такою Россіей, немного либеральной, слегка бюрократической и слегка крѣпостнической. Идеалы ея были въ совокупномъ трудѣ, въ устройствѣ мастерской, а не въ тощей палатѣ, въ которой бы Собакевичи и Ноздревы разыгрывали «дворянъ въ мѣщанствѣ» и помѣщиковъ въ оппозиціи.

«Огромный успѣхъ соціальныхъ ученій между молодымъ поколѣніемъ, школа, вызванная ими, нашедшая себѣ не только литературные отголоски и органы, но начала практическаго приложенія и исполненія, имѣютъ историческое значеніе. Освобожденіе крестьянъ съ признаніемъ ихъ права на землю, съ сохраненіемъ общины, и обращеніе къ соціализму молодыхъ и дѣятельныхъ умовъ, не закупленныхъ жизнью, не сбитыхъ съ толку доктринаризмомъ, служили неопровержимымъ доказательствомъ въ пользу нашей всегдашней вѣры въ характеръ русскаго развитія».

Въ то время, какъ во второй половинѣ 20-хъ годовъ, т. е. подросткомъ, почти мальчикомъ («Дѣтскій либерализмъ 1826 года», такъ отмѣчаетъ этотъ моментъ самъ Герценъ) будущій авторъ «Съ того берега» и «Былого и Думъ» стоялъ еще цѣликомъ на почвѣ либеральнаго «французскаго воззрѣнія», представленнаго Лафайетомъ, Бенжаменомъ Констаномъ, Беранже, всего нѣсколько

*) Любопытно это современное употребленіе слова „интеллигенція" подъ перомъ Герцена въ 1867 г. Но еще раньше того („Колоколъ", № 187, отъ 15 іюля 1864, стр. 506) мы встрѣчаемся у него съ такой фразой: „ну, а вы, *не* народъ... отцы отечества, интеллигенція" и т. д. Когда г. Боборыкинъ, которому приписываютъ терминъ „интеллигенція", пустилъ его впервые въ ходъ: раньше или позже Герцена? Вопросъ, имѣющій не только литературное, но и общественное значеніе. *Н. Р.*

лѣтъ спустя онъ испыталъ уже первое и сильное вліяніе французскаго же соціализма. Послѣ іюльской революціи, которую крупная буржуазія Франціи сумѣла повернуть въ свою пользу, и послѣ подавленія Николаемъ I польскаго возстанія, Герценъ вмѣстѣ съ своимъ близкимъ другомъ, Огаревымъ, и нѣсколькими единомышленниками сдѣлался пламеннымъ сэнъ-симонистомъ. На кружокъ этихъ еще недавно горячихъ либераловъ оказали могущественное дѣйствіе брошюры сэнъ-симонистской школы, какъ разъ въ это время подвергшейся судебнымъ преслѣдованіямъ и процессамъ. Герцена и его друзей особенно привлекала не столько соціально-экономическая, сколько нравственная и философская сторона этихъ общественныхъ новаторовъ, бившихъ въ забрало излюбленнымъ учрежденіямъ и вѣковымъ предразсудкамъ стараго міра. «Искупленіе плоти» и «освобожденіе женщины»—вотъ что съ энтузіазмомъ подчеркиваетъ Герценъ въ доктринѣ сэнъ-симонистовъ, которую онъ провозглашаетъ истинной «религіей жизни». Ради этого утопическаго, но могучаго въ своемъ великомъ порывѣ къ высшей справедливости соціализма Герценъ, кружокъ котораго былъ разгромленъ въ 1834 г., рѣзко порвалъ съ русскимъ либерализмомъ въ лицѣ Н. А. Полевого, полагавшимъ, что сэнъ-симонизмъ былъ «безуміемъ», *помѣхой «гражданскому развитію»* *).

Десять лѣтъ спустя, находясь въ ссылкѣ, тридцатилѣтній Герценъ знакомится уже съ большинствомъ соціалистическихъ системъ того времени. Замѣчанія, которыя имѣются по этому поводу въ его дневникѣ, писанномъ имъ въ теченіе четырехъ лѣтъ 1842—1845 гг., показываютъ, съ какимъ прилежаніемъ и энтузіазмомъ, не исключавшимъ, однако, серьезнаго критическаго отношенія къ новымъ идеямъ, Герценъ изучаетъ крупнѣйшихъ представителей тогдашняго европейскаго, преимущественно французскаго соціализма. Вначалѣ онъ видимо тяготѣетъ всего больше къ системѣ Фурье, не безъ основанія поражаясь проницательностью мысли творца фаланстеріанской системы: «фурьеризмъ, конечно, всѣхъ глубже раскрылъ вопросъ о соціализмѣ; онъ далъ такія основанія, такія начала, на которыхъ можно построить болѣе фалангъ и фаланстеровъ» **). Строже, чѣмъ слѣдовало бы, относясь къ формѣ произведеній самого главы школы, онъ тѣмъ съ большей похвалой останавливается на сочиненіяхъ его учениковъ, въ частности Виктора Консидерана, о которомъ онъ выражается такъ: «Его сочиненіе несравненно энергичнѣе, полнѣе, шире по концепціи и по исполненію всего вышедшаго изъ школы Фурье. Разборъ современности превосходенъ, становится

---

*) *Былое и Думы*; т. VI „Сочиненій А. И. Герцена"; Женева, Базель, Ліонъ, стр. 198. См. подробнѣе объ этомъ моментѣ въ эволюціи Герцена въ моей статьѣ: *Вліяніе европейскаго соціализма на декабристовъ и молодого Герцена*; „Минувшіе годы", 1908, № 12, стр. 184—190.

**) *Дневникъ* (февраль 1843); т. I «Сочиненій», 1875, стр. 83.

страшно и стыдно. Раны общественныя указаны и источники ихъ обличены съ безпощадностью» *).

Но рано Герценъ начинаетъ изучать и Прудона, который оказываетъ на него все сильнѣйшее дѣйствіе, пока, наконецъ, какъ увидимъ ниже, не перевѣшиваетъ къ 50-мъ годамъ вліянія всѣхъ прочихъ соціалистовъ. За приведенной нами цитатой о фурьеризмѣ, относящейся къ февралю 1843 г., слѣдуетъ пока лишь мимоходомъ брошенное замѣчаніе о «злобномъ характерѣ Прудоновой брошюры» (очевидно, дѣло идетъ о первой возбудившей сенсацію работѣ Прудона «Что такое собственность», вышедшей за два-три года передъ этимъ).

Но скоро упоминанія Прудона становятся все чаще и чаще подъ перомъ Герцена, который въ концѣ 1844 г. кладетъ такую резолюцію на счетъ знаменитаго памфлета: «Наконецъ, я читалъ брошюру Прудона *О Собственности.* Прекрасное произведеніе, не токмо не ниже, но выше того, что говорили и писали о ней. Разумѣется, для думавшихъ объ этихъ предметахъ, для страдавшихъ надъ подобными соціальными вопросами главный тезисъ его не новъ; но развитіе превосходно, мѣтко, сильно, остро и проникнуто огнемъ. Онъ совершенно отрицаетъ собственность и признаетъ владѣніе индивидуальное и это не личный взглядъ, а выводъ логическій и строгій, которымъ онъ развиваетъ невозможность, преступность, нелѣпость права собственности и необходимость владѣнія» **). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, отмѣчая очень тонко философскіе недостатки новаго сочиненія Прудона, *De la création de l'ordre dans l'humanité*, Герценъ обнаруживаетъ еще большее восхищеніе предъ умственною силою французскаго соціалиста: «Книга эта, вышедшая около двухъ лѣтъ тому назадъ, чрезвычайно замѣчательное явленіе... Прудонъ рѣшительно поднимается въ спекулятивное мышленіе, онъ рѣзко и смѣло отдѣлался отъ разсудочныхъ категорій... Бездна яркихъ мыслей... Выходя вездѣ къ конкретнымъ приложеніямъ, онъ превосходенъ въ иныхъ мѣстахъ; самая лучшая часть,—это его доказательства невозможности религіи въ грядущемъ, выводъ его силенъ, энергиченъ и смѣлъ, онъ заключаетъ словами, прекрасно благородными» ***).

Но Герценъ знакомится и съ другими соціалистическими писателями, иного склада, чѣмъ Фурье, и иного, чѣмъ Прудонъ. Онъ съ большимъ сочувствіемъ отзывается объ «Исторіи десяти лѣтъ» Луи-Блана, этого соціалиста-государственника, политика-реформатора и въ извѣстномъ смыслѣ предвѣстника современной соціалъ-демократіи, по крайней мѣрѣ, ея умѣренныхъ направленій. Лѣтомъ 1843 г. Герценъ пишетъ: «*Histoire de Dix ans, L. Blanc.* Чрезвы-

*) Ibid., I (іюнь 1844); стр. 206.

**) Ibid. (декабрь 1844); стр 247.

***) Ibid. (февраль 1845); стр. 270—271, passim.

чайно замѣчательное явленіе по взгляду, по изложенію и по ревеляціи» [1]). При этомъ онъ даетъ сущность содержанія этой книги, а вскорѣ излагаетъ главнѣйшіе выводы второго тома [2]), чтобы черезъ нѣсколько дней резюмировать содержаніе первыхъ трехъ томовъ, наводящихъ его на мысль о «необходимости соціальнаго переворота», который долженъ повлечь за собой «измѣненіе права собственности, коммунальную жизнь, организацію работъ» [3]) и т. д.

Читаетъ Герценъ и соціальные романы Жоржъ-Зандъ, вспоминая о ней по поводу взглядовъ сэнъ-симонистовъ на коренную реформу отношеній между полами [4]), или восторгаясь ея *Consuelo*, въ которомъ онъ видитъ «геніальное возстановленіе жизни высшаго общества въ половинѣ XVIII-го вѣка» [5]) или сравнивая себя съ героемъ ея романа Horace, «великаго произведенія, вполнѣ художественнаго и глубокаго по значенію» [6]). «Перелистывалъ» Герценъ даже, по его же собственнымъ словамъ, *Palingénésie sociale* Балланша, темновато пишущаго мистика съ легкимъ соціальнымъ оттѣнкомъ, «имя» котораго, по мнѣнію Герцена, «не должно забывать ни въ развитіи философіи исторіи, ни въ исторіи соціализма» [7]). Конечно, ему знакомъ и гораздо болѣе крупный, хотя, можетъ быть, немного напоминающій Балланша Пьеръ-Леру, котораго онъ, вмѣстѣ съ могучимъ Прудономъ, причисляетъ къ категоріи «философствующихъ французовъ» [8]).

Изъ нѣмецкихъ соціалистовъ Герценъ тепло отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ извѣстнаго портного Вейтлинга, который въ сущности вдохновлялся идеями французскихъ представителей міровоззрѣнія труда, особенно сэнъ-симонистской школы, но придавалъ имъ не лишенную своеобразности форму. Просматривая оффиціальный докладъ коммиссіи о швейцарскихъ коммунистахъ, докладъ, представленный цюрихскому правительству, Герценъ посвящаетъ нѣсколько очень сочувственныхъ строкъ этому «энергическому писателю и пропагандисту»; «мѣста изъ его писаній, приведенныя коммиссіей, краснорѣчивы и сильны... Много одушевленія; слова Вейтлинга иногда поднимаются до апостольской проповѣди, прекрасно опредѣляютъ они свое отношеніе къ либераламъ» [9]).

Любопытно, что въ этомъ же докладѣ Герценъ встрѣчаетъ упоминаніе о Бакунинѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ «ядовитыхъ» распространителей коммунизма въ Швейцаріи, и отмѣчаетъ «кон-

---

[1]) Ibid. (іюнь 1843), стр. 106.

[2]) Стр. 110.

[3]) Стр. 113.—Нѣсколько позже (декабрь того же года) Герценъ анализируетъ содержаніе и четвертаго тома Луи-Блана (стр. 155—156).

[4]) Ibid. (іюнь 1843), стр. 115.

[5]) Ibid. (августъ 1844), стр. 222.

[6]) Ibid. (августъ 1842), стр. 29.

[7]) Ibid. (мартъ 1844), стр. 183.

[8]) Ibid. (февраль 1845); стр. 270.

[9]) Ibid. (ноябрь 1843); стр. 145.

секвентность» знаменитаго агитатора, который началъ съ гегельянскаго консерватизма, но, разъ пойдя влѣво, не остановится въ этой эволюціи, пока не сдѣлаетъ изъ крайнихъ посылокъ и самыхъ крайнихъ выводовъ. Еще раньше того, читая органъ лѣвыхъ гегельянцевъ, столь извѣстныя *Deutsche Jahrbücher*, онъ пришелъ въ восторгъ отъ «художественно-превосходной статьи» о современномъ духѣ реакціи въ Германіи нѣкоего «француза Jul. Elisard» *) и крайне удивился, когда вскорѣ послѣ того узналъ, что подъ этимъ, какъ оказалось, псевдонимомъ Жюльена Элизара скрывается самъ Бакунинъ. «Онъ смываетъ прежніе грѣхи свои,—замѣчаетъ по этому поводу Герценъ—я совершенно примирился съ нимъ» **).

Характеръ *Deutsche Jahrbücher*, какъ журнала, развивавшаго собственно не соціалистическую, а крайнюю радикальную точку зрѣнія, показываетъ, что кругъ чтенія, подъ вліяніемъ котораго слагались соціально-политическіе взгляды Герцена, обнималъ у будущаго родоначальника «русскаго соціализма» сочиненія не только соціалистовъ, но и крайнихъ демократовъ Запада ***). Кстати сказать, революціонный и боевой оттѣнокъ міровоззрѣнія Герцена въ сороковые годы зависитъ, по моему мнѣнію, въ гораздо большей степени отъ вліянія на него въ эту пору радикально-демократическихъ писателей и публицистовъ, которые пропагандировали,—особенно во Франціи, въ первую половину царствованія Людовика-Филиппа,—необходимость конспирацій и насильственныхъ переворотовъ, чѣмъ отъ вліянія великихъ первоучителей соціализма, которые, какъ извѣстно, очень равнодушно относились къ чистой политикѣ и глубоко вѣровали во всемогущество мирной идейной пропаганды.

Какъ бы то ни было, Герценъ пріѣзжаетъ за границу (въ началѣ 1847 г.) не только проникнутымъ соціалистическими идеалами, но убѣжденнымъ въ скорости крушенія стараго міра, крушенія, процессъ котораго онъ видимо не прочь ускорить прямымъ нападеніемъ на строй буржуазной неправды и эксплуатаціи. Но Франція, или, лучше сказать, Парижъ, его разочаровываетъ. Онъ наблюдаетъ здѣсь торжество сытаго и безыдейнаго мѣщанства. Онъ знакомится, если не прямо, то при посредствѣ литературы, печати, своихъ друзей въ соціалистическомъ лагерѣ, съ нищетой и страданіями трудящихся массъ. Но онъ не видитъ среди нихъ готов-

*) Ibid. (январь 1843); стр. 71.

**) Ibid.; стр. 81.

***) На эволюцію общаго философскаго міровоззрѣнія Герцена, который, послѣ временнаго увлеченія мистицизмомъ во второй половинѣ 30-хъ годовъ, быстро шелъ въ сторону реализма, несомнѣнно, имѣлъ вліяніе религіозный радикализмъ Фейербаха, смѣло замѣнившаго, если можно такъ выразиться, теологію антропологіей. Но это отводитъ насъ въ сторону отъ намѣченной въ этомъ этюдѣ спеціальной задачи.

ности къ немедленному нападенію на порабощающій изъ режимъ цензовой буржуазіи. Возвратившись во внезапно потрясшую весь міръ своимъ переворотомъ Францію послѣ семимѣсячнаго пребыванія въ Италіи, гдѣ онъ отдыхалъ отъ галльскаго маразма среди впечатлѣній широкаго демократическаго движенія, онъ не застаетъ уже въ Парижѣ первыхъ великихъ дней февральской революціи, этого, по выраженію Герцена, «геніальнаго вдохновенія парижскаго народа», когда рабочій классъ вѣрилъ со словъ вожаковъ въ близкое наступленіе царства соціальной справедливости. Онъ присутствуетъ на грандіозной народной манифестаціи 15-го мая, которая была выраженіемъ страстнаго желанія трудящихся сдѣлать рѣшительный шагъ по пути къ этому идеалу, а имѣла своимъ результатомъ,—вслѣдствіе отсутствія организаціи у однихъ соціалистовъ, нерѣшительности другихъ,—лишь большее сплоченіе всѣхъ сторонниковъ современнаго строя въ одну великую армію реакціи. Затѣмъ страшные іюльскіе дни, осадное положеніе, вся совокупность явленій, свидѣтельствовавшихъ о наростаніи свирѣпыхъ инстинктовъ соціальнаго охранительства, наполняютъ чуткую и благородную душу Герцена горькимъ, но глубоко революціоннымъ пессимизмомъ. А послѣдній смѣняется все больше и больше отчаяніемъ и полнѣйшею разочарованностью въ способности Западной Европы рѣшить великій соціальный вопросъ по мѣрѣ того, какъ волны реакціоннаго потопа заливаютъ послѣднія пріобрѣтенія цивилизаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ сознаніи этого пытливаго наблюдателя общественной жизни растутъ и крѣпнутъ надежды на возможность осуществленія новаго идеала въ далекой, но оставшейся дорогою Герцену неоффиціальной, народной Россіи.

Въ этотъ же періодъ кризиса и внутреннихъ сомнѣній въ торжествѣ общечеловѣческаго соціализма, если не прямымъ зрителемъ, то идейнымъ вдохновителемъ Герцена является почти исключительно Прудонъ, который, впрочемъ, сохраняетъ большое значеніе для него и на всю послѣдующую жизнь. У Прудона привлекала Герцена яркая критическая черта, безстрашіе и неподкупность ума, не боявшагося колебать никакихъ всѣми признанныхъ идоловъ *). Русскаго мыслителя влекло, какъ къ родственной натурѣ, къ человѣку, который, подобно Герцену, полагалъ, что европейская революція не удалась главнымъ образомъ потому, что у людей, стремившихся, казалось, всѣми силами души къ новому порядку вещей, оставалось черезчуръ много предразсудковъ стараго міра. Въ извѣстномъ письмѣ (сентябрь 1849 г.) Герцена къ Прудону, газету котораго «La Voix du Peuple» русскій соціалистъ поддерживалъ вплоть до самаго ея закрытія бонапартистской реакціей и денежно,

*) Исключеніе составляла традиціонная семья. Но Герценъ въ этой области рѣшительно расходится съ Прудономъ и, какъ увидимъ ниже, подвергъ съ этой точки зрѣнія рѣзкой критикѣ соотвѣтствующія главы прудоновскаго сочиненія „О справедливости“.

и литературно, рельефно очерчивается эта дѣйствовавшая притягательно на Герцена сторона автора «Собственности» и «Исповѣди революціонера»: «Я знаю одного свободнаго француза,—это васъ. Ваши революціонеры—консерваторы. Они христіане, не зная того, и монархисты, сражаясь за республику. Вы одни подняли вопросъ негаціи и переворота на высоту науки, и вы первые сказали Франціи, что нѣтъ спасенія внутри разваливающагося зданія, что и спасать изъ него нечего, что самыя его понятія о свободѣ и революціи проникнуты консерватизмомъ и реакціей. Дѣйствительно, политическіе республиканцы составляютъ не больше, какъ одну изъ варіацій на ту же конституціонную тему, на которую играютъ свои варіаціи Гизо, Одилонъ-Баро и др. Вотъ этотъ взглядъ слѣдовало бы проводить въ разборѣ послѣднихъ европейскихъ событій, преслѣдовать реакцію, католицизмъ, монархизмъ не въ ряду нашихъ враговъ—это чрезвычайно легко—но въ собственномъ нашемъ станѣ. Надо обличать круговую поруку демократовъ и власти. Если мы не боимся затрогивать побѣдителей, то не будемъ бояться изъ ложной сантиментальности затрогивать и побѣжденныхъ» *).

Одна изъ блестящихъ страницъ «Былого и Думъ», написанная въ 1850 г., въ самый разгаръ европейской реакціи, обрисовываетъ еще ярче тѣ умственныя свойства и вмѣстѣ тѣ идеи Прудона, которыя вызывали глубокую симпатію Герцена: «Прошедшій (1849-й. Н. Р.) годъ, чтобъ достаточно окончиться и исполнить мѣру всѣхъ нравственныхъ оскорбленій и попытокъ, представилъ намъ страшное зрѣлище: *борьбу свободнаго человѣка съ освободителями человѣчества.* Смѣлая рѣчь, ѣдкій скептицизмъ, безпощадное отрицаніе, неумолимая иронія Прудона возмутила записныхъ революціонеровъ не меньше консерваторовъ, они напали на него съ ожесточеніемъ, они стали за свои преданія съ неподвижностью легитимистовъ, они испугались его атеизма и его анархіи, они не могли понять, какъ можно быть свободнымъ безъ государства, безъ демократическаго правленія; они съ удивленіемъ слушали безнравственную рѣчь, что республика для людей, а не люди для республики. И когда у нихъ не достало ни логики, ни краснорѣчія, они объявили Прудона подозрительнымъ, отлучая отъ православнаго единства своего» **).

Мы видимъ такимъ образомъ, что Герцену, великому поборнику человѣческой личности, было особенно цѣнно въ Прудонѣ, проповѣдникѣ «атеизма и анархіи»: это—свободный индивидуумъ, свободный отъ преклоненія передъ небесными и земными авторитетами. Но соціализмъ Герцена врядъ-ли можно назвать чисто анархическимъ, да врядъ-ли можно и вообще охарактеризовать именемъ прудонизма. По крайней мѣрѣ, если въ первые годы политической

*) „Былое и Думы“ (1850—1864); т. IX „Сочиненій“, 1879, стр. 54—55.
**) „Съ того берега“ (1848—1850); т. V „Сочиненій“, 1878, стр. 148.

и общественной реакціи, послѣдовавшей за революціей 1848 г., рѣзкое отрицаніе государственности неоднократно вдохновляетъ геніально-импульсивное перо Герцена, то чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе великій русскій изгнанникъ становится на почву эволюціоннаго соціализма,—можно даже, пожалуй, сказать: соціалъ-реформаторства. Въ теоріи онъ, если хотите, остается сторонникомъ прудоновской анархіи. Но въ приложеніи къ дѣйствительности онъ смягчаетъ эту точку зрѣнія своеобразнымъ скептицизмомъ на тему, что не всѣ, молъ, націи въ своемъ развитіи могутъ доработаться до строя безгосударственнаго. Да еще и вообще вопросъ, въ состояніи ли «человѣчество» (терминъ, который Герценъ считаетъ, кромѣ того, нелѣпымъ сбиваньемъ въ одну кучу различныхъ націй, культуръ съ разными потребностями и т. д.) достигнуть анархіи *).

Съ другой стороны Герценъ съ живѣйшей симпатіей слѣдитъ за успѣхами чисто политическихъ учрежденій въ той или другой странѣ. И мы знаемъ, что умѣренность политическихъ требованій, предъявлявшихся имъ къ Россіи, которая пробуждалась къ новой жизни послѣ Николая I, встрѣчала даже очень рѣзкое осужденіе среди наиболѣе прямолинейной части русской соціалистической интеллигенціи.

За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, въ третьемъ и послѣднемъ письмѣ (августъ 1869 г.) къ «старому товарищу» Герценъ высказываетъ даже вполнѣ опредѣленный взглядъ на историческую полезность государства: «Изъ того, что государство — форма *проходящая*, не слѣдуетъ, что эта форма уже *прошедшая*. Съ какого народа въ самомъ дѣлѣ можетъ быть снята государственная опека, какъ лишняя перевязка, безъ раскрытія такихъ артерій и внутренностей, которыя *теперь* надѣлаютъ страшныхъ бѣдствій, а *потомъ* спадутъ сами? Да и будто какой-нибудь народъ можетъ безнаказанно начать такой опытъ, окруженный другими народами, страстно держащимися за государство, какъ Франція, Пруссія и проч. Можно ли говорить о скорой неминуемости безгосударственнаго устройства, когда уничтоженіе постоянныхъ войскъ и обезоруженіе составляютъ дальніе идеалы?» **).

Такъ, оставшись теоретическимъ анархистомъ, Герценъ въ послѣдней полосѣ своей эволюціи,—а онъ, несомнѣнно, работалъ мыслью до самой смерти,—становился на практикѣ государственникомъ. Впрочемъ, здѣсь мы уже переходимъ отъ вопроса о различныхъ фазисахъ герценовскаго соціализма и о вліяніяхъ на него западно-европейскихъ соціалистовъ къ вопросу о главныхъ идеяхъ, легшихъ въ основаніе его общаго міровоззрѣнія труда. Этому послѣднему вопросу будетъ посвящена непосредственно слѣдующая глава.

*) См. его любопытную во многихъ отношеніяхъ статью о Робертѣ Оуэнѣ въ „Быломъ и Думахъ"; т. IX „Сочиненій", стр. 272—334.

**) „Сборникъ посмертныхъ статей Александра Ивановича Герцена"; Женева—Базель—Ліонъ, 2-е изд., 1874, стр. 309.

III.

Посмотримъ, дѣйствительно, каковы же были существенные пункты общечеловѣческаго соціализма Герцена.

Прежде всего, подобно великимъ учителямъ Запада, онъ врагъ современной личной собственности и сторонникъ собственности общественной, хотя ставитъ своимъ идеаломъ сочетаніе артельнаго производства и очищенной отъ своихъ шлаковъ частной собственности (Ниже мы увидимъ даже, что въ примѣненіи къ Россіи Герценъ подчеркиваетъ требованіе общиннаго владѣнія при личной собственности). «Собственность—гнусная вещь,—пишетъ, негодуя, Герценъ о современной формѣ ея,—сверхъ всего несправедливаго, она безнравственна и, какъ тяжелая гиря, гнететъ человѣка внизъ, она развращаетъ человѣка, и онъ становится на одной доскѣ съ дикимъ звѣремъ, когда корысть сбрасываетъ его съ пьедестала историческаго Standpunkt... Слово «недвижимое имущество» выражаетъ капканъ, въ которомъ пойманъ подвижной духъ... Да, недвижимое имущество здѣсь и награда *тамъ*. Это двѣ цѣпи, на которыхъ и поднесь водятъ людей. Но теперь *работники* принялись потряхивать одну изъ нихъ, а другая давно заржавѣла отъ лицемѣрныхъ слезъ пастырей о погибшихъ овцахъ. Наши внуки увидятъ» *). Характеризуя нѣсколькими «случаями», почерпнутыми изъ французскихъ газетъ, «во всей гнусности современное общественное состояніе», Герценъ выражаетъ убѣжденіе, что «не можетъ человѣчество идти далѣе съ этими путями незаконія», и полагаетъ, что «общій смыслъ» грядущей «реформаціи» будетъ таковъ: «Общественное управленіе собственностями и капиталами, артельное житье, организація работъ и возмездій, и право собственности поставленное на иныхъ началахъ. Не совершенное уничтоженіе личной собственности, а такая инвеститура обществомъ, которая государству даетъ право общихъ направленій» **). Мы уже видѣли выше, что, говоря о Прудонѣ, Герценъ съ похвалою констатируетъ, что этотъ неумолимый критикъ современнаго порядка вещей «совершенно отрицаетъ собственность и признаетъ владѣніе индивидуальное».

Такимъ образомъ въ вопросѣ о собственности Герценъ стоитъ на почвѣ западно-европейскаго соціализма, и стоитъ приблизительно въ центрѣ этого міровоззрѣнія, не приближаясь къ его лѣвому крылу, коммунизму, отбрасывающему личную собственность, и, пожалуй, даже тяготѣя скорѣе вправо, къ индивидуалисту Прудону, за которымъ онъ, однако, не слѣдуетъ въ его страстныхъ выпадахъ противъ болѣе рѣшительныхъ соціалистовъ и сторонниковъ обще-

---

*) „Дневникъ" (августъ, 1844); т. I, стр. 227—228, passim.

**) Ibid. (февраль, 1843); стр. 83.

ственнаго производства. Во всякомъ случаѣ, даже въ системѣ Фурье, сочетающей коллективный трудъ и коллективное наслажденіе съ большой свободой индивидуума, Герценъ не находитъ полнаго удовлетворенія. Резюмируя впечатлѣнія, полученныя имъ отъ изученія фурьеристовъ (именно Консидэрана), онъ говоритъ: «Хорошо, чрезвычайно хорошо—но не полное рѣшеніе задачи. Въ широкомъ, свѣтломъ фаланстерѣ ихъ тѣсновато, это устройство одной стороны жизни—другимъ неловко» *).

Дѣло въ томъ, что, горячо стремясь къ соціалистическому идеалу общественности, болѣе тѣснаго сотрудничества и болѣе братской близости между людьми, Герценъ желалъ бы осуществить эти новыя формы жизни по возможности безъ регламентаціи, внѣ принудительнаго элемента, хотя бы исходящаго не отъ какого-либо отдѣльнаго тирана, а отъ цѣлой коллективности. Ибо Герценъ еще очень рано высказывалъ и продолжалъ высказывать въ теченіе всей своей жизни опасенія за судьбу человѣческой личности, если она будетъ черезчуръ подчинена интересамъ различныхъ охватывающихъ ее группъ и союзовъ. А въ личности онъ, какъ извѣстно, видѣлъ «вершину историческаго міра». Понятно, какъ его долженъ былъ привлекать индивидуализмъ Прудона, который именно и хотѣлъ разрѣшить антиномію между личностью и обществомъ, не жертвуя живымъ человѣкомъ.

Въ той самой статьѣ, изъ которой мы раньше привели выдержку, гдѣ Прудонъ защищается имъ отъ нападеній «освободителей человѣчества«, Герценъ страстно возстаетъ противъ порабощенія индивидуума: «Подчиненіе личности обществу, народу, человѣчеству, идеѣ—продолженіе человѣческихъ жертвоприношеній, закланіе отца для примиренія Бога, распятіе невиннаго за виновныхъ» **). Съ жаромъ онъ защищаетъ правомѣрность личнаго начала, выдвигая небезынтересную, въ особенности для того времени, апологію эгоизма: «Какой смыслъ всѣхъ разглагольствованій противъ эгоизма, индивидуализма?—Что такое эгоизмъ?—Что такое *братство?*—Что такое индивидуализмъ?—И что любовь къ человѣчеству? Разумѣется, люди эгоисты, потому что они лица; какъ-же быть самимъ собою, не имѣя рѣзкаго сознанія своей личности? Лишить человѣка этого сознанія,—значитъ распустить его, сдѣлать существомъ прѣснымъ, стертымъ, безхарактернымъ. Мы эгоисты и потому добиваемся независимости, благосостоянія, признанія нашихъ правъ, потому жаждемъ любви, ищемъ дѣятельности... и не можемъ отказывать безъ явнаго противорѣчія въ тѣхъ-же правахъ другимъ... Моралисты говорятъ объ эгоизмѣ, какъ о дурной привычкѣ, не спрашивая, можетъ ли человѣкъ быть человѣкомъ, утративъ живое чувство личности, и не говоря, что за замѣна ему бу-

*) Ibid. (іюнь, 1844); стр. 208.

**) *Съ того берега*; т. V, „Сочиненій“ стр. 150.

детъ въ «братствѣ» и въ «любви къ человѣчеству», не объясняя даже, почему слѣдуетъ брататься со всѣми и что за долгъ любить всѣхъ на свѣтѣ? Мы равно не видимъ причины ни любить, ни ненавидѣть что-нибудь только потому, что оно существуетъ. Оставьте человѣка свободнымъ въ своихъ сочувствіяхъ, онъ найдетъ кого любить и съ кѣмъ быть братомъ, на это ему не нужно ни заповѣди, ни приказа; если же онъ не найдетъ, это его дѣло и его несчастіе» *).

Наконецъ, оставляя этотъ видимо умышленный тонъ парадокса и эпиграммы, Герценъ ставитъ вопросъ на философскую почву и видвигаетъ во весь ростъ задачу примиренія между личностью и обществомъ: «Дѣло просто въ томъ, что эгоизмъ и общественность не добродѣтели и не пороки; это основныя стихіи жизни человѣческой, безъ которыхъ не было бы ни исторіи, ни развитія, а была бы или разсыпчатая жизнь дикихъ звѣрей или стада ручныхъ троглодитовъ. Уничтожьте въ человѣкѣ общественность, и вы получите свирѣпаго орангъ-утанга; уничтожьте въ немъ эгоизмъ, и изъ него выйдетъ смирное Жоко. Всего меньше эгоизма у рабовъ. Самое слово «эгоизмъ» не имѣетъ въ себѣ полнаго содержанія. Есть эгоизмъ узкій, животный, грязный, такъ, какъ есть любовь грязная, животная, узкая. Дѣйствительный интересъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы убивать на словахъ эгоизмъ и подхваливать братство, оно его не пересилитъ, а въ томъ, чтобы сочетать гармонически, свободно эти два неотъемлемыя начала жизни человѣческой» **).

Не мѣшаетъ замѣтить, что этотъ страхъ передъ поглощеніемъ личности въ общественности Герценъ сохранялъ въ теченіе всей своей жизни, и десять лѣтъ послѣ того, какъ была написана имъ только что цитированная нами статья, онъ пользуется вышедшей въ то время книгой Милля «О свободѣ», чтобы подтвердить высказанныя имъ опасенія за судьбу индивидуума авторитетомъ англійскаго мыслителя: «...Слѣдуетъ взглянуть, какъ нашъ авторъ разсматриваетъ современное состояніе образованнаго міра. Онъ говоритъ, что, несмотря на умственное превосходство нашего времени, все идетъ къ *посредственности*, лица теряются въ толпѣ. Эта collective mediocrity ненавидитъ все рѣзкое, самобытное, выступающее; она проводитъ надъ всѣмъ общій уровень. А такъ какъ въ среднемъ разрѣзѣ у людей не много ума и не много желаній, то сборная посредственность, какъ топкое болото, понимаетъ, съ одной стороны, все желающее вынырнуть, а съ другой—предупреждаетъ безпорядокъ эксцентричныхъ личностей—воспитаніемъ новыхъ поколѣній въ такую же вялую посредственность... Если личности не высвободятся отъ этого утягивающаго омута, отъ замаривающей

*) Ibid.; стр. 155—156, passim.
**) Ibid., стр. 156—157.

топи, то Европа, несмотря на свои благородные антецеденты и свое христіанство, *сдѣлается Китаемъ»* *).

Но этотъ пессимизмъ Милля смягчается у нашего Герцена, по крайней мѣрѣ, въ видѣ альтернативы, допущеніемъ соціалистическаго переворота: «Вопросъ, дѣйствительно, важный, но котораго С. Милль не коснулся, вотъ въ чемъ: существуютъ ли всходы новой силы, которые могли-бы обновить старую кровь, есть-ли подсѣды и здоровые ростки, чтобъ проростить измельчавшуюся траву? А этотъ вопросъ сводится на то—потерпитъ-ли народъ, чтобъ его окончательно употребили для удобренія почвы новому Китаю и новой Персіи, на безвыходную, черную работу, на невѣжество и проголодь, позволяя взамѣнъ, какъ въ лотерейной игрѣ, одному на десять тысячъ, въ примѣръ, ободреніе и усмиреніе прочимъ, разбогатѣть и сдѣлаться изъ снѣдаемаго—объѣдающимъ. Вопросъ этотъ разрѣшатъ событія,—теоретически его не разрѣшишь. Если народъ сломится, новый Китай и новая Персія неминуемы. Но если народъ сломитъ, неминуемъ *соціальный переворотъ*!.. Какъ англійскій работникъ поставитъ свой соціальный вопросъ, мы не знаемъ, но воловья упорность его велика» **).

Великое значеніе, придаваемое Герценомъ цѣльности и свободѣ личности при рѣшеніи соціальнаго вопроса, отнюдь не препятствуетъ, однако, ему признавать, вмѣстѣ съ большинствомъ западныхъ соціалистовъ, центральную роль экономической реформы въ грядущемъ переворотѣ. Оставаясь идеалистомъ въ широкомъ значеніи этого слова,—Герценъ, какъ извѣстно, жестоко боролся со спиритуализмомъ,—геніальный русскій мыслитель ставилъ во главу угла общественнаго переустройства матеріальное обезпеченіе трудящагося человѣчества. Смотря по обстоятельствамъ минуты, у него порою это требованіе носило даже характеръ того, что теперь можно было бы назвать экономизмомъ. Но временами же онъ ставилъ въ очень тѣсную и удачно обоснованную связь экономику и политику.

Я приведу сначала одно—два мѣста, гдѣ экономическая сторона соціализма особенно ярко подчеркнута Герценомъ. Вотъ что мы, напр., читаемъ въ четвертомъ письмѣ изъ Франціи (отъ 15-го сентября 1847): „...Вопросъ о матеріальномъ благосостояніи на первомъ планѣ. Удивительнаго тутъ нѣтъ ничего. Какъ-же, наконецъ, не признать важность вопроса, отъ разрѣшенія котораго зависитъ не только насущный хлѣбъ большинства, но и его цивилизація. Нѣтъ образованія при голодѣ; чернь будетъ чернью до тѣхъ поръ, пока не выработаетъ себѣ—пищу и досугъ. Страны, которыя уже перешли миѳическіе, патріархальные и героическіе возрасты, прошли азбуку гражданственности, естественно должны были обра-

*) „Колоколъ" (№№ 40 и 41 отъ 15 апрѣля 1859); стр. 137.

**) Ibid., стр. 140.

титься къ тому существенному вопросу, отъ котораго зависитъ вся будущность народовъ. Но вопросъ этотъ страшно труденъ, его не рѣшишь громкимъ словомъ, пестрымъ знаменемъ, энергическимъ кликомъ. Это самый внутренній, самый глубокій, самый жизненный, существенный и по преимуществу практическій вопросъ общественнаго переустройства» *).

И Герценъ не ограничивается провозглашеніемъ всего величія этого «самаго внутренняго, существеннаго вопроса». Онъ доказываетъ справедливость этой точки зрѣнія. Онъ защищаетъ ее противъ возраженій стараго идеализма и романтики: «Считать чѣмъ-то подчиненнымъ и грубымъ стремленіе къ развитію повсюднаго довольства, стремленіе вырвать у слѣпой случайности и у наслѣдниковъ насилія орудія труда и скопившіяся силы, считать все это матеріализмомъ, эгоизмомъ, могутъ одни закоснѣлые романтики и идеалисты...

«Все несчастіе прошлыхъ переворотовъ состояло именно въ опущеніи экономической стороны, которая тогда еще не была настолько зрѣла, чтобъ занять свое мѣсто... романтики, гордо улыбаясь, возражаютъ, что величайшія историческія событія нисколько не зависѣли отъ большей или меньшей сытости и матеріальнаго благосостоянія, что крестоносцы не думали о пріобрѣтеніяхъ, что голодная и босая армія побѣдила Италію. Да оттого-то, между прочимъ, и не много вышло изъ всѣхъ этихъ войнъ и передрягъ. Европа, послѣ трехъ столѣтій гражданскаго и всяческаго развитія, послѣ стольких переворотовъ и опустошеній, стоитъ еще теперь при началѣ своего дѣла» **).

И десять лѣтъ спустя, полемизируя въ «Колоколѣ» противъ мнѣнія одного поляка, который, признавая относительную важность «освобожденія крестьянъ съ землею», замѣчаетъ «снисходительно», что хоть это и шагъ впередъ, но шагъ *исключительно экономическій*», Герценъ энергично рипостируетъ: «Excusez du peu... Какъ будто экономическій вопросъ не есть главнѣйшій, не есть существеннѣйшій, единый спасающій. До сихъ поръ люди все толковали о фасадѣ, о гербахъ, о заборахъ и сѣняхъ, о границахъ и церемоніалахъ. Тѣ, которые сказали міру, ты печешься о многомъ, едино-же на потребу, *экономическое устройство*, тѣ первые поняли, что полипникъ готовъ, что пора жить и полно обстраиваться. Свести кровавые религіозные вопросы на человѣческіе, и кровавые политическіе вопросы на экономическіе, въ этомъ вся задача современности» ***).

---

*) „Письма изъ Франціи и Италіи" (1847—1852); т. IV „Сочиненій", стр. 183—184.

**) Ibid., стр. 184—185, passim.

***) „Колоколъ" (1859 г.; по сборнику, изданному подъ редакціей г. Тихомирова, который часто соединяетъ въ одну статью рядъ статей, печа-

И, однако, рядомъ съ этимъ приданіемъ экономикѣ столь исключительнаго значенія, Герценъ въ другіе моменты и реагируя на другія событія, развиваетъ такіе взгляды на отношеніе экономической, политической и иныхъ сторонъ соціальнаго вопроса, которые могутъ показаться противорѣчащими, да отчасти и, дѣйствительно, противорѣчатъ точкѣ зрѣнія, выражающейся въ только что приведенныхъ цитатахъ. Помимо самой сложности общественной науки, обусловливающей нѣкоторыя колебанія мысли даже у самыхъ выдающихся умовъ, эти противорѣчія объясняются еще и тѣмъ, что Герценъ, какъ въ высшей степени живой и отзывчивый писатель, могъ подъ давленіемъ рѣзко мѣняющихся обстоятельствъ выдвигать впередъ то тотъ, то другой изъ элементовъ соціальной задачи.

Пусть читатель, дѣйствительно, остановитъ свое вниманіе на нижеслѣдующей многозначительной цитатѣ, относящейся къ періоду все крѣпчавшей и крѣпчавшей реакціи послѣ разгрома февральской революціи: «Гдѣ оканчивается политическая республика, гдѣ начинается соціальная? Политическая республика не оканчивается въ соціальной, а переходитъ въ нее; соціальная республика есть исполненіе, осуществленіе политической, онѣ противоположны только въ антитетическомъ смыслѣ, и это не значитъ смутность понятій, таково все движущееся, живое, развивающееся... Соціализмъ предполагаетъ республику, какъ необходимо уже пройденный путь; политическая республика, представительная, составляетъ именно переходъ отъ монархіи къ соціализму.

«Обыкновенно думаютъ, что соціализмъ имѣетъ исключительною цѣлью разрѣшеніе вопроса о капиталѣ, рентѣ и заработанной платѣ, т. е. объ уничтоженіи людоѣдства въ его образованныхъ формахъ. Это не совсѣмъ такъ. Экономическіе вопросы чрезвычайно важны, но они составляютъ одну сторону цѣлаго воззрѣнія, стремящагося, наравнѣ съ уничтоженіемъ злоупотребленій собственности, уничтожить на тѣхъ же основаніяхъ и все монархическое, религіозное— въ судѣ, въ правительствѣ, во всемъ общественномъ устройствѣ, и всего болѣе, въ семьѣ, въ частной жизни, около очага, въ поведеніи, въ нравственности» *).

Можно было бы, конечно, пуститься здѣсь въ дешевое обличительство Герцена по части его эклектизма, его противорѣчій, несогласованности его взглядовъ. Герценъ былъ, дѣйствительно, умъ не столько систематическій, сколько сложный, гибкій, не успокаивавшійся на рѣзко очерченномъ кругѣ идей. Но не ближе ли будетъ къ психологической истинѣ просто сказать, что Герценъ

тавшихся въ нѣсколькихъ номерахъ, не видно, къ какому числу относится цитируемый нами „Отвѣтъ"), стр. 106.

*) „Письма изъ Франціи и Италіи (письмо 11-е, изъ Парижа, отъ 1 іюня 1849); т. IV „Сочиненій", стр. 336—338, passim.

отражалъ и синтезировалъ различные элементы формулировавшагося тогда западнаго соціализма съ его смѣлыми научными догадками, но и съ его противорѣчіями, которыя болѣе или менѣе ярко обнаруживались не только между различными доктринами, а часто даже внутри одной и той же системы?

Такъ, три величайшихъ родоначальника европейскаго соціализма, Сэнъ-Симонъ, Фурье, Оуэнъ, кладутъ въ основаніе анализа современнаго строя и требованія его коренной реформы взглядъ на первенствующее значеніе экономическихъ отношеній, и прежде всего отношеній собственности въ человѣческомъ общежитіи. И въ то же время у каждаго изъ нихъ,—при томъ нельзя сказать, чтобы въ большомъ согласіи съ этой общей точкой зрѣнія,—развивается, въ качествѣ регулятора всей системы, особый принципъ соціальнаго строительства: у Сэнъ-Симона—«положительная наука» въ первый періодъ его учительской дѣятельности и «новое христіанство»—во второй; у Фурье—свобода человѣческихъ страстей; у Роберта Оуэна—«фабрикація характера». Съ другой стороны, если Прудонъ доводитъ ученіе экономизма до крайности, пропагандируя свое пресловутое «раствореніе правительства въ экономическомъ организмѣ» и провозглашая колоссальнѣйшій тактическій парадоксъ: «политическая революція есть цѣль, соціальная революція есть средство» *), то взгляды другихъ соціалистовъ являлись необходимой поправкой къ этимъ преувеличеніямъ. Такъ, Пьеръ-Леру ставилъ себѣ въ заслугу сближеніе экономики съ политикой, говоря: «я ввелъ республику въ соціализмъ и соціализмъ въ республику». А Луи-Бланъ, апеллируя къ организованной общественной власти для проведенія коренныхъ соціальныхъ реформъ, энергично заявлялъ: «соціализмъ можетъ быть оплодотворенъ лишь дыханіемъ политики» **).

Мы имѣемъ поэтому, какъ мнѣ кажется, право сказать, что въ кардинальномъ и до сихъ поръ вызывающемъ разногласія вопросѣ соціализма объ отношеніяхъ между экономикой и политикой Герценъ отражалъ состояніе тогдашнихъ ученій, никогда во всякомъ случаѣ не забывая громаднаго значенія матеріальныхъ интересовъ

---

*) Читателя, интересующагося тѣми взглядами западныхъ соціалистовъ, которые воздѣйствовали на выработку міровоззрѣнія труда въ Россіи, я просилъ бы обратиться за подробностями къ моей работѣ: *Вліяніе западно-европейскаго соціализма на русскій*; „Минувшіе годы", 1908, №№ 5 (Соціализмъ французской революціи и Бабефъ; три великіе утописта: Сэнъ-Симонъ, Фурье, Оуэнъ), 9 (сэнъ-симонисты; Буонарроти, Пьеръ-Леру, Кабэ, Луи-Бланъ), 10 (Прудонъ, Жоржъ-Зандъ, Видаль, Консидеранъ, Бланки), 11 (Карлъ Марксъ).

**) Извѣстно, впрочемъ, что этотъ экономизмъ шелъ у Прудона рука объ руку съ признаніемъ великаго значенія личности и ея нравственной стороны. Противорѣчіе это было далеко не единственнымъ у мыслителя, бывшаго въ гораздо большей степени могучимъ критикомъ современности, чѣмъ творцомъ какой-либо цѣльной системы взглядовъ.

и тѣмъ рѣшительно отмежевывая себя, по крайней мѣрѣ въ теоріи, отъ либераловъ и буржуазныхъ демократовъ.

Что касается до распаденія общества на праздное меньшинство и трудящееся большинство, въ результатѣ чего всю современную цивилизацію проникаетъ великій соціальный фактъ классовой борьбы, которую еще до Маркса анализировали и объясняли Бабефъ, Фурье, Оуэнъ и Сэнъ-Симонъ, сэнъ-симонисты и фурьеристы, Пьеръ-Леру, Луи-Бланъ, Прудонъ, Бланки, то Герценъ вполнѣ принимаетъ и съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ обосновываетъ этотъ взглядъ западныхъ соціалистовъ на характеръ общежитія нашихъ дней. Разбирая условія возможности побѣды абсолютистской Россіи Николая I надъ неизмѣримо болѣе цивилизованной, но и раздираемой соціальными противорѣчіями Европой, Герценъ такъ изображаетъ состояніе послѣдней послѣ февральской революціи: «Европа раздѣлена на двѣ совершенно противоположныя партіи, ихъ взаимная ненависть гораздо сильнѣе ненависти русскихъ и турокъ между собой, и этотъ *манихеизмъ* общественный существуетъ во всякомъ государствѣ, во всякомъ городѣ, во всякомъ селѣ. Какого же можно ожидать единства въ дѣйствіяхъ— до окончательной побѣды одного изъ спорящихъ» *).

Но, можетъ быть, никогда Герценъ не возвышался до такой энергичной характеристики основного противорѣчія современнаго режима, какъ въ той части «Съ того берега», которая была писана осенью 1848 г., подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ страшнаго избіенія парижскихъ рабочихъ буржуазіей въ іюньскіе дни: «Сила соціальныхъ идей велика, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ихъ началъ понимать истинный врачъ, врачъ *по праву* существующаго гражданскаго порядка—пролетарій, работникъ, которому досталась вся горечь этой формы жизни и котораго миновали всѣ ея плоды. Намъ еще жаль старый порядокъ вещей, кому же и пожалѣть его, какъ не намъ? Онъ только для насъ и былъ хорошъ, мы воспитаны имъ, мы его любимыя дѣти, мы сознаемся, что ему надобно умереть, но не можемъ ему отказать въ слезѣ. Ну, а массы, задавленныя работой, изнуренныя голодомъ, притупленныя невѣжествомъ, онѣ о чемъ будутъ плакать на его похоронахъ?.. Онѣ были эти неприглашенные на пиръ жизни, о которыхъ говоритъ Мальтусъ, ихъ *подавленность* была необходимымъ условіемъ нашей жизни.

«Все наше образованіе, наше литературное и научное развитіе, наша любовь изящнаго, наши занятія предполагаютъ среду, постоянно расчищаемую *другими*, приготовляемую *другими*; надобенъ чей-то трудъ для того, чтобъ намъ доставить досугъ, необходимый для нашего психическаго развитія, тотъ досугъ, ту дѣятель-

---

*) *Старый міръ и Россія* (Письма къ редактору „The English Republic", В. Линтону, 1854 г.); т. V „Сочиненій", стр. 267—268.

ную праздность, которая способствуетъ мыслителю сосредоточиваться, поэту мечтать, эпикурейцу наслаждаться, которая способствуетъ пышному, капризному, поэтическому, богатому развитію нашихъ аристократическихъ индивидуальностей... Наша цивилизація — цивилизація меньшинства, она только возможна при большинствѣ чернорабочихъ» *).

Но, поставивши діагнозъ этой соціальной двойственности, Герценъ указываетъ и на исходъ изъ состоянія постоянной гражданской войны путемъ сознательной борьбы трудящихся массъ противъ привилегированнаго класса: «Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколѣній, едва догадывалось, отчего ему такъ ловко жить; пока большинство, работая день и ночь, не совсѣмъ догадывалось, что вся выгода работы для другихъ, и тѣ и другіе считали это естественнымъ порядкомъ, міръ антропофагіи могъ держаться...

«Работникъ не хочетъ больше работать для другого—вотъ вамъ и конецъ антропофагіи, вотъ предѣлъ аристократіи. Все дѣло остановилось теперь за тѣмъ, что работники не сосчитали своихъ силъ, что крестьяне отстали въ образованіи; когда они протянутъ другъ другу руку,—тогда вы распроститесь съ вашимъ досугомъ, съ вашей роскошью, съ вашей цивилизаціей, тогда окончится поглощеніе большинства на вырабатываніе свѣтлой и роскошной жизни меньшинству» **).

Читатель, конечно, уже обратилъ вниманіе на поистинѣ замѣчательныя строки заключенія, гдѣ Герценъ съ рѣдкой проницательностью касается Ахилесовой пяты соціальнаго движенія массъ, а именно, разъединенности городскихъ и сельскихъ трудящихся, и пророчески указываетъ на выходъ изъ тупика, въ который упирается болѣе или менѣе, но повсюду великая армія труда, не имѣющая возможности побѣдить старый міръ эксплуатаціи, пока рабочій и крестьнинъ не «протянутъ другъ другу руку».

Горячій сторонникъ, какъ мы видѣли, цѣльности и свободы личности въ политическомъ и общественномъ союзѣ, Герценъ защищаетъ автономію индивидуума и въ рамкахъ семьи. Съ этой точки зрѣнія онъ совершенно логически признаетъ равенство половъ и вообще энергично борется за свободу отношеній между мужчиною и женщиною противъ деспотическаго формализма исторически сложившагося брака. Въ этомъ отношеніи онъ гораздо послѣдовательнѣе своего учителя въ анархіи, Прудона, который, съ необыкновеннымъ жаромъ проповѣдуя отсутствіе принудительной власти надъ индивидуумомъ въ обществѣ и государствѣ, подчинилъ, однако, жену и дѣтей авторитету мужчины въ семьѣ, а самую семью построилъ въ ригористическомъ и жестоковыйномъ духѣ римскаго

---

*) *Съ того берега* (глава, помѣченная 1-мъ октября (ноября?) 1848 г.; т. V „Сочиненій“, стр. 60—61, passim.

**) Ibid., стр. 62—63, passim.

права, едва-едва смягченнаго гражданскимъ (такъ называемымъ наполеоновскимъ) кодексомъ по-революціонной буржуазной Франціи. Величайшую честь независимости мысли Герцена дѣлаетъ та проницательная и смѣлая критика, которую онъ направляетъ противъ идей о семьѣ и бракѣ, развитыхъ Прудономъ въ его книгѣ: «О справедливости», какъ и вообще весь этотъ разборъ Герценомъ замѣчательнаго, но мѣстами прямо возмутительнаго своими предразсудками, трактата Прудона, является едва ли не лучшимъ изо всего того, что было написано о столь нашумѣвшемъ сочиненіи.

Приведу лишь одно-два мѣста изъ Герцена: «Галльскій трибунъ... стоически попираетъ ногами личныя чувства, а не ищетъ ихъ согласовать съ требой семьи и общины... Семья, первая ячейка общества, первыя ясли справедливости, осуждена на высшую, безвыходную работу; она должна служить жертвенникомъ очищенія отъ личнаго, въ ней должны быть вытравлены страсти. Суровая римская семья въ современной мастерской идеалъ Прудона» *).

Подростающему гражданину, сыну, въ этой семьѣ, не говоря уже о дочери, которая пойдетъ въ другую столь же суровую семью, нѣтъ никакой свободы дѣйствій и никакого простора. Его должно, «во имя *воплощенія справедливости*, снова заковать въ колодки безусловной отцовской власти». Онъ «не можетъ имѣть воли при отцѣ, пуще всего въ выборѣ жены. Онъ долженъ закалиться въ рабствѣ, чтобы въ свою очередь сдѣлаться тираномъ дѣтей, рожденныхъ безъ любви, по долгу, для продолженія семьи. Въ этой семьѣ бракъ будетъ нерасторгаемъ, но за то холодный, какъ ледъ; бракъ собственно побѣда надъ любовью, чѣмъ меньше любви между женой—кухаркой и мужемъ—работникомъ, тѣмъ лучше. И эти старыя, изношенныя пугала изъ гегелизма правой стороны, пришлось-то мнѣ еще разъ увидѣть подъ перомъ Прудона» **).

Блестящимъ, могучимъ аккордомъ любовнаго негодованія къ Прудону, котораго онъ всегда такъ высоко ставилъ, заканчиваетъ Герценъ эту единственную въ своемъ родѣ критику буржуазныхъ, лучше сказать, мужицкихъ предразсудковъ геніальнаго сына бочара: «Что за хаосъ! Прудонъ, освобождаясь отъ всего, кромѣ *разума*, хотѣлъ остаться не только мужемъ въ родѣ Синей Бороды, но и французскимъ націоналистомъ—съ литературнымъ шовинизмомъ и безграничной родительской властью, а потому вслѣдъ за крѣпкой, полной силъ мыслью свободнаго человѣка слышится голосъ свирѣпаго старика, диктующаго свое завѣщаніе и хотящаго теперь сохранить своимъ дѣтямъ ветхую храмину, которую онъ подкапывалъ всю жизнь» ***).

Въ области отношеній между полами и поколѣніями, семейнаго

---

*) „Былое и думы" (1850 -1864); т. IX „Сочиненій", стр. 61.

**) Ibid., стр. 62.

***) Ibid., стр. 65—66.

и женскаго вопроса, Герценъ остался старымъ сэнъ-симонистомъ, который, вспоминая свои юношескія увлеченія доктринами Анфантэна, такъ резюмировалъ много лѣтъ спустя основные принципы ученія, глубоко потрясшаго душу двадцатилѣтняго молодого человѣка: «Съ одной стороны, *освобожденіе женщины*, призваніе ея на общій трудъ, отданіе ея судебъ въ ея руки, союзъ съ нею, какъ съ ровнымъ. Съ другой—оправданіе, *искупленіе плоти*, réhabilitation de la chair!

«Великія слова, заключающія въ себѣ цѣлый міръ новыхъ отношеній между людьми, міръ здоровья, міръ духа, міръ красоты, міръ естественно нравственный и потому нравственно-чистый. Много издѣвались надъ свободой женщины, надъ признаніемъ правъ плоти, придавая словамъ этимъ смыслъ грязный и пошлый; наше монашески-развратное воображеніе боится плоти, боится женщины. Добрые люди поняли, что очистительное *крещеніе плоти* есть отходная христіанства; религія жизни шла на смѣну религіи смерти, религія красоты—на смѣну религіи бичеванія и худобы отъ поста и молитвы» *).

Десятью годами позже, уже женатый и наталкиваемый самыми радостями и горестями семейной жизни на вопросъ объ отношеніи между полами, Герценъ въ своемъ дневникѣ остается на прежней, свободомыслящей точкѣ зрѣнія и съ большой симпатіей вспоминаетъ опять таки сэнъ-симонистовъ: «...мы не можемъ свободно и широко взглянуть на отношенія людей между собою, христіанскіе призраки мѣшаютъ... Неразрывный бракъ, съ одной стороны, и съ другой—публичные дома, гдѣ женщина брошена въ грязный развратъ, поставлена ниже животнаго. Но какъ примирить, какъ устроить? Сенъ-Симонисты дали великій примѣръ смиренія, они ждали голоса женщинъ, чтобъ рѣшить вопросъ; но съ тѣхъ поръ развѣ голосъ G. Sand не заявлялъ мнѣнія женщины?» **).

Другой разъ, критикуя, какъ намъ кажется, ошибочно, постановку этого сложнаго вопроса у Фурье, который будто бы «не понялъ женщины, не понялъ любви», Герценъ если и не идетъ такъ далеко, какъ создатель фаланстеріанской системы, то во всякомъ случаѣ предвидитъ, параллельно съ торжествомъ новаго, соціалистическаго строя, расширеніе умственнаго міра женщины и меньшую зависимость ея личной судьбы отъ перипетій черезчуръ засасывающей ее нынѣ семейной ячейки: «... Въ общинной жизни, развитой на широкихъ основаніяхъ, женщина будетъ болѣе причастна общимъ интересамъ, ее нравственно укрѣпитъ воспитаніе, она не будетъ такъ односторонне прикрѣплена къ семейству и тогда удары будутъ выносимѣе» ***).

*) „Былое и Думы“ (1812—1838); т. VI „Сочиненій“ 1878, стр. 196.
**) „Дневникъ“ (іюнь 1843); т. I „Сочиненій“, стр. 115.
***) Ibid. (мартъ 1844); стр. 189.

Остановимся еще на одномъ кругѣ соціальныхъ идей Герцена, на той области, гдѣ онъ продвинулся гораздо дальше большинства западно-европейскихъ учителей тогдашняго соціализма, принявъ точку зрѣнія, которая съ надлежащей ясностью развивалась въ то время Миллемъ, Прудономъ и (игнорировавшимся Герценомъ) Марксомъ. Это взглядъ на органическій ростъ соціализма, на связь его съ насущными потребностями, коренящимися въ самой жизни массъ, и на невозможность его торжества путемъ отвлеченной постройки самой идеальной системы и искусственнаго насажденія образцовъ совершеннаго общежитія,—какъ то думали великіе утописты первой половины XIX вѣка, Сэнъ - Симонъ, Фурье, Оуэнъ, Кабэ и т. д. Для Герцена соціализмъ былъ не системой, а процессомъ, развитіемъ, борьбой идеи за осуществленіе, преломленіемъ принциповъ въ реальной средѣ. И это независимо отъ того, стоялъ ли Герценъ за революціонное рѣшеніе соціальнаго вопроса, какъ это было съ нимъ на рубежѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ, или же склонялся къ реформистской тактикѣ, какъ то все ярче и ярче обнаруживалось къ концу его жизни.

Черезъ годъ послѣ іюльскихъ дней, Герценъ писалъ изъ Парижа: «Обвиненіе, что соціализмъ не выработалъ своего воззрѣнія, не развилъ своихъ ученій, а принялся ихъ осуществлять, школьно и пусто; общественные перевороты никогда не бываютъ готовы передъ борьбою; готово бываетъ отрицаніе стараго; борьба—дѣйствительное рожденіе на свѣтъ общественныхъ идей, она ихъ дѣлаетъ живыми изъ абстракціи, учрежденіями изъ теоретическихъ мыслей; готовыми и выработанными являются утопіи... Пока соціализмъ былъ теоретическою мыслью, онъ дѣлалъ окончательныя построенія (фаланстеръ), выдумывалъ формы и костюмы; какъ скоро онъ сталъ осуществляться, Сенъ-Симонизмъ и Фурьеризмъ исчезли и явился соціализмъ-коммунизмъ, т. е. борьба на смерть, соціализмъ Прудона, который самъ недавно сказалъ, что у него не система, а критика и негація» *).

А полугодомъ раньше Герценъ развивалъ ту же мысль лишь нѣсколько съ иной стороны: «Исполненіе соціализма представляетъ... неожиданное сочетаніе отвлеченнаго ученія съ существующими фактами. Жизнь осуществляетъ только ту сторону мысли, которая находитъ себѣ почву, да и почва при томъ не остается страдательнымъ носителемъ, а даетъ свои соки, вноситъ свои элементы. Новое, возникающее изъ борьбы утопій и консерватизма, входитъ въ жизнь не такъ, какъ его ожидала та или другая сторона...

---

*) „Письма изъ Франціи и Италіи“ (письмо 11-е отъ 1 іюня 1849); т. IV „Сочиненій“, стр. 347. Неловкая постройка заключительной фразы не должна вводить читателя въ заблужденіе: Герценъ, конечно, зналъ, что Прудонъ былъ страстнымъ врагомъ коммунизма.

Идеалы, теоретическія построенія никогда не осуществляются такъ, какъ они носятся въ нашемъ умѣ» *).

А Герценъ, замѣтьте, вѣрилъ еще въ это время въ возможность рѣшительнаго переворота, «настоящей революціи народныхъ массъ», революціи, которая по его мнѣнію, разразится, когда «крестьянинъ дослушаетъ рабочаго» и вмѣстѣ съ нимъ придастъ «характеръ рѣзко коммунистическій» давно ведущейся «дѣйствительной борьбѣ богатаго меньшинства и бѣднаго большинства» **).

Но эту органическую точку зрѣнія на осуществленіе соціализма Герценъ развивалъ еще чаще и обстоятельнѣе въ послѣдніе годы своей жизни, когда у него крайне ослабѣла вѣра въ возможность насильственнаго рѣшенія соціальнаго вопроса и когда онъ, — не безъ преувеличеній, по моему мнѣнію,—почти совсѣмъ исключалъ перспективу революціоннаго столкновенія двухъ міровъ. Въ письмахъ къ «старому товарищу», говоря о разницѣ своихъ прежнихъ и своихъ настоящихъ взглядовъ на быстроту темпа предстоящаго кореннаго переустройства, Герценъ выражается такъ: «Если я измѣнился, то вспомни, что *измѣнилось* все. Экономически-соціальный вопросъ становится теперь иначе, чѣмъ онъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Онъ пережилъ свой религіозный и идеальный, юношескій возрастъ, такъ же, какъ возрастъ натянутыхъ опытовъ и экспериментацій въ маломъ видѣ... Въ этомъ великое знаменіе его совершеннолѣтія. Оно достигается наглядно, *но не достигнуто*, не отъ однихъ внѣшнихъ препятствій, не отъ одного отпора, но и отъ внутреннихъ причинъ. Меньшинство, идущее впередъ, не доработалось до ясныхъ истинъ, до практическихъ путей, до полныхъ формулъ будущаго экономическаго быта. Большинство, наиболѣе страдающее, стремится одною частью городскихъ работниковъ выйти изъ него, но удержано старымъ, традиціоннымъ міросозерцаніемъ другой и самой многочисленной части (крестьянъ. Н. Р.). Знанія и пониманья не возьмешь никакими coup d'état и никакими coup de tête. Медленность, сбивчивость историческаго хода пониманья насъ бѣситъ и душитъ, она намъ невыносима, и многіе изъ насъ, измѣняя собственному разуму, торопятся и торопятъ другихъ. Хорошо ли это или нѣтъ? Въ этомъ весь вопросъ.

«Слѣдуетъ ли толчками возмущать съ цѣлью ускоренія внутренней работы, которая очевидна? Сомнѣнія нѣтъ, что акушеръ можетъ ускорять, облегчать, устранять препятствія, но въ извѣстныхъ предѣлахъ; а ихъ трудно установить и страшно переступать. На это, сверхъ логическаго самоотверженія, надобенъ тактъ и

*) „Съ того берега“ (глава, помѣченная 1 декабря 1848); т. V „Сочиненій“, стр. 90—91.

**) *Письма изъ Франціи и Италіи* (письмо 13-е, изъ Ниццы, отъ 1 іюня 1851); т. IV «сочиненій», стр. 369.

вдохновенная импровизація. Сверхъ того, не вездѣ одинаковая работа и одни предѣлы» *).

Самъ Герценъ склоняется почти безусловно въ сторону мирной альтернативы, отрицая совершенно цѣлесообразность примѣненія силы къ организаціи новаго строя: «Общее постановленіе задачи не даетъ ни путей, ни средствъ, ни даже достаточной среды. Насиліемъ ихъ не завоюешь. Подорванный порохомъ весь міръ буржуазный, когда уляжется дымъ и расчистятъ развалины, снова начнетъ съ разными измѣненіями — *какой-нибудь буржуазный міръ*. Потому, что онъ внутри *не конченъ и потому еще, что ни міръ построяющій*, ни новая огранизація не настолько готовы, чтобы пополниться, осуществляясь...

«Насиліемъ и терроромъ распространяются религіи и политики, учреждаются самодержавныя имперіи и нераздѣльныя республики; насиліемъ можно разрушать и расчищать мѣсто — не больше. Петрограндизмомъ соціальный переворотъ дальше каторжнаго равенства Гракха Бабефа и коммунистической барщины Кабе не пойдетъ» **).

Здѣсь Герценъ перегибалъ палку черезчуръ въ сторону, противоположную той, куда ее гнули революціонеры, преувеличивавшіе роль ударовъ инниціативнаго меньшинства безъ предварительнаго назрѣванія историческихъ условій. Но, во всякомъ случаѣ, онъ не сходилъ съ общей точки зрѣнія, на которой стоялъ двадцать лѣтъ тому назадъ и согласно которой соціализмъ не есть импровизація отдѣльныхъ умовъ, но выраженіе растущихъ потребностей трудящихся массъ, лишь потребностей, предугадываемыхъ и формулируемыхъ геніальными мыслителями.

Схватывалъ Герценъ и международную связь этихъ потребностей. Я позволю себѣ привести изъ только что цитированной переписки другое мѣсто, которое показываетъ, въ какой степени неправы были тѣ, кто принималъ горячую любовь Герцена къ Россіи за квасной славянскій и даже «московскій» шовинизмъ. Вотъ что Герценъ пишетъ, дѣйствительно, по поводу конгрессовъ Интернаціонала, начавшаго во второй половинѣ 60-хъ годовъ привлекать къ себѣ вниманіе и друзей, и враговъ соціализма: «Работники, соединяясь между собой, выдѣляясь въ особое «государство въ государствѣ», достигающее своего устройства и своихъ правъ помимо капиталистовъ и собственниковъ, помимо политическихъ границъ и границъ церковныхъ, составятъ первую сѣть и первый всходъ будущаго экономическаго устройства. Международный союзъ можетъ выросги въ Авентинскую гору à l'intérieur. Отступая на нее, міръ рабочій, сплоченный между собой, покинетъ міръ,

*) *Сборникъ посмертныхъ статей* (письмо первое «Къ старому товарищу»); стр. 288—289.

**) Ibid., стр. 290—291.

пользующійся безъ работы, за свою доходную непроизводительность, и онъ, отлученный, nolens volens, пойдетъ на сдѣлки. А не пойдетъ, тѣмъ хуже для него, онъ самъ себя поставитъ *внѣ закона*, и тогда гибель его отстранится только на столько, на сколько у новаго міра нѣтъ силъ» *).

Такимъ образомъ мы видимъ, что, будучи пламеннымъ патріотомъ въ благородномъ смыслѣ этого слова, Герценъ прекрасно понималъ вмѣстѣ съ тѣмъ все значеніе международной организаціи труда для борьбы съ капиталомъ.

Этимъ дорисовывается умственная физіономія Герцена, какъ сторонника основныхъ положеній западно-европейскаго соціализма. Обратимся теперь къ Герцену, какъ одному изъ самыхъ раннихъ и выдающихся творцовъ «русскаго соціализма», который являлся преломленіемъ общихъ соціалистическихъ принциповъ въ оригинальномъ умѣ мыслителя, умѣвшаго подмѣчать особености своей родины.

Н. С. Русановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Ibid. (письмо второе), стр. 297.

Чудодѣйственный бальзамъ Тоно-Бэнге.

Романъ *Г. Д. Уэльса.*

Переводъ съ англійскаго А. В. Каменскаго.

IV.

Юартъ, съ его разговорами, болѣе всего способствовалъ тому, что я бросилъ заниматься. Соціальныя теоріи, въ формѣ демократическаго соціализма, все болѣе и болѣе охватывали меня.

Сидя въ лабораторіи, я вступалъ въ диспуты съ товарищемъ, раздѣлявшимъ со мною столъ. И дѣло кончилось тѣмъ, что мы поссорились и перестали говорить. Въ это-же время я влюбился.

Закваска половаго инстинкта начала бродить въ моемъ существѣ еще съ временъ Уимбльгерста; подъ вліяніемъ Лондона, это броженіе обратилось въ цѣлую бурю. Юартъ также имѣлъ свою долю участія въ этомъ. Впечатлѣнія красоты во всѣхъ ея проявленіяхъ все дѣлались острѣе, рядомъ съ этимъ во мнѣ росло желаніе какихъ то приключеній, новыхъ знакомствъ, и все это сходилось въ одномъ господствующемъ, центральномъ пунктѣ индивидуальной жизни. Я долженъ былъ найти себѣ подругу.

Я сталъ слегка влюбляться въ встрѣчавшихся мнѣ на улицахъ дѣвушекъ, въ женщинъ, сидѣвшихъ напротивъ меня въ поѣздахъ, въ курсистокъ на лекціяхъ, въ уличныхъ женщинъ, въ ловкихъ дѣвицъ, прислуживавшихъ въ кофейняхъ, даже въ картинки, изображавшія женщинъ. Во время моихъ рѣдкихъ посѣщеній театра, я всегда находился въ возбужденномъ состояніи, и не только актрисы на сценѣ, но и женщины изъ зрительницъ были полны для меня какой-то таинственной, возбуждающей прелести. Меня все болѣе и болѣе проникала мысль, что въ числѣ этого мно-

жества женщинъ находилась одна, предназначенная для меня.

Странно сказать,—я не помню, когда я въ первый разъ встрѣтился съ Маріонъ, ставшей потомъ моей женой, къ большому несчастью для насъ обоихъ, при чемъ во мнѣ было уничтожено разъ навсегда всякое свѣжее молодое чувство, и любовь потомъ обратилась въ какую-то борьбу. Я замѣтилъ ее въ числѣ другихъ привлекательныхъ женскихъ фигуръ, вращавшихся вокругъ меня. Я встрѣчалъ ее, проходя на лекціи черезъ художественный музей, а также замѣчалъ, съ книгой въ рукахъ, въ одномъ изъ глубокихъ оконъ библіотеки. Но, какъ оказалось потомъ, она никогда не читала, и приходила сюда, чтобы съѣсть въ тишинѣ сладкую булку. Это была скромно одѣтая, съ нѣкоторою граціею въ движеніяхъ, молодая дѣвушка, съ темно каштановыми волосами, связанными въ красивый узелъ, падавшій на шею и оттѣнявшій очертанія головы.

Она выдѣлялась среди другихъ простотою своего костюма, отсутствіемъ кричащихъ цвѣтовъ, модной шляпы, бантовъ и другихъ украшеній. Въ своемъ простомъ черномъ платьѣ, она производила на меня впечатлѣніе какой то содержательной серьезности.

Я помню, какъ разъ она особенно поразила меня очертаніями своей фигуры. Мнѣ что-то не работалось въ лабораторіи, и я вышелъ побродить между картинами въ художественный музей. Я увидѣлъ ее въ углу галлереи, старательно срисовывавшей что-то съ одной изъ картинъ, висѣвшей довольно высоко. Передъ тѣмъ я былъ въ другомъ отдѣлѣ античныхъ слѣпковъ и еще находился подъ впечатлѣніемъ строгихъ, изящныхъ линій. Она стояла, съ приподнятымъ кверху лицомъ, слегка перегнувшись въ станѣ, представляя собою нѣчто чрезвычайно граціозное и женственное.

Послѣ того я всячески старался увидѣть ее, присутствіе ея возбуждало меня, она наполняла всѣ мои мысли. Женщины уже болѣе не были для меня какимъ-то общимъ, постоянно мѣняющимся образомъ. Онѣ воплощались теперь для меня въ ней одной.

Простой случай свелъ насъ. Я возвращался въ омнибусѣ со станціи Викторія, на обратномъ пути изъ поѣздки въ Уимбльгерстъ, куда меня почему-то вздумалъ пригласить въ гости мой бывшій хозяинъ, м-ръ Мантлъ. Мы оказались единственными внутренними пассажирами; и когда кондукторъ подошелъ къ ней, чтобы получить деньги, она стала искать по карманамъ, потомъ растерялась,—очевидно, она забыла кошелекъ.

По счастью, у меня оказалась мелочь. Она взглянула на меня съ испугомъ въ своихъ карихъ глазахъ и позволила мнѣ заплатить за нее, сильно сконфуженная, но стараясь принять развязный видъ.

— Очень благодарю васъ,—сказала она тихимъ, пріятнымъ голосомъ, вставая съ своего мѣста, чтобы выйти.—Право, вы ужасно добры,—добавила она проще.

Я издалъ какой-то вѣжливый звукъ въ отвѣтъ. Но въ тотъ моментъ мнѣ было не до разсужденій. Я весь былъ охваченъ близостью ея существа въ то время, какъ она проходила мимо меня къ выходу. У меня даже явилась мысль, слѣдовать за нею,—но я не сдѣлалъ этого.

Эта встрѣча, безъ сомнѣнія, страшно подѣйствовала на меня. Я не спалъ всю ночь и мечталъ о продолженіи начатаго знакомства: поводъ къ этому дало возвращеніе мнѣ двухъ пенсовъ. Я сидѣлъ въ библіотекѣ, разыскивая что-то въ *Британской Энциклопедіи*, когда она подошла ко мнѣ и положила на открытую страницу тоненькій конвертъ, видимо заключавшій въ себѣ мѣдныя монеты.

— Вы были такъ добры тогда,—сказала она.—Я, право, не знаю, чтобы я стала дѣлать безъ васъ, м-ръ...

Я дополнилъ нехватавшую фамилію.

— Я такъ и думалъ, что вы курсистка,—сказалъ я.

— Не совсѣмъ. Я...

— Во всякомъ случаѣ, я зналъ, что вы часто здѣсь бываете. Я студентъ здѣшней Технической Школы.

И тутъ я пустился въ свою автобіографію и разспросы и втянулъ ее въ разговоръ, получившій отчасти интимный характеръ, потому что, въ виду другихъ посѣтителей читальни, мы должны были разговаривать вполголоса, хотя содержаніе нашей бесѣды было самое пустое. Да, вообще, сколько я помню, всѣ наши разговоры и послѣ того отличались невѣроятною банальностью. Мы встрѣчались послѣ того нѣсколько разъ, наполовину случайно; но всегда чувствовали себя какъ-то неловко. Я совершенно не могъ понять ее тогда, да и никогда не понялъ. Ея разговоръ былъ пустой, полный претензіи и недомолвокъ, хотя въ немъ не замѣчалось ничего вульгарнаго. Ей видимо хотѣлось выставить свое общественное положеніе въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ оно дѣйствительно было; ей хотѣлось сойти за ученицу художественной школы и было стыдно сознаться въ противномъ. Она ходила въ музей, чтобы „снимать копіи“, и это было связано съ какимъ-то заработкомъ, о чемъ она хранила молчаніе. Я много разсказывалъ ей о себѣ, желая заинтересовать ее, но, какъ оказалось впослѣдствіи, у нея только получилось одно впечатлѣніе, что я „занятъ собою“. Когда

мы говорили о книгахъ, она больше молчала, но о картинахъ иногда высказывалась. По ея словамъ, „ей нравились картины“. Мнѣ думается, что я съ самаго начала понялъ (и нисколько не огорчался этимъ), что она представляла собою самое заурядное существо, но въ ней скрывалось что-то, покорявшее себѣ мои самые сокровенные инстинкты, возбуждавшіе во мнѣ какія то смутныя ожиданія, и она, сама не сознавая этого, обладала какимъ то качествомъ, которое опьяняло меня, какъ крѣпкое вино. Я чувствовалъ, что долженъ продолжать наше знакомство, какъ ни скучно оно казалось. Еще не долго, и мы переживемъ это время внѣшнихъ безсодержательныхъ мелочей, и тогда передъ нами откроется сущность любви.

V.

Все это имѣло тогда громадное значеніе въ моихъ глазахъ. И въ первый періодъ нашего знакомства мнѣ и въ голову не приходило, чтобы я могъ повернуть назадъ. Мнѣ было ясно, что она довольно критически относилась къ моему внѣшнему виду, что ей вовсе не нравилась небрежность моего студенческаго костюма и отсутствіе въ немъ какого либо стиля. „Зачѣмъ вы носите такіе воротнички?“—какъ то сказала она. И я тотчасъ-же сталъ разыскивать болѣе джентльмэнскую оболочку для шеи. Я помню, что разъ она, совсѣмъ неожиданно, пригласила меня пить чай въ слѣдующее воскресенье, чтобы познакомиться съ ея отцомъ, матерью и теткой. У меня явилось сомнѣніе, чтобы мой лучшій костюмъ могъ произвести то впечатлѣніе на ея родныхъ, котораго она желала. Поэтому я отложилъ свое посѣщеніе еще на недѣлю. Я заказалъ себѣ сюртукъ и купилъ высокую шляпу; и первый за все время взглядъ восхищенія, съ которымъ она встрѣтила меня, — былъ моею наградою. Какъ видите, безъ всякаго требованія съ ея стороны, я самъ отказывался отъ всѣхъ своихъ взглядовъ—всѣхъ ихъ внѣшнихъ проявленій. Я впадалъ въ полное самозабвеніе. Ни Юартъ, никто другой ничего не знали о томъ, что со мною происходило.

Никогда еще мнѣ не приходилось видѣть такихъ скучныхъ людей, какъ ея отецъ, мать и тетка; и изъ окружавшей ее домашней обстановки у меня сохранилось воспоминаніе о преобладающемъ черномъ и желтомъ цвѣтѣ ковра, салфетки на столѣ и портьерѣ и какихъ то совершенно неподходящихъ старыхъ книгахъ съ поблекшими золотыми украшеніями на переплетахъ.

Окна закрывали дешевыя кисейныя занавѣски, а на неустойчивомъ восьмиугольномъ столикѣ стоялъ цвѣтокъ въ горшкѣ „художественнаго“ вида. Нѣсколько рисунковъ Маріонъ, въ рамкахъ, съ одобрительными надписями Кенсингтонской школы, было развѣшано по стѣнамъ комнаты; тутъ же стояло черное піанино съ позолотой и лежащей на немъ книгой гимновъ. Въ столовой, гдѣ мы пили чай, зеркало надъ каминомъ было закрыто кисеей, а надъ буфетомъ висѣлъ безобразный, но поразительно похожій (какъ часто бываетъ въ такихъ произведеніяхъ), портретъ ея отца. Я не могъ прослѣдить ни одной красивой, напоминавшей ее, черты въ лицахъ ея родителей; но, въ то же время, она какъ то ухитрилась походить и на того, и на другого.

Въ этихъ людяхъ была замѣтна претензія, отчасти напоминавшая мнѣ трехъ большихъ женщинъ въ комнатѣ моей матери. Но у тѣхъ было несравненно болѣе знакомства съ свѣтской жизнью, и продѣлывали онѣ все это куда лучше. Я замѣтилъ также, что все это имѣло отношеніе къ Маріонъ. Они, видите ли, желали поблагодарить меня за мою любезность къ ихъ дочери при совмѣстномъ проѣздѣ въ омнибусѣ, чѣмъ объяснялось ихъ несовсѣмъ обычное приглашеніе. Они позировали въ роли скромнаго, благороднаго семейства, укрывшагося въ этой тишинѣ отъ шума и суеты Лондона.

Когда Маріонъ доставала изъ ящика буфета салфетку, чтобы накрыть столъ къ чаю, на полъ упала карточка съ надписью „сдается комната“. Я поднялъ ее и передалъ ей, прежде чѣмъ успѣлъ догадаться, судя по ея вспыхнувшему лицу, что я не долженъ былъ ее видѣть, и что эта самая карточка, по случаю моего посѣщенія, только что была снята съ окошка.

Отецъ ея что то говорилъ объ отвѣтственныхъ дѣлахъ, но уже впослѣдствіи я узналъ, что онъ служилъ клеркомъ на газовомъ заводѣ, а въ свободное время исправлялъ всякія домашнія обязанности. Это былъ большой толстый человѣкъ въ очкахъ, плохо одѣтый, совсѣмъ неинтеллигентнаго вида. Онъ показалъ мнѣ большую библію, разукрашенную вставленными между страницъ фотографіями и картинками, которою онъ весьма дорожилъ. Онъ самъ обрабатывалъ небольшой садикъ позади дома, съ маленькой оранжереей, гдѣ онъ выращивалъ томаты.

Какъ онъ самъ, такъ и мать Маріонъ относились къ ней съ видимымъ уваженіемъ, и это мнѣ казалось вполнѣ естественнымъ. Въ ея манерѣ произошла полная перемѣна: она играла теперь руководящую роль и слѣдила за происходящимъ; ея застѣнчивость также исчезла. Я не сомнѣваюсь,

что она распорядилась насчетъ подержаннаго піанино, сама задрапировала зеркало и подтянула своихъ родителей. Ея мать, должно быть, въ молодости была очень недурна собою; у нея были правильныя черты лица, и Маріонъ, видимо, наслѣдовала ея волосы, но теперь это была худая, высохшая отъ заботъ женщина. Ея тетка, миссъ Рамботъ, была крупная, чрезвычайно застѣнчивая особа, весьма похожая на своего брата, и я не помню,—было ли ею произнесено хоть одно слово.

Въ общемъ, среди насъ господствовала самая напряженная атмосфера; Маріонъ находилась въ чрезвычайно нервномъ состояніи, и всѣ чувствовали, что должны разыгрывать какую то вовсе несвойственную имъ роль, пока я положилъ конецъ всему этому, начавъ говорить, не стѣсняясь, и всѣ мы сразу оживились. Я сталъ разсказывать о моихъ курсахъ, о житьѣ въ Лондонѣ, о Уимбльгёрстѣ и моихъ ученическихъ годахъ. „Да, теперь пошли въ ходъ всѣ эти научные курсы", сказалъ при этомъ м-ръ Рамботъ. Только я не знаю, есть ли изъ этого толкъ".

Я сталъ ему возражать, и у насъ завязался „маленькій диспутъ", какъ онъ его назвалъ, которому, впрочемъ, Маріонъ сразу положила конецъ, объявивъ, что „тутъ много можно сказать и за и противъ".

Я помню, что мать Маріонъ спросила меня, въ какую я хожу церковь, и я далъ ей какой то уклончивый отвѣтъ. Послѣ чая была музыка, и мы пѣли гимны. Высказанныя мною передъ этимъ сомнѣнія о недостаткѣ голоса оказались не важными; и когда мнѣ пришлось сидѣть около Маріонъ, — я былъ вполнѣ счастливъ. Я замѣтилъ, что мать ея, сидѣвшая по близости въ креслѣ, обитомъ черной волосяной матеріей, бросала на насъ сентиментальные взгляды. Я прошелся съ Маріонъ до Петнейскаго моста, потомъ было опять пѣніе и, наконецъ, ужинъ, состоявшій изъ холодной свинины и пирога, послѣ котораго мы съ м-ромъ Рамботомъ закурили трубки. Во время прогулки, какъ я помню, Маріонъ сообщила мнѣ, для чего она снимала копіи въ музеѣ. Оказалось, что родственница ея подруги, нѣкая Смити, завела оригинальнаго рода мастерскую для изготовленія особыхъ дамскихъ костюмовъ, которые она называла *Персидскими*; это были просто незатѣйливыя блузы, или капоты, съ причудливыми вышивками.

Когда въ мастерской скоплялось много заказовъ, Маріонъ работала тамъ; когда же работы было мало, она компоновала для нихъ рисунки новыхъ образцовъ, для чего и снимала копіи подходящихъ женскихъ костюмовъ съ картинъ въ музеѣ.

— Я немного получаю,—сказала Маріонъ,—но это интересно,—и въ рабочее время мы сидимъ тамъ цѣлый день. Конечно, общество мастерицъ совсѣмъ не подходящее, но мы съ ними мало говоримъ.

Сколько я помню, семейная обстановка въ Валамъ-Гринѣ и характеръ этихъ людей, достаточно освѣщавшіе для меня Маріонъ, нисколько не охладили меня къ ней. Напротивъ, она только выигрывала въ моихъ глазахъ, въ силу контраста; было очевидно, насколько она стояла выше ихъ.

Страсть охватывала меня все болѣе и болѣе. Я только и думалъ о томъ, чтобы доставить удовольствіе Маріонъ, услужить ей, показать ей мою преданность. Если по временамъ она обнаруживала свою полную неразвитость и невѣжество, я утѣшалъ себя тѣмъ, что въ ней скрывались инстинкты, которые стоили всякаго образованія. Можетъ быть, я и не совсѣмъ ошибался...

Разъ вечеромъ она позволила мнѣ проводить себя съ какой то популярной лекціи изъ института Беркбека. Мы возвращались по подземной желѣзной дорогѣ въ первомъ классѣ, въ другихъ свободныхъ мѣстъ не оказалось. Мы были одни въ вагонѣ, и я въ первый разъ позволилъ себѣ обнять ее.

— Перестаньте,—сказала она тихо.

— Я люблю васъ,—шепталъ я въ то время, какъ мое сердце страстно билось; я привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ холодныя, несопротивлявшіяся губы.

— Любите меня? — проговорила она, стараясь отодвинуться. — Перестаньте! — И когда поѣздъ остановился на станціи, она добавила:—Вы не должны никому говорить объ этомъ... Я еще не знаю... Вы не должны были дѣлать этого.

Тутъ въ вагонъ вошли еще два пассажира, и наша любовная сцена прекратилась.

Когда мы возвращались пѣшкомъ черезъ Баттерси, она приняла оскорбленный видъ. И я разстался съ нею страшно разстроенный.

При слѣдующей встрѣчѣ она сказала мнѣ, что „это" никогда не должно повторяться.

Мнѣ казалось, что въ этомъ поцѣлуѣ заключалось для меня все, но теперь я чувствовалъ, что это только было начало. Я сказалъ, что моимъ единственнымъ желаніемъ было — жениться на ней.

— Но вы не въ такомъ положеніи, — отвѣчала она. — Къ чему ведетъ подобный разговоръ?

— Но я рѣшился на это,—сказалъ я.

— Вы не можете, — отвѣтила она. — Нужно ждать нѣсколько лѣтъ...

— Я люблю васъ,—настаивалъ я.—Развѣ вы меня не любите?

Она посмотрѣла мнѣ въ лицо своими холодными, неотзывчивыми глазами.

— Я не знаю, — отвѣчала она. — Вы мнѣ нравитесь, конечно... Нужно быть благоразумной.

Я помню, какъ поразили меня эти слова, разрушавшія всѣ мои мечты. Я долженъ былъ понять тогда, что моя страсть не находитъ отвѣта. Но какъ мнѣ было это понять? Я довелъ себя до полнаго ослѣпленія, я видѣлъ въ ней только достоинства, которыми надѣляло ее мое собственное воображеніе. У меня было только одно глупое, инстинктивное стремленіе сдѣлать ее своею...

— Но любовь,—началъ я...

— Слѣдуетъ быть благоразумной, — сказала она. — Мнѣ нравится ходить съ вами. Развѣ мы не можемъ остаться по прежнему.

VI.

Теперь вамъ будетъ понятенъ мой провалъ. Я достаточно привелъ причинъ въ оправданіе его. Я потерялъ всякій вкусъ къ моей работѣ, совсѣмъ распустился и пересталъ посѣщать лекціи. Я все болѣе и болѣе отставалъ отъ моихъ товарищей. Та энергія, которая еще во мнѣ сохранилась, была направлена теперь болѣе на служеніе Маріонъ, чѣмъ наукѣ.

Чѣмъ болѣе я отставалъ отъ другихъ, тѣмъ болѣе я забрасывалъ свои занятія. Всѣ эти блѣдные, болѣзненнаго вида студенты, которые корпѣли надъ своею работою, уже не видѣли во мнѣ опаснаго конкурента и стали смотрѣть на меня свысока. Тутъ я занялъ какое то вызывающее положеніе и сталъ открыто пренебрегать всѣми правилами курсовъ...

Въ такомъ состояніи и не мало удивленный всѣмъ происшедшимъ со мною, я сидѣлъ разъ на скамейкѣ въ Кенсингтонскомъ саду, послѣ свиданія съ инспекторомъ курсовъ, во время котораго я проявилъ болѣе запальчивости, чѣмъ здраваго смысла. Я недоумѣвалъ, куда дѣвались всѣ мои твердыя намѣренія усиленно работать, которыя я привезъ съ собою изъ Уимбльгёрста. По словамъ инспектора, я проявилъ себя „совершеннымъ лѣнтяемъ“. Мои письменныя работы на экзаменѣ были такъ же плохи, какъ и результаты практическихъ занятій.

— Хотѣлось бы мнѣ знать,—сказалъ въ заключеніе ин-

спекторъ,—что вы думаете съ собою дѣлать, когда окончится ваша стипендія?

Это, дѣйствительно, являлось важнымъ вопросомъ. Было ясно, что въ Технической школѣ мнѣ не на что надѣяться; въ будущемъ оставалась только перспектива—сдѣлаться помощникомъ преподавателя при какихъ-нибудь провинціальныхъ курсахъ или въ городской школѣ. Мнѣ было хорошо извѣстно, что на такомъ мѣстѣ, не имѣя диплома, можно заработать только средства существованія, и при отсутствіи свободнаго времени для занятій трудно разсчитывать на какую-нибудь дальнѣйшую карьеру. Будь у меня хотя бы пятьдесятъ фунтовъ въ годъ, я могъ бы просуществовать въ Лондонѣ и выдержать экзаменъ. При этой мысли, во мнѣ опять проснулось прежнее горькое чувство къ моему дядѣ. Вѣдь у него оставались мои деньги, и я могъ вытребовать ихъ, подъ угрозою судебнаго иска. Нѣсколько времени я сидѣлъ въ раздумьи; потомъ всталъ и пошелъ въ библіотеку школы, гдѣ и написалъ ему длинное, и мѣстами язвительное письмо.

Это письмо было послѣднею, низшею фазою моего провала. О тѣхъ замѣчательныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ оно привело, я разскажу въ слѣдующей главѣ.

Я сказалъ „мой провалъ". Но бываютъ моменты, когда я становлюсь въ оборонительно-критическую позу, по отношенію къ тѣмъ строго намѣченнымъ путямъ, которыми я пренебрегъ. Нельзя сказать, умъ мой пребывалъ въ бездѣйствіи, хотя и питался запретной пищей. Я не изучалъ того, что намѣчалось моими профессорами, но я узналъ многое. Я пріучилъ свой умъ къ широкимъ, самостоятельнымъ размахамъ.

Въ концѣ концовъ, мои товарищи, блиставшіе на экзаменахъ и бывшіе образцами въ глазахъ своихъ профессоровъ,—вовсе не достигли чего-нибудь удивительнаго. Нѣкоторые изъ нихъ сами сдѣлались профессорами, другіе — техническими экспертами. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ указать на такіе результаты, какихъ я достигъ самостоятельно, преслѣдуя свои интересы. Я построилъ нѣсколько судовъ, развивавшихъ неслыханныя до тѣхъ поръ скорости; мнѣ удалось подстеречь два-три секрета, скрывавшихся въ тайникахъ природы, которые имѣли не только техническое, но и научное значеніе; я ближе всѣхъ подошелъ къ разрѣшенію вопроса о воздухоплаваніи. Могъ ли я всего этого достигнуть, если бъ я строго исполнялъ всѣ требованія профессоровъ, взявшихъ на себя тренировку моего ума... Я не вижу цѣли въ излишней скромности въ этомъ случаѣ. Даже и со стороны чисто житейскаго успѣха, я далеко не

представляю собою неудачника, рядомъ съ моими товарищами. Въ тридцать семь лѣтъ я уже былъ членомъ Королевскаго Общества. Если я не богатъ, то и далеко не бѣденъ. Что было бы со мной, если бъ я подавилъ въ себѣ мою безконечную любознательность, заперъ въ ящикъ слишкомъ разроставшееся воображеніе и сталъ бы работать по методу и указаніямъ такого то и такого то?..

Можетъ быть, я ошибаюсь. Можетъ быть, я сдѣлался бы болѣе полезнымъ членомъ общества, если бъ я во время прекратилъ всю эту разностороннюю трату своей энергіи, заткнулъ бы свою соціальную любознательность какою-нибудь -робкою изъ ходячей дряни, бросилъ бы Юарта и бѣжалъ птъ Маріонъ. Но я не вѣрю въ это!

Но тогда я вѣрилъ. И меня мучило раскаяніе въ то время, какъ я сидѣлъ, понуря голову, на скамейкѣ Кенсингтонскаго сада и мысленно перебиралъ въ головѣ все, что произошло со мною за первые два года моего пребыванія въ Лондонѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Наступленіе разсвѣта и новая шляпа моего дяди.

I.

За два года моего студенчества я ни разу не видался съ моимъ дядей. Я рѣшилъ не ходить къ нему, хотя мнѣ и жаль было прервать мои отношенія съ теткой Сусанной. И за все это время мнѣ, кажется, ни разу не приходилъ въ голову произнесенный имъ таинственный терминъ, съ которымъ у него связывался какой-то переворотъ въ окружающей его обстановкѣ. Но смутное воспоминаніе объ этомъ у меня сохранилось. И, когда мнѣ какъ-то бросилась въ глаза торчавшая на лѣсахъ новая реклама, съ надписью:

Тайна Жизненной Силы. *Тоно-Бэнге.*

я сталъ припоминать что-то знакомое и лично касавшееся меня, и невольно началъ повторять въ умѣ эти слова.

— Тоно,—что это могло значить? И потомъ это звучное, внушительное: Бен-ге!

Въ отвѣтъ на мое письмо я получилъ совершенно ужъ невѣроятную телеграмму отъ моего дяди такого содержанія:

„Немедленно приходи, ты нуженъ, триста въ годъ вѣрныхъ, тоно-бэнге“.

— Еще бы!—воскликнулъ я.—Конечно, пойду. Это, должно быть, какое-нибудь патентованное средство. Но зачѣмъ я ему нуженъ?

Вѣрный своимъ наполеоновскимъ пріемамъ, дядя не потрудился сообщить свой новый адресъ; но телеграмма была подана въ Фарингдонъ-родъ, и, подумавъ нѣсколько времени, я рѣшилъ запросить его по адресу—Фарингдонъ-родъ Пондерво, въ разсчетѣ, что его разыщутъ, благодаря рѣдкой фамиліи. На свою телеграмму я получилъ отвѣтъ, гласившій—„192-А. Раггетъ Стритъ Сити“.

На слѣдующій день я разрѣшилъ себѣ праздникъ послѣ утренней лекціи... И, наконецъ, я увидѣлъ моего дядю, въ какой-то удивительной небывалаго фасона шляпѣ, съ круто загнутыми полями. Онъ былъ въ бѣломъ жилетѣ и безъ сюртука. Шляпа сидѣла у него на затылкѣ, и единстенный ея недостатокъ заключался въ томъ, что она была ему велика. Меня несказанно поразилъ его привѣтливый пріемъ; онъ какъ будто совсѣмъ позабылъ о моемъ язвительномъ письмѣ и нашемъ отчужденіи. При видѣ меня, его пенснэ свалилось и его круглые, невыразительные глаза заблестѣли. Онъ, протянулъ мнѣ свою пухлую съ короткими пальцами руку.

— Вотъ мы и опять свидѣлись, Джорджъ! Что я тебѣ говорилъ? Теперь уже не къ чему шептаться. Кричи громко! Кричи, чтобы всѣ слышали! Тоно, Тоно, Тоно-Бэнге!

Раггетъ Стритъ представляла собою улицу, по которой кто-то разбросалъ множество капустныхъ листовъ и кочерыжекъ. Она упиралась въ верхній конецъ Фарингдонъ Стритъ и № 192 былъ занятъ лавкой съ выходившимъ на улицу зеркальнымъ стекломъ, закрашеннымъ въ шоколадный цвѣтъ, на которомъ были наклеены такія же объявленія, какъ и ранѣе мною замѣченныя на заборѣ около лѣсовъ. Полъ лавки покрывала уличная грязь, занесенная сюда сапогами приходящихъ, и три энергичныхъ молодыхъ человѣка хулиганскаго типа, съ повязанными вокругъ шеи шарфами и въ фуражкахъ, были заняты здѣсь, посреди окружавшихъ ихъ вороховъ соломы, упаковкою въ ящики какихъ-то стклянокъ съ бумажными этикетами. Прилавокъ былъ заставленъ такими же стклянками, тогда еще новаго, но теперь уже всѣмъ знакомаго вида, съ изображеніемъ на синемъ ярлыкѣ добродушнаго вида гиганта и съ наставленіемъ, какъ слѣдуетъ, при всевозможныхъ обстоятельствахъ, принимать Тоно-Бэнге. За прилавкомъ съ одной стороны была видна лѣстница, по которой, сколько я помню, спускалась молодая

дѣвица съ новымъ запасомъ бутылокъ. Во всю ширину лавки шла переборка также шоколаднаго цвѣта, съ надписью бѣлыми буквами: „Временная Лабораторія"; надъ прорѣзавшею ее дверью было написано: „Контора". Тутъ я постучался, но, не слыша отвѣта, благодаря царившему вокругъ меня грохоту, прямо вошелъ и увидѣлъ передъ собою моего дядю въ описанномъ уже костюмѣ; въ рукахъ у него былъ пукъ писемъ, и онъ что-то диктовалъ одной изъ трехъ сидѣвшихъ за пишущими машинами дѣвицъ. За нимъ была видна еще одна переборка съ надписью надъ дверями: „Входъ воспрещается". Эта переборка была деревянная и также выкрашена въ преобладающій шоколадный цвѣтъ, но подымалась только футъ на восемь отъ полу, а выше—была стеклянная. Я смутно разглядѣлъ сквозь стекло какіе-то тигли и реторты и тутъ же замѣтилъ хорошо знакомый мнѣ воздушный насосъ изъ Уимбльгёрста. Мнѣ даже было пріятно увидѣть этого стараго знакомаго. Около него стояла и электрическая машина, но она замѣтно потерпѣла какой-то изъянъ. Всѣ эти предметы были разставлены на полкѣ, на высотѣ стекла, съ видимымъ разсчетомъ на эффектъ.

— Пойдемъ въ *sanctum* (святилище),—сказалъ мой дядя, покончивъ съ диктовкой письма о „скорѣйшемъ исполненіи вашего почтеннаго", и протащилъ меня черезъ дверь въ другую комнату, которая вовсе не оправдывала ожиданій, возбужденныхъ выставленными на показъ приборами. Она была оклеена грязноватыми, мѣстами отставшими, обоями; въ ней былъ каминъ, кресло съ подушкой и столъ, на которомъ стояло двѣ большихъ бутыли; на полкѣ камина были разбросаны коробки отъ сигаръ, а также стояло нѣсколько сифоновъ и бутылка виски. Онъ тщательно закрылъ дверь, когда мы вошли.

— Ну вотъ, мы и здѣсь!—сказалъ онъ.—Дѣло идетъ во всю! Не выпьешь ли виски, Джорджъ? Нѣтъ!—Одобряю! Я также. Ты видишь меня за дѣломъ по самое горло!

— За какимъ?

— Вотъ, прочитай,—и онъ сунулъ мнѣ въ руку, сдѣлавшуюся потомъ извѣстную по всѣмъ аптекарскимъ лавкамъ, этикетку Тоно-Бэнге, зеленовато-синяго цвѣта, съ каймой и съ изображеніемъ силача, съ громовыми стрѣлами, и съ напечатанной красными буквами въ два столбца ловко составленной, чепухой.

— Оно спущено на воду,—сказалъ онъ въ то время, какъ я въ недоумѣніи разсматривалъ стклянку.—И я плыву вмѣстѣ съ нимъ!—И тутъ онъ вдругъ запѣлъ своимъ горловымъ теноркомъ:

„Я плыву, я плыву на гребнѣ волны.
Океанъ моя обитель, моя барка—жена!“

— Чудная пѣсня, Джорджъ. Хотя и не совсѣмъ барка, а растворъ, но сойдетъ и такъ!

— Какъ здоровье тетки?—спросилъ я.

— Виликолѣпно. Я еще не видѣлъ ее въ такомъ ударѣ. Все это ее ужасно подбодрило.

— Все это?

— Тоно-Бэнге.

— Что такое Тоно-Бэнге?—спросилъ я.—Мой дядя видимо затруднялся въ отвѣтѣ.

— Все разскажу послѣ завтрака, Джорджъ, — сказалъ онъ.—Идемъ!—И, заперевъ за собою дверь, онъ повелъ меня по узенькой мостовой, съ стоявшими по сторонамъ тележками продавцовъ зелени, между которыми по временамъ врывались носильщики, тащившіе тюки въ фургоны, ожидавшіе ихъ въ Фарингдонъ-Стритъ. Онъ величественнымъ жестомъ остановилъ проѣзжавшій мимо кэбъ. „Шеферсъ“,—сказалъ онъ,—и мы поѣхали въ этотъ извѣстный громадный отель у Блекфрайерскаго моста. Я сидѣлъ около него, и мое удивленіе все возрастало.

Когда мы остановились у отеля, и я увидѣлъ, съ какимъ почтеніемъ передъ дядей распахнули дверь два гигантскихъ швейцара въ синихъ ливреяхъ, я почувствовалъ, какъ выросло значеніе моего родственника. Еще болѣе почтительные лакеи въ столовой отобрали его зонтикъ и шляпу и приняли его заказъ.

Когда сложное дѣло завтрака подходило къ концу, я нагнулся къ нему черезъ тарелку и спросилъ:

— Ну, а теперь?

— Это секретъ жизненной силы. Развѣ ты не прочелъ на этикетѣ?

— Да, но...

— И продается, какъ горячіе пирожки.

— Но что это такое? настаивалъ я.

— Это ни болѣе ни менѣе, — началъ онъ вполголоса, нагнувшись ко мнѣ и прикрывая ротъ рукою...

(Но тутъ я стѣсняюсь сообщить подробности. Какъ бы тамъ ни было, но Тоно-Бэнге до сихъ поръ продается тѣми самыми покупателями, которые, между прочимъ, получали его и отъ меня... Мнѣ не совсѣмъ удобно открыть секретъ).

— Видишь ли, — продолжалъ шепотомъ мой дядя, — оно пріятно на вкусъ, благодаря (и тутъ онъ назвалъ одинъ ароматическій спиртъ), и оно подбодряетъ, вслѣдствіи подмѣси (тутъ упоминалось два сильныхъ тоническихъ средства, изъ

которыхъ одно дѣйствовало на почки). А затѣмъ оно и хмелитъ изрядно,—и тутъ были названы еще два ингредіента,—такъ что они подымаютъ хвосты. А въ заключеніе всего... (но тутъ я подхожу къ самой сути). Вотъ тебѣ и все. Я разыскалъ все это въ одной старинной книгѣ рецептовъ, за исключеніемъ (тутъ онъ упомянулъ средство, вредно дѣйствующее на почки), — это уже моя собственная идея. Маленькій современный пріемъ. Вотъ тебѣ и все.

И онъ возвратился къ завтраку. Вскорѣ послѣ того мы перешли въ другую, роскошно убранную комнату, съ мягкою, обитою краснымъ сафьяномъ, мебелью и здѣсь, посреди всевозможнаго вида диванчиковъ и козетокъ, развалились въ двухъ чрезвычайно мягкихъ креслахъ, по сторонамъ мавританскаго столика, съ кофе и бенедиктиномъ. Я въ первый разъ наслаждался десятипенсовою сигарою, но дядя курилъ свою съ привычнымъ видомъ энергичнаго свѣтскаго человѣка, пробивающаго себѣ дорогу. Онъ наклонился ко мнѣ черезъ мягкую ручку кресла, чтобы я лучше слышалъ, и поджалъ подъ себя свои короткія ноги. Мнѣ думается, что всякій, кто увидѣлъ бы насъ въ этотъ моментъ, несомнѣнно, принялъ бы за двухъ ловкихъ пройдохъ, затѣвающихъ какую-то аферу.

— Я хочу ввести тебя въ это дѣло, Джорджъ, — говорилъ дядя, попыхивая своею сигарой.—Для этого много причинъ.

Тутъ голосъ его сталъ тише, и въ немъ послышалось еще болѣе лукавства... Его объясненія, благодаря моей неопытности, были для меня не вполнѣ понятны. У меня сохранилось воспоминаніе о долгосрочномъ кредитѣ и участіи какого-то оптоваго аптекарскаго склада, о дальнѣйшемъ кредитѣ и паѣ, предоставленномъ типографіи, о третьемъ паѣ владѣльцу извѣстнаго журнала и газеты.

— Я ловко разыгралъ свои карты между ними,—сказалъ мой дядя. Изъ этого я понялъ, что ему удалось убѣдить порознь каждаго изъ компаньоновъ, что другіе уже вошли въ дѣло.

— Съ своей стороны я вложилъ четыреста фунтовъ, — сказалъ мой дядя,—самого себя и все, что у меня было. И ты знаешь.

Тутъ онъ перешелъ къ полной откровенности.

— Въ сущности, у меня вѣдь не было за душой и пяти сотъ пенсовъ. Во всякомъ случаѣ...—тутъ онъ немного замялся.

— Какъ ни какъ, — я внесъ свою часть, — сказалъ онъ, наконецъ.—Ты понимаешь, тутъ были замѣшаны твои

деньги... Можетъ быть, строго по закону, мнѣ сразу слѣдовало выяснить это.

— Это былъ смѣлый ходъ съ моей стороны, — продолжалъ дядя, быстро переходя изъ области чести въ сферы отваги. — Благодареніе Богу, — добавилъ онъ съ характернымъ благочестіемъ, — все обошлось хорошо. Теперь ты, пожалуй, спросишь, какъ ты сюда входишь? Дѣло въ томъ, что я всегда вѣрилъ въ тебя, Джорджъ. Въ тебѣ есть извѣстнаго рода напоръ. Задѣнь тебя за живое, и ты всего добьешься, — стоитъ только захотѣть. Я умѣю различать людей, повѣрь мнѣ въ этомъ, Джорджъ... Я никогда не забуду, какъ ты тогда въ Уимбльгерстѣ раздѣлалъ эту латынь и всѣ эти науки на курсахъ. Я знаю свои предѣлы: что я могу, — и тутъ онъ заговорилъ шепотомъ, какъ бы открывая мнѣ величайшій секретъ, — и чего мнѣ не осилить. Я могу создать это дѣло, но у меня одного оно не пойдетъ. Я слишкомъ раздаюсь въ ширь, точно перекипѣвшій черезъ края котелъ. А ты все подогрѣваешь, подогрѣваешь; упорно, полегоньку, смотришь—и пошло. Иди ко мнѣ и подбодри этихъ негровъ! Вотъ что мнѣ нужно. Мнѣ не хватаетъ тебя! Тебя считаютъ мальчикомъ. Вступай въ дѣло вмѣстѣ со мною, сразу сдѣлаешься человѣкомъ. Э, Джорджъ! Подумай только, какое развеселое дѣло — вся штука на ходу. Настоящая живая штука! Тогда она у насъ завертится, запоетъ!—И онъ сталъ описывать рукою круги въ воздухѣ.

Послѣ того онъ перешелъ въ обыкновенный тонъ, и его предложеніе получило болѣе опредѣленную форму. Я долженъ былъ посвятить все свое время и всю свою энергію развитію и организаціи дѣла.

— Тебѣ не придется написать ни одного объявленія, ни нести отвѣтственности,—заявилъ онъ мнѣ.—Это будетъ уже моимъ дѣломъ.—Его телеграмма также не была однимъ полетомъ фантазіи. Я, дѣйствительно, могъ получать триста фунтовъ въ годъ.

— Но это пустяки,—сказалъ мой дядя.—Главное, это—твоя десятая часть съ дохода.

Триста фунтовъ во всякомъ случаѣ! На моментъ я былъ прямо подавленъ громадностью суммы моего дохода. Да было ли столько денегъ во всемъ предпріятіи? Я взглянулъ на окружавшую меня роскошную обстановку отеля Шеффера. Безъ сомнѣнія, такіе доходы были не рѣдкостью.

Голова у меня кружилась отъ непривычнаго бургонскаго и бенедиктина.

— Поѣдемъ назадъ и дайте мнѣ еще разъ посмотрѣть

на всю эту штуку,—сказалъ я.—Я подымусь также наверхъ и, вообще, осмотрюсь.

Такъ мы и сдѣлали.

— Ну?—спросилъ дядя.

— Во-первыхъ,—сказалъ я,—зачѣмъ вы заставляете этихъ дѣвушекъ работать въ такой духотѣ? Помимо всего, у нихъ и дѣло пошло бы живѣе при лучшей вентиляціи. И имъ слѣдуетъ сперва обвязывать пробки, а потомъ ужъ наклеивать этикетки на бутылки.

— Почему?—спросилъ дядя.

— Потому что онѣ иногда портятъ обвязку, и тогда этикетки пропадаютъ даромъ.

— Поступай къ намъ и заводи перемѣны,—сказалъ дядя съ горячностью.—Поставь дѣло, какъ машину. Чтобы все шло гладко и заиграло. Я знаю, что ты это можешь!

II.

Послѣ этого завтрака въ моемъ умственномъ состояніи, какъ я припоминаю, произошла быстрая перемѣна. Туманъ, возбужденный непривычными крѣпкими напитками, разсѣялся и уступилъ мѣсто моему обычному состоянію безпристрастнаго ясновидѣнія. Хотя оно и покидаетъ меня иногда на нѣсколько недѣль, но потомъ неизбѣжно возвращается, и я вижу въ настоящемъ свѣтѣ всѣ свои увлеченія, иллюзіи и необдуманные поступки. Сверху мы опять вернулись въ такъ называемую лабораторію. Мой дядя уговорилъ меня закурить папироску, и я стоялъ передъ пустымъ каминомъ въ то время, какъ онъ, снявъ свою шляпу и поставивъ въ уголъ зонтикъ, вынулъ вторую сигару.

Мнѣ показалось, что вся его фигура какъ-то съёжилась и сдѣлалась меньше со временъ Уимбльгёрста, что все это прошло для него не даромъ; цвѣтъ лица былъ уже не такой свѣжій, и его носъ, съ котораго по прежнему сваливалось пенснэ, сильно покраснѣлъ. Но онъ видимо самъ не сознавалъ происшедшей съ нимъ перемѣны, въ то время, какъ сидѣлъ предо мною и казался совсѣмъ маленькимъ въ моихъ глазахъ.

— Ну, Джорджъ,—сказалъ онъ, въ счастливомъ невѣдѣніи моей безмолвной критики,—какъ ты все это находишь?

— Начать съ того,—отвѣчалъ я,—что все это одинъ обманъ!

— Полно! полно!—воскликнулъ мой дядя.—Дѣло прямое, торговое!

— Тѣмъ хуже для торговли,—отвѣчалъ я.

— Всѣ такъ дѣлаютъ. И при томъ въ составѣ нѣтъ ничего вреднаго, можетъ даже принести пользу. Можетъ сдѣлать много добра: подѣйствовать успокоительно, внушить увѣренность во время эпидеміи. При чемъ тутъ обманъ?

— Г-мъ. Все зависитъ отъ того, какъ посмотрѣть.

— Хотѣлъ бы я знать, какая торговля, по твоему, обходится безъ извѣстнаго обмана. Всякій, кто сильно пользуется рекламой, продаетъ самую простую вещь, выдавая ее за нѣчто необыкновенное. Вотъ тебѣ Чиксонъ—его сдѣлали баронетомъ. А лордъ Радморъ съ его враньемъ о щелочномъ мылѣ!

— Неужто вы хотите сказать, что закупоривать эту дрянь въ стклянки и выдавать ее за квинтъ-эссенцію жизненной силы значитъ поступать по совѣсти?

— Почему же нѣтъ, Джорджъ? Почемъ ты знаешь, что для нихъ она не является такой квинтъ-эссенціей?

— Да, если такъ!—воскликнулъ я, пожимая плечами.

— Вѣра—великая вещь. Мы заставляемъ ихъ вѣрить... я допускаю, что наши этикетки немножко сильны. Но какъ же возставать противъ лѣкарствъ. Укажи мнѣ хоть одну отрасль торговли въ наши дни, гдѣ можно обойтись безъ этого направленія. Таковъ уже духъ времени! Всѣ это понимаютъ и берутъ въ разсчетъ.

— Но міръ нисколько бы не потерялъ, а скорѣе выигралъ, если-бъ вся эта ваша дрянь была спущена по трубѣ въ Темзу.

— Вовсе не вижу этого, Джорджъ. Между прочимъ, всѣ наши люди остались бы безъ дѣла. Безработные! Я готовъ согласиться съ тобою, что Тоно-Бэнге не такая великая находка для людей, какъ Перувіанская кора, но суть въ томъ, Джорджъ—оно родитъ торговлю. Коммерція! Полный поэзіи обмѣнъ товаровъ и собственности. Сколько тутъ романтическаго, игры воображенія... Нужно смотрѣть на эти вещи шире. Смотрѣть на лѣсъ, позабыть о деревьяхъ! И, чортъ возьми, Джорджъ,—намъ приходится дѣлать это... Другого выхода нѣтъ. Ну, что ты самъ будешь дѣлать?

— Есть возможность добывать себѣ средства существованія,—сказалъ я,—безъ обмана и вранья.

— Ты немножко упрямъ, Джорджъ. Въ этомъ дѣлѣ нѣтъ надувательства,—готовъ прозакладывать мою шляпу! Но что же ты самъ полагаешь дѣлать? Поступить куда-нибудь въ аптеку на жалованье, безъ участія въ прибыляхъ, которое я тебѣ предлагаю. Совсѣмъ ужъ будетъ безсмысленно! Все равно и тамъ не обойтись безъ обмана, какъ ты это называешь.

— Во всякомъ случаѣ, есть мѣста, гдѣ ведутъ дѣло на чистоту: продаютъ доброкачественный товаръ, который дѣйствительно требуется, обходясь безъ кричащей рекламы.

— Такихъ теперь нѣтъ, Джорджъ. Ты совсѣмъ отсталъ отъ вѣка. Послѣднее изъ нихъ было продано пять лѣтъ тому назадъ.

— Можно заниматься научными работами.

— А кто платитъ за это? Кто настроилъ всѣ эти школы и музеи въ Кенсингтонѣ! Предпріимчивые, дѣловые люди! Имъ показалось, что распространеніе научныхъ свѣдѣній будетъ выгодно, что имъ иногда требуется научный экспертъ—вотъ въ чемъ дѣло. И что ты получишь за свою научную работу? Только что будешь сытъ, и ничего впереди.

— Можно заниматься преподаваніемъ.

— А сколько заработаешь ты на этомъ въ годъ? Вѣроятно, ты относишься съ уваженіемъ къ Карлейлю. А что у него въ основаніи всего—*состоятельность*! (Ахъ какая это удивительная книга его—Французская Революція). Посмотри-ка, что получаютъ на свѣтѣ учителя и изобрѣтатели и что платятъ дѣловымъ людямъ! Тутъ ясно, что требуется. Въ этихъ большихъ дѣлахъ есть своя справедливость, Джорджъ. Міръ требуетъ торговли. Вотъ что его вертитъ. Вспомни Венецію съ ея кораблями! Нашу имперію!

Тутъ дядя внезапно поднялся на ноги.

— Подумай хорошенько обо всемъ этомъ, Джорджъ. И приходи въ воскресенье на новое мѣсто,—мы сняли комнаты въ Гоуеръ Стритѣ,—повидать твою тетку. Она постоянно спрашиваетъ меня о тебѣ, Джорджъ, и постоянно тычетъ мнѣ въ глаза твоими маленькими деньгами,—хотя я съ самаго начала говорилъ и теперь говорю, что заплачу двадцать пять шиллинговъ за фунтъ, кромѣ процентовъ до послѣдняго пенни. Подумай только: вѣдь я не для себя прошу тебя пособить мнѣ. А для тебя самого. Для твоей тетки. Вѣдь тутъ цѣлое предпріятіе. Вспомни о торговлѣ твоей родины. И ты намъ очень нуженъ. Я прямо это говорю; я знаю свои предѣлы. Если ты только возьмешься,—я знаю дѣло у тебя пойдетъ. Я, кажется, уже вижу тебя за работой.—И онъ любовно улыбнулся.

— А теперь мнѣ нужно продиктовать письмо.—добавилъ онъ, исчезая за дверьми.

III.

Не безъ борьбы уступилъ я искушеніямъ моего дяди. Прошла цѣлая недѣля, пока я пришелъ къ окончательному рѣшенію. Я мысленно обозрѣвалъ всю свою прошлую жизнь и то, что мнѣ предстояло въ будущемъ. Это была весьма спутанная картина, преслѣдовавшая меня даже по ночамъ.

Мое свиданіе съ инспекторомъ курсовъ, разговоръ съ дядей, моя безцѣльная страсть къ Маріонъ,—все это приводило къ сознанію наступавшаго кризиса. Что я буду дѣлать съ своей жизнью?

Я припоминаю нѣкоторые фазисы моихъ тогдашнихъ колебаній.

Я помню, напримѣръ, какъ я возвращался домой послѣ нашего разговора. Я пошелъ по направленію къ набережной предпочитая этотъ путь Гольборну, гдѣ толпа помѣшала бы мнѣ спокойно думать... И эта часть города до сихъ поръ связана въ моемъ умѣ съ одолѣвавшими меня тогда колебаніями.

Вы видѣли, что уже съ самаго начала я посмотрѣлъ на все это дѣло трезво и сдѣлалъ ему достаточную нравственную оцѣнку. Ни на одинъ моментъ я не сомнѣвался, что продажа Тоно-Бэнге была безчестнымъ дѣломъ. Я видѣлъ, что этотъ составъ представляетъ собою не совсѣмъ безвредную смѣсь, слегка возбуждающаго свойства, съ пріятнымъ запахомъ и довольно привлекательнаго вкуса; что употребленіе его могло сдѣлаться дурною привычкой и повести къ пріему другихъ болѣе сильныхъ возбуждающихъ средствъ. Кромѣ того, онъ вредно дѣйствовалъ на почки. Онъ долженъ былъ обходиться около семи пенсовъ съ бутылкой и пробкой, а продавался по полу-кронѣ. Я долженъ сознаться, что меня болѣе всего отталкивала невѣроятная глупость, лежавшая въ основаніи всей этой аферы. Я все еще держался той мысли, что міръ представлялъ собою, или долженъ былъ представлять, разумную организацію, — и чтобы я въ цвѣтѣ силъ и молодости могъ посвятить себя дѣлу развитія какого-то чудовищнаго склада для разлива и укупорки по бутылкамъ какой-то завѣдомой дряни, которую раскупали разные довѣрчивые дураки, — казалось мнѣ чѣмъ-то граничащимъ съ безуміемъ. Мои раннія убѣжденія еще не покинули меня. Я чувствовалъ, что во всей этой красивой перспективѣ богатства и независимости при такихъ условіяхъ было что-то неладное, что для меня еще оставались гдѣ-то, можетъ быть и заброшенные, пути, по которымъ я могъ съ честью пробить себѣ дорогу и быть полезнымъ.

Въ то время, какъ я шелъ по набережной, во мнѣ сначала брало перевѣсъ рѣшеніе отказаться отъ сдѣланнаго мнѣ предложенія. Въ присутствіи дядя я не рѣшился на это. Можетъ быть, тутъ играло роль вновь пробудившееся чувство расположенія къ нему, и меня также стѣсняло сознаніе его радушнаго пріема. Но еще болѣе дѣйствовало особое,

свойственное ему умѣнье убѣждать. Несомнѣнно, въ его болтовнѣ было много пустого, но все это какъ-то вязалось съ окружающимъ. Да и нужно же было какъ-нибудь существовать. Онъ самъ былъ удивленъ, что я просилъ дать мнѣ время на размышленіе.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ я былъ настроенъ противъ моего дяди. Въ то время, какъ я проходилъ мимо громадныхъ зданій Соммерсетъ Гауза, Коллегій, отелей, съ неясными очертаніями Вестминстерскаго моста впереди,— онъ показался мнѣ, должно быть, въ силу контраста, такимъ маленькимъ, ничтожнымъ человѣкомъ, продающимъ гдѣ-то, въ грязной задней улицѣ, нѣсколько сотенъ бутылокъ какой-то дряни довѣрчивымъ покупателямъ. Онъ казался какимъ-то таракaномъ, копошащимся въ трещинѣ пола.

И тутъ мнѣ бросились въ глаза сверкающія на южной сторонѣ рекламы: „Пища Сорбера", „Желѣзистое вино Кракнеля". Меня сразу поразило, какъ онѣ были тутъ на мѣстѣ, какую неразрывную часть общаго цѣлаго онѣ составляли.

Въ воротахъ рѣшетки, около зданія парламента, я увидѣлъ выходившаго оттуда господина, при видѣ котораго полисмэнъ почтительно прикоснулся къ козырьку; его фигура и особенно шляпа удивительно напомнили мнѣ дядю. Что-жъ, развѣ Кракнель не засѣдалъ въ Палатѣ?..

На лѣсахъ, близъ Адельфи я увидѣлъ крикливую рекламу Тоно-Бэнге, то же самое повторилось около Карфаксъ Стритъ и, наконецъ, въ Кенсингтонѣ, въ Гай-Стритъ; потомъ я видѣлъ ее еще разъ шесть въ разныхъ мѣстахъ, приближаясь къ своему околотку. Тоно-Бэнге, видимо, не походило на одну фантазію...

Торговля царитъ надъ міромъ, это — несомнѣнно, раздумывалъ я. Пожалуй, вѣрнѣе—богатство. Все это правда, вѣрны и слова дяди, что скорѣйшій путь къ богатству,—продажа чего то дешеваго въ дорогой бутылкѣ. Въ концѣ концовъ онъ былъ правъ. *Pecunia non olet* (деньги не пахнутъ) — сказалъ римскій императоръ. Можетъ быть, и мои герои изъ Плутарха такіе же люди и кажутся чѣмъ то особеннымъ только издали; можетъ быть, и этотъ, столь привлекавшій меня соціализмъ,—только пустая фантазія, еще болѣе пустая, потому что все обѣщанное имъ было условно справедливо. Морисъ и другіе не спроста играли въ него; это вносило элементъ реальности въ ихъ эстетику. На свѣтѣ никогда не хватило бы достаточно искренности, чтобы все это могло осуществиться. Они прекрасно знали это; всѣ знали, кромѣ нѣсколькихъ молодыхъ глупцовъ.

Въ то время, какъ, весь погруженный въ эти мысли, я

переходилъ улицу на углу С-тъ-Джемсъ Парка, меня чуть не сшибла съ ногъ карета, запряженная парою горячихъ сѣрыхъ лошадей. Въ ней сидѣла разодѣтая, вульгарнаго вида толстая женщина, которая бросила на меня презрительный взглядъ. „Это навѣрное“, подумалъ я, „жена какого нибудь продавца пилюль“.

И все это время у меня пробѣгали въ головѣ, точно припѣвъ пѣсни, заключительныя, польстившія мнѣ, слова моего дяди: „устрой, чтобы все это шло гладко и запѣло... Я знаю, ты это можешь!“.

IV.

Свиданіе съ Юартомъ въ смыслѣ его нравственнаго вліянія также оказалось неудовлетворительнымъ. Я рѣшилъ изложить ему все подробно отчасти, чтобы узнать его мнѣніе, а также, чтобы и самому прослушать мое собственное изложеніе. Я пригласилъ его вмѣстѣ пообѣдать въ итальянскомъ ресторанѣ, близъ Пантонъ Стритъ, гдѣ за восемнадцать пенсовъ можно было получить довольно сытный, разнообразнаго характера обѣдъ. Онъ явился туда съ внушительно подбитымъ глазомъ, съ синякомъ, происхожденіе котораго не желалъ объяснить.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

— Я разскажу за салатомъ.

Но ничего разсказать мнѣ не пришлось. Я началъ говорить о своихъ колебаніяхъ при выборѣ одной изъ двухъ карьеръ: торговой или научной, въ виду моей склонности къ соціализму. Однако, здѣсь, подогрѣтый благороднымъ кіанти (по шестнадцати пенсовъ за бутылку), онъ сразу пустился въ широкія разсужденія, совершенно минуя безпокоившій меня вопросъ.

— Жизнь, мой милый Пондерво,—говорилъ онъ,—въ своей реальности состоитъ изъ хроническаго конфликта содержанія и формы. Улови это самъ и оставь въ покоѣ всѣ другіе вопросы. Соціалистъ будетъ утверждать, что правильна такая то форма и вѣренъ такой то цвѣтъ; индивидуалистъ будетъ указывать—другіе. Но что это составляетъ? Ничего. Я ничего не могу посовѣтовать, ничего—развѣ только избѣгать позднихъ сожалѣній. Будь самимъ собою, ищи ту красоту, которую тебѣ укажетъ твое собственное чувство, и не бойся головной боли по утрамъ... Да и что такое утро, Пондерво!..

Тутъ онъ внушительно остановился.

— Какая чушь! — воскликнулъ я, послѣ безуспѣшной попытки понять его.

— Не правда ли! И въ этомъ вся моя мудрость! Пользуйся ею или брось, мой милый Джорджъ... Тутъ онъ отложилъ

въ сторону щипчики для орѣховъ, которыми отбивалъ каждое свое слово, и вынулъ изъ кармана засаленую записную книжку.

— Я хочу стащить эту горчичницу,—сказалъ онъ неожиданно.

Я было хотѣлъ остановить его.

— Только въ смыслѣ рисунка. Мнѣ заказанъ памятникъ для одного животнаго, оптоваго бакалейщика. И я помѣщу на углахъ четыре горчичницы. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится, онъ, вѣроятно, будетъ радъ горчичнику, чтобы оттянуть жаръ. Какъ никакъ—идетъ!

V.

Во время безсонной ночи мнѣ пришло въ голову, что только Маріонъ можетъ разрѣшить одолѣвавшія меня нравственныя сомнѣнія. Лежа въ постели, я мысленно излагалъ ей мою задачу, и она, подобно богинѣ, вся сіяя красотой, произносила въ простыхъ словахъ свое рѣшеніе.

— Вѣдь при этомъ я продаю себя капиталистической системѣ,—говорилъ я въ своемъ воображеніи, употребляя соціалистическій жаргонъ; это, значитъ, отказаться отъ всѣхъ своихъ убѣжденій. Насъ, можетъ быть, ожидаетъ удача, мы можемъ разбогатѣть. Но развѣ это удовлетворитъ насъ?

На это она будто бы отвѣчала:—Нѣтъ! это будетъ несправедливо.

— Но, иначе, намъ остается одно—ждать.

Тутъ она обращалась въ богиню и, бросивъ на меня свѣтлый взглядъ и протянувъ ко мнѣ свои руки, говорила:

— Нѣтъ. Мы любимъ другъ друга. Ничто низменное не должно насъ коснуться. Мы любимъ другъ друга. Къ чему намъ ждать, чтобы повторять это. Что можетъ значить для насъ, если мы будемъ бѣдны и останемся бѣдными?

Но, въ дѣйствительности, нашъ разговоръ вовсе не происходилъ въ такомъ направленіи. Когда я ее увидѣлъ, все мое ночное краснорѣчіе показалось мнѣ безсмысленнымъ, и моя этика получила другую оцѣнку. Я дожидался ее у дверей магазина и проводилъ домой. Я помню, какъ поразила меня ея красота при тепломъ свѣтѣ заката.

— Мнѣ нравится эта шляпа,—сказалъ я для начала разговора. И она взглянула на меня съ одною изъ своихъ рѣдкихъ, очаровывавшихъ меня улыбокъ.

— Я люблю васъ,—сказалъ я вполголоса, въ то время, какъ мы пробирались рядомъ по тротуару.

Она отрицательно покачала головой, но все еще продолжала улыбаться.

— Будьте благоразумны!—сказала она.

Мы прошли въ молчаніи еще нѣсколько времени, пока не явилась возможность возобновить нашъ разговоръ, представлявшійся довольно затруднительнымъ въ толпѣ, наполнявшей узкіе тротуары Гай Стритъ.

— Послушайте, Маріонъ,—сказалъ я,—я рвусь къ вамъ всѣми силами моей души. Развѣ вы этого не понимаете?

— Опять!—воскликнула она.

Можетъ быть, это и не совсѣмъ ясно, но къ самой страстной любви иногда можетъ примѣшаться извѣстная доля ненависти. И я почувствовалъ ее, когда она произнесла это спокойное, самодовольное „опять“! Правда, это продолжалось всего одинъ моментъ. Но это было какъ бы предостереженіемъ, въ виду того будущаго антагонизма, который, въ скрытомъ видѣ, уже существовалъ между нами.

— Маріонъ,—продолжалъ я, — это не шутка для меня. Я люблю васъ, и ради васъ готовъ умереть... Вы равнодушны ко мнѣ?

— Какая отъ этого будетъ польза?

— А, вы, значитъ, ни на волосъ не любите меня, вамъ все равно!

— Вы знаете, что мнѣ не все равно,—отвѣчала она.— Если бъ вы мнѣ не нравились, развѣ я стала бы ходить съ вами?

— Ну, тогда обѣщаете быть моею женой?

— Въ чемъ будетъ разница, если я обѣщаю?

Въ это время насъ неожиданно раздѣлили два человѣка, тащившіе лѣстницу.

— Маріонъ,—продолжалъ я, когда мы опять шли рядомъ,—повторяю, я хочу, чтобы вы были моею женой.

— Это невозможно.

— Почему?

— Мы не можемъ жить на улицѣ.

— Можно рискнуть.

— Я прошу васъ бросить такой разговоръ. Какая въ немъ польза?—И она внезапно перешла въ мрачное настроеніе.— Что хорошаго въ такомъ бракѣ? Только одно горе. Я насмотрѣлась на другихъ. Когда живешь одна, еще бываютъ хоть какія нибудь деньги, и можно иногда доставить себѣ удовольствіе. Но подумать только—замужемъ и безъ денегъ... могутъ быть еще дѣти, кто знаетъ...

И, точно позабывъ на моментъ обо мнѣ, она продолжала изливать въ отрывистыхъ фразахъ эту житейскую мудрость, свойственную ея классу и типу.

— Слушайте, Маріонъ,—перервалъ я ее,—сколько по вашему нужно, чтобы намъ пожениться?

— Къ чему это приведетъ?

— Выйдете вы за меня, если у меня будетъ триста фунтовъ въ годъ?

Она быстро взглянула на меня.

— Это шесть фунтовъ въ недѣлю,—сказала она.—На это можно устроиться легко... Братъ Смити... нѣтъ, онъ получаетъ только двѣсти пятьдесятъ. Онъ женился на машинисткѣ.

— Выйдете за меня, если я буду получать триста фунтовъ въ годъ?

Она взглянула на меня, и въ глазахъ ея что то мелькнуло.

— Если?—сказала она.

Я протянулъ ей руку и посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Уговоръ лучше денегъ,—сказалъ я.

Видимо колеблясь, она прикоснулась своими пальцами къ моей рукѣ.

— Это совсѣмъ глупо,—замѣтила она.—Выходитъ, что мы теперь...

Тутъ она остановилась.

— Да?—сказалъ я.

— Обручены. Вамъ придется ждать цѣлые годы. Какая вамъ отъ этого польза?

— Не такъ долго,—отвѣчалъ я.

На моментъ она задумалась. Потомъ взглянула на меня съ привѣтливой улыбкой, съ проблескомъ нѣкоторой нѣжности, воспоминаніе о которой сохранилось у меня навсегда.

— Вы мнѣ нравитесь,—сказала она.—Мнѣ будетъ пріятно подумать, что мы обручены.

Уже на порогѣ дома я уловилъ тихо произнесенное слово „милый!“ Написавъ это, я какъ будто забываю обо всемъ, происшедшемъ послѣ того, и вновь чувствую себя влюбленнымъ мальчикомъ, женихомъ Маріонъ, придающимъ большое значеніе всѣмъ этимъ рѣдкимъ мелочамъ, полнымъ для него особой радости.

VI.

Наконецъ, я отправился по адресу въ Гоуеръ Стритъ, сообщенному мнѣ дядей, и нашелъ тетку Сусанну, ожидавшую его за чаемъ.

При первомъ взглядѣ на комнату, куда я вошелъ, мнѣ бросилась въ глаза, не менѣе новой шляпы моего дяди, та внѣшняя перемѣна, которую произвело Тоно-Бэнге. Комната поразила меня своею богатою, почти величественной обстановкой. Кресла и диваны были обиты матеріей, отдаленно напоминавшей Бледсоверъ; каминъ съ статуэтками, газовая люстра,—все это показалось мнѣ крупнѣе, красивѣе, чѣмъ

я привыкъ до сихъ поръ видѣть въ Лондонѣ. И меня ввела сюда настоящая горничная, въ настоящемъ чепчикѣ съ лентами и съ массою красноватыхъ волосъ. И посреди всего этого я увидѣлъ тетку въ какомъ то голубомъ капотѣ съ узорами, представлявшемъ послѣднее слово моды,—веселую, красивую. Она сидѣла въ креслѣ у открытаго окна, около нея былъ маленькій столикъ, на которомъ была цѣлая куча книгъ съ желтыми ярлыками. Передъ каминомъ стояла низенькая этажерка, съ разными сортами кекса и печеній, а чайный приборъ помѣщался на большомъ столѣ посреди комнаты. Полъ покрывалъ толстый коверъ, который оживляли выкрашенные въ разныя цвѣта маты изъ бараньихъ шкурокъ, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ.

— О!—воскликнула тетка при моемъ появленіи.—Да это Джорджъ!

— Подавать чай, м'амъ?—спросила настоящая горничная, созерцая холоднымъ взоромъ нашу радостную встрѣчу.

— Нѣтъ, пока не придетъ м-ръ Пондерво, Мегги, — сказала моя тетка, дѣлая гримасу въ слѣдъ горничной, когда та уходила.—Тоже зоветъ себя Мегги,—добавила она, когда дверь закрылась, изъ чего я долженъ былъ заключить, что эта особа не пользовалась ея особыми симпатіями.

— У васъ превеселый видъ, тетя,—сказалъ я.

— Ну, какъ тебѣ кажется дѣло, что онъ затѣялъ? — спросила тетка.

— Я полагаю, что пойдетъ,—сказалъ я.

— Надѣюсь, оно дѣйствительно существуетъ гдѣ нибудь?

— Развѣ вы сами не видѣли?

— Нѣтъ, не пускаетъ. Боится, что я раскритикую, Джорджъ. Все это вышло совсѣмъ неожиданно. Передъ тѣмъ онъ все ходилъ, задумавшись, писалъ письма, въ немъ что-то все кипѣло—точно каштанъ, готовый лопнуть. Вдругъ какъ-то пришелъ домой—и все твердитъ одно слово: Тоно-Бэнге—я думала совсѣмъ рехнулся,—и еще поетъ,—что то такое...

— „Я на волнѣ, я на волнѣ“,—сказалъ я на угадъ.

— Какъ разъ это. Ты, значитъ, слышалъ. И тутъ объявилъ, что мы разбогатѣли. Потащилъ меня въ Гольборнскій ресторанъ, Джорджъ,—тамъ обѣдъ съ шампанскимъ, отъ котораго бьетъ въ носъ и голова кружится. Говоритъ, что теперь онъ можетъ обставить меня, какъ слѣдуетъ. На другой день мы переѣхали сюда. Вѣдь это шикарный домъ, Джорджъ. За комнату берутъ три фунта въ недѣлю. И онъ говоритъ, что дѣло его выдержитъ.

И она посмотрѣла на меня съ сомнѣніемъ.

— Да, если только не лопнетъ, — сказалъ я глубокомысленно.

Дальнѣйшее обсужденіе этого вопроса выражалось у насъ только въ молчаливыхъ взглядахъ. Потомъ тетка хлопнула рукой по кучкѣ книгъ отъ Мюди *).

— Ну, ужъ и перечитала я за это время книгъ, Джорджъ. Ты себѣ представить не можешь!

— Но что вы сами думаете объ этомъ дѣлѣ?—спросилъ я.

— Пока еще оно даетъ ему деньги,—сказала она и задумалась.

— Ну ужъ и время это было,—продолжала она.—Онъ все гдѣ-то носился. А я сижу, ничего не дѣлаю, предоставляя ему летать, какъ ракетѣ. Онъ просто чудеса дѣлалъ. Но ты ему необходимъ, Джорджъ. Иногда онъ полонъ надеждъ—и тутъ начнетъ болтать, что мы скоро заведемъ свою карету и будемъ вращаться въ обществѣ,—и мнѣ все это кажется такъ просто, и я сама не знаю, гдѣ у меня голова... А то вдругъ падетъ духомъ. Говоритъ, что его нужно сдерживать. Что онъ можетъ всплыть, но не сумѣетъ удержаться. Говоритъ, что если ты не войдешь въ дѣло, то все лопнетъ... Но ты войдешь, Джорджъ?

Она остановилась и вопросительно посмотрѣла на меня.

— Но...

— Неужто ты отказываешься!

— Слушайте, тетя, — сказалъ я, — понимаете ли вы?.. Вѣдь это шарлатанское лѣкарство. Всякая дрянь.

— Сколько я знаю, закономъ не воспрещается продавать такія лѣкарства,—сказала моя тетка.—Она на минуту задумалась и сдѣлалась совсѣмъ серьезной. — Вѣдь это нашъ единственный шансъ, Джорджъ,—продолжала она.—Если дѣло не пойдетъ...

Тутъ послышался шумъ хлопнувшей двери и затѣмъ какой-то громкій ревъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Глупая старая шарманка! Только послушай его, Джорджъ!—и она прибавила громче.—Брось этотъ ревъ, старый моржъ! Лучше спой: „Я на волнѣ“.

Дверь отворилась, и на порогѣ показался мой дядя.

— А, Джорджъ! Собрался, наконецъ? Есть чайныя печенія, Сусанна?... Надумалъ, Джорджъ?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ я.

— Входишь?

Я остановился на моментъ и потомъ утвердительно кивнулъ головой.

— А!—воскликнулъ онъ.—Почему ты не могъ этого сказать недѣлю тому назадъ?

---

*) Извѣстная библіотека въ Лондонѣ. *Прим. пер.*

— У меня былъ неправильный взглядъ на міръ,—сказалъ я.—Теперь это не имѣетъ для меня значенія. Я вхожу и готовъ рискнуть вмѣстѣ съ вами. Теперь уже болѣе колебаній не будетъ.

И я не отступалъ отъ этого рѣшенія въ теченіе семи долгихъ лѣтъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Какъ у насъ запѣлъ Тоно-Бенге.

I.

Такимъ образомъ, мы примирились съ моимъ дядей и оба принялись за многообѣщавшее предпріятіе, заключавшееся въ продажѣ не безвредной дряни,—по шиллингу и три пенса за маленькую, и по два шиллинга и девять пенсовъ за большую бутылку, не считая налога. Мы, дѣйствительно, добились того, что Тоно-Бенге у насъ *запѣлъ*. Онъ принесъ намъ богатство, вліяніе, почетъ и довѣріе множества людей. Всѣ обѣщанія моего дяди не только оправдались на дѣлѣ, но полученные результаты даже превзошли ихъ. Благодаря Тоно-Бенге, я достигъ такой независимости и такихъ возможностей, которыхъ мнѣ не могла бы дать цѣлая жизнь, посвященная научному труду или безкорыстному служенію человѣчеству.

И все это сдѣлала геніальность моего дяди. Конечно, я былъ для него необходимъ,—это нечего скрывать,—я былъ его незамѣнимою правою рукою; но основныя идеи зарождались въ его мозгу. Онъ самъ сочинялъ каждое объявленіе; онъ даже набрасывалъ для нихъ рисунки. Вы должны помнить, что въ то время газета *Times* еще не пускалась въ аферы, въ родѣ продажи устарѣвшй *Британской энциклопедіи*. Тогда дружески конфиденціальный стиль современной газетной рекламы, съ подчеркиваньемъ извѣстныхъ мѣстъ крупнымъ шрифтомъ, еще былъ сравнительно новостью. Одна изъ первыхъ попытокъ дяди въ этомъ родѣ начиналась такъ: „Многіе, у кого ничего не болитъ, думаютъ, что они *совсѣмъ* здоровы,“ затѣмъ крупными буквами: „*Не нужно никакихъ лѣкарствъ... просто настоящій режимъ, чтобы привести себя въ порядокъ*“. Дальше слѣдовало предостереженіе противъ разныхъ „публикуемыхъ въ газетахъ медицинскихъ средствъ“. Отъ всей этой дряни больше вреда, чѣмъ пользы. Все, что вамъ требуется, это—правильный режимъ и Тоно-Бенге.

Къ раннему періоду нашей карьеры относится также появлявшійся въ вечернихъ газетахъ параграфъ: „Тоно-Бэнге это—веселое настроеніе. Подобно горному воздуху, оно проникаетъ всю вашу систему“. Или проникновенное тріо во-

просовъ.—„Утомляютъ васъ дѣла? Утомляетъ васъ обѣдъ? Утомляетъ васъ жена?“ Все это относится еще ко временамъ Гоуеръ Стритъ, къ періоду нашей первой кампаніи, когда мы завоевывали южный, центральный и западный Лондонъ. Тогда же появился у насъ и первый иллюстрированный плакатъ: *Здоровье, красота и сила въ одномъ.* Онъ былъ сдѣланъ съ моего наброска, который еще до сихъ поръ сохранился у меня.

Но все это только случайно проходило черезъ меня, прежде чѣмъ поступить въ отдѣланномъ видѣ въ руки художника или типографіи. Когда мой дядя поссорился, и совершенно напрасно — съ завѣдующимъ отдѣломъ объявленій въ газетѣ *Ежедневный Регуляторъ* (ему показалось, что этотъ органъ недостаточно рекламируетъ его послѣднее *bon mot*), я взялъ на себя и сношенія съ прессой.

Предварительно мы обсуждали всѣ эти вопросы при участіи тетки, подававшей иногда очень практическіе совѣты, — сперва въ гостиной Гоуэръ-Стритъ, а потомъ въ интимной комнаткѣ моего дяди, въ ихъ первомъ домѣ, въ Бекенгамѣ. Часто мы просиживали за этимъ до поздней ночи, иногда до разсвѣта.

Сколько я припоминаю, мы въ это время работали, какъ каторжные, и не только мой дядя, но, мнѣ думается, я самъ вносилъ не мало энтузіазма въ эту работу. Это была въ своемъ родѣ азартная игра—глупая, но увлекательная, и нашъ выигрышъ выражался въ возраставшемъ числѣ ящиковъ съ бутылками. Многіе думаютъ, что можно нажить деньги на одной счастливой идеѣ безъ всякаго труда. Но это заблужденіе, что можетъ подтвердить почти каждый милліонеръ. Я не думаю, чтобы и самому Д. Рокфеллеру приходилось работать болѣе нашего, въ первыя времена кампаніи Стандартъ. Мы работали не только цѣлые дни на пролетъ, но иногда ночью. У насъ вошло въ привычку *неожиданно* являться на фабрику, чтобы видѣть, какъ идетъ дѣло, пока средства не позволяли намъ взять настоящихъ отвѣтственныхъ помощниковъ. И мы сами разъѣзжали по Лондону, въ качествѣ своихъ собственныхъ *комми-вояжеровъ*, заводя новыя сношенія.

Но этими дѣлами я занимался только временно; какъ только у насъ явились подходящіе люди, я бросилъ разъѣзды; но самъ дядя продолжалъ ихъ еще нѣсколько лѣтъ. „Мнѣ пріятно, Джорджъ, посмотрѣть на этихъ, стоящихъ за прилавками парней; они напоминаютъ мнѣ старыя времена“, говорилъ онъ въ объясненіе этого. Моею спеціальною отраслью было приведеніе Тоно-Бэнге въ надлежащее вещественное состояніе въ видѣ налитой чѣмъ-то бутылки; я долженъ былъ осуществлять грандіозныя идеи моего дяди, въ видѣ непре-

рывнаго потока ящиковъ бутылокъ какой-то чепухи съ ярлыками, которыя посредствомъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ должны были безъ замедленія достигать мѣстъ своего назначенія и попадать въ желудки потребителей. По сравненію съ существовавшими нравственными образцами, все это, въ глазахъ моего дяди представлялось „вполнѣ солиднымъ дѣломъ". Мы продавали свою мѣшанину и получали за нее деньги, которыя добросовѣстно расходовали на дальнѣйшее расширеніе ея продажи посредствомъ всякаго вранья. Постепенно мы распространили свою торговлю по всѣмъ Британскимъ островамъ. Начавъ съ населенныхъ буржуазіей ближайшихъ предмѣстій Лондона, мы перешли къ болѣе отдаленнымъ и потомъ въ сосѣднія графства; послѣ того (придавъ слегка благочестивый тонъ нашей рекламѣ), мы двинулись въ Уэльсъ, всегда представлявшій благодарную почву для патентованныхъ медицинскихъ средствъ, а потомъ въ Ланкаширъ. Въ приватной конторкѣ моего дяди висѣла большая карта Англіи и, по мѣрѣ того, какъ мы захватывали новыя площади, онѣ отмѣчались на ней маленькими флагами и подчеркнутыми красными линіями названій мѣстностей, которыя свидѣтельствовали о нашемъ побѣдоносномъ шествіи.

— Вотъ тебѣ поэзія современной коммерціи, Джорджъ!— говорилъ мой дядя, потирая руки и вдыхая воздухъ сквозь зубы.—Чистое завоеваніе. Провинція за провинціей. Совсѣмъ какъ на войнѣ!

Такимъ образомъ, мы покорили всю Англію и Уэльсъ и перевалили въ горную Шотландію. Тутъ мы подкрѣпили Тоно-Бэнге небольшою дозою крѣпчайшаго спирта и выпустили для шотландцевъ спеціальную его марку „Репейникъ". При этомъ также появился вновь приспособленный плакатъ съ изображеніемъ шотландскаго горца посреди туманнаго гористаго пейзажа.

Но, въ связи съ нашей магистральной линіей, мы стали открывать и филіальныя вѣтви. Первымъ такимъ дополненіемъ явилось „Тоно-Бэнге, какъ возбудитель роста волосъ". Потомъ выступило „Концентрированное Тоно-Бэнге" для глазъ. Послѣднее не пошло, но съ „Возбудителемъ" мы сдѣлали хорошія дѣла. Я помню, что мы подходили къ этому вопросу съ особымъ катехизисомъ, начинавшимся такъ: „Почему падаютъ волосы? Потому что волосяныя луковицы утомлены" и т. д.

Мы достигли также блестящаго успѣха съ „Пастилками Тоно-Бэнге" и „Шоколадомъ Тоно-Бэнге", которые мы особенно рекомендовали вниманію публики, въ виду ихъ необычайныхъ питательныхъ и укрѣпляющихъ свойствъ. Мы сопровождали ихъ плакатами и иллюстрированными объявленіями, на которыхъ изображались горные туристы, ви-

сящіе въ воздухѣ, держась за отвѣсныя скалы, велосипедные чэмпіоны, кавалерійскія прогулки, солдаты во время боя въ жаркомъ климатѣ. „Съ нимъ вы можете пройти двадцать четыре часа!“ говорили мы о шоколадѣ Тоно-Бэнге. Но въ состояніи ли вы послѣ того вернуться назадъ—объ этомъ умалчивалось. У насъ также было весьма типичное изображеніе адвоката на судѣ, въ парикѣ и съ бакенбардами, съ надписью: „Говорилъ безостановочно четыре часа послѣ пріема пастилокъ Тоно-Бэнге,—безъ малѣйшаго утомленія“. Это привело къ намъ сонмы новыхъ покупателей изъ учителей, проповѣдниковъ, ораторовъ, политиковъ и т. п. Мнѣ думается, что въ возбуждающемъ дѣйствіи этихъ пастилокъ играла роль пущенная въ нихъ небольшая доза стрихнина, особенно когда онѣ изготовлялись по первоначальной формулѣ. Но, по мѣрѣ того, какъ товаръ все болѣе и болѣе расходился, мы измѣняли эти формулы, значительно сокращая пропорцію разныхъ ингредіентовъ.

Какъ мнѣ представляется теперь, наше дѣло расширялось тогда съ невѣроятною быстротою, и мы захватывали все новые районы. Вся эта организація въ своихъ общихъ чертахъ была уже набросана моимъ дядей, и мнѣ приходилось разрабатывать практическія подробности схемы и цифры. Мы встрѣтили не мало затрудненій въ пріисканіи подходящихъ разъѣзжающихъ агентовъ, но въ концѣ концовъ болѣе половины этихъ мѣстъ были заняты у насъ американскими ирландцами, оказавшимися самымъ подходящимъ для этого дѣла народомъ. Еще труднѣе было рѣшеніе вопроса относительно управляющаго фабрикою, такъ какъ эта должность была связана съ сохраненіемъ въ тайнѣ секрета производства. Намъ, однако, удалось найти на это мѣсто одну весьма способную женщину, м-риссъ Гамптонъ Диггсъ, ранѣе того завѣдывавшую большою швейною мастерской. При ней мы могли быть увѣрены, что дѣло идетъ въ должномъ порядкѣ, и что она не станетъ совать свой большой носъ туда, куда не слѣдуетъ. Къ довершенію всего, она сама увѣровала въ цѣлебныя свойства Тоно-Бэнге и за все время нашего знакомства постоянно принимала его въ разныхъ видахъ и въ значительномъ количествѣ. Повидимому, это не принесло ей вреда. И она держала мастерицъ въ удивительномъ порядкѣ.

Послѣднимъ добавленіемъ моего дяди къ новой группѣ отпрысковъ Тоно-Бэнге было новое полосканье подъ тѣмъ же именемъ. Навѣрное, вамъ не разъ приходилось встрѣчать въ газетахъ его внушительный вопросъ по этому поводу: „Вы еще молоды, но увѣрены ли вы, что у васъ не состарились десны?“ Послѣ того, мы еще взяли на себя агентуру нѣсколькихъ хорошихъ американскихъ вещей, въ этомъ же

родѣ, которыя проводились одновременно съ нашими собственными. Изъ нихъ главными были „Техасское втираніе“ и „23—для очищенія системы“...

Я привожу всѣ эти факты, потому что они связываются у меня съ представленіемъ фигуры моего дяди. Въ старинныхъ, сохранявшихся въ Бледсоверѣ молитвенникахъ семнадцатаго и начала восемнадцатаго столѣтія мнѣ попадались наивныя изображенія фигуръ, съ выходящимъ изо рту развернутымъ свиткомъ съ напечатанными на немъ словами. Хотѣлось бы мнѣ написать всю эту главу на свиткѣ, выходящемъ изъ устъ моего дяди, — маленькаго, толстущаго, коротконогаго человѣчка, въ пенснэ на носу, съ торчащими волосами и выпученными глазами. Хотѣлось бы мнѣ представить его вамъ въ тотъ моментъ, какъ онъ, съ перомъ въ рукѣ, быстро дыша носомъ, нацарапывалъ какую-нибудь уморительную безсмыслицу для *плаката* или объявленія и торжественнымъ голосомъ, точно какое-то пророчество, отрывисто произносилъ:—„Джорджъ, слушай! У меня явилась мысль!..“

Я до сихъ поръ хорошенько не знаю,—видѣлъ ли мой дядя въ Тоно-Бэнге только обманъ или путемъ постояннаго повторенія своихъ собственныхъ измышленій самъ отчасти началъ вѣрить въ него. Я думаю, что, въ общемъ, онъ относился къ нему съ добродушнымъ, почти отеческимъ снисхожденіемъ. Я помню, какъ разъ, въ отвѣтъ на мои слова: „Но вы не допускаете же, чтобы этотъ составъ могъ принести хоть какую-нибудь пользу?“—онъ сказалъ, съ выраженіемъ протеста и укора:—„У тебя черствая натура, Джорджъ. Ты слишкомъ склоненъ къ порицанію. Какъ тутъ *сказать*? Кто можетъ *сказать*?“

Всякая созидательнаго характера работа, связанная съ развитіемъ какого либо дѣла, должна была заинтересовать меня въ то время. Несомнѣнно, я занялся Тоно-Бэнге съ такимъ же увлеченіемъ, какое испытывалъ бы молодой морякъ, внезапно оказавшійся капитаномъ корабля. Меня крайне интересовали всякія упрощенія процесса нашего производства и связанные съ этимъ разсчеты. Я устроилъ машинку для наклейки ярлыковъ на бутылки и взялъ на нее патентъ, который до сихъ поръ приноситъ мнѣ кое-какія выгоды. Смѣсь приготовлялась теперь въ концентрированномъ видѣ, и я устроилъ особое приспособленіе для наливанія бутылокъ, онѣ двигались по наклонному стеклянному желобу, при чемъ у одного крана онѣ наливались дистилированной водой, а у другого—въ нихъ прибавлялось, по каплямъ, незначительное количество нашихъ другихъ ингредіентовъ. Все это повело къ большой экономіи мѣста и работы. Для наполненія бутылокъ потребовались особаго устройства краны, которые я также изобрѣлъ и взялъ на нихъ привилегію...

II.

При воспоминанiи этихъ годовъ непрерывнаго напряженнаго труда, мнѣ кажется, что все это произошло гораздо быстрѣе. Послѣ крайне рискованнаго начала, когда дядя, включая наличный товаръ и кредитъ, едва располагалъ и тысячью фунтовъ, наступилъ день, когда онъ, съ гордою самоувѣренностью, отъ себя лично и своихъ негласныхъ компанiоновъ (аптекарскихъ складовъ, типографiй и владѣльцевъ газетъ) обратился къ публикѣ съ предложенiемъ участiя въ его предпрiятiи, въ размѣрѣ 150.000 фунтовъ. Эти негласные компанiоны, навѣрное, пожалѣли, что не взяли болѣе крупныхъ паевъ или не давали большаго кредита, когда полилась подписка. Ровно половина подписной суммы (включая и мою десятую долю) оказалась въ распоряженiи моего дяди.

Подумать только—150.000 фунтовъ за право участiя въ потокахъ лжи и въ торговлѣ бутылками дистилированной воды съ подмѣсью! Представляете ли вы себѣ человѣческое безумiе, санкцiонирующее подобную штуку? Пожалуй, что нѣтъ. По временамъ я и самъ находился въ ослѣпленiи, должно быть, подъ влiянiемъ привычной ежедневной обстановки. И если бъ не Юартъ, то я бы и не замѣтилъ, до чего была удивительна моя карьера, и, вѣроятно, примирился бы со всѣми ея иллюзiями, подобно моему дядѣ. Послѣднiй чрезвычайно гордился успѣхомъ подписки. „Давно они не получали такихъ цѣнностей“, говорилъ онъ. Но жестикулирующiй Юартъ, исполнявшiй роль хора во всей этой драмѣ, до сихъ поръ сохранился въ моей памяти. За все это удивительное время онъ одинъ представлялъ мнѣ въ настоящемъ свѣтѣ окружавшую меня колоссальную нелѣпость.

— Все это подъ одно ко всему прочему,—замѣчалъ онъ.—Пожалуйста, не воображай, что тутъ что-нибудь необычайное.

Одинъ нашъ разговоръ по этому поводу мнѣ особенно памятенъ. Онъ только что вернулся изъ Парижа, куда ѣздилъ для „обтески“, какъ онъ выражался, одного произведенiя какого-то вновь выступавшаго американскаго скульптора. Этому молодому человѣку была заказана аллегорическая фигура истины (конечно, задрапированная) для украшенiя Капитолiя его штата, и ему понадобился помощникъ. Юартъ возвратился съ обстриженными щеткою волосами, облеченный въ стильный французскiй костюмъ. На немъ была, какъ я помню, буро-пурпуроваго цвѣта велосипедная пара, уморительно сидѣвшая и, очевидно, сшитая не по немъ, ее довершили огромный черный шарфъ и мягкая декадентская шляпа.

— Преглупый костюмъ, не правда ли?—сказалъ онъ, когда я вытаращилъ на него глаза.—И самъ не знаю, зачѣмъ купилъ. Тамъ это казалось ничего себѣ.

Онъ пришелъ къ намъ въ Раггетъ Стритъ по моему приглашенію (съ доброжелательной цѣлью), чтобы обсудить рисунокъ плаката, который предполагалось заказать ему, и пустился въ удивительныя разсужденія посреди окружавшихъ насъ бутылокъ.

— Что мнѣ особенно нравится тутъ, Пондерво, это—поэзія... Здѣсь мы, дѣйствительно, оставили позади себя животныхъ. Ну, какой звѣрь построитъ такую фабрику. Какъ ты думаешь!.. Конечно, вспоминаешь бобра. Онъ еще, пожалуй, закупоритъ что-нибудь въ бутылку, но развѣ онъ наклеитъ на нее ярлыкъ и начнетъ продавать? Я допускаю, что бобръ глупый мечтатель со всѣми его запрудами, но все же, въ концѣ концовъ, онѣ представляютъ нѣкоторую защиту, нѣчто практическое изъ грязи, чтобы не подпустить къ себѣ! Поэзія не только въ васъ. Она сидитъ и въ вашихъ покупателяхъ. Откликъ поэта къ поэту—созвучіе душъ! Здоровье, сила и красота—въ бутылкѣ—волшебный элексиръ! По истинѣ сказка..

— Подумай о людяхъ, которымъ идутъ всѣ эти ваши бутылки! Подумай о мелкихъ клеркахъ и переутомленныхъ женщинахъ и другомъ народѣ. Всѣ переутомлены желаніемъ что-нибудь сдѣлать, чѣмъ-нибудь быть... Вотъ гдѣ истинное горе жизни, Пондерво: не въ томъ, что мы *существуемъ*, это вульгарное заблужденіе, а въ томъ, что мы существуемъ не такъ, какъ намъ хочется. И вотъ что, въ высшемъ смыслѣ, олицетворяетъ собою эта мѣшанина! Жажда хоть разъ быть дѣйствительно живымъ до конца своихъ пальцевъ.

— Никто не желаетъ быть тѣмъ, что онъ есть, и дѣлать то, что ему приходится—никто. Ты вовсе не желаешь предсѣдательствовать надъ этими бутылками, я не желаю носить эту дурацкую пару, никто не желаетъ наклеивать ярлыки на глупыя бутылки по столько-то фартинговъ за сотню. Это не значитъ существовать! Это, такъ сказать, субстратъ. Никто изъ насъ не желаетъ быть тѣмъ, что мы есть. Развѣ только какъ основной базисъ. Чего мы хотимъ? Ты и я—всѣ мы знаемъ. Никто, однако, не сознается въ этомъ. Чего мы всѣ хотимъ—это быть вѣчно юными, прекрасными—юными Юпитерами, Пондерво,—тутъ голосъ его сталъ громче и перешелъ въ декламацію,—преслѣдующими пугливыхъ, полусдающихся нимфъ въ безконечныхъ лѣсахъ...

Мастерская замѣтно стала прислушиваться.

— Спустимся внизъ,—сказалъ я, прерывая его:—тамъ удобнѣе говорить.

— Мнѣ здѣсь лучше говорится...

И онъ хотѣлъ продолжать, но, на мое счастье, въ этотъ моментъ, изъ-за безконечныхъ рядовъ бутылокъ, показалось строго-неумолимое лицо м-рисъ Диггсъ.

— Ладно, пойдемъ,—сказалъ онъ.

Мой дядя былъ въ кабинетѣ и переваривалъ свой завтракъ. При видѣ его и подъ вліяніемъ прекрасной предложенной ему сигары, Юартъ пустился въ разсужденія на тему о современной коммерціи. Онъ держалъ себя съ дядей, какъ съ незнакомымъ ему коммерческимъ магнатомъ.

— Я только что говорилъ вашему племяннику о поэзіи торговли, сэръ,—сказалъ Юартъ.—Онъ какъ будто не совсѣмъ согласенъ.

— Я постоянно говорю ему то же самое,—съ видомъ одобренія отвѣчалъ мой дядя.

— Вы художникъ. Если вы позволите, то я буду говорить съ вами, какъ съ товарищемъ-художникомъ. Реклама сдѣлала это. Реклама сдѣлала переворотъ въ торговлѣ и промышленности; она перевернетъ и весь міръ. Старинный купецъ носился съ продуктами; современный—самъ создаетъ цѣнности. Онъ не нуждается въ продуктѣ. Онъ беретъ что-нибудь, ничего не стоющее или въ этомъ родѣ, и обращаетъ его въ стоющее. Онъ беретъ, напримѣръ, горчицу такую же, какъ и у всѣхъ другихъ, и начинаетъ говорить, кричать, пѣть, писать мѣломъ на стѣнахъ, во всѣхъ мѣстахъ, что „лучшая горчица Смита". Смотришь—она и есть лучшая!

— Вѣрно,—сказалъ мой дядя какимъ то мечтательнымъ тономъ, слегка отзывавшимся мистицизмомъ,—вѣрно.

— Кстати, говоря о горчицѣ, сэръ,—на дняхъ мнѣ пришлось быть на Клапамской станціи, и я замѣтилъ какъ всѣ откосы заросли хрѣномъ. Должно быть, пробрался сюда изъ какого-нибудь сада. Вы знаете, что такое хрѣнъ,—какъ онъ разростается,—чистый огонь. Я стоялъ на платформѣ и думалъ: „Вонъ, какъ его претъ, гдѣ не нужно. Почему это хорошія вещи въ жизни не растутъ такъ, какъ хрѣнъ." Тутъ мои мысли неожиданно приняли другой оборотъ,—какъ бываетъ со мною,—и мнѣ пришло въ голову, что маленькая жестянка горчицы стоитъ пенни,—я самъ недавно покупалъ, когда у меня какъ-то случилась ветчина,—и какое бы оказалось выгодное дѣло поддѣлки горчицы хрѣномъ. Мнѣ показалось, что я и самъ бы могъ пуститься въ это предпріятіе, разбогатѣть и потомъ опять вернуться въ свойственную мнѣ сферу — монументнаго искусства. Но зачѣмъ поддѣлывать? мнѣ какъ то не нравится идея фальсификаціи."

— Унизительно,- сказалъ мой дядя, кивая головой.—Навѣрное откроютъ!

— Да и совсѣмъ не нужно; къ тому-же гораздо лучше сдѣлать новую смѣсь: три четверти фунта хрѣна и четверть фунта горчицы,—дать ей новое названіе и продавать вдвое дороже горчицы. Понимаете меня? Я уже совсѣмъ былъ готовъ начать дѣло, только что-то помѣшало... Тутъ подошелъ поѣздъ.

—Весьма недурная идея,—сказалъ мой дядя и посмотрѣлъ на меня.—Это, дѣйствительно, мысль, Джорджъ.

— Или возьмите опять стружки! Вамъ знакома поэма Лонгфелло, которая звучитъ, совсѣмъ какъ первое склоненіе. Какъ это: „человѣкъ творецъ, говорятъ люди!"

— Очень хорошая поэма,—сказалъ мой дядя и пробурчалъ какую-то цитату.

— Вы помните, тамъ говорится о плотникѣ, о какомъ-то поэтическомъ ребенкѣ и стружкахъ. Чего только тутъ не дѣлаетъ ребенокъ со стружками... такъ и вы можете. Испорошите ихъ, дайте немножко смоляного запаха—выходитъ древесный настой для горячихъ ваннъ,—самое вѣрное средство отъ инфлюэнцы! Потомъ всѣ эти привилегированныя зерновыя яства, какъ ихъ называютъ американцы. Кажется, я не ошибаюсь, сэръ, говоря, что это просто древесныя опилки.

— Нѣтъ!—сказалъ мой дядя,—сколько мнѣ извѣстно, это зерно, только попорченое. Я самъ былъ заинтересованъ.

— Вотъ видите!—воскликнулъ Юартъ.—Скажемъ, попорченое зерно,—все равно я правъ. Ваша современная коммерція настолько-же покупка и продажа, сколько скульптура. Это милосердіе—спасеніе погибающихъ! Она прикладываетъ руки ко всякому пропавшему продукту и подымаетъ его на высоту. Вы превращаете воду въ Тоно-Бэнге!

— Ну, Тоно-Бэнге здѣсь не при чемъ, — сказалъ дядя, принимая внезапно серьезный видъ.

— Вашъ племянникъ, сэръ, упорный человѣкъ; у него во всемъ должна быть предопредѣленная цѣль; чистый кальвинистъ коммерціи. Покажите ему полный мусорный ящикъ; онъ назоветъ это отбросомъ—и пройдетъ мимо. У васъ совсѣмъ другое, сэръ: вы способны въ самой золѣ пробудить чувство самоуваженія.

Мой дядя какъ-то сомнительно посмотрѣлъ на него. Въ глазахъ у него мелькало и одобреніе.

— Изъ нея можно приготовлять санитарныя брикетки,— произнесъ онъ задумчиво, не выпуская изо рта сигары.

— Или разсыпчатый сухарь. Ничто не мѣшаетъ? Вы можете пустить объявленіе: „Почему птицы такъ веселы? Потому что онѣ совершенно перерабатываютъ свою пищу.

Что причиною этому? Зобъ... Почему у человѣка нѣтъ зоба? Потому, что онъ можетъ купить себѣ зольниковый, растирающійся, разсыпчатый сухарь Пондерво, который гораздо лучше".

Онъ прокричалъ, размахивая руками, послѣднія слова...

— Чертовски умный парень,—сказалъ мой дядя, когда тотъ ушелъ. — Я сразу узнаю человѣка. Это настоящій сортъ. Слегка выпивши, я думаю. Но это ихъ брату не вредитъ. Если возьмется, то ему можно заказать этотъ плакатъ. И эта идея насчетъ хрѣна. Совсѣмъ не пустая, Джорджъ. Нужно подумать...

Я долженъ сказать, что изъ моего проекта плаката ничего не вышло, хотя Юартъ и посвятилъ цѣлую недѣлю весьма интересному обсужденію этого вопроса. Онъ никакъ не могъ удержаться отъ своей несчастной склонности къ ироніи. Онъ изобразилъ двухъ бобровъ, удивительно похожихъ, по его словамъ, на меня и на моего дядю,—нѣкоторое сходство съ дядей, дѣйствительно, было,—которые были заняты укупоркою безчисленныхъ рядовъ бутылокъ. Вверху была надпись, гласившая: „Современная коммерція". Хотя при помощи такой рекламы мы не продали бы и одного ящика, но онъ серьезно увѣрялъ меня, что она „должна возбудить любопытство". Кромѣ того, онъ нарисовалъ возмутительный портретъ моего дяди, въ обнаженномъ видѣ, и удивительно похожій; дядя былъ изображенъ продѣлывающимъ разныя чудеса мускульной силы, вродѣ Гаргантюа, передъ публикой, состоявшей изъ разслабленныхъ, поблекшихъ дамъ. Надпись: „Здоровье, красота и сила" — достаточно объясняла смыслъ пародіи. Онъ повѣсилъ это произведеніе въ своей мастерской, надъ москательной лавкой, и прикрылъ его листкомъ бурой бумаги, въ видѣ занавѣски, что только усугубляло его нескромность.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Пора-ли?

(Къ вопросу о демократической реформѣ мѣстнаго управленія).

Демократическая реформа мѣстнаго управленія... Едва-ли кто-нибудь изъ читателей «Русскаго Богатства» сомнѣвается въ ея безусловной необходимости для Россіи. Но очередной-ли это вопросъ? Время ли теперь заводить рѣчь на эту тему? Не будетъ ли въ настоящую минуту разговоръ о такой реформѣ, если не вполнѣ пустымъ времяпрепровожденіемъ, то, во всякомъ случаѣ, чисто теоретическимъ упражненіемъ, лишеннымъ серьезнаго практическаго значенія? Или—гораздо хуже—время ли теперь, вообще, ставить на очередь нужды и потребности мѣстнаго управленія? Не рискуемъ ли мы въ этомъ случаѣ отвлечь вниманіе, волю и энергію общества въ ненадлежащую сторону отъ другихъ задачъ, несравненно болѣе для него жизненныхъ и важныхъ, отъ другого дѣла, вполнѣ и безусловно неотложнаго?

Тотъ или другой отвѣтъ на эти вопросы зависитъ отъ того, какъ относимся мы къ переживаемому нынѣ Россіей историческому періоду, какъ мы его понимаемъ и оцѣниваемъ и чего мы ожидаемъ отъ ближайшаго будущаго... Однимъ будетъ нашъ отвѣтъ въ томъ случаѣ, когда мы признаемъ, что попятное движеніе, на нашихъ глазахъ происходящее, представляетъ собою только такого рода отступленіе назадъ, какое необходимо для разбѣга, предшествующаго скачку,—въ настоящемъ случаѣ скачку впередъ отъ 17 октября. Инымъ будетъ отвѣтъ, если мы найдемъ отступленіе, зашедшимъ уже слишкомъ далеко, такъ далеко, что вся заново накопившаяся энергія—если она дѣйствительно накоплена—подвергается очевидному и несомнѣнному риску быть цѣликомъ израсходованной на самый разбѣгъ раньше, чѣмъ наступитъ моментъ для прыжка; словомъ, если мы придемъ къ невеселому заключенію, что возможность новаго скачка проблематична, что на такой возможности никакихъ серьезныхъ разсчетовъ строить нельзя, а приходится думать о томъ, чтобы начать почти все съ самаго начала, съ новаго медленнаго, шагъ за шагомъ, движенія впередъ, въ надеждѣ какъ-нибудь добраться опять хотя бы до той точки, на которой мы находились наканунѣ 17 октября...

Такая зависимость отвѣтовъ отъ оцѣнки момента понятна и естественна, если принять въ соображеніе то тѣсное взаимоотноше-

ніе, какое существуетъ между строемъ мѣстнаго управленія данной страны и ея государственнымъ строемъ. Лаконическая и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма выразительная формула Чичерина: «кто хозяинъ въ государствѣ,—тотъ хозяинъ въ администраціи», едва-ли не наиболѣе удачно опредѣляетъ характеръ и сущность этого взаимоотношенія. Административный строй страны не возникаетъ самъ собою, независимо отъ государства и внѣ его условій; онъ создается государствомъ (въ лицѣ государственной власти) и создается имъ по его образу и подобію, — во-первыхъ, въ соотвѣтствіи съ его (главнымъ образомъ, если не всецѣло) потребностями, цѣлями и задачами,—во-вторыхъ. Трудно даже представить себѣ такую государственную власть, которая способна была бы (за исключеніемъ, конечно, моментовъ перелома и переходныхъ періодовъ) терпѣть не только антагонистичный, но даже хотя бы только мало соотвѣтствующій ея потребностямъ административный строй. Вѣдь при наличности такого антагонизма или даже только существеннаго несоотвѣтствія должно быстро наступить такое разстройство въ функціяхъ данной государственной власти, что самое существованіе ея (по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе продолжительное) станетъ невозможнымъ...

Отсюда, изъ этой безусловной зависимости административнаго строя страны отъ ея государственнаго строя, очевидно, слѣдуетъ, что тотъ, кто хочетъ сдѣлаться хозяиномъ въ администраціи, долженъ прежде сдѣлаться хозяиномъ въ государствѣ, овладѣвъ государственной властью. Такъ оно всегда и было. Всегда и вездѣ преобразованіе въ строѣ мѣстнаго управленія являлось слѣдствіемъ соотвѣтствующей перемѣны во взглядахъ, настроеніи или въ потребностяхъ и стремленіяхъ государственной власти, въ зависимости отъ того, кто получалъ на нее вліяніе или овладѣвалъ ею, т. е. въ зависимости отъ того, кто почему-либо въ тотъ или другой моментъ, на тотъ или другой срокъ становился физическимъ или интеллектуальнымъ «хозяиномъ» государства. И въ частности, что касается демократическихъ реформъ мѣстнаго управленія, то ими почти всегда и вездѣ только завершались и закрѣплялись тѣ завоеванія, которыя демократія уже сдѣлала предварительно въ области государственнаго управленія. «Почти», потому что исторія мѣстныхъ реформъ знаетъ также исключенія; но ихъ немного, и они только, по обыкновенію, подтверждаютъ правило. Извѣстны случаи, когда демократическая реформа мѣстнаго управленія заходила на много дальше того, что могло бы быть допущено по существу условіями наличнаго политическаго режима, оказываясь даже въ коренномъ принципіальномъ противорѣчіи съ этимъ послѣднимъ. Такъ бывало по разнымъ причинамъ. Чаще всего тому причиною бывалъ страхъ передъ грознымъ призракомъ надвигающейся революціи. Сознавая себя въ крайней опасности и пытаясь ради спасенія режима дать какой-нибудь выходъ накопившемуся

недовольству, правительство спѣшило съ мѣстной реформой, второпяхъ заходя въ своихъ уступкахъ народу гораздо дальше того, чѣмъ бы оно того желало. Бывало и такъ, что подобнаго рода или иныя обстоятельства историческаго момента просто только мѣшали правительству усмотрѣть и уразумѣть наличность противорѣчія между предпринимаемой имъ реформой и политическимъ режимомъ или же разобраться въ противорѣчіи сознанномъ, должнымъ образомъ оцѣнивъ его практическое значеніе для режима: вѣдь и при обычныхъ, нормальныхъ условіяхъ государственной жизни правительство рѣдко бываетъ настолько прозорливымъ, чтобы безошибочно предвидѣть всѣ послѣдствія своихъ мѣропріятій! Однако, изъ всѣхъ такихъ несогласованныхъ съ политическимъ режимомъ мѣстныхъ реформъ никогда въ конечномъ результатѣ ничего путнаго не выходило; всѣ такія реформы, которымъ не предшествовало соотвѣтствующее преобразованіе государственнаго строя, оказывались нежизнеспособными, построенными на пескѣ: государственная власть, оправившись отъ испуга или временной слабости, спѣшила исправить бѣду надлежащей контръ-реформой. Такъ было на Западѣ, такъ было и у насъ дома. Если въ Европѣ хотя бы Пруссія даетъ намъ такой яркій примѣръ не согласованной съ государственнымъ строемъ и потому оказавшейся мыльнымъ пузыремъ мѣстной реформы, какъ Штейновская (19 ноября 1808 года), то наша отечественная исторія даетъ намъ цѣлый рядъ еще болѣе яркихъ и доказательныхъ примѣровъ въ образѣ нашихъ реформированныхъ и контръ-реформированныхъ мѣстныхъ управленій: сельскаго, земскаго и городского.

Въ «великую эпоху реформъ» только немногіе ясно сознавали, насколько освобожденіемъ крестьянъ необходимо предрѣшалась ликвидація самодержавнаго строя, ибо только немногіе были тогда въ состояніи вполнѣ опредѣленно представить себѣ всю призрачность «гражданскихъ свободъ» въ условіяхъ политическаго рабства, точно такъ же, какъ только немногіе умѣли тогда предвидѣть, въ какой мѣрѣ роковымъ и трагическимъ станетъ положеніе, созданное появленіемъ «свободнаго» народа въ несвободномъ государствѣ, и въ какой степени неизбѣжной и неотложной поэтому станетъ для народа борьба не на жизнь, а на смерть за свое политическое освобожденіе. Въ ту эпоху, наоборотъ, и правительство, и большинство русскаго общества изъ освобожденія выводили единственно только необходимость широкой мѣстной (административной) реформы, которая шла бы навстрѣчу новымъ соціальнымъ условіямъ обновленной Россіи, нисколько не считаясь съ устарѣлыми политическими. Та зависимость административнаго строя отъ государственнаго, о которой шла рѣчь, въ ту пору не только не признавалась, но многими и теоретиками, и государственными людьми даже прямо отрицалась. Никого поэтому тогда не заботило и не смущало то обстоятельство, что мѣстное,—хотя бы только, будто бы, хозяй-

ственное—управленіе, будучи построено на началахъ демократически организованнаго «самостоятельнаго» самоуправленія, можетъ и должно оказаться не только не согласованнымъ съ оставшимся незыблемымъ самодержавіемъ, но и прямо кореннымъ образомъ ему противорѣчащимъ. Широкое мѣстное самоуправленіе, напротивъ, считалось тогда вполнѣ совмѣстимымъ съ самодержавнымъ строемъ, вполнѣ осуществимымъ въ его условіяхъ, а нѣкоторыми ставилось даже въ органическую связь съ «исторической» властью. И кто не знаетъ, какъ быстро печальная дѣйствительность обнаружила ложность тогдашнихъ воззрѣній; кто не знаетъ, какое тяжелое, мучительное и жалкое существованіе пришлось влачить въ антагонистичной ему политической атмосферѣ нашему сельскому, земскому и городскому самоуправленію, пока, наконецъ, самодержавіе рѣшительно не покончило съ нимъ при посредствѣ серіи контръ-реформъ 1889—1892 гг. *).

Зависимость мѣстнаго управленія отъ государственнаго строя нынѣ у насъ уже, кажется, сознана даже многими изъ тѣхъ, которымъ она, не смотря на весь печальный опытъ, представлялась неясной еще какихъ-нибудь 4—5 лѣтъ тому назадъ. Но нельзя забывать, что и государственный строй въ свою очередь зависитъ отъ мѣстнаго управленія; только на этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ зависимостью не прямою и непосредственною, а отдаленною и косвенною, хотя въ то же время весьма значительною.

Подражая формулѣ Чичерина (кто хозяинъ въ государствѣ, тотъ хозяинъ въ администраціи) и вмѣстѣ съ тѣмъ дополняя ее, слѣдуетъ сказать: *кто хозяинъ въ странѣ, тотъ хозяинъ въ государствѣ.* А хозяинъ въ странѣ—тотъ, кого таковымъ дѣлаетъ наличная соціальная обстановка, родъ, характеръ и соотношеніе дѣйствующихъ въ странѣ соціальныхъ силъ. Силы же эти нарождаются, формируются, организуются, равно какъ соотношенія ихъ складываются *на мѣстахъ*, слѣдовательно, въ условіяхъ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ той конкретной мѣстной обстановки, однимъ изъ весьма важныхъ составныхъ элементовъ которой является мѣстное управленіе—его строй, система его учрежденій, кругъ его вѣдомства, предѣлы его власти. Поскольку такимъ образомъ мѣстное управленіе является факторомъ—и факторомъ весьма значительнымъ—данной соціальной обстановки, постольку оно оказываетъ вліяніе и на самый государственный строй. Мѣра этого вліянія совсѣмъ не такъ мала, какъ можно было бы подумать, принимая во вниманіе его косвенность и отдаленность; въ дѣйстви-

*) Въ какой мѣрѣ интересы самодержавія отразились даже на несущественныхъ, повидимому, деталяхъ организаціи нашего мѣстнаго самоуправленія, о томъ мнѣ пришлось уже подробно говорить въ статьяхъ «Городъ и городовое положеніе 1870 г.» (въ 13 выпускѣ издаваемой бр. Гранатъ и К°. «Исторіи Россіи въ XIX в.») и «Городская контръ-реформа 11 іюня 1892 г.» (въ вып. 19 и 20 той же «Исторіи»).

тельности отъ мѣстнаго управленія тутъ зависитъ очень многое. Стоитъ только вполнѣ конкретно представить себѣ то огромное различіе въ условіяхъ мѣстной жизни, какое создается примѣненіемъ различныхъ системъ мѣстнаго управленія (напр., бюрократической или сословно-бюрократической — съ одной стороны, истинно-демократической—съ другой),—стоитъ только представить себѣ это различіе, чтобы уразумѣть также, въ какой значительной мѣрѣ отъ того или другого административнаго строя страны зависитъ не только темпъ, но (въ извѣстныхъ, конечно, предѣлахъ и до поры до времени) и самое направленіе, по которому идетъ развитіе ея соціальныхъ силъ и отношеній.

Слѣдуетъ же отсюда вотъ что. Такъ какъ государственный строй—продуктъ уже *сложившихся* соціальныхъ отношеній, послѣднія же всегда непрерывно эволюціонируютъ, то государственный строй по отношенію къ живой соціальной дѣйствительности всегда является болѣе или менѣе, такъ сказать, отсталымъ и устарѣлымъ. Только что путемъ кровавой революціи или мирной реформы приведенный въ соотвѣтствіе съ общественнымъ складомъ страны, государственный строй ея уже въ слѣдующій моментъ теряетъ это соотвѣтствіе. Вновь возникшее такимъ образомъ несоотвѣтствіе на первыхъ порахъ ограничивается несущественными мелочами и такъ незначительно, что почти не замѣчается, но постепенно съ ходомъ общественной эволюціи оно все болѣе и болѣе разростается, становясь все болѣе ощутительнымъ и болѣзнетворнымъ; и отъ «мудрой предусмотрительности» законодателя зависитъ, совершивъ во время надлежащую реформу государственнаго управленія, не дать этому несоотвѣтствію разростись до размѣровъ, дѣлающихъ неизбѣжной катастрофу. Исторія, однако, почти не знаетъ столь мудро предусмотрительныхъ законодателей; она скорѣе учитъ насъ, что каждый данный государственный строй (т. е. тѣ «хозяева» въ государствѣ, которымъ онъ служитъ) старается какъ можно дольше отстоять себя, большею частью до послѣдней крайности, до полнаго истощенія всѣхъ своихъ жизненныхъ силъ, всѣхъ своихъ рессурсовъ. Во всякомъ случаѣ, и тамъ, гдѣ законодатель оказывался «мудрымъ», онъ никогда не проявлялъ своей мудрости раньше, чѣмъ появлялись, хотя бы отдаленные, но явственные признаки надвигающейся катастрофы. Словомъ, трудно отрицать неизбѣжность почти непрерывной борьбы между обществомъ и государствомъ, борьбы за приспособленіе послѣдняго къ безпрерывно эволюціонирующимъ потребностямъ перваго. И мы, дѣйствительно, постоянно наблюдаемъ эту борьбу повсемѣстно, при всякомъ политическомъ режимѣ: и въ абсолютныхъ монархіяхъ, и въ монархіяхъ конституціонныхъ и парламентскихъ, и въ демократическихъ республикахъ. Конечно, соотвѣтственно существенному различію этихъ режимовъ существенно различны также условія, методы и пріемы борьбы: главнымъ же образомъ она тѣмъ менѣе остра, тѣмъ меньшихъ тре-

буетъ усилій и жертвъ, чѣмъ больше данный политическій строй проникнутъ началами народоправства и чѣмъ онъ, благодаря этому, эластичнѣе и легче приводится въ соотвѣтствіе съ измѣняющимися потребностями времени. Но сущность отъ этого, само собою разумѣется, ничуть не измѣняется: борьба общества съ государствомъ во имя интересовъ перваго всегда необходима и, если бъ оказалась страна, въ которой мы не могли бы обнаружить такой борьбы, то мы имѣли бы право заключить отсюда одно изъ двухъ: или, что страна эта достигла идеала, такой совершеннѣйшей структуры государства, что всякое измѣненіе и усовершенствованіе его строя совершается само собою, автоматически и въ то же самое мгновеніе, какъ только появляется въ томъ потребность, или же, вѣроятнѣе всего, что страна стоитъ на мертвой точкѣ, переживаетъ періодъ застоя, предшествующій или новому движенію впередъ, или разложенію... Понятно, что сдѣланное только что указаніе на необходимость борьбы общества съ государствомъ за свои интересы отнюдь не предполагаетъ наличности существеннаго различія между интересами *общественными* и *государственными*. Вполнѣ тожественные по своему существу, они бываютъ различными только, такъ сказать, хронологически, по условіямъ момента, въ мѣру упомянутой выше «отсталости» государственнаго строя, въ мѣру его несоотвѣтствія соціальной дѣйствительности и ея запросамъ. И мы являемся свидѣтелями того, какъ въ ходѣ исторіи, съ прогрессирующимъ усовершенствованіемъ политическихъ учрежденій, получающихъ все возрастающую способность наиболѣе быстраго приспособленія къ эволюціонирующимъ соціальнымъ потребностямъ, общественные интересы все чаще и все больше сливаются съ государственными и наоборотъ, такъ что тѣ функціи, которыя еще недавно считались исключительно государственными, съ успѣхомъ начинаютъ выполняться учрежденіями общественными, а государство съ неменьшимъ успѣхомъ принимаетъ на себя рѣшеніе задачъ, раньше трактовавшихся, какъ исключительно общественныя.

Та борьба, которая къ этому приводитъ, проходитъ рядъ послѣдовательныхъ стадій развитія, начиная съ подготовительной и кончая послѣдней рѣшительной схваткой между обществомъ и государствомъ. Произойдетъ ли эта схватка на баррикадахъ или у избирательныхъ урнъ,—это зависитъ отъ многихъ условій, главнымъ образомъ отъ той степени демократизаціи, на какой находится само государство. Въ тотъ начальный подготовительный періодъ, когда преобразованіе государственнаго строя представляется еще вопросомъ отдаленнаго будущаго, когда наличныя условія не даютъ возможности ни включить его въ порядокъ дня, ни подойти къ нему непосредственно,—словомъ, когда дѣло идетъ даже не о мобилизаціи, а только еще о накопленіи и подготовкѣ силъ, объ организаціи кадровъ,—въ этотъ періодъ вполнѣ понятно, естественно и неизбѣжно стремленіе общества, по возможности, изолироваться

отъ государства, по возможности уединиться отъ него въ особую систему мѣстныхъ учрежденій,—понятно, естественно и неизбѣжно его стремленіе какъ можно больше овладѣть мѣстнымъ управленіемъ, добиваясь разными путями и подъ разными предлогами такой его организаціи, которая возможно болѣе благопріятствовала бы или, во всякомъ случаѣ, возможно менѣе мѣшала бы свободному развитію общественныхъ силъ. Каждое хотя бы небольшое завоеваніе, какое обществу въ этотъ періодъ удается сдѣлать въ области мѣстнаго управленія, имѣетъ существенное значеніе, потому что въ конечномъ итогѣ является шагомъ къ ликвидаціи даннаго переставшаго отвѣчать общественной потребности государственнаго строя. Вполнѣ поэтому понятнымъ, законнымъ и естественнымъ представляется тотъ огромный и живой интересъ, который русское общество проявляло къ вопросу о реформѣ мѣстнаго управленія на протяженіи всей послѣдней четверти XIX вѣка и въ особенности въ началѣ XX вѣка, почти наканунѣ революціи, въ дни памятнаго движенія въ пользу мелкой земской единицы. Напомню, что, пропагандируя «волостное земство» и выясняя, въ какой мѣрѣ потребность въ такого рода мелкой единицѣ повелительно вытекала изъ роста мѣстности, я въ то же время особенно настойчиво, на сколько то позволяли цензурныя условія того времени, убѣждалъ читателя въ необходимости «не упускать изъ виду ея значенія, какъ момента, необходимо предопредѣляющаго рядъ коренныхъ общихъ реформъ, дѣлающаго ихъ логически неизбѣжными и въ то же время создающаго почву для прочнаго ихъ обоснованія» *)...

Теперь возникаетъ вопросъ: не пришла ли Россія въ своемъ отступленіи назадъ опять къ тому пункту, на которомъ мы находились во время борьбы за мелкую земскую единицу, такъ что намъ только и остается, что снова начать съ такой единицы или даже съ какой-нибудь менѣе значительной частной поправки въ существующемъ строѣ мѣстнаго управленія? Сколь ни мрачна окружающая дѣйствительность, какимъ безнадежнымъ ни казалось бы ближайшее будущее страны, тѣмъ не менѣе, нисколько не грѣша излишнимъ оптимизмомъ, на этотъ вопросъ можно и должно отвѣтить категорическимъ: *нѣтъ*... Какъ ни далеко отодвинулись мы назадъ, но разница между началомъ XX в., когда общество искало убѣжища въ мелкой земской единицѣ, и настоящимъ моментомъ огромная: Рубиконъ уже перейденъ, корабли сожжены, и назадъ на оставленный берегъ возврата нѣтъ. Тогда, на зарѣ XX вѣка, главный и основной вопросъ русской государственной жизни еще не былъ поставленъ на очередь, и самая возможность его постановки представля-

---

*) Въ „Русск. Богатствѣ“ и во II т. сборника: „Мелкая земская единица“, стр. 69. Само собою разумѣется, что это былъ не мой только личный взглядъ, а большинства тѣхъ, которые вели тогда агитацію по этому вопросу.

лась дѣломъ неопредѣленнаго и весьма отдаленнаго будущаго. Но съ тѣхъ поръ русскимъ народомъ уже сдѣлана была героическая попытка разрѣшить его. Пусть попытка не увѣнчалась желаннымъ успѣхомъ, но вѣдь все-таки вопросъ, разъ поставленный, *остался на очереди* и снять его съ нея нѣтъ никакой возможности, до того нѣтъ возможности, что даже тѣ, которые въ стремленіи своемъ повернуть назадъ колесо исторіи не останавливаются ни передъ какимъ ужасомъ, ни передъ какой жестокостью, какую только способно измыслить не знающее этическихъ сдержекъ самовластіе,—даже они начинаютъ съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаться въ томъ, что ихъ усилія не устраняютъ, не снимаютъ съ очереди ненавистнаго имъ вопроса, а обостряютъ его, ускоряя ходъ событій и приближая часъ его рѣшенія. Конечно, открыто они въ этомъ не сознаются, но развѣ не это означаютъ хотя бы послѣднія донесенія губернаторовъ о наступившемъ будто бы успокоеніи и о необходимости вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранивъ дѣйствіе исключительныхъ положеній, усилить полицейскіе кадры?.. Никто, конечно, не рѣшится ставить точно опредѣленный срокъ, но не нужно быть оптимистомъ, чтобы выразить увѣренность, что окончательное рѣшеніе вопроса о нашемъ государственномъ строѣ не за горами, что часъ его пробьетъ гораздо скорѣе, чѣмъ того, казалось бы, можно ожидать, считаясь исключительно съ печальными явленіями наличной дѣйствительности. Никакой режимъ не исчезаетъ, не сходитъ съ исторической сцены до тѣхъ поръ, пока не исчерпаетъ себя до дна, не израсходуетъ всѣхъ своихъ рессурсовъ, не сдѣлаетъ всѣхъ возможныхъ попытокъ для своего спасенія.

Итакъ, главный и основной вопросъ—о государственномъ строѣ—во всякомъ случаѣ, остается на очереди, властно и неотступно требуя своего рѣшенія. Было бы очевидной и вредной для дѣла несуразностью отвлекать теперь общественное вниманіе къ какимъ бы то ни было поправкамъ и улучшеніямъ въ дѣйствующей системѣ мѣстнаго управленія, сколь бы существенными сами по себѣ эти поправки и улучшенія ни казались. Но за то, повидимому, на поставленный въ заголовкѣ нашей статьи вопросъ необходимо отвѣтить: какъ разъ *пора*, быть можетъ, даже *необходимо*, какъ можно серьезнѣе и энергичнѣе заняться вопросомъ о коренной демократической реформѣ нашего мѣстнаго управленія, именно, какъ вопросомъ очереднымъ, и необходимо заняться имъ тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ болѣе близкимъ намъ кажется рѣшеніе вопроса о государственномъ строѣ. Что на этотъ разъ послѣдній будетъ рѣшенъ съ наибольшей выгодой для народа,—въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Но недостаточно осилить непріятеля въ борьбѣ, нужно еще умѣть закрѣпить за собой плоды одержанной побѣды раньше, чѣмъ непріятель успѣетъ оправиться и даже, быть можетъ, снова перейти въ наступленіе. Всякое промедленіе тутъ можетъ оказаться не только не выгоднымъ, но и прямо опаснымъ, и народу придется поторопиться,

какъ можно скорѣе, закрѣпить за собою посредствомъ надлежащей административной реформы то, что будетъ имъ пріобрѣтено въ сферѣ политической. Ни въ какомъ случаѣ нельзя надѣяться на то, что необходимая административная реформа явится сама собою, автоматически, какъ неизбѣжный логическій результатъ совершившагося преобразованія государственнаго строя. Самая широкая демократизація государственнаго управленія не предрѣшаетъ и не влечетъ за собою *непремѣнно* соотвѣтствующаго преобразованія въ мѣстномъ управленіи, а только дѣлаетъ его *возможнымъ*; для того же, чтобы преобразованіе осуществилось, его нужно добиваться, за него нужно вести борьбу, и подчасъ очень продолжительную и упорную. Тому учитъ опытъ опередившихъ насъ политически свободныхъ странъ: *вездѣ и повсюду мѣстное управленіе по своей основѣ и по типу своей организаціи менѣе демократично, чѣмъ государственный строй,* независимо отъ того, произошло ли преобразованіе послѣдняго революціоннымъ или мирнымъ путемъ *). Причинъ тому много, но для нашей цѣли достаточно будетъ отмѣтить только главнѣйшія.

«Наиболѣе важное событіе нашихъ дней—это тріумфъ демократіи,—читаемъ мы у одного изъ ея ярыхъ противниковъ. Этотъ тріумфъ—столько же въ политическихъ учрежденіяхъ, сколько въ идеяхъ, столько же въ душахъ, сколько въ нравахъ, является нынѣ полнымъ, всеобщимъ, рѣшительнымъ. Потокъ демократическихъ идей сталъ въ такой мѣрѣ непреоборимымъ, что увлекъ за собою и заставилъ содѣйствовать этому тріумфу даже тѣ классы, которые въ силу инстинкта самосохраненія должны были бы мужественно воспротивиться ему. Подъ вліяніемъ этого непреодолимаго импульса, въ самомъ дѣлѣ, явились всѣ законы, всѣ реформы, которыя подняли низшіе классы общества до уровня высшихъ, предоставивъ политическія права тѣмъ массамъ, которыхъ въ началѣ вѣка (XIX) сами реформаторы, самые великіе изъ либераловъ, не считали ни достойными, ни способными принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ. И сдѣлала это буржуазія, это она въ разныхъ странахъ вотировала въ парламентахъ и проводила въ жизнь упомянутые законы и реформы,—она, та буржуазія, которая съ начала вѣка пользовалась безграничнымъ вліяніемъ, обладала всяческой властью, владѣла наибольшими богатствами и которая нынѣ, съ возвышеніемъ низшихъ классовъ, стоитъ наканунѣ того, чтобы потерять власть, вліяніе и самое существо свое». Нашего аристократическаго автора не удивляетъ стремленіе низшихъ классовъ подняться выше, потому что такъ ужъ всегда было на протяженіи вѣковъ, что «на

*) Богатый матеріалъ для сравненія административнаго строя разныхъ странъ съ ихъ политическимъ строемъ читатель можетъ найти въ книгѣ проф. Оскара Пиффэрука: «Европейскія избирательныя системы» (Парламентскія, провинціальныя, муниципальныя). Перев. Ю. Стеклова. Спб., 1905.

государство и общество энергично нападали тѣ, которые надѣялись, уничтоживъ (?!) или обновивъ ихъ, достигнуть высшей власти или завладѣть чужими богатствами (?!)»,—но его страшно поражаетъ другое: «слабое сопротивленіе командующихъ классовъ въ началѣ, затѣмъ внезапный упадокъ духа, заставившій ихъ такъ быстро капитулировать и собственными руками отдать своимъ врагамъ тѣ орудія, которыя наиболѣе пригодны для того, чтобы сдѣлать ихъ побѣду полной и окончательной». «Эта вялая защита подвергшихся нападенію,—продолжаетъ авторъ—эта немедленная готовность ихъ подчиниться чужой волѣ,—вотъ что воистину ново въ исторіи и способно поразить насъ, а не энергичныя атаки нападающихъ. А такъ какъ то же самое и почти тожественнымъ образомъ повторилось въ большей части культурныхъ странъ, то мы должны заключить, что тріумфъ демократіи фаталенъ, или, выражаясь по христіански, угоденъ Провидѣнію»... *).

Однако, такъ ли ужъ въ самомъ дѣлѣ «полонъ, всеобщъ и рѣшителенъ» тріумфъ демократіи и ея низшихъ трудовыхъ классовъ въ особенности, какъ то рисуется взволнованному воображенію цитированнаго автора? Увы!—даже въ наиболѣе далеко шагнувшихъ по этому пути странахъ до такого тріумфа еще весьма не близко и совсѣмъ еще не такъ безнадежно, какъ автору кажется, положеніе командующихъ классовъ, въ частности, буржуазіи, на которую авторъ валитъ главную отвѣтственность за успѣхи трудовой демократіи. При всей традиціонной покорности командующихъ классовъ волѣ Провидѣнія, они, однако, на самомъ дѣлѣ, ведутъ весьма упорную борьбу съ тѣмъ, что этому Провидѣнію «угодно», и защищаются не «слабо» и «вяло», а до послѣдней возможности. Даже капитулируя, они умѣютъ обставить свою сдачу такими условіями, что въ концѣ концовъ не легко разрѣшить, кто тутъ больше проигралъ—побѣдитель или побѣжденный. Во всякомъ случаѣ, поставленные въ необходимость собственными руками отдать своимъ врагамъ тѣ орудія, которыя наиболѣе пригодны для того, чтобы сдѣлать ихъ побѣду полной и окончательной, командующіе классы умудряются сдать эти орудія въ такомъ видѣ, что получившимъ ихъ приходится затрачивать еще огромное количество труда и усилій на то, чтобы привести ихъ въ сколько-нибудь пригодное для употребленія состояніе. Главнымъ же образомъ то могучее орудіе политической (законодательной) власти, которымъ низшіе классы овладѣваютъ въ результатѣ тяжелой и трудной и, чаще всего, кровавой борьбы, они получаютъ... зазубреннымъ и притупленнымъ, благодаря тому, что слѣдующая за политическимъ обновленіемъ демократизація мѣстнаго управленія никогда не доводится до предѣловъ, какихъ достигла уже демократизація политическаго строя.

*) *Duca di Guoltieri*: „L'evoluzione democratica delle istituzioni inglesi". Torino, 1899, pag. 7—8.

Народныя массы нигдѣ еще на самомъ дѣлѣ не стали истинными «хозяевами» странъ и государствъ. Сколь ни рѣшительнымъ казался бы нѣкоторымъ тріумфъ демократіи, но въ дѣйствительности онъ сводится пока къ завоеванію трудовымъ народомъ небольшой доли участія въ осуществленіи законодательной власти: нѣтъ ни одного законодательнаго собранія въ мірѣ (кромѣ, развѣ, Австраліи), гдѣ представителямъ его принадлежало бы рѣшающее большинство. По существу командованіе—въ смыслѣ и законодательной, и исполнительной власти—остается все въ тѣхъ же рукахъ; оно принимаетъ только иныя, болѣе мягкія формы, менѣе непріятныя для командуемыхъ и болѣе удобныя для самихъ командующихъ, которые формально выступаютъ теперь уже не въ качествѣ самовластныхъ и безконтрольныхъ, а потому и несущихъ на себѣ всю отвѣтственность распорядителей судьбами страны, а только въ качествѣ участниковъ въ общемъ совѣтѣ совмѣстно съ самими командуемыми. И вотъ, когда вслѣдъ за политическимъ преобразованіемъ наступаетъ очередь мѣстной реформы, то «побѣжденные», тѣ, которымъ пришлось отказаться отъ своего привилегированнаго положенія и уступить часть своей политической власти, раздѣливъ ее хотя бы только формально съ «побѣдителями», — не упускаютъ, конечно, случая использовать выгоду своего положенія, чтобы по возможности лишить «побѣдителей» плодовъ ихъ побѣды, и съ этой цѣлью оказываютъ энергичное и, благодаря ихъ командующему положенію, вполнѣ успѣшное противодѣйствіе широкому примѣненію соотвѣтствующихъ новымъ политическимъ условіямъ демократическихъ началъ въ преобразуемомъ мѣстномъ управленіи. Успѣшность такого противодѣйствія усугубляется еще въ значительной мѣрѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что борьба за расширеніе своихъ политическихъ правъ и за полученіе доступа къ участію въ законодательствѣ требуетъ отъ ведущихъ ее общественныхъ группъ или классовъ чрезвычайнаго напряженія силъ. Преобразованіе административнаго строя, слѣдуя за политическимъ, происходитъ поэтому неизбѣжно уже въ періодъ отлива энергіи и упадка боевого настроенія, когда почувствовавшіе усталость «побѣдители» охотнѣе мечтаютъ объ отдыхѣ, чѣмъ о новыхъ битвахъ и новыхъ побѣдахъ... Естественно, что борьба только что выступившихъ на политическую арену низшихъ трудовыхъ классовъ за демократизацію административнаго строя ведется ими уже далеко не съ такимъ пыломъ и не съ такой настойчивостью, съ какою велась ими борьба за политическую власть. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, при упадкѣ энергіи на этотъ разъ у нихъ не оказывается и надлежаще могучаго импульса для ея возбужденія, благодаря тому, что имъ обыкновенно не хватаетъ еще яснаго пониманія того, въ какой мѣрѣ имъ эта демократизація существенно необходима, ибо пониманіе это дается только опытомъ. Наоборотъ, на первыхъ порахъ оказывается на лицо даже нѣчто такое, что

имъ, къ сугубой выгодѣ командующихъ классовъ, прямо мѣшаетъ стремиться къ особенно широкимъ и далекимъ горизонтамъ въ области мѣстнаго управленія. Дѣло въ томъ, что тѣ, кому только что удалось дорогой цѣною пріобрѣсти политическую власть, проявляютъ понятную склонность особенно дорожить ею, особенно ревниво оберегать ее и въ высокой степени подозрительно относиться ко всему, что почему-либо, правильно или ошибочно, кажется имъ угрожающимъ ей, способнымъ умалить ее. Чѣмъ больше основаній ждать на нее покушеній, хотя бы со стороны только что сдавшагося врага, тѣмъ необходимѣе усиленная ея охрана. Послѣдняя же будетъ тѣмъ болѣе дѣйствительной, чѣмъ болѣе тщательнымъ, близкимъ и непосредственнымъ будетъ контроль и надзоръ представителей народа надъ административной жизнью страны. А для этого, очевидно, контролирующее и надзирающее вниманіе представителей должно быть возможно болѣе концентрированнымъ, должно быть по возможности сосредоточено на одномъ пунктѣ, къ нимъ ближайшемъ—на центральномъ управленіи и черезъ его посредство, слѣдовательно, надъ административнымъ аппаратомъ всей страны. Отсюда, благодаря этой цѣпи какъ будто логически вполнѣ послѣдовательныхъ заключеній, почти всегда—значительное тяготѣніе какъ разъ *во имя народнаго суверенитета и наилучшей охраны интересовъ демократіи* къ *административной централизаціи*, съ которой по самому существу своему несовмѣстимо широкое демократическое, автономное мѣстное управленіе. Само собою разумѣется, что на самомъ дѣлѣ въ результатѣ, благодаря этому, въ проигрышѣ оказываются и народный суверенитетъ, и интересы демократіи; но вѣдь результаты обнаруживаются только впослѣдствіи и не очень скоро, и серьезное вниманіе на нихъ начинаютъ обращать не раньше того, какъ даже людямъ, плохо разбирающимся въ вопросахъ подобнаго рода, начинаютъ уже черезчуръ бить въ глаза тѣ огромныя выгоды, которыя извлекаютъ для себя командующіе классы изъ такой централизаціи и обусловленной ею организаціи мѣстнаго управленія. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, какого рода это выгоды, посмотрите, какъ использовала во время только что закончившихся выборовъ въ итальянскую палату антидемократическіе дефекты коммунальнаго строя правящая умѣренно-либерально-клерикальная буржуазія, въ лицѣ кабинета Джіолитти. По дѣйствующему закону синдикъ (городской или сельскій - все равно) есть выборный «глава коммунальной администраціи и *правительственный чиновникъ*» *), который «по важнымъ мотивамъ общественнаго порядка» можетъ быть административно отрѣшенъ отъ должности **). И вотъ въ лицѣ синдиковъ стоящій у власти кабинетъ располагаетъ отличной арміей

*) Legge Comunale e Provinciale, art. 138.
**) Ib., art. 142.

чрезвычайно влiятельныхъ избирательныхъ агентовъ. Если въ томъ или другомъ частномъ случаѣ синдикъ сомнителенъ и вообще избирательный округъ или отдѣлъ мало надеженъ, въ рукахъ правительства другое превосходное средство: право роспуска провинцiальнаго совѣта *). Послѣдствiемъ такого роспуска является назначенiе королевскаго коммиссара для веденiя коммунальныхъ дѣлъ впредь до избранiя новаго совѣта, и коммиссаръ этотъ «дѣлаетъ выборы» получше синдиковъ. Наконецъ, въ рукахъ правящаго меньшинства имѣется и еще болѣе могучее средство, дающее ему возможность получить голоса избирателей, не прибѣгая къ помощи ни синдика, ни коммиссара, это — чрезвычайная ограниченность бюджетнаго права коммунъ, благодаря которому удовлетворенiя всѣхъ важнѣйшихъ мѣстныхъ нуждъ приходится ждать, какъ милости, отъ центральнаго правительства. Министерскiй кандидатъ благодаря этому избавляется отъ необходимости развивать передъ своими избирателями какую-нибудь политическую программу; онъ можетъ ограничиться обѣщанiемъ, что правительство, въ случаѣ его избранiя, удовлетворитъ такiя-то наиболѣе наболѣвшiя мѣстныя нужды, а такъ какъ оппозицiонный кандидатъ, конечно, такого обѣщанiя дать не можетъ, то избиратели, хотя бы и не сочувствующiе правительству, но у которыхъ своя рубашка ближе къ тѣлу, отдаютъ свои голоса правительственному кандидату... Конечно, ограниченность бюджетнаго права коммунъ служитъ не только избирательнымъ цѣлямъ командующихъ классовъ: въ еще большей мѣрѣ служитъ она охранѣ ихъ имущественныхъ интересовъ отъ какого бы то ни было покушенiя на нихъ со стороны трудовыхъ массъ. Посмотрите, какое значительное количество въ Италiи чисто соцiалистическихъ муниципалитетовъ, которые такъ охотно сняли бы тяжесть коммунальнаго обложенiя съ небогатой трудовой части населенiя и переложили бы ее на болѣе сильныя плечи; тѣмъ не менѣе итальянская буржуазiя чувствуетъ себя довольно спокойно, такъ какъ хорошо защищена установленною закономъ коммунальной финансовой системой и ограниченностью бюджетныхъ правъ коммуны.

Но помимо того, что только что выступившiе на политическую арену трудовые классы демократiи не въ состоянiи сразу вполнѣ уяснить себѣ весь вредъ, проистекающiй для нихъ изъ недостаточно демократической организацiи мѣстнаго управленiя, нужно еще, въ третьихъ, считаться съ большой чисто технической трудностью и сложностью стоящаго въ данномъ случаѣ передъ ними вопроса. Государству принадлежитъ несомнѣнное право ограждать свои интересы отъ возможнаго нарушенiя ихъ со стороны мѣстнаго управленiя, особенно же оберегать свои источники доходовъ отъ ихъ возможнаго истощенiя мѣстнымъ обложенiемъ. Но какъ

*) Ib., art. 295.

этого достигнуть, не устанавливая опеки надъ мѣстнымъ самоуправленіемъ и не создавая вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ нынѣ, удобнаго прикрытія для привилегированнаго положенія имущественныхъ классовъ? Вполнѣ цѣлесообразно рѣшить этотъ вопросъ было не такъ-то просто и легко, особенно тогда, когда еще не было такихъ обширныхъ указаній опыта, какими мы располагаемъ уже въ настоящее время. Наконецъ, въ четвертыхъ, трактуя отношеніе трудовой демократіи къ вопросу о мѣстномъ управленіи, нельзя упускать изъ виду его существенно различнаго значенія для различныхъ ея категорій. Возьмемъ, напр., проблему медицинской помощи. Для фабричнаго рабочаго эта задача рѣшается помимо мѣстнаго управленія (фабричная медицина), тогда какъ для мужика это одна изъ основныхъ задачъ мѣстнаго управленія. Или проблема начальнаго образованія. Фабричный рабочій можетъ быть до поры, до времени вполнѣ удовлетворенъ фабричной школой, крестьянинъ же безусловно рискуетъ остаться безграмотнымъ, если мѣстное управленіе не позаботится объ устройствѣ сельской, коммунальной школы. Или дорожное дѣло. Для крестьянина это дѣло первостепенной важности, фабричнаго же рабочаго непосредственно оно совсѣмъ не касается. И т. д., и т. д.

Понятно, почему на Западѣ программы народныхъ, особенно, соціалистическихъ партій долго совершенно игнорируютъ дѣло мѣстнаго управленія. Болѣе или менѣе серьезно заинтересовываются онѣ имъ только съ начала XX вѣка, собственно только съ парижскаго международнаго соціалистическаго конгресса 1900 года, когда, наконецъ, было сознано, какою община можетъ стать «могучей политической крѣпостью для мѣстнаго соціалистическаго большинства противъ буржуазнаго большинства центральной власти», и было постановлено, что «всѣ соціалисты обязаны, не пренебрегая общей политикой, указать на важность муниципальной дѣятельности, выяснить значеніе общинныхъ реформъ, какъ зародышей коллективистскаго общества». Однако то, что мы находимъ, начиная съ этого времени, включеннымъ въ программы западныхъ соціалистическихъ партій, едва-ли можетъ удовлетворить насъ. Прежде всего большинство соціалистическихъ коммунальныхъ программъ говоритъ не столько объ организаціи мѣстнаго (коммунальнаго) *управленія*, сколько о задачахъ коммунальнаго *хозяйства*, да и въ томъ немногомъ, что говорится въ нихъ о демократической организаціи коммунальнаго управленія, его контуры намѣчаются въ такихъ чрезмѣрно общихъ терминахъ, что трудно себѣ сколько-нибудь конкретно представить желательный партіи будущій его образъ. И такое отодвиганіе на задній планъ вопроса о строѣ организаціи мѣстнаго управленія вполнѣ естественно со стороны партій, стоящихъ на той точкѣ зрѣнія, что — употребляя выраженіе коммунальной программы, выработанной на бременскомъ партейтагѣ 1904 года—«только съ прекращеніемъ классового господства

можно будетъ организовать общину на демократическихъ началахъ», а до той далекой поры, значитъ, о такой организаціи и думать нечего! Затѣмъ даже то многое и подчасъ очень детально разработанное, что западно-европейскія соціалистическія партіи говорятъ о задачахъ мѣстнаго хозяйства, не можетъ удовлетворить насъ потому, что онѣ ведутъ рѣчь главнымъ образомъ о городской коммунѣ, объ условіяхъ городской жизни. И это, опять-таки, вполнѣ естественно со стороны партій, являющихся главнымъ образомъ партіями городского пролетаріата...

Что же слѣдуетъ отсюда? Еще одинъ лишній аргументъ въ пользу неотложной постановки на очередь вопроса о демократической реформѣ нашего мѣстнаго управленія. Нѣтъ надежды заимствоваться многимъ уже готовымъ у нашихъ западныхъ братьевъ. Большая часть самаго намъ нужнаго, самаго при нашихъ условіяхъ важнаго ими даже не затронута. Надъ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, и вопросовъ нерѣдко весьма трудныхъ, намъ придется самимъ поработать, самостоятельно поискать путей къ ихъ рѣшенію, согласному съ требованіями нашей идеологіи. И, понятно, чѣмъ раньше мы приступимъ къ выполненію этой большой и нелегкой работы, чѣмъ болѣе заблаговременно поэтому мы окажемся подготовленными къ предстоящему практическому осуществленію демократической реформы мѣстнаго управленія, — тѣмъ будетъ лучше; доказывать это едва ли нужно.

Слѣдовало-ли, какъ я сдѣлалъ только что, упоминать о томъ, что рѣшеніе вопросовъ, надъ которыми предстоитъ поработать, должно быть согласно съ требованіями нашей идеологіи? Вѣдь такое согласіе предполагается само собою, и я не счелъ бы умѣстнымъ особо подчеркивать его необходимость, если бы на очереди не стояло первостепенной важности вопроса о... судьбахъ и роли нашей идеологіи. На недостаточное усвоеніе послѣдней трудовымъ народомъ, какъ на одну изъ важнѣйшихъ причинъ неудачи русской революціи, было указано А. В. Пѣшехоновымъ въ декабрьской книгѣ «Русскаго Богатства», и съ глубокой вѣрностью этого указанія не согласиться невозможно. Самая широкая популяризація этой идеологіи является въ такомъ случаѣ важнѣйшей потребностью дня. Но какими путями необходимая популяризація можетъ быть наиболѣе успѣшно достигнута? Менѣе всего путемъ предложенія народу голыхъ и отвлеченныхъ формулъ и началъ, сколь бы величественными и привлекательными ни были онѣ по существу. Скорѣе всего—представленіемъ его вниманію конкретнаго изображенія того, во что превратится окружающая его дѣйствительность въ случаѣ воплощенія ихъ въ жизнь,—въ частности, какой станетъ въ такомъ случаѣ организація необходимыхъ ему учрежденій и въ какой мѣрѣ окажутся они соотвѣтствующими его потребностямъ. И въ этомъ смыслѣ разработка вопроса о демократической реформѣ мѣстнаго управленія съ точки зрѣнія нашей

идеологіи можетъ оказать ея популяризаціи неоцѣнимую услугу. Мало того, я рѣшился бы даже утверждать, что окажутся весьма многіе, которые сумѣютъ усвоить нашу идеологію и надлежаще оцѣнить ее только тогда, когда подойдутъ къ знакомству съ нею съ этого конца...

Гр. Шрейдеръ.

Великій кризисъ.

(Письмо изъ Германіи).

I.

Если вѣрить газетамъ, брошюрамъ и рѣчамъ на собраніяхъ, то нуженъ языкъ Гомера или Тассо, чтобы достойно характеризовать переживаемый Германіей кризисъ. Одинъ патріотизмъ, одно самопожертвованіе и гражданская доблесть могутъ еще спасти отъ крушенія великую страну. «1909 годъ, говоритъ Арендтъ, по своему историческому значенію можетъ уподобиться лишь году основанія самой имперіи»—и эту мысль повторяетъ оффиціозный «руководитель», изданный въ виду «кризиса» при участіи всѣхъ выдающихся теоретиковъ и парламентаріевъ правительственнаго «блока» *).

Что-же такое случилось, какія такія неимовѣрныя опасности грозятъ Германіи, для чего нужно такое экстраординарное напряженіе нѣмецкой «любви къ отечеству и народной гордости»? И, конечно, при постановкѣ этого вопроса насъ отнюдь не должно смущать то обстоятельство, что при великой суетѣ наверху, внизу упорно молчатъ и не выказываютъ никакихъ особыхъ признаковъ безпокойства. Это всегда бываетъ такъ. Когда отечество въ опасности, народъ, зараженный соціализмомъ, только кряхтитъ и ждетъ, съ какой стороны ему придется расплачиваться. Въ виду этого мы пока оставимъ народъ въ сторонѣ и подымемся въ круги, гдѣ цвѣтетъ «истинная» государственность, вѣетъ патріотизмъ, и есть еще сердца, способныя горѣть пламенемъ энтузіазма. И вотъ тамъ-то, наверху, мы найдемъ и «великій кризисъ» и страшное смятеніе—caveant consules!

Все дѣло въ томъ, что имперской казнѣ не хватаетъ денегъ. Собственно говоря, это далеко не особенная новость. Политическій

---

*) Die Reichsfinanzreform. Ein Führer. Herausgegeben von der Vereinigung zur Förderung der Reichsfinanzreform. I Band. Berlin, 1909, стр. 30.

строй и своеобразная финансовая система давно наградили Германію хроническимъ дифицитомъ, который имѣетъ дурную привычку все возрастать больше и больше. И господство военно-реакціонной политики должно было съ роковой необходимостью еще увеличить этотъ дефицитъ. Теперь нужно сразу сочинить на полъмилліарда марокъ налоговъ, чтобы устранить его.

Расходы растутъ и растутъ. На бѣдную Германію, какъ на беззащитную жертву, зарятся со всѣхъ сторонъ враги и готовы воспользоваться ея финансовымъ крахомъ. Какъ гласитъ полуоффиціальный руководитель, «изъ плохихъ финансовыхъ условій» имперіи можетъ быть выведено заключеніе относительно ея военныхъ силъ, отсюда-же «опасность для европейскаго мира». И не можетъ быть рѣчи о сокращеніи расходовъ на армію и флотъ: вѣдь «слова дипломатовъ, въ концѣ концовъ, не имѣютъ никакой силы безъ штыковъ позади». При томъ, что по мнѣнію всѣхъ благомыслящихъ патріотовъ, расходы на армію и флотъ не такъ ужъ и велики. Что значитъ для націи въ 60 милл. жителей пустяшный расходъ въ какихъ-нибудь 1.032.199.000 мар., выданныхъ на благородное воинское дѣло въ 1906 году! И это общее мнѣніе патріотовъ, которое говоритъ устами проф. Вагнера: «здѣсь идетъ дѣло о военной силѣ государства, объ этой первой и важнѣйшей изъ всѣхъ національныхъ и всѣхъ хозяйственныхъ потребностей страны». Только всеотрицающіе соціалисты могутъ отвергать необходимость такихъ подвиговъ, какъ экспедиціи въ Китай и Африку, и такихъ затратъ, какъ воздушные флоты Цеппелиновъ и Парсевалей *).

Но если такъ уже нужны имперіи средства на патріотическія цѣли,—спроситъ, быть можетъ, читатель—то почему-же ихъ брали съ законопослушныхъ плательщиковъ податей, вѣрность которыхъ и трудолюбіе не подлежатъ никакому сомнѣнію? Почему до сихъ поръ всѣ попытки финансовой реформы, начиная съ бисмарковской эры, кончались или неизбѣжнымъ проваломъ, или совершенно недостаточными ассигнованіями? Вѣдь въ германскомъ рейхстагѣ—этомъ, слава Богу, парламентѣ—нѣтъ такого революціонно-соціалистическаго большинства, которое стало-бы поперекъ новому и при томъ усиленному обложенію широкихъ народныхъ массъ? И если патріотизмъ имущихъ всегда и вездѣ отличался самопожертвовованіемъ за чужой счетъ, то и германская любовь къ отечеству въ этомъ не представляетъ вѣдь исключенія.

Не лишне будетъ въ виду этого сдѣлать нѣкоторыя поясненія. Конечно, и въ Германіи существуетъ цѣлый рядъ косвенныхъ налоговъ, и здѣсь государство настигаетъ бѣдняка при помощи обложенія предметовъ широкаго народнаго потребленія. Въ этомъ смыслѣ и

---

*) Statist. Zahlen и сборникъ: „Die nationale Bedeutung der Reichsfinanzreform. Drei Reden fon Prof. Kahl. Prof. A. Wagner. Prof. Lamprecht.

здѣсь tout comme chez nous. И вовсе не по особенному состраданію къ бѣдняку здѣсь такъ долго церемонились съ новымъ повышеніемъ косвенныхъ налоговъ. Но дѣло въ томъ, что въ Германіи изъ одного кармана питаются и государство, и господствующіе общественные классы, и тамъ, гдѣ уже пристроились аграріи, можетъ не оказаться мѣста для другихъ алчущихъ и жаждущихъ дарового дохода.

Какъ совершенно правильно замѣчаетъ Луйо-Брентано, въ сущности было-бы весьма легко уже сейчасъ получить недостающіе имперіи полмилліарда марокъ, если бы государство само получило то, что за его счетъ получаютъ одни аграріи и иже съ ними. И въ самомъ дѣлѣ. «Въ 1907 году пошлина на хлѣбъ, на стручковые продукты и на ячмень принесла имперіи 266 милл. марокъ. Однако-же импортированный хлѣбъ составляетъ едва шестую часть того, что потребили въ этомъ-же году 62 милл. нѣмцевъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что внутренняя цѣна на всякій хлѣбъ стоитъ выше цѣны, установленной на всемірномъ рынкѣ, и при томъ въ размѣрѣ всей взимаемой за привозный хлѣбъ пошлины. Будемъ считать, что одна треть 62 милліоновъ нѣмцевъ потребляетъ свой собственный хлѣбъ,—предположеніе, которое идетъ достаточно далеко,—въ такомъ случаѣ остальные 40 милліоновъ должны въ одинъ годъ переплатить за хлѣбъ круглымъ счетомъ одинъ милліардъ марокъ, изъ котораго, по крайней мѣрѣ, круглой цифрой 800 милліоновъ идутъ въ карманы частныхъ лицъ. Какъ купалось бы въ деньгахъ—восклицаетъ Брентано—министерство, если бы ему было дозволено направить въ имперскую кассу то, что уплачиваютъ потребители частнымъ лицамъ вслѣдствіе хлѣбныхъ пошлинъ!» *).

Дорогой цѣной оплачиваетъ имперія стражей аграрнаго рыцарства. И, однако-же, только они спасаютъ страну отъ всяческаго переворота. Если-бы не они, у кого нашелъ бы опору пресловутый курсъ Богомъ установленной власти? Можно ли довѣрить центру? Увы! нельзя. Это партія, которая, по удачному выраженію одного публициста, не имѣетъ принциповъ, но за то имѣетъ тактику. И эта тактика можетъ привести къ самымъ неожиданнымъ событіямъ. Стоитъ только вспомнить 1907 г., когда голосами центра и соціалъ-демократіи былъ отвергнутъ кредитъ на колоніальныя авантюры! И въ податномъ отношеніи центръ не надеженъ. Слишкомъ много ведетъ онъ за собой мелкихъ собственниковъ, ремесленниковъ и крестьянъ, слишкомъ близко стоитъ къ католическимъ рабочимъ, и, слѣдовательно, нуждается въ демагогическихъ пріемахъ. Цѣлый рядъ косвенныхъ налоговъ погибъ, благодаря центру, и ужъ на табачную монополію, на повышеніе табачнаго акциза—не согла-

*) Статья Lujo von Brentano въ сборникѣ „die Erbschaftsabgabe und die Reichs finanzreform. Acht Gutachten. Berlin 1909.

сятся клерикалы безъ соотвѣтственной компенсаціи. Католическая церковь можетъ заключать временные союзы съ государствомъ. Но сдѣлаться его слугой— никогда.

Больше государственнаго смысла можно найти въ либералахъ. Но тутъ такая разрозненность, такое смѣшеніе, что лишь съ громаднымъ трудомъ удается сплотить ихъ въ организованную силу. Князь Бюловъ попытался это сдѣлать и освободить себя отъ тираніи центра. Это было два года тому назадъ. Уже передъ распущеніемъ рейхстага центръ былъ совершенно невыносимъ. Въ его рукахъ было два большинства. Когда центръ желалъ парализовать правыхъ, онъ образовывалъ большинство съ соціалъ-демократіей. Когда ему угодно было бить лѣвыхъ, онъ голосовалъ съ консерваторами. И, сознавая свою силу, центръ ставилъ правительству одно требованіе за другимъ и добивался успѣха. Послѣ распущенія рейхстага кн. Бюловъ создалъ свой консервативно-либеральный блокъ. Этимъ путемъ онъ думалъ спасти свободу рѣшенія крѣпкаго правительства среди безсильныхъ партій!

Исторія блока—характернѣйшій моментъ для всей прусско-германской политики. Въ отличіе отъ другихъ государствъ Германія не знаетъ парламентаризма. Съ этой стороны она является федеративной формой «конституціонно-самодержавнаго» режима. Парламентъ здѣсь не играетъ никакой положительной роли. Его значеніе чисто отрицательное. Въ лучшемъ случаѣ онъ можетъ отказать правительству въ томъ или иномъ частичномъ ассигнованіи. Вся задача правительства сводится здѣсь къ тому, чтобы путемъ отдѣльныхъ уступокъ тѣмъ или другимъ партіямъ проводить черезъ парламентъ свою политику. Въ этомъ отношеніи особенно выгодны для правительства различныя коалиціи партій или блоки, которые, не составляя слишкомъ сильнаго и постояннаго большинства, могли-бы, однако-же, служить правительству болѣе или менѣе надежнымъ орудіемъ для его цѣлей. Въ исторіи германской политики такую роль играли съ перемѣннымъ счастьемъ то либерально-консервативное, то клерикально-консервативное большинство. О какой нибудь послѣдовательной и принципіальной политикѣ здѣсь нѣтъ и рѣчи. Постояннымъ элементомъ правительственнаго большинства здѣсь является большая или меньшая примѣсь консерватизма. И правыя партіи оплачиваются больше и лучше всего. 800 милліоновъ, указанные выше Брентано, служатъ этому доказательствомъ. Однако одни консерваторы не составляютъ преобладающаго и сильнаго большинства, отсюда необходимость постоянныхъ уступокъ другимъ партіямъ, и такое положеніе вещей не могло не отражаться на финансовомъ строѣ имперіи.

Исторія блока 1907 г. въ этомъ отношеніи весьма замѣчательна. Какъ извѣстно, послѣдніе выборы произошли подъ знаменемъ борьбы за отечество противъ центра и соціалистовъ. Самъ канцлеръ благословилъ союзъ либераловъ съ консерватизмомъ. Не

замѣчая особой разницы между двумя этими сторонами, кн. Бюловъ даже нѣсколько неосторожно заговорилъ о «спариваніи консервативнаго духа и либеральнаго духа». За это на канцлера даже обидѣлись: вѣдь если отнять различный «духъ», то чѣмъ же тогда будутъ отличаться консерваторы отъ либераловъ? Другое дѣло—великая «національная идея». Въ этой области, конечно, можно было «духъ» соблюсти и положеніе пріобрѣсти. И «духъ» даже былъ пріятенъ. Онъ лишалъ блокъ того опаснаго единства, которое могло бы и его привести, какъ центръ, къ «злоупотребленію» своей силой. А сильнымъ въ Германіи можетъ быть только само правительство. Была надежда и на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ либералы не были бы единодушны, помогъ бы коекто и изъ мужей центра... Общимъ пугаломъ для всѣхъ оставалась соціалъ-демократія.

Для нѣмецкихъ либераловъ, которые такъ давно были отлучены отъ всякой причастности къ правительственнымъ дѣламъ, блокъ былъ великимъ наслажденіемъ. Наконецъ-то, и ихъ усердіе замѣчено свыше! И свободомыслящіе отказались отъ своего демократизма, и націоналъ-либералы возомнили себя новымъ правительственнымъ центромъ. Много было утѣшенія въ иллюзіяхъ истинно-правительственной партіи. И въ ослѣпленіи своей угодливости и жадности къ власти даже не замѣчали своего положенія при Бюловѣ въ компаніи съ представителями жестокой реакціи. А, между тѣмъ, канцлеръ довольно недвусмысленно опредѣлилъ свое отношеніе къ новому блоку. Онъ ясно поставилъ границы своихъ уступокъ союзникамъ. «Надо различать, что возможно и что невозможно, говорилъ онъ въ рѣчи отъ 30-го ноября 1907 г., что должна политика блока, и чего не должна. Вполнѣ естественно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы консерваторы внезапно стали либералами, а либералы въ одну ночь сдѣлались консерваторами»... Однако, для ихъ общей политики «съ обѣихъ сторонъ необходима извѣстная степень самоотреченія... Политика блока требуетъ, съ одной стороны отреченія отъ возможныхъ реакціонныхъ попытокъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ консервативными принципами; съ другой же стороны, она требуетъ отсѣченія тѣхъ цвѣтовъ асфальтоваго либерализма, которые, расцвѣтая въ лучахъ соціалъ-демократическаго солнца, скоро засыхаютъ въ этой нездоровой жарѣ». Особенно, однако, при этомъ важно было, чтобы аграріи остались аграріями: «аграріями должны остаться консерваторы; почвенный характеръ,—такъ выразился еще князь Бисмаркъ,—не долженъ быть потерянъ у консерваторовъ, во всемъ же прочемъ консерваторы должны быть совсѣмъ современными и великодушными... на свою пользу и на пользу страны». И вотъ этому-то соединенію «почвенныхъ консерваторовъ», сверхъ-умѣренныхъ націоналъ-либераловъ и «демократически» настроенныхъ свободомыслящихъ и было предложено спасти имперію и вывести ее изъ финансоваго краха.

Само собою разумѣется, что программа реформъ была состряпана по излюбленному шаблону уступокъ наличному большинству, при чемъ получилась смѣсь прямыхъ и косвенныхъ налоговъ въ пропорціи, соотвѣтствующей сердечной склонности Бюлова къ партіямъ блока. Изъ пятисотъ милліоновъ аграріи и денежный капиталъ должны были дать путемъ прямого обложенія лишь сто, остальные же четыреста милл. косвенныхъ налоговъ должны были вотировать противники косвеннаго обложенія, блоковые демократы...

Трудно сказать, выйдетъ ли что-нибудь особенно утѣшительное изъ всей этой программы, такъ какъ и блокъ уже распался, и Бюловъ уходитъ, и консерваторы снова милуются съ центромъ. Но здѣсь мы должны отмѣтить пока одно, это—полную непригодность нѣмецкаго парламентаризма дать странѣ сколько-нибудь упроченное финансовое хозяйство. Правда, сохраняется громадное преобладаніе правительства: правда, въ своемъ реакціонномъ стремленіи оно упорно охраняетъ своихъ строптивыхъ и требовательныхъ друзей аграрной «почвы», но за то имперія переживаетъ кризисъ, который является прямо невѣроятнымъ для такой богатой и благоустроенной страны, какою принято считать Германію.

И въ самомъ дѣлѣ, одинъ взглядъ на современное положеніе имперской казны показываетъ намъ, что она не только по уши въ долгахъ, но и наноситъ своимъ хозяйствомъ серьезный ущербъ всѣмъ отраслямъ благосостоянія страны. Не имѣя возможности ни увеличить налоги, ни повысить матрикулярные взносы, имперія должна была прибѣгнуть къ кредиту для оплаты своей милитаристской и колоніальной политики. Кредитъ же этотъ принялъ въ силу политическихъ условій слѣдующія формы.

Уже въ 1878 году были потреблены послѣднія крохи французскихъ милліардовъ, взятыхъ съ побѣжденной страны послѣ подвиговъ франко-прусской бойни. За 30 лѣтъ послѣдующаго развитія имперіей было сдѣлано четыре съ четвертью милліарда долгу, при чемъ изъ нихъ на высоко-патріотическое усмиреніе китайцевъ въ Китаѣ и негровъ въ Африкѣ пошло 720 милліоновъ, и на производительные расходы по постройкѣ жел. дорогъ, почтовыхъ сооруженій, каналовъ и т. п. израсходовано около 650—700 милліоновъ. Весь остальной долгъ произошелъ отъ ежегоднаго дефицита, который при нормальныхъ условіяхъ долженъ былъ бы покрываться изъ регулярныхъ поступленій казны. И весь этотъ долгъ помѣщается исключительно въ самой странѣ, при помощи чисто нѣмецкихъ капиталовъ. При современныхъ условіяхъ Германія, вполнѣ естественно, не можетъ воспользоваться ни англійскимъ, ни французскимъ рынками. Не надо забывать, что въ той великой войнѣ, которая, какъ кошмаръ, душитъ нѣмецкую политику, Англія и Франція играютъ какъ разъ выдающуюся роль *).

*) Die Reichsfinanzreform. Ein Führer, B. I. 95.

И вотъ, что происходитъ по свидѣтельству центральнаго союза нѣмецкихъ промышленниковъ: «результататомъ дефицитовъ и долгового хозяйства въ имперіи являются чрезмѣрное отягощеніе денежнаго рынка, повышеніе процентныхъ и учетныхъ ставокъ, затрудненіе и вздорожаніе способовъ къ покрытію денежной потребности союзныхъ государствъ, общинъ, производительныхъ обществъ, вообще промышленности, сельскаго хозяйства, промысла и торговли, низкій, связанный съ многочисленными потерями, курсъ имперскихъ и союзныхъ займовъ, наконецъ, поврежденіе кредита и престижа германской имперіи за границей и крайнее умаленіе необходимой финансовой готовности и мощи имперіи въ случаѣ угрожающихъ или даже наступившихъ военныхъ событій». И подобные выводы подтверждаются данными, приводимыми въ «Grenzbot» г. П. Манкевицъ *): «Своей способностью помѣстить у себя государственные, коммунальные и иные займы Германія показала силу своихъ капиталовъ, которой никто не могъ ожидать послѣ денежнаго кризиса прошлаго года. Съ 1-го января 1908 г. на одной берлинской биржѣ было введено гос. займовъ имперіи и союзныхъ государствъ на 1.178 милл. мар., провинціальныхъ и городскихъ займовъ на 412.254.900 м., закладныхъ листовъ ипотечныхъ банковъ на 285 милл. мар. и облигацій промышленныхъ предпріятій болѣе чѣмъ на 215 милл. мар., которые всѣ въ своей громадной части куплены нѣмецкими капиталистами». Такое наводненіе государственными обязательствами денежнаго рынка, конечно, не могло не привести къ общему его угнетенію. Какъ замѣчаетъ тотъ же писатель: «Нѣтъ никакой возможности выступать и впредь съ такими же заемными выпусками имперіи и Пруссіи, съ какими онѣ выступали въ послѣдніе годы; это можетъ привести только къ крайнему ослабленію нашего заемнаго кредита, а капиталъ—на продолжительное время отпугнуть отъ пріобрѣтенія имперскихъ и прусскихъ займовъ» **).

Громадное количество свидѣтельствъ казначейства, свойственное государственному хозяйству наиболѣе слабыхъ государствъ, невольно заставляетъ задумываться нѣмецкихъ финансистовъ. Такъ, сейчасъ на нѣмецкомъ денежномъ рынкѣ имѣется на 360 милл. долгосрочныхъ и въ одномъ имперскомъ банкѣ болѣе, чѣмъ на 332 милл., краткосрочныхъ свидѣтельствъ. И въ результатѣ этого, какъ подтверждаетъ Максъ Варбургъ въ «Bankarchiv'ѣ», всеобщее вздорожаніе денегъ, повышеніе дисконта и пониженіе всѣхъ другихъ займовъ». И дѣйствительность вполнѣ подтверждаетъ эти положенія. Съ общаго уровня 3% и 3,3% за время 1896—1903 г., процентъ по государственнымъ займамъ поднялся теперь до 4% и сталъ выше англійскаго, французскаго и голландскаго. Дисконтъ,

---

*) Директоръ нѣмецкаго банка.
**) Reichsfinanzreform, Führer, B I. 54 и др.

который во Франціи въ среднемъ въ 1907 г. равнялся $3^1/_2\%$, въ Германіи за то же время повысился до 6,03%! И соотвѣтственно понизился курсъ нѣмецкихъ займовъ.

Самъ по себѣ имперскій долгъ, конечно, не особенно великъ по сравненію съ государственнымъ долгомъ другихъ державъ. И если можно считать даромъ выброшенными два милліарда марокъ, уплаченныхъ въ качествѣ процентовъ по займамъ, а на низкомъ курсѣ госуд. бумагъ (81,14 и 84,15 по сравненію съ англійскими въ 100,6) потеряно также достаточно, то въ общемъ здѣсь еще не было бы бѣды. Но быстрый ростъ долга изъ ежегодныхъ дефицитовъ,—это, дѣйствительно, по характеристикѣ проф. Кёппе «самый скверный видъ займовъ», онъ «противорѣчитъ элементарнѣйшимъ основамъ разумнаго веденія хозяйства». И не удивительно теперь, что со всѣхъ сторонъ отозвались на призывъ правительства приверженцы реформы и обратились со всевозможными мольбами и заклинаніями и къ партіямъ нынѣшняго рейхстага, и къ массѣ обывателей. Ясно опять-таки и другое обстоятельство. Тому, кому и такъ приходится тяжко работать и столь же тяжко платить, съ реформой открывается такъ же мало перспективъ, какъ и безъ нея. Реформа это— только переводъ на подати того, что теперь лежитъ на денежномъ рынкѣ. Для имущихъ, для рентодержателей, для банкировъ, промышленниковъ и купцовъ—надо во чтобы то ни стало освободить рынокъ. Оттуда и все воодушевленіе *).

II.

Когда-то называли нѣмцевъ народомъ философовъ и поэтовъ и сомнѣвались въ его дѣловитости. Теперь скорѣе, наоборотъ, склонны слишкомъ умалять фантазію и романтизмъ членовъ германской имперіи. Между тѣмъ, уже въ самомъ своемъ политическомъ строѣ нѣмецкій обыватель доказываетъ, что поэзія ему далеко не чужда. Стоитъ только себѣ представить многочисленный Олимпъ нѣмецкихъ отцовъ отечества —болѣе двадцати персонъ однихъ царствующихъ монарховъ, чтобы рѣшить, что не изсякъ еще источникъ старой нѣмецкой вѣрности и идеальнаго воодушевленія по адресу носителей царственнаго романтизма. Не всякій народъ могъ бы вмѣстить въ своей груди такіе запасы династическаго энтузіазма и платящей преданности.

Однако, мы имѣемъ сейчасъ еще другое доказательство поэтическихъ дарованій мѣстнаго филистера. Дѣло въ томъ, что онъ тоже не могъ не отозваться на призывъ къ финансовой реформѣ. При этомъ въ его груди зажглось то самое чувство, которое по

*) Ср. Köppe. Am Vorabend der neuen Reichsfinanzreform, Leipz. 1908. 21 и слѣд.

преданію сказалось какъ-то въ св. Флоріанѣ. Про послѣдняго разсказываютъ слѣдующее. Когда однажды начался въ деревнѣ пожаръ, то Флоріанъ обратился къ небесамъ съ трогательной молитвой: «Боже, спаси и охрани мой домъ! Если же нужно, то спали лучше домъ моего сосѣда!» И эта молитва была услышана. И вотъ теперь благословилъ св. Флоріанъ нѣмецкаго бюргера на великій подвигъ, и сталъ филистеръ мучительно думать: какъ бы изобрѣсти такіе налоги, чтобы ихъ заплатилъ мой ближній, но чтобы мой карманъ остался неприкосновеннымъ! И фантазія заработала. Цѣлыми сотнями полетѣли самые различные податные проекты въ рейхстагъ, и теперь мы имѣемъ замѣчательное собраніе плановъ спасенія германскаго отечества,—плановъ, столь цѣнныхъ для психологіи средняго нѣмецкаго обывателя.

Наиболѣе рѣшительнымъ средствомъ для моментальнаго исцѣленія всѣхъ золъ является, конечно, государственная монополія. И съ нею наши изобрѣтатели не церемонятся; они предлагаютъ монополизировать: спички, керосинъ, бензинъ, хлѣбную и угольную торговлю, производство мыла, хлѣбопеченіе, автоматы, почтовые конверты, сапожные товары, игральныя карты (должно быть, по примѣру Россіи!), воздушные корабли, лотереи, ипотечные банки, городскія скотобойни, погребальныя бюро, бутылочное стекло и желѣзный купоросъ! *).

Другіе изобрѣтатели были болѣе скромны. Они пощадили желѣзный купоросъ, но за то налегли на уже существующіе налоги. Одни облюбовали для цѣлей обложенія автомобили и игральныя карты, другіе устремились на биржевыя пошлины, на сборы съ лотерей, съ вексельной бумаги, съ сахару и кофе; ненавистники трактирной жизни избрали трактирный сборъ; враги печатнаго слова рѣшили обложить книгоиздательское дѣло и разносную продажу книгъ и газетъ. Врачеваніе больныхъ и совѣтъ адвоката, фабричныя трубы и машинные моторы, работодатели и невинныя удовольствія—все и вcѣ были выдвинуты остроумными плательщиками податей, которые вдохновились святымъ Флоріаномъ и подъ его кровомъ поднялись на спасеніе отечества. Особенно трогательное впечатлѣніе производятъ тѣ прожектеры, которые, почемъ знать, можетъ быть, не безъ самопожертвованія, предложили обложеніе театра, концертовъ и особенно танцевъ. Общественные танцы должны быть обложены даже акцизомъ и, вмѣсто бандероли, красующейся на пачкѣ табаку, здѣсь проектируется обандероливаніе танцоровъ при помощи особой ленточки. Многіе такъ далеко идутъ въ обложеніи всякихъ увеселеній, что проектируютъ особую инспекцію частныхъ домашнихъ празднествъ для взысканія платы не только съ гостепріимнаго хозяина, но и съ названныхъ имъ гостей. Даже право по ночамъ сидѣть въ кафе или ресторанѣ должно быть, со-

*) Reichsfinanzreform, Führer. B. II 346 и слѣд.

гласно предложенію приверженцевъ домашняго очага, обложено, по крайней мѣрѣ, пятикопѣечнымъ сборомъ съ каждаго ночного забулдыги, и при томъ за каждый ресторанъ отдѣльно. Дѣтской игрой рядомъ съ этой фискально-полицейской поэзіей представляется предлагаемое нѣкоторыми обывателями обложеніе собакъ, торговыхъ базаровъ, пожалованія титуловъ и т. п..

Удивительной представляется вся эта фантастическая изобрѣтательность. И не только въ смыслѣ старанія охочихъ людей вытащить грошъ изъ кармана ближняго на общую пользу. Нѣтъ, если есть въ этихъ проектахъ психологическая и бытовая цѣнность, то она заключается совершенно въ иномъ. Они раскрываютъ намъ скрытыя обыкновенно стороны бюргерской души, показываютъ воочію, что подъ всей оболочкой современнаго гражданина XX вѣка сидитъ, притаившись, старый человѣкъ XVIII столѣтія, который ничего не забылъ и ничему не научился. Все по прежнему считаетъ онъ по пальцамъ дважды два четыре, по прежнему вѣритъ во всемогущее дѣйствіе полицейской указки, а на государство смотритъ, какъ на патріархальнаго сыщика, правомочнаго залѣзть въ поискахъ за копѣйкой и въ горшокъ, и подъ супружескую простыню.

Для человѣка, проникнутаго чувствомъ чести и достоинства, для гражданина, который является членомъ государства, а не вѣчно-дрожащимъ рабомъ, и сейчасъ всякій таможенный, полицейскій или корчемный досмотръ представляется моральнымъ униженіемъ. Вѣдь система подобнаго досмотра выходитъ всегда изъ предположенія мошенничества и обмана, при чемъ такими мошенниками предполагаются всѣ безъ исключенія лица, переходящія извѣстную черту или границу. И здѣсь никто не принимаетъ во вниманіе, что цѣлый рядъ лицъ соблюдаетъ законъ по принципу и является даже съ точки зрѣнія полиціи «честными» и «добросовѣстными» людьми. Для полиціи и таможни всѣ равны. И только тамъ, гдѣ государство отказывается отъ чрезмѣрнаго и уродливаго обложенія потребленія и производства, оно избавляетъ гражданина отъ унизительной процедуры насильственнаго обыскиванія его самого и его вещей. И, казалось бы, правовое чувство, воспитанное въ атмосферѣ свободы, личной неприкосновенности и внутренней автономіи человѣка должно было всѣми мѣрами протестовать противъ фискальныхъ насильствъ, акцизныхъ обысковъ и таможенной грубости и нахальства. Отнюдь не бывало. Какъ мы видимъ на массѣ поданныхъ въ рейхстагъ проектовъ, нѣмецкій обыватель, въ извѣстной по крайней мѣрѣ части, ни своей, ни чужой неприкосновенностью не дорожитъ. И если бы на то была только его воля, онъ въ полномъ составѣ воскресилъ бы доброе старое время. И во истину податные проекты могутъ навести на весьма грустныя размышленія. Реакція наверху не проходитъ безнаказанно и внизу. Среди особенно воспріимчивой къ ней мелкой обывательщины она приноситъ свои роскошные

плоды. Такъ, рядомъ съ богатствомъ и культурой утверждается темное царство нѣмецкаго реакціоннаго мѣщанства.

Чтобы не быть голословнымъ, продолжимъ изслѣдованіе нашихъ человѣческихъ документовъ. Оставимъ пока безъ комментарій списокъ тѣхъ предметовъ, которые бюргеръ считаетъ способными къ обложенію. Упомянемъ только, что сюда входятъ вѣнки, гирлянды, рождественская елка, духовныя лица и просто вѣрующіе опредѣленныхъ исповѣданій, предупредительныя медицинскія средства, проститутки, словари, церковныя кружки, пчелы, попугаи, канарейки, кошки и иностранцы, которые должны платить налогъ за каждую проведенную въ странѣ ночь. Много въ этомъ спискѣ не только фантазіи, легкомыслія, но и самой настоящей злости. И если одно человѣконенавистничество можетъ подсказать обложеніе танцевъ, этого распространеннѣйшаго развлеченія низшихъ служащихъ и прислуги, то воистину много чисто дьявольской злобы надо имѣть, чтобы обложить податью такую послѣднюю утѣху въ бѣдной семьѣ, какъ желтую птичку-пѣвунью.

Однако, не въ этомъ вся соль разыгравшейся ярости бюргера. Какъ не безъ удивленія констатируютъ въ своемъ полу-сатирическомъ положеніи авторы «руководителя»—а къ ихъ числу принадлежатъ такія имена, какъ проф. Майръ и проф. Лампрехтъ—бюргеры проектируютъ не болѣе и не менѣе, какъ сопровожденіе человѣка въ теченіе всей жизни—отъ колыбели до могилы—особымъ податнымъ надсмотрщикомъ.

Родится у отца съ матерью старшій первенецъ, и бюргеръ требуетъ платы. Рождаются остальныя дѣти — опять за каждаго плати! За прививку оспы—особая подать. За каждое лишнее имя при крещеніи, а ихъ у протестантовъ и католиковъ бываетъ нѣсколько—особый налогъ. Родилось много дѣтей—за каждаго сборъ съ головы. Родилось слишкомъ мало, не родилось совсѣмъ, за каждаго неродившагося—штрафъ. Словно здѣсь, на ряду съ мертвыми душами, облагаются и метерлинковскія не рожденныя. Прямо въ какомъ-то фискальномъ безуміи выдвигаются проекты одинъ другого чудовищнѣе—и во всемъ одна мысль: не для себя живетъ человѣкъ, а для казны и династіи. Не самъ распоряжается, двигается, мыслитъ, а какъ прикажутъ и направятъ. И вотъ мы видимъ, что всю жизнь человѣка готовъ обвить филистеръ железными цѣпями, съ первыхъ шаговъ до смерти поработить грубому и мертвому фиску.

Всю возможность полученія средняго и высшаго образованія ставятъ наши прожектеры въ зависимость отъ особыхъ платъ и налоговъ. За поступленіе въ среднюю школу—налогъ, за имматрикуляцію въ университетъ—налогъ. И даже юношескія увлеченія предусматриваютъ премудрыя головы. Должны быть учреждены особыя абонентныя карты съ платой въ казну на право курить, на право кутить, на право дѣлать долги. Послѣдній пунктъ привлекъ

особое вниманіе бережливаго и аккуратнаго бюргера. Гордящійся искусствомъ по одежкѣ протягивать ножки, выше лба ушей не ростить и знать въ точности свой шестокъ, нѣмецкій мѣщанинъ и въ своихъ податныхъ фантазіяхъ дѣлаетъ нарочитые выпады противъ всѣхъ, «кто живетъ чужими деньгами», —расточителей, людей, живущихъ выше своихъ средствъ. Нечего и говорить, что стремленіе къ величію Германіи заставляетъ многихъ прожектеровъ придумывать спеціальную подать для холостяковъ, ибо хотя и теперь германское отечество ежегодно получаетъ около милліона новыхъ сыновъ за покрытіемъ смертнаго баланса, но и этого мало. Отсюда выводъ: кто не женится до 25 или даже 35 лѣтъ—возмѣщай нанесенный государству ущербъ! И нѣкоторые филистеры настолько вдохновляются мыслью о принудительномъ произведеніи потомства, что предлагаютъ и дѣвицъ обложить подобнымъ же сборомъ.

Проф. Кёппе въ своей книгѣ, посвященной финансовой реформѣ, горько жалуется на то, что нѣмецкими гражданами совершенно завладѣваютъ, съ одной стороны, партійная доктрина, съ другой—чисто-капиталистическое воззрѣніе на общество. Въ основу того и другого кладется одинъ лишь частный эгоистическій интересъ. «Партійно-политическая агитація», пишетъ нашъ изслѣдователь, «находитъ вполнѣ дѣвственное поле въ душѣ молодого человѣка, вступающаго изъ школы въ жизнь, и такъ посвящаетъ его въ познаніе отношеній, учрежденій и событій государственной жизни при помощи партійной прессы, собраній союзовъ и всяческой обработки въ духѣ своего воззрѣнія и тенденціи, что, когда онъ начинаетъ полически мыслить и смотрѣть, то съ самаго начала смотритъ только чрезъ очки партіи и думаетъ ея мыслями. Такимъ образомъ, онъ не можетъ предпринять никакой провѣрки по существу на основаніи своего образовательнаго запаса, не находитъ никакого опорнаго пункта для самостоятельной, внутренне-свободной оцѣнки партійной доктрины». И къ этому присоединяется «чисто-денежный способъ мышленія, отъ котораго человѣкъ такъ и не можетъ отдѣлаться, главнымъ же образомъ, въ хозяйственно-политическихъ и финансовыхъ вещахъ. Подать это—часть издержекъ производства или поддержанія жизни, при чемъ высшимъ принципомъ хозяйственности здѣсь является возможное удешевленіе того и другого. Отсюда выводъ—возможно меньше и возможно низкихъ пошлинъ. Такова квинтъэссенція вульгарнаго образа мыслей». И отсюда полное непониманіе великой роли государства, отсутствіе историческихъ традицій, представленіе государства въ видѣ «податного фиска, въ видѣ врага гражданъ, отъ котораго надо по возможности спастись и оградиться» *).

Таковы ламентаціи почтеннаго профессора. Конечно, онѣ имѣютъ основаніе, по скольку рѣчь идетъ о такихъ «врагахъ отечества»,

*) Köppe, Am Vorabend, стр. 10 и слѣд.

какъ соціалисты, принципіально отвергающіе современный капитализмъ и основанный на немъ политическій строй. Хотя и здѣсь нельзя не замѣтить, что у соціалистовъ все же нѣсколько иная психологія, чѣмъ та, на которую такъ обрушивается марбургскій ученый. Однако, профессоръ, очевидно, не зналъ о той тысячѣ проектовъ, съ которыми мы познакомились выше. Развѣ въ нихъ не звучитъ самоотверженная готовность платить и платить? Развѣ они не готовы къ ежеминутному выворачиванію всѣхъ своихъ, а главное, чужихъ кармановъ безъ утайки,—болѣе того, развѣ не освящаютъ они казеннымъ штемпелемъ и бандеролью своихъ малѣйшихъ движеній, потребностей, интимнѣйшихъ уголковъ своей жизни?

Ошибается проф. Кёппе: вульгарный образъ мыслей не тамъ, гдѣ онъ его ищетъ. Истинная вульгарность одушевлена идеей платежа, но при этомъ съ утонченнымъ истязаніемъ ближняго. Самую подать она превращаетъ въ пытку и этимъ только доводитъ до конца современную фискальную систему.

Она натравливаетъ государство на все: на бракъ и на погребеніе, на платье, сапоги, перчатки, часы, дамскія шляпки, вуали, особенно же и съ исключительнымъ азартомъ на корсеты! Вотъ какъ перечисляетъ нашъ «руководитель» дальнѣйшіе предметы обложенія, предложенные обывателями въ своихъ проектахъ, представленныхъ въ рейхстагъ; это должны быть—квартиры, гардины, ковры, телефоны, телеграммы, календари, кассы, бутылки, открытки съ видами, бумага, пишущія машины, перья для письма, игрушки, тайныя средства и... ватеръ-клозеты! Къ нимъ присоединяются дичь, птица, соль, варенье, устрицы, минеральныя воды, игры, спортъ, охота, скачки, оружіе, парусныя яхты, велосипеды, кегельбаны, бильярды, фотографіи, рояли, граммофоны, фонографы, духи, средства для рощенія волосъ, лифты, окна, лакеи, лошади и экипажи, денежный и банковый оборотъ, цементъ, сода, кирпичи, глиняныя трубы, анилинъ, желѣзо, хлопчатая бумага, дерево и химическіе продукты всякаго рода. Не говоримъ уже объ обложеніи чековъ, полисовъ, почтовыхъ посылокъ, процессовъ, торговыхъ книгъ и т. д.

Очень кстати вспоминаютъ составители руководства годъ отъ Рождества Христова 1810, когда при Гарденбергѣ былъ кликнутъ кличъ ко всѣмъ патріотамъ насчетъ податной реформы—совершенно та же картина имѣла мѣсто и тогда. «Безчисленныя лица подавали проекты и желали указать средства, при помощи которыхъ должно было помочь финансамъ государства». Государственный канцлеръ поручилъ разсмотрѣніе этихъ проектовъ особой коммиссіи заслуженнаго Раумера, и послѣдній пришелъ къ самымъ печальнымъ заключеніямъ. И хотя среди прожектеровъ были «графы, бароны, дворяне, банкиры, евреи (тогда еще особая категорія людей), военные, инвалиды, купцы, пекаря, стекольщики, сапож-

ники, студенты, модистки» и т. п., однако, кромѣ нелѣпости и дикости изъ этого ничего не вышло. Обыватель уже такимъ былъ тогда, какимъ мы находимъ его черезъ сто лѣтъ *). Впрочемъ, не будемъ его судить слишкомъ строго. Онъ лишь карикатуритъ то, что и на самомъ дѣлѣ существуетъ вокругъ него.

Особую пикантность обывательскимъ планамъ придаетъ другое обстоятельство. А именно—удивительное искусство въ дѣлѣ уклоненія отъ уплаты податей и надувательства по адресу государственнаго фиска.

Очень интересныя данныя приводитъ въ этомъ смыслѣ проф. Дельбрюкъ. Какъ оказывается, уже въ 1891 году министръ финансовъ, Микель, при введеніи имущественнаго обложенія ожидалъ различныхъ ухищреній со стороны своихъ, при томъ наиболѣе состоятельныхъ, компатріотовъ, и предлагалъ прямо для цѣлей контроля ввести небольшой налогъ на наслѣдства. Это средство, однако, было отвергнуто прусской реакціонной палатой депутатовъ. Но уже теперешній министръ финансовъ, ф. Рейнбабенъ, долженъ былъ заявить, что «и въ городѣ, и въ деревнѣ многіе люди далеко не платятъ того, что должны платить». Проф. Дельбрюкъ рѣшилъ самъ сдѣлать небольшую повѣрку и на контрольномъ подсчетѣ прямого обложенія имущества нашелъ на 63 милліона недоплаченныхъ податей. Послѣ этой провѣрки была сдѣлана другая, на основаніи еще болѣе точныхъ матеріаловъ, и оказалось, что въ одной Пруссіи не менѣе, какъ на 50 милліардовъ было скрыто имущества отъ обложенія. Такимъ образомъ, болѣе половины всѣхъ подлежащихъ подати лицъ надуваютъ казну, тогда какъ остальные должны платить за свою честность. При введеніи налога на наслѣдство только для боковыхъ родственниковъ, ежегодно стало выходить наружу не менѣе 500 случаевъ надувательства казны **). Совершенно правильно поэтому требуетъ проф. Дицель наслѣдственнаго налога, какъ необходимаго контрольнаго средства для имущественнаго прямого обложенія. И, дѣйствительно, по оффиціальному заявленію министра Рейнбабена, благодаря такой повѣркѣ при наличныхъ средствахъ было «исправлено» 1—4 милліоновъ декларацій, было открыто на два милліарда скрытаго отъ обложенія имущества и было получено круглымъ счетомъ на 83 милліона марокъ лишнихъ податей ***).

Соединеніе фискальной фантастики и податного мошенничества въ одной и той же средѣ насъ, конечно, особенно удивлять не можетъ. Это все оттѣнки пресловутаго патріотизма, старой нѣмецкой вѣрности и честности, которыя, какъ спеціальныя добродѣтели, свойственны нѣмецкимъ благонадежнымъ, аграрнымъ и мелко-

*) Тамъ же, стр. 352.

**) Die Erbschaftsabgabe und die Reichsfinanzreform, стр. 1—2.

***) Dietzel, Reichsnachlass teuer oder Reichsvermögenssteuer, Berlin, 1909, стр. 8.

бюргерскимъ, кругамъ. Еще на дняхъ Др. Резике, консервативный депутатъ, особенно яростно возстающій противъ поврежденія нѣмецкаго духа, былъ изобличенъ въ томъ, что онъ упорно уклонялся отъ всякой уплаты подоходнаго налога на томъ простомъ основаніи, что ни его громадное имѣніе, ни принадлежащіе ему въ городѣ дома не только ему, бѣдному, никакого дохода не приносятъ, но даже требуютъ постоянной, раззоряющей его доплаты!

Изъ сказаннаго ясно вполнѣ, что когда правительство рѣшило добыть нужные ему полмилліарда налоговъ, оно меньше всего могло довѣриться самопожертвованію и патріотизму даже самыхъ патріотическихъ круговъ. Пришлось дѣйствовать путемъ холоднаго политическаго торгашества и примѣняться къ фактическому соотношенію партій. Податные же проекты послѣднихъ были построены по тому же рецепту, который мы видѣли выше у почитателей св. Флоріана. Аграрно-реакціонные круги вполнѣ согласны на налогъ съ биржевой котировки, на налоги съ индустріальнаго производства и торговли. Промышленники и банкиры, а также идущіе съ ними либералы вполнѣ согласны на налоги, которые должны пасть на недвижимое имущество и особенно на поземельныя владѣнія. И тѣ, и другіе согласны вполнѣ на косвенные налоги, которые должны уплачиваться остальною массой населенія. И наоборотъ. Аграріи—противники аграрныхъ налоговъ, капиталисты—противники налоговъ, падающихъ на биржу, а масса населенія, представленнаго соціалистами, и рада бы была хоть сколько-нибудь облегчить положеніе истинно-податнаго класса рабочихъ, крестьянъ, мелкихъ ремесленниковъ и вообще всего массоваго потребителя—но, увы! ихъ никто не слушаетъ, а распоряжаются всѣмъ господа положенія, представители аграрнаго и денежнаго капитала *).

И пропорція налоговъ, предложенная правительствомъ, прекрасно отражаетъ высокіе принципы «равномѣрности», «справедливости» и «пропорціональности» обложенія, которое съ истинно-государственной мудростью на курьерскихъ проводится въ рейхстагѣ въ моментъ написанія настоящей статьи. Изъ 500 милліоновъ, нужныхъ великой державѣ, только сто почтительнѣйше предложено уплатить крупному капиталу всякаго типа, остальные же 400 безъ всякихъ церемоній взваливаются на остальное малоимущее или совершенно неимущее населеніе въ видѣ штрафа за куреніе табаку, питье пива, водки, пользованіе почтой и т. п. Не прямой пропорціональный налогъ, введенный въ Германіи въ качествѣ подходнаго, а косвенные налоги должны быть увеличены. И если въ нѣмецкой финансовой наукѣ держался до сихъ поръ «предразсудокъ» относительно исключительнаго превосходства прямыхъ

*) Сравн. еще въ 1906 г. вышедшую брошюрку Ed. Bernstein'a—Die neuen Reichssteuern.

налоговъ передъ косвенными, то никто другой, какъ Ад. Вагнеръ выступилъ теперь на политическую арену съ апологіей косвеннаго обложенія *).

«Въ чрезмѣрной враждѣ противъ неизбѣжно-сильнаго обложенія предметовъ потребленія въ современномъ государствѣ» упрекаетъ Вагнеръ нынѣшнія нѣмецкія партіи, хотя прекрасно знаетъ, что нѣмецкій народъ ежегодно платитъ милліардъ хлѣбныхъ пошлинъ въ карманъ казны и частныхъ лицъ. Но какъ эти пошлины, такъ и новыя, онъ считаетъ неизбѣжными. «Мы не можемъ уберечь массу народа—пишетъ онъ—отъ новыхъ тягостей, она должна ихъ нести, безъ нея нельзя добыть достаточной суммы»... **).

Не мудрено, что теперь среди благонамѣренныхъ нѣмецкихъ круговъ пріобрѣла популярность сказочка столь прославленнаго либерала, какъ Гладстонъ, разсказанная въ бюджетной рѣчи 1861 года: «прямые и косвенные налоги, сказалъ тогда англійскій министръ, представляются мнѣ всегда двумя очаровательными сестрами, которыя обѣ введены въ круги лондонскаго лучшаго общества, обѣ обладаютъ большими средствами, обѣ происходятъ отъ однихъ и тѣхъ же родителей, а именно, какъ полагаю, отъ необходимости и изобрѣтательности, и только однимъ онѣ различаются, какъ это случается съ сестрами, болѣе темнымъ и болѣе свѣтлымъ типомъ и пріятной разницей манеръ. Одна болѣе открыта и простодушна, другая нѣсколько суше, сдержаннѣе и загадочнѣе. Я не вижу никакой причины, закончилъ тогда галантный министръ, для враждебнаго соперничества поклонниковъ двухъ этихъ дѣвицъ и открыто исповѣдую... что я считаю своимъ долгомъ оказать свое вниманіе обѣимъ» ***). Остроумный англичанинъ забылъ только прибавить, что болѣе темная и молчаливая сестра, снабженная, кстати сказать, чисто народными мускулами, тяжело везетъ на себѣ почти всю тяжесть бюджета, тогда какъ блондиночка обыкновенно только налегкѣ помогаетъ своей перегруженной сестрицѣ

Перейдемъ, однако, къ налогамъ, какъ они предложены въ видѣ компромисса теперешнимъ германскимъ кабинетомъ. Прежде всего, конечно, здѣсь фигурируетъ повышеніе акциза на спиртъ. Это одинъ изъ самыхъ подходящихъ предметовъ для большинства прожектеровъ. Однако и здѣсь нельзя увлекаться низшимъ, какъ казалось бы, размѣромъ этого обложенія нѣмецкаго населенія сравнительно съ населеніемъ другихъ странъ. Во-первыхъ, не сосчитаны хлѣбныя пошлины. Во-вторыхъ, надо принять во вниманіе, что, благодаря цѣлому ряду привилегій, которыми въ интересахъ

---

*) Ad. Wagner. Die Reichsfinanznot, Berlin, 1908, стр. 14 и слѣд.

**) Тамъ же и статья Ad. Wagner'а въ сборникѣ. Die nationale Bedeutung der Reichsfinanzreform, 34 и д.

***) Die Reichsfinanzreform, Führer, B. II стр. 242.

сельско-хозяйственнаго винокуренія пользуются аграріи, государство далеко не получаетъ всего, что сверхъ настоящей цѣны за спиртъ уплачиваетъ потребитель...

До 40 милліоновъ, взимаемыхъ излишне съ потребителя, здѣсь опять-таки идутъ не въ казну, а въ аграрные карманы. Эти доходы за счетъ потребителя должны были «спасти» аграріевъ, когда у нихъ уменьшился вывозъ спирта во Францію для сдабриванія «бордо», что очень практиковалось въ филоксерные годы. Однако «спасенія» не произошло, а «даръ любви» только раззадорилъ аппетиты. Въ виду этого сейчасъ при обсужденіи проекта водочной монополіи, предложенной правительствомъ, планъ этотъ разбился о самое рѣшительное сопротивленіе аграріевъ. Сосредоточеніе покупки, очистки, денатурированія и продажи спирта въ рукахъ правительства можно считать неудавшимся. Если же аграріи идутъ на повышеніе водочнаго акциза, то не иначе, какъ при условіи сохраненія существующихъ «даровъ любви», начиная съ опредѣленнаго контингента и кончая возвратомъ акциза при вывозѣ спирта за границу. Отъ повышенія водочныхъ сборовъ правительство, по подсчету министра Сидова, должно получить около 100 милл. марокъ *).

Пивной налогъ тоже подвергается сильному повышенію. Онъ долженъ тоже принести до 100 милл. марокъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ, однако, значительное сопротивленіе со стороны южно-нѣмецкихъ государствъ, гдѣ налогъ на пиво достигъ уже своей нормальной высоты. При голосованіи этого налога центръ, который въ значительной своей части былъ всегда противъ повышенія налога на пиво, раздѣлился, но все же налогъ прошелъ при помощи реакціоннаго большинства центра съ консерваторами при одной лишь оговоркѣ, которая имѣетъ въ виду возможное сокращеніе пивоваренія и поддержку оставшихся безъ работы занятыхъ въ пивоваренной промышленности рабочихъ.

Налогъ на вино является слѣдующимъ, который принятъ сейчасъ правительствомъ и имѣетъ надежду на успѣхъ. По мысли авторовъ этого налога, онъ долженъ лечь на болѣе состоятельные круги, чѣмъ обыкновенные потребители пива. Этотъ налогъ долженъ принести до 20 милл. марокъ, при чемъ обложена будетъ всякая бутылка вина въ одномъ и томъ же размѣрѣ,—по 5 пфен.

Табакъ тоже долженъ принести имперской казнѣ свою дань. Обложеніе курильщиковъ будетъ поднято съ 13,79% до 21,80%. Этотъ налогъ, само собою разумѣется, имѣетъ въ виду не немногихъ потребителей гаванскихъ сигаръ, а дешевую сигару бюргера и трубку рабочаго. Этимъ путемъ получится увеличеніе казеннаго дохода на 77 милл. марокъ.

---

*) Эти и слѣдующія данныя—см. Führer. B. II u Sieveking, die Kernpunkte der Reichsfinanzreform, Berlin, 1909. 37 и слѣд.

Новыми предметами обложенія по правительственному проекту являются, далѣе, газъ и электричество. Какъ правильно замѣчаютъ нѣкоторые экономисты, это весьма странный налогъ прямо на предметы потребленія. Въ качествѣ аргумента здѣсь приводятъ то соображеніе, что, дескать, обложенъ же керосинъ, этотъ источникъ свѣта для бѣднѣйшихъ классовъ, почему же не обложить газа и электричества. На этомъ основаніи можно придти къ самымъ различнымъ заключеніямъ въ родѣ вышеприведенныхъ обывательскихъ проектовъ. Почему же тогда не обложить каменнаго угля, который наравнѣ съ газомъ и электричествомъ идетъ—и даже въ большемъ количествѣ—на промышленныя цѣли? И совершенно справедливо выдвигаются противъ этого налога возраженія, какъ со стороны излишняго обремененія средствъ производства, такъ и его произвольности и односторонности. Такимъ же характеромъ отличается налогъ на объявленія въ газетахъ и рекламы, который можетъ тяжело отразиться на положеніи прессы вообще.

За этими «косвенными» налогами, по проекту правительства, долженъ былъ слѣдовать «прямой» налогъ на наслѣдственную массу. И здѣсь дѣло шло уже не о массовомъ потребленіи, не о «низшихъ классахъ» населенія, не о безнаслѣдныхъ...

И здѣсь послѣдовалъ великій крахъ!

III.

Для того, чтобы отчетливо понять послѣдующія «событія», необходимо прежде всего уяснить себѣ самый проектъ наслѣдственнаго обложенія, который не только самъ погибъ, но погубилъ и пресловутый блокъ, и самого канцлера.

Проектъ правительства, какъ онъ окончательно былъ изложенъ Сидовымъ, по существу не представляетъ собою ничего особенно ужаснаго. Тѣмъ болѣе, что обложеніе наслѣдства уже существуетъ съ 1906 г., когда налогу были подвергнуты наслѣдственныя доли боковыхъ и отдаленныхъ линій—такъ называемыхъ «смѣющихся» наслѣдниковъ, въ отличіе отъ «плачущихъ». Теперь предполагалось привлечь къ обложенію наслѣдство и прямыхъ наслѣдниковъ, при томъ въ такой формѣ, что уплатѣ налога подлежатъ не наслѣдственныя доли каждаго наслѣдника въ отдѣльности, а вся наслѣдственная масса въ цѣломъ, оставшаяся послѣ каждаго наслѣдодателя. Въ составъ наслѣдственной массы зачислялись при этомъ и страхованіе жизни, и всевозможныя даренія на случай смерти, и т. п.

Въ интересахъ такъ называемаго «Mittelstand'а», т. е. средняго бюргерства и крестьянства (крестьянъ-собственниковъ), къ обложенію предназначались наслѣдства цѣнностью не ниже 20.000 мар., при чемъ въ качествѣ цѣны поземельнаго владѣнія было рѣ-

шено считать не продажную, рыночную цѣну, безмѣрно вздутую, благодаря хлѣбнымъ пошлинамъ, а двадцати-кратный чистый доходъ за отчисленіемъ долга. Самый налогъ долженъ былъ составить 0,5% съ насл. массы отъ 20 до 30 тысячъ, 0,6%—съ 30—40 тысячъ, и т. д. до 60—70 тысячъ, гдѣ взимался уже 1%. Затѣмъ налогъ повышался до 2% съ 150—200 тысячъ, до 3% съ одного милліона; здѣсь повышеніе останавливалось, не осмѣливаясь подняться на большую высоту для дальнѣйшихъ милліоновъ *).

Если разсматривать этотъ проектъ съ политико-экономической и финансовой точки зрѣнія, то нельзя не признать, что онъ представляетъ собой болѣе чѣмъ умѣренное обложеніе имущихъ, которое представляется совершенно ничтожнымъ по сравненію съ косвенными поступленіями. Такой налогъ, представляющій собою минимальное удовлетвореніе требованій налоговой справедливости, уже давно введенъ въ другихъ европейскихъ государствахъ и при томъ несравненно въ большихъ размѣрахъ. Такъ, въ Англіи подобный налогъ, начинаясь съ наслѣдственной массы въ 100 ф., уже здѣсь достигаетъ 1%, при 1000 ф. охватываетъ 3%, а при 750000 — доходитъ до 10%, при чемъ при превышающихъ одинъ милліонъ наслѣдствахъ даетъ еще прибавочный процентъ.

Проектъ министра Сидова, конечно, не свободенъ отъ извѣстныхъ недостатковъ. Онъ слишкомъ деликатенъ по отношенію къ крупнымъ капиталамъ; онъ освобождаетъ отъ обложенія «предметы, принадлежащіе къ домашнему хозяйству умершаго», онъ не содержитъ повышенія налога при наслѣдственной массѣ выше одного милліона. И совершенно вѣрно замѣчаетъ здѣсь проф. Дицель, что особенно неправильна свобода отъ обложенія «домашняго хозяйства», особенно у очень богатыхъ людей. Многочисленные предметы роскоши, картинныя галлереи, музеи, библіотеки и всевозможныя коллекціи, которыя заперты въ стѣнахъ великолѣпныхъ виллъ и представляютъ собою предметъ утѣхи для пресыщеннаго собственника—менѣе всего могутъ быть вычеркнуты изъ наслѣдственной массы, хотя-бы они и были лишь предметами домашней обстановки **). Не менѣе удивительно и игнорированіе того факта, что въ Германіи имѣется сейчасъ значительное, все возрастающее, количество лицъ, имѣющихъ далеко болѣе одного милліона. По даннымъ Ад. Вагнера въ 1905 году въ одной Пруссіи было 4742 лица, имѣвшихъ отъ 1—2 мил., и 2667 съ имуществомъ болѣе 2 мил.

Почему этихъ многомилліонеровъ рѣшено оставить безъ прогрессивнаго обложенія—это, конечно, секретъ бюловскаго «консерватизма» ***).

*) Die Reichsfinanzreform, Führer, B. II, 316 и слѣд.
**) Dietzel, Reichsnachlasssteuer—11 и слѣд.
***) Wagner, Die nationale Bedeutung der Reichsfinanzreform, 41.

Налогъ на наслѣдство въ томъ видѣ, какъ мы его сейчасъ изложили, представляется настолько умѣреннымъ и скромнымъ, что у всякаго, незнакомаго съ психологіей аграрно-консервативныхъ круговъ, невольно является мысль: чего же въ немъ такого страшнаго, что могло бы привести къ различнымъ крахамъ? Однако уже на опытѣ тѣхъ же англичанъ мы видимъ, что налогъ на наслѣдство имѣетъ свойства рѣзко возбуждающаго средства на крупно-землевладѣльческіе нервы. Англія при введеніи своего налога на наслѣдство въ значительной степени пережила то-же, что переживаетъ теперь Германія. И когда тамъ былъ внесенъ на обсужденіе парламента соотвѣтственный проектъ—ярости лэнд-лордовъ не было границъ. «Грабежъ и разбой», «полное раззореніе» британской семьи,—такъ характеризовали проектъ собственники. «Демономъ предательства» титуловали они министра финансовъ, «никакой деспотъ востока, никакой Робин-гудъ» не могъ бы изобрѣсти худшей системы экспропріаціи!» Весь бюджетъ, восклицалъ тогда одинъ изъ ораторовъ палаты, исполненъ безжалостной ненависти къ богатымъ. «Уважаемый сэръ — говорилъ онъ по адресу премьера—предпринялъ настоящую травлю противъ землевладѣльцевъ». И еще хуже доставалось законопроекту въ печати. «Скрытый соціалистическій бюджетъ»—такъ «ругали» его консервативныя газеты,—«онъ на смерть замучаетъ земледѣліе», онъ «ограбитъ при помощи наслѣдственныхъ пошлинъ» сельское хозяйство *).

Такъ воевали за свой «патріотическій» карманъ просвѣщенные мореплаватели. Неужели же прусскій юнкеръ уступитъ своему заморскому праобразу? И что до того, что въ Англіи на самомъ дѣлѣ ни одного изъ предсказанныхъ ужасовъ не произошло, и даже консерваторы стали впослѣдствіи на сторону наслѣдственнаго налога! И развѣ можетъ остановить юнкера какой-то консервативно-либеральный блокъ. Какіе тутъ блоки, когда, во-первыхъ, при помощи наслѣдственнаго обложенія раскроются всякія утайки подоходнаго налога, а во вторыхъ, придется самымъ настоящимъ образомъ платить, какъ платитъ всякій бюргерскій хамъ. Долой налогъ, долой либераловъ, которые за него ухватились, и если кн. Бюлову угодно было ради нелѣпаго блока связать свою судьбу съ этимъ произведеніемъ презрѣннаго либерализма и... коммунизма, то пусть убирается вонъ, тѣмъ болѣе, что «наверху» ему никогда не простятъ слабой, слишкомъ слабой защиты монарха во время бюргерскихъ воплей по поводу пресловутой телеграммы и «личнаго режима».

Вѣдь еще очень недавно то время, когда аграріи ясно и навсегда доказали, что ими стоитъ и живетъ Германо-Пруссія, и что безъ нихъ дышать не можетъ нѣмецкій, донынѣ уцѣлѣвшій абсолютизмъ. И за такое счастье надо платить, надо помнить, что

*) Die Reichsfinanzreform, B. II, 333—334.

безъ нихъ ни одного дня не просуществовала бы антинародная политика прусской гегемоніи, китайскихъ усмиреній и великолѣпной монархической теократіи съ двумя милліонами штыковъ. Развѣ не доказали юнкеры своей силы при проведеніи средне-германскаго канала! Развѣ побоялись тогда идти противъ самого «обожаемаго». И что же не ихъ сломали придворными уколами и опалой, а они сами все вернули себѣ и еще получили милліоны «даровъ любви» и высокой хлѣбной пошлины.

Проф. Штиръ-Зомло вспоминаетъ интересную страничку юнкерской исторіи. Это было давно, ровно сто лѣтъ тому назадъ. Дѣло шло не столько о непосредственномъ интересѣ кармана, сколько о необходимости возродить націю, растоптанную наполеоновой пятой, къ новой и при томъ представительной, конституціонной жизни. Тогда они отвѣтили Фридриху Вильгельму III, эти вѣрные рыцари прусскаго послушанія и преданности: «Авторы такихъ идей, какъ свобода передвиженія дворовыхъ, надѣленіе ихъ имуществомъ за счетъ помѣщиковъ, это—Катилины, которые желаютъ убить и короля, и всѣхъ дворянъ. Король же долженъ при помощи высокаго дворянства водворить порядокъ среди тѣхъ бюргеровъ и крестьянъ, которые стремятся къ ниспроверженію государства, а для этой цѣли вновь подтвердить и сохранить всѣ личныя и имущественныя привилегіи дворянства такъ же, какъ и его исключительное право на занятіе государственныхъ должностей». Какъ вѣрные вассалы, они были вполнѣ готовы служить своему сюзерену, своему отечеству своимъ рыцарскимъ мечемъ, но во всемъ остальномъ—они сами господа на своихъ земляхъ. Проф. Штиръ-Зомло справедливо уподобляетъ высказанныя здѣсь воззрѣнія знаменитому «государство—это я» Людовика XIV: «государство—это мы», говорятъ юнкеры. Но врядъ ли здѣсь можно усмотрѣть, какъ это дѣлаетъ почтенный ученый, только «наивное» отождествленіе двухъ понятій. Въ борьбѣ противъ «Катилинъ» говоритъ и ясно сознанный интересъ великодержавнаго сословія *).

И когда теперь тѣ же аграріи подымаютъ ожесточенную борьбу противъ наслѣдственнаго обложенія и прибѣгаютъ къ самой крѣпкой аргументаціи, то и здѣсь менѣе всего мы можемъ искать искренней вѣры въ принципіальные доводы противъ налога. Здѣсь опять-таки ищетъ аргументаціи и находитъ ее страстно напряженный сословный интересъ, переубѣдить который при помощи логики и словъ совершенно лишняя и безцѣльная попытка. Ближайшее ознакомленіе съ доводами аграріевъ докажетъ намъ лучше всякихъ дальнѣйшихъ соображеній, что не въ мысляхъ и не въ логикѣ тутъ суть.

Защитники законопроекта, особенно изъ рядовъ либеральныхъ союзниковъ блока, дали себѣ трудъ самымъ подробнымъ образомъ

*) Статья Prof. Stier-Somlo въ сборникѣ „Die Erbschaftsabgabe“.

остановиться на аграрной аргументаціи и опровергнуть ее. Задача довольно праздная, какъ это показали дальнѣйшія событія. Но намъ это даетъ возможность привести въ нѣкоторую систему характернѣйшіе пункты великаго негодованія юнкерства противъ современныхъ «Катилинъ».

Жестоко ошибся бы тотъ, кто сталъ бы искать въ пламенной оппозиціи дворянства хотя бы тѣнь своекорыстныхъ мотивовъ. О! нѣтъ, здѣсь все устраивается по старинному и прекрасному образцу, гдѣ ничего не требуется для себя, но все для другихъ, для униженныхъ и оскорбленныхъ, для бѣднаго, обездоленнаго крестьянства, для національной крѣпости и силы, для общаго и государственнаго блага. Наши русскіе аграріи уже выучились въ совершенствѣ прикрывать идеями порядка, государственности и общественной пользы свои корыстные инстинкты и вождѣленія. Но въ одномъ отношеніи они все же еще могутъ поучиться: это въ оплакиваніи меньшого брата, страждущаго мужика. У прусскаго юнкерства эта сторона дѣла прямо безупречно поставлена. И свой походъ противъ наслѣдственнаго налога они начинаютъ какъ разъ со спасенія «бѣднаго, всѣми покинутаго крестьянина», этой опоры и украшенія германо-прусской родины.

Пропаганда отъ имени нѣмецкаго крестьянства уже по тому одному не могла представить для аграріевъ крупныхъ затрудненій, что въ этомъ отношеніи издавна въ ихъ распоряженіи находится такая своеобразная организація, какъ «союзъ сельскихъ хозяевъ» или «Bund der Landwirte». Это воистину замѣчательное орудіе въ рукахъ аграрнаго капитала. Здѣсь фактически и очевидно для всякаго непредубѣжденнаго глаза сходится баронъ и мужикъ въ общихъ интересахъ, рука объ руку работаютъ на пользу реакціи и аграрныхъ привилегій и являютъ міру совершенно непостижимое единеніе двухъ силъ, изъ которыхъ одна, казалось бы, принципіально отрицаетъ другую. И если до сихъ поръ міровая исторія отношеній между крупнымъ землевладѣніемъ и крестьянскимъ земледѣліемъ давала повсюду картины самаго рѣзкаго антагонизма, кончавшагося сплошь и рядомъ аграрными бунтами и соціальной революціей, то какъ разъ нѣмецкій «союзъ сельскихъ хозяевъ» желаетъ насъ самымъ своимъ существованіемъ убѣдить въ противоположномъ.

И въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ проф. Руландъ сталъ придворнымъ теоретикомъ союза, въ послѣднемъ самымъ непостижимымъ образомъ сочетается крестьянская демагогія и крупноаграрные интересы. До сихъ поръ такъ дѣло обстояло только на практикѣ. Во время борьбы за хлѣбныя пошлины аграріи сумѣли убѣдить массы крестьянъ въ выгодности для нихъ хлѣбнаго тарифа и повели ихъ за собой въ борьбѣ противъ всего остального нѣмецкаго населенія и его законныхъ интересовъ. И побѣда аграріевъ, само собою, еще больше утвердила крестьянъ въ ихъ при-

верженности къ союзу, въ которомъ къ тому же постоянно выкрикивались самыя пышныя фразы на счетъ крестьянскихъ интересовъ и крестьянскаго характера союза, а крестьянамъ обѣщались золотыя горы. Теперь за практикой послѣдовала и теорія. Католическій профессоръ католическаго университета, который написалъ даже соціальную исторію съ точки зрѣнія именно интересовъ крестьянства, становится признаннымъ пророкомъ союза и весь свой гнѣвъ противъ капитализма разряжаетъ въ союзѣ подъ непосредственнымъ протекторатомъ крупнаго аграрнаго капитала. Мало того, подъ сѣнью тѣхъ же аграріевъ онъ создаетъ своего рода программу Zukunftstaat'a — государства будущаго, гдѣ государственный соціализмъ причудливымъ образомъ перемѣшивается съ чисто средневѣковой регламентаціей производства, обмѣна и потребленія *).

«Bund der Landwirte» по своему соціальному составу, по своей идеологіи и политическому значенію заслуживаетъ безспорно самаго серьезнаго вниманія, особенно русскаго изслѣдователя. Здѣсь, однако, мы должны ограничиться только установленіемъ факта противоестественнаго союза аграрнаго капитала и мелкаго земледѣлія въ Германіи и этимъ объяснить другой фактъ, а именно, аграрной агитаціи «Бунда» отъ имени якобы крестьянъ и ихъ интересовъ. Насколько была дика и нелѣпа подобная агитація, показываетъ въ данномъ случаѣ то простое соображеніе, что, благодаря высокой границѣ, съ которой начинается обложеніе наслѣдственной массы, громадное, подавляющее количество крестьянъ остается совершенно незатронутымъ новымъ налогомъ. Такъ, по вычисленію Беме, изъ 5,6 милліоновъ сельскохозяйственныхъ производствъ 3,2 милліона приходится на мелко-крестьянскія хозяйства ниже 2 гектаровъ. 1 милліонъ на хозяйства съ 2—5 гектарами, 1 милліонъ на хозяйства размѣромъ отъ 5 до 20 гектаровъ и 0,3 милліона приходятся на владѣнія выше 20 гектаровъ. Такимъ образомъ, согласно правительственному проекту, громадное большинство крестьянскихъ сельскохозяйственныхъ предпріятій совершенно не были бы затронуты новымъ обложеніемъ **).

Совершенно правильно замѣчаетъ поэтому тотъ-же крестьянскій депутатъ,—дни котораго въ составѣ «Союза сельскихъ хозяевъ», несомнѣнно, сочтены,—что здѣсь призывъ къ солидарности мелкаго и крупнаго землевладѣнія совершенно необоснованъ. Наоборотъ, думаетъ тотъ-же политикъ, массы крестьянства съ радостью дадутъ полное согласіе на болѣе серьезное обложеніе какъ разъ крупнаго

*) См. трехтомную „System der Politischen Oekonomie" изданную проф. Ruhland'омъ, также краткое изложеніе: Edmund Klapper, Leitgedanken aus Ruhland System der Polit. Oekonomie, Berlin, 1908, Deutsche Agrar-Zeitung и т. д.

**) Karl Böhme, Finanzreform und Bauernstand, Berlin, 1909, стр. 16 и слѣд.

землевладѣнія. И тѣмъ болѣе необходимо съ этимъ согласиться, что даже то обложеніе, которое проектировалось, должно было подвергаться очень длительной разсрочкѣ и частичному погашенію въ видѣ особой ренты тамъ, гдѣ въ наслѣдственную массу входили-бы земля или лѣсныя площади. Нельзя поэтому не согласиться съ проф. Дицелемъ, когда онъ во всѣхъ вопляхъ аграріевъ по поводу крестьянъ видитъ только «старый, испытанный фокусъ» со стороны «Бунда». Не крестьяне, а какъ разъ восточно-эльбскіе бароны сильнѣе всего подпадутъ подъ дѣйствіе закона, отсюда и слезы по поводу крестьянства, на которое тѣ-же господа съ легкимъ сердцемъ валятъ и пивной, и табачный, и водочный акцизъ! *).

Не удивительно теперь, что когда, благодаря аграріямъ, провалился законъ о наслѣдственномъ обложеніи, и самъ блокъ разлетѣлся на нѣсколько частей, явилась попытка со стороны друзей партіи, а именно націоналъ-либераловъ, отколоть крестьянъ отъ «Бунда» и запречь ихъ въ свою партійную колесницу. Однако этой попыткѣ врядъ-ли можно предсказать успѣхъ. На партійномъ съѣздѣ свободомыслящихъ было отмѣчено, что по существу программа «Бунда» осталась безъ перемѣны и въ націоналъ-либеральномъ крестьянскомъ союзѣ, а потому врядъ-ли крестьяне станутъ мѣнять старую и сильную политическую организацію на такую-же, только слабую и новую.

Такой-же характеръ, который присущъ доводамъ «отъ крестьянъ», свойственъ и другимъ частямъ выдвинутой противъ налога со стороны землевладѣльцевъ аргументаціи. Доводы здѣсь и экономическіе, и этическіе, и патріотическіе. Они интересны для насъ, какъ типичная для данной соціальной группы манера разсуждать.

«Горе тому народу, восклицаетъ одинъ изъ противниковъ налога, гдѣ парламентъ, лишенный всякой экономической мудрости, ослабляетъ при помощи все возрастающаго обложенія имуществъ— силу сбереженія состоятельныхъ классовъ». И надо «не имѣть ни малѣйшаго чувства къ глубокой безнравственности законопроекта, надо, чтобы общественная совѣсть была окончательно убита», чтобы сочувствовать «насильственному и произвольному разграбленію богатыхъ». «Выдача» въ пользу государства «на его потребительныя цѣли» «частей капитала» есть уничтоженіе капитала, которое только тогда возможно оправдать, когда ему противостоитъ, съ другой стороны, соотвѣтственное увеличеніе капитала». Г. Бендиксену вторитъ въ этомъ бывшій министръ Подбѣльскій, который видитъ, какъ новый налогъ перерѣзаетъ «жизненный нервъ сельскаго хозяйства», уничтожаетъ «осѣдлость крестьянства», «подрываетъ устойчивость крестьянскаго землевладѣнія». За крестьяниномъ рушится и крупное землевладѣніе, лишенное «частей своего капитала», отданнаго государству, и самъ капиталъ, отчаявшись въ гостепріимствѣ нѣмец-

*) Dietzel, в. н. с. стр. 52.

кихъ странъ, торжественно двигается «за границу». Вотъ какія последствія повлечетъ за собой предпринятое союзными монархическими правительствами и консервативнымъ министерствомъ «разграбленіе богатыхъ»! *).

Для того, чтобы еще крѣпче поразить своихъ противниковъ, аграріи прибѣгаютъ здѣсь къ излюбленному аргументу, который, кстати сказать, до сихъ поръ превосходно дѣйствовалъ и на бюргерскихъ лѣвыхъ. Его выдвинулъ, между прочимъ, г. Трейенфельсъ отъ имени своихъ политическихъ друзей: «мы ничего не видимъ другого въ наслѣдственномъ обложеніи, какъ соціалистическую идею, а именно экспропріацію», основнымъ пунктомъ новой податной программы является какъ разъ то, что «все больше и больше наваливаютъ тяжестей на собственность», этимъ же потрясаются «основы государственнаго порядка» и дѣлается «первый шагъ на пути полнаго уничтоженія наслѣдственнаго права». Рейхстагъ все болѣе отнимаетъ права у состоятельныхъ и облагаетъ ихъ повинностями, въ то время, какъ онъ все болѣе облегчаетъ повинности неимущихъ и награждаетъ ихъ правами. Соціальное королевство грозитъ превратиться въ имперію, порабощенную массѣ. Въ финансовой области правительство слишкомъ перетягиваетъ въ одну сторону свой «лукъ соціалистической политики». Трудное дѣло начать, а тамъ «вполнѣ естественно, что, разъ опять понадобится добыть побольше денегъ, громадное большинство неимущихъ опять рѣшится декретировать: то, что необходимо, пусть даютъ тѣ, у которыхъ вообще еще что-нибудь есть». «Такъ при помощи наслѣдственнаго обложенія дѣлается первый шагъ въ государство будущаго». Кромѣ Трейенфельса нами приведены тутъ изреченія, гг. Дзембовскаго, Ягвица, Эренберга, Штокгаузена и др. Какъ видно, единогласіе въ средѣ бѣдныхъ богачей и ограбленныхъ собственниковъ полнѣйшее...

На случай, если бы не подѣйствовало соціалистическое пугало, у аграріевъ есть еще другіе, семейные аргументы. Да и какъ бѣдняжкамъ не защищать себя. Вѣдь это только врагамъ всяческаго благородства кажется, что прусскіе помѣщики живутъ въ привольѣ и достаткѣ, гоняютъ зайцевъ и лисицъ, творятъ надъ «подданными» судъ и расправу и владѣютъ государствомъ черезъ дворъ и армію, черезъ парламентъ и чиновничество. На самомъ дѣлѣ обездоленные «земледѣльцы» задушены долгами, задавлены налогами, не знаютъ, какъ они встрѣтятъ завтрашній день, если имъ не преподнесетъ государство еще новый «даръ любви». И вполнѣ естественно, что у такихъ забитыхъ и загнанныхъ пасынковъ отечества очень чувствительное и при томъ въ добродѣтельно-семейномъ смыслѣ сердце. Отсюда и особая семейно-нравственная аргументація.

*) Cp. v. Altrock, Gedanken über die Reichserbschaftsteuer, Berlin. 1908, стр. 18 слѣд.

Проф. Дицель дѣлитъ ее по лейтмотивамъ на нѣсколько категорій. Это мотивъ «кормильца», мотивъ «страждущей вдовы» и мотивъ «семейной работы» *). Къ нимъ мы еще присоединимъ мотивъ народонаселенія и брака. Эти мотивы даютъ слѣдующія мелодіи. Мотивъ «населенія и брака» состоитъ въ томъ, что подъ вліяніемъ налога, которымъ облагается вся наслѣдственная масса безотносительно числа наслѣдниковъ, уменьшится число брачныхъ рожденій, а съ нимъ и населеніе страны, ибо чѣмъ меньше будетъ наслѣдниковъ, тѣмъ менѣе чувствительной для нихъ будетъ наложенная на все наслѣдство доля. Къ этому можно только прибавить, что въ высшихъ и среднихъ аграрныхъ кругахъ населеніе, увы! уже и теперь не такъ быстро увеличивается, какъ это происходитъ, напримѣръ, въ изъятой отъ налога крестьянской средѣ. Значитъ, вреда тутъ большого не будетъ.

Слѣдующій мотивъ—мотивъ «кормильца». Налогъ-де взимается въ тотъ самый моментъ, когда «кормилецъ» семьи только что смежилъ навѣки свои очи. Налогъ взыскивается съ несчастья семьи, съ ея страшной потери. «Налогъ на несчастье» называютъ его аграріи. Однако кормилецъ, оставляющій своимъ наслѣдникамъ болѣе 20000 мар. наслѣдства, не столь тяжкая потеря, какъ тамъ, гдѣ онъ не оставляетъ ничего. 20000 мар.—это все же хоть нѣкоторое возмѣщеніе «кормильца». Конечно, въ сферахъ болѣе состоятельныхъ и само понятіе «кормильца» является довольно спорнымъ: тамъ кормитъ уже не трудъ, а капиталъ.

Мотивъ «семейной работы» по существу противорѣчитъ мотиву «кормильца». Но это, само собой, ничего не значитъ. Подъ семейной работой здѣсь понимается общій трудъ, который несетъ вся семья при созданіи имущества, которое потомъ остается ей же въ наслѣдство. Такая общая «работа» является, однако, совершенно неизвѣстной какъ разъ въ тѣхъ слояхъ, которые подлежатъ обложенію. У крестьянъ такая работа встрѣчается очень часто. Но врядъ-ли кто-либо видѣлъ семью г. барона совмѣстно трудящейся на картофельномъ полѣ! Правда, съ легкой руки проф. Руланда теперь и крупный землевладѣлецъ желаетъ видѣть въ своемъ доходѣ не только ренту, но и свою рабочую плату. Легко отсюда перейти и къ семейному заработку всей баронской семьи. Однако теорія Руланда дальше узкихъ предѣловъ «Союза сельскихъ хозяевъ» пока не пошла.

Мы пощадимъ читателя отъ подробнаго изложенія другихъ столь-же убѣдительныхъ мелодій аграрнаго концерта, поднятаго вокругъ злосчастнаго налога на наслѣдство. Само собою разумѣется, что дѣло не обошлось безъ «страшнаго поврежденія семейныхъ чувствъ и семейныхъ традицій», безъ «кощунственнаго нарушенія печальнаго торжества оплакиванія умершаго» (наслѣдодателя), такъ

*) Dietzel, в. н. с. стр. 29 и слѣд.

же какъ безъ «наглаго попиранія истинно-нѣмецкихъ основъ правового сознанія» и т. п. Хотя, съ другой стороны, указываютъ, что ни въ Англіи, ни во Франціи подобный налогъ ничего не потрясъ, ничьихъ слезъ не опозорилъ, а въ древнемъ германскомъ правѣ, въ противоположность римскому, какъ разъ признано было начало государственнаго наслѣдованія, но что до того! Не даромъ аграріи, закрывъ глаза и заткнувъ уши, твердили свои нелѣпыя, ни на чемъ не основанныя, причитанія: они знали, что дѣлали. Не логикой дѣлается политика, а силой.

И въ тотъ моментъ, какъ я пишу настоящія строки, судьбу наслѣдственаго обложенія, либерально-консервативнаго блока, а вмѣстѣ и канцлерства кн. Бюлова можно считать окончательно рѣшенной. То, чего не могли добиться представители аграрнаго капитала въ Англіи, добились прусско-германскіе юнкеры. Они шли вмѣстѣ съ блокомъ и кн. Бюловымъ, пока это было выгодно. Но позволить обложить свои родовыя и благопріобрѣтенныя имѣнія они не могли. Пока шла рѣчь о тобачномъ, пивномъ и водочномъ акцизахъ, это было очень хорошо. Бароны точно также были великодушны и въ проектированіи спеціальныхъ налоговъ на биржевой и промышленный капиталъ. Теперь дѣло только за правительствомъ принять изобрѣтенный аграріями особый «котировочный» налогъ для биржи. Но сами платить бѣдные, вѣчно-нуждающіеся бароны не хотятъ и не будутъ.

Правительство въ лицѣ кн. Бюлова тѣсно связало свою судьбу съ судьбою наслѣдственнаго обложенія и консервативно-либеральнаго блока. Послѣ провала блока и податного проекта кн. Бюлову приходится уйти. Слишкомъ онъ много и часто своимъ канцлерскимъ словомъ ручался за неприкосновенность податной реформы въ теперешнемъ видѣ, слишкомъ рѣзко выступалъ противъ черной партіи центра. Правда, у него, казалось бы, есть еще одинъ выходъ, къ которому онъ ужъ разъ прибѣгнулъ съ такимъ успѣхомъ, а именно обращеніе къ суду страны, распущеніе парламента, новые выборы и съ ними вмѣстѣ новое и уже болѣе надежное большинство.

Если бы Германія была парламентской страной, то оно такъ бы, несомнѣнно, и было. Но нѣмецкая имперія есть не только государство федеративное, но еще въ довершеніе самодержавно-конституціонное. И какъ мы видѣли выше, такое государство управляется не народомъ, а правительствомъ при помощи особой партійной механики и ариѳметики. Ариѳметика же сейчасъ приводитъ совершенно къ инымъ выводамъ.

Если теперь распустить рейхстагъ, то на почвѣ податной реформы и озлобленія противъ аграріевъ и злосчастныхъ либераловъ возможно только чрезвычайное усиленіе соціалъ-демократіи. А это такая непріятность, которую надо избѣгать всѣми мѣрами. Съ другой стороны, если не удался блокъ либерально-консервативный,

то почему бы не попробовать провести реформу путемъ поддержки со стороны блока аграрно клерикальнаго. И лучше провести реформу безъ наслѣдственнаго обложенія, чѣмъ отложить ее до новаго, еще неизвѣстнаго большинства. Всегда возможна вмѣстѣ съ тѣмъ замѣна погибшаго налога какимъ-нибудь другимъ обложеніемъ спеціально биржи или индустріи, такъ какъ либераловъ и ихъ протеста опасаться нечего, а невозможный «котировочный» налогъ можно возмѣстить какимъ-нибудь инымъ, болѣе приличнымъ. Вѣдь главное—это получить полмилліарда изъ народнаго кошелька, а какими путями—не все ли равно? Впрочемъ, этотъ выходъ не такъ ужъ плохъ и въ другомъ отношеніи. Опора престола и отечества, главная сила, на которую должно опираться всякое реакціонное правительство,—аграрно-консервативный классъ не только не отталкивается такой политикой, но, наоборотъ, еще болѣе приближается къ своему истинно-государственному назначенію. И въ компаніи съ центромъ юнкерство выглядитъ еще лучше.

Прощаніе съ кн. Бюловымъ врядъ ли также доставитъ кому-либо особенно горькія минуты. Канцлеръ всегда больше балансировалъ и политиканилъ, чѣмъ дѣлалъ настоящую политику. И надо было на этомъ стоять или, вѣрнѣе, танцовать. Съ либерально консервативнымъ блокомъ Бюловъ затѣялъ нѣчто вродѣ самостоятельной игры. Ему какъ будто захотѣлось настоящаго парламентскаго большинства, и при томъ съ оттѣнкомъ «либерализма». Повидимому, князь Бюловъ такъ былъ ослѣпленъ призракомъ спеціально бюловскаго консервативнаго либерализма, что онъ даже не обратилъ настоящаго вниманія на нѣкоторую холодность «наверху», когда онъ сталъ такъ замѣтно на сторону общества въ извѣстной исторіи съ депешей Вильгельма II. И вполнѣ естественно, что такая попытка не могла пройти даромъ. За «либерализмъ» князь долженъ былъ поплатиться. Съ наслажденіемъ его теперь сбросили съ канцлерскаго кресла аграріи.

Мораль сей басни такова: въ самодержавно-конституціонной странѣ министръ не смѣетъ идти противъ монарха, хотя бы пишущаго депеши и говорящаго тосты на манеръ Вильгельма II, не долженъ имѣть никакихъ, даже самыхъ маленькихъ, принциповъ, и не смѣетъ заводить ни своего собственнаго большинства, ни тѣмъ болѣе, хотя бы и весьма консервативнаго, либерализма! Подавно такому министру не дано высокаго права держать свое собственное честное слово.

О покинутыхъ, опозоренныхъ, жалкихъ либералахъ, которыхъ выбросили за окно, какъ старую тряпку, остается сказать только два слова. Они сейчасъ въ защиту своихъ правъ и чести образовали новый «ганзейскій союзъ»—«Hansa-Bund». Верховное положеніе въ немъ заняли банки и банкиры, которые очень обезпокоены возможнымъ обложеніемъ одного денежнаго, въ частности банковаго обращенія и капитала. Но нѣмецкій либерализъ не былъ

бы либераломъ, если-бы ему удалось создать что нибудь подобное аграрной организаціи юнкерства. Финансовая реформа обойдется и безъ либерализма!

Реусъ.

Хроника внутренней жизни.

1. Некуда. Въ поиски единенія со страной и примиренія съ общественнымъ мнѣніемъ Европы. — 2. Мѣдный всадникъ Знаменской площади. Кашинскія торжества. — 3. Депутатскій вояжъ передъ оффиціальными визитами. Наши въ Лондонѣ. Случай въ шхерахъ. — 4. Ландезенъ-Гартингъ и наши въ Парижѣ. Есть ли шансы на примиреніе?—5. Какъ г. Курловъ устраивалъ единеніе власти съ народомъ? Итогъ полтавскихъ празднествъ.

I.

Минута раздумья. Не то, чтобы ослабѣла репрессивная жесточь, или явилась мысль: а не выполнить ли и въ самомъ дѣлѣ обѣщанія 17 октября? Нѣтъ, все у насъ по прежнему въ полномъ порядкѣ. По прежнему жесточь—даже день ото дня откровеннѣе. На счетъ же обѣщаній мы твердо знаемъ, что ежели дать, къ примѣру, свободу, то возьмутъ и землю, а это—огромный соціальный переворотъ, который, во-первыхъ, ведетъ къ упраздненію дворянства, а, во-вторыхъ, неминуемо задѣнетъ и сложившуюся исторически государственную власть. И тѣмъ болѣе задѣнетъ, что въ населеніи за послѣдніе годы репрессій неминуемо должны были сложиться тѣ или иныя чувства, и на сколько они благопріятны для власти, отъ которой репрессіи исходили, и на которую сама собою упала историческая отвѣтственность за нихъ,—Богъ вѣсть. Завязли мы въ этомъ проклятомъ узлѣ. Живемъ—какъ въ болотной трясинѣ сидимъ. День прошелъ, не засосало — ну, и слава Богу. Однако, нынче слава Богу, завтра слава Богу, а на третій день оглянешься вокругъ и жутко станетъ. Чѣмъ живемъ? Въ чью голову? Защищаемъ, къ примѣру, изъ послѣднихъ силъ политическую роль дворянства, а оно изничтожается, таетъ—вотъ какъ случается съ растеніями, у которыхъ не то корень подгнилъ, не то стебель утренниками пришибленъ. Листъ за листомъ вянетъ, сохнетъ, чахнетъ и быстро такъ... Подсчиталъ недавно «Голосъ Москвы» Саратовскую губернію,—оказалось, что за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ мѣстное первенствующее сословіе исчезло почти на половину... А мы-то изъ-за нихъ копья ломаемъ!.. Или—стараемся мы поднять престижъ администраціи, надѣляемъ ее сверхъестественными полномочіями, а «по губерніямъ», что ни день, то скандалъ. До чего

дошло, — въ Одессѣ даже газеты уличили генерала Толмачева въ оффиціальномъ порученіи представительства лицу, которое подчиненная самому же г. Толмачеву полиція разыскиваетъ и никакъ не можетъ найти. Въ Архангельскѣ и того лучше «отличились»: въ оффиціальныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ объявили г. Дубровина «главою русскаго народа»... Кромѣ скандаловъ, опять урожайное неблагополучіе. Несутся вопли о продовольственной помощи. Промышленность катится подъ гору. Нищета. Голодъ, эпидеміи. На что ужъ г. Меньшиковъ, а и тотъ недавно завопилъ:

— Да не лучше ли, говоритъ, бросить, наконецъ, все? Оставимъ себѣ армію и судъ, а на счетъ всего остального,—пусть населеніе само устраивается, какъ хочетъ.

Совсѣмъ какъ въ старой польской пѣсенкѣ мечтаетъ капризная красавица: «для моего счастья мнѣ немного нужно — красивый другъ сердца да кусокъ съ нимъ хлѣба». Впрочемъ, размышляя на эту тему, капризная красавица постепенно приходитъ къ выводу, что, кромѣ друга сердца и куска хлѣба, для ея счастья нужно и еще кой-какіе пустяки: садъ, въ саду фонтаны, верховыя лошади, упряжныя лошади, англійская карета, а сверхъ того, чтобъ «веселыя были думки», нужна съ деньгами сумка. Для счастья г. Меньшикова тоже, сверхъ войска и суда, понадобятся кой-какіе пустяки. Во-первыхъ, онъ забылъ упомянуть охранное отдѣленіе... А во-вторыхъ, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, нужна съ деньгами сумка. Войско безъ денегъ все равно, что пушка безъ снарядовъ; не оружіе, а обуза. Не обойдется г. Меньшиковъ безъ г. Коковцева; не обойдется и безъ директора департамента полиціи. А сверхъ того, никакъ нельзя и безъ казенныхъ объявленій въ «Новомъ Времени»... Выйдетъ, пожалуй, что для нашего счастья нужно оставить все, какъ оно есть.

Раздаются и другіе вопли:

— Вѣдь жили же мы до 1905 г. и жили лучше, чѣмъ теперь. Уничтожимъ всѣ эти новшества, упразднимъ Думу...

Хорошее бы это дѣло — Думу упразднить и новшества уничтожить. Но и для такого счастья нужны, сверхъ этихъ фундаментальныхъ реформъ, нѣкоторые пустяки. Нужна прежде всего сумка съ деньгами, а мы имѣемъ только сумку. Денегъ нѣтъ. Правда, у насъ есть изобрѣтательность. Между прочимъ, въ послѣднее время мы потихоньку выпускали за границей «частныя» желѣзнодорожныя облигаціи и выпустили ихъ за годъ въ Парижѣ почти на 120 милліоновъ франковъ, да въ Лондонѣ почти на 90 милліоновъ *). Но, во-первыхъ, 200 милліоновъ по нашимъ надобностямъ — пустякъ. Во-вторыхъ, заграничные биржевики уже замѣтили нашу изобрѣтательность и подняли шумъ, требуютъ «не злоупотреблять такого рода операціями». А главное,—они сравниваютъ эту операцію съ

*) Рѣчь, 1 іюля.

государственнымъ займомъ и при этомъ объясняютъ заграничной публикѣ, что заемъ скрѣпляется обязательствомъ отъ имени всей страны при посредствѣ Государственной Думы, а облигаціи гарантированы лишь правительствомъ. Съ правительствами по нынѣшнимъ временамъ всяко случается, а ежели на правительственномъ векселѣ стоитъ бланкъ отъ имени народа, — то много надежнѣе... Дадутъ ли еще взаймы или не дадутъ,—не выяснено. Но если Дума подпишетъ бланкъ,—можетъ быть, дадутъ. А ежели безъ бланка,—вексель-то, пожалуй, такъ и останется неучтеннымъ. Отчего бы и не уничтожить Думу, но кто же вмѣсто нея будетъ исполнять обязанности бланконадписателя? Въ концѣ концовъ, если вѣрить газетнымъ свѣдѣніямъ, даже г. Марковъ сталъ убѣждать союзниковъ въ Полтавѣ, что бланконадписательное учрежденіе надо терпѣть. Такимъ образомъ выходитъ: впередъ нельзя, ибо это грозитъ соціальнымъ переворотомъ; назадъ нельзя, ибо, помимо всего прочаго, одна правительственная подпись подъ векселями не считается достаточной. Нынѣшнее положеніе опять таки оказывается единственно возможнымъ въ пріемлемыхъ властью условіяхъ.

Психологически, быть можетъ, наиболѣе невыносимы въ этомъ положеніи не столько внѣшнія обстоятельства, изъ которыхъ оно складывается, сколько изолированность и одиночество. Сейчасъ власть, во всякомъ случаѣ, не меньше, если не больше одинока, чѣмъ даже во времена Плеве. Противъ нея общественное мнѣніе Европы, въ которой нынѣшняя русская система управленія—либо предметъ возмущенія и ужаса (какъ смертныя казни), либо поводъ для жестокихъ разоблаченій и насмѣшекъ. Съ общественнымъ мнѣніемъ Россіи и настроеніемъ широкихъ народныхъ массъ эта система управленія также въ глубокомъ разладѣ. Правительство «кипитъ въ собственномъ соку». Вотъ и находятъ минуты раздумья:

— Нельзя ли найти точки соприкосновенія съ публикой и дома, и за границей. Какъ бы ни былъ глубокъ разладъ, но должны же найтись чувства и мысли, одинаково понятныя и г. Столыпину, и, скажемъ, г. Милюкову, и г. Курлову и, напр., Клемансо. Пусть для связей на почвѣ этихъ общихъ чувствъ и мыслей понадобятся съ нашей стороны нѣкоторыя уступки. Въ крайнемъ случаѣ можно и уступить,—конечно, въ предѣлахъ пріемлемыхъ властью условій,—въ предѣлахъ, не грозящихъ конституціей и соціальнымъ переворотомъ. Можно, къ примѣру, вѣшать не 150 въ мѣсяцъ, а только 75, штрафовать редакторовъ не на 3000 р., а только на 500. Пусть. Лишь бы удалось купить этой цѣной «общеніе», выйти изъ состоянія отчужденности и одиночества.

Кстати нѣсколько послѣднихъ недѣль дали не одинъ поводъ, если не для самого общенія, то для попытокъ найти почву, установить точки соприкосновенія. Явилась возможность открыть памятникъ Александру III на Знаменской площади въ Петербургѣ. Во

всѣхъ вѣдь Европахъ открытіе монументовъ сближаетъ власть съ обществомъ. Канонизировали вновь Анну Кашинскую, — общеніе власти и народа на почвѣ религіозныхъ чувствъ. Подоспѣли какъ разъ и дни «Полтавскаго юбилея». Патріотическія воспоминанія о побѣдѣ, положившей начало внѣшнему могуществу Россіи, — гдѣ найти лучшій поводъ для обнаруженія чувствъ, одинаково понятныхъ и власти, и народу?.. Открывался цѣлый рядъ «знаменательныхъ торжествъ». Пожалуй, даже многовато торжествъ. А подъ кликъ безпрерывныхъ торжествъ, такъ сказать заслоняющихъ будничную и вовсе не торжественную жизнь страны, предполагался цѣлый рядъ визитовъ за границу... Условія для сближенія, такимъ образомъ, были вполнѣ благопріятныя. Желаніе использовать ихъ также было. А что изъ этого вышло,—сейчасъ увидимъ.

II.

Начну хотя бы съ «мѣднаго всадника на Знаменской площади». Здѣсь не мѣсто входить въ художественную оцѣнку. Да и не мое это дѣло. Мнѣ приходится лишь напомнить, что открытіе памятника вызвало довольно-таки скандальный шумъ, не стихнувшій до сихъ поръ. На этотъ разъ «правыя» и «лѣвыя» мнѣнія въ общемъ сошлись: на казенныя деньги трудами самой власти и по ея иниціативѣ Знаменская площадь столицы украсилась «памфлетомъ на минувшее царствованіе». На мой личный взглядъ, для власти это хуже, чѣмъ памфлетъ. По моему, въ памятникѣ хорошо удержана неуловимая черта, которая отграничиваетъ серьезное произведеніе искусства отъ художественной карикатуры. Это—именно серьезное произведеніе искусства, удивительно передающее внѣшнюю самодовольную мощь безпросвѣтной реакціи и вмѣстѣ съ тѣмъ ея внутреннее безсиліе. Разумѣется, эта общая оцѣнка новаго монумента вызываетъ различныя отношенія къ нему. «Слѣва» есть голоса, что такъ именно и нужно было увѣковѣчить минувшее царствованіе. Часть «правой» печати, наоборотъ, сильно раздражена:

> Глубокій нравственный вредъ—писало, напр., «Новое Время» — оставить памятникъ императору въ карикатурномъ видѣ. Нельзя допустить, чтобы изо дня въ день, изъ года въ годъ, цѣлые вѣка прохожіе глядѣли на памятникъ и улыбались. Лучше было бы теперь, пока впечатлѣніе не успѣло распространиться по всей странѣ, вновь закрыть памятникъ и привести его въ сколько-нибудь достойный видъ. Вы скажете: это будетъ скандалъ на весь художественный свѣтъ. Можетъ быть. Но лучше претерпѣть маленькій конфузъ, который быстро будетъ забытъ среди безчисленныхъ нашихъ конфузовъ, чѣмъ оставлять въ дѣйствіи постоянно возбуждающее дурныя чувства зрѣлище, отлитое въ бронзу (цит. по «Рѣчи», 31 мая).

«Вновь закрыть» только что открытый памятникъ, однако, не такъ то просто. Было бы, пожалуй, легче, если бы имѣлась воз-

можность найти виноватаго, привлечь по данному поводу къ отвѣтственности инородческую или какую-либо вообще крамольную «интригу». Но въ томъ и суть, что памятникъ сооружался внѣ крамольныхъ и вообще постороннихъ вліяній. «Сами» задумали сооружать. Сами нашли и пригласили по своему вкусу скульптора князя «Паоло» Трубецкого,—удивительнаго скульптора, совершенно чуждаго «превратныхъ» идей, не читающаго ни книгъ, ни газетъ, не интересующагося никакими политическими или соціальными вопросами. Въ нашъ зараженный «безсмысленными мечтаніями» вѣкъ найти человѣка, который просто «лѣпитъ», только «лѣпитъ», и ничѣмъ, внѣ своей лѣпки, общественнымъ не интересуется—удача чрезвычайная. Средствъ не жалѣли. Сооружался монументъ подъ наблюденіемъ, между прочимъ, такого испытаннаго, разносторонняго и преданнаго «слуги трехъ императоровъ», какъ гр. Витте. Помимо этого «генія своей среды», за работами наблюдали разныя другія болѣе или менѣе высокопоставленныя лица. Наконецъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, нѣсколько готовыхъ проектовъ было забраковано; скульптору приходилось начинать сызнова, многое исправлять и передѣлывать, прежде чѣмъ вкусъ сановниковъ былъ удовлетворенъ. Памятникъ въ его нынѣшнемъ видѣ—опять-таки по газетнымъ свѣдѣніямъ—не только былъ просто одобренъ, но и вызвалъ восхищеніе; восхищались, между прочимъ, удивительнымъ сходствомъ... И только, когда памятникъ былъ открытъ, обнаружилось, что онъ «дискредитируетъ идею самодержавія», возбуждаетъ «дурныя чувства» какъ разъ противъ тѣхъ «святѣйшихъ началъ», защитѣ и укрѣпленію которыхъ было посвящено минувшее царствованіе. Предполагать, что художникъ задавался «цѣлями памфлета», конечно, нельзя. Его бѣда, повидимому, въ томъ, что онъ, какъ говорятъ, «врагъ академической условности», хотѣлъ быть реальнымъ, «добивался» именно «удивительнаго сходства» и «добился». И его ли вина, что монументъ, вызвавшій одобреніе и даже восхищеніе высокопоставленныхъ особъ, оказался «возбуждающимъ такія чувства» въ народѣ? Тутъ ужъ приходится пенять на какое-то странное различіе вкусовъ, представленій и взглядовъ... Словомъ, открытіе памятника доказало, что угодно, только не возможность найти точки соприкосновенія съ общественнымъ мнѣніемъ страны. Скорѣе, наоборотъ,—памятникъ вскрылъ, что отчужденность «наша» болѣе значительна, чѣмъ можно было предполагать.

Печать еще полна была сужденій по поводу удивительнаго монумента, какъ начались «кашинскія торжества»,—«вторичное открытіе мощей княгини Анны Кашинской». Напомню вкратцѣ, что первоначально угодница, именуемая княгинею Анною, была канонизирована въ 1649 г., но эта канонизація отмѣнена постановленіемъ церковнаго собора въ 1678 г.—«ради большихъ ошибокъ, несогласій и несообразностей въ житіи». Таковъ былъ оффиціальный мотивъ. И надо замѣтить, что указанія собора на

«ошибки, несогласія и несообразности въ житіи княгини Анны» до сихъ поръ не опровергнуты даже ревностными поклонниками этой святой. Послѣдніе, однако, мало полагаются на оффиціальные мотивы соборнаго постановленія, резонно указывая, что если развѣнчивать святыхъ на основаніи ошибокъ въ житіяхъ, то развѣнчать придется очень многихъ. И давно, даже въ русской духовной литературѣ, высказывалась догадка, что «настоящимъ», хотя и скрытымъ, мотивомъ собора было «двуперстное сложеніе руки для крестнаго знаменія». Теперь, по случаю вторичной канонизаціи, эта догадка была принята прессою, какъ единственно правильная и основательная, хотя надо сказать, что «основательность» эта тоже подвержена сомнѣніямъ. Соборъ запретилъ святую, потому что ея персты сложены «по-раскольничьи»... Въ этомъ обличительномъ мотивѣ потонулъ естественный вопросъ: гдѣ собственно обнаружено, что персты сложены «по-раскольничьи», и почему это обстоятельство могло смутить отцовъ собора 1678 г.? Кому хоть сколько-нибудь извѣстно состояніе мощей и порядокъ храненія ихъ, тому нечего объяснять, что то или иное положеніе останковъ руки смутить соборъ едва ли могло. Нагляднѣе и показательнѣе для мірянъ изображеніе святой на иконахъ или на покровахъ раки. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ старинныхъ изображеніяхъ Анны Кашинской «знаменованіе двуперстное». Между прочимъ, среди телеграммъ «Голоса Москвы» отъ 13 іюня находимъ и такое сообщеніе изъ Кашина:

старообрядцы сегодня замѣтили, что на древней плащаницѣ, находящейся въ Воскресенскомъ соборѣ, изображенное двуперстіе замѣнено трехперстіемъ; они ходатайствуютъ о возстановленіи на плащаницѣ древняго изображенія.

Если вѣрить дальнѣйшимъ газетнымъ свѣдѣніямъ, то древній покровъ, по настоянію старообрядцевъ, подвергся спеціальному обслѣдованію, при чемъ обнаружилось, что прежнее двуперстное изображеніе скрыто вновь нашитымъ трехперстнымъ. Сколько я могъ замѣтить, этотъ характеръ подновленія древнихъ памятниковъ отечественной иконописи оффиціально не подтвержденъ. Но, вообще говоря, бываетъ такъ и можетъ быть. Изображенія стараго до-никоновскаго перстосложенія уцѣлѣли до сихъ поръ. Въ 1678 г. при патріархѣ Іоакимѣ они встрѣчались сплошь и рядомъ. Теперь слѣды старины можетъ «изглаживать» миссіонеръ Скворцовъ. Но вѣдь еще удобнѣе было дѣлать это патріарху Іоакиму. Наконецъ, если послѣдній, а за нимъ и соборъ, почему-то затруднились «исправить» или удалить неудобныя съ ихъ точки зрѣнія изображенія, если это обстоятельство играло нѣкоторую роль въ соборномъ опредѣленіи, то всетаки оно не опровергаетъ и не опорочиваетъ оффиціальныхъ мотивовъ собора.

Нельзя было при организаціи «кашинскихъ торжествъ» не

считаться также и съ нѣкоторыми формальными соображеніями. Сколько мнѣ извѣстно, старый вопросъ объ Аннѣ Кашинской предполагалось внести, въ числѣ другихъ частныхъ церковныхъ вопросовъ, на проектируемый въ 1905—6 гг. «всероссійскій соборъ». И это понятно. По каноническимъ правиламъ, запрещеніе, наложенное соборомъ, только соборомъ же можетъ быть отмѣнено. Но отъ мысли созвать соборъ пришлось, какъ извѣстно, отказаться. Между тѣмъ, нынѣшнее настроеніе правящихъ верховъ весьма благопріятно къ возможности новыхъ канонизацій. И право отмѣнить соборное рѣшеніе было предоставлено синоду. Другими словами, въ самомъ установленіи «кашинскихъ торжествъ» оказалось нѣчто, одинаково неудобное и для престижа власти, и для авторитета церкви.

Какими бы мотивами ни руководился соборъ 1678 г., кѣмъ бы и чѣмъ бы ни было продиктовано его постановленіе, но, по крайней мѣрѣ формально, государственная власть была защищена отъ нареканій, что ея воля, или даже ея капризъ можетъ играть рѣшительную роль даже въ такихъ вопросахъ, какъ канонизація. Взглянемъ на дѣло съ точки зрѣнія той сѣрой массы, на религіозное чувство которой разсчитаны такія торжества. Была Анна Кашинская святой; потомъ много лѣтъ начальство приказывало не считать ее за святую; запрещалось пѣть ей молебны; храмъ ея имени велѣно переименовать въ храмъ всѣхъ святыхъ; ея иконы было приказано отбирать; по разсказамъ мѣстныхъ людей, онѣ даже сжигались усердствующею полиціей. Были, повторяю, нареканія:

— Полицейскіе генералы святую разжаловали.

Но противъ этихъ нареканій имѣлось убѣдительное возраженіе:

— Нѣтъ, не полицейскіе генералы, а соборъ съ патріархомъ во главѣ.

Теперь святую не только разрѣшили, но и приказали считать святой. Приказали безъ собора, и значитъ въ данномъ случаѣ дѣло совсѣмъ не въ соборѣ, а все зависитъ отъ начальства. Отвѣтственной за прежнее запрещеніе, какъ и за нынѣшнее разрѣшеніе, оказалась государственная власть. И вмѣстѣ съ тѣмъ сѣрая благочестивая масса, быть можетъ, впервые оказалась посвященной въ тѣ условности, съ какими связана всякая вообще канонизація.

Въ печати уже установлено, что кашинскія торжества вышли далеко не столь внушительными, какъ предполагалось. Ждали многолюдства. И оказалось, напр., что, по оффиціальнымъ даннымъ, «съ 10 іюня до полудня 11 на 5 постоянныхъ и шести дополнительныхъ поѣздахъ въ Кашинъ прибыло вмѣсто ожидавшихся 43000 человѣкъ «всего 2488» *). Да и вообще все время передъ открытіемъ мощей «поѣзда прибывали на-половину пустыми». Богомольцевъ собралось значительно меньше, чѣмъ ожидалось. Были

*) „Рѣчь", 20 іюня.

наготовлены запасы печенаго хлѣба по разсчету на 30000 человѣкъ. И послѣ торжествъ, по отзыву газетныхъ корреспондентовъ, на улицахъ Кашина остались нетронутыми «буквально горы чернаго хлѣба, ситнаго, булокъ, непочатыя бочки кваса» *). По заявленію самого предсѣдателя комитета кашинскихъ торжествъ, пищевые запасы оказались болѣе значительными, чѣмъ требовалось собравшимся богомольцамъ, и «остатки» пришлось ликвидировать. Помимо этого—относительнаго, конечно,—малолюдства, корреспонденты отмѣтили и другую черту кашинскихъ празднествъ:

Когда открытіе торжествъ въ честь Анны Кашинской было подготовлено,—пишетъ, напр., „Современное Слово"—не мало спеціалистовъ-психологовъ отправилось на мѣсто, чтобы... изслѣдовать... факты массовыхъ галлюцинацій. Они добросовѣстно ходили и наблюдали... На лицо были тѣ же условія, какъ и раньше, та же неинтеллигентная толпа, то же утомленіе, недостаточность питанія, но не было того, что... называется настроеніемъ, предшествующимъ обману чувствъ, не было того религіознаго экстаза, который предшествуетъ массовымъ видѣніямъ и галлюцинаціямъ. Празднество было болѣе реальнымъ, чѣмъ предполагалось. Торжество не дало матеріала для наблюденія религіозныхъ аффектовъ, за то... пришлось устанавливать новое явленіе: ...исчезла массовая вѣра въ видѣніе, нѣтъ ни экстаза, ни реальнаго чуда (Цит. по „Кіевскимъ Вѣстямъ", 27 іюня).

Я не знаю, кто эти «спеціалисты-психологи», на которыхъ ссылается газета, и въ какой мѣрѣ доказательна ссылка на нихъ. Но что настроеніе было съ «холодкомъ»,—это бросалось въ глаза даже не «спеціалистамъ». По отзыву «Голоса Москвы», богомольцевъ расхолаживали дожди и ливни... Помимо дождей, что-нибудь значитъ общій кризисъ православія и нынѣшнее «неблагонадежное» умонаклоненіе народной массы. Но кое-какое значеніе, мнѣ кажется, должны были имѣть и особыя условія даннаго празднества. По крайней мѣрѣ, мнѣ лично—правда, вдали отъ Кашина—пришлось слышать такіе, примѣрно, отзывы сѣрыхъ и богомольныхъ людей:

— Нынче открыли старую святую, а завтра, глядишь, опять закроютъ. Выходитъ, они и въ царствѣ небесномъ распоряжаются... Не разберешь теперь, что по Божьему суду свято, а что по ихнему приказу...

Я сильно смягчаю выраженія и тѣмъ значительно ослабляю впечатлѣніе протеста противъ примѣненія привычныхъ для начальства пріемовъ властвованія къ такому деликатному случаю, какъ спорный вопросъ о канонизаціи Анны Кашинской. Въ самомъ дѣлѣ,—вчера еще православные миссіонеры въ собесѣдованіи со старообрядцами въ отвѣтъ на упреки о запрещеніи этой святой доказывали ссылками на соборное постановленіе, что самое существованіе лица, канонизированнаго въ 1648 г., позднѣйшимъ соборомъ подвергнуто сомнѣнію. И вдругъ приказано не сомнѣваться...

*) „Рѣчь", 14 іюня.

Тутъ есть соблазнъ не только для простыхъ міряиъ, но и для самихъ миссіонеровъ. Въ такомъ порядкѣ можно издавать обязательныя постановленія. Но онъ совершенно не годится тамъ, гдѣ важно не столько приказать, сколько убѣдить.

Не могли не вліять на настроеніе собравшихся богомольцевъ и распорядки, установленные во время самаго праздества. Начальство, видимо, хотѣло «устроить все, какъ слѣдуетъ». Оно заботилось. Проявляло, пожалуй, даже кипучую дѣятельность, не щадя ни средствъ, ни трудовъ. Тверской губернаторъ, напр., лично прибылъ въ Кашинъ, лично «руководилъ подготовительными постройками и, не покладая рукъ, заботился объ удобствахъ богомольцевъ». Газеты отмѣчали даже стараніе губернатора придать дѣлу, такъ сказать, неоффиціальный, не казенный видъ; подчеркивалось, напр., что онъ облачился не въ мундиръ, а въ какой-то «свѣтлый костюмъ» и «шляпу-панаму»... Правда, «удобствъ для богомольцевъ» вышло немного. Строили какіе-то бараки, а богомольцамъ все-таки пришлось проводить ночи подъ открытымъ небомъ, несмотря на дожди. Запасали пищу, даже въ большемъ количествѣ, чѣмъ нужно, и упустили изъ виду такую, напр., мелочь:

Составленъ былъ маршрутъ (крестнаго хода изъ Калязина въ Кашинъ), но никто не ударилъ палецъ о палецъ для упорядоченія пути, хотя сдѣлать это было и совсѣмъ не трудно и совсѣмъ недорого. Отъ Калязина до Кашина почти всѣ 20 верстъ шоссе. Но въ нѣсколькихъ мѣстахъ дорога прерывается грязной лужей, и это болото нельзя обойти,— чѣмъ дальше отъ дороги, тѣмъ грязнѣе. И вотъ вся процессія, съ иконами и хоругвями, мѣсила эту грязь. А стоило бы на эти мѣста привезти по возу земли и хворосту, и все бы прошло гладко („Утро“, 17 іюня).

Пусть эти мелочи надо отнести за счетъ нераспорядительности. Но вотъ одинъ изъ примѣровъ распорядительности. Около раки появляется женщина:

два здоровенныхъ городовыхъ наклоняютъ ее и прижимаютъ къ изображенію святой. Она распластала руки по ракѣ, уцѣпилась конвульсивно за края ея и продолжаетъ кричать и топать ногами... Городовые долго держатъ больную распластанной... Видно, какъ багровѣютъ ихъ лица отъ усилій удержать ее... Городовой, только что смѣнившійся съ этого труднаго поста, разсказываетъ о кликушѣ:

— Долго бѣсъ не выходилъ. Наконецъ, показалась кровь изо-рта... Тогда отошла ..

По окончаніи припадка истеричку свели къ какому-то высокому сѣдому человѣку. Тотъ записалъ ея мѣстожительство, время болѣзни. Потомъ спрашиваетъ:

— Исцѣлилась?

— Исцѣлилась,—отвѣчала больная.

— Распишись...

И больная расписалась... („Кіевскія Вѣсти“, 17 іюня).

Поневолѣ распишешься въ «виду двухъ здоровенныхъ городовыхъ»... Не знаю, была ли дана городовымъ инструкція держать

непремѣнно до тѣхъ поръ, пока «не выйдетъ бѣсъ», хотя бы вмѣстѣ «съ кровью изо рта», или они въ этомъ случаѣ проявили усердіе отъ собственнаго разума. Характерно, во всякомъ случаѣ, что мѣстному начальству, видимо, «въ голову не приходило», до какой степени неумѣстны эти «здоровенные городовые» въ столь деликатномъ мѣстѣ и для столь деликатной роли. Неумѣстность и этого «распластыванія» больныхъ, и этихъ пріемовъ регистраціи «чудесъ» подъ полицейскимъ эскортомъ, казалось бы, очевидна. Казалось бы, каждому человѣку ясно, что такими пріемами можно лишь оскорбить религіозное чувство богомольцевъ. Но—увы!—для мѣстнаго начальства это совсѣмъ не ясно. «Не мудрствуя лукаво», оно перенесло къ гробницѣ святой то же отношеніе къ деликатнымъ человѣческимъ чувствамъ, какое практикуется въ участковыхъ кордегардіяхъ. «Привычка обращаться съ народомъ» оказалась «второю натурой» не только у «здоровенныхъ городовыхъ», но даже у монаховъ и монахинь: тоже вѣдь «начальство». Какія-то весьегонскія старухи

шли двѣсти верстъ пѣшкомъ. Пришли, приложились къ благовѣрной, положили „новины" на раку и вышли изъ собора. Наступила ночь. Онѣ отправились въ женскій монастырь. Монашки предложили имъ сарай... Старухи взмолились.

— Дайте хоть переобуться въ теплѣ...

Пустили въ кельи, взяли по копѣйкѣ и набили, какъ сельдей въ бочкѣ.

— Спали всю ночь, сидя, не раздѣваясь. А на утро повели прикладываться къ иконамъ. Приложишься—давай копѣйку („Кіевская Мысль", 17 іюня).

Непремѣнно, чтобъ приложились. И непремѣнно, чтобъ по копѣйкѣ положили. Въ порядкѣ обязательнаго постановленія... Какое же можетъ быть иное отношеніе къ человѣческому достоинству «весьегонской старухи», къ ея интимнѣйшимъ религіознымъ чувствамъ и мыслямъ?

Рѣзко-враждебныя поученія миссіонеровъ относительно старообрядцевъ, принявшихъ участіе въ торжествѣ, довершили общее тяжелое впечатлѣніе отъ этого праздника. Вспыхнувшая у останковъ вторично канонизированной святой борьба старообрядчества съ православнымъ духовенствомъ лишь подчеркнула неудачу всего замысла... Конечно, установленную программу торжествъ начальство выполнило. Но слишкомъ ужъ упрощенный порядокъ, въ какомъ совершилась отмѣна соборнаго опредѣленія, смутилъ религіозное чувство вѣрующихъ далеко за предѣлами Кашина. А религіозное чувство прибывшихъ въ Кашинъ едва ли могло примириться съ манипуляціями «здоровенныхъ» городовыхъ. Почва для единенія власти съ народомъ и въ этомъ случаѣ ускользнула. На лицо оказался и еще однимъ способомъ подчеркнутый разладъ. Одновременно не болѣе успѣшными оказались и первые шаги по пути примиренія съ общественнымъ мнѣніемъ Западной Европы.

III.

Не лишне, пожалуй, напомнить, что европейское общество заняло довольно опредѣленную позицію къ оффиціальной Россіи еще при Плеве, приблизительно со временъ кишиневскаго погрома 1903 г. «Кишеневское дѣйство» было каплей, переполнившей мѣру заграничной терпимости. На долю «экспансивныхъ» итальянцевъ выпало обнаружить это обстоятельство въ наиболѣе рѣзкой формѣ. Съ тѣхъ поръ отношенія между Россіей и за-границей перешли на почву чисто дѣловыхъ, оффиціальныхъ связей. Былыя празднества, въ родѣ «французскихъ визитовъ», отошли въ область преданій. Отъ мысли непосредственнаго соприкосновенія представителей россійскаго оффиціальнаго міра съ «заграничной толпой» пришлось отказаться. Позднѣйшія событія,—а среди нихъ было не мало и погромовъ, еще болѣе убѣдительныхъ, чѣмъ кишиневскій—не позволяли надѣяться, что это печальное для нашихъ оффиціальныхъ сферъ положеніе вещей измѣнится къ лучшему. „Пунктомъ», съ котораго начинается поворотъ въ благопріятную сторону, послужила выдающаяся человѣколюбивая дѣятельность русскихъ матросовъ во время Мессинскаго землятрясенія. Высоко оцѣненный заграницей подвигъ русскихъ матросовъ сопровождался отзывчивымъ отношеніемъ и нашихъ оффиціальныхъ лицъ къ пострадавшему отъ страшнаго стихійнаго бѣдствія итальянскому населенію. Соотвѣтствующую лепту внесли и «думскіе люди»,—достаточно напомнить русско-итальянскій комитетъ г-жи Хомяковой. Сообразно этому благопріятному повороту, видимо, сталъ мѣняться взглядъ и вообще на непосредственныя связи «думскихъ людей» съ «за-границей».

Навѣрное, многимъ памятно, какой рѣдкій, озлобленный шумъ подняли «охранители», не исключая и октябристовъ, по случаю поѣздки г. Милюкова въ Америку. Попытка обвинить «кадетскаго лидера» въ томъ, что онъ во время поѣздки «велъ пропаганду противъ россійскихъ властей», не удалась. Но, главное, хотя и не высказанное прямо, обвиненіе осталось неопровергнутымъ:

— Представителя нелегальной, преслѣдуемой партіи пригласили и чествовали, а если мы, правительственные люди, поѣдемъ, то чествованій, пожалуй, не дождемся...

Многимъ, навѣрное, памятенъ и другой шумъ, поднятый года полтора назадъ по случаю ожидаемаго прибытія англійскихъ общественныхъ дѣятелей въ Россію. Правительство заняло тогда столь угрожающую позицію, что пріѣздъ «гостей изъ Англіи» не состоялся. Весною нынѣшняго года появилось извѣстіе, что г. Гучковъ наравнѣ съ г. Милюковымъ вступилъ въ международную парламентскую лигу, ставящую своею цѣлью «сближеніе народовъ», между прочимъ, «посредствомъ обмѣна визитовъ, ознакомленія представи

телей одной страны съ институтами и жизнью другихъ странъ». «Въ послѣднее время произошло много такихъ обмѣнныхъ визитовъ между общественными дѣятелями Англіи, Франціи и Германіи» [1]). Въ началѣ іюня, тотчасъ по окончаніи думской сессіи, «поѣхали въ Лондонъ и наши»,—депутаты Думы въ сопутствіи нѣсколькихъ членовъ Государственнаго Совѣта. Въ числѣ поѣхавшихъ были, между прочимъ, такіе видные представители правительственнаго большинства, какъ гг. Хомяковъ, Гучковъ, Шидловскій, гр. Бобринскій. И уже одно участіе такихъ, въ своемъ родѣ «громкихъ», именъ заставляло догадываться, что эта поѣздка предпринята съ вѣдома и одобренія правительства. Догадку вполнѣ подтвердилъ г. Хомяковъ:

Въ Царскомъ Селѣ—сказалъ онъ, между прочимъ, сотруднику «Рѣчи»—очень сочувствовали поѣздкѣ и даже отмѣтили мнѣ желательность моего участія («Рѣчь», 24 іюня).

«Событія» въ общемъ складывались такъ: сначала ѣдутъ депутаты въ качествѣ неоффиціальныхъ визитеровъ изъ Россіи, а затѣмъ въ скорости должно послѣдовать оффиціальное свиданіе правящей Россіи съ правящей Англіей на Великобританской территоріи. Если это былъ планъ, то его цѣлесообразность вполнѣ оправдалась послѣдующимъ ходомъ «англо-русскихъ торжествъ».

Необходимо, пожалуй, оговориться, что если опредѣленное политическое заданіе и ставилось, то въ него заранѣе могли быть посвящены только г. Хомяковъ, которому, какъ онъ самъ увѣряетъ, порекомендовали ѣхать, г. Гучковъ и другіе довѣреннѣйшіе представители «правительственнаго большинства». Вѣроятнѣе всего, что «кадеты», напр., гг. Милюковъ и Маклаковъ—остались непосвященными и выѣхали «просто такъ», ради тѣхъ общихъ мыслей о братствѣ народовъ, которыя отчасти лежатъ въ основѣ международной парламентской лиги. Поѣхали, можно сказать, на легкѣ.

Поѣхали, быть можетъ, судя по статьямъ «Рѣчи» даже въ предположеніи, что совершаютъ нѣкоторое оппозиціонное дѣло, увлекая своимъ присутствіемъ спутниковъ-октябристовъ и умѣренно-правыхъ—«влѣво», на путь «укрѣпленія конституціи». Съ другой стороны, возможно, что именно «кадетское присутствіе» заставляло «Россію» предупреждать, чтобы вояжеры «политики» не касались. Да и сама по себѣ экспедиція снаряжалась со всяческою осторожностью, въ Англію въѣхали «почти инкогнито». Одно время печать твердила, что «нашимъ» въ Лондонѣ политики касаться, дѣйствительно, запрещено.. И эти мѣры предосторожности оказались не лишенными основательности. Случилось, разумѣется, то, что правительство могло предвидѣть и безъ «агентурныхъ свѣдѣній». Едва наши пріѣхали въ Лондонъ, какъ появился въ англійскихъ газе-

---

[1]) „Кіевская мысль" 15 іюня.

тахъ «манифестъ рабочей партіи», которая, «привѣтствуя» представителей русскаго народа, въ то же время протестовала противъ посѣщенія Англіи ожидаемыми представителями оффиціальной Россіи [2]). И вслѣдъ затѣмъ съ такимъ же противопоставленіемъ Россіи народной и Россіи оффиціальной выступили соціалисты во Франціи, гдѣ также ожидались «наши». Наступилъ моментъ, когда «кадетское присутствіе», дѣйствительно, могло «испортить всю музыку». Легко понять, какую бы «кашу заварили» кадеты, выступивъ въ качествѣ представителей русской Думы на защиту точки зрѣнія «рабочаго манифеста». И легко представить, какими фактами изъ русской дѣйствительности они могли бы аргументировать это противопоставленіе. Даже простое заявленіе гг. Милюкова и Маклакова, что они по поводу «рабочаго манифеста» молчатъ изъ боязни репрессій, было бы тяжкимъ ударомъ для «оффиціальной Россіи». Однако на сей разъ кадеты блестяще выдержали экзаменъ на аттестатъ политической благонадежности. Совмѣстно съ представителями «правительственнаго большинства» они выработали отвѣтный «текстъ обращенія къ англійскому общественному мнѣнію»:

..."Для насъ было большимъ огорченіемъ появленіе манифеста рабочей партіи, который, привѣтствуя насъ, какъ представителей русскаго народа, въ то же время протестуетъ противъ посѣщенія нашимъ монархомъ Англіи... Считаю своимъ долгомъ, по уполномочію товарищей, рѣшительно протестовать противъ нанесеннаго намъ оскорбленія, заключающагося въ подобномъ противопоставленіи".

Въ этомъ протестѣ, напечатанномъ въ личной формѣ за подписью г. Хомякова, кадетскіе голоса, такъ сказать, поглощались большинствомъ «товарищей». Но черезъ нѣсколько дней г. Милюковъ «на ленчѣ у лордъ-мэра Лондонскаго Сити» счелъ долгомъ высказаться и обособленно:

"Мы представляемъ здѣсь,—говорилъ онъ, между прочимъ, на этомъ „ленчѣ",—различные оттѣнки политическихъ мнѣній. Я лично являюсь выразителемъ взглядовъ русской оппозиціи. Послѣ меня будетъ говорить представитель умѣренно-правыхъ, а въ концѣ, надѣюсь, выскажется лидеръ большинства. Отмѣчая разницу между нами, надѣюсь, собраніе само выдѣлитъ тѣ общія черты, которыя выражаютъ наше національное чувство и національное мнѣніе по отношенію къ Англіи. Хотя мы здѣсь находились въ качествѣ частныхъ лицъ, но... я не могу не коснуться политической стороны нашего визита. И прежде всего я долженъ отмѣтить, что главнѣйшее недоразумѣніе, возникшее въ связи съ визитомъ, можетъ считаться разсѣяннымъ уже сейчасъ, во время нашего пребыванія здѣсь".

«Корпорація лондонскаго Сити» уже приготовилась привѣтствовать ожидаемыхъ представителей оффиціальной Россіи, и, слѣдовательно, противопоставленіе, сдѣланное въ «манифестѣ рабочей партіи», она не признаетъ правильнымъ. Этотъ отзывъ «корпо-

[2]) Кіевскія Вѣсти, 17 іюня.

раціи лондонскаго Сити» въ свою очередь привѣтствуетъ г. Милюковъ, хотя и считаетъ долгомъ обусловить свое привѣтствіе нѣкоторыми оговорками.

„Никто, конечно,—говорилъ онъ,—не будетъ ожидать отъ меня восхваленія существующихъ въ Россіи конституціонныхъ учрежденій. Мы, представители оппозиція, хотѣли бы, чтобы права Думы были значительно расширены, чтобы избирательное право было демократизировано и чтобы вся система политическихъ учрежденій была приведена въ гармонію, при которой была бы возможна полезная законодательная работа. Но до тѣхъ поръ, пока въ Россіи существуетъ законодательная палата представителей съ правомъ контролировать бюджетъ, русская оппозиція останется оппозиціей Его Величества, а не Его Величеству" *).

Изъ дальнѣйшихъ рѣчей на томъ же «ленчѣ» гр. Бобринскаго, г. Гучкова и русскаго посла въ Лондонѣ, гр. Бенкендорфа, англичане, дѣйствительно, безъ труда «могли выдѣлить тѣ общія черты, которыя выражаютъ наше національное чувство и національное мнѣніе». По отзыву к.-д. органа, «въ глазахъ англичанъ эти рѣчи слились въ одинъ бѣлый солнечный лучъ конституціонализма и прогресса **). «Конституціонализма и прогресса» не будущаго, но уже достигнутаго, обезпеченнаго и лишь подлежащаго развитію и преуспѣянію. Характеристику этого «чувства», «общаго» не только у ораторовъ на ленчѣ, но и у всей націи, у всего народа, начатую г. Милюковымъ, завершилъ г. Гучковъ словами:

„Я убѣжденъ, что нашъ государь будетъ безсмертенъ въ памяти народовъ и исторіи именно тѣмъ, что онъ ввелъ наше государство въ семью государствъ конституціонныхъ".

А главное—«общее національное чувство» протестуетъ противъ такого представленія, будто въ Россіи власть и народъ являются борющимися сторонами. «Общее національное чувство» отзывается на это представленіе, какъ на «недоразумѣніе». Повторяю, если въ поѣздкѣ депутатовъ была заранѣе поставленная цѣль, она по внѣшности удалась. Депутаты, дѣйствительно, расчистили почву для предстоящихъ оффиціальныхъ визитовъ и обезвредили ожидаемую соціалистическую агитацію. И всего цѣннѣе при этомъ оказались «голоса кадетовъ»: помилуйте, это вѣдь не «приспѣшники правительства», это—оппозиція, да какая! «Демократы», требующіе столь, на англійскій взглядъ, радикальныхъ реформъ, какъ «принудительное отчужденіе»!.. Недаромъ «Гражданинъ» отзывался, что послѣ такой услуги гг. Милюкова и Макла-

---

*) По вполнѣ понятнымъ соображеніямъ, „Рѣчь" поспѣшила эту отвѣтственную рѣчь г. Милюкова отъ имени всей оппозиціи помѣстить „цѣликомъ и въ точномъ переводѣ". По этому „точному переводу" я и цитирую (см. № 21 іюня). Въ телеграфныхъ переводахъ мысль г. Милюкова грубѣе и безоговорочнѣе.

**) „Рѣчь", 24 іюня.

кова правительству остается лишь легализовать кадетовъ. А «Русское Знамя», съ своей стороны, писало:

„Попробуйте-ка теперь отказать въ легализаціи конституціонно-демократической партіи“ (Цит. по „Русскимъ Вѣдомостямъ“, 28 іюня).

Конечно, «Русское Знамя» волнуется напрасно: очень даже «попробуютъ» и «откажутъ». И я не думаю, чтобы г. Милюковъ услуживалъ въ Англіи съ цѣлью «заработать кадетскую легализацію». Это была, надо полагать, услуга безкорыстная. Но не въ томъ суть. Главное—кадеты, сверхъ ожиданія, помогли расчистить почву для примиренія съ общественнымъ мнѣніемъ Европы. Прямо-таки счастье намъ на сей разъ улыбнулось. Даже разныя пустяковыя мелочи оказались на нашей сторонѣ. Да вотъ, напримѣръ. Какъ разъ передъ заграничнымъ вояжемъ думское большинство закончило сессію либеральнымъ по внѣшности жестомъ. Представьте, «въ дорогѣ и эта веревочка пригодилась». Г. Гучковъ на томъ же «ленчѣ у лордъ-мэра Сити» и ей нашелъ употребленіе.

Рядъ законовъ, —говорилъ онъ,—прошедшихъ въ Думѣ какъ разъ въ концѣ послѣдней сессіи, осуществляетъ принципы вѣротерпимости, значительно ранѣе возвѣщенные въ манифестѣ нашего государя 17 апрѣля 1905 г. (Изъ рѣчи на томъ же „ленчѣ лордъ-мэра лондонскаго Сити“; цит. по „Кіевскимъ Вѣстямъ“, 21 іюня).

Можете представить, какъ это радикально звучитъ въ Англіи при ея своеобразной постановкѣ вопроса о свободѣ совѣсти... Словомъ, попытка примиренія началась при самыхъ лучшихъ предзнаменованіяхъ и при самомъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ. Но... начать хотя бы съ услуги «думскихъ людей». Услужить-то они услужили, да не совсѣмъ толково. Увы! даже наиболѣе цѣнная на сей разъ услуга—г. Милюкова—не свободна отъ упрековъ въ безтолковости. Безтолкова она, во-первыхъ, съ формальной стороны. Часть русской печати уже выразила протестъ противъ выступленія г. Милюкова отъ лица русской оппозиціи. Дѣйствительно, говорить отъ имени русской оппозиціи онъ не имѣлъ, сколько мнѣ извѣстно, полномочій. Гораздо хуже, что ему въ этомъ и надобности не было. Онъ—признанный лидеръ конституціонно-демократической партіи. По-англійски это названіе звучитъ весьма внушительно, и въ данномъ случаѣ увеличивать значительность кадетскаго голоса посредствомъ чисто словесной замѣны частнаго понятія («кадеты») общимъ («оппозиція»), — значило, по пословицѣ, портить кашу масломъ. Дома, при «нашемъ русскомъ разгильдяйствѣ», такія «маленькія неточности» у г. Милюкова не разъ благополучно сходили съ рукъ. При англійской щепетильности нравовъ онѣ, если не ошибаюсь, называются разными непріятными словами, равносильными нашему термину: «самозванство». Цѣнность отвѣтствен-

ныхъ заявленій, сдѣланныхъ г. Милюковымъ, по столько и значительна, по скольку слушатель вѣритъ въ ихъ искренность. Но именно эту вѣру и подрываетъ «маленькая неточность», которую нѣтъ основанія считать необдуманной, несознательной. Но допустимъ, англичане этой неточности не замѣтятъ, а если и замѣтятъ, то не обратятъ вниманія. Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ заявленіе г. Милюкова не совсѣмъ точно и по существу.

Увы! онъ впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Съ одной стороны, онъ «хотѣлъ бы» «гармоніи», «при которой была бы возможна полезная законодательная работа». Выходитъ, какъ будто, что теперь въ Россіи не только нѣтъ «полезной законодательной работы», но даже и условій, при которыхъ она возможна. А съ другой стороны, по его же словамъ, «пока въ Россіи есть законодательная палата съ правомъ контролировать бюджетъ» и т. д. Но, положимъ, англичане и этой частицы погрѣшности не замѣтятъ, а если и замѣтятъ, то припишутъ ее особеннымъ свойствамъ русской оппозиціи. Гораздо болѣе чувствительна погрѣшность общая—самая попытка увѣрять: «въ Россіи, слава Богу, есть конституція». Собственно, что требовалось отъ депутатовъ? ссылкою на свои монархическія чувства доказать неумѣстность и оскорбительность выдвинутаго въ «манифестѣ рабочей партіи» противопоставленія. Въ этихъ предѣлахъ ихъ ссылка была бы доказательна: на почвѣ чувствъ рабочая партія, конечно, потерпѣла бы пораженіе. Но имъ захотѣлось почему-то состязаться съ рабочей партіей на почвѣ логики. И я боюсь, что мѣстность для сраженія выбрана ими неудачно.

Какъ бы ни оцѣнивалось противопоставленіе рабочей партіи, но ему предпослана извѣстная аргументація, извѣстный общій взглядъ на русскую систему управленія,—какая бы то ни было, но оцѣнка нѣкоторыхъ очередныхъ, злободневныхъ «фактическихъ обстоятельствъ дѣла». Пусть, по мнѣнію г. Милюкова, аргументація даннаго прокурора неправильна, общій взглядъ превратенъ, оцѣнка злободневныхъ обстоятельствъ лжива. Но развѣ голое заявленіе: «У насъ есть Дума, которую мы называемъ конституціей», способно доказать дефекты прокурорскаго мышленія? Да и вообще, что можетъ доказать простая въ сущности замѣна слова «Дума» словомъ «конституція»? Посмотрите, даже «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» оно ровно ничего не доказала. Даже «С.-Петербургскія Вѣдомости» пишутъ, что «рѣчи нашихъ депутатовъ въ Лондонѣ, произнесенныя въ присуствіи нашего посла и съ его одобренія», едва ли не «лѣтняя мистификація», такъ какъ «между тѣмъ, что говорилось въ Лондонѣ, и тѣмъ, что творится у насъ—диссонансъ»:

въ дѣйствительности у насъ по прежнему стоятъ «проклятые вопросы" русской жизни, которые подѣлили русскихъ гражданъ на два непримиримыхъ лагеря и служатъ предметомъ ожесточенной схватки, наполняющей атмосферу... злобой и местью.. Проклятые вопросы „будутъ суще-

ствовать у насъ, покуда будетъ существовать правая и лѣвая Россія, покуда борьба между самодержавіемъ и конституціей не разрѣшится побѣдой одного изъ этихъ началъ» (Цитир. по «Русскимъ Вѣдомостямъ», 25 іюня).

Какъ видите, не только англійская рабочая партія усматриваетъ въ Россіи существованіе двухъ лагерей, ведущихъ борьбу на довольно таки рѣшительныхъ условіяхъ.

Признаетъ эту оцѣнку общаго положенія въ Россіи правильной и благонамѣреннѣйшій органъ нашей охранительной печати. Какой бы изъ двухъ борющихся сторонъ ни сочувствовалъ противникъ нашихъ депутатовъ и какъ бы ни сочувствовалъ, но въ его аргументаціи, это—центральный пунктъ. И пока этотъ центральный пунктъ не опровергнутъ, г. Милюковъ не столько убѣдилъ англичанъ, сколько далъ поводъ говорить:

— Пріѣзжалъ, увѣрялъ, что у нихъ конституція. Быть можетъ, въ цѣляхъ очередного русскаго займа такъ и нужно. Но со стороны логики никуда не годилось. И если г. Милюковъ не просто заблуждался, а полагалъ, что англичанъ легко мистифицировать, то мы не рѣшаемся судить о его политической опрятности.

Мнѣ скажутъ, пожалуй:

— Зачѣмъ такъ строго о депутатахъ? Не титаны же они, въ самомъ дѣлѣ. Сдѣлали, что могли, въ интересахъ оффиціальныхъ визитовъ. И на томъ спасибо...

Положимъ, сдѣлали, что могли, и на томъ спасибо. А все-таки попытка примириться съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, несмотря на всѣ благопріятныя обстоятельства, оказалась въ условіяхъ, при которыхъ ея успѣхъ, по меньшей мѣрѣ, сомнителенъ. Но условія, о которыхъ я теперь говорю, уже не отъ депутатской воли или толковости зависѣли. Депутаты себѣ ѣхали. И прежде, чѣмъ они доѣхали до англійскихъ береговъ, нѣмецкая печать уже саркастически излагала подробности «морского сраженія съ судномъ, нагруженнымъ лѣсомъ», «новаго гульскаго инцидента». Первоначально въ оффиціальномъ сообщеніи морского генеральнаго штаба сущность «инцидента» излагалась такъ:

3 іюня англійскій коммерческій пароходъ „Вудбернъ“ слѣдовалъ подъ проводкой финляндскаго лоцмана изъ шхеръ въ море. При подходѣ къ стоящимъ въ Питкопасѣ на рейдѣ Штандартъ императорской яхтѣ „Штандартъ“ и отряду сопровождавшихъ яхту судовъ этотъ пароходъ былъ встрѣченъ дежурнымъ сторожевымъ миноносцемъ. Миноносецъ, слѣдуя рядомъ съ пароходомъ, передавалъ ему приказаніе измѣнить курсъ и пройти внѣ линіи охраны. Такъ какъ пароходъ не исполнилъ приказанія и продолжалъ держать курсъ по направленію къ императорской яхтѣ, миноносецъ произвелъ три холостыхъ выстрѣла и, видя, что пароходъ все-таки продолжаетъ идти прежнимъ курсомъ, далъ боевой выстрѣлъ въ верхнюю часть парохода. Въ то же время стоящій на якорѣ эскадренный миноносецъ „Эмиръ Бухарскій“, усматривая, что пароходъ продолжаетъ идти къ яхтѣ и прорѣзалъ уже линію кольца охраны, также произвелъ по немъ сначала холостой, а затѣмъ боевой

выстрѣлъ изъ 75-миллиметроваго орудія въ основаніе дымовой трубы; послѣ этого пароходъ немедленно сталъ уходить отъ яхты (Цит. по „Кіевскимъ Вѣстямъ", 8 іюня).

Позже не менѣе оффиціальное донесеніе лоцманскаго управленія Финляндіи нарисовало нѣсколько иную картину. Для глубоко сидящаго «Вудберна» въ данномъ мѣстѣ не было другого безопаснаго пути, кромѣ того, какимъ велъ судно лоцманъ. И лежалъ этотъ курсъ, взятый лоцманомъ и обязательный для него, въ достаточномъ разстояніи отъ яхты «Штандартъ». Тѣмъ не менѣе одно изъ военныхъ судовъ

стало поперекъ дороги „Вудберна". Немедленно поэтому остановили машину и дали задній ходъ. Но нѣкоторое время пароходъ продолжалъ еще по инерціи двигаться впередъ. И вотъ послѣ того, какъ удалось повернуть пароходъ направо, въ него произведено было одинъ за другимъ четыре выстрѣла; послѣднимъ выстрѣломъ произведена пробоина, при чемъ раненъ кочегаръ, испорчена машина и причинены еще другія поврежденія (Цит. по „Рѣчи" 19 іюня).

Разбираться въ этихъ оффиціальныхъ противорѣчіяхъ—дѣло технической экспертизы. Для профановъ же ясно лишь, что грузовое англійское судно велъ уполномоченный правительственнымъ учрежденіемъ лоцманъ, и тратить «боевые снаряды», во всякомъ случаѣ, настоятельной надобности не было. Оффиціозная «Россія» пыталась, впрочемъ, мотивировать стрѣльбу. Со ссылкою на финскую газету «Suomalainen Kansa», она напечатала:

надзоръ за судами въ шхерахъ зависѣлъ отъ полученныхъ жандармами извѣстій о томъ, что финляндцы купили быстроходныя моторныя лодки въ цѣляхъ потопленія „Штандарта".

Но эта мотивировка привела лишь къ новому «инциденту»: «Россію» уловили въ подлогѣ, такъ какъ оказалось, въ «Suomalainen Kansa» напечатано совсѣмъ не то, о чемъ говорилъ оффиціозъ. Потомъ пришлось оффиціально удостовѣрить, что «жандармы» «означенныхъ свѣдѣній» не получали. Да если бы и получали,—это не было бы оправданіемъ. Во-первыхъ, «быстроходную моторную лодку» офицеры русскаго флота, навѣрное, умѣютъ отличать отъ большого грузового парохода,—по крайней мѣрѣ, обязаны, а во-вторыхъ, если бы судно и соотвѣтствовало признакамъ, указаннымъ въ жандармскихъ донесеніяхъ, все-таки безъ толку портить боевыми снарядами машины и ранить людей международными обычаями не принято. Нѣмцы не безъ основанія утверждали, что «подобные случаи бываютъ лишь съ русскими. И мотивировать эти случаи приходится такъ же, какъ и «распластываніе» больныхъ женщинъ около святыни, доколѣ кровь не пойдетъ изо рта. Мы не считаемъ нужнымъ церемониться съ людьми. У насъ вошло въ привычку расходовать боевые снаряды не столько для дѣйствительной надобности, сколько въ разсчетѣ

дать острастку возможнымъ «врагамъ», буде таковые появятся. Случай съ «Вудберномъ» напомнилъ англичанамъ эту нашу привычку. И, привѣтствуя по долгу гостепріимства русскихъ депутатовъ, они въ то же время озабоченно обсуждали въ палатѣ общинъ, сколь неудобны въ общежитіи нѣкоторыя русскія привычки. Между прочимъ, С.-Петербургское Телеграфное Агентство любезно довело до свѣдѣнія соотечественниковъ, что

> націоналистъ Макъ-Ниль обратился къ правительству съ просьбою принять по случаю предстоящаго посѣщенія русскимъ государемъ Англіи необходимыя мѣры для предупрежденія повторенія подобнаго прискорбнаго инцидента...

Не лишено интереса, что наши депутаты, съ такой живостью отозвавшіеся на «манифестъ рабочей партіи», отвѣтили на этотъ отзывъ англійскихъ націоналистовъ совершеннымъ молчаніемъ.

Во всякомъ случаѣ, инцидентъ съ „Вудберномъ“», грянувшій неожиданно, а главное, безъ всякой надобности, сильно испортилъ благопріятныя возможности. Къ несчастью, «бѣда не приходитъ одна». 19 іюня самъ г. Милюковъ увѣрялъ англичанъ, что противоставлять Россію оффиціальную Россіи народной равносильно недоразумѣнію. А 24 іюня даже въ русскихъ газетахъ были напечатаны первыя разоблаченія по «дѣлу Ландезена-Гартинга». За-границей они, слѣдовательно, появились, такъ сказать, тотчасъ послѣ увѣреній г. Милюкова, прежде чѣмъ «наши депутаты» успѣли, исполнивъ свою миссію въ Англіи, переправиться во Францію.

IV.

Иниціатива новыхъ разоблаченій опять исходитъ отъ г. Бурцева Въ 1890 году нѣкто Ландезенъ старался организовать въ Парижѣ приготовленіе бомбъ и покушеніе на императора Александра III; заговоръ своевременно былъ обнаруженъ. Ландезену удалось скрыться отъ французскаго суда, коимъ онъ заочно былъ приговоренъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію. Г. Бурцевъ утверждаетъ, что этотъ Ландезенъ—провокаторъ, состоявшій на службѣ въ охранномъ отдѣленіи и при организаціи заговора на Александра III и во все послѣдующіе 19 лѣтъ до настоящаго времени. Затѣмъ нѣсколько лѣтъ назадъ при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ появился «атташе» Гартингъ. Собственно онъ исполнялъ обязанности завѣдывающаго русской охранной полиціей за границей Но такъ какъ не вездѣ туземной полиціи разрѣшается вступать въ непосредственныя сношенія съ иностранными полицейскими агентами,—въ Парижѣ, напр., это прямо запрещено,—то г. Гартингъ и носилъ званіе атташе русскаго посольства, или, какъ онъ себя называлъ,—«начальникъ полицейской части при посольствѣ».

Правда, «онъ не значился въ оффиціальномъ спискѣ членовъ посольства, но пользовался всѣми дипломатическими привилегіями... Передъ атташе посольства раскрывались всѣ двери полицейской префектуры и всѣ досье о русскихъ эмигрантахъ. Онъ вездѣ бывалъ въ Парижѣ, парадировалъ на оффиціальныхъ пріемахъ, норовя почаще держаться рядомъ съ самимъ посломъ... Начальникъ парижской тайной полиціи... и инспекторъ политической секціи... считали за честь услужить атташе посольства, который, впрочемъ, не скупился на благодарность. Гартингъ былъ важный сановникъ, въ чинѣ генерала, имѣлъ много русскихъ орденовъ и по представленіи русскаго посла получилъ и орденъ Почетнаго Легіона» («Рѣчь», 27 іюня).

Г. Бурцевъ заявилъ, что этотъ Гартингъ есть не кто иной, какъ провокаторъ Ландезенъ; онъ именуетъ себя также Петровскимъ и Бэйромъ. Настоящее же имя его—Абрамъ Гекельманъ. Разоблаченія г. Бурцева толкнули иностранную печать прослѣдить дѣятельность Гартинга, независимо отъ того, Ландезенъ онъ или не Ландезенъ. И даже въ русскія газеты проникаютъ извѣстія одно сенсаціоннѣе другого.

Корреспондентъ вѣнской «Neue Freie Presse» увѣряетъ, что германская полиція во время свиданія въ Свинемюнде очень зорко наблюдала за Гартингомъ, опасаясь съ его стороны провокаціоннаго акта («Русскія Вѣдомости». 28 іюня).

По словамъ брюссельскаго корреспондента «Matin», раскрывается роль Ландезена въ послѣдней экспропріаціи, устроенной русскими мѣсяца тричетыре тому назадъ въ Брюсселѣ («Рѣчь», 30 іюня).

«Matin» заявляетъ:... имѣются доказательства, что именно Гартингомъ организованы были покушенія въ Швеціи, Франціи и Бельгіи («Кіевскія Вѣсти», 29 іюня).

«Neue Freie Presse» телеграфируютъ изъ Парижа, что послѣднимъ подвигомъ Гартинга было устройство мнимаго покушенія на жизнь Фальера и Клемансо въ Ниццѣ... съ цѣлью добиться высылки изъ Ниццы всѣхъ русскихъ политическихъ эмигрантовъ (Ibid).

Кстати вспомнили, что предшественниками Гартинга по должности «начальника русской, тайной полиціи въ Парижѣ» были Рачковскій и Ратаевъ. Принялись разоблачать и этихъ «охранныхъ» генераловъ:

„Matin“ сообщаетъ, что Рачковскій началъ свою карьеру, совершивъ рядъ провокацій; онъ участвовалъ въ покушеніи на высочайшихъ особъ вмѣстѣ съ Ратаевымъ («Кіевскія Вѣсти», 30 іюня).

Фактическая точность этихъ сенсацій, во всякомъ случаѣ, не опредѣлена. Да и не въ точности собственно дѣло. Въ концѣ-то концовъ гг. Рачковскіе и Гартинги—охранные агенты, хотя бы и достигшіе высшаго ранга; стоятъ они на моральномъ уровнѣ россійскаго охраннаго отдѣленія; и не только по долгу службы, но и по личной склонности причастны ко всѣмъ обычнымъ пріемамъ нашего политическаго сыска. Устраивая «бумъ» на сенсаціонную тему, «Matin» или «Neue Freie Presse», могутъ жестоко прегрѣшить въ частностяхъ. Но общія характерныя черты рус-

скаго охранника, все таки останутся характерными чертами. Брюссельскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей», мнѣ кажется, удачно отмѣтилъ, въ чемъ главная неловкость этихъ разоблаченій:

Гартингъ навѣщалъ Бельгію,—пишетъ онъ—живалъ въ Брюсселѣ не какъ частное лицо или тайный агентъ, а какъ совѣтникъ при русской миссіи. Онъ всѣми здѣсь считался за одного изъ дипломатическихъ представителей русскаго правительства. Въ качествѣ таковаго, онъ вхожъ былъ въ такія сферы, куда обыкновенные смертные не допускаются. Онъ принимался тѣми, кто особенно щепетильны на счетъ внѣшней порядочности. Онъ и женился здѣсь въ качествѣ атташе при миссіи на дѣвушкѣ... изъ очень хорошей семьи. Представьте же себѣ теперь положеніе этихъ лицъ, когда они узнаютъ, что Гартингъ...—не атташе, а динамитчикъ-провокаторъ, какъ называетъ его одна изъ брюссельскихъ газетъ («Рус. Вѣд.», 1 іюля).

Надо «представлять себѣ» «положеніе этихъ лицъ» не только въ Брюсселѣ, но и въ Парижѣ, и въ Берлинѣ,—вообще всюду, гдѣ Гартингъ «дѣлалъ свою свѣтскую карьеру», выступая въ качествѣ «атташе при миссіи». И не самозванно онъ выступалъ въ этомъ качествѣ. Русское дипломатическое вѣдомство ввело его въ избраннѣйшіе круги общества. Оно представляло его даже президенту республики. По представленію русскаго посла онъ награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона. «Рѣчь» какъ бы удивлена, что

иностранная печать, не только французская, но и германская, гораздо больше занимается дѣломъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гартинга, Ландезена тожъ, нежели наши газеты.

Для нашихъ газетъ Рачковскіе, Ратаевы, Гартинги, Манасевичи-Мануйловы—лишь варіанты на одну и ту же старую и извѣстную тему. Для иностранцевъ съ этой заново всплывшей темой связанъ острый и, повторяю, щекотливый вопросъ, какъ понимать и принимать дипломатическихъ представителей россійскаго правительства: этому NN ты вынужденъ жать руку, какъ «дипломату», а на самомъ дѣлѣ онъ, того и гляди, окажется агентомъ-провокаторомъ.

Дѣло не въ случайностяхъ, которыя всегда возможны. Гораздо хуже, что обнаруживается глубокое расхожденіе въ пониманіи основъ хотя бы только чисто внѣшней брезгливости. Вотъ предшественникъ Гартинга Ратаевъ гордо именуетъ себя «офицеромъ ордена Почетнаго Легіона». По газетнымъ свѣдѣніямъ, предполагалось возвести въ офицерское званіе по этому ордену и Гартинга. И гордость Ратаева съ его точки зрѣнія понятна. Наши охранные генералы щедро награждаются русскими орденами. Имѣетъ, по словамъ газетъ, русскіе ордена и Гартингъ. Но развѣ русскихъ кавалеровъ св. Анны или св. Станислава пугаетъ или оскорбляетъ мысль, что знаками отличія, коими они гордятся, могутъ быть награждаемы и услуги провокатора? Не пугало и не оскорбляло это

до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, и чиновъ русскаго посольства, начиная съ самого посла. А французскихъ «кавалеровъ» Почетнаго Легіона такіе «сокавалеры» весьма шокируютъ. Конечно, «заслуги», награждаемыя «Почетнымъ Легіономъ», «бываютъ со всячинкой». Русской публикѣ извѣстны болѣе или менѣе пикантные анекдоты на эту тему,—хотя бы, напр., изъ новеллъ Мопассана. Однако, по крайней мѣрѣ, внѣшней пристойностью заграничный человѣкъ вовсе не склоненъ брезговать.

А затѣмъ, помимо брезгливости внѣшней и брезгливости по существу, что либо значатъ интересы общественнаго спокойствія и личной безопасности. Чѣмъ, позволительно спросить, занимаются «россійскіе дипломатическіе представители» за-границей? Гартингъ былъ неизмѣннымъ любимцемъ и близкимъ человѣкомъ нашихъ пословъ. Парижскій, напр.,

посолъ Нелидовъ ежедневно выслушивалъ его доклады, а всѣ бумаги, относившіяся къ русскимъ подданнымъ, отсылались Гартингу, который давалъ соотвѣтствующіе отзывы („Рѣчь", 29 іюня).

Гдѣ же граница, отдѣляющая обязанности посла отъ службы охраннаго агента? Что такое русское министерство иностранныхъ дѣлъ? Есть ли это, дѣйствительно, министерство общеевропейскаго типа, или, подобно разнымъ другимъ внутреннимъ вѣдомствамъ, всего лишь спеціальный родъ службы, подчиненный директивамъ политической полиціи? И откуда Гартинги и Ратаевы берутъ матеріалъ для «ежедневныхъ докладовъ» послу? Газеты указываютъ, между прочимъ, и такой источникъ ихъ освѣдомленности. При помощи подкупа или даже прямого воровства, Гартинги устроили въ томъ же хотя бы Парижѣ «черный кабинетъ»,—конфискуютъ частную корреспонденцію и перлюстрируютъ. Это—одно изъ ихъ постоянныхъ занятій. А вотъ другое, не менѣе постоянное:

Главная задача Гартинга состояла въ томъ, чтобы, компрометтируя русскихъ въ Европѣ, лишить ихъ убѣжища („Русскія Вѣдомости", 2 іюля).

Не плохое занятіе для русскихъ посольствъ—всячески компрометтировать соотечественниковъ за-границей. И средства для этого употребляются не плохія. Недавно русская дипломатическая миссія въ Германіи уличена въ такомъ странномъ переводѣ документовъ для суда, что газеты имѣли основаніе говорить объ умышленномъ подлогѣ. Но это средство сравнительно невинное. Выше мнѣ пришлось отмѣтить указанія на такія рѣшительныя средства, какъ организація провокаторскихъ заговоровъ и покушеній. Станьте въ положеніе заграничнаго человѣка, ошеломленнаго безпрерывнымъ рядомъ нашихъ скандаловъ, посвящаемаго печатью уже въ теченіе полугода,—съ минувшаго декабря,—во всѣ лабиринты нашей «азефіады». На его мѣстѣ вы невольно заинтересуетесь вопросомъ:

— Какъ,—русскіе послы и о провокаторскихъ заговорахъ при-

нимаютъ доклады? И это входитъ въ кругъ русскихъ дипломатическихъ обязанностей? Оставимъ въ сторонѣ Фальеровъ и Клемансо, которые могутъ быть отправлены на тотъ свѣтъ единственно для той надобности, чтобы скомпрометтировать русскихъ эмигрантовъ. Но вѣдь, къ примѣру, и я, мирный французскій рантье, могу оказаться всего только агентурнымъ матеріаломъ, если не для этой, то для другой цѣли...

Г. Бурцевъ увѣряетъ, что именно русское правительство помогло скрыться Ландезену. Зная уголовное прошлое этого человѣка, оно, тѣмъ не менѣе, назначило его въ Парижъ подъ именемъ Гартинга, вводило при посредствѣ своихъ пословъ въ избранное французское общество, представляло президенту республики и т. д. Если бы даже это обвиненіе въ крайней потерѣ понятія о международныхъ приличіяхъ и не подтвердилось, все же нельзя не признать, что международныя приличія достаточно таки забыты. Было русское правительство за границей «большимъ бариномъ». И, какъ большому барину, ему прощались нѣкоторыя своенравныя привычки. Настали «плохіе дни». «Большой баринъ» нынѣ чаще является просто просителемъ, котораго, случается, сосѣди и третируютъ; въ важныхъ дѣлахъ онъ почтительно отступаетъ передъ сильнѣйшимъ. За то съ полицейскимъ своимъ аппаратомъ расположился ужъ совсѣмъ запросто, по домашнему,—словно въ родномъ Кашинѣ. Этой позы теперь ему не простятъ. Я нѣсколько скептически настроенъ относительно нынѣшняго разоблачительнаго шума. На разоблаченіяхъ можно проигрывать, можно и отыгрываться. Въ положеніяхъ, занятыхъ г. Бурцевымъ, требуется, помимо всего прочаго, огромный характеръ, чтобъ не увлечься коварными правдоподобіями, ловко подсказанными изъ вражескаго лагеря. Однимъ «хорошимъ промахомъ» можно испортить впечатлѣніе цѣлой сотни тщательно обоснованныхъ ходовъ. Нынѣшній шумъ можетъ окончиться совсѣмъ не такъ, какъ ожидаютъ любители сенсацій. Но чѣмъ бы ни кончился онъ, «насъ» попросятъ по домашнему на чужихъ людяхъ не располагаться и вести себя сообразно съ международными представленіями о брезгливости. Меньшимъ раздраженное и возмущенное общественное мнѣніе Европы едва-ли удовлетворится.

Во всякомъ случаѣ, «исторія Гартинга» всплыла совсѣмъ не кстати. И попытку примирить «оффиціальную Россію» съ общественнымъ мнѣніемъ Запада надо признать, быть можетъ, удачно задуманной, но довольно сильно уже попорченной. Любопытна, однако, вотъ какая подробность.

Нашимъ депутатамъ привелось попасть изъ Лондона въ Парижъ, какъ разъ подъ первое впечатлѣніе ошеломляющихъ разоблаченій. Передъ этими разоблаченіями Жоресъ въ парламентѣ развивалъ ту же точку зрѣнія, которая легла въ основу «манифеста» англійской рабочей партіи. Большинство французской палаты, ко-

нечно, на сторону Жореса не стало. Вспыхнувшее вслѣдъ затѣмъ «дѣло Гартинга» дало Жоресу и его единомышленникамъ новый аргументъ. Опровергаемая «нашими депутатами» въ Англіи точка зрѣнія за время ихъ переѣзда въ Парижъ предстала предъ ними во всеоружіи новыхъ фактическихъ обстоятельствъ. Но наши предпочли къ этой щекотливой темѣ не возвращаться. На оффиціальныхъ обѣдахъ они лишь продолжали свидѣтельствовать, что «у насъ есть конституція». И въ этомъ занятіи имъ помогалъ, за «отсутствіемъ нашего французскаго посла», «русскій повѣренный въ дѣлахъ г. Неклюдовъ». И какъ хорошо говорилъ г. Неклюдовъ!

Я счастливъ видѣть членовъ нашего Государственнаго Совѣта и нашей Думы и видѣть ихъ въ обществѣ членовъ французскаго парламента. Я не чувствую себя человѣкомъ постороннимъ этому обществу. Вѣдь между дипломатіей и народнымъ представительствомъ имѣется необходимая связь. Мы, дипломаты, счастливы чувствовать позади себя народное представительство, которое своимъ контролемъ и своими вотумами поддерживаетъ насъ въ вопросахъ, касающихся національныхъ интересовъ («Рѣчь», 30 іюня).

Корреспондентъ «Рѣчи» сумѣлъ даже «ясно прочитать на лицѣ» г. Неклюдова то, чего онъ не договорилъ по соображеніямъ дипломатическимъ:

«Очень радъ,—ясно читалось на лицѣ г. Неклюдова,—что я больше не отличаюсь отъ другихъ дипломатовъ, что могу теперь выступать, какъ дипломатъ конституціонной страны» («Рѣчь», 30 іюня).

Допустимъ, французы не знаютъ, что наше «народное представительство» лишено и права, и возможности «своимъ контролемъ поддерживать» «дипломатовъ». Но вотъ, что французамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно. Какъ разъ именно въ то время, когда отъ русскаго посольства французская печать, самыхъ разнообразныхъ направленій, требуетъ отвѣта по дѣлу Ландезена-Гартинга, у г. Неклюдова даже на лицѣ написано:

— У насъ слава Богу, есть конституція...

Для кого это даже на лицѣ пишется? Для французовъ? А они взрослые или дѣти? Вѣдь эти всяческія увѣренія, что «у насъ есть конституція», производятъ именно такое впечатлѣніе, словно они разсчитаны на дѣтей. Взять хотя бы тѣ же слова г. Милюкова: «пока въ Россіи существуетъ законодательная палата представителей съ правомъ контролировать бюджетъ»... Опять таки допустимъ, что англичане ничего не слышали о «забронированномъ бюджетѣ». Но вотъ, напр., одна изъ тѣхъ мелочей, съ которыми совпало чествованіе нашихъ депутатовъ въ Англіи. Кромѣ депутатовъ, англичане ждали въ гости около 200 русскихъ народныхъ учителей и учительницъ. Заграничную поѣздку народныхъ учителей съ образовательными цѣлями организовывало общество

распространенія техническихъ знаній *). Съ своей стороны англичане, по словамъ, напр., корреспондента «Одесскихъ Новостей», «сдѣлали большія приготовленія для встрѣчи:

Герцогиня Сутерландская, извѣстная дѣятельница по народному просвѣщенію, имѣла дать въ честь учителей и учительницъ банкетъ въ своемъ родовомъ замкѣ. Оксфордскій университетъ готовился оказать имъ радушный пріемъ. „Англійское" фребелевское общество также собиралось чествовать ихъ банкетомъ. Еще цѣлый рядъ англійскихъ обществъ, учрежденій и частныхъ лицъ... готовились встрѣтить русскихъ гостей, Совѣтъ лондонскаго графства принялъ близкое участіе въ приготовленіяхъ. Для гостей былъ спеціально изданъ на русскомъ языкѣ отчетъ о положеніи школьнаго дѣла въ Лондонѣ. Лондонскій муниципалитетъ также мобилизовалъ всѣхъ своихъ учителей, говорящихъ по-русски, въ распоряженіе пріѣзжихъ въ качествѣ чичероне.

Для гостей уже были сняты помѣщенія въ отеляхъ.

И всѣ эти приготовленія, въ которыя вложено столько души, силъ и денегъ, сведены на нѣтъ однимъ... росчеркомъ пера.

Русское начальство запретило учителямъ-экскурсантамъ посѣтить Лондонъ. И запретило именно потому, что въ Лондонѣ имъ готовилась встрѣча, а среди встрѣчающихъ, по «агентурнымъ свѣдѣніямъ», могутъ оказаться политически неблагонадежные элементы. Въ виду «огромнаго впечатлѣнія», какое произвелъ въ Лондонѣ этотъ «инцидентъ», агентство «Рейтера» навело справки. Оказалось, что по «агентурнымъ свѣдѣніямъ» учителей хотѣлъ «встрѣчать также князь Кропоткинъ». Едва-ли съ чѣмъ-либо сообразно запрещать 200 учителямъ посѣщеніе Лондона только потому, что тамъ живетъ кн. Кропоткинъ, въ противовѣсъ которому—если ужъ онъ такъ опасенъ—русское правительство могло откомандировать какое угодно число чиновъ того же хотя бы посольства. Англичане, однако, пожелали провѣрить «агентурныя свѣдѣнія». Этимъ занялась газета «Daily News»», и ея репортеры выяснили слѣдующее. Ни кн. Кропоткинъ, ни другой кто-либо изъ русскихъ эмигрантовъ не предполагалъ «входить въ общеніе съ гостями». Кн. Кропоткинъ вообще стоитъ «совершенно въ сторонѣ отъ этого дѣла». Никакихъ Кропоткиныхъ «въ спискѣ лицъ, подготовлявшихъ пріемъ», нѣтъ. И лишь въ числѣ многихъ другихъ лицъ, причастныхъ къ разнымъ практическимъ заботамъ, была княгиня Кропоткина, помогавшая приготовить для экскурсантовъ, какъ людей очень небогатыхъ, «безплатные квартиры и обѣды»...

Предоставляю,—пишетъ корреспондентъ «Одесскихъ Новостей»,—самому читателю вообразить себѣ все... возмущеніе англичанъ, принимавшихъ участіе въ этихъ приготовленіяхъ. Вѣдь это не что иное, какъ пощечина, нанесенная людямъ, одушевленнымъ самыми дружественными чувствами и намѣреніями въ отношеніи насъ.

---

*) „Кіевскія Вѣсти", 9 іюня.

И представьте, далѣе, все это вмѣстѣ. Какой-то никому невѣдомый авторъ «агентурныхъ свѣдѣній» ухитряется нанести «пощечину» совѣту лондонскаго графства, школьному комитету Лондона, муниципалитету, цѣлому ряду общественныхъ организацій, большому кругу лицъ, занимающихъ крупное общественное положеніе; на основаніи какого-то «агентурнаго» едва-ли не вранья, 200 человѣкъ лишены права въѣзда въ Лондонъ подъ страхомъ увольненія отъ службы, тюремнаго заключенія или даже административной ссылки въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя; и тутъ же стоитъ г. Милюковъ:

— «Пока въ Россіи есть законодательная палата представителей»...

На кого, повторяю, разсчитаны эти заявленія,—на взрослыхъ или на дѣтей?

По истинѣ, есть что-то дѣтское, игрушечное въ этихъ конституціонныхъ декларацiяхъ передъ заграничной публикой. «Хомяковъ съ товарищами» поѣхалъ въ Англію». «Русскому послу гр. Бенкендорфу дано указаніе оказывать депутатамъ вниманіе въ качествѣ оффиціальнoго лица» *). Изъ Англіи г. Хомяковъ ѣдетъ на празднества въ Полтаву, а его товарищи въ Парижъ. «Товарищамъ» въ Парижѣ русское посольство оказываетъ всяческое оффиціальное вниманіе. Г-ну же Хомякову, едва онъ переправился черезъ русскую границу... Однимъ и тѣмъ же поѣздомъ—разсказываетъ, напр., корреспондентъ «Рѣчи»,—ѣхали въ Полтаву—

военный министръ, кавказскій намѣстникъ, предсѣдатель Государственной Думы, нѣсколько членовъ Думы и членовъ Государственнаго Совѣта по выбору.

Т. е. опять таки «Хомяковъ съ товарищами»,—только съ другими, не тѣми, которымъ въ это время нашъ вице-посолъ въ Парижѣ «оказывалъ всяческое вниманіе».

«Военный министръ и намѣстникъ ѣхали, какъ и подобаетъ высокимъ сановникамъ, въ особыхъ вагонахъ» (на каждаго особый вагонъ?). «Г. Хомяковъ ѣхалъ, какъ обыновенный пассажиръ, по платному билету. Это, конечно, не такъ важно. Не успѣлъ подойти поѣздъ къ вокзалу въ Полтавѣ, какъ на встрѣчу военному министру и намѣстнику двинулась цѣлая туча генераловъ всѣхъ родовъ оружія и всѣхъ цвѣтовъ. Начались представленія, расшаркиванія, а затѣмъ прибывшіе были въ своихъ же вагонахъ перевезены на мѣсто стоянки войскъ.

Н. А. Хомякова никто не встрѣчалъ. Даже представители города и земства уклонились. Прижавшись къ вагону... одиноко стоялъ онъ, пока не кончилась длинная процедура встрѣчи министра и намѣстника, а затѣмъ на извозчикѣ поѣхалъ на частную квартиру къ своему знакомому» («Рѣчь», 29 іюня).

Замѣтьте, что г. Хомяковъ прибылъ на высоко-оффиціальныя

*) «Кіевскія Вѣсти».

празднества въ качествѣ оффиціальнаго представителя «законодательной палаты». Оказывать ему «вниманіе» при посредствѣ особъ, равноправныхъ россійскому императорскому послу въ Англіи гр. Бенкендорфу, было бы, допустимъ, черезчуръ. Но хоть бы чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ командировали объяснить «тучѣ генераловъ» и полицейскихъ чиновъ, имена же ихъ Ты, Господи, вѣси.

— Дайте же пройти предсѣдателю Государственной Думы отъ вагона до извозчика...

Всѣ мы понимаемъ, конечно, что послѣ заграничныхъ декларацій педагогически необходимо охладить чувства болѣе или менѣе рѣзкимъ контрастомъ,—не то «эти Хомяковы», и въ самомъ дѣлѣ, вообразятъ... А все-таки—что скажутъ иностранцы? Обидятся ли они, соображая, что ихъ здравый смыслъ цѣнятъ не очень то высоко? Или просто махнутъ рукой и засмѣются:

— Развѣ можно съ русскими считаться въ серьезъ?

V.

Можно ли считаться въ серьезъ? Мнѣ приходитъ въ голову одно сравненіе. Для разныхъ оттѣнковъ оффиціальной мысли у насъ учреждены разныя оффиціальныя газеты. Столыпинскій оттѣнокъ — «Россія», Курловскій—«Русское Знамя», синодальный—«Колоколъ» и т. д. Наконецъ, всѣ цвѣта этой радуги вмѣщаетъ «Новое Время». Сводить счеты съ этими учрежденіями приходится, конечно, серьезно и настойчиво. Но, замѣтьте, полемизировать съ ними дѣловымъ образомъ рѣдко кому удается. Цитируя ихъ, даже такіе исключительно далекіе отъ излишняго «фельетонированія» органы, какъ «Русскія Вѣдомости», впадаютъ въ шутливо-фельтонный тонъ. И это не потому, конечно, что всѣ мысли столыпинскаго, курловскаго или иного оттѣнка заслуживаютъ лишь шутливаго обсужденія. Нѣтъ, мысли и замыслы у нихъ бываютъ вовсе не шуточныя, только впечатлѣніе они производятъ такое, словно стряпали ихъ въ департаментѣ и не столько по соображенію съ дѣйствительностью, сколько внѣ условій времени и пространства.

Возьмите, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы такую мысль:

> Въ высшихъ кругахъ полтавскимъ торжествамъ придавалось особенное значеніе. Они должны были, какъ выражается одинъ очень высокопоставленный сановникъ, поставить точку надъ прошлымъ, подчеркнуть наступившее успокоеніе и возвращеніе довѣрія народу („Рѣчь“, 2 іюня).

«Возвратить довѣріе народу»... Дѣйствительность на земномъ шарѣ устроена такъ, что довѣрія народа ищутъ, заслуживаютъ. И человѣку, соображающемуся съ реальными свойствами соціальной стихіи, называемой «народъ», едва ли въ голову можетъ придти мысль объ отнятіи или возвращеніи довѣрія стихійнымъ силамъ.

Но допустимъ, что газета неудачно формулировала выраженіе «очень высокопоставленнаго сановника». Кстати въ оффиціальныхъ рѣчахъ и заявленіяхъ во время полтавскихъ празднествъ на первый планъ выдвигалось не «довѣріе», а необходимость единенія власти съ народомъ и народа съ властью. Иной вопросъ, на сколько исполнима мысль «поставить точку», примирить и достигнуть единенія, но сама по себѣ она казалась бы достаточно серьезна. И предлогъ, повторяю, двухсотлѣтіе полтавской битвы—юбилей, такъ сказать, нейтральный, не толстовскимъ или гоголевскимъ днямъ чета: патріотическое воспоминаніе о событіи, огромное значеніе котораго одинаково признаютъ и правые, и лѣвые. Положимъ, при нынѣшнемъ остро-практическомъ направленіи умовъ значеніе это опредѣляется не только въ патріотическомъ смыслѣ. Даже г. Меньшиковъ незадолго до полтавскихъ празднествъ взялъ да и ляпнулъ: Финляндія, дескать, не въ примѣръ обнищалой Россіи, достигла почти европейскаго благополучія; а почему? да потому, что сохранила европейскія вольности, унаслѣдованныя со временъ шведскаго владычества. Конечно, у г. Меньшикова совершенно не было цѣли «подсказывать» читателю, что вотъ, молъ, если бы побѣду подъ Полтавой одержалъ Карлъ, то и мы, быть можетъ, не хуже Финляндіи были бы. Но неудобно это вышло у г. Меньшикова. И примѣръ Меньшиковской неосторожности свидѣтельствуетъ, какъ трудно по нынѣшнимъ временамъ настраивать людей на патріотическій ладъ. Неподлежащія мысли словно сами собою рождаются. А все таки развѣ ужъ совсѣмъ нельзя добиться нѣкотораго объединяющаго воодушевленія возлѣ полтавскихъ воспоминаній? Во всякомъ случаѣ, такую задачу можно было серьезно поставить. Она и была поставлена. Но выполняли ее..

Задолго до 27 іюня—годовщина полтавскаго боя—газеты стали сообщать, что въ Полтаву и окрестныя мѣста отправляются партіи полицейскихъ агентовъ. За «агентами» поѣхали «чины наружной полиціи». Въ провинціальныхъ газетахъ запестрѣли телеграммы изъ Петербурга:

«Вчера въ Полтаву выѣхало 200 городовыхъ и 16 околоточныхъ» («Утро» 16 іюня).

Ко дню торжествъ на мѣстѣ оказались:

чины и городовые изъ Петербурга, Москвы, Харькова, Кіева... Петербургскіе расположились даже лагеремъ на Шведскомъ пол… и живутъ въ палаткахъ. Жандармскіе дивизіоны пріѣхали съ лоп…дьми («Кіевскія Вѣсти», 23 іюня).

Наѣхало ихъ столько, что явилась возможность у… едить по улицамъ Полтавы наружные полицейскіе посты на разстоя…и 10 шаговъ одинъ отъ другого. И это только «наружные посты». А сколько «внутреннихъ»—агентурныхъ? По словамъ газетъ, мѣст… я поли-

ція на время празднествъ была устранена, а самое завѣдываніе охраной города, передали царскосельскому полицейместеру. Возникло даже неудобство для пріѣзжей публики: городовые на каждомъ шагу, а справиться хотя бы, напр., объ адресѣ оффиціальныхъ мѣстъ и лицъ не у кого, потому что «командированные» Полтавы не знаютъ. Трудно сказать, какія соображенія легли въ основу этихъ мѣропріятій. Можетъ быть, хотѣли кстати устроить полицейскій праздникъ,—«поддержать» полицію крупныхъ центровъ усиленными командировочными ассигнованіями. Можетъ быть, просто не довѣряли полиціи полтавской. Во всякомъ случаѣ, «богато» нагнали всякихъ чиновъ, совершенно чуждыхъ мѣстному населенію. И, конечно, не ради тѣхъ только надобностей, о которыхъ говорилъ гоголевскій городничій:

— Квартальный Пуговицынъ... Онъ высокаго роста,—такъ пусть стоитъ для благоустройства на мосту...

Мѣсяца за два до праздника появились извѣстія объ усиленныхъ обыскахъ, арестахъ, высылкахъ. И уже въ маѣ газеты съ понятнымъ недоумѣніемъ писали:

Предстоящія полтавскія торжества ознаменовались для города Полтавы рядомъ высылокъ. Высылаютъ больше всего евреевъ. Между прочимъ, предложено выѣхать помощнику присяжнаго повѣреннаго Гликену. По слухамъ число предназначенныхъ къ высылкѣ переваливаетъ за тысячу. Для большинства эти высылки (до 1 іюля) равносильны раззоренію («Вятская Рѣчь», 31 мая).

Соотвѣтствующія мѣропріятія шли по всей губерніи и даже въ сосѣднихъ губерніяхъ. Замѣтное вниманіе привлекла, между прочимъ, учащаяся молодежь, предполагавшая провести каникулы въ хуторахъ и городахъ Полтавщины. Полтавцы, застигнутые этимъ потокомъ «предупредительныхъ мѣръ» вдали отъ родины, поневолѣ рѣшали провести «столь опасное время» на чужбинѣ:

— И надо бы ѣхать на родину,—дѣла тамъ, да какъ поѣхать? Неизвѣстно, какъ ты наѣзжимъ или мѣстнымъ охранникамъ покажешься. Мало ли нашихъ съ проходными свидѣтельствами изъ губерніи вылетѣло?

И, наоборотъ, многіе полтавцы, по словамъ «Кіевскихъ Вѣстей», застигнутые бѣдою у себя на родинѣ, поспѣшили выѣхать «добровольно» *), не дожидаясь «указаній» полиціи. Положимъ, она можетъ и не «указать». Однако, ручаться, что тотъ или иной агентъ не захочетъ обнаружить свою распорядительность именно на твоей особѣ, конечно, нельзя. Стало быть, «лучше подальше отъ грѣха», ибо не всѣмъ просто даютъ проходное свидѣтельство и говорятъ: «уѣзжайте»; иныхъ и въ тюрьму сажаютъ, а тамъ тифъ...

Говорятъ, всѣми этими дѣлами лично завѣдывалъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Курловъ. Если это вѣрно, то... я

*) «Кіевскія Вѣсти», 23 іюня.

не знаю, извѣстно ли бывшему курскому вице-губернатору различіе между патріотическимъ торжествомъ и стихійнымъ бѣдствіемъ, равносильнымъ градобитію или наводненію. Всѣ мы понимаемъ, конечно, что у насъ таковъ обычай. И всѣ мы знаемъ, что когда ждутъ, напр., губернатора, то передъ этимъ неминуемо должны произойти аресты, обыски и высылки. Когда ждутъ чиновника чуть-чуть повыше, обысковъ, арестовъ и высылокъ чуть-чуть побольше. Визитъ министра уже равносиленъ катастрофѣ для хорошаго десятка семей въ той мѣстности, гдѣ онъ ожидается. Въ Полтаву ждали много всякаго начальства. На торжество прибылъ и государь. Естественно, что полиція, привыкшая соразмѣрять служебный рангъ ожидаемыхъ особъ съ количествомъ произведенныхъ по сему случаю «изъятій», превзошла самое себя. Какъ это усердіе связалось съ задачею «единенія власти и народа?»

Полицейскою охраною дѣло не ограничилось. Газеты утверждали, что первоначально былъ замыселъ организовать «единеніе власти съ народомъ» при помощи «союзниковъ». Сторонники этого проекта соблазняли рѣшающую инстанцію возможностью соединить пріятное съ полезнымъ,—«единеніе» съ адресомъ если не о полномъ упраздненіи Думы, то о замѣнѣ ея законодательныхъ правъ законосовѣщательными. Финансовыя и всякія другія соображенія заставили, наоборотъ, афишировать нашъ конституціонализмъ заграницей. И, такимъ образомъ, соблазнительный аргументъ потерялъ силу. Сверхъ того, союзъ подвергся жестокимъ разоблаченіямъ. Устроить «единеніе» при помощи организаціи, обвиняемой во многихъ уголовныхъ преступленіяхъ, было бы неудобно. Одно время появились даже извѣстія, что союзниковъ рѣшено совсѣмъ не пускать. Однако, въ концѣ-концовъ, остановились на компромиссномъ рѣшеніи,—пустить, но не слишкомъ много, и не какъ политическую партію—пришлось бы пускать и октябристовъ, напр.,—а лишь въ качествѣ дополнительной, такъ сказать, обывательской, охраны. Недѣли за 2 до полтавскихъ торжествъ въ «Голосѣ Москвы» появилась по этому случаю такая, напр., замѣтка:

«Товарищъ предсѣдателя ярославскаго союза русскаго народа, бывшій полицеймейстеръ Курска Заринъ, организуетъ для Полтавы охранный отрядъ въ 200 человѣкъ» („Голосъ Москвы", 13 іюня)

Если мнѣ не измѣняетъ память, г. Заринъ служилъ въ Курскѣ при г. Курловѣ и какъ разъ во время знаменитаго избіенія дѣтей. Такимъ образомъ, оба эти дѣятеля снова сошлись,—бывшій вице-губернаторъ въ качествѣ руководителя всею вообще охраной въ Полтавѣ, г. Заринъ, какъ начальникъ спеціальнаго охраннаго отряда, принадлежавшаго къ организаціи, обвиняемой, помимо разныхъ другихъ преступленій, въ цѣломъ рядѣ политическихъ убійствъ и покушеній на убійства.

Вообще, впечатлѣніе отъ участія «союза» создавалось не совсѣмъ

благопріятное. Правда, «Новое Время» напечатало было сообщеніе, что слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ г. Тлустовскій нашелъ обвиненія противъ г. Дубровина и другихъ союзниковъ не обоснованными. Но это не только не сгладило неловкости, но еще болѣе обострило. Одинъ изъ свидѣтелей, допрошенныхъ г. Тлустовскимъ, выступилъ съ печатнымъ протестомъ противъ такого слѣдовательскаго заключенія, и попутно сообщилъ, что въ редакціи «Новаго Времени» ему заявили, будто взволновавшая его замѣтка исходитъ отъ самого судебнаго слѣдователя Тлустовскаго. Одновременно «Русское Знамя» рѣшило взять, наконецъ, быка за рога. Оно высказало, что со стороны правительства это лицемѣріе—преслѣдовать патріотическую организацію за убійство политическо-неблагонадежныхъ людей. А г. Булацель успокоительно добавилъ, что П. А. Столыпину уже приказано судебную «травлю» союзниковъ прекратить. Въ такой крайности пришлось выступить «Россіи» съ полемическими нотами и въ сторону «Новаго Времени», и въ сторону г. Булацеля. Она стала увѣрять, что замѣтка о прекращеніи слѣдствія получена «Новымъ Временемъ» изъ частныхъ, а не оффиціальныхъ источниковъ; а г-ну Булацелю заявила, что П. А. Столыпину можетъ приказывать только Государь, а за приписываніе своихъ мыслей и намѣреній Государю люди подлежатъ отвѣтственности. Другими словами, «Россія» ухитрилась поставить точки надъ і, и въ то же время не опровергнуть ни того, что замѣтка «Новаго Времени» исходитъ отъ г. Тлустовскаго, ни того, что г. Столыпину приказано пресѣчь судебную отвѣтственность союзниковъ за ихъ преступленія (разумѣлось г. Булацелемъ, главнымъ образомъ, убійство Герценштейна). Этой странной двусмысленностью не замедлили воспользоваться «Новое Время» и г. Булацель. Да если бы послѣдній и не воспользовался и не сталъ настаивать на своемъ, смыслъ возраженія «Россіи» столь оригиналенъ, что само собою выходитъ—если г. Булацель не привлеченъ къ отвѣтственности, то сообщенное имъ, г. Булацелемъ, соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Словомъ, казенная газета еще разъ сумѣла высказаться такъ, что ужъ лучше бы ей молчать. Получился дополнительный скандалъ по поводу «союза». Подъ шумъ скандала охранныя сотни союзниковъ прибыли въ Полтаву. Въ ореолѣ скандала и все болѣе и болѣе подтверждающихся тяжелыхъ обвиненій они во время празднествъ и выступали, кстати афишируя, что имъ покровительствуетъ самъ г. Курловъ... Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство въ подчеркиваніи не нуждалось...

Надо представить себѣ, что такое «союзникъ» въ обывательскомъ пониманіи. Русскій языкъ исключительно богатъ ругательными выраженіями. Есть въ немъ и такія ругательства, которыя для самаго сѣраго, приниженнаго человѣка равносильны тяжелому оскорбленію. Это не совсѣмъ тѣ слова, которыя зовутся иносказательно трехъэтажными, четырехъэтажными. Четырехъэтажное слово,

бываетъ, у человѣка и безъ намѣренія оскорбить сорвется, а просто такъ, «съ сердцовъ». Но есть другія слова, на интеллигентскій взглядъ, быть можетъ, обыкновенныя, даже смѣшныя, но выражающія, по мнѣнію сѣраго человѣка, крайнюю степень моральнаго паденія, а потому и непереносно обидныя. Къ сожалѣнію, никому не пришло въ голову прослѣдить, такъ сказать, исторію этихъ словъ, ихъ смѣну, хотя отдѣльные, яркіе случаи въ этой области давно уже обращаютъ на себя вниманіе. Извѣстно, напр., какой смыслъ приняло простонародное названіе старинной оффиціальной должности: «прохвостъ». Этому слову посчастливилось стать въ русскомъ языкѣ однимъ изъ самыхъ оскорбительныхъ ругательствъ. Не менѣе, пожалуй, любопытны слова: «шантрапа», «ракло», «золоторотецъ». Въ концѣ 90-хъ годовъ съ легкой руки Максима Горькаго простонародье стало усваивать новое ругательное слово: «босякъ». «Босая команда»—давнишнее ироническое выраженіе. Но почему-то случилось такъ. что именно въ тотъ моментъ, когда въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ началась «идеализація босяка», въ низахъ слово «босякъ» стало пріобрѣтать популярность, какъ оскорбительное, равносильное упреку въ злостномъ моральномъ банкротствѣ, наравнѣ съ другимъ ругательствомъ, такъ же новымъ въ народной средѣ: «хулиганомъ». Это своеобразное преломленіе, сколько я знаю, такъ и осталось необъясненнымъ и непонятнымъ. Какъ памятникъ остраго пароксизма погромовъ, отложилось новое ругательное слово: «черносотенецъ», «черная сотня». Союзъ русскаго народа пытался бороться съ оскорбительнымъ пониманіемъ этого выраженія. Гг. Пуришкевичъ, Марковъ старались съ гордостью говорить о себѣ: «мы черносотенцы». Но измѣнить народное впечатлѣніе, оставленное погромщиками, едва ли удастся. Жестокія впечатлѣнія послѣднихъ лѣтъ обогатили русскій языкъ и еще однимъ ругательствомъ: «союзникъ». Смыслъ этого выраженія въ сѣрой обывательской средѣ, сколько я понимаю, разнится отъ «черносотенца». Черносотенецъ—дикій человѣкъ; его лихость можетъ происходить именно отъ дикости и неуравновѣшенности. Союзническая лихость особая. Если базарная торговка возмущенно кричитъ обидѣвшему ее покупателю: «союзникъ», это прежде всего означаетъ «мірской захребетникъ», паразитъ. Но опять таки особый захребетникъ. Бываютъ «захребетники» по необходимости, живущіе на мірской счетъ, потому что ни къ чему другому неспособны. Таковы, между прочимъ, «лодыри». Бываютъ захребетники сознательные: онъ способенъ жить своимъ честнымъ трудомъ, но присасывается къ мірскому хребту только потому, что это легче. «Союзникъ»—сознательный захребетникъ. Но послѣдніе тоже бываютъ разные. «Прохвостъ», если хотите, тоже отчасти захребетникъ, но дѣйствующій больше всего изворотливостью, хитростью, обманомъ. «Прохвостъ» долженъ быть съ «выдумкой». Онъ часто «мягко стелетъ, да жестко спать». Союзникъ же идетъ къ цѣли напрямикъ, нахрапомъ. «Прохвостъ»—

хищникъ, которому свойственны въ большей или меньшей степени качества лисицы. И есть особые хищники, у которыхъ «выдумки», изобрѣтательности не больше, чѣмъ у волка. Вотъ для обозначенія этой послѣдней разновидности и пригодилось словцо: «союзникъ». Я не касаюсь другихъ оттѣнковъ этого новѣйшаго ругательства. Да и не въ оттѣнкахъ, собственно, дѣло. И не въ томъ, конечно,— правильно или неправильно преломилось въ обывательскомъ пониманіи данное политическое явленіе. Для насъ важно лишь, что такое преломленіе случилось. И съ этимъ невольно считаются сами союзники. Еще недавно они любили шумѣть открыто; теперь газеты то и дѣло отмѣчаютъ, что многіе, если не отпали, то предпочитаютъ своею принадлежностью къ союзу не хвастать. Многими припрятаны союзническіе значки, еще не такъ давно выставлявшіеся напоказъ. Даже въ Полтавѣ, говорятъ, нѣкоторые союзники предпочитали со значками не показываться. Это называется въ прессѣ «распаденіемъ союза». Мнѣ довелось слышать обывательское опредѣленіе. Рѣчь зашла о нѣкоемъ Өедорѣ Гавриловичѣ, искони и заслуженно пользующемся нелестною славою среди сосѣдей.

— Всегда онъ у насъ такой. Мимо идетъ—смотри въ оба. А какъ надѣлъ этотъ самый значекъ—просто хоть въ Сибирь изъ родительскихъ гнѣздъ переселяйся. Прямо за горло хваталъ. Одначе, обломали таки его, которые изъ нашихъ. Безъ значка ужъ сколько мѣсяцевъ ходитъ. Моду эту бросилъ... Теперь, значитъ, нашъ Өедоръ Гаврилычъ опять въ прохвосты подался...

Т. е. опять «прикрылъ волчью прыть овечьею шубою»,—сталъ дѣйствовать больше хитростью и ловкостью, перевелся, такъ сказать, обратно въ приготовительный классъ... Какъ грубо эта мысль звучитъ у обывателя! И какъ гладко говорилъ шталмейстеръ Родзянко въ Полтавѣ союзникамъ, что вообще въ сферахъ, «насколько ему извѣстно, союзомъ довольны»,

> но только нѣкоторые изъ его вождей некультурны и грубы... Въ настоящее время нужно бороться культурными и гуманными средствами, а не криками „долой“ и т. п. Точно также и въ печати союзникамъ слѣдуетъ выработать свои мысли гораздо вѣжливѣе и тактичнѣе („Рѣчь“, 2 іюня).

Въ Полтавѣ союзники и старались держаться... «культурнѣе». Вотъ, напр., сценка. Только что открытъ памятникъ коменданту Келлену. Особы уѣхали. Къ памятнику приближается публика— «поглядѣть».

> Внезапно какое-то замѣшательство. Публика хлынула отъ памятника назадъ, смущенная странной толпой, нестройно, какъ на пожаръ, выбѣжавшей откуда-то изъ-за кустовъ и мчащейся къ памятнику. Почти исключительно въ рубашкахъ, поддевкахъ,—грязныхъ и изорванныхъ. Это— „союзники“. Ихъ держали въ теченіе главныхъ моментовъ гдѣ-то позади. Теперь они „при исполненіи обязанностей“, служатъ „порядку“—взялись за руки и вокругъ памятника образуютъ какой-то дикій хороводъ... за-

чѣмъ, для чего,—неизвѣстно. Для охраны вѣнковъ здѣсь стоятъ часовые... Да и сами союзники, очевидно, сознаютъ весь комизмъ своего „патріотическаго служенія“: незамѣтно, одинъ за другимъ они какъ-то исчезаютъ, стушевываются. („Кіевскія Вѣсти“, 30 іюня).

Еще сценка. Крестный ходъ на Братскую могилу.

Шествіе открывается отрядомъ конныхъ полицейскихъ, за которыми хоругви, кресты... За ними духовенство... пѣвчіе... учащіеся... Гвоздемъ процессіи являются „союзники“... И физіономіи же! Ихъ глядѣть доставило истинное удовольствіе публикѣ... Испитыя, исподлобья какъ-то робко озирающіяся и, наоборотъ,—сытыя, круглыя и упитанныя фигуры, самодовольно поглядывающія на производимый эффектъ... Эта команда, для которой на нашемъ богатомъ языкѣ имѣются и прилагаются мѣтко и лѣпко опредѣленія, расхолаживаетъ все... („Кіевскія Вѣсти“, 28 іюня).

Настоящаго народа въ этомъ торжественномъ шествіи оказалось меньше, чѣмъ въ «обыкновенныхъ лѣтнихъ крестныхъ ходахъ». Была публика, которая стояла на тротуарахъ, смотрѣла, дѣлилась замѣчаніями по поводу «союзниковъ», считала ихъ «стяги». Выходила «подивиться», какъ говорятъ въ Малороссіи. Газетные корреспонденты вообще единодушно отмѣчаютъ малолюдство во время торжествъ.

Съѣздъ гораздо меньше, чѣмъ ожидалось. Не только много незанятыхъ квартиръ изъ числа предложенныхъ, но и на занятыя не прибыли многіе абонировавшіеся (Ibid.).

Были даже «свободные номера» въ гостиницахъ. Кто-то пустилъ по деревнямъ «разговоръ», что во время торжествъ будутъ раздавать сапоги. Но и на сапоги деревенская публика не пришла. Впрочемъ, и трудно было придти. Заранѣе стало извѣстно, что «для устраненія скопленія ненужнаго народа будутъ нести сторожевую службу нѣсколько казачьихъ полковъ».*) А на счетъ «нужнаго народа» точно также заранѣе позаботилось начальство:

Изъ всѣхъ волостей губерніи по выбору земскихъ начальниковъ на время юбилейныхъ торжествъ командируются крестьяне и крестьянки, которые должны быть одѣты въ національные костюмы. Расходы на проѣздъ этихъ крестьянскихъ представительствъ и на ихъ содержаніе оплачиваются сельскими обществами („Рѣчь“, 13 іюня).

Сверхъ того, «крестьянскихъ представителей» догадались помѣстить въ черепичные, накаляемые украинскимъ солнцемъ, бараки. Впрочемъ, земскіе начальники сумѣли выбрать людей, которые все время «на всѣхъ языкахъ молчали». Ихъ «строили въ колонны и ставили по указанію церемоніймейстера на то или н[illegible]угое мѣсто» земскіе начальники **). А при оффиціальномъ представл[illegible]и ихъ переименовали въ «выборныхъ отъ сельскихъ обществъ» и за н[illegible]хъ

*) „Рѣчь“, 1 іюля

[illegible] іюня.

«по ихъ уполномочію», говорилъ губернаторъ. О томъ, что существуетъ такъ называемое «общество» вспомнили, когда уже все окончилось. «Общество или само устранилось или было устранено». Оставались еще городскія думы и земства. Но они—пишетъ «Рѣчь»—или отнеслись къ торжествамъ чисто формально, или уклонялись отъ участія въ нихъ» *). И оказалось, что на торжествѣ, кромѣ «статистовъ», очень много войскъ, очень много полиціи, много начальства и... «союзники». Естественно на этомъ послѣднемъ привѣскѣ сосредоточилось особенное вниманіе и газетныхъ корреспондентовъ, и мѣстной публики, выходившей изъ домовъ «подивиться». Такая архитектура праздника, если и могла что запечатлѣть, то лишь единеніе власти съ союзниками. Я понималъ бы демонстрацію подобнаго единенія. Такую цѣль можно ставить,—ну, напримѣръ, чтобъ внушить страхъ врагамъ. Къ ней можно сознательно идти, хотя для этого пришлось бы мобилизовать крупныя силы союзной арміи, а не жалкую кучку странныхъ людей, которые вызываютъ въ публикѣ смѣхъ. Но ставить задачей единеніе власти съ народомъ и организовать дѣло такъ, что въ обывательскомъ мозгу могло запечатлѣться лишь единеніе власти съ «союзниками», самое названіе которыхъ въ народномъ языкѣ стало равносильнымъ оскорбленію,—это, право, мало убѣдительное доказательство даже не ума или талантовъ, а хотя бы только умѣнья соображать значеніе собственныхъ мѣропріятій... Удивительно даже, какъ оно у насъ выходитъ. Послѣ курскаго происшествія, положившаго начало настоящей карьерѣ г. Курлова, былъ онъ, сколько помнится, минскимъ губернаторомъ и «подтянулъ губернію вó-какъ». Потомъ управлялъ тюрьмами, и не только подтянулъ, но и сдалъ ихъ своему преемнику съ такимъ тифомъ, какого, кажется, въ русскихъ тюрьмахъ еще не бывало. Теперь онъ, въ качествѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, говорятъ, обнаруживаетъ не менѣе блестящія государственныя способности. Подтянуть—первый мастеръ. А взялся, не то, чтобы за трудное государственное дѣло,—просто за организацію охраны во время полтавскихъ празднествъ, и вышло... И вѣдь не въ Полтавѣ только оно вышло, и не Полтавой ограничилось. Руководители «союза» не замедлили воспользоваться произведеннымъ на обывателя впечатлѣніемъ и опубликовали, что «опала» съ «союзниковъ» снята, и они опять близки къ сферамъ. Какъ разъ кстати кіевскій генералъ-губернаторъ по случаю высочайшаго посѣщенія Кіева «счелъ себя обязаннымъ (оффиціально) высказать благодарность союзникамъ за содѣйствіе мѣстной полиціи» **).

г. Булацель обратился ко всѣмъ отдѣламъ союза русскаго народа съ предложеніемъ посылать на Высочайшее имя ходатайство объ освобожденіи Половнева и Юскевича-Красковскаго отъ суда и наказанія по дѣлу объ убійствѣ Герценштейна („Кіевскія Вѣсти“ 5 іюня).

---

*) „Рѣчь“ 1 іюля.

**) „Рѣчь“, 2 іюля.

«Куй желѣзо, пока горячо»: безъ промедленія. Одновременно изъ газетъ стало извѣстно о новомъ патріотическомъ подвигѣ союзниковъ: будто они убили Ларичкина, одного изъ главныхъ обвиняемыхъ по дѣлу о Герценштейнѣ, и убили именно за то, что онъ хотѣлъ явиться въ финляндскій судъ съ повинною и дать откровенныя показанія...

А впрочемъ, «Россія» тотчасъ послѣ полтавскихъ торжествъ разъяснила:

> Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что довѣріе власти никогда и нигдѣ не распространялось на тѣ элементы населенія, противъ которыхъ вводятся исключительныя и военныя положенія (Цит. по „Кіевскимъ Вѣстямъ", 5 іюня).

Правильно. Пока почти вся Россія находится «на усиленной или чрезвычайной охранѣ», развѣ можно думать о «возвращеніи довѣрія» такому странному «элементу» населенія? И развѣ можно создать единеніе власти и народа, пока самое существованіе исключительныхъ положеній почти во всемъ государствѣ свидѣтельствуетъ о разладѣ? Нечего, стало быть, и пенять на г. Курлова. То есть, конечно, на его мѣстѣ дѣятель, болѣе тонкій, нашелъ бы, что для власти нѣтъ никакой пользы являться передъ обывателемъ объ руку съ союзниками. Но этотъ минусъ, значительный самъ по себѣ, въ общей массѣ другихъ минусовъ мало замѣтенъ и мало чувствителенъ.

Такъ вотъ оно и всегда бываетъ: за мечтами слѣдуетъ разочарованіе. Легче, если жить, не раздумывая.

День прошелъ, ничего не случилось—и слава Богу!..

А. Петрищевъ.

Политика.

Низложеніе шаха Али-Могамеда и новое правительство въ Персіи.—Турецкія дѣла: распаденіе или федерализмъ.—Критскій вопросъ.—Паденіе князя Бюлова и паденіе кабинета Клемансо.—Текущія событія.

I.

Али-Могамедъ, шахъ Ирана, низложенъ конституціоналистами, подписалъ актъ отреченія отъ престола и укрылся въ загородную виллу русскаго посольства подъ защиту русскаго и британскаго флаговъ, развѣвающихся надъ виллою и подъ охраною стражи изъ русскаго и британскаго посольствъ. Будемъ надѣяться, что

молодой деспотъ уже достаточно обезвреженъ и болѣе не опасенъ персидскому народу.

Недолго царствовалъ Али-Могамедъ, но успѣлъ вписать кровавую страницу въ исторію многострадальнаго Ирана... Въ августѣ 1906 года покойный шахъ Мозаффаръ-Эддинъ обнародовалъ конституцію. Шахъ Мозаффаръ скоро умеръ, а его преемникъ Али-Могамедъ въ февралѣ 1907 года принесъ присягу на вѣрность конституціи. Однако, уже въ октябрѣ того же 1907 года онъ отмѣнилъ дарованную Мозаффаромъ конституціонную хартію и далъ другую. Это вызвало конфликтъ, и шахъ назначилъ реакціонное министерство. Переговоры съ парламентомъ привели въ январѣ 1908 года къ соглашенію, однако уже въ февралѣ нарушенному шахомъ, который покинулъ столицу и приказалъ бомбардировать парламентъ. Меджилисъ былъ разогнанъ, и шахское правительство стало хозяиномъ положенія въ Тегеранѣ, но въ большихъ городахъ провинціи началась организація сопротивленія реакціи, особенно въ Тавризѣ, Испагани,囲Рештѣ, Мешхедѣ... Въ іюлѣ 1908 года Тавризъ былъ въ рукахъ возставшихъ конституціоналистовъ. Затянувшееся междоусобіе дало поводъ Англіи и Россіи сдѣлать шаху представленіе о необходимости возстановленія конституціи. Али-Могамедъ обѣщалъ, но обѣщанія не исполнилъ. Вмѣсто того, шахъ осенью 1908 года издалъ декретъ, совершенно отмѣняющій конституцію. Энергическія представленія державъ побудили шахское правительство взять назадъ этотъ декретъ (начало 1909 года).

Эти поступки шаха, систематически не державшаго своего слова, все болѣе раздражали провинцію. Населеніе Испагани, долгое время столицы Ирана, соединилось съ бахтіарами и готовилось къ походу на Тегеранъ. Туда же готовились выступить изъ Решта конституціоналисты подъ начальствомъ Сепехдара, а изъ Тавриза долженъ былъ двинуться Саттаръ-ханъ съ своими фидаями. Однако, въ это время генералъ Снарскій занялъ Тавризъ, Саттаръ-ханъ укрылся въ турецкое консульство, а походъ на Тегеранъ изъ Тавриза не состоялся. Что для этого предпринялъ генералъ Снарскій, въ точности неизвѣстно. Однако, то обстоятельство, что Саттаръ не могъ идти на соединеніе съ Сепехдаромъ, продлило власть шахскаго правительства.

Вслѣдъ за отрядомъ ген. Снарскаго, парализовавшимъ движеніе тавризскихъ конституціоналистовъ, былъ высаженъ русскій отрядъ и въ Рештѣ и двинутъ по стопамъ Сепехдара на Казвинъ. Однако, Сепехдаръ не далъ себя нагнать и быстрымъ движеніемъ соединился съ испаганскими бахтіарами. Конституціоналистамъ было необходимо предупредить русскихъ въ Тегеранѣ, гдѣ шахскія войска начали грабить армянъ. Быстрою и рѣшительною атакою конституціоналисты овладѣли столицею, нанесли пораженіе Ляхову и заставили Али-Могамеда отречься отъ пре-

стола. Ляховъ съ своими персами-казаками перешелъ на службу новому правительству. Порядокъ въ столицѣ образцовый, мародерство уничтожено и никому никто не угрожаетъ.

На престолъ возведенъ одиннадцатилѣтній Ахмедъ-Мирза, сынъ Али-Могамеда. Новое министерство составлено изъ рѣшительныхъ сторонниковъ либеральныхъ реформъ. Для Ирана начинается новая эпоха и будемъ надѣяться, что никто не будетъ помѣхою реформированію стараго режима деспотовъ и сатраповъ на новыхъ началахъ свободы и народнаго представительства. Не гладкій это путь и много еще придется испытать персидскому народу, но начало сдѣлано. Свѣтлый Иранъ Аура-Мазды начинаетъ какъ будто одолѣвать злыхъ сыновъ Аримана. Тысячелѣтія Иранъ ведетъ упорную борьбу съ Ариманомъ и его порожденіями, ордами степныхъ дикарей, прикрывая своею грудью западную цивилизацію. Случалось, что дикари прорывали этотъ оплотъ Запада и тогда орды Чингиза, Сельджука, Османа, Тимура наводняли страны западной культуры, сокрушая и эту цивилизацію. Иранъ, однако, возставалъ изъ праха и снова прерывалъ движеніе степныхъ дикарей на Западъ, давая время странамъ Запада оправиться, а завоевавшимъ ихъ кочевникамъ постепенно цивилизоваться. Эта великая заслуга Ирана передъ человѣчествомъ была и великою жертвою. Персы въ напряженіи всѣхъ своихъ силъ на борьбу съ народами Аримана поневолѣ застыли въ отжившихъ формахъ политическаго и гражданскаго быта. И только, когда Англія, Китай и Россія сомкнули свои границы и прикрыли востокъ Персіи, стало возможно развитіе отъ деспотизма и варварства къ свободѣ и просвѣщенію. Это и совершаютъ теперь персы. Ихъ изящный и выработанный языкъ и ихъ всемірно-историческая литература служатъ хорошимъ прогнозомъ славной будущности великаго иранскаго народа.

Персидское царство заключаетъ въ себѣ около восьми милліоновъ жителей, изъ которыхъ около шести милліоновъ осѣдлаго иранскаго племени и до двухъ милліоновъ кочевого, называемаго *илятами* (или инахами), въ томъ числѣ иранцевъ (бахтіары, луры, лаки) почти половина, остальные тюркскаго племени (до 500 тыс.) и арабы (200 — 250 тыс.). Это даетъ компактное національное цѣлое и гарантируетъ спокойное національное развитіе. Съ другой стороны, и внѣ имперіи, имѣются обширныя группы населенія иранской расы и персидскаго языка. На Кавказѣ талышинцы и таты (не считая осетиновъ, кабардинцевъ и др.), въ Туркестанѣ и Афганистанѣ—таджики, въ Индіи—гебры и т. д., а это увеличиваетъ численность націи, на которую должна опираться персидская цивилизація, болѣе нежели вдвое. При доказанной талантливости расы, слѣдуетъ ожидать всего лучшаго, лишь бы сыны Аримана снова не вмѣшались въ исторію Ормуздова царства.

II.

Богатая духовная культура, освѣщающая и теперь національное сознаніе и питающая здоровыя культурныя традиціи; компактное національное тѣло, господствующее политически и культурно надъ незначительными инородными элементами; литературно-обработанный языкъ для всѣхъ родовъ науки, философіи и литературы; обширныя сочувственныя національныя группы, окружающія имперіи,—это Персія. Ничего подобнаго — это Турція, за то обладающая значительною военною силою, способною отразить непрошенное вмѣшательство, чего въ Персіи на лицо не имѣется.

Распаденіе населенія на многочисленныя національныя группы разнаго происхожденія, разнаго языка и разныхъ исповѣданій и отсутствіе объединяющей духовной культуры являются фактами турецкаго быта, внушающими справедливый скептицизмъ по отношенію къ успѣшному развитію новаго режима, требующему солидарности населенія и общаго сознанія... Это и попытался сдѣлать г. Кондурушкинъ, въ своей статьѣ «Оживаетъ ли Турція», помѣщенной въ № 5 нашего журнала. Обсужденіе этой стороны вопроса было и своевременно, и полезно, но переходъ отъ скептицизма къ пессимизму, какъ это отчасти дѣлаетъ г. Кондурушкинъ, намъ кажется недостаточно обоснованнымъ. На это мы и желаемъ обратить вниманіе и почтеннаго автора, и любезныхъ читателей, встрѣчавшихъ въ «Русскомъ Богатствѣ» и оптимистическія мнѣнія Н. С. Русанова и С. Я. Елпатьевскаго. Радость по поводу паденія тираніи такъ натуральна, что расположеніе къ нѣкоторому оптимизму совершенно понятно. Однако, немного холодной воды не помѣшаетъ... Но кажется намъ, что авторъ статьи «Оживаетъ-ли Турція» впалъ въ противуположную крайность.

Если отъ Александреты на берегу Средиземнаго моря (тамъ, гдѣ Малая Азія соприкасается съ Сиріей) мы проведемъ линію къ бассейну озера Вана и пройдемъ немного южнѣе этого озера къ персидской границѣ, то этой линіей раздѣлимъ Азіатскую Турцію на двѣ части: *южную* (Сирію, Месопотамію и Аравію) съ населеніемъ преимущественно семитическимъ около $5^1/_2$ милліоновъ душъ и *сѣверную* (Малая Азія и Арменія), населенную туранцами съ значительною примѣсью индоевропейцевъ (армяне, греки, курды и мелкія племена), заключающую въ себѣ $11^1/_2$ милл. жителей. Въ Аравіи въ тѣсномъ смыслѣ слова власть турковъ довольно проблематична. Исключаемъ еще 1 милл. населенія, причитающагося на оттоманскія области аравійскаго полуострова, и получимъ двѣ страны, семитическую и туранскую, вмѣстѣ составляющія Азіатскую Турцію и представляющія собою основу могущества и возможной культуры Оттоманской Имперіи. Ни Европейская, ни тѣмъ менѣе Афри-

канская Турція не дадутъ ни могущества, ни оригинальной культуры. То и другое можетъ дать только Азіатская Турція, при чемъ культуру легче ожидать отъ семитической части (богатая духовная культура калифата именно здѣсь развилась, въ Дамаскѣ и Багдадѣ), а могущество даруетъ всей имперіи почти исключительно туранская страна, населенная преимущественно патріотическими и храбрыми племенами турецкими.

Это распаденіе азіатской части Оттоманской имперіи на арабскую и турецкую и представляетъ главнѣйшее затрудненіе въ устроеніи турецкихъ дѣлъ. Политически господствующіе, турки желаютъ господствовать и культурно, чему арабы имѣютъ полную возможность не подчиниться, такъ какъ силою культура не насаждается, а только разрушается. Если турки съумѣютъ отказаться отъ прорывавшихся въ Константинополѣ поползновеній отуречить другія народности имперіи, то арабско-турецкій конфликтъ не страшенъ. Онъ такъ невыгоденъ обѣимъ сторонамъ и такъ ослабляетъ ихъ внѣшнюю безопасность, что безъ національной нетерпимости его съумѣютъ избѣгнуть. А его избѣгнуть, значитъ дать твердую опору новому режиму. Если же новое турецкое правительство дастъ себя увлечь по пути національнзма и вступитъ въ столкновеніе съ своими арабскими соотечественниками, то придется ждать серьезныхъ испытаній, исходъ которыхъ трудно предвидѣть. Это поводъ для скептицизма... Однако, есть надежда и на соглашеніе. Это основаніе не впадать въ пессимизмъ.

Если бы, однако дѣло кончилось даже отпаденіемъ Сиріи и Аравіи, то и въ такомъ случаѣ нечего отчаиваться. Зачѣмъ умирать Турціи, хотя бы уменьшенной? Въ Малой Азіи и Арменіи живетъ 9 милліоновъ турковъ и $2^1/_2$ милл. остальныхъ племенъ, изъ нихъ армянъ милліонъ, грековъ—милліонъ 100 тыс. и другихъ племенъ около 400 тыс. [1]). Турецкая народность здѣсь господствуетъ не только политически, но и численно. Здѣсь же и расцвѣтетъ въ свое время турецкая культура. Только бы она не думала подавлять другія культуры. Это подавленіе отнимаетъ будущность у собственной, деморализуетъ, слѣдственно обезсиливаетъ. Затрачивая значительныя силы на разрушеніе и подавленіе другихъ культуръ, нація сокращаетъ силы для созиданія собственной культуры, является отсталою и подготовляетъ собственный упадокъ.

Авторъ статьи «Оживаетъ-ли Турція» хорошо видитъ эту опасность, считаетъ ее неустранимою и находитъ выходъ или въ возвращеніи къ старому режиму, или въ раздѣлѣ оттоманской территоріи европейскими державами. Однако, онъ не вспомнилъ при этомъ еще объ одномъ исходѣ, который резюмируется словомъ *федерація*. Единое національное развитіе, которое можно ожидать въ

---

*) Это турецкая статистика (стараго режима), но другой болѣе достовѣрной не имѣется.

Персіи, трудно ожидать въ Турціи, но федерація возможна, отчасти уже существуетъ даже. Въ Сиріи Ливанъ, населенный семитическою народностью *маронитовъ*, уже полстолѣтія пользуется автономіей, тоже въ Архипелагѣ островъ Самосъ. Джавадъ-паша, уже теперь въ 1909 году, нанеся рѣшительное пораженіе бунтовавшимъ албанцамъ, доказавъ имъ силу турецкаго оружія, вывелъ войска изъ Албаніи и вступилъ въ переговоры съ албанскими вождями объ умиротвореніи страны на началахъ ея внутренней автономіи. Критъ пользуется автономіей, а Македоніи автономія обѣщана по договору съ державами. Что возможно для албанцевъ, македонянъ, самосцевъ, маронитовъ, почему было бы невозможно для арабовъ, армянъ, курдовъ? Нельзя не видѣть многочисленныхъ затрудненій и серьезныхъ препятствій по пути этого федерированія странъ, входящихъ въ составъ Оттоманской имперіи, но среди этихъ затрудненій и препятствій не замѣтно такихъ, которыя бы слѣдовало назвать непреодолимыми... Побѣдители турки идутъ сами на соглашеніе объ албанской автономіи. Они братаются съ болгарами, которыхъ македонскимъ соплеменникамъ обѣщана автономія. Они строго соблюдаютъ автономію Ливана... Все это показываетъ, что нетерпимо-націоналистское настроеніе въ правительственныхъ кругахъ Турціи, не пользуется тою силою, съ которою нельзя бы было договориться.

Наиболѣе опаснымъ является возможный конфликтъ арабовъ съ турками. Мы объ немъ говорили выше, а затѣмъ опасны еще: вражда между курдами и армянами и положеніе греческой національности.

Въ эпоху Юстиніана и ближайшихъ его преемниковъ сложилась *Великая Греція*, обнимавшая собою весь Балканскій полуостровъ, Малую Азію, Сирію и острова. Это было обширное компактное цѣлое, носившее въ себѣ традиціи богатѣйшей духовной и матеріальной культуры, способное къ развитію, которому не суждено было осуществиться. Не столько удары варваровъ были тому причиною, сколько гоненіе на просвѣщеніе, мысль, эллинскую культуру, свободу, воздвигнутыя церковными іерархами и монахами. Это гоненіе деморализовало и обезсилило націю, лишило ее лучшихъ и талантливѣйшихъ представителей и понизило не только интеллектуальный уровень, но и весь интеллектуальный типъ населенія. Варвары пришлые только разнесли на части это прекрасное тѣло эллинизма, изувѣченное, истязанное, обезкровленное своими собственными варварами церковной іерархіи и монашескаго изувѣрства. Нація погибла. Ея остатки начали оживать на порогѣ XIX вѣка. Геройское возстаніе противъ турецкаго ига, тогда очень тяжелаго, являлось обѣщаніемъ новаго расцвѣта эллинизма. Увы, это былъ не эллинизмъ, а византизмъ. Церковь и теперь имѣетъ для грековъ первоклассное значеніе и ея интересы смѣшиваются и сливаются съ интересами того, что теперь называется эллинизмомъ. Господство греческой іерархіи

на всемъ православномъ Востокѣ привело къ подавленію другихъ православныхъ народностей. Около 50-ти лѣтъ тому назадъ болгарамъ удалось съ большимъ трудомъ освободиться отъ греческой духовной опеки. Теперь та же борьба идетъ между арабами-христіанами Сиріи и греческимъ духовенствомъ. Въ антіохійскомъ патріархатѣ арабы начинаютъ одолѣвать, но въ болѣе важномъ патріархатѣ, іерусалимскомъ, господствуютъ греки, хотя и въ Палестинѣ православныхъ арабовъ больше, нежели грековъ. Эта борьба греческаго духовенства за собственное господство надъ негреческою паствою является одною изъ важнѣйшихъ сторонъ того ложнаго ненормальнаго положенія, въ которомъ находятся греки на Ближнемъ Востокѣ. Другою, тоже ненормальною, стороною греческаго вопроса представляется разселеніе грековъ среди другихъ левантинскихъ народностей.

Какъ по преимуществу торговцы и мореплаватели, греки удержали за собою острова и побережья Оттоманской имперіи. Острова могутъ быть выдѣлены въ особыя автономныя единицы (какъ Критъ и Самосъ), но что дѣлать съ греческимъ бордюромъ на морскихъ берегахъ странъ, заселенныхъ турками, арабами, армянами, болгарами, албанцами? Интересы экономическіе, культурные и политическіе требуютъ не отдѣлять берега отъ Hinterland'а. Это трудная проблемма, но едва ли она сама по себѣ грозитъ опасностями новому турецкому режиму. Въ связи, однако, съ вышеуказанными церковными затрудненіями и при огромныхъ притязаніяхъ греческаго народа, вся эта греческая неурядица можетъ повести къ серьезнымъ осложненіямъ, потому что можетъ повести къ вмѣшательству державъ.

Такою опасностью въ настоящее время является критскій вопросъ. Державы-покровительницы (Англія, Италія, Россія и Франція) рѣшили лѣтомъ этого 1909 года вывести свои войска съ Крита и предоставить критянамъ мирно пользоваться автономіей, организованною и окрѣпшею подъ контролемъ державъ. Явились однако слухи, что за выходомъ европейскихъ войскъ, критяне провозгласятъ присоединеніе къ греческому королевству. Турки этимъ обезпокоились и заявили, что этой аннексіи они не допустятъ силою. Они начали военныя приготовленія. Греки тоже. Въ Аѳинахъ пало министерство за недостаточную подготовленность къ возможному столкновенію. Греческое общественное мнѣніе и даже греческая армія пришли въ большое волненіе. Состоялись офицерскіе митинги. Приняты оппозиціонныя резолюціи, нѣсколько офицеровъ арестовано.

Возможно ли ожидать внезапнаго конфликта? Безъ вызова со стороны грековъ, турки сами не нападутъ, а для вызова со стороны грековъ нужны могущественные подстрекатели... Найдутся ли такіе совѣтники?

Таковы возможныя опасности для новаго турецкаго правительства. Кажется мнѣ, что больше шансовъ благопріятнаго исхода изъ

этихъ затрудненій, хотя нельзя отрицать полной серьезности этихъ затрудненій. Есть однако еще одна сторона турецкаго вопроса, которая заслуживаетъ полнаго вниманія.

Приводимъ интересную таблицу движенія населенія Оттоманской имперіи за десятилѣтіе съ начала девятидесятыхъ годовъ XIX в. до первыхъ годовъ перваго десятилѣтія XX вѣка:

	Въ тысячахъ. 90-годы XIX в.	Первые годы XX в.	R $\pm$
Европейская Турція	5930,0	6130,2	200,2 (+)
Азіатская »	17545,3	16898,7	646,6 (—)
Африканская »	1300,0	1050,0	250,0 (—)
	S =24775,3	24078,9	696,4 (—)

Если вѣрить этимъ статистическимъ даннымъ, то за приблизительно десятилѣтіе населеніе имперіи вымерло круглою цифрою на 700 тыс. душъ, или на 3%. При этомъ въ Малой Азіи и Арменіи населеніе уменьшилось на 266 тыс., въ Сиріи и Месопотаміи на 370 тыс. Какія условія создали такую чудовищную нежизнеспособность населенія Азіатской Турціи, рѣшать трудно, но несомнѣнно, что это вымираніе и является самою серьезною опасностью обновленной имперіи. Самоуправленіе и просвѣщеніе лучшія средства противъ этого мора безъ эпидеміи и безъ войны.

III.

Два крупныхъ министерскихъ кризиса разразились въ Европѣ въ отчетномъ мѣсяцѣ. Отставка германскаго канцлера кн. Бюлова въ Берлинѣ и паденіе кабинета Клемансо въ Парижѣ, оба событія большого значенія.

Пораженіе германскаго правительства по вопросу о финансовой реформѣ является главной видимой причиной отставки кн. Бюлова. «Міровая политика» императора Вильгельма, одобряемая впрочемъ большинствомъ націи, требуетъ огромныхъ расходовъ на флотъ и колоніи. Уже въ теченіе долгаго времени налоги далеко не покрываютъ постоянныхъ издержекъ, и постоянный установившійся дефицитъ уже достигъ *ежегодной* суммы въ 200 милліоновъ марокъ (т. е. 90—94 милліоновъ рублей золотомъ). Между тѣмъ, уже вотированная парламентомъ прибавка жалованья чиновникамъ потребуетъ еще 110 милліоновъ марокъ. Расходы на погашеніе долга возрасли на 55 мил. марокъ, на инвалидный фондъ—30 мм., на покрытіе еще непокрытыхъ дефицитовъ—50 мм., вмѣсто очень тяжелыхъ для населенія налоговъ на сахаръ и желѣзнодорожные билеты надо еще 55 мил., всего круглою цифрою около 500 милліоновъ марокъ ежегодно новыхъ постоянныхъ доходовъ,— вотъ то финансовое положеніе имперіи, которое имперское прави-

тельство должно было уравновѣсить финансовою реформою, ставшею настоятельною необходимостью.

Для возстановленія равновѣсія въ бюджетѣ имперское правительство предложило рейхстагу ввести новые налоги и повысить старые, всего въ слѣдующемъ размѣрѣ (для старыхъ налоговъ мы приводимъ лишь цифру повышенія):

На пиво	100.000.000	мрк.
» вино	20.000.000	»
» табакъ	77.000.000	»
Монополія на алкоголь	100.000.000	»
На наслѣдство	92.000.000	»
» электричество и газъ	50.000.000	»
» объявленія	33.000.000	»
Матрикулярные платежи	25.000.000	»
S=	497.000.000	мрк.

Матрикулярными платежами въ Германіи называютъ суммы, вносимыя въ имперскую казну отдѣльными государствами союза. Покуда эти платежи равнялись 25 мил. марокъ, теперь правительство предложило и рейхстагъ согласился ихъ удвоить.

Вообще нельзя сказать, чтобы этотъ планъ финансовой реформы являлся чѣмъ-либо цѣльнымъ и послѣдовательнымъ и отвѣчалъ бы основному требованію каждаго финансоваго обложенія, т. е. доставлялъ плательщикамъ больше выгодъ, нежели поглощалъ жертвъ. Однако, вельтполитика требуетъ огромныхъ жертвъ, а выгоды обѣщаетъ въ туманномъ отдаленіи. При этомъ условіи нельзя предложить раціональной реформы, но можно состряпать какой-нибудь пластырь на раны, наносимыя хозяйству страны, и стараться, чтобы раны распредѣлялись по возможности менѣе несправедливо. Такой проектъ и сочинило имперское правительство. Рейхстагъ нашелъ его неудовлетворительнымъ и замѣнилъ своимъ, именно слѣдующимъ:

На пиво	100.000.000	мрк.
» вино (шампанское)	5.000.000	»
» табакъ	45.000.000	»
» алкоголь	80.000.000	»
» чай и кофе	37.000.000	»
» спички	23.000.000	»
» электричество и газъ	20.000.000	»
» сахаръ	35.000.000	»
» желѣзнодорожные билеты	20.000.000	»
» объявленія	33.000.000	»
» акціи и облигаціи	23.000.000	»
» купоны	27.000.000	»
» чеки и т. под.	20.000.000	»
Матрикул. платежи	25.000.000	»
S=	493.000.000	мрк.

Такимъ образомъ затребованная бюджетомъ расходовъ сумма кое-какъ покрывается и новою комбинаціей.

Однако, въ чемъ различіе между двумя комбинаціями? Прежде всего обѣ стремятся покрыть большую часть требуемой суммы за счетъ массы потребителей. Правительственный проектъ предлагалъ возложить на потребителей—350 милл.; парламентскій—398 милл., при чемъ сократилъ налогъ на вино (потребленіе богатыхъ классовъ), возстановилъ налогъ на сахаръ (всеобщее потребленіе) и ввелъ на спички (тоже всеобщее потребленіе). Правительственный проектъ самъ старался переложить тяжесть обложенія на бѣдные и средніе классы. Проектъ рейхстага еще увеличилъ эту тенденцію. Изъ-за этого увеличенія вѣроятно не произошло бы конфликта, но было другое различіе. Правительство проектировало налогъ на наслѣдство, который ложился бы одинаковымъ бременемъ на всѣ состоятельные классы. Рейхстагъ не утвердилъ этого налога, но вмѣсто него ввелъ налогъ на акціи, облигаціи, купоны и чеки, т. е. главную тяжесть возложилъ на торгово-промышленные классы, избавляя отъ обложенія помѣщиковъ. Выходитъ, что то сословіе, для котораго уже десятки лѣтъ государство и народъ приносятъ огромныя жертвы (въ видѣ высокаго таможеннаго обложенія продуктовъ иностраннаго сельскаго хозяйства), и теперь освобождается отъ бремени новыхъ налоговъ. Большая часть бремени падаетъ на бѣдные классы, меньшая часть на торгово-промышленные классы и никакого на феодальные!

Случилось это событіе, благодаря союзу консерваторовъ и центра (клерикаловъ). Либералы (націоналъ-либералы и свободомыслящіе) боролись противъ внесенныхъ рейхстагомъ измѣненій и Бюловъ ихъ поддерживалъ. Но консерваторы всѣхъ оттѣнковъ (109 голосовъ въ рейхстагѣ) и клерикалы (105 голосовъ, всего 214 изъ 397) составляютъ компактное большинство, а въ меньшинствѣ—либералы—101, соціалисты—43, а затѣмъ мелкія группы поляковъ, эльзасцевъ и т. д. Соціалисты вдобавокъ не могли одобрить и правительственнаго проекта, явно антидемократическаго. Борьба въ самомъ рейхстагѣ была бы даже прямо невозможна, если бы консервативно-клерикальному союзу не приходилось считаться съ правительствомъ и опасаться распущенія. Только эти опасенія заставили ихъ отказаться, напр., отъ налога на биржевыя сдѣлки, на вывозъ каменнаго угля и пр.

Незадолго до рѣшительнаго голосованія въ рейхстагѣ Вильгельмъ II категорически высказался въ публичной рѣчи за необходимость финансовой реформы именно въ томъ видѣ, какъ проектирована она министерствомъ. Не очень давно этого было бы достаточно, чтобы большинство консерваторовъ сочло своимъ долгомъ подчиниться волѣ монарха. Теперь объ этомъ никто и не думаетъ, а подчинился монархъ, тотъ самый монархъ, который

еще совсѣмъ недавно произнесъ изреченіе «voluntas regis—suprema lex»! Римляне говорили: «voluntas populi—suprema lex», но Вильгельмъ передѣлалъ римское изреченіе въ совершенно новомъ вкусѣ. Самые послушные элементы рейхстага не послушались, однако... Вильгельмъ ихъ не отослалъ къ избирателямъ, а смѣнилъ канцлера. Это парламентарно, но это совсѣмъ не похоже на Вильгельма. Очевидно, консервативное непослушное большинство онъ предпочелъ либеральному. Консервативное большинство не откажетъ въ поддержкѣ вельт-политики, чего бы это ни стоило, а это главнымъ образомъ и нужно германскому кайзеру съ его широкими и дорогими планами.

Это одно объясненіе уступчивости Вильгельма. Въ существованіи этой причины сомнѣваться трудно, но рядомъ съ этою могутъ быть и другія. Указываютъ на желаніе германскаго императора возстановить русско-прусскую дружбу, которую де нарушилъ кн. Бюловъ слишкомъ рѣзкимъ заступничествомъ за Австрію въ мартѣ настоящаго года. Конечно, кн. Бюловъ дѣйствовалъ во всемъ съ одобренія Вильгельма, но если необходимо имъ пожертвовать для разстройства англо-франко-русскаго сближенія, то «долгъ патріотизма повелѣваетъ подчинить собственныя предпочтенія интересамъ отечества», при чемъ отечествомъ въ этомъ случаѣ надо считать все её же, знаменитую Weltpolitik!

IV.

Паденіе министерства Клемансо во Франціи для большинства явилось полною неожиданностью,—тѣмъ болѣе, что еще недавно значительнымъ большинствомъ палата вотировала ему довѣріе.

Общеизвѣстны тѣ скандалы, которые возбуждали общественное мнѣніе Франціи (особенно, Парижа), благодаря обличеніямъ провокаторской дѣятельности Азефа, Гартинга, Герцига и т. д. Новый потокъ обличеній вызвалъ запросъ въ палатѣ депутатовъ и на приглашеніе, обращенное къ правительству, прекратить положеніе дѣлъ, дозволяющее провокаторство, Клемансо воскликнулъ: «C'est fait!» («Это рѣшено!»). Палата одобрила это заявленіе премьера и, съ его одобренія, приняла формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, въ которомъ выражалась увѣренность, что правительство не допуститъ никакой иностранной тайной полиціи дѣйствовать во Франціи. Министерство торжествовало и, казалось, значительно упрочило и укрѣпило свое парламентское положеніе.

Оставалось нѣсколько дней до закрытія парламентской сессіи и до октября некому свалить кабинетъ. Весною же выборы и парламентскому большинству невыгодно передъ самыми выборами низвергать свое министерство... И однако его свергли!

Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ нѣсколькихъ республикан-

скихъ кабинетовъ, Делькассэ выступилъ съ горячею рѣчью о злоупотребленіяхъ въ морскомъ вѣдомствѣ. Надо замѣтить, что злоупотребленія эти давней даты, практиковались при тѣхъ кабинетахъ, въ которыхъ членомъ состоялъ Делькассэ; раскрыты именно при министерствѣ Клемансо, вслѣдствіе чего назначенъ новый морской министръ Альфредъ Пикаръ, который энергически повелъ дѣло разслѣдованія и реформы. Надо замѣтить, что палата одобрила поведеніе кабинета въ этомъ вопросѣ и встрѣтила благопріятно дѣятельность Альфреда Пикара. Съ того времени ничего по этому вопросу существенно новаго: продолжалось разслѣдованіе, по мѣрѣ его движенія устранялись обнаруженныя злоупотребленія, исправлялись нанесенные ими ущербы и недостатки... Все дѣлалось открыто, при свѣтѣ дня, при полной освѣдомленности парламента. Интересъ къ дѣлу былъ общій, но всѣ попытки и монархистовъ справа, и соціалистовъ слѣва возложить отвѣтственность на кабинетъ Клемансо въ парламентѣ не встрѣчали поддержки.

Делькассэ принадлежитъ къ министерскому большинству, именно къ фракціи *демократовъ*. Онъ никогда не занимался морскими вопросами, но онъ посвящалъ себя иностранной политикѣ. Это одно намекаетъ на обстоятельство весьма интересное, именно, что въ запросѣ бывшаго дипломата флотъ есть поводъ, а цѣль другая. Цѣль, по дипломатическимъ соображеніямъ, не должна быть обнаружена, но Клемансо надо устранить. Такъ думала довольно значительная часть депутатовъ, вообще поддерживавшихъ министерство. Запросъ былъ неожиданный. Еще неожиданнѣе былъ вотумъ палаты, отказавшій кабинету въ довѣріи. Противъ кабинета было подано 212 голосовъ, за кабинетъ—176, воздержалось—26 и отсутствовало—177 (всего въ палатѣ 591 депутатъ).

Само собою, что правые и объединенные соціалисты голосовали противъ министерства, но остальныя партіи разбились и вотировали безъ всякой дисциплины, именно голосовали:

	Противъ кабинета	За кабинетъ	
Соціалистовъ	63	10	(незав.)
Радикаловъ	62	130	„
Демократовъ	7	17	„
Прогрессистовъ	21	19	„
Правыхъ	59	—	„
S.	212	176	

Въ числѣ голосовавшихъ противъ кабинета надо назвать: Шомье (бывшаго министра народнаго просвѣщенія), радикала; Мильерана (бывшаго министра въ кабинетѣ Комба), соціалиста независимаго; Камилла Пельтана (бывшаго морского министра въ

нѣсколькихъ кабинетахъ и не раскрывшаго злоупотребленій, нынѣ раскрытыхъ), радикала.

Въ числѣ голосовавшихъ за кабинетъ назовемъ: независимаго соціалиста Жеро Ришара и бывшаго морского министра Томсона.

Воздержалось отъ голосованія 20 радикаловъ. Остальные шесть разныхъ партій въ томъ числѣ 2 правыхъ (епископъ и графъ).

Въ числѣ отсутствующихъ находились: Энаръ, лидеръ прогрессистовъ (антиминистерская фракція умѣренныхъ республиканцевъ); Дешанель (бывшій предсѣдатель палаты), демократъ; Д'Эстурнель, радикалъ; Прессансэ, радикалъ. По партіямъ составъ отсутствующихъ былъ слѣдующій: 76 радикаловъ, 27 демократовъ, 23 прогрессиста, 12 соціалистовъ (объединенныхъ и независимыхъ) и 38 правыхъ. Такое отсутствіе огромнаго числа депутатовъ объясняется окончаніемъ сессіи и невозможностью предвидѣть тотъ оборотъ событій, который привелъ къ катастрофѣ.

Двѣсти двѣнадцать голосовъ изъ 591—это мало авторитетно, но кабинету ничего не оставалось дѣлать, какъ подать въ отставку, которая была немедленно принята. Было выставлено два кандидата: побѣдителями—Леонъ Буржуа, побѣжденными—Аристидъ Бріанъ. Первому, однако, не было даже предложено образованіе министерства (это ему едва ли бы удалось безъ поправѣнія). Предложеніе было сдѣлано Бріану, которому и удалось оставить прежнее министерство безъ Клемансо и съ незначительными перемѣнами.

Министерство Клемансо было сформировано 12 (25) октября 1906 года вслѣдствіе разстроеннаго здоровья премьера Саррьена, въ кабинетѣ котораго Клемансо былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ ввелъ въ кабинетъ двухъ независимыхъ соціалистовъ, Бріана и Вивіани. Для послѣдняго было образовано министерство труда и соціальнаго обезпеченія (prévoyance sociale). Бріанъ образовалъ 10 (23) іюля свой кабинетъ такъ: Бріанъ—премьеръ и внутреннихъ дѣлъ, Барту—министръ юстиціи, Пишонъ—иностранныхъ дѣлъ. *Кошери*—финансовъ, Думергъ — народнаго просвѣщенія, *Мильеранъ*—общественныхъ работъ и почтъ и телеграфовъ, *Жанъ Дюпюи*—торговли, Рюо—земледѣлія, Трульо—колоній, Вивіани—труда, *Брэнъ* генералъ — военный, *Буэ-де — Лапейреръ* — морской, итого новыхъ—пять, вмѣсто Клемансо, Кайо (финансовъ), Крюппи, Пикара морского и Пикара военнаго. Такъ какъ министерство пало яко-бы изъ-за безпорядковъ въ морскомъ вѣдомствѣ, то морской Пикаръ долженъ былъ пасть просто изъ приличія. Военный Пикаръ былъ ближайшимъ къ Клемансо и нелюбимъ въ арміи. Кайо возбудилъ противъ себя радикальнымъ проектомъ подоходнаго налога. Почему устраненъ Крюппи (торговля) покуда не видно. Вступленіе Мильерана, третьяго соціалиста въ министерствѣ, должно отмѣтить, тѣмъ болѣе, что онъ взялъ департаментъ почтъ и телеграфовъ, такъ глубоко потрясенный движеніемъ

1909 года. Интересно также отмѣтить, что Пишонъ сохранилъ портфель иностранныхъ дѣлъ, т. е. даже въ этой области никакихъ перемѣнъ. Надо было только устранить Клемансо. Словомъ «c'est fait!»

Въ нѣмецкой прессѣ уже сообщались было слухи, что поѣздка русскаго императора во Францію въ Шербуръ не состоится. Однако, слухи эти были преждевременны и яхта «Штандартъ» съ Высочайшими особами отбыла 11 (24) іюля по направленію Шербура. 12 іюля за ней туда же послѣдовала и яхта «Полярная Звѣзда» съ министрами и другими особами.

Въ Варезѣ (Италія) скончался Донъ Карлосъ, претендентъ на испанскій престолъ. Ему было 60 лѣтъ и умеръ онъ отъ паралича. Когда къ нему перешли права претендента, сначала онъ дѣятельно вступился за эти права. Онъ поднялъ знамя карлизма и нѣсколько лѣтъ лично руководилъ войною въ сѣверной Испаніи. Однако первые успѣхи смѣнились неудачами и онъ принужденъ былъ прекратить борьбу и провести остальную жизнь внѣ испанскихъ предѣловъ, не пытаясь болѣе вступать въ вооруженную борьбу, но постоянно при всякомъ подходящемъ случаѣ заявляя о своихъ правахъ.

Послѣ паденія Наполеона I, Испанія вернулась подъ власть Бурбоновъ и королемъ сталъ Фердинандъ VII, а наслѣдникомъ считался его братъ Карлосъ, потому что Фердинандъ не имѣлъ потомства мужского пола. Однако, Фердинандъ измѣнилъ законъ о престолонаслѣдіи, такъ что послѣ его смерти королевой была провозглашена Изабелла, малолѣтняя дочь Фердинанда, а регентшей ея мать, королева Христина. Карлосъ не призналъ новаго закона о престолонаслѣдіи, но въ вооруженной борьбѣ, продолжавшейся много лѣтъ, кончилъ неудачей. Нынѣ скончавшійся Карлосъ—внукъ того Карлоса. Его старшій сынъ донъ Хаимъ Бурбонъ карлистами испанскаго сѣвера уже провозглашенъ законнымъ претендентомъ. Ожидается обнародованіе имъ манифеста. Донъ Хаимъ—офицеръ русской службы.

10 (23) іюля въ Константинополѣ торжественно отпраздновали первую годовщину введенія конституціи. Дарована была при этомъ частичная амнистія. Еще не осужденные совершенно помилованы. Приговоренные къ смертной казни не будутъ казнены, но понесутъ разныя наказанія по категоріямъ. Состоялся торжественный выходъ султана, парадъ, богослуженіе, салюты, вечерняя иллюминація. Радостный народъ цѣлый день наполнялъ улицы, и было чему радоваться! Свобода и народное правленіе, это такія блага, безъ которыхъ народы, достигнувъ извѣстнаго возраста, не могутъ сохранять здоровье, благосостояніе и силу, не могутъ развивать просвѣщенія, ни накоплять богатства, ни съ успѣхомъ и цѣлесообразно оборонять свою страну.

Въ Германіи новымъ канцлеромъ назначенъ Бетманъ-Гольвегъ, не дипломатъ, а чиновникъ, проходившій службу по разнымъ другимъ вѣдомствамъ. До сихъ поръ, для того, чтобы быть канцлеромъ Германіи, надо было быть выдающимся дипломатомъ, какъ Бисмаркъ, Гогенлоэ, Бюловъ. И это натурально. *Имперскаго* министра иностранныхъ дѣлъ конституція не предвидитъ. Вильгельмъ имѣетъ министра иностранныхъ дѣлъ, но королевскаго прусскаго, какъ имѣютъ такихъ министровъ и нѣкоторыя другія германскія государства, имѣющія и дипломатическое представительство. Объединяющею силою является канцлеръ. Конечно, и Бетманъ-Гольвегъ будетъ объединять, но всецѣло по указаніямъ Вильгельма. Это новая попытка со стороны императора личной политики. Хорошо-ли это кончится? Нѣмцы теперь тоже не любятъ личной политики. Вильгельмъ это испыталъ годъ тому назадъ. По существу, дѣло не измѣнится, что будетъ скрѣпа некомпетентнаго Гольвега.

Въ Южной Америкѣ назрѣваетъ война между Боливіей съ одной стороны, а съ другой не то Перу, не то Аргентиною, а можетъ быть—той и другой. Пограничный споръ между Боливіей и Перу стороны рѣшили перенести на судъ Аргентины. Президентъ послѣдней вынесъ рѣшеніе, но Боливія отказалась подчиниться. Аргентина прервала дипломатическія сношенія. Перу же готовится привести въ исполненіе приговоръ силою. Теперь тамъ зима и бездорожье. Времени еще много, чтобы опомниться и столковаться.

С. Южаковъ.

На очередныя темы.

Въ неустойчивомъ равновѣсіи.

. Какъ затягивается петля.—II. Откуда можетъ прійти неизбѣжный финалъ.—III. Гдѣ они думаютъ найти опору.

I.

Невѣроятный, непомѣрный, прямо бѣшеный ростъ государственныхъ расходовъ—и явный надрывъ народныхъ силъ... За шесть лѣтъ государственные доходы увеличились почти на $^1/_2$ милліарда, при чемъ болѣе половины этой суммы дали налоги. Но, можетъ быть, вы спросите,—народная производительность столь же лихорадочно растетъ? Увеличивается число фабрикъ и заводовъ, расширяется культурная площадь земледѣлія, умножается скотоводство и т. п.? Къ сожалѣнію, ничего подобнаго не замѣтно. По крайней мѣрѣ ни одинъ изъ государственныхъ людей не подмѣтилъ подъема культуры и не указалъ на него. Ростъ доходовъ объясняется ужасной причи-

ной—ростомъ расходовъ: нужны деньги для новыхъ тратъ—ихъ берутъ, не задаваясь вопросомъ, явились ли въ странѣ новые источники дохода. Въ каждомъ частномъ бюджетѣ такая система была бы названа мотовствомъ, неизбѣжный финалъ котораго—банкротство, у насъ же государственное хозяйство именно стоитъ на этомъ...

Пять лѣтъ тому назадъ подобную характеристику финансово-экономическаго положенія Россіи можно было встрѣтить развѣ только въ революціонномъ изданіи. Теперь... Я взялъ приведенныя строки со столбцовъ «Новаго Времени», изъ-подъ пера г. Меньшикова *), а онъ повторяетъ въ данномъ случаѣ выводы г. Пихно, докладчика финансовой комиссіи въ Государственномъ Совѣтѣ.

Не въ первый уже разъ за послѣднее время вожди реакціи начинаютъ бить тревогу по поводу экономическаго состоянія Россіи. Напомню докладъ г. Гурко, прочитанный имъ минувшей зимой на V-мъ съѣздѣ объединенныхъ дворянскихъ обществъ,—докладъ, въ которомъ онъ настойчиво приглашалъ господъ дворянъ заняться экономической проблемой, какъ важнѣйшей для даннаго момента. Это выступленіе многихъ поразило тогда своею неожиданностью и своею, такъ сказать, пикантностью: въ качествѣ экономиста лидеръ объединеннаго дворянства вынужденъ былъ повторить многіе изъ доводовъ своихъ политическихъ противниковъ, ему пришлось обрушиться на аграрную политику, которой онъ самъ былъ вдохновителемъ... Послѣ того имѣли мѣсто и другія, не менѣе характерныя, выступленія справа по тому же предмету.

Это не значитъ, конечно, что сознаніе серьезности и, быть можетъ, даже безвыходности экономическаго положенія свойственно всей вообще реакціонной средѣ. Тотъ же г. Гурко, напримѣръ, напрасно билъ тревогу. Дворянскій съѣздъ посвятилъ его докладу довольно много времени, но только для того, чтобы какъ нибудь сбыть его съ рукъ... Въ массѣ правящаго сословія, повидимому, достаточно еще сильна вѣра, съ которой оно уже сжилось: «на нашъ вѣкъ хватитъ»...

Безпокоятся пока изъ этой среды лишь отдѣльныя лица,—и, надо сказать, безпокоятся не безъ причины. Если экономическое положеніе страны, послѣ пережитыхъ ею потрясеній и произошедшихъ въ ней пертурбацій, еще можно считать не вполнѣ опредѣлившимся, если можно еще мечтать, что хозяйственная жизнь какъ-нибудь понемногу наладится, то финансовая «петля», какъ ее назвалъ г. Меньшиковъ, и сейчасъ вѣдь уже даетъ себя знать. Уже теперь нужно проявлять особую осторожность въ движеніяхъ изъ боязни, какъ бы она не затянулась.

То и дѣло приходится ее чувствовать... Когда были подведены итоги по исполненію государственной росписи за минувшій годъ, то оказалось, что «въ то время, какъ доходы противъ 1907 года

*) „Въ петлѣ бюджета". „Новое Время", 16 іюня.

возросли лишь на 75 милліоновъ руб., расходы обыкновенные возросли почти на вдвое большую сумму—на 145 милл. руб».

Такимъ ходомъ—замѣтило „Новое Время"—можно зайти очень далеко, но куда? Мы боимся, что этимъ ходомъ очень легко дойти до серьезнаго финансоваго разстройства *).

Но тогда была еще надежда, что изъ «петли» удастся выбраться. «Теперь наши законодательныя палаты—писала та же газета—какъ разъ въ самомъ разгарѣ бюджетной страды. Надо надѣятся, что онѣ не оставятъ безъ вниманія эти и другія назидательныя указанія опубликованнаго отчета»...

Послѣ того бюджетная страда кончилась,—роспись на 1909 годъ составлена. Подводя итоги совмѣстной работѣ законодательныхъ палатъ и правительства, министръ финансовъ констатировалъ, что опять «ростъ доходовъ отстаетъ отъ роста расходовъ: расходы возрастаютъ на 149.000.000 руб., доходы возрастаютъ на 72.000.000 руб.» **). «Петля» такимъ образомъ осталась и даже какъ будто чуточку еще затянулась: въ минувшемъ году разница въ приростѣ расходовъ и доходовъ была: 145—75=70 милл. р., въ нынѣшнемъ: 149—72=77 милл. руб. ***).

Это видно уже по росписи. И неизвѣстно еще, не затянется ли «петля» еще сильнѣе при исполненіи послѣдней. Судя по первымъ двумъ мѣсяцамъ, за которые пока опубликованы предварительныя кассовыя свѣдѣнія ****), дѣйствительные результаты могутъ оказаться плачевнѣе предположенныхъ. За январь и февраль текущаго года обыкновенныхъ доходовъ поступило не только не больше, чѣмъ за тѣ же мѣсяцы прошлаго года, а меньше на 1.364 тыс. руб. Въ частности, доходъ отъ казенной продажи питей уменьшился за эти мѣсяцы на 13,3 милл. руб.,—и это не смотря на то, что цѣна на вино была повышена, доведена до предѣльныхъ своихъ размѣровъ *).

---

*) „Новое Время", 16 апрѣля.

**) Рѣчь министра финансовъ В. Н. Коковцева въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 8 іюня. Цитирую, какъ и дальше, по „Новому Времени", гдѣ эта рѣчь была воспроизведена полностью (см. №№ за 14—19 іюня).

***) Въ дѣйствительности „петля" затянулась даже больше, чѣмъ то изобразилъ г. Коковцевъ. Хозяйственно-операціонные расходы военнаго вѣдомства въ росписяхъ двухъ послѣднихъ лѣтъ показываются, вопреки закону 1894 г., въ отдѣлѣ чрезвычайныхъ расходовъ. На эту неправильность согласно указывали не только ораторы думской операціи, но и предсѣдатель думской бюджетной комиссіи, г. Алексѣенко, и гр. Витте въ Государственномъ Совѣтѣ. Дѣлается это, какъ можно думать, для того, чтобы замаскировать дефицитъ по обыкновенному бюджету. Если въ роспись внести поправку и причислить означенные расходы къ числу обыкновенныхъ, то разница между нынѣшнимъ и прошлымъ годомъ въ „приростѣ" окажется больше, чѣмъ вычислилъ г. Коковцовъ.

****) „Вѣстникъ Финансовъ", № 21.

*) См. „Объяснительную записку министра финансовъ" къ государственной росписи на 1909 годъ, стр. 19.

Сборы съ питей, гдѣ монополія еще не введена, тоже уменьшились. «Подходитъ, кажется, моментъ—пишетъ г. Меньшиковъ,—когда народу-пьяницѣ становится уже не на что выпить» *). А на «пьяницу»—на «питуха», какъ выражались въ старые годы—въ русскомъ государственномъ бюджетѣ испоконъ вѣковъ возлагались главныя надежды. И сейчасъ, если можно вылѣзти изъ бюджетной петли, то не иначе, какъ при его помощи. Выкинуть пьяницу изъ своихъ расчетовъ современные хозяева Россіи не могутъ, да они и не намѣрены этого дѣлать. Напротивъ, они рады были бы ухватиться за него обѣими руками... Не думайте, что я взвожу на нихъ напраслину. Чтобы не быть голословнымъ, позволю себѣ сдѣлать по этому поводу небольшое отступленіе.

Я, конечно, знаю, что давно уже «пьяницу» собираются вылѣчить отъ пристрастія къ алкоголю. И сейчасъ этимъ озабочены: въ нижней «законодательной палатѣ» имѣется даже особая комиссія по сему предмету, учрежденная по иниціативѣ г. Челышева. Правительство относится къ думскимъ намѣреніямъ искоренить пьянство съ полнымъ сочувствіемъ и съ своей стороны готово, по его словамъ, идти имъ на встрѣчу.

Въ предстоящую сессію—заявилъ министръ финансовъ, внося въ законодательныя палаты проектъ росписи на 1909 годъ—министерствомъ финансовъ будетъ внесенъ въ Государственную Думу выработанный уже законопроектъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ условіяхъ производства торговли крѣпкими напитками. Если по разсмотрѣніи этого законопроекта законодательными учрежденіями будутъ установлены тѣ или другія мѣры, направленныя къ сокращенію потребленія крѣпкихъ напитковъ, то уже въ этомъ году онѣ могутъ вызвать пониженіе потребленія вина **).

Никакихъ однако мѣръ въ этомъ году не осуществлено, да и впредь онѣ введены не будутъ. Пьяницы нужны... Съ полною откровенностью—можно сказать: «съ цинизмомъ, доходящимъ до граціи»—разъяснилъ это гр. Витте въ Государственномъ Совѣтѣ. «Въ порядкахъ питейной монополіи—засвидѣтельствовалъ онъ—ничего не дѣлается для возможнаго уменьшенія пьянства, хотя можно предложить нѣсколько реальныхъ мѣръ, которыя уменьшили бы потребленіе водки».

Но позвольте, господа,—продолжалъ творецъ винной монополіи,—если и въ Гос. Думѣ и здѣсь искренно желаютъ уменьшить пьянство и если вы примете хотя легкія въ этомъ отношеніи мѣры, то на будущіе годы уменьшите доходы милліоновъ на 50 въ годъ... Тогда выйдетъ полнѣйшій дефицитъ даже въ теперешней обыкновенной росписи. Объ этомъ ни слова не говорится; объ этомъ вопросѣ замалчиваютъ; на будущій же годъ явится комиссія и будетъ съ кафедры говорить о вредѣ пьянства, о томъ, что это развратъ, о томъ, что въ этомъ виновата несчастная питейная монополія и т. д., а когда дѣло идетъ о бюджетѣ, объ этомъ умалчиваютъ ***).

---

*) „Новое Время“, 16 іюня.

**) „Объяснительная записка“, стр. 19.

***) Рѣчь графа С. Ю. Витте въ засѣданіи Государственнаго Совѣта,

О вредѣ пьянства современные законодатели говорятъ, но только такъ, чтобы не было ущерба, а былъ, если возможно, прибытокъ въ государственныхъ доходахъ. Или, по словамъ гр. Витте: «говорятъ, говорятъ, пожелаютъ, комиссіи собираютъ, а какой толкъ? только тотъ, что болѣе пьютъ и болѣе берутъ съ народа за водку денегъ»...

Въ прошломъ было время (это когда гр. Витте былъ министромъ финансовъ), что деньги не были даже особенно нужны, такъ какъ «всегда былъ излишекъ въ доходахъ». Увеличеніемъ питейныхъ доходовъ министръ финансовъ тогда не интересовался и даже вздыхалъ, если они увеличивались.

Когда я прежде получалъ вѣдомость и видѣлъ, что питейные доходы увеличились—повѣствуетъ теперь гр. Витте—меня это не только не радовало, а наоборотъ, огорчало; и когда я встрѣчалъ потомъ начальника главнаго управленія питейными сборами, я ему говорилъ: обратите вниманіе...

Тогда министръ финансовъ издавалъ «строжайшія инструкціи»: «принимать мѣры къ тому, чтобы не распространять пьянство... насколько это возможно бюрократическимъ путемъ». Но тѣхъ «реальныхъ мѣръ, которыя уменьшили бы потребленіе водки» и которыя извѣстны гр. Витте, онъ и тогда не предпринялъ. Даже тѣхъ «легкихъ» мѣръ, которыя уменьшили бы доходы милліоновъ на 50 въ годъ, онъ не ввелъ. Вздыхать—вздыхалъ, но отъ денегъ и тогда не отказывался.

Послѣ того... Вскорѣ настали такія времена, что и вздыхать по поводу пьянства министру финансовъ стало не зачѣмъ. Совершенно напротивъ, можно было даже радоваться. Гр. Витте понимаетъ это чувство...

Когда началась война, я вполнѣ понимаю,—говорилъ онъ—министра финансовъ, что явилось другое отношеніе къ дѣлу, и я бы, вѣроятно, сталъ бы то же самое дѣлать... Во время войны, когда деньги нужны были во что бы то ни стало, то когда получалась вѣдомость, можно было сказать наоборотъ: вотъ и хорошо, Воронежская губернія, слава Богу, лишнихъ, скажемъ 500.000 руб., дала..

Теперь войны нѣтъ, но деньги, какъ и тогда, нужны до зарѣзу. И теперь пьянству можно было бы радоваться. Но... приходится вздыхать, пьяница-народъ приноситъ огорченіе: какъ будто и взаправду ему не на что стало выпить...

Какъ бы то ни было, но вмѣсто «прироста» въ доходахъ за первые два мѣсяца получилось уменьшеніе ихъ. Удастся ли въ теченіе остальныхъ мѣсяцевъ покрыть этотъ ущербъ и выгнать весь предположенный по росписи «приростъ»,—это лишь потомъ выяснится.

---

8 іюня. Цитирую, какъ и дальше, по „Новому Времени" (см. №№ за 10—13 іюня).

Но зато уже теперь можно сказать, что въ приростѣ расходовъ навѣрняка никакой задержки не будетъ. Вѣрнѣе всего, что они выростутъ даже больше, чѣмъ предположено по росписи, выростутъ благодаря сверхсмѣтнымъ кредитамъ, безъ которыхъ и въ данномъ году, конечно, не обойтись. Укажу хотя бы такой: по займу, который съ такою поспѣшностью заключилъ въ самомъ началѣ года министръ финансовъ, придется вѣдь платить почти за весь годъ проценты, а расходъ на этотъ предметъ не внесенъ въ роспись. Будетъ, вѣроятно, перерасходъ и по желѣзнымъ дорогамъ,—такіе перерасходы уже вошли въ обычай. Походъ въ Персію тоже не предусмотрѣнъ росписью и предпринятъ, очевидно, за счетъ сверхсмѣтнаго кредита... Вообще за расходы бояться нечего: предположенный приростъ они, несомнѣнно, оправдаютъ. И въ нынѣшнемъ году вздохнуть свободнѣе «бюджетная петля», очевидно, не позволитъ...

Но, быть можетъ, въ слѣдующемъ году удастся отъ нея избавиться? или по крайней мѣрѣ заранѣе ее нѣсколько расправить? Время для этого, вѣдь, имѣется... Да... Но вотъ вамъ первое, появившееся въ газетахъ, извѣстіе о будущемъ бюджетѣ.

Съ 7-го іюля, согласно указанію Совѣта министровъ, во всѣхъ вѣдомствахъ образованы особыя комиссіи съ участіемъ представителей отъ государственнаго контроля и министерства финансовъ для разсмотрѣнія и подготовки смѣтъ по каждому вѣдомству... Министръ финансовъ крайне озабоченъ заявленіемъ объ увеличеніи нѣкоторыхъ смѣтныхъ предположеній, въ частности по военному и морскому министерствамъ. Невозможность свести бюджетъ безъ дефицита уже въ настоящее время выяснилась со всею очевидностью *),

Только что приступили къ составленію смѣтъ, а неизбѣжность дефицита уже выяснилась... Очевидно, изъ «петли» и въ будущемъ году не выскочишь. Но министру финансовъ, повидимому, пришла въ голову блестящая идея: прикрыть ее, а то и вовсе спрятать.

Вышеупомянутымъ комиссіямъ—продолжаетъ газета—прежде всего поставлено задачей исключить изъ смѣтныхъ предположеній по возможности всѣ условные кредиты.

Условными, какъ извѣстно, называются кредиты, подлежащіе израсходованію въ томъ лишь случаѣ, если будутъ утверждены соотвѣтствующіе имъ и вносимые въ законодательныя учрежденія одновременно съ росписью или вслѣдъ за нею законопроекты. Такъ какъ проектъ росписи составляется задолго до начала года, то фактически въ видѣ условныхъ кредитовъ въ него вносятся почти всѣ новые расходы, какіе предположено произвести въ смѣтномъ году и для которыхъ нужна законодательная санкція. Въ виду этого отданное комиссіямъ распоряженіе—исключить изъ смѣтъ

---

*) „Биржевыя Вѣдомости“, 9 іюля.

условные кредиты—порождаетъ прежде всего недоумѣніе? Что это значитъ? Неужели правительство рѣшило новыхъ расходовъ—по крайней мѣрѣ, такихъ, которые подлежатъ законодательной нормировкѣ—совершенно не производить? Но осуществимо ли это?

Достаточно, я думаю, сказать, что въ утвержденной уже росписи текущаго года значится условныхъ кредитовъ на сумму болѣе 80 милл. рублей. Разные тутъ имѣются кредиты: и въ 35 руб. («на увеличеніе содержанія полицейскимъ служителямъ при арестантскомъ помѣщеніи Малоярославецкаго полицейскаго управленія»), и въ 13 милліоновъ («на работы по укладкѣ второго пути по сибирской желѣзной дорогѣ»). Утверждено четыреста двадцать пять условныхъ кредитовъ. Въ проектѣ росписи ихъ было, конечно, еще больше. И вдругъ сразу: исключить по возможности всѣ условные кредиты... Неужели правительство, дѣйствительно не найметъ въ 1900 году ни одного новаго учителя, ни одного новаго землемѣра, ни одного новаго стражника? Неужели оно не построитъ ни одной новой тюрьмы и не сформируетъ ни одной новой пулеметной роты? Но, вѣдь, этого же не можетъ быть...

И смыслъ распоряженія, о которомъ сообщаетъ газета, очевидно, другой. Новые расходы будутъ, безъ нихъ не обойтись. Но ихъ не внесутъ въ роспись, а когда придетъ для нихъ время, то покроютъ ихъ сверхсмѣтнымъ кредитомъ. Общая сумма государственныхъ расходовъ отъ этого не станетъ меньше, денежныя затрудненія, какія испытываетъ казна, не будутъ легче... Но зато въ росписи не будетъ дефицита или будетъ гораздо меньше, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы въ ней были предусмотрѣны новые расходы. Въ дѣйствительности дефицитъ, конечно, будетъ, но внѣ росписи,—дефицитъ, такъ сказать, сверхсмѣтный... Да и обозначится онъ много позднѣе.

Говорятъ, что страусъ, въ случаѣ неизбѣжной опасности, прячетъ голову. Предполагаютъ, что, сдѣлавъ это, птица считаетъ себя въ безопасности. На такую же птицу какъ будто начинаетъ въ послѣдніе годы походить русское правительство. Вотъ уже два года, при благосклонномъ попустительствѣ «законодательныхъ палатъ», многомилліонные «хозяйственно-операціонные расходы военнаго вѣдомства» оно настойчиво помѣщаетъ въ росписи не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. Оно явно нарушаетъ законъ, лишь бы замаскировать дефицитъ по обыкновенному бюджету. Но это средство оказывается уже недостаточнымъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, всѣ новые расходы именовать чрезвычайными. Напримѣръ: «на содержаніе полицейскаго надзирателя въ м. Геническѣ 500 руб.» — «расходъ чрезвычайный», который самъ Богъ велѣлъ покрыть займомъ... Смѣшно, вѣдь, было бы...

Но теперь изыскана, повидимому, новая мѣра: не вносить по возможности новые расходы въ роспись, а записывать ихъ отдѣльно, не въ вѣдомости, такъ сказать, а на бумажкѣ. Идея, несомнѣнно,

блестящая,—бюджетная петля не будетъ бросаться въ глаза прохожимъ. Но, вѣдь, дышать отъ этого не станетъ легче...

Впрочемъ, можетъ быть, эта мѣра и имѣетъ смыслъ. Иностранцы, которые привыкли интересоваться главнымъ образомъ росписью и по ней судить о государственной кредитоспособности, не такъ скоро замѣтятъ, что дефицитъ успѣлъ сдѣлаться хроническимъ. А это уже много по нынѣшнимъ временамъ значитъ...

II.

«Петлю» на себѣ современные правители чувствуютъ. Постольку лишь я о ней и говорилъ, по скольку мы о ней отъ нихъ самихъ знаемъ. Но не ею лишь одной обусловливается тревога, которую—нѣтъ-нѣтъ—да и начнетъ кто-нибудь бить въ реакціонномъ лагерѣ. Если бы дѣло заключалось въ томъ только, что «приростъ въ государственныхъ расходахъ опережаетъ приростъ въ государственныхъ доходахъ», то жить было бы можно, не особенно безпокоясь. Хроническіе дефициты бывали въ Россіи и раньше—взять хотя бы 80-е годы,—а жили же. И какъ еще благодушествовали, какія потомъ «блестящія» времена видѣли!..

Даже въ частныхъ хозяйствахъ при нехваткахъ люди обыкновенно долго изворачиваются: одно продадутъ, другое въ закладъ снесутъ, тамъ перехватятъ, здѣсь перезаложатъ,—глядишь, не разъ и не два обернутся, а потомъ, быть можетъ, и опять войдутъ въ силу. Тѣмъ дольше можно тянуть съ дефицитами въ государственномъ хозяйствѣ, въ особенности такомъ огромномъ, какъ россійское. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ думать, что ничего, чтобы еще могла взять казна, въ странѣ не осталось. До «послѣдней копейки» дѣло, несомнѣнно, еще не дошло, она въ народной мошнѣ все еще шевелится. Правда, доставать оттуда деньги стало трудно,—не сразу нащупаешь,—но, вѣдь можно изловчиться. Это—вопросъ налоговой техники, финансовой изобрѣтательности. Не боги горшки обжигаютъ,—какъ нибудь разрѣшимъ эту задачу. А пока перехватить можно,—если не во Франціи, то въ Германіи, не въ Германіи — такъ въ Англіи...

Повѣрятъ, должны повѣрить... «Земла богата,—порядка въ ней лишь нѣтъ»... Но, вѣдь, съ такимъ балансомъ мы тысячу лѣтъ жили. Какъ-никакъ нашъ активъ превышаетъ пассивъ. Въ самомъ дѣлѣ не десять же милліардовъ, которые мы задолжали, Россія стоитъ. Вонъ нѣмцы, какъ говорятъ, за одну Польшу весь десятимилліардный нашъ долгъ готовы на себя принять... А порядокъ—дайте срокъ!—заведемъ!..

Опытъ того же частнаго хозяйства показываетъ, что въ счетъ будущихъ благъ можно долго жить, а при сноровкѣ даже наслѣдство американскаго дядюшки заранѣе учесть можно. Такъ и тутъ.

Если экономическое состоянiе страны теперь не завидно, то вѣдь въ будущемъ-то доберемся же мы когда-нибудь до нѣдръ, пустимъ соху поглубже, разведемъ культуру (грядковую!)...

И, наконецъ, иной весь вѣкъ на фу-фу живетъ. И дядюшки-то у него въ дѣйствительности нѣтъ, а такъ, золотые прiиски какiе-то въ разговорахъ мелькаютъ. Вонъ Ольга Штейнъ при помощи несуществующаго дома и несуществующаго имѣнiя какiя дѣла раздѣлывала! Важно умѣть психологiей пользоваться. И секретъ этого искусства извѣстенъ: нужно беззаботный видъ имѣть, внѣшность поддерживать, чтобы дыръ этихъ не было, ну и пыль иной разъ въ глаза пустить не мѣшаетъ...

Когда наблюдаешь со стороны, какъ держитъ себя нынѣшнiй министръ финансовъ, то получается впечатлѣнiе, что онъ руководится соображенiями, вродѣ только что развитыхъ. Прочитайте его рѣчи—хотя бы послѣднюю рѣчь, сказанную имъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Не знаю, впрочемъ, хватитъ ли для этого у васъ терпѣнiя: по свойственной ему словоохотливости г. министръ столько наговорилъ, что даже для самой большой россiйской газеты понадобилась почти недѣля, чтобы вмѣстить его рѣчь, набранную петитомъ. Но прочитайте хотя бы самый конецъ этой рѣчи, прислушайтесь къ заключительному ея аккорду:

Финансоваго разстройства Россiи въ истинномъ смыслѣ слова нѣтъ. Вы можете, какъ многiе, называть меня неисправимымъ оптимистомъ, можно даже обвинить въ финансовомъ дальтонизмѣ, но я всегда буду неустанно твердить одно: финансоваго разстройства въ Россiи нѣтъ. Россiя пережила тяжелыя испытанiя, которыя ей были ниспосланы судьбой, но до финансоваго разстройства не дошла. Испытанiя эти прошли и, Богъ дастъ, не вернутся, а мы сохранили Государю и отечеству тѣ финансовыя силы, которыя не смогла разстроить ни война, ни внутреннiя смуты.

И г. Коковцевъ, дѣйствительно, неустанно твердитъ: финансоваго разстройства нѣтъ! Все время беззаботный видъ онъ имѣетъ... Даже гр. Витте, финансовый оптимизмъ котораго давно находится внѣ сомнѣнiя, на этотъ разъ вступился и началъ уговаривать, что правильнѣе было бы показать дефицитъ («законъ не отмѣненъ и потому долженъ быть исполняемъ») и что для министра финансовъ «это было бы очень выгодно»: тогда всѣ вѣдомства стали бы по одежкѣ протягивать ножки, и у него, министра, меньше было бы заботъ, какъ удовлетворить или отклонить ихъ «требованiя». Но... Дефициты—это у другихъ бываютъ, а у насъ—ничего подобнаго... Другiе могутъ даже позавидовать.

Въ самомъ дѣлѣ,—говорилъ г. Коковцевъ,—не взирая на тотъ страшный ростъ расходовъ, который опредѣляется за два года, 1908 и 1909, въ суммѣ 250.000.000 рублей, не взирая на то, что въ эту самую пору въ другихъ государствахъ, почти вездѣ, бюджетъ заключается съ дефицитомъ, у насъ бюджетное равновѣсiе оставалось охраненнымъ...

Мы уже знаемъ, какими способами г. Коковцевъ прикрываетъ бюджетную дыру и какъ онъ вообще озабоченъ внѣшностью. Прибавлю, что и пыль въ глаза при случаѣ онъ пустить умѣетъ. Хотя бы въ этотъ разъ: онъ подсчиталъ, сколько въ роспись внесено новыхъ расходовъ на «производительныя, культурныя» надобности. Правда, «понятіе производительныхъ, культурныхъ расходовъ, по его же словамъ, представляется понятіемъ въ высшей степени спорнымъ, неустойчивымъ», но онъ взялъ только «такіе расходы, которые безъ всякаго сомнѣнія считаются производительными и культурными par excellence». Перечисленіе ихъ онъ началъ расходами на церковно-приходскія школы, продолжилъ расходами на дороги и кончилъ расходами на «землеустройство»...

И вотъ,—говорилъ онъ,—если подвести итогъ перечисленнымъ мною расходамъ, то увидимъ, что на нихъ въ 1909 году заносится въ государственную роспись болѣе противъ того, что было испрошено въ 1908 г., на 53.000.000 р... Когда мы въ одинъ годъ увеличиваемъ наши культурные расходы на 53.000.000 руб., мнѣ кажется, надо сказать: слава Богу. Таково прошлое, таково настоящее. Каково будетъ будущее,—я не знаю...

Но при такихъ затратахъ на «культуру» сомнѣваться въ немъ, конечно, не приходится. Повѣрьте: процвѣтемъ!..

И «порядкомъ» г. Коковцевъ озабоченъ. О «смутѣ» даже вспомнить онъ равнодушно не можетъ, а вспоминаетъ онъ о ней даже тогда, когда ее можно было бы и не трогать. Прямо видно, что порядокъ, по скольку это отъ него зависитъ, мы заведемъ.

Такой порядокъ заведемъ,
Хоть покати шаромъ...

И «послѣднюю копейку» онъ изъ виду не упускаетъ. Вѣдь съ его именно словъ, сказанныхъ два года тому назадъ въ бесѣдѣ съ однимъ изъ иностранныхъ корреспондентовъ, я удостовѣрилъ, что она гдѣ-то еще шевелится...

Словомъ, искусство, какъ слѣдуетъ держать себя при хроническихъ дефицитахъ, нынѣшній министръ финансовъ хорошо знаетъ. Поэтому-то, заканчивая предыдущую главу, я и сказалъ, что употребляемыя имъ усилія прикрыть бюджетную петлю, не такъ уже безцѣльны, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Это, быть можетъ, часть цѣлой системы... Я вовсе не хочу этимъ сказать, что послѣдняя проводится планомѣрно и сознательно. Поведеніе людей, которымъ приходится изворачиваться, само собою отливается въ извѣстную систему, которой нельзя отказать въ цѣлесообразности. Прежде всего нужно повліять на психику людей, у которыхъ приходится перехватывать, увѣрить ихъ въ устойчивости финансоваго состоянія, въ своей кредитоспособности. И сейчасъ, когда даже г. Меньшикову приходитъ въ голову мысль о «неизбѣжномъ финалѣ», въ этомъ, пожалуй, дѣйствительно, заключается важнѣйшая часть задачи.

«Неизбѣжный финалъ» (будемъ употреблять это деликатное выраженіе) приходитъ вѣдь не тогда только, когда «послѣдняя копейка» истрачена; — обыкновенно онъ приходитъ много раньше, нерѣдко даже тогда, когда активъ больше пассива. Иной разъ достаточно «временнаго затрудненія въ платежахъ», чтобы даже солидная фирма рухнула.

И приходитъ «неизбѣжный финалъ» обыкновенно внезапно: до этого всѣ вѣрили, всѣ охотно пережидали, а тутъ сразу всѣ обступаютъ со своими требованіями. Достаточно бываетъ того же «затрудненія» въ платежахъ, чтобы среди кредиторовъ появилась паника. Послѣдняя распространяется при этомъ столь быстро и захватываетъ такой широкій кругъ, что опять-таки даже солидная фирма не всегда оказывается въ состояніи удержаться подъ этимъ напоромъ.

Мало ли, что активъ у нея на много превышаетъ пассивъ, но если она допустила неправильность въ веденіи денежныхъ дѣлъ,— если, скажемъ для примѣра, навыдавала краткосрочныхъ векселей, тогда какъ сама брала отъ другихъ долгосрочные, или вложила чужія, взятыя на короткій срокъ, деньги въ имущество, которое трудно реализовать, то она уже не гарантирована отъ тяжкихъ потрясеній и даже отъ краха. Вынужденная быстро реализовать свой активъ, чтобы удовлетворить предъявляемыя къ ней требованія по выданнымъ ею краткосрочнымъ обязательствамъ,—спѣшно переучитывая для этого свой вексельный портфель и распродавая имѣющееся имущество,—она можетъ понести такіе крупные убытки, что фактически окажется несостоятельной. Конечно, и при допущенной фирмою неправильности все можетъ хорошо кончиться: если всѣ ей кругомъ вѣрятъ и денегъ на рынкѣ достаточно, то выданные ею краткосрочные векселя, когда подойдетъ имъ срокъ, она легко замѣнитъ другими и, быть можетъ, даже переведетъ ихъ въ долгосрочные. Но если на денежномъ рынкѣ окажется стѣсненіе или вѣра въ фирму почему-либо будетъ подорвана, то за допущенную въ денежныхъ дѣлахъ неправильность ей придется жестоко расплатиться. Во всякомъ случаѣ ея существованіе зависитъ отъ нѣкоторыхъ случайностей, въ которыхъ она не властна,—зависитъ прежде всего отъ кредиторовъ, отъ состоянія ихъ дѣлъ и ихъ психики.

И вотъ, если съ этой точки зрѣнія взглянуть на финансовое положеніе русскаго государства, то нельзя не признать его въ высшей степени опаснымъ. Въ денежныхъ дѣлахъ допущено уже достаточно много неправильностей, уцѣпившись за которыя «неизбѣжный финалъ»—независимо даже отъ состоянія государственнаго баланса—можетъ внезапно появиться на сценѣ.

Для примѣра укажу кое-какія изъ этихъ неправильностей. Какъ и раньше, остановлюсь на тѣхъ сторонахъ финансового хозяйства, которыя уже привлекли къ себѣ вниманіе реакціонной среды и,

судя по замѣчаемой въ ней тревогѣ, безпокоятъ тѣхъ, кто, хотя изрѣдка, заглядываетъ въ будущее.

Прежде всего сберегательныя кассы. При ихъ посредствѣ правительство, какъ извѣстно, успѣло занять не малую сумму. По «предварительнымъ свѣдѣніямъ» *) на 1 января текущаго года эта сумма достигала 1.207.000.000 рублей. Заняты эти деньги у самыхъ мелкихъ капиталистовъ: въ среднемъ каждый оказался въ состояніи ссудить всего лишь около 183 руб. Правда, правительство не брезгуетъ брать и мельчайшія суммы: такъ, на 1 марта нынѣшняго среди $6^1/_2$ милліоновъ этихъ заимодавцевъ было 46 тысячъ школьниковъ, капиталы которыхъ исчисляются, конечно, не сотней и десятками рублей, а, быть можетъ, всего только копѣйками.

Въ обыкновенное время лучше этихъ мелкихъ заимодавцевъ даже желать нельзя: довѣрчивые, непритязательные, спокойные, — совсѣмъ не то, что крупные рентьеры или, что еще хуже, банкиры. Свою кредитоспособность имъ доказывать правительству не приходится, — прямо-таки не интересуются этимъ; процентъ имъ оно можетъ назначить по своему усмотрѣнію, — за всякій благодарны будутъ; биржевой паники произвести они совершенно не въ состояніи и даже давленія на биржу оказать не могутъ, —въ массѣ своей они даже понятія о ней не имѣютъ. И въ другихъ отношеніяхъ съ ними имѣть дѣло выгодно: не нужно никакихъ предварительныхъ переговоровъ, никакихъ посредниковъ, не нужно тратиться на субсидіи иностраннымъ вліятельнымъ органамъ печати (все дѣло дома происходитъ, и, въ случаѣ чего, на печать прикрикнуть можно), не требуется платить провизію банкирамъ (достаточно повѣсить вывѣску, и любой почтовый чиновникъ за самое скромное вознагражденіе банкирскую роль съиграетъ). Но главное, быть можетъ, достоинство этихъ мелкихъ заимодавцевъ — то, что обыкновенно они очень послушны «закону большихъ чиселъ». Въ какомъ бы положеніи ни находились дѣла отдѣльныхъ вкладчиковъ и какъ бы они ни были настроены, въ массѣ ихъ охотники ссудить правительству при обычныхъ условіяхъ рѣшительно преобладаютъ надъ желающими лишить его своего кредита. Если, скажемъ для примѣра, даже десятки тысячъ ихъ придутъ и потребуютъ свои вклады, то навѣрняка можно разсчитывать, что въ то же время явятся другіе—уже сотни тысячъ — и болѣе мелкими взносами не только покроютъ ущербъ, нанесенный первыми, но и прибавятъ еще нѣсколько милліоновъ. Такъ дѣло въ дѣйствительности и шло. Поступленія въ сберегательныя кассы представлялись столь вѣрными, что являлись даже прожектеры, которые предлагали считать эти деньги не займомъ, а доходомъ и заносить ихъ поэтому,

*) См. «Вѣстникъ Финансовъ», № 15.

какъ вклады на вѣчное время, прямо въ роспись: взносовъ въ государственныя кассы ожидается-де столько...

Лучше этихъ мелкихъ заимодавцевъ—повторяю — даже днемъ съ огнемъ не сыщешь. Поэтому, быть можетъ, правительство съ первыхъ же лѣтъ учрежденія сберегательныхъ кассъ сочло возможнымъ отступить отъ основнаго правила банкирскаго дѣла, которое требуетъ, чтобы каждый банкъ, помѣщая довѣренные ему капиталы, строго сообразовался со сроками, на которые они внесены. По отношенію къ частнымъ банкамъ правительство довольно строго слѣдитъ за выполненіемъ этого правила: оно ни въ коемъ случаѣ не позволитъ, напримѣръ, коммерческимъ банкамъ, которые принимаютъ вклады на самые разнообразные, но въ большинствѣ случаевъ краткіе сроки, выдавать долгосрочныя ссуды, хотя бы и подъ самое вѣрное обезпеченіе,—напримѣръ, подъ землю или городскую недвижимость. Но сберегательнымъ кассамъ оно разрѣшило игнорировать это правило. Хотя всѣ вклады въ нихъ вносятся до востребованія, правительство приравняло ихъ почти къ вѣчнымъ. Оно позволило сберегательнымъ кассамъ выдавать (главнымъ образомъ, самому правительству или подъ его поручительство) самыя долгосрочныя и даже безсрочныя ссуды. Въ результатѣ почти всѣ внесенныя въ сберегательныя кассы деньги оказываются теперь выданными ими въ ссуды на долгій срокъ подъ землю и желѣзныя дороги и безсрочно—государству.

Такъ, по свѣдѣніямъ на 1 января нынѣшняго года капиталы сберегательныхъ кассъ помѣщались въ процентныхъ бумагахъ (по нарицательной цѣнѣ):

земельныхъ банковъ	548,8	милл. руб.
желѣзныхъ дорогъ	403,6	» »
государственныхъ займовъ	393,6	» »

и только 52 милл. руб. не были еще затрачены на покупку бумагъ и находились на текущемъ счету въ государственномъ банкѣ.

Не трудно себѣ представить, что произошло бы, если бы вкладчики сберегательныхъ кассъ, въ виду состоянія своихъ дѣлъ или просто поддавшись настроенію, массою потребовали свои вклады. Балансъ кассъ — словъ нѣтъ — на бумагѣ выглядитъ прекрасно: если оцѣнить процентныя бумаги по нарицательной цѣнѣ, то на 1 января кассы имѣли 548,3+403,6+393,6+52,0=1.397,5 м. р., а должны были своимъ вкладчикамъ всего лишь 1.207,0 мил. р. Такимъ образомъ активъ ихъ на много превышалъ пассивъ, но если бы свой активъ имъ пришлось реализовать, то процентныя бумаги пришлось бы, конечно, продать не по нарицательной ихъ цѣнѣ и даже не по покупной (сами кассы уплатили за нихъ 1.190,5 м. р.), а по той, какая будетъ стоять на биржѣ. А на биржѣ цѣна этихъ бумагъ, какъ мы знаемъ, падала до 70 и ниже руб. за 100. Возьмемъ цифру 70. Оцѣнивъ по этой цѣнѣ процентныя бумаги кассъ,

мы найдемъ, что онѣ стоили бы всего лишь 941,8 м. р.+52 м. р наличными=993,8 м. р., т. е. кассы были бы не въ состояніи разсчитаться со своими вкладчиками: у нихъ для этого не хватило бы 1.207,0—993,8=213,2 м. р. А такъ какъ курсъ процентныхъ бумагъ до 70 (и даже ниже) дѣйствительно падалъ, то кассы, въ сущности, уже бывали несостоятельными.

Я взялъ цифру 70 для примѣрнаго расчета. Въ дѣйствительности, если бы кассамъ пришлось начать быстро распродавать процентныя бумаги, разъигралась бы другая исторія. Даже при высокомъ курсѣ появленіе на биржѣ такого продавца повело бы къ обезцѣненію процентныхъ бумагъ: цѣны стали бы падать, это заставило бы другихъ держателей бумагъ сбывать ихъ съ рукъ, что еще болѣе уронило бы цѣны и заставило бы всѣхъ еще быстрѣе распродавать бумаги. Словомъ разъигралась бы паника, — та самая паника, въ сопровожденіи которой обыкновенно является «неизбѣжный финалъ». Предотвратить его приходъ, заключить для этого новый заемъ у крупныхъ капиталистовъ, чтобы расчитаться съ мелкими заимодавцами, въ такой моментъ въ высшей степени трудно и даже не мыслимо, а расчитаться «всѣмъ достояніемъ государства» тоже не возможно: нужны деньги, а не «достояніе», деньги же въ такой моментъ всѣ стремятся припрятать.

Все спасеніе (поскольку рѣчь идетъ объ этой сторонѣ русскаго финансоваго хозяйства) въ томъ только, что вкладчики сберегательныхъ кассъ и по состоянію своихъ дѣлъ и по своему настроенію далеки отъ того, чтобы массою потребовать свои вклады. Но... Былъ, вѣдь, уже такой моментъ, когда чуть-чуть это не случилось. Въ концѣ 1905 года, подъ вліяніемъ агитаціи революціонныхъ партій, началось было массовое истребованіе вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ. Это движеніе оставило замѣтный слѣдъ и въ отчетахъ послѣднихъ. Въ то время, какъ въ пятилѣтіе 1900—1904 гг. общая сумма вкладовъ сберегательныхъ кассъ ежегодно увеличивалась, въ среднемъ—почти на 38 мил. руб., въ 1905 г. она уменьшилась на 105 мил. р. Мнѣ нечего напоминать ту энергію, какую проявило правительство, чтобы подавить это движеніе, и нечего объяснять, почему именно оно было такъ имъ встревожено: опасность грозила вѣдь не кассамъ только, а всему финансовому хозяйству и вмѣстѣ съ тѣмъ самимъ хозяевамъ. Правительство тогда сравнительно легко справилось съ движеніемъ, источникомъ котораго являлось не недовѣріе къ государственной кредитоспособности, а желаніе нанести ударъ правительству. Это была не паника, захватившая наиболѣе темные и самые многочисленные слои вкладчиковъ, а сознательный расчетъ, которымъ увлеклись наиболѣе развитые въ политическомъ отношеніи, но сравнительно небольшіе по своей численности, ихъ круги.

Но вѣдь возможна и паника, настоящая паника, хотя бы и безосновательная. Представьте себѣ такой случай: распространяется

слухъ, что такъ какъ у правительства не хватаетъ денегъ, то оно можетъ израсходовать тѣ, которыя отданы ему на сбереженіе. Слухъ—совершенно нелѣпый, а нелѣпъ онъ хотя бы уже потому, что фактически эти деньги, какъ мы видѣли, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ милл. руб., находящихся на текущемъ счету въ государственномъ банкѣ, израсходованы. Но кто поручится, что этотъ нелѣпый слухъ не взволнуетъ темную массу вкладчиковъ? Я беру эпизодъ маловѣроятный, но всетаки возможный,—возможный, въ особенности теперь, при томъ не особенно довѣрчивомъ отношеніи, какое установилось за послѣдніе годы къ правительству, и при той общей неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, при которой даже просвѣщенному г. Меньшикову приходитъ въ голову мысль о неизбѣжномъ финалѣ. Правительству, хотя бы въ виду этой только возможности, быть можетъ, дѣйствительно не лишне «неустанно твердить», что никакого дефицита нѣтъ, что денегъ у него достаточно. Со всѣмъ усердіемъ, какъ мы видѣли, это и дѣлаетъ нынѣшній министръ финансовъ. Не только объ иностранныхъ банкирахъ и рентьерахъ, но и объ отечественныхъ заимодавцахъ, вплоть до школьниковъ, у которыхъ онъ перехватилъ по полтиннику, ему приходится думать.

Но не это только — не беззащитность со стороны сберегательныхъ кассъ противъ всякой внезапности—заставляетъ тревожиться тѣхъ, кто думаетъ о будущемъ. Слабость этой стороны финансоваго хозяйства обнаружилась и въ другомъ отношеніи. Кромѣ психики вкладчиковъ важно, какъ я уже говорилъ, и состояніе ихъ дѣлъ: даже помимо желанья они могутъ оказаться вынужденными сократить, а то и вовсе прекратить дальнѣйшій кредитъ правительству. И вотъ въ этомъ то отношеніи имѣются довольно тревожные признаки.

Послѣ отлива денегъ изъ сберегательныхъ кассъ подъ вліяніемъ агитаціи 1905 года очень скоро начался усиленный приливъ ихъ. Въ 1906 году общая сумма вкладовъ увеличилась на небывалую до того времени сумму—на 171 милл. руб., что съ лихвою покрыло выдачи 1905 г. Значительно выше средняго былъ приливъ вкладовъ и въ 1907 году, когда общая ихъ сумма увеличилась на 76 милл. руб. Но въ слѣдующемъ 1908 году приростъ рѣзко уменьшился, а именно упалъ до 17 милл. руб. и составилъ лишь 22°/₀ прироста предыдущаго года и 40°/₀ средняго ежегоднаго прироста за пятилѣтіе 1899—1903 гг. (до войны и революціи). Еще хуже, повидимому, дѣла идутъ въ нынѣшнемъ году: за первые два мѣсяца общая сумма вкладовъ не только не увеличилась, но даже уменьшилась. Темпъ этого ухудшенія ясенъ изъ слѣдующихъ цифръ: за тѣ же мѣсяцы (январь и февраль) въ пятилѣтіе 1899—1903 гг. общая сумма вкладовъ увеличивалась ежегодно на 13,1 милл., въ прошломъ году она увеличилась всего только на 9,7 милл., въ нынѣшнемъ году уменьшилась на 3,3 милл. р.

Обезпокоенное этимъ явленіемъ, министерство финансовъ въ концѣ минувшаго года произвело спеціальное изслѣдованіе путемъ опроса сберегательныхъ кассъ въ 22 губерніяхъ, изъ числа тѣхъ, въ которыхъ наблюдается отливъ вкладовъ. Результаты этого изслѣдованія были сообщены Гос. Думѣ и опубликованы въ «Вѣстникѣ Финансовъ». Нечего и говорить, что въ изложеніи министерства финансовъ они оказались вполнѣ утѣшительными. Все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ: безпокоиться объ экономическомъ положеніи вкладчиковъ нечего,—напротивъ, можно даже радоваться. Правда, «въ 20 губерніяхъ причиною, повліявшею на отливъ вкладовъ, сберегательныя кассы считаютъ недородъ хлѣбовъ и травъ»: деньги, стало быть, взяты на пропитаніе. Но министерство выдвинуло на первый планъ другую причину отлива.

Губерніи, гдѣ происходилъ въ 1908 г. отливъ вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ—читаемъ мы—почти всѣ... относятся къ мѣстностямъ по преимуществу къ земледѣльческимъ и расположены, главнымъ образомъ, въ районахъ черноземной полосы... Уже это одно обстоятельство, безъ какихъ либо другихъ данныхъ, наводитъ на мысль, что совершающіеся теперь въ упомянутыхъ мѣстностяхъ перемѣщеніе земельной собственности и переходъ къ новому виду пользованія землей получаютъ для своего осуществленія значительныя средства изъ сберегательныхъ кассъ *)...

Если же къ этой «мысли» прибавить еще «данныя», то получится полная увѣренность, что нечего опасаться «за дальнѣйшее развитіе дѣятельности кассъ».

Напротивъ, слѣдуетъ ожидать, что собранные и затѣмъ возвращенные сберегательными кассами въ оборотъ капиталы создадутъ новыя цѣнности и послужатъ къ повышенію благосостоянія населенія, а это, въ свою очередь, отразится благопріятно на дальнѣйшемъ развитіи кассъ.

Создадутъ ли новыя цѣнности тѣ деньги, которыя взяты изъ кассъ на «пропитаніе», говорить нечего. Но и относительно тѣхъ денегъ, которыя взяты на «землеразстройство», приходится усомниться. Сейчасъ я, конечно, не имѣю возможности углубляться въ этотъ вопросъ. Но допустимъ, что главная причина отлива вкладовъ министерствомъ указана вѣрно, что деньги идутъ на «перемѣщеніе земельной собственности» и т. д. Это значитъ, что вкладчики, волею судебъ и самого правительства, вынуждены взять у послѣдняго свои «годами накопленныя сбереженія» и отдать ихъ кому то другому. Кому? Главнымъ образомъ, конечно, помѣщикамъ,—непосредственно или при любезномъ содѣйствіи Крестьянскаго банка. Разсчитывать, что перемѣщенныя въ эту среду деньги создадутъ новыя цѣнности и затѣмъ въ увеличившемся количествѣ вновь прильютъ въ кассы, можно, конечно, только при финансовомъ дальтонизмѣ. Во всякомъ случаѣ произойдетъ это не скоро...

---

*) „Вѣстникъ Финансовъ", № 3.

Пока же фактъ остается фактомъ: приливъ вкладовъ въ сберегательныя кассы рѣзко уменьшился и чуть ли даже не пріостановился. Если главная причина этому министерствомъ указана вѣрно, то то же явленіе будетъ наблюдаться и въ ближайшіе годы,— пока продолжается «землеразстройство». Такимъ образомъ, правительство лишилось одного изъ своихъ кредиторовъ, — самаго лучшаго кредитора. Быть можетъ, оно само заставило его отдавать свои сбереженія другимъ лицамъ, но отъ этого финансовому хозяйству, конечно, не легче. Для послѣдняго же отсутствіе прироста вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ далеко не безразлично.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, какую громадную роль должны были играть кассы въ размѣщеніи государственныхъ и гарантированныхъ правительствомъ займовъ. Бывали случаи, что внутренніе займы почти цѣликомъ дѣлались въ кассахъ. Какъ ни плохо шли дѣла ихъ въ минувшемъ году, однако они все таки успѣли оказать значительную поддержку государственному кредиту: ими было пріобрѣтено государственныхъ процентныхъ бумагъ на 74 милл. руб. Судя по этому, значительная часть произведеннаго въ этомъ году 200-милліоннаго внутренняго займа покрыта была кассами. Лишиться на будущее время такого кредитора—это значитъ крайне затруднить внутренніе займы и вмѣстѣ съ тѣмъ усилить свою зависимость отъ иностранныхъ денежныхъ рынковъ.

Между тѣмъ, займы—и именно въ ближайшіе годы—заключать придется. Допустимъ даже, что дефицита по обыкновенному бюджету, какъ увѣряетъ министръ финансовъ, нѣтъ и не будетъ. Но вѣдь есть и будетъ дефицитъ по чрезвычайному бюджету. Возстановить «матеріальную часть» арміи, вѣдь нужно; начатыя постройкой желѣзныя дороги, и въ числѣ ихъ такую дорогую, какъ Амурская, закончить необходимо; да и отъ другихъ чрезвычайныхъ расходовъ, хотя бы отъ постройки новыхъ дорогъ, не уберечься. Безъ займовъ не обойтись.

Между тѣмъ, въ сферѣ кредита, помимо того, что кругъ заимодавцевъ, у которыхъ можно перехватывать, съуживается, имѣются и другія слабыя мѣста, способныя вызывать безпокойство. Напомню одну неправильность, допущенную сгоряча во время борьбы съ освободительнымъ движеніемъ.

Чтобы облегчить скупку помѣщичьихъ земель Крестьянскимъ банкомъ, въ 1906 году ему было разрѣшено выдавать, вмѣсто закладныхъ листовъ («свидѣтельствъ», какъ они называются въ этомъ банкѣ), 6% обязательства. Правительство обязалось оплатить эти бумаги полнымъ рублемъ въ теченіе десяти лѣтъ, спустя пять лѣтъ по ихъ выдачѣ. Банкъ успѣлъ выдать такихъ обязательствъ на громадную сумму, и въ 1911 году наступитъ уже срокъ оплаты нѣкоторыхъ изъ нихъ. Между тѣмъ, пріобрѣтенныя при помощи этихъ обязательствъ земли въ значительной

ихъ части до сихъ поръ остаются нераспроданными. Тѣ же, которыя «записаны» на крестьянъ, переданы имъ на условіяхъ долголѣтней (до 50 лѣтъ) разсрочки. Получилось, такимъ образомъ, слѣдующее: самъ Банкъ выдалъ обязательства на короткій, сравнительно, срокъ, а полученнныя деньги затратилъ на покупку имущества, которое или вовсе не идетъ съ рукъ, или можетъ быть продано лишь при условіи долгосрочнаго кредита. Другими словами: самымъ грубымъ образомъ, хотя и съ благословенія правительства, онъ нарушилъ основное правило банковскаго дѣла, о которомъ я упоминалъ уже выше. И, какъ банкъ, вылѣзти изъ этой петли самъ по себѣ онъ будетъ, конечно, не въ силахъ. Волей-неволей, но правительство должно будетъ придти къ нему на помощь.

Спѣшно проведеннымъ закономъ дальнѣйшій выпускъ обязательствъ недавно пріостановленъ. Теперь Банкъ усердно приглашаетъ тѣхъ, кто имѣетъ 6% обязательства перемѣнить ихъ на 5% свидѣтельства, т. е. взять долгосрочные векселя вмѣсто краткосрочныхъ, а за одно ужъ удовлетвориться меньшимъ процентомъ и вмѣсто болѣе дорогой бумаги взять болѣе дешевую. Много ли среди «держателей» 6% обязательствъ найдется такихъ, которые согласятся на этотъ обмѣнъ, сказать теперь, конечно, трудно. Вѣроятно, однако, большинство предпочтетъ обождать два года и даже десять лѣтъ и получить полнымъ рублемъ, чѣмъ теперь же сократить свои доходы и получать по 94 (курсъ 5% свидѣтельствъ) за 100. Въ самомъ дѣлѣ, расчитать вѣдь это не трудно.

Правда, свидѣтельства имѣютъ преимущество передъ именными обязательствами: ихъ можно продать на биржѣ, тогда какъ послѣднія туда закономъ не допущены. Помѣщиковъ, которые взяли въ свое время обязательства и которымъ теперь нужны деньги, это преимущество могло бы соблазнить. Но... Во-первыхъ, въ обходъ закона правительство, какъ оно само въ этомъ призналось, открыло возможность продавать обязательства и помимо биржи. Во-вторыхъ, пользуясь этою возможностью, значительную часть обязательствъ скупили англичане и другіе иностранцы, а они не такъ быстро «проѣдаютъ» свои деньги, какъ русскіе помѣщики. Что касается 5% свидѣтельствъ Банка, то пріобрѣсти ихъ, вѣдь, и потомъ будетъ можно: не такая это рѣдкость. И бояться, что они тогда через-чуръ дорого будутъ стоить—значительно выше номинальной цѣны—тоже нечего. Вообще соблазновъ въ предлагаемомъ Банкомъ обмѣнѣ не много.

Во всякомъ случаѣ остается очень большая вѣроятность, что черезъ два-три года начнутъ подходить сроки очень крупнымъ платежамъ. Правительству необходимо будетъ имѣть наготовѣ деньги или же ему придется метаться во всѣ стороны, чтобы удовлетворить претензіи кредиторовъ.

Не лишне будетъ по этому поводу напомнить, что съ «кратко-

срочными обязательствами» оно уже имѣло дѣло и по опыту знаетъ, какая это непріятная штука: подходитъ срокъ, сразу нужна крупная сумма, а денегъ нѣтъ... Еще недавно былъ такой случай. Въ 1908 году предстояло уплатить 53 мил. руб. по краткосрочнымъ обязательствамъ, остававшимся непогашенными отъ 1905—1906 гг. Въ росписи этотъ расходъ былъ предусмотрѣнъ, но въ наличности денегъ для него не оказалось. Правительство вынужденно было просить у банкировъ отсрочки до конца года, чтобы потомъ покрыть этотъ расходъ столь удивившимъ всѣхъ своею поспѣшностью займомъ 1909 года. Банкиры были столь добры, что отсрочку дали (конечно, не даромъ).

Обстоятельство это показываетъ—писало потомъ „Новое Время"—какія стѣсненія испытывало министерство финансовъ въ минувшемъ году, несмотря на относительно благопріятное поступленіе доходовъ. Надо думать, что это обстоятельство, хорошо, конечно, извѣстное заграничнымъ кругамъ, было широко учтено этими кругами при нашихъ переговорахъ съ ними о послѣднемъ заграничномъ займѣ и оказало большое вліяніе на извѣстный исходъ этихъ переговоровъ. Но въ такомъ случаѣ нельзя не подивиться, что финансовая администрація, имѣя въ виду неизбѣжность этого займа, не позаботилась во время улучшить обстановку предстоявшихъ негоціацій съ банкирами устраненіемъ столь портившаго эту обстановку и столь, казалось бы, легко устранимаго пятна на репутаціи нашихъ финансовъ. Въ крайнемъ случаѣ можно было бы посжаться на чемъ-нибудь другомъ, но ужъ никакъ не на платежахъ по заграничнымъ срочнымъ обязательствамъ—накакунѣ переговоровъ о новыхъ долговыхъ обязательствахъ *).

Хорошо, конечно, «Новому Времени» заднимъ числомъ совѣтовать: «можно было бы посжаться на чемъ-нибудь другомъ»... На 53 милліона не сразу сожмешься,—особенно когда и такъ со всѣхъ сторонъ давитъ.

Какъ бы то ни было, «пятно на репутацію нашихъ финансовъ» уже положено, «временное затрудненіе въ платежахъ» уже было. А это не такая вещь, что бы практиковать ее дважды и трижды. Съ «временнымъ затрудненіемъ», какъ я уже сказалъ, иной разъ и «неизбѣжный финалъ» приходитъ.

Хорошо, что банкиры на отсрочку согласились. Ну, а если бы они ее не дали? Хорошо, что заемъ 1909 года, хотя и на очень убыточныхъ условіяхъ, удалось заключить быстро: и Дума свое согласіе дала, и политическая конъюнктура оказалась достаточно благопріятной. Но если бы дѣло съ нимъ не склеилось? А, вѣдь, это могло быть... Третья Дума, конечно, препятствій не поставила бы, но вѣдь въ Европѣ могла бы произойти передряга, и поводъ для этого тогда былъ: Боснія...

Правда, правительство все дѣлаетъ, чтобы устранить съ пути всякія препятствія для кредитныхъ операцій заграницей. И «ан-

---

*) «Новое Время», 16 апрѣля.

нексію» оно признало, и поѣздки организовало и даже противъ «конституціи» заграницей не споритъ: въ присутствіи пословъ о ней говорятъ, телеграфное агентство въ депешахъ о ней поминаетъ, а правительство какъ воды въ ротъ набрало. Къ счастью, и содѣйствіе ему всѣ благомыслящіе люди въ этомъ оказываютъ. Тому же П. Н. Милюкову, напримѣръ, министръ финансовъ могъ бы низко-низко поклониться: выполнивъ какъ ни-какъ съ достаточнымъ успѣхомъ роль предтечи, онъ не только для дальнѣйшихъ поѣздокъ пути уравнялъ, но и для дальнѣйшихъ займовъ.

Все это хорошо, конечно... Но, вѣдь, бываетъ все-таки: гдѣ тонко, тамъ и рвется. И не всегда людямъ приходитъ въ голову заранѣе соломку подостлать, гдѣ потомъ упасть придется. А тонкія мѣста въ русскомъ финансовомъ хозяйствѣ имѣются. Зацѣпиться же за что-нибудь всегда можно...

Я вовсе не хочу этимъ, конечно, сказать, что «неизбѣжный финалъ» дѣйствительно неизбѣженъ, что вотъ-вотъ онъ появится. Чаще всего, какъ я уже говорилъ, онъ приходитъ внезапно. «Не вѣсте ни дня, ни часа»... Предсказывать что-либо на этотъ счетъ — праздная затѣя.

Да и не это вовсе входило въ мою задачу. Мнѣ хотѣлось только показать, что тревога, которая замѣчается подъ-часъ въ реакціонномъ лагерѣ, не безпричинна и что спокойствіе, которое все время напускаетъ на себя русскій министръ финансовъ, не безцѣльно.

III.

Безконечно долго въ неустойчивомъ состояніи государственные финансы оставаться, конечно, не могутъ, да и жить, опасаясь все время «неизбѣжнаго финала», мучительно. Такъ или иначе, но нужно придать государственному хозяйству большую устойчивость. И нельзя сказать, чтобы нынѣшніе хозяева не были этимъ озабочены.

Слабыхъ мѣстъ въ ихъ хозяйствѣ, какъ я уже сказалъ, довольно много, — трудно даже предусмотрѣть, въ какую сторону раньше всего оно можетъ накрениться. Съ тревогой взглядываютъ они то на одну, то на другую его сторону, даже не давая, быть можетъ, яснаго себѣ отчета, что именно «не ладно». Но одно — «бюджетную петлю», которая все время стѣсняетъ, — они ощущаютъ отчетливо. Да и само по себѣ это дѣло ясное.

Приходъ не сходится съ расходомъ — это каждому понятно. Чтобы выйти изъ этого непріятнаго положенія, имѣются разные пути. Самыми простыми представляются два: нужно увеличить доходы или уменьшить расходы. Оба эти выхода хозяева знаютъ и каждымъ изъ нихъ готовы воспользоваться. Даже о предпочтительности того или иного изъ нихъ не спорятъ.

Но... Для увеличенія доходовъ имѣются разныя средства. Финансовая коммиссія Государственнаго Совѣта усмотрѣла «надежное средство къ пріумноженію государственныхъ доходовъ въ болѣе цѣлесообразномъ использованіи государственныхъ имуществъ и въ приведеніи въ порядокъ государственныхъ предпріятій».

Словъ нѣтъ — подтвердилъ съ своей стороны министръ финансовъ — ни у кого не найдется аргументовъ доказывать, что не нужно стремиться къ лучшему веденію хозяйства, къ тому, чтобы наши операціи приносили дохода болѣе, нежели они приносятъ, или отъ убытка переходили къ выгодѣ—все это истины безспорныя.

Больше того: все это такія истины, которыхъ даже въ прописяхъ не пишутъ,—и только въ русскихъ «законодательныхъ палатахъ» ихъ съ серьезнымъ видомъ повторяютъ. Истины безспорныя... Но даже г. Коковцовъ, при всемъ его «неисправимомъ оптимизмѣ», «не могъ не высказать съ бюджетной точки зрѣнія пессимистическаго взгляда на возможность въ перестройкѣ нашихъ хозяйственныхъ операцій видѣть по крайней мѣрѣ скорый источникъ для пріумноженія государственныхъ достатковъ».

Большинство этихъ статей — говорилъ онъ — безспорно допускаетъ возможность лучшихъ результатовъ эксплоатаціи, но эти лучшіе результаты потребуютъ прежде всего расхода. Лѣсныхъ доходовъ безъ устройства лѣсовъ мы не получимъ. Отъ желѣзныхъ дорогъ безъ развитія, перестройки и улучшенія ихъ мы тоже не достигнемъ... За какую статью государственнаго бюджета мы не примемся, мы вездѣ встрѣтимся съ заявленіемъ каждаго вѣдомства, вполнѣ справедливымъ, что нужно дать средства и использовать ихъ цѣлесообразно и тогда получать доходъ. Значитъ, сначала нужно произвести расходы, а для этого нужно имѣть другія, обезпеченныя, вѣрныя средства.

Въ лучшемъ случаѣ, стало быть, получается кругъ: если дать средства, да еще использовать ихъ цѣлесообразно, то доходы потомъ увеличатся; но для того, чтобы дать средства, нужно имѣть ихъ и для этого нужно сначала доходы увеличить. О «цѣлесообразномъ» использованіи средствъ — болѣе, чѣмъ проблематичномъ при нынѣшнихъ хозяевахъ, — можно, пожалуй, и не говорить.

Въ этомъ сомнѣвается, повидимому, даже г. Коковцевъ. «Сравните—говорилъ онъ между прочимъ—наши военные расходы за минувшую войну съ расходами Японіи, они недавно опубликованы. Мы издержали 2.500.000.000 руб., Японія издержала 1.400.000.000 іенъ или рублей». Прибавьте къ этому: Японія побѣдила, а мы разбиты. Даже г. Коковцеву ясно, что «расходы у насъ были чрезмѣрны», что «мы были неэкономны». «А все то»,— продолжалъ онъ,—«что мы читаемъ теперь каждый день»,—и прибавилъ: «я разумѣю ревизію сенатора Гарина». Да, много мы читаемъ и еще долго читать будемъ...

Гр. Витте, который еще съ университетской скамьи знаетъ, что «всякое правительство вездѣ дурной хозяинъ и потому прави-

тельство не должно заниматься никакими хозяйственными предпріятіями» (это не мѣшало, конечно, ему самому въ свое время расширять казенное хозяйство), вовсе не вѣритъ въ возможность увеличить доходы такимъ путемъ. Онъ не остановился даже передъ насмѣшкой надъ «надежнымъ средствомъ», какое «усмотрѣла» финансовая коммиссія.

Говорится только, что можно увеличить доходы съ различныхъ предпріятій. О какихъ именно предпріятіяхъ говорится? О тюленьемъ промыслѣ? О вывозѣ съ Кавказа краснаго дерева и проч. и проч.?.. Я готовъ допустить, — закончилъ онъ, — что правительство, улучшивъ хозяйственныя предпріятія, можетъ получить лишнихъ три-пять милліоновъ рублей, но такая ничтожная сумма для нашего бюджета не можетъ имѣть какое-нибудь существенное значеніе...

Но есть другое средство увеличить доходы, къ которому обыкновенно и прибѣгало русское правительство, когда въ нихъ ощущался недостатокъ: это—увеличить налоги. И отъ этого не прочь хозяева. «Я могу—заявилъ министръ финансовъ — повторить то, что говорилъ раньше: безъ новыхъ налоговъ намъ не обойтись». «Нужно стремиться къ увеличенію налоговъ»—еще и еще повторилъ онъ, нѣсколько разъ возвращаясь къ тому же предмету... «Нужно пополнять нашу систему новыми налогами, коль скоро они вызываются налоговой справедливостью и, прибавлю, фискальною необходимостью». Что безъ налоговъ не обойтись, это видѣла и финансовая коммиссія, которая пожелала только, чтобы они были «посильны».

Святыя слова, академическая истина, — отвѣтилъ на это г. Коковцовъ. Я думаю, что ни одинъ министръ финансовъ ни въ одномъ государствѣ не будетъ всходить на трибуну законодательныхъ учрежденій и настаивать на введеніи налоговъ, которые были бы непосильны для народа...

И гр. Витте противъ увеличенія налоговъ не возражалъ. Правда, не безъ нѣкотораго, быть можетъ, ехидства онъ при этомъ замѣтилъ, что

бываютъ два способа леченія финансовыхъ недуговъ: или дѣлать извѣстнаго рода уменьшеніе налоговъ, или не дѣлать уменьшеній, а стараться ихъ увеличивать.

Но «первый способъ—рискованный». Правда, былъ случай, что даже при немъ, при гр. Витте, правительство уменьшило налоги, а именно: отмѣнило въ 1905 году выкупные платежи, но «если бы не тѣ обстоятельства, въ которыхъ мы въ то время жили, то, можетъ быть, министерство того времени на это не рѣшилось бы». Правда, былъ и еще случай, а именно послѣ турецкой войны, при министрѣ Бунге, «не смотря на разстройство финансовъ, были уничтожены подушныя подати и былъ уменьшенъ соляной налогъ». «Это тоже была мѣра рискованная, которая тѣмъ не менѣе при-

несла пользу и не послужила къ разстройству финансовъ». Но гр. Витте все-таки находитъ, что «при настоящемъ положенiи дѣлъ», т. е. при отсутствiи обстоятельствъ, въ которыхъ мы жили въ 1905 г., «нѣтъ надобности дѣлать такiе рискованные шаги». Стало быть, финансовый недугъ, и по мнѣнiю гр. Витте, нужно лѣчить другимъ способомъ—стараться увеличивать налоги, хотя онъ и не раздѣляетъ мнѣнiя министра финансовъ, что на увеличенiе налоговъ у насъ жаловаться нельзя.

Итакъ, средство поднять доходы есть,—на него всѣ согласны... Но первые опыты примѣненiя этого средства, какъ извѣстно, дали далеко не утѣшительные результаты. Въ 1908 году повысили желѣзнодорожный тарифъ,—и сразу же оказалось уменьшенiе въ желѣзнодорожныхъ доходахъ. Подняли цѣну на водку,—оказался недоборъ въ доходахъ монополiи. Поэтому, быть можетъ, министръ финансовъ такъ настойчиво и твердитъ, что нужно вводить *новые* налоги, нужно проявить изобрѣтательность.

Съ своей стороны, онъ ее проявилъ. Имъ заготовленъ цѣлый рядъ законопроектовъ о новыхъ налогахъ,—и не вина правительства, если они еще не введены. «Уже три года лежатъ проекты новыхъ налоговъ въ Государственной Думѣ, и только два изъ нихъ, самые простые и самые безспорные, едва на сихъ дняхъ прошли чрезъ Государственный Совѣтъ».

Проектовъ, дѣйствительно, заготовлено не мало. Предположено ввести и повысить.

Налоги:	Должны дать:
На гильзы и папиросную бумагу	6.000.000 руб
На табакъ	13.000.000 »
Подоходный налогъ	30.000.000 »
На наслѣдство	3.500.000 »
Поземельный налогъ	6.000.000 »
На недвижимыя городск. имущества	5.000.000 »
Со строенiй въ уѣздахъ	1.000.000 »
Съ закладныхъ	3.000.000 »
Итого	67.500.000 руб.

Утверждены пока только два первыхъ, — косвенные налоги. Остальные проекты «лежатъ»... Статья г. Реуса, помѣщенная въ настоящей книгѣ, конечно, уже напомнила читателямъ, какъ энергично правящiе классы обыкновенно противятся введенiю и увеличенiю прямыхъ налоговъ и тѣмъ болѣе такихъ, какъ подоходный или налогъ на наслѣдство. То же, конечно, будетъ и у насъ. Подоходный налогъ уже болѣе 30 лѣтъ то ставится на очередь, то снимается.

Но допустимъ, что подъ давленiемъ необходимости всѣ проекты будутъ приняты, даже легенькiй подоходный налогъ на этотъ разъ будетъ введенъ. Государственные доходы увеличатся такимъ образомъ почти на 68 милл. рублей. Но... не трудно на пальцахъ рас-

читать, какъ я уже писалъ *), что этого мало. Не повторяя здѣсь разсчетовъ, скажу только, что, если «естественный приростъ въ доходахъ» (въ силу увеличенія населенія и т. п.) будетъ даже продолжаться прежнимъ темпомъ, то и въ такомъ случаѣ денегъ при всѣхъ новыхъ налогахъ не хватитъ на покрытіе дефицита, имѣющагося уже въ нынѣшней росписи. Такимъ образомъ проявленной министромъ финансовъ изобрѣтательности оказывается недостаточно, а больше проявить онъ пока, повидимому, не въ состояніи.

Нужно сокращать расходы... Въ этомъ тоже всѣ согласны. Но какъ ихъ сократишь? «Домъ,—какъ говорилъ г. Коковцовъ — неисправенъ, далъ трещины, крыша протекаетъ, фундаменты слабы... У насъ все требуетъ ремонта, зданіе слишкомъ велико, зданіе имѣетъ столько покоевъ, въ его покояхъ столько различныхъ жильцовъ и каждый жилецъ предъявляетъ такія непомѣрныя требованія»... А тутъ еще на «битье стеколъ» (вы помните, конечно, это выраженіе г. Столыпина) тратить деньги приходится...

Конечно, если бы нынѣшнихъ жильцовъ изъ покоевъ выселить, то большія сокращенія въ государственныхъ расходахъ можно было бы сдѣлать. Но не нынѣшній же министръ финансовъ, не нынѣшнее правительство и даже не нынѣшнія законодательныя палаты станутъ выгонять ихъ. Гдѣ же это видано, чтобы люди сами себя выселили?

Нѣтъ! «Сокращать,—какъ говорилъ г. Коковцовъ,—нечего, сокращать вообще чрезвычайно трудно... И не въ большихъ сокращеніяхъ заключается сущность поддержанія нашего финансоваго порядка, а въ томъ, чтобы удержаться отъ новыхъ расходовъ».

Но и этого нельзя,—не удержишься... По объясненію самого г. Коковцова «въ теченіе трехъ лѣтъ (1904—1906 гг.) мы должны были, подъ вліяніемъ военныхъ невзгодъ и внутренняго неустройства, сжимать наши расходы. Рядъ потребностей остался неудовлетвореннымъ». Трещины нужно замазывать, крышу нужно чинить, фундаментъ нужно поддерживать... Да и аппетитъ «жильцы» имѣютъ. Всѣ требуютъ... При составленіи проекта росписи на нынѣшній годъ «требованія вѣдомствъ» были урѣзаны болѣе, чѣмъ на 233 мил. руб. Однако, и за всѣмъ тѣмъ общій итогъ обыкновенныхъ расходовъ пришлось увеличить, по сравненію съ предыдущимъ годомъ, на 160 милл. руб. Урѣзывать при составленіи росписи на 1910 годъ будетъ, повидимому, еще труднѣе. И не только потому, что рядъ, хотя и заявленныхъ, но неудовлетворенныхъ потребностей остался опять отъ прошлыхъ лѣтъ... Какъ сообщалось въ газетахъ, военное и морское вѣдомства, сильнѣе другихъ урѣзанныя въ своихъ требованіяхъ въ прошломъ году, съумѣли, повидимому, себя обезопасить отъ этой непріятности на

---

*) См. гл. «Оскудѣвающая семья» въ кн. «Въ темную ночь».

будущее время. Для этого, вѣдь, нужно было только истолковать соотвѣтствующимъ образомъ 96 ст. основныхъ законовъ, — и это, какъ пишутъ, уже сдѣлано. Какъ она истолкована въ этотъ послѣдній разъ въ точности еще неизвѣстно, но, повидимому, ни Совѣтъ министровъ, ни законодательныя палаты сдерживать потребности этихъ вѣдомствъ будутъ не вправѣ...

Будемъ балансировать!—только и можетъ въ такихъ условіяхъ твердить министръ финансовъ... Съ своей стороны онъ готовъ, какъ мы уже знаемъ, дѣлать это со спокойной улыбкой: ничего нѣтъ легче!.. Ну а если что нибудь произойдетъ,—и помимо него виновниковъ много...

Винить министра финансовъ, дѣйствительно, не приходится. Даже гр. Витте готовъ «преклониться передъ его заслугами»: «онъ если ничего особеннаго и не создалъ, то во всякомъ случаѣ сохранилъ то, что получилъ».

И въ самомъ дѣлѣ: оставаясь въ сферѣ финансовъ и тѣмъ болѣе въ рамкахъ нынѣшней финансовой системы, едва ли можно что нибудь сдѣлать. А выйти изъ этихъ рамокъ, сдѣлать «рискованный шагъ», облегчить налоговое бремя народа, воспользоваться другимъ «способомъ леченія финансоваго недуга» — «нѣтъ надобности». А безъ «надобности»—безъ тѣхъ, напримѣръ, обстоятельствъ, какія были въ 1905 году,—такіе шаги не дѣлаются.

Нѣтъ, министръ финансовъ не виноватъ... Кромѣ гр. Витте можно сослаться въ этомъ случаѣ на оффиціозную «Россію».

Что касается бюджетнаго рыболовства,—писала какъ-то это газета,—то въ этомъ отношеніи нынѣшній министръ финансовъ съ полнымъ правомъ заявляетъ и продолжаетъ заявлять, что у него все въ порядкѣ. Вытканная гр. Витте сѣть вполнѣ приноровлена къ ловлѣ мелкой русской рыбёшки, и самая ловля организована такъ, что бюджетная сѣть перекидывается черезъ всю ширину русской экономической жизни. Не менѣе 25—30 процентовъ всей проходящей рыбы навѣрняка вылавливается нашею бюджетною сѣтью. Въ ней есть, конечно, кое-какія прорѣшки, но ихъ министръ финансовъ чинитъ и впредь будетъ чинить *).

Если хотите, то «министръ финансовъ можетъ вамъ поручиться, что онъ въ состояніи вылавливать не 25—30 процентовъ народнаго дохода, а по любому заказу—вплоть до послѣдней рыбёшки»... Если же рыбы въ морѣ мало, то это ужъ не его вина...

Какъ видите, дѣйствительно, оставаясь въ своей роли и въ своей сферѣ, министръ финансовъ сдѣлать ничего не въ состояніи.

Но, можетъ быть, можно найти опору въ другой сферѣ? Хорошо бы, вѣдь, было, напримѣръ, поднять экономическій уровень и на немъ обосновать финансы. «Россія» это и совѣтуетъ сдѣлать,—совѣтуетъ, выражаясь своимъ фигуральнымъ языкомъ, не только о финансовомъ рыболовствѣ думать, но и народно-хозяйственнымъ рыбоводствомъ заняться.

---

*) Цитирую по „Рѣчи“, отъ 3 марта.

Вы должны,—пишетъ она,—отпустить съ миромъ рыболова—и возбудить вопросъ о рыбоводствѣ. Вотъ о чемъ надо кричать съ крышъ! Но министръ финансовъ тутъ совсѣмъ не причемъ. Повѣрьте, онъ будетъ только благодарить Создателя, если рыба пойдетъ хотя бы плотной стѣной. И будьте спокойны, сѣтей его она не прорветъ!

При гр. Витте, въ бытность его министромъ финансовъ, потому и шли дѣла хорошо, что онъ занимался и тѣмъ и другимъ: и рыболовствомъ и рыбоводствомъ. Дѣйствительно, — прибавимъ отъ себя,—гр. Витте много щукъ въ россійскомъ морѣ развелъ. Поэтому, между прочимъ, въ немъ такъ мало и осталось мелкой рыбёшки, для уловленія которой приспособлены русскія финансовыя сѣти.

Какъ бы то ни было, картина рыбы, идущей плотной стѣной, и министра финансовъ, захватывающаго въ любомъ количествѣ ее въ сѣти, столь соблазнительна, что не знающіе какъ быть хозяева въ одинъ голосъ твердятъ: займемся, займемся рыбоводствомъ! Съ вожделѣніемъ они мечтаютъ объ экономическомъ преуспѣяніи. Сколько не умѣщающихся въ прописяхъ истинъ по этому случаю ими уже открыто! Сколько благихъ пожеланій высказано!

Хорошо бы вотъ интенсивность сельскаго хозяйства поднять! въ частности сельско-хозяйственное винокуреніе и животноводство развить! Промышленности вотъ тоже нужно свободу дать! и труду и капиталу! Кредитъ необходимо упорядочить и, въ частности, мелкій кредитъ развить!.. Я взялъ лишь нѣкоторыя изъ «пожеланій» Государственнаго Совѣта, а если обратиться къ думскимъ отчетамъ, то въ пожеланіяхъ прямо потеряться можно...

Но дальше «пожеланій» дѣло не идетъ и, очевидно, пойти не можетъ.

Мнѣ кажется,- замѣтилъ гр. Витте по поводу „лихорадки пожеланій", наблюдаемой въ русскихъ палатахъ,—что это выражаетъ собою ничто иное, какъ „парламентарную импотенцію". Только тогда, когда существуетъ парламентарная импотенція, тогда парламентъ прибѣгаетъ къ тому, что все выражаетъ пожеланія, пожеланія и пожеланія, т. е. иначе говоря: я, молъ, дѣйствовать не умѣю или не хочу, или боюсь, а потому лучше всего я буду пожелать, пожелать и пожелать...

«Развѣ Думѣ и Государственному Совѣту—спрашивалъ тотъ же гр. Витте—не дано право дѣйствовать?» Ну и дѣйствуйте... «Между тѣмъ, что касается дѣйствій, реальной практической работы, то покуда мы еще особыхъ результатовъ не видимъ, а пожеланій—безконечная пропасть».

Ехидный вопросъ, обращенный по адресу русскихъ палатъ: дано или не дано имъ право?—мы сейчасъ оставимъ. Насъ интересуютъ въ настоящій разъ не права русскаго «парламента», а что могутъ сдѣлать всѣ «хозяева», какъ я ихъ для краткости назвалъ, въ совокупности. И вотъ приходится сказать, — ничего они сдѣлать не въ состояніи.

Для примѣра возьмемъ два изъ высказанныхъ ими пожеланій: большое и маленькое. Надъ осуществленіемъ того и другого до учрежденія палатъ уже работала бюрократія,—и потерпѣла фіаско.

Хорошо было бы оживить промышленность... Надъ этимъ работалъ самъ гр. Витте и достигъ, казалось, великолѣпныхъ результатовъ: «небывалаго процвѣтанія промышленности». Чѣмъ однако оно кончилось? Хроническимъ кризисомъ, который продолжается уже десять лѣтъ и конца которому не видно. Теперь и гр. Витте пришелъ къ убѣжденію, что для промышленнаго преуспѣянія у насъ нѣтъ подходящихъ условій. Много причинъ этому мѣшаетъ, но гр. Витте указалъ одну,—и ея достаточно.

Въ чемъ остановка?—говорилъ онъ.—Вотъ въ чемъ будетъ остановка. Вѣдь надо разрѣшить, чтобы дать ходъ этому дѣлу, извѣстнаго рода свободу, чтобы все проходило не черезъ Совѣтъ министровъ и не черезъ министерства, а явочнымъ порядкомъ. Вѣдь другого способа для свободнаго развитія промышленности не существуетъ. А этого правительство не могло сдѣлать и вы теперь не допустите... А разъ вы не имѣете порядка явочнаго, вы ровно ничего въ смыслѣ торгово-промышленной свободы не сдѣлаете, потому что вездѣ въ мірѣ, вездѣ въ свѣтѣ существуетъ явочный порядокъ.

«Я по совѣсти долженъ сказать,—прибавилъ гр. Витте,—что и я на это теперь, можетъ быть, не рѣшился». Не въ палатахъ, стало быть, только дѣло...

Хорошо бы вотъ мелкій кредитъ учредить... Чего, казалось бы, легче? Давно уже высказывается это пожеланіе,—и никто противъ него не споритъ. Хорошо—сказалъ и теперь министръ финансовъ:—вотъ сообразимъ и обдумаемъ, что-нибудь сдѣлаемъ, изъ сберегательныхъ кассъ на этотъ предметъ, можетъ быть, что-нибудь удѣлимъ... Таковъ былъ смыслъ его довольно пространнаго отвѣта Но для того, чтобы въ такой странѣ, какъ Россія, поставить дѣло мелкаго кредита, какъ слѣдуетъ, нужно, вѣдь, по меньшей мѣрѣ отдать весь милліардъ, стянутый сберегательными кассами. Даже и отдавать не придется: онъ самъ туда уйдетъ, какъ только для мелкаго кредита будетъ открыта дорога. Но развѣ нынѣшніе хозяева могутъ отдать этотъ милліардъ? захотятъ допустить, чтобы онъ ушелъ? Мы уже видѣли, что ни въ коемъ случаѣ...

Такъ же дѣло обстоитъ и со всякимъ другимъ «пожеланіемъ», осуществленіе котораго можетъ сколько-нибудь замѣтно повліять на экономическую жизнь въ благопріятную сторону. Импотентны въ этомъ отношеніи не «палаты» только,—импотентенъ весь строй: сдѣлать то, что нужно, нынѣшніе хозяева, выражаясь словами «приказчика русскаго самодержавія», «или не могутъ, или не хотятъ, или боятся»...

А, Пѣшехоновъ.

Новыя книги.

Пѣснь Пѣсней Соломона. Переводъ съ древне-еврейскаго и примѣчанія А. Эфроса. Книгоиздательство «Пантеонъ». Спб. 1909. Стр. 270. Ц. 2 р.

Заслуга этого изданія въ томъ, что оно переводитъ вѣковѣчное литературное произведеніе изъ міра почетной неизвѣстности въ область обиходной литературы, изъ почитаемаго дѣлаетъ читаемое. Конечно, «Пѣснь Пѣсней» не совершенно въ сторонѣ отъ интеллигентнаго обывателя; вспоминаютъ о ней, пожалуй, чаще, чѣмъ о нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Ветхаго Завѣта, но все-таки достаточно рѣдко, и, конечно, въ тѣхъ кругахъ, къ которымъ обращено новое изданіе, просто нѣтъ вниманія, нѣтъ вкуса къ литературной сторонѣ священныхъ книгъ; скорѣе интересуетъ религіозный элементъ и, между прочимъ, оттого ближе Новый Завѣтъ. Но взять Библію и почитать просто, не какъ книгу, а какъ книгу, безконечно интересную и поучительную,—этого у насъ нѣтъ. Не мало, вѣрно, найдется и такихъ, которые, купивъ Пѣснь Пѣсней въ новомъ изданіи, впервые узнаютъ о ней.

Ихъ соблазнитъ та роскошная оболочка, въ которой на этотъ разъ предложена русскому читателю великая поэма любви. Книга напечатана красиво, украшенія ея со вкусомъ заимствованы изъ старинныхъ еврейскихъ манускриптовъ, текстъ поэмы окруженъ соотвѣтственными предисловіями, приложеніями и примѣчаніями. Есть вступительная статья г. Розанова, есть хрестоматія критическихъ отзывовъ, есть ноты синагогальнаго напѣва, есть антологія поэтическихъ перепѣвовъ Пѣсни Пѣсней, есть библіографія. Когда ближе присматриваешься къ этому роскошному литературному угощенію, то остаешься не удовлетвореннымъ — чего - то недостаетъ книгѣ, чего-то въ ней слишкомъ много. Какого-то шестого чувства нѣтъ у составителя, который въ передачѣ библейской рѣчи употребляетъ слово «паркъ»,—и прекрасная книга какъ будто забрызгана чернильными кляксами. Напримѣръ, довольно много, а для роскошнаго изданія непростительно много, опечатокъ, которыя въ этомъ приподнято эстетическомъ антуражѣ дѣйствуютъ раздражающе; заграницей, затративъ столько труда и средствъ на красивую книгу, хоть десять корректуръ продержали бы, а ужъ добились бы безукоризненнаго текста; здѣсь какъ будто передъ самымъ концомъ дѣло надоѣло и на него махнули рукой. Опечатки, конечно, ничтожная мелочь, но на нихъ похожи всѣ промахи книги. Есть въ ней что-то невыносимо случайное—и въ подборѣ

матеріала, и въ библіографіи, и въ антологіи, и въ томъ, что г. Розановъ называетъ глупою статью проф. Олесницкаго, тутъ же рядомъ напечатанную, полагаемъ, въ качествѣ предмета не для ругательствъ, а для размышленія. Воспоминанія самого составителя о карамазовщинѣ и смердяковщинѣ по поводу Пѣсни Пѣсней не только безпричинны и случайны, но въ качествѣ критическаго пріема—и глубоко безтактны: низведенная въ міръ сопоставленій съ куплетами Смердякова, профанированная и ошельмованная, Пѣсня Пѣсней теряетъ ароматъ не только религіозный—объ этомъ мы не судимъ—но и поэтическій. Можно коллекціонировать бабочекъ, но надо это дѣлать очень умѣло: слишкомъ легко стереть пеструю пыль съ ихъ крылышекъ. Лучше всего рисуетъ отсутствіе внутренняго стиля въ изданіи та стихотворная хрестоматія, которую составитель нашелъ удобнымъ включить въ книгу. Напомнить о томъ, что Пушкинъ и Державинъ пытались усвоить русской литературѣ библейскія красоты Пѣсни Пѣсней, конечно, вполнѣ умѣстно; пожалуй, можно ввести Мея и Фета въ этотъ пантеонъ избранныхъ; можно понизить требованія, можно дойти до современности, можно принять Фофанова и Брюсова, но версификація гг. Зарина и Яффе, Гитина и С. Соловьева, право, могла быть увѣковѣчена гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Но за всѣмъ этимъ изданіе остается интереснымъ и поучительнымъ. Переводъ сдѣланъ все-таки любовно и внимательно; статья г. Розанова заключаетъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній—напр. о преобладаніи въ поэмѣ обонятельныхъ образовъ и эпитетовъ; критика случайна, но все таки сообщаетъ многое, чего мы раньше не знали; библіографія даетъ достаточно матеріала тому, кто захотѣлъ бы знать больше. И, наконецъ, самая мысль представить библейскую поэму въ этой обстановкѣ, направить ее къ этому новому широкому кругу читателей такъ удачна, что за нее можно только поблагодарить составителя. Издательство обѣщаетъ еще «Экклезіастъ» съ предисловіемъ Леонида Андреева; намъ представлялись бы болѣе подходящими менѣе извѣстныя части Библіи и болѣе исторически настроенные авторы сопроводительныхъ статей. Благоуханная «Руѳь», столь нѣжная, романтично-идиллическая и величаво-спокойная, могла бы въ столь же роскошной рамкѣ явиться какъ бы достойнымъ противоположеніемъ страстной пылкости «Пѣсни Пѣсней».

В. Розановъ, Итальянскія впечатлѣнія. Спб. MCMIX. Стр. VIII+318. Ц. 1 р. 50 к.

«Въ Европу можно ѣхать съ пустымъ сердцемъ: тогда въ ней ничего не увидишь»—совершенно справедливо замѣчаетъ въ своемъ предисловіи г. Розановъ. Есть однако болѣе почетный, но не многимъ болѣе продуктивный, способъ знакомиться съ Европой: по-

ѣхать въ нее съ мыслью, столь заполненной своимъ, готовымъ, съ взглядомъ, столь несклоннымъ видѣть, что тоже ничего не увидишь. Такъ поѣхалъ г. Розановъ. Отъ путешествія умнаго человѣка получилась интересная книга: есть яркія картинки, есть тонкія замѣчанія, есть обычная, характерная для Розанова, убѣдительная и не доказательная лирика. Но, кажется, нѣтъ среди книгъ г. Розанова болѣе характерной для его слабыхъ сторонъ, чѣмъ эти непритязательныя впечатлѣнія. Странная книга, въ которой поученія стремятся опереться на впечатлѣнія и этимъ самымъ всякій разъ показываютъ, что автору не нужны никакія впечатлѣнія, что, разъ имъ овладѣла какая-нибудь мысль, онъ подгонитъ къ ней всякія впечатлѣнія. Да у него и нѣтъ внѣшнихъ впечатлѣній: у него есть только внутреннія событія; онъ способенъ мѣняться, онъ прошелъ на нашихъ глазахъ довольно сложный и интересный путь, но по истинѣ импрессіонистомъ его можно назвать только въ теоретическихъ воззрѣніяхъ; здѣсь онъ бываетъ чутокъ, здѣсь онъ тонко схватываетъ оттѣнки, но внѣшняя жизнь не врывается въ переходы его взглядовъ, чтобы подѣйствовать на нихъ. Онъ образованъ, но вся всемірная исторія для него не стройная система, въ которой нашли мѣсто всѣ ея факты, а какая-то груда, изъ которой онъ выхватилъ одно, другое, третье, объединилъ въ стройную, пеструю, красивую и неустойчивую постройку, а остальное отбросилъ, забылъ, игнорируетъ до такой степени, что слѣдящему за пируэтами его воззрѣній остается только пожать плечами.

Съ этой—иногда, пожалуй, и очень цѣнной — способностью не видѣть, думать, не видя, и попросту выдумывать, поѣхалъ г. Розановъ видѣть Европу.

«Корсетовъ въ Берлинѣ совершенно никто не носитъ и появляются они почему-то (но не у всѣхъ) только въ южной Германіи. Нѣтъ и корсетныхъ магазиновъ и мастерскихъ. Конечно, нѣмки никакъ не уступятъ въ скромности русскимъ: здѣсь такъ одѣваются оттого, что психологія и немножко бытъ улицы есть тоже психологія и отчасти бытъ дома. Не этимъ ли духомъ и чувствомъ, что улица есть „домашнее" для всѣхъ мѣсто, „свое" и „родное" для каждаго, объяснить то поразившее меня за границей явленіе, что здѣсь вовсе нѣтъ уличной проституціи: явленіе до того странное для русскаго, что онъ никакъ не умѣетъ справиться съ впечатлѣніемъ».

Какая напрасная борьба съ впечатлѣніями, для которыхъ—это знаетъ всякій, бывшій въ Берлинѣ — нѣтъ никакого, рѣшительно никакого матеріальнаго субстрата. Корсеты въ Берлинѣ носятъ совершенно такъ же, какъ у насъ, корсетныхъ мастерскихъ и магазиновъ сколько угодно, улица — напримѣръ Фридрихштрасе подлѣ центральнаго вокзала, куда пріѣзжаютъ изъ Россіи,—подъ вечеръ полна продажныхъ женщинъ, быть можетъ, лишь чуточку менѣе очевидныхъ, чѣмъ наши невскія несчастныя. «Если принять во

вниманіе,—прибавляетъ г. Розановъ—что дома терпимости запрещены въ Берлинѣ и ихъ, конечно, нѣтъ, ибо полиція тамъ всемогуща, зорка и неподкупна, то, очевидно, что и въ Петербургѣ или Москвѣ, не говоря уже о губернскихъ нашихъ городахъ, „это дѣло" можетъ быть устроено какъ-то, обходясь и безъ таковыхъ оффиціально покровительствуемыхъ (конечно!) пансіоновъ и безъ засоренія развратомъ улицъ. На половину или на треть эта добропорядочность нравовъ достигнута введеніемъ всюду на Западѣ (и въ католическихъ странахъ) института гражданскаго брака, который устранивъ знаменитыя „препятствія къ браку" благочестивыхъ старцевъ, удвоилъ число семей, т. е. добропорядочно живущихъ людей».

Г. Розановъ принадлежитъ у насъ къ числу защитниковъ гражданскаго брака; его голосъ авторитетно раздается въ тѣхъ кругахъ, куда не доносятся заявленія писателей иного, не традиціоннаго, свободнаго міровоззрѣнія, и это заслуга г. Розанова; но, право, ничего, кромѣ вреда, нельзя принести хорошему дѣлу, если защищать его такими пустыми, гнилыми, сочиненными доводами. «Добропорядочность нравовъ на Западѣ?» — съ полнымъ правомъ скажетъ, и, можетъ быть, уже сказалъ г. Розанову какой-нибудь Скворцовъ—полноте, почтеннѣйшій Василій Васильевичъ, кого вы морочите? Если у васъ есть какія-нибудь данныя, чтобы утверждать, что на Западѣ развратъ менѣе широкъ, наглъ и открытъ, чѣмъ у насъ, то сообщите намъ ихъ; но предъ лицомъ громаднаго все-европейскаго распутства, предъ лицомъ скандальныхъ процессовъ, ночныхъ кафе, кабачковъ съ женской прислугой, подозрительныхъ театриковъ и т. п., не выводите же «добропорядочности нравовъ на Западѣ» изъ того, что въ Пруссіи (и только въ Пруссіи) публичные дома запрещены и продающаяся женщина вынуждена находить другіе способы предлагать себя покупателю.

Такими эпизодами кишитъ книга г. Розанова. Онъ задаетъ вопросы, которыхъ нѣтъ, и глубокомысленно, подчасъ и остроумно отвѣчаетъ на нихъ: но вопросовъ все-таки нѣтъ. Есть анекдотъ о неизвѣстномъ любителѣ истины, который какъ-то запросилъ лондонскую академію наукъ о томъ, почему акваріумъ съ рыбками вѣситъ столько же, сколько тотъ же самый акваріумъ безъ рыбокъ. Долго ломали себѣ головы ученые академики, предлагая тѣ и иныя рѣшенія сложной проблемы, пока кто-то не предложилъ предварительно взвѣсить акваріумъ; оказалось, что безъ рыбокъ онъ вѣситъ — какъ и слѣдовало ожидать — меньше, и ровно настолько, сколько вѣсятъ рыбки. Что же, кромѣ этого анекдота, можетъ придти въ голову при такихъ, напримѣръ, вопросахъ и отвѣтахъ г. Розанова: «Отчего солнце не гаснетъ? Вѣдь оно уже сотворено (по ученымъ) милліоны вѣковъ назадъ, да и вообще очень давно сотворено. Кругомъ атмосфера—ледяная, до 200° мороза (между-звѣздная). Ну, какъ въ милліонъ лѣтъ не остынуть, не выхолодѣть, не

выгорѣть?! Невозможно, никакой гипотезой нельзя объяснить и никакой объемъ матеріала не выстоитъ». *Никакой гипотезой* — это значитъ научной; г. Розановъ — какъ и всѣ его склада и его толка — пріемлетъ науку, когда ему хочется, и забываетъ о ней, когда удобно. Сочинивъ фактъ — ибо солнце остываетъ — г. Розановъ предлагаетъ свою гипотезу, которая, конечно, трепетала въ немъ раньше факта: «Ты, читатель, также теплъ сейчасъ, какъ когда и родился, и я въ 48 лѣтъ имѣю ту же температуру въ 37°, какъ и мой двухъ-лѣтній сынъ и полугодовалая дочь. Мы не стынемъ. Только живое не стынетъ, его законъ — отъ начала и до конца сохранять ту же температуру... Въ то же время я вѣчно лучеиспускаю изъ себя теплоту, теряю и не теряю ее. Это есть полная и вмѣстѣ это есть единственная параллель живому теплу солнца, живому, читатель,—это замѣтьте!».

Фантомы и фантомы. Въ примѣръ свободнаго безбрачія — параллельно идейному безбрачію католическаго духовенства — г. Розановъ приводитъ нашу армію, которая «не жената (почти не жената), едва-ли особенно плачась на это»; онъ сообщаетъ, что «никакой реставраторъ не осмѣлится притронуться кистью къ картинѣ Рафаэля, хотя бы окончательно гибнущей», что Наполеонъ во время битвы «никогда не вынималъ сабли изъ ноженъ» (даже на Аркольскомъ мосту?), что «алкоголь и виноградный сокъ несовмѣстимы» и такъ далѣе. Сѣлъ онъ *въ десять часовъ вечера* въ римскомъ кафэ, видитъ, что газетчики выкрикиваютъ «Tribuna» и «Patria», но никто газетъ не покупаетъ—и сейчасъ же заключаетъ: «чтеніе газетъ здѣсь, очевидно, не развито, потому что иначе хотя бы кто-нибудь купилъ, рѣшительно ни одинъ человѣкъ не купилъ, не читалъ». Не проще ли было обойтись безъ столь широкаго вывода, рѣшивъ, что въ 10 часовъ вечера газетъ никто не читаетъ, и не уподобляясь тому знаменитому путешественнику, который, пріѣхавъ въ незнакомую страну и увидавъ на пограничной станціи рыжую буфетчицу, вынулъ записную книжку и записалъ: «Въ этой странѣ всѣ женщины рыжія». Удивительно, какъ міръ дѣйствительный скрытъ предъ г. Розановымъ міромъ, имъ созданнымъ. Съ той же легкостью, съ какой онъ, филологъ по образованію, пишетъ на имъ самимъ сочиненномъ жаргонѣ: «il templo Vesta», «fratre ignote», «di rege Frederico Barbarussa», «uno, cafe, camerero», «Missalum», и т. д., онъ называетъ мюнхенскій соборъ «Duomo» и сообщаетъ о томъ, что Шиллеръ написалъ «юноша изъ Саиса» или «Покрывало Изиды». Все въ неточности, все въ неясности, все въ ирраціональномъ: въ этомъ главный источникъ вдохновенія г. Розанова. Часто это раздражаетъ, часто хочется забыть объ этомъ и кой о чемъ другомъ, что еще хуже; потому что въ концѣ концовъ все-таки г. Розановъ не напрасно ѣздилъ въ Европу. Онъ поѣхалъ, уже высоко цѣня ее, и на мѣстѣ впиталъ новое уваженіе къ ней, къ ея силѣ, къ ея

мысли, къ ея «святымъ могиламъ», къ ея творчеству. «Мнѣ хотѣлось — говоритъ онъ — взглянуть на Европу, какъ на мѣсто чудовищной исторической энергіи, гдѣ отложились слои великаго труда, подвиговъ, замысловъ, генія, надеждъ и разочарованій». Онъ несъ съ собой при этомъ не только вѣру въ Россію, но и слезы надъ нею, и сознаніе, что «русская культура просто раздавлена, какъ яйцо въ рукахъ самодура-силача». Цѣлый рядъ страницъ въ книгѣ г. Розанова, посвященныхъ этой параллели или просто изображающихъ его интенсивные художественные и культурные восторги на европейскомъ западѣ, увлекаютъ и искупаютъ то множество сумбурныхъ домысловъ, которыми какъ кляксами испещрена его книга. Укажемъ для примѣра мѣста о свободной творческой и плодотворной дисциплинѣ католицизма, о нѣжныхъ и ласкающихъ сторонахъ ветхозавѣтнаго Бога, о печальной характерности того простого факта, что Пушкинъ не видалъ Европы, о неспособности христіанскаго міра подойти къ вопросу знанія и къ вопросу голода. «Онъ просто ихъ игнорируетъ, или отвѣчаетъ на вопросъ о знаніи: „не знайте", а на вопросъ о голодѣ: „потерпите". Но это—не рѣшеніе, и особенно не рѣшеніе въ нравственномъ смыслѣ. Въ нравственной-то сторонѣ дѣла и скрыта сущность вещей, ибо какъ очевидно съ одной стороны, что тихость и миръ и благоволеніе и истина у тружениковъ науки, а не у Шатобріана съ пасторомъ Штеккеромъ, такъ очевидно, что опять же нравственный и здоровый моментъ содержится въ разговорѣ двухъ бѣдныхъ мальчиковъ съ Невы и Тибра о стоимости хлѣба, а не въ способѣ причастія его эминенціи. Такимъ образомъ здоровье, сила и истина выскользнули изъ христіанскаго міра и незамѣтно переползли въ другіе лагери».

Хотѣлось бы спросить у г. Розанова, въ какомъ лагерѣ онъ чувствуетъ себя, сидя въ «Новомъ Времени», — но что его спрашивать? Онъ, какъ Лойола, котораго онъ цитируетъ,—и, конечно, съ опечаткой — можетъ только отвѣтить: «sim ut sum, aut non sim»—и, пожалуй, будетъ правъ. Пусть ходитъ по двумъ стезямъ, кому это на роду написано.

По вѣхамъ. Сборникъ статей объ интеллигенціи и „національномъ лицѣ". Съ предисловіемъ Ф. Мускатблита. М. 1909. Стр. 174. Ц. 1 р.

По заглавію этой книжки читатель можетъ, пожалуй, подумать, что она имѣетъ какое либо отношеніе къ нашумѣвшему сборнику «Вѣхи», заключая въ себѣ дальнѣйшее развитіе высказанныхъ въ немъ идей или же, наоборотъ, полемику съ ними. Въ дѣйствительности однако въ составленной г. Мускатблитомъ книжкѣ нѣтъ ни того, ни другого, и заглавіе, данное ей составителемъ, является лишь своеобразнымъ плодомъ издательской изобрѣтательности. Названная книжка представляетъ собою ничто иное, какъ перепе

чатку ряда статей, посвященныхъ петербургскими и московскими газетами спору о «національномъ лицѣ», поднятому гг. Струве, В. Голубевымъ и Владиміромъ Ж. послѣ разыгравшагося минувшей зимой пресловутаго чириковскаго инцидента. Г. Мускатблитъ включилъ въ свою книжку статьи только что перечисленныхъ писателей, присоединилъ сюда же, безъ особаго порядка и послѣдовательности, рядъ статей ихъ газетныхъ оппонентовъ и такимъ образомъ получился «сборникъ статей объ интеллигенціи и національномъ лицѣ». Нѣкоторыя изъ этихъ статей и въ моментъ первоначальнаго своего появленія въ печати не представляли особаго интереса, другія, наоборотъ, въ то время имѣли извѣстный интересъ, благодаря ли правильности указанной авторами ихъ общей точки зрѣнія или благодаря остроумію и мѣткости содержавшихся въ нихъ отдѣльныхъ замѣчаній, но всѣ онѣ безъ изъятія являлись во всякомъ случаѣ лишь спѣшными газетными откликами на злобу дня. Собранные вмѣстѣ, эти отклики представляютъ большое разнообразіе мнѣній, переходящее даже, пожалуй, въ крикливую пестроту, но изъ этихъ разнообразныхъ мнѣній ни одно не изложено съ надлежащей полнотой, ни одно не развито съ достаточной послѣдовательностью и яркостью. Конечно, отъ бѣглыхъ и отрывочныхъ газетныхъ статей, предназначенныхъ служить лишь потребности текущаго дня, нельзя было бы и требовать черезчуръ многаго въ этомъ смыслѣ, но именно поэтому мысль г. Мускатблита дать читателю сборникъ такихъ статей нельзя признать особенно удачной, если только имѣть въ виду интересы читателя, а не шансы успѣха издательской спекуляціи. Что касается предпосланнаго сборнику г. Мускатблитомъ предисловія, то въ этомъ послѣднемъ несравненно больше развязности, чѣмъ литературныхъ достоинствъ. Нѣкоторую развязность проявилъ издатель и при назначеніи цѣны своей книжки: за одиннадцать печатныхъ листовъ небольшого формата онъ желаетъ получить съ читателя рубль. Эта цѣна, пожалуй, черезчуръ велика даже при наличности заманчиваго заглавія.

Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола. Подъ редакціей Владимира Бончъ-Бруевича. Выпускъ первый. Баптисты, бѣгуны, духоборцы, Л. Толстой о скопчествѣ, павловцы, поморцы, старообрядцы, скопцы, штундисты. СПБ. 1908. Стр. XII+314. Ц. 2 р. Выпускъ второй. Животная Книга духоборцевъ. СПБ. 1909. Стр. XL.+327. Ц. 2 р.

В. Д. Бончъ-Бруевичъ поставилъ себѣ большую и почтенную задачу—опубликовать рядъ остававшихся до сихъ поръ въ рукописяхъ матеріаловъ, освѣщающихъ исторію и современный бытъ раскола и сектантства. «Мы имѣемъ въ виду—такъ поясняетъ онъ эту задачу въ предисловіи къ первому выпуску своихъ «Матеріаловъ»—постепенно опубликовывать произведенія приверженцевъ различныхъ общественно-религіозныхъ ученій, которыхъ обыкно-

венно принято называть «сектантами» и «раскольниками», а также наблюденія и изслѣдованія стороннихъ лицъ, имѣвшихъ возможность изучать интересующую насъ среду». «Ясно сознавая значеніе широкаго сектантскаго движенія въ общемъ оборотѣ жизни русскаго народа, мы—говоритъ г. Бончъ-Бруевичъ въ томъ же предисловіи—считаемъ необходимымъ, прежде чѣмъ сдѣлать опредѣленные выводы, довести до всеобщаго свѣдѣнія тѣ многочисленные рукописные матеріалы, которые накопились въ различныхъ общественныхъ и частныхъ библіотекахъ, въ архивахъ частныхъ лицъ, сектантскихъ общинъ и т. п. мѣстахъ. Мы думаемъ, что опубликованіе всего этого матеріала является первой необходимой ступенью въ дѣлѣ серьезнаго изученія интересующаго насъ вопроса» (VI).

Программа изданія, выставленная г. Бончъ-Бруевичемъ, страдаетъ, пожалуй, нѣкоторой неопредѣленностью и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезмѣрной широтой, но первые шаги, сдѣланные имъ къ осуществленію этой программы въ первыхъ двухъ выпускахъ его «Матеріаловъ», дали во всякомъ случаѣ много цѣннаго. Оба эти выпуска заключаютъ въ себѣ чрезвычайно много любопытнаго и оба они должны войти въ число необходимыхъ пособій для всякаго, кто интересуется изученіемъ русскаго раскола и, еще болѣе того, русскаго сектантства. Правда, въ смыслѣ редакціи первый выпускъ «Матеріаловъ» нельзя признать вполнѣ удачнымъ. Содержаніе его до чрезвычайности разнообразно, чтобы не сказать—пестро. На ряду съ воспоминаніями нѣкоторыхъ баптистовъ, штундистовъ и духоборцевъ объ ихъ жизни и о перенесенныхъ ими гоненіяхъ, на ряду съ нѣсколькими документами, освѣщающими жизнь духоборскихъ общинъ въ Канадѣ, здѣсь помѣщены и два письма Л. Н. Толстого о скопчествѣ, и «посланіе ко всѣмъ скопцамъ», принадлежащее, какъ не безъ основаній догадывается редакторъ изданія, вождю скопчества въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX столѣтія, Кондратію Селиванову, и оффиціальные документы XVII вѣка объ увѣщаніи раскольниковъ, и сообщенные В. И. Срезневскимъ бѣгунскіе стихи, и сообщенные тѣмъ же ученымъ литературные памятники, имѣющіе отношеніе къ первоначальной исторіи поморскаго согласія. Всѣ эти матеріалы въ отдѣльности представляютъ большій или меньшій интересъ, но связи между ними въ сущности нѣтъ никакой и, если бы все изданіе велось по такой системѣ или, точнѣе говоря, при такомъ отсутствіи системы въ подборѣ матеріала, оно, конечно, очень скоро приняло бы крайне безформенный характеръ.

Однако уже второй выпускъ «Матеріаловъ» г. Бончъ-Бруевича изданъ по другому плану. Этотъ выпускъ весь цѣликомъ посвященъ ученію духоборцевъ и содержитъ въ себѣ т. н. «Животную Книгу духоборцевъ», состоящую изъ различныхъ псалмовъ, сказаній, стишковъ, молитвъ и привѣтствій. Опубликованіемъ этого лю-

бопытнаго памятника, до послѣдняго времени въ полномъ своемъ видѣ сохранявшагося лишь въ устной передачѣ духоборовъ и впервые полностью записаннаго отъ нихъ въ Канадѣ самимъ г. Бончъ-Бруевичемъ, послѣдній оказалъ въ высшей степени цѣнную услугу дѣлу изученія одной изъ наиболѣе интересныхъ русскихъ сектъ. «Животная Книга» даетъ своему читателю ключъ къ пониманію многихъ сторонъ жизни и міровоззрѣнія духоборцевъ. Наиболѣе интересны въ этомъ отношеніи входящіе въ ея составъ т. н. «вопросы и отвѣты» или, иначе, «оборонительные псалмы», получившіе свое второе названіе благодаря тому, что ими духоборцы «оборонялись» въ Россіи при всякихъ допросахъ, распросахъ и разговорахъ съ представителями русской власти и духовенства. Въ этихъ «вопросахъ и отвѣтахъ» изложены и духоборческое вѣроученіе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и отношеніе духоборцевъ къ окружающему міру, въ томъ числѣ отчасти и общественно-политическіе взгляды ихъ, и, наконецъ, основы повседневной жизни духоборцевъ. Нѣсколько менѣе важны, но во всякомъ случаѣ очень интересны и остальные духоборческіе псалмы, входящіе въ «Животную Книгу». При печатаніи г. Бончъ-Бруевичъ подраздѣлилъ ихъ на девять группъ: 1) догматическіе, 2) о загробной жизни и о будущемъ судѣ, 3) обличительные, 4) поучительные, 5) просительные, 6) благодарственные, 7) хвалебные, 8) на евангельскія событія и 9) разные. Самъ г. Бончъ-Бруевичъ оговаривается однако, что «эта классификація псалмовъ искусственна» и установлена имъ лишь «для удобства разработки матеріала», тогда какъ сами духоборцы раздѣляютъ псалмы, кромѣ вопросоотвѣтныхъ, только на праздничные, просительные и похоронные. Быть можетъ, правильнѣе было бы сохранить эту послѣднюю классификацію, такъ какъ установленная г. Бончъ-Бруевичемъ, не давая особенныхъ удобствъ, въ то же время является не только произвольной, но и не вполнѣ выдержанной даже у него самого. За то въ другомъ случаѣ г. Бончъ-Бруевичъ поступилъ бы, пожалуй, правильнѣе, еслибы отступилъ отъ передачи духоборовъ и не помѣщалъ въ своемъ изданіи отдѣльно, въ качествѣ самостоятельныхъ псалмовъ, мелкихъ отрывковъ и варіантовъ изъ большихъ псалмовъ. Но эти маленькіе недостатки редакціи, если здѣсь и можно употребить такой терминъ, во всякомъ случаѣ совершенно утрачиваютъ свое значеніе въ сравненіи съ общимъ интересомъ опубликованнаго памятника сектантскаго творчества и громадной редакціонной работой, выполненной надъ этимъ памятникомъ гг. Бончъ-Бруевичемъ и Срезневскимъ. Остается только пожелать, чтобы начатое ими съ такою энергіей дѣло обнародованія новыхъ матеріаловъ, освѣщающихъ жизнь русскаго раскола и сектантства, велось и дальше съ такою же энергіей.

Дѣло о погромѣ въ Бѣлостокѣ 1—3 іюня 1906 г. Обвинительный актъ, судебное слѣдствіе и рѣчи повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ. Изданіе второе. СПБ. 1909. Стр. 118. Ц. 75 к.

Эта небольшая книжка воспроизводитъ передъ глазами читателя одну изъ наиболѣе печальныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе поучительныхъ страницъ нашей новѣйшей исторіи, какъ нельзя болѣе ярко обрисовываетъ условія и причины возникновенія въ современной дѣйствительности такихъ явленій, какъ еврейскіе погромы. Погромъ, разразившійся въ Бѣлостокѣ въ первыхъ числахъ іюня 1906 г., разыгрался въ общемъ по тому же самому плану, какъ и всѣ остальные еврейскіе погромы послѣднихъ лѣтъ. Отличіе бѣлостокскихъ событій заключалось въ данномъ случаѣ лишь въ ихъ крайне кровавомъ характерѣ и въ чрезвычайной обнаженности пружинъ, двигавшихъ погромную организацію, и именно это послѣднее обстоятельство выдвинуло бѣлостокскій погромъ изъ ряда подобныхъ ему фактовъ, придавъ ему особое значеніе. Въ свое время этотъ погромъ привлекъ къ себѣ напряженное вниманіе первой Государственной Думы и вызвалъ въ ней страстныя и полныя негодованія рѣчи. Черезъ два года послѣ самаго погрома, 26 мая—8 іюня 1908 г., дѣло о немъ дошло до суда и, какъ ни старательно былъ составленъ обвинительный актъ, возлагавшій вину за еврейскій погромъ въ сущности на самихъ евреевъ, какъ ни узки были рамки судебнаго слѣдствія, какъ ни ограничивалъ предсѣдатель суда свободу слова повѣренныхъ потерпѣвшихъ отъ погрома евреевъ, явившихся на судѣ гражданскими истцами, дѣйствительный характеръ погрома и создавшихъ его силъ усиліями этихъ повѣренныхъ былъ раскрытъ съ полною ясностью, не оставившей мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Выясненіе этого результата судебнаго процесса и составляетъ задачу настоящей книжки, заключающей въ себѣ обвинительный актъ по дѣлу о бѣлостокскомъ погромѣ, сводку данныхъ судебнаго слѣдствія и рѣчи повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, присяжныхъ повѣренныхъ: Вейсмана, Скарятина и Гиллерсона. Какъ извѣстно, въ рѣчахъ двухъ послѣднихъ изъ этихъ адвокатовъ властями впослѣдствіи усмотрѣно было нарушеніе нормальныхъ границъ свободы адвокатскаго слова и такимъ образомъ дѣло о бѣлостокскомъ погромѣ дало поводъ къ возбужденію новаго судебнаго процесса, въ которомъ скамью подсудимыхъ должны будутъ занять адвокаты. Въ разбираемой книжкѣ инкриминированныя мѣста въ рѣчахъ гг. Скарятина и Гиллерсона «по независящимъ отъ издательства обстоятельствамъ» исключены. Тѣмъ не менѣе первое ея изданіе тотчасъ же по выходѣ его въ свѣтъ было задержано цензурой и только въ мартѣ текущаго года было освобождено отъ ареста. Настоящее второе изданіе перепечатано безъ всякихъ перемѣнъ съ перваго.

И. Гранатъ. Къ вопросу объ обезземеленьи крестьянства въ Англіи. Москва. 1908.

По Марксу, огромное большинство населенія Англіи вплоть до конца XV ст. состояло изъ свободныхъ крестьянъ, имѣвшихъ собственныя хозяйства; крестьянство представляло собой однородный классъ, среди котораго еще не успѣлъ выдѣлиться пролетаріатъ, продающій свою рабочую силу. Послѣднее произошло только въ XVI вѣкѣ, въ эпоху захвата землевладѣльцами общинныхъ земель и превращенія ихъ въ пастбища, въ эпоху перехода къ капиталистическому хозяйству. Эта теорія Маркса уже давно вызывала сомнѣнія. Изслѣдованія П. Г. Виноградова и Мейтленда показали, что въ каждомъ средневѣковомъ селѣ уже существовало многочисленное малоземельное населеніе, которое вынуждено было жить продажей своей рабочей силы, что уже съ XI ст. въ англійской деревнѣ имѣются работодатели и рабочіе. Точно также тотъ ростъ безземельнаго населенія, который произошелъ подъ вліяніемъ расширенія овцеводства и уничтоженія общинныхъ земель въ XVI ст., новѣйшіе изслѣдователи (А. Савинъ, Гасбахъ, Эшли) перестали разсматривать какъ результатъ насильственной экспропріаціи крестьянскаго населенія, а объясняли тѣмъ, что лорды безъ нарушенія закона имѣли право вернуть себѣ находившуюся въ рукахъ копигольдеровъ землю, тѣмъ, что обычное право сложилось неблагопріятно для большинства крестьянъ и недостаточно ихъ обезпечивало.

Гораздо дальше идетъ въ этомъ направленіи авторъ новаго изслѣдованія, г. Гранатъ. Не ограничиваясь поправками къ господствующей теоріи, онъ совершенно отвергаетъ ее и рисуетъ совсѣмъ иную картину аграрнаго развитія Англіи. Прежде всего, на основаніи правительственнаго кадастра эпохи Эдуарда I и многочисленныхъ частныхъ ренталей отдѣльныхъ вотчинъ XII—XIV ст., онъ приходитъ къ тому выводу, что третья часть несвободнаго крестьянства представляла собой малоземельное населеніе, имѣвшее не болѣе 4—5 акровъ и, слѣдовательно, вынужденное выносить на рынокъ свою рабочую силу. Трудомъ этихъ безнадѣльныхъ крестьянъ пользовались тѣ группы крестьянскаго населенія, которыя имѣли крупные надѣлы и которыя вынуждены были нанимать рабочихъ въ помощь своей семьѣ, какъ объ этомъ многократно упоминается въ источникахъ. Такимъ образомъ, взглядъ, высказанный проф. П. Г. Виноградовымъ и Мейтлендомъ, оказывается вполнѣ правильнымъ. Послѣ изслѣдованія г. И. Граната фактъ наличности зажиточнаго крестьянства въ средневѣковой Англіи, съ одной стороны, и многочисленныхъ безземельныхъ батраковъ, съ другой стороны, можетъ считаться прочно установленнымъ. Это явленіе того же рода, какое подмѣчено въ послѣднее время въ отношеніи средневѣковыхъ городовъ и цеховъ; какъ выяснили Эйленбургъ, проф. Кулишеръ (см. Лекціи по исторіи экономич. быта) и др., средне-

вѣковые города обнаруживали чрезвычайное неравенство въ распредѣленіи имущества; это видно изъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ для различныхъ городовъ; въ частности уже весьма рано, не позже XIV ст., возникъ классъ подмастерьевъ-рабочихъ, которые никогда не достигали самостоятельнаго положенія цехового мастера.

Г. Гранатъ переходитъ, далѣе, къ вопросу о томъ, когда же началось то обезлюденіе деревень, на которое раздаются жалобы въ XVI вѣкѣ и которое приводятъ въ связь съ уничтоженіемъ общинныхъ земель и переходомъ къ овцеводству. Оказывается, что оно началось гораздо раньше, происходило уже съ XIV вѣка и, несомнѣнно, находилось въ связи съ развитіемъ городской промышленности. Ростъ промышленности привлекалъ въ города безземельное населеніе изъ деревень. Не смотря на всѣ усилія не только лендлордовъ, но и богатаго крестьянства, нуждавшагося въ батракахъ, воспрепятствовать уходу крестьянскаго населенія въ города, такой отливъ совершался въ значительныхъ размѣрахъ. Доходъ ремесленника—авторъ даетъ подробныя вычисленія—стоялъ не ниже выручки полнонадѣльнаго двора въ 30 акровъ и во всякомъ случаѣ былъ гораздо больше того, что приносило жалкое хозяйство коттера (безнадѣльнаго крестьянина).

Такимъ образомъ отливъ населенія изъ деревень въ города, вызвавъ сокращеніе малоземельнаго крестьянства, обозначалъ прогрессъ въ благосостояніи англійскаго населенія. Но въ то же время создавшійся вслѣдствіе этого земельный просторъ не пошелъ на пользу малообезпеченнымъ слоямъ деревни; освободившіяся земли, однако, не сосредоточились и въ немногихъ рукахъ, а вызвали усиленіе зажиточнаго крестьянства, образованіе обширнаго предпринимательскаго класса въ деревнѣ, появленіе многочисленныхъ хозяйствъ средняго типа. Эти крестьянскія хозяйства и занимаются прежде всего разведеніемъ овецъ, какъ болѣе выгоднымъ, по сравненію съ хлѣбопашествомъ, промысломъ, а поэтому и стараются выдѣлиться изъ общины и превратить свои земли въ отдѣльные огороженные участки; по той же причинѣ они не нуждаются болѣе въ трудѣ коттеровъ—одинъ пастухъ замѣняетъ теперь цѣлый рядъ батраковъ.

Такимъ образомъ авторъ утверждаетъ, что огораживанія земель и переходъ къ овцеводству, отчего страдали коттеры, производились не только лордами, какъ это полагали до сихъ поръ, но также (по мнѣнію г. Граната, даже прежде всего) зажиточными крестьянами. Эта поправка во всякомъ случаѣ весьма существенна. Наконецъ, постепенное превращеніе англійскихъ крестьянъ въ фермеровъ, которое происходитъ уже въ XVI, въ особенности же въ XVII ст., г. Гранатъ объясняетъ, какъ послѣдствіе того, что фермерство приносило большую прибыль, чѣмъ земельная собственность; новый порядокъ поэтому не является чѣмъ-либо насиль-

ственно созданнымъ, а, дѣйствительно, при данныхъ условіяхъ болѣе отвѣчалъ интересамъ большинства трудового населенія.

Уже изъ приведенныхъ положеній автора видно, что книга его представляетъ значительный научный интересъ. Она является результатомъ основательнаго изученія первоисточниковъ, написана сплошь на основаніи анализа фактическаго матеріала, который тутъ же сообщается читателю, и выводы ея отличаются широтой и оригинальностью. Конечно, не со всѣми положеніями автора можно согласиться. Такъ, напр., фактъ многочисленности безземельнаго населенія въ средніе вѣка г. Гранатъ объясняетъ господствомъ минората въ англійской деревнѣ, при которомъ остальные сыновья не получали надѣла, а институтъ минората являлся, по его мнѣнію, въ свою очередь послѣдствіемъ того, что тяжелая англійская почва требовала много рабочаго скота; поэтому живой инвентарь двора не могъ дѣлиться и вмѣстѣ съ землей переходилъ въ полномъ составѣ къ одному сыну. Объясненіе это является весьма любопытнымъ, но все же его нельзя не признать искусственнымъ. Авторъ долженъ былъ бы объяснить, почему въ другихъ странахъ миноратъ встрѣчается лишь въ видѣ исключенія, въ какой связи съ характеромъ почвы онъ стоитъ тамъ, гдѣ мы его находимъ и т. д. Точно также авторъ, вводя цѣнныя поправки къ теоріи т. наз. легальной экспропріаціи, согласно которой копигольдеры лишались своей земли, такъ какъ не имѣли юридическаго титула на нее, все же напрасно отвергаетъ ее цѣликомъ, безъ нея многое все-таки остается непонятнымъ.

Но даже и тѣ взгляды г. Граната, которые не могутъ считаться вполнѣ обоснованными, цѣнны, такъ какъ они вызываютъ новый пересмотръ установившихся теорій. Книга его заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны всѣхъ интересующихся аграрной исторіей Англіи.

Рудольфъ Гольцапфель. Пандеалъ. Психологія соціальныхъ чувствъ. Съ предисловіемъ Эрнста Маха. Переводъ съ нѣмецк. съ біографическимъ введеніемъ Владиміра Астрова. Спб. 1909. Стр. XLIX+232. Ц. 1 р. 50 к.

Книга эта имѣетъ одно несомнѣнное достоинство: ея авторъ, безспорно, глубоко пережилъ ея содержаніе, а такъ какъ, къ тому же, онъ не лишенъ способности къ самонаблюденію, то онъ и далъ намъ книгу, въ которой читатель можетъ найти отзвукъ собственной душѣ. Однако къ этому нужно прибавить и то, что книга эта обладаетъ такими крупными недостатками, которые далеко не окупаются ея достоинствами.

Книга Гольцапфеля разбита на слѣдующіе отдѣлы: «Одиночество», «Тоска», «Надежда», «Молитва», «Борьба», «Совѣсть», «Искусство», «Міры», «Идеалъ» и «Послѣсловіе». Она изложена въ формѣ отдѣльныхъ «мыслей» и сообразно съ этимъ раздѣлена

на маленькіе параграфы, иногда величиной всего въ 2—3 строки. Всего въ книгѣ, имѣющей 232 стр., мы находимъ 1077 параграфовъ.

Такова внѣшняя характеристика книги. По своему содержанію она является анализомъ тѣхъ чувствъ и настроеній, которыми была переполнена душа автора и которыя, повидимому, постоянно владѣютъ имъ. Чувство одиночества въ этомъ бурлящемъ мірѣ, въ которомъ каждый такъ занятъ самимъ собой, что у него нѣтъ ни желанія, ни времени глубоко заглянуть въ души окружающихъ его людей,—и (какъ слѣдствіе этого чувства одиночества) чувство тоски, даже «всетоски», какъ выражается авторъ, «тоски по всему и вся»,—вотъ лейтъ-мотивъ «Панидеала». И «надежда», и «молитва», и все прочее содержаніе книги являются просто логическими слѣдствіями «всетоски» «одиночества».

Мы начали нашъ разборъ указаніемъ на то, что книга Гольцапфеля обладаетъ извѣстнымъ достоинствомъ и что читатель можетъ найти въ ней отзвукъ собственной души. Въ попыткѣ человѣка, несомнѣнно, глубоко страдающаго «всетоской» «одиночества», въ попыткѣ такого человѣка анализировать свою душу, въ нашемъ архидѣловомъ XX вѣкѣ, въ которомъ запросы даннаго мгновенія, заботы объ удовлетвореніи текущихъ потребностей властно наполняютъ души всѣхъ людей,—въ этой попыткѣ и заключается единственное достоинство разбираемой нами книги. Но для того, чтобы подобная попытка привела къ дѣйствительно цѣннымъ результатамъ, нужно, чтобы авторъ умѣлъ глубоко проникнуть въ свою душу и дать намъ живое и ясное изображеніе своихъ переживаній. Для идеальнаго выполненія подобной работы нужно, чтобы авторъ обладалъ тонкимъ аналитическимъ умомъ и художественнымъ талантомъ; а Гольцапфель не обладаетъ ни тѣмъ, ни другимъ По своему построенію «Панидеалъ» напоминаетъ «Мысли» Паскаля, тоже страдавшаго космической «всетоской», но какимъ жалкимъ недоноскомъ покажется онъ всякому, который захотѣлъ бы сравнить его съ этой трогательной работой Паскаля!

Живя въ Цюрихѣ и будучи лично знакомъ съ Авенаріусомъ, авторъ подпалъ подъ вліяніе этого сильнаго ума, но, къ сожалѣнію, отъ Авенаріуса онъ усвоилъ главнымъ образомъ лишь тяжелую манеру изложенія своихъ идей. То, что у Авенаріуса, въ его книгѣ, посвященной теоріи познанія, являлось лишь нѣкоторымъ *чисто внѣшнимъ* недостаткомъ (Вильямъ Джемсъ сказалъ, что книга Авенаріуса написана «почти умышленно темно»), то въ книгѣ Гольцапфеля, въ книгѣ, которая должна была изобразить «всетоску» «одиночества», является уже недостаткомъ весьма существеннымъ. Вотъ, напр., какъ нашъ авторъ изображаетъ процессъ «изолированія» индивида:

«*Первая стадія*: индивидуумъ X. живетъ «соціально связанный»

съ индивидуумами УУ. одинаковой съ ними resp. сходной величины развитія».

Вторая и третья стадіи: X. развивается дальше, а именно больше (по размѣрамъ и сложности), чѣмъ УУ. Выгоды, доставляемыя общеніемъ: «пониманія», «сопониманія», «сочувствія», «соборьбы» тѣмъ болѣе и быстрѣе пропадаютъ, чѣмъ дальше и быстрѣе растетъ различіе въ развитіи: важнѣйшая составная часть индивидуума X., *комплексъ его большаго развитія*, «изолирована» и можетъ повлечь за собой «изоляцію» также и другихъ составныхъ частей «я» у X-а».

* * *

«Если УУ. никогда не могутъ достигнуть новой величины развитія X-а, то и соотвѣтствующая изоляція X-а неустранима; ее не можетъ прекратить даже возможно большій ростъ развитія УУ, хотя онъ и можетъ ее смягчить».

* * *

«Непріятныя чувства постоянной и временной *изоляціи вслѣдствіе превосходства* могутъ быть смягчены resp. устранены: привычкой къ общенію, положительно альтруистическими чувствами, преимущественно, однако, «стремленіемъ УУ. достичь высоты X-а», потому что послѣднее содержитъ, по крайней мѣрѣ, минимальное пониманіе и, слѣдовательно, дѣлаетъ не совершенно безплоднымъ «стараніе X-а поднять УУ. на свою собственную высоту». Кромѣ того это «стремленіе» УУ. часто исключаетъ «насмѣшку» и «издѣвательство», или же ведетъ къ явному ихъ опроверженію resp. уничтоженію».

Таково дословно содержаніе §§ 51—53 книги Гольцапфеля (во всѣхъ дальнѣйшихъ цитатахъ будутъ указаны не страницы, а §§).

Всякій, знакомый съ Авенаріусомъ, сейчасъ-же замѣтитъ, что здѣсь повторено изложеніе «постановки и устраненія жизнеразностей». Но у Авенаріуса подобное изложеніе имѣло смыслъ, а здѣсь, спрашивается, что, кромѣ скуки, вынесетъ читатель изъ этого псевдо-ученаго изображенія того общеизвѣстнаго факта, что, если въ извѣстномъ кружкѣ людей одинъ какой-либо членъ кружка въ своемъ развитіи значительно опередитъ другихъ, то между нимъ и остальными членами кружка «пониманіе» и «сопониманіе» ослабѣютъ, при чемъ эти «пониманія» и «сопониманія» могутъ возстановиться лишь по мѣрѣ того, какъ и другіе члены возвысятся до уровня опередившаго ихъ товарища!?

Очевидно, здѣсь авторъ намъ не далъ ни психологическаго анализа, ни художественнаго изображенія. Онъ далъ одну сухую, схоластическую формулу... *А подобными мѣстами переполнена вся книга.*

Вотъ напр. § 402 повѣдаетъ намъ слѣдующее важное открытіе: «Борющійся можетъ употреблять либо «имъ самимъ созданныя», либо «усвоенныя» средства борьбы: оружія». Таково, повторяемъ,

содержаніе *всего* § 402! А § 261 *цѣликомъ* таковъ: «Власть можетъ обусловливаться преимущественно внѣшними средствами, напр. деньгами, орудіемъ, войскомъ, или же собственнымъ физическимъ или психическимъ развитіемъ: денежная власть, царская, атлетическая, художественная, пророческая, философская власть и т. д.». И не думайте, что это лишь предисловіе къ анализу отдѣльныхъ видовъ «власти», нѣтъ, это—параграфъ самодовлѣющій. Въ слѣдующемъ 262 § мы уже узнаемъ, что «отрицательное условіе «всякой власти» есть *свобода власти*, т. е., безпрепятственность въ осуществленіи намѣреваемыхъ измѣненій общенія». А еще въ слѣдующемъ (§ 263) сообщается, что «мыслимо-величайшая власть есть всемогущество», а въ § 264 сообщается, что по всемогуществу «могутъ тосковать» и т. д.,—однимъ словомъ, далѣе идетъ цѣлый рядъ никому ненужныхъ §§ съ чисто схоластическими упражненіями.

Приведемъ еще одинъ примѣръ. Вотъ какъ начинаетъ авторъ главу, посвященную «Тоскѣ»:

«108. «Тоска» есть «желаніе», связанное чувствомъ временной или вѣчной «недостижимости» желаемаго».

«109. Къ желанію, связанному съ чувствомъ «временной» недостижимости, могутъ присоединяться чувства болѣе или менѣе увѣренной надежды на болѣе или менѣе далекое будущее».

«110. Эти чувства надежды смягчаютъ непріятность «тоски» и предохраняютъ напряженіе «желанія» отъ слишкомъ быстраго утомленія, resp. превращаютъ его въ хотѣнье».

«111. Къ тоскѣ, связанной съ чувствомъ «вѣчной» недостижимости, до тѣхъ поръ не можетъ присоединиться никакое облегчающее чувство надежды, пока «твердое знаніе» вѣчной ея недостижимости не превращается въ простую вѣроятность».

«112. Такимъ образомъ мы получаемъ два понятія тоски: a) отчасти безнадежная тоска, b) совершенно безнадежная тоска».

Согласитесь, что чтеніе подобныхъ упражненій можетъ вызвать не только «отчасти безнадежную» тоску, но даже и тоску «совершенно безнадежную»!

Книга Гольцапфеля производитъ впечатлѣніе черновыхъ замѣтокъ, въ которыхъ авторъ самъ для себя намѣчалъ пункты, которые нужно изложить, намѣчалъ сухо, схематически, безъ всякаго развитія. Это впечатлѣніе черновыхъ замѣтокъ еще болѣе усиливается при чтеніи лучшихъ мѣстъ его книги, такихъ мѣстъ, гдѣ авторъ даетъ не общеизвѣстные труизмы, а нѣкоторыя интересныя соображенія. Такъ, напр. § 274 гласитъ: «тоска по полной всесвободѣ обыкновенно обусловливается желаніемъ абсолютной оригинальности, новизны и единственности собственнаго творчества». Согласитесь, что если бы у автора хватило таланта развить мысль о «тоскѣ» по «единственности собственнаго творчества», то мы получили бы нѣсколько весьма интересныхъ страницъ. Но у автора на это не

хватило таланта, благодаря чему мы получили лишь какую-то выписку изъ черновыхъ замѣтокъ...

Впечатлѣніе отъ книги Гольцапфеля значительно ухудшается еще благодаря переводчику. И это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, переводчикъ плохо владѣетъ русскимъ языкомъ. Переводчикъ, напр., не знаетъ, что слово «тоска» не употребляется по-русски во множественномъ числѣ; онъ пишетъ: «условія возникновенія *тосокъ* и надеждъ» (§ 258) и далѣе: «*тоски* и надежды» (§ 259). Затѣмъ мы встрѣчаемъ такія выраженія, какъ «борьбенная сила» (§ 401, въ подлинникѣ «Kampfeskraft»), или: «убійство есть безборьбенное смертоносное варіированіе» (§ 397, въ подлинникѣ: «Der Mordist ein Kampfloses todbringendes Variieren»). Соединенными усиліями автора и переводчика создаются такіе перлы, какъ § 847, гласящій: «Согласно принципу совершенно константной эксклудаціи природы художественному выбору доступна всегда лишь частичная инклудація типическихъ моментовъ».

Но плохимъ знаніемъ русскаго языка не ограничиваются погрѣшности переводчика. Весьма непріятно дѣйствуетъ его чрезмѣрное благоговѣніе передъ авторомъ, благоговѣніе, которое онъ не сумѣлъ обосновать въ своемъ обширномъ предисловіи, написанномъ къ этому, сравнительно небольшому труду (232 стр. разгонистаго текста) начинающаго автора (насколько намъ извѣстно, кромѣ «Панидеала», Гольцапфель написалъ лишь одну небольшую статейку въ «Archiv für systematische Philos»).

Единственно цѣннымъ въ этомъ предисловіи являются фактическія данныя изъ біографіи Гольцапфеля. Однако они сообщаются въ томъ приподнятомъ тонѣ, въ какомъ пишутся житія святыхъ или повѣствованія о сказочныхъ герояхъ. Но такъ какъ составитель предисловія лишенъ литературнаго таланта, то насъ и мало трогаетъ, напримѣръ, патетическое описаніе того, какъ жилъ Гольцапфель «точно пойманная птица, *біясь о клѣтку, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго гнета*» (стр. XXI). Такъ вычурно описываетъ г. Астровъ жизнь Гольцапфеля на Мысѣ Доброй Надежды, куда онъ уѣхалъ совершенно молодымъ человѣкомъ и гдѣ попалъ въ лапы эксплоататоровъ. И все предисловіе написано въ весьма приподнятомъ тонѣ. Напр., то обстоятельство, что юноша-Гольцапфель, учась въ Цюрихѣ, испытывалъ матеріальную нужду, сообщается въ такихъ выраженіяхъ, точно среди учащейся молодежи матеріальная нужда есть нѣчто неслыханное (къ тому же мы узнаемъ и то, что «друзья» выхлопотали Гольцапфелю «нѣсколько стипендій»).

Попытки составителя предисловія выяснить значеніе «Панидеала» тоже сводятся къ однѣмъ пышно-неуклюжимъ фразамъ, напримѣръ: «Было похоже на то, какъ если бы рыцарь великаго мечтательнаго средневѣковья очнулся бы вдругъ въ латахъ и съ тоской религіозныхъ порывовъ и увидѣлъ современную щемляще-

тяжелую и пошло-прозаическую жизнь людей» (стр. XXI). Такъ характеризуетъ г. Астровъ настроеніе Гольцапфеля.

А вотъ что онъ говоритъ о «Панидеалѣ»: «Панидеалъ изучаетъ душу человѣческую, проникаетъ въ затаеннѣйшія глубины ея и поднимается до высочайшихъ вершинъ ея возможныхъ будущихъ проявленій и необходимыхъ путей ея, чтобы найти совершеннѣйшія средства для совершеннѣйшаго ея измѣненія. Это строго научное и критическое проникновеніе въ пути и законы жизни и творчества, руководимое этической и художественной потребностью работы надъ настоящей, неудовлетворяющей жизнью, есть основанія и важнѣйшая черта Панидеала» (стр. XLIII).

Слова, слова и слова!

А вотъ какъ самъ авторъ опредѣляетъ понятіе «панидеала»: «Комплексъ, оцѣниваемый максимально положительно только въ одномъ отношеніи, можетъ быть названъ *частичнымъ идеаломъ*; такой, который оцѣнивается максимально положительно одновременно этически, эстетически и гигіопсихически resp. градуально въ различіяхъ гигіопсихически, можно назвать *полнымъ идеаломъ, панидеаломъ*» (§ 1052).

Скупенскій Г. На лазурномъ берегу. Сочи какъ курортъ. Наблюденія и впечатлѣнія врача. Москва. 1909. Ц. 30 к.

Артемій Филипповичъ Земляника увѣрялъ Хлестакова, что у него въ больницѣ больные «какъ мухи выздоравливаютъ». «Не успѣетъ войти въ госпиталь, какъ ужъ и здоровъ». Какъ извѣстно, Хлестаковы еще не перевелись на Святой Руси. Нѣтъ-нѣтъ, да вдругъ гдѣ-нибудь и появится «самозванецъ гражданскаго вѣдомства». Но удивительнѣй всего, что и Земляники у насъ еще существуютъ, подъ другимъ, конечно, обличіемъ...

Какъ больной, входившій въ госпиталь Земляники, сейчасъ же выздоравливалъ, такъ и больной, пріѣзжающій въ Сочи, по «наблюденіямъ и впечатлѣніямъ» д-ра Скупенскаго имѣетъ всѣ шансы на выздоровленіе. «Стоитъ только путешественнику, говоритъ онъ, сойти съ парохода на Сочинскій берегъ, какъ онъ сразу увидитъ, что попалъ въ какую-то особенную субтропическую страну, какой-то оазисъ, выкроенный изъ острововъ Южной Японіи или Новой Южной Гвинеи и Богъ вѣдаетъ какими судьбами занесенный въ страну умѣреннаго пояса. Первое, что поразитъ (его), это особенная мягкость воздуха: дышится непривычно легко и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется, что въ легкія вливается какой-то удивительно пріятный, бодрящій и веселящій нектаръ; не смотря на роскошныя картины, развертывающіяся передъ вашими глазами, вы долго не можете отвести вниманія отъ своего дыханія». Таково начало. Не хуже, конечно, и продолженіе. Но мы не будемъ утомлять вниманіе читателя перечисленіемъ всѣхъ райскихъ прелестей,

ожидающихъ больного въ Сочи, въ этомъ «утопающемъ въ изумрудной зелени городкѣ», въ этомъ «лучшемъ уголкѣ не только Россіи, но и всего міра», «естественной здравницѣ, могущей дѣйствовать круглый годъ» и т. д., и т. д. Стоитъ-ли говорить, что въ сравненіи съ Сочи всякія тамъ Ялты, Ривьеры, Біаррицы и пр. положительно никуда не годятся?

Если мы взглянемъ на «краткій перечень болѣзней, успѣшно пользуемыхъ въ теченіе цѣлаго года въ Сочи», то окажется, что, за исключеніемъ глазныхъ и зубныхъ болѣзней, всѣ остальныя: и женскія, и нервныя, и желудочныя, и легочныя, и ревматическія и всякія другія всѣ «успѣшно пользуются». Ну, чѣмъ же это не рай, чѣмъ не госпиталь Артемія Филипповича Земляники? Только вотъ, если у васъ глаза или зубы заболятъ, такъ въ Сочи ихъ, пожалуй, успѣшно не используешь, но помните, что и вообще-то вѣдь такихъ спеціальныхъ глазныхъ или зубныхъ курортовъ нѣтъ на свѣтѣ. Ужъ тутъ Сочи не при чемъ. А все остальное въ Сочи можете вылѣчить и не дожидаясь, когда тамъ наступитъ «сезонъ», какъ въ другихъ курортахъ, а когда угодно, круглый годъ...

То-есть такъ досадно становится на русское ротозѣйство, прочитавъ книгу д-ра Скупенскаго: у себя, можно сказать, подъ носомъ не видимъ сокровища... А вонъ французы, тѣ не такъ. Они ужъ наше «сокровище» замѣтили. Президентъ центральнаго комитета французскаго географическаго общества Е. Мартель написалъ цѣлую книгу въ 360 стр. съ 425 иллюстраціями подъ названіемъ: «Русскій лазурный берегъ, Кавказская Ривьера». По свидѣтельству д-ра Скупенскаго этотъ Мартель ужъ очень хвалитъ наше Сочи и г. Скупенскій неустанно его цитируетъ. Не имѣя книги г. Мартеля, трудно провѣрить, *какъ* его цитируетъ д-ръ Скупенскій. Возможны тутъ нѣкоторыя... ну, недоразумѣнія что-ли. Цитируетъ. напр., д-ръ Скупенскій «Письма съ курортовъ» покойнаго проф, Гундобина («Врачебная Газета», 1908, № 43) и говоритъ, что Гундобинъ «указываетъ на Сочи, какъ на серьезнаго конкуррента Ялты, *которому суждено затмить эту послѣднюю*». Словъ, напечатанныхъ курсивомъ, у Гундобина нѣтъ, о конкурренціи онъ, дѣйствительно, говоритъ, но насчетъ «затменія» это уже д-ръ Скупенскій отъ себя вкладываетъ въ уста покойнаго профессора. Но интересно дальше, что дѣйствительно говорилъ Гундобинъ насчетъ Сочи. «Не столько мѣстность и климатъ, какъ особая, трудно объяснимая любовь къ этому городу бывшаго министерства земледѣлія дала ему всѣ шансы, чтобы сдѣлаться современемъ хорошей климатической станціей. Трудно объяснить, чѣмъ особенно понравился Сочи покойному намѣстнику Абазѣ, и почему такъ высоко цѣнитъ этотъ городъ министерство земледѣлія, удѣляя ему массу заботъ и денегъ?» Дальше онъ говоритъ о совершенномъ неудобствѣ морскихъ купаній, о слишкомъ влажномъ лѣтѣ, о неискоренимой на побережьѣ маляріи и—«будетъ ли удаченъ конечный результатъ

всѣхъ стараній министерства создать изъ Сочи первоклассную климато-лѣчебную станцію, я позволю себѣ усумниться». И заключеніе проф. Гундобинъ дѣлаетъ такое: «Посылать въ настоящее время больныхъ людей въ Сочи я лично никогда бы не рискнулъ».

На книжкѣ д-ра Скупенскаго, обильно украшенной очень хорошими фотографіями и стоящей 30 коп., не поставлено имя издателя. Надо думать, что это «частное изданіе».

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1909. ***Гербертъ Джорджъ Уэллсъ.*** Собраніе сочиненій. Т. VI. Ц. 1 р. 25 к. — ***В. Ропшинъ.*** Конь блѣдный. Ц. 50 к.— ***Сергѣй Рафаловичъ.*** На вѣсахъ справедливости. Ц. 1 р. 50 к.

Книг-во „Скорпіонъ". М. 1909. ***Валерій Брюсовъ.*** Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. Докладъ, прочитанный на торжественномъ засѣданіи О-ва любит. российск. слов., 27 апр. 1909 г. Ц. 40 к.

Книг-во. „Новый Голосъ". Спб. 1909. ***Е. Ловинскій.*** Итоги и перспективы рабочаго движенія на Западѣ и въ Россіи. Ц. 1 р. 60 к.

Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ. М. 1909. ***Исторія Россіи въ XIX в.*** В. 23. Ц. 1 р. 35 к.

Изд. Сытина. М. 1909. ***П. Коганъ.*** Очеркъ по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. I. Вып. 2-й. Ц. 80 к.

Книг.-во „Освобожденіе". Спб. 1909. 1. ***Леонидъ Андреевъ.*** Въ туманѣ. Ц. 10 к.—2. ***Ѳед. Сологубъ.*** Въ толпѣ. Ц. 10 к.—3. ***Леонидъ Андреевъ.*** Разсказъ о семи повѣшенныхъ. Ц. 10 к.—4. ***М. Арцыбашевъ.*** Сказка стараго прокурора. Ц. 10 к.— 5. ***Евг. Чириковъ.*** Въ отставку. Ц. 10 к.—7. ***Евг. Чириковъ.*** На порогѣ жизни. Ц. 10 к.—9—10. ***Леонидъ Андреевъ.*** Губернаторъ. Ц. 10 к.

Книг.-во „Міръ". Спб. 1909. ***Граса.*** Физіологическое введеніе въ изученіе философіи, съ предисл. А. Бенуа. Пер. съ фр. А. и И. Харитоновыхъ. Ц. 2 р. 50 к.

Книг.-во „Сфинксъ". М. 1909. ***Ел. Даутендэй.*** О новой женщинѣ и ея любви. Пер. съ нѣм. М. Кадишъ. Ц. 60 к.

Книг.-во „Польза". В. Антикв. и К°. М. 1909. ***А. А. Никитскій.*** Основы финансовой науки и политики. Съ пред. проф. И. Х. Озерова.—***В. И. Дунаевъ*** и ***А. А. Никитскій.*** Очерки науки о государствѣ. Со вступ. ст. проф. А. С. Ященко. Народный университетъ.

Изд. „Сотрудникъ". Кіевъ. 1909. ***К. Ѳ. Лебединцевъ.*** Курсъ алгебры. Ч. 1-я. Ц. 80 к.—***И. М. Кукулеско.*** Элементарный курсъ химіи. Ц. 80 к.— ***Д. Марголинъ.*** Студенческій справочникъ. Руководство для поступающихъ во всѣ высш. учебн. заведенія заграницей. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. Пироговскаго Т-ва. Кіевъ. 1909. ***Проф. Отто Шмейль.*** Человѣкъ и животныя. Пер. подъ ред. и съ дополн. проф. Ю. Н. Вагнера. Ц. 1 р.— ***Его-же.*** Человѣкъ. Ученіе о человѣкѣ и его здравіе. Пер. подъ ред. проф. В. Завьялова.

А. Нечаевъ, В. Зиленскій и ***А. Лебедевъ.*** Естественная исторія для ср. учебн. зав. и гор. училищъ. Ц. 1 р. 50 к.

Роб. Шельвинъ. Максъ Штирнеръ и Фридрихъ Ницше. Явленія современнаго духа и сущность человѣка. Пер. Н. Н. Вокачъ и И. А. Ильина. М. 1909. Ц. 50 к.

D-r Fernand Dubief. Le Régime

des Aliénés avec une préface du D-r Bajenoff. Paris. Prix 3 fr. 50 c.

V. Zagorsky. François Racki et la renaissance scientifique et politique de la Croatie (1828—1894) Paris.

Hermann Rosenthal. Spätherbstnebel Stuttgart.

Н. Н Соколовъ. Земство и выборы гласныхъ. Крестьянская библіотека. Спб. Ц. 10 к.

Н. И. Кохановскій. Землевладѣніе и земледѣліе въ Китаѣ. Владивостокъ. 1909. Ц. 1 р.

Д-ръ О. Франке. Земельныя правоотношенія въ Китаѣ. Пер. съ нѣм. подъ ред. съ прим. и дополн. Н И. Кохановскаго. Владивостокъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

В. Вартанянъ. Л. Н. Толстой и Леонидъ Андреевъ, какъ идеологи трудящихся классовъ. Баку. 1909. Ц. 20 к.

Элинора Глинъ. Три недѣли. Пер. В. Я. Протопопова. Спб. 1909. Ц. 1 р.

В. Ф. Трощанскій и ***Э. К. Пекарскій.*** 1. Якуты въ ихъ домашней обстановкѣ. Этнографич. очеркъ.—2. Изъ якутской старины. Старые писатели о якутахъ. Спб. 1909.

Изъ преданій о жизни якутовъ до встрѣчи ихъ съ русскими. Пер. Э. К. Пекарскій. Спб. 1909.

Прис. пов. ***А. Н. Вознесенскій, С. П. Ордынскій.*** Пом. пр. пов. ***Г. В. Домбровскій.*** Дѣйствующая часть уголовнаго уложенія высочайше утвержденная 20 марта 1903 г. М. 1909. Ц. 1 р.

С. О. Зигорскій. К. Марксъ, классики и кризисъ исторической школы въ Германіи. М. 1909.

Павелъ Левитовъ. На современныя темы. Екатеринославъ. 1909. Ц. 50 к.

П. С. Троицкій. Церковь и государство въ Россіи. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Изд.-во „Пантеонъ". Спб. 1909. Французскіе лирики XIX в. Пер. Валерія Брюсова. Ц. 2 р.

Н. Н. Горбуновъ-Посадовъ и ***Дурилинъ.*** Памяти Н. В. Гоголя. Библіотека свобод. воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Вып. XXVII. М. 1909. Ц. 25 к.

Д-ръ-мед. И. Блохъ. Половая жизнь нашего времени. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Mathias Kohan-Bernstein. Die Wiedernatürliche Unzucht. Leipzig. 1909.

Д-ръ Г. Веберъ. Пути къ продленію жизни. Пер. со 2-го изд. С. Р. Спб. Ц. 50 к.

Инж. И. М. Козминыхъ Ланинъ. Законъ 2-го іюня 1903 г. и вознагражденіе рабочихъ и служащихъ, потерп. отъ несчастн. случаевъ. М. 1909. Ц. 35 к.

Третья Государственная Дума. Сессія 2-я. Отчетъ фракціи народной свободы и рѣчи депутатовъ Спб. 1909. Ц. 35 к.

А. Червинскій. Учебникъ географіи. Европа. Рязань. Ц. 55 к.

Разсказы по русской исторіи. Общедоступная хрестоматія, составлена кружкомъ преподавательницъ подъ ред. С. П. Мельгунова и В. А. Петрушевскаго. Изд. Сытина. М. 1909. Ц. 1 р. 10 к.

В. И. Фроловъ. Забастовка бакинскихъ нефтепромышленныхъ рабочихъ въ 1908 г. Баку. 1909. Ц. 50 к.

Огни. Художественно-литературный сборникъ. М. 1909.

Атрпетъ. Мамедъ-Али-Шахъ. Современная Персія. Александрополь. 1909. Ц. 1 р.

П. Б. Шимановскій (агрономъ). Грядковая культура хлѣбовъ. Спб. 1909. Ц. 10 к.

Виленскій Временникъ. Книга II. Вильна. 1907.

П. Б. Моя юность. Повѣсть. Хабаровскъ. 1909.

Твори Ивана Котляревськаго. Київ. 1909. Ціна 80 к.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ М. Ц.—6 р.

Въ пользу б. шлиссельбуржцевъ: отъ Анюты и Гриши—50 р.

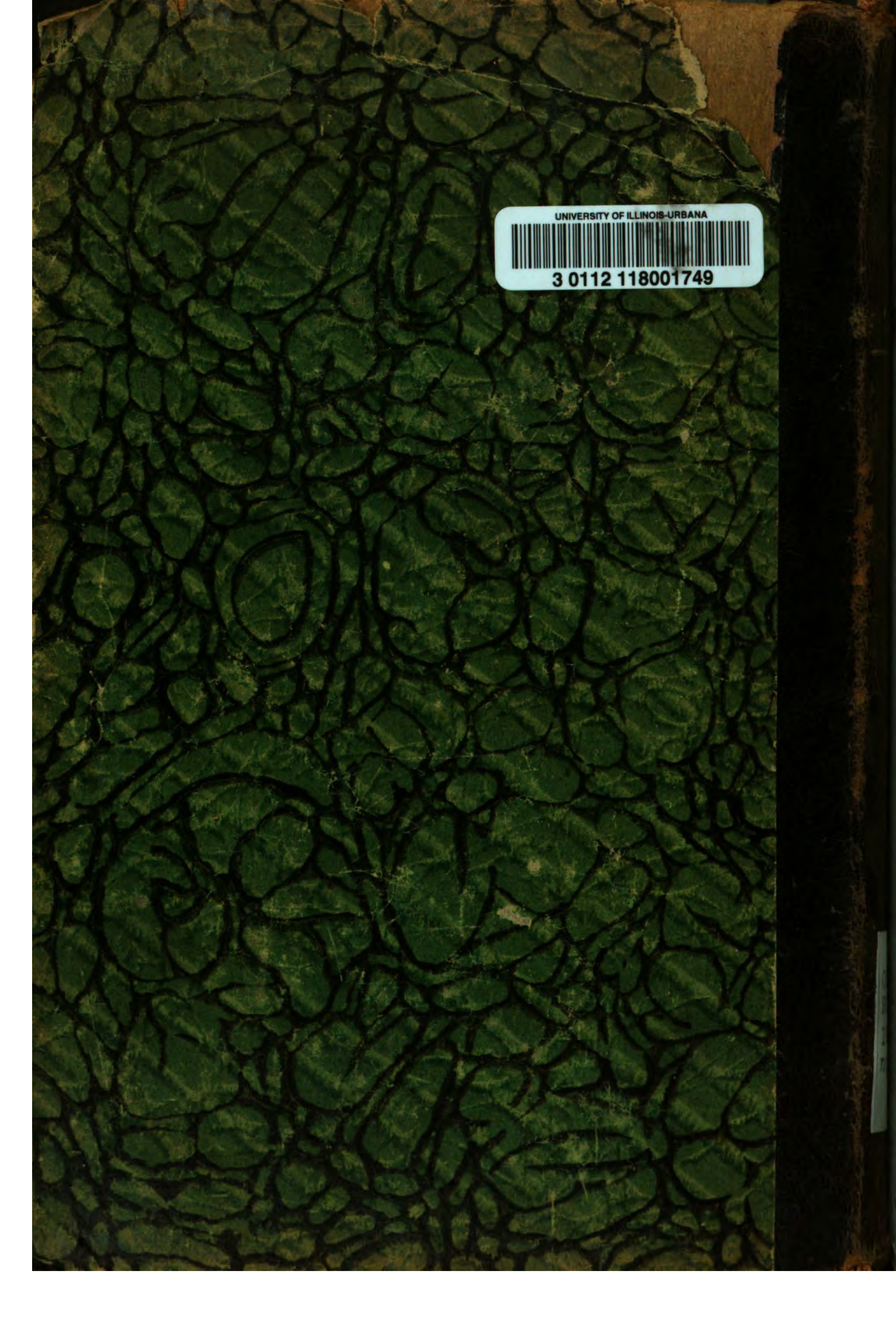
На покрытіе штрафа въ 1000 р., наложеннаго за № 4 „Русскаго Богатства": отъ почитательницы В. Г. Короленко—3 р.; отъ М. Т.—10 р.; отъ Д. И. Мелеги, изъ г. Сорокъ—5 р.; отъ А. Чумаченко—8 р.; отъ подписчика № 5750—1 р.; отъ К. Оберучева, изъ г. Винницы—3 р.; отъ Н. Весновскаго, изъ г. Костромы—1 р.; отъ Е. Глѣбова, изъ г. Акмолинска—1 р.; отъ А. Попова, изъ г. Липецка—1 р.; отъ Д. Волчкова, изъ г. Пензы—1 р.; отъ И. Мыщляева, изъ г. Казаха—2 р.; отъ Г. Сидорова, со ст. Березовской—50 к.; отъ В. Снѣжинскаго, изъ г. Винницы—3 р.; отъ П. Чеботарева, со ст. Константиновской—2 р.; отъ В. Васильева, со ст. Андріановки—5 р.; отъ Б. Дымскаго и другихъ, Чермозскій з.—4 р.; отъ П. Роддъ, изъ Екатеринослава—1 р.

Итого. . . . 51 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими . . . 119 р. 50 к.

Въ пользу пострадавшихъ депутатовъ 1 и 2 Госуд. Думы: отъ Ватагиныхъ—5 р.

Редакторъ-издатель *Вл. Короленко.*

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118001749